МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

Том 2

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНОГО
РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

В семи томах

Введение академика
Б. Н. ПОНОМАРЕВА

Издательство
«Мысль»

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

Том второй

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К ИМПЕРИАЛИЗМУ /1871–1904/

Москва
1976

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

В семи томах

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:

Б. Н. ПОНОМАРЕВ *председатель*
Т. Т. ТИМОФЕЕВ *заместитель председателя*
А. И. СОБОЛЕВ *заместитель председателя*
О. Т. БОГОМОЛОВ
В. В. ВОЛЬСКИЙ
А. А. ГАЛКИН
Ю. М. ГАРУШЯНЦ
Б. Г. ГАФУРОВ
Г. Г. ДИЛИГЕНСКИЙ
Е. М. ЖУКОВ
В. В. ЗАГЛАДИН
А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ
А. П. ПОРЫВАЕВ
С. С. САЛЫЧЕВ
М. И. СЛАДКОВСКИЙ
П. Н. ФЕДОСЕЕВ
С. С. ХРОМОВ
А. С. ЧЕРНЯЕВ
А. Н. ШЛЕПАКОВ
Я. Б. ШМЕРАЛЬ

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

Том второй

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. В. ЗАГЛАДИН *ответственный редактор*,
А. А. ГАЛКИН, Л. И. ГИНЦБЕРГ,
Н. А. КОВАЛЬСКИЙ, Н. Ф. КУЗЬМИН,
Т. Т. ТИМОФЕЕВ

9(М)32
М 43

РУКОВОДИТЕЛИ АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА:

В. В. ЗАГЛАДИН *профессор*

Т. Т. ТИМОФЕЕВ *член-корреспондент АН СССР*

ОСНОВНОЙ АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

Г. М. АРДАЕВ *канд. экон. наук*

М. В. БАГЛАЙ *докт. юрид. наук*

И. А. БАХ *докт. ист. наук*

А. Б. ВЕБЕР *канд. ист. наук*

А. А. ГАЛКИН *докт. ист. наук*

Л. И. ГИНЦБЕРГ *докт. ист. наук*

В. В. ЗАГЛАДИН *профессор*

Э. В. КЛОПОВ *канд. ист. наук*

Н. А. КОВАЛЬСКИЙ *докт. ист. наук*

Н. Ю. КОЛПИНСКИЙ *канд. ист. наук*

И. М. КРИВОГУЗ *докт. ист. наук*

Н. Ф. КУЗЬМИН *докт. ист. наук*

Л. Б. МОСКВИН *канд. ист. наук*

А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ *академик*

Ю. С. ОГАНИСЬЯН *канд. ист. наук*

А. Б. РЕЗНИКОВ *канд. ист. наук*

Б. Г. ТАРТАКОВСКИЙ *докт. ист. наук*

Т. Т. ТИМОФЕЕВ *член-корр. АН СССР*

Над отдельными главами работали:

И. В. ДАНИЛЕВИЧ *канд. ист. наук*

М. А. ЗАБОРОВ *докт. ист. наук*

Ю. М. ИВАНОВ *канд. экон. наук*

Г. В. КАЦМАН *канд. ист. наук*

Л. Е. КЕРТМАН *докт. ист. наук*

Ф. В. КОНСТАНТИНОВ *академик*

А. А. ЛЕБЕДЕВ *канд. филос. наук*

А. М. МЕЛЬНИКОВ *канд. экон. наук*

Н. Е. ОВЧАРЕНКО *докт. ист. наук*

М. А. ОКУНЕВА *канд. ист. наук*

М. А. ПЕРСИЦ *канд. ист. наук*

М. И. ПШЕДЕЦКИЙ *докт. ист. наук*

С. И. СЕМЕНОВ *канд. ист. наук*

И. А. УЛАНОВСКАЯ *канд. ист. наук*

И. Н. УНДАСЫНОВ *докт. ист. наук*

А. Н. ШЛЕПАКОВ *член-корр. АН УССР*

При подготовке тома были использованы материалы:

С. М. АСКОЛЬДОВОЙ *канд. ист. наук*

В. И. БОВЫКИНА *докт. ист. наук*

К. Ф. МИЗИАНО *докт. ист. наук*

С. Ю. ТЮТЮКИНА *канд. ист. наук*

В. В. ЧУБИНСКОГО *докт. ист. наук* и ряда научных сотрудников ИМРД АН СССР

Главная редакционная комиссия, авторский коллектив и редколлегия тома выражают глубокую признательность Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, институтам АН СССР и кафедрам ряда университетов, чьи ценные замечания и советы оказали существенную помощь в работе над книгой.

М $\frac{10303\text{-}210}{004(01)\text{-}76}$ подписное

© Издательство «Мысль». 1976

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый этап развития рабочего класса и его революционного движения интересен и важен с точки зрения общечеловеческой истории. И это естественно: рабочий класс и его социальное творчество — не просто один из элементов этой истории, но та ее движущая сила, тот ее решающий элемент, который со времени становления капиталистического способа производства вырос в фактор, определяющий основное направление социального прогресса. Как это произошло? Какие испытания должен был пройти пролетариат, чтобы вырасти в гегемона мировой истории? Какие уроки из пройденного им пути вытекают для наших дней? Ответ на эти вопросы представляет не только академический интерес: достаточно напомнить о полемических баталиях, которые и поныне развертываются вокруг различных вопросов истории рабочего движения.

Первый том настоящего издания касается проблем зарождения, становления рабочего класса как «класса для себя», первых шагов рабочего движения[1]. Второй том посвящен событиям, приведшим к возмужанию рабочего класса и его движения; в нем раскрываются процессы, обусловившие превращение пролетариата в ведущий класс общества, сделавшие его способным практически приступить к освобождению человечества от оков классового гнета во всех его формах.

Исследуя эти события и процессы, авторы базировались на научной, марксистско-ленинской методологии. Разумеется, в первую очередь это касалось определения хронологических рамок рассматриваемого периода.

Напомним, что, обращаясь к изучению того или иного явления исторического прошлого (или настоящего), В. И. Ленин требовал прежде всего точно определить характер эпохи, о которой идет речь. Иными словами, надо прежде всего выяснить, каким было (или является) главное содержание и направление общественного развития, установить, какой класс стоял (или стоит) в центре этого развития, какие силы противостоят этому классу, а какие — примыкают к нему, являются его союзниками. «Только на этой базе, т. е. учитывая в первую голову основные черты различия разных «эпох»

[1] См. «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории», т. I. Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса. М., 1976.

(а не отдельных эпизодов истории отдельных стран),— писал он,— можем мы правильно построить свою тактику; и только знание основных черт данной эпохи может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны»[1].

Эпоха, охватываемая содержанием второго тома,— это, по определению В. И. Ленина, эпоха перехода от домонополистического капитализма к империализму, эпоха превращения буржуазии развитых стран из класса прогрессивного в реакционный. Одновременно это эпоха подготовки и медленного собирания сил новым классом — пролетариатом[2].

Буржуазия переживала период своего торжества. Капиталистический способ производства полностью утвердился в Европе и Америке. «Финансисты» и «гении» наживы — вот главные «герои» тогдашнего общества. В погоне за прибылью капитал устремлялся во все новые и новые страны — колонизация отсталых «окраин» шла ускоряющимися темпами. Кровавые усмирители порабощаемых народов увенчивались лаврами. А борцы за свободу, те, кто стремились защитить свои страны от безжалостных чужеземцев, объявлялись преступниками.

Союз промышленности и банков метрополий с богатствами недр и людскими ресурсами колоний порождал всеядные и ненасытные крупные компании, которые росли как на дрожжах, объединяясь в блоки, сталкиваясь друг с другом, снова объединяясь уже против более могущественных соперников. Непрекращающиеся схватки капиталов готовили почву для схватки государств.

Но в недрах этого лихорадочного «процветания» шли и неотвратимо усиливались процессы, означавшие неизбежное приближение конца безраздельного господства чистогана. Накапливались противоречия — они делались все более глубокими. И первое место среди них занимал набиравший все бóльшую остроту, взрывчатость антагонизм между трудом и капиталом, между массами пролетариата, за счет труда которых жило общество, и кучкой капиталистов, бесстыдно присваивавших себе неоплаченный труд этой массы.

Рос, зрел, наливался кровью прибылей организм капиталистического класса. Но рядом с ним рос, зрел, становился все более сознательным, организованным и боеспособным класс пролетариев, призванный оздоровить общество, освободить его от паразитического господства буржуазии.

Рост рабочего класса шел прежде всего на национальной основе; пролетариат постепенно превращался в значительную общественную силу в рамках отдельных стран не только в Европе и в США, но и в некоторых странах Латинской Америки, Азии и Африки. Завершение становления национальных государств, расширение демократических свобод — вот важные вехи этого процесса. Но одновременно рабочий

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 142.
[2] См. там же, стр. 143.

класс становился и силой интернациональной, международной. Оба процесса происходили параллельно, сливаясь друг с другом и обогащая друг друга. Из о б ъ е к т и в н о международной величины рабочий класс становился величиной международной на деле, на п р а к т и к е.

Рост пролетариата — будь то в национальном или всемирном масштабе — развертывался как многоплановый и сложный процесс. Борьба экономическая, политическая, идеологическая... В разных странах их сочетание было различным, но в той или иной мере они сплетались воедино. И чем теснее была связь между ними, тем более мощным становилось рабочее движение, тем более эффективными — его действия.

Подпочвенные силы будущего то и дело прорывались наружу, нарушая фальшивую гармонию буржуазного общества. Социальные гейзеры — крупные движения народных масс, прежде всего рабочих,— обозначали вехи приближающегося крупнейшего поворота в истории человечества — победоносной социалистической революции...

В 1913 г. в работе «Исторические судьбы учения Карла Маркса» В. И. Ленин, говоря о путях развития человечества после создания «Манифеста Коммунистической партии», писал: «Всемирная история с этого времени делится явственно на три главные периода: 1) с революции 1848 года до Парижской Коммуны (1871); 2) от Парижской Коммуны до русской революции (1905); 3) от русской революции»[1]. Предлагаемый вниманию читателей том соответствует второму из названных В. И. Лениным периодов.

Парижская Коммуна 1871 г.— первый опыт власти рабочего класса и его союзников — диктатуры пролетариата — ознаменовала собой важнейший рубеж в истории революционного рабочего движения. По словам К. Маркса, «борьба рабочего класса с классом капиталистов и его государством вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу»[2].

Новая эпоха в развитии человечества действительно приближалась. Но она не могла прийти сама собой: для этого рабочий класс должен был вооружиться соответствующей политикой, овладеть необходимыми приемами и методами борьбы, сплотиться в единую организованную силу.

Способствовать решению именно этих задач стремились К. Маркс и Ф. Энгельс. Обобщая новые явления, характерные для начавшегося заката капитализма, они вооружили рабочее движение рядом выводов, имевших поистине историческое значение. Именно к последним годам жизни К. Маркса и Ф. Энгельса относятся их гениальные предвидения о тенденциях общественного развития на новой ступени эволюции капитализма, которые позднее были всесторонне исследо-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 1.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, стр. 175.

ваны В. И. Лениным. Основоположники марксизма сделали исключительно много для распространения идей научного коммунизма вширь, для борьбы против рецидивов мелкобуржуазного социализма и оппортунистических течений. Невозможно переоценить и их вклад в дело создания и идейного укрепления пролетарских партий (а этот процесс приобрел широкие масштабы именно в последней трети прошлого века).

В 1883 г. умер К. Маркс. На протяжении 12 лет после этого Ф. Энгельс один продолжал начатую двумя великими друзьями работу. Современные «марксологи» делают все, что в их силах, чтобы умалить роль и заслуги Энгельса в последнее десятилетие его жизни. Его пытаются представить то ли пассивным созерцателем развертывавшихся классовых битв, то ли заядлым реформистом. В соответствующих главах данного тома приведен большой материал, показывающий, как еще при жизни Энгельса начались эти фальсификации (в которые тогдашние правые социал-демократы, скрывая от масс важнейшие принципиальные выводы Энгельса, внесли столь значительную лепту).

Подлинный Энгельс последних лет — это страстный борец против господства капитала, горячий революционер, могучий теоретик с острым чувством нового и вместе с тем деловой, трезвый практик, организатор II Интернационала, друг и советчик всех революционных партий и организаций трудящихся. Его энергии и воле не было конца, а знания, эрудиция, научная глубина были беспредельны.

Но в 1895 г. ушел из жизни и Энгельс. Он умер именно тогда, когда новые потребности рабочего движения и его новые возможности становились особенно ощутимыми.

Возникла необходимость, основываясь на прочном фундаменте, заложенном основоположниками научного социализма, разработать и провести в жизнь правильную ориентировку рабочего класса. Речь шла не о простом механическом продолжении того, что делалось марксистами в предыдущие годы. Стадия «мирного» развития рабочего движения завершалась; накапливались объективные и субъективные предпосылки революционного взрыва эксплуататорского строя. Неизбежным был качественный скачок в разработке теории, политики, в самом революционном действии.

Но как осуществить такой скачок? Дискуссии на эту тему приобрели острейший характер.

О необходимости новых решений говорили правые оппортунисты, ревизионисты. Но как иногда бывает в подобных случаях, их «рецепты» содержали рекомендации, смертельно опасные для революционной борьбы. Маркс и Энгельс? Конечно, это гениальные теоретики; их заслуги бесспорны, говорили оппортунисты. Но основоположники марксизма жили в другую эпоху. Теперь все иное — новыми стали и пролетариат и буржуазия. А стало быть, «старый» марксизм уже не годится, он устарел... Таким образом правый оппортунизм

фактически старался «покончить» с наследием К. Маркса и Ф. Энгельса. Прикрываясь призывом «не оборачиваться назад, а идти вперед», ревизионисты, не останавливаясь перед грубейшими фальсификациями, попытались «по-новому» истолковать Маркса и Энгельса. На деле речь шла об отрицании марксизма, и прежде всего его революционной сути.

Ревизионизм, правый оппортунизм — не результат одних личных ошибок. Его распространению способствовали некоторые объективные процессы в ходе классовой борьбы в условиях господства монополистического капитала. Почему возникает это течение, как само развитие капитализма на пути к его последней империалистической стадии, внутренние процессы в рабочем классе, вызвавшие его расслоение, рост давления буржуазии на пролетариат приводят к институционализации правого оппортунизма, показано в данном томе.

Но правый оппортунизм не одинок. Как своего рода реакция на него, как проявление давления мелкобуржуазной стихии на рабочее движение растет и «левый» оппортунизм. Будучи по видимости антиподом правого оппортунизма, он представляет собой в действительности лишь другую сторону той же медали.

В конце прошлого века «левые» оппортунисты, как и правые, обрушились на теорию марксизма, пытались выхолостить ее.

Они звали к неподготовленным выступлениям, игнорируя действительность, уповая на «прямое» действие, не считаясь с тем, что это грозило отрывом от масс. «Леваки» с особой охотой цеплялись за ту или иную цитату из сочинений великих учителей пролетариата, превращали ее в догму, а затем пытались «подгонять» под нее реальные события. Упорное сектантство, постоянное возрождение анархических догм (в новых условиях чаще всего трансформировавшихся в анархо-синдикализм) — вот как проявлялся «левый» оппортунизм в ту пору. На деле все это означало не менее полный разрыв с марксизмом, чем у правых оппортунистов; марксизм абсолютно чужд как всякому догматизму, пусть прикрываемому самыми яркими, «ультрареволюционными» лозунгами, так и сектантству в любом его обличье.

Иными словами, в конце XIX в. в международном рабочем движении, во II Интернационале определилось разномастное, но сугубо оппортунистическое по своей сути течение. Впоследствии, уже после Великого Октября, правые лидеры социал-демократии не раз пытались обвинять коммунистов в «расколе», доказывая, будто именно те своей деятельностью вызвали раздробление рабочего движения. Материал, содержащийся в томе, еще раз убедительно напоминает о том, насколько фальшивым является такое утверждение. Э. Бернштейн, А. Мильеран, тогдашние вожди английских тред-юнионов — вот кто обусловил раскол рабочего движения, направив его значительную часть по пути, противоположному революции, чреватому тяжелыми поражениями и — в историческом масштабе — потерей темпа в борьбе

против классового гнета. И если эти попытки не удались в полной мере, то только благодаря тому, что представители революционного течения в рабочем движении дали им решительный отпор.

Разработка новых теоретических положений и политики рабочего движения, соответствующих вновь возникшим условиям и обстоятельствам, могла быть осуществлена только на основе творческого развития марксизма. Оно предполагало прежде всего его глубокое, подлинно научное освоение. Как всякая наука, марксизм преемствен. Каждый новый шаг в его развитии возможен лишь как развитие предыдущих завоеваний, открытий. Все, что создавалось марксизмом с момента его возникновения,— это части фундамента, на котором стоит здание современного революционного рабочего движения.

Чтобы, опираясь на теоретические и политические завоевания К. Маркса и Ф. Энгельса, познать закономерности новой эпохи, сделать из них правильные политические выводы на будущее и возглавить борьбу за их претворение, нужны были особые качества: научная широта и теоретическая глубина, отвага новатора и непоколебимая верность принципам, огромный политический разум и мудрая тактическая гибкость.

Описываемый период выдвинул множество блестящих представителей рабочего движения, оставивших глубокий след в летописях человеческой мысли. Сама эпоха рождала потребность в таких людях — не в анархиствующих индивидуумах, противопоставляющих себя течению жизни, а в борцах, которые, творчески познавая законы истории, способны поставить себя целиком на службу социальному прогрессу. Человечество богато такими людьми и всегда, когда возникает потребность, щедро выводит их на авансцену. Самым выдающимся среди деятелей, которые оказались выдвинутыми в этот период в центр общественной жизни, был В. И. Ленин.

О Ленине написано очень много. Будет написано еще больше. И чем дальше мы продвигаемся вперед, тем более полно оцениваем все то, что им сделано, познаем величие ленинского гения и его источники.

Источники эти чрезвычайно богаты и разнообразны.

Сначала надо сказать о России, этой великой стране, которая, говоря словами В. И. Ленина, выстрадала марксизм всем своим прошлым. Не случайно так много страниц данного тома посвящено России, ее рабочему классу, его движению.

Превращение России в центр тяжести мирового революционного движения было неотвратимым историческим фактом. С начала XX в. борьба российского рабочего класса стала р е ш а ю щ и м классовым опытом мирового пролетариата. И те, кто потратил столько сил, чтобы опорочить этот опыт, свести его к «частному явлению», не демонстрируют ли они именно этим его историческую значимость, а вместе с тем и свое бессилие перечеркнуть его?

И действительно. Озлобленность нападок антикоммунистов на российский революционный опыт объясняется не его специфичностью, а, напротив, прежде всего его общезначимым, общеисторическим содержанием. Враги подлинного социализма не могут простить российскому пролетариату, большевикам, В. И. Ленину, что они доказали на практике важнейшее теоретическое положение, сформулированное К. Марксом и Ф. Энгельсом,— неизбежность революционного свержения власти капитала и социалистического преобразования общества.

Тем же самым по существу определяется и неприязненное (мягко говоря) отношение оппортунистов к опыту Октябрьской революции. Да и действительно, как может им понравиться этот опыт, если он, помимо прочего, убедительно доказал полную несовместимость попрания принципов научного коммунизма с подлинными интересами рабочего движения, с интересами революции?

Именно в России, которой еще Маркс и Энгельс пророчили великое революционное будущее, родился ленинизм. И это не было случайностью.

Значит ли это, что он, как утверждают противники ленинизма, является «чисто русским» или даже «исключительно русским» явлением? Конечно, нет! Ленинизм родился в России, но он впитал в себя весь опыт мирового, прежде всего западноевропейского, рабочего движения. Все, что рабочий класс Западной Европы понял, свершил или подготовил, стало для В. И. Ленина гигантской кладовой знаний, той предпосылкой, без которой не могли появиться новые обобщения, принципиально важные для политики рабочего класса в новую историческую эпоху. Иначе говоря, ленинизм — развитие марксизма, этого великого учения, которое вобрало в себя всю подлинную мудрость прошлого, аккумулировало опыт различных освободительных движений в истории человечества и классовой борьбы пролетариата, сумело придать сознательный характер движению многомиллионных народных масс и поэтому стало непобедимым. В то же время ленинизм порожден новой эпохой, особенно богатой неожиданными поворотами, которая ломала слабых, но закаляла сильных.

Конец XIX — начало XX в. стали переломными не только в силу самого характера общественного развития, но и потому, что то был период зарождения ленинизма, начало ленинского этапа в истории международного рабочего движения.

На материалах тома хорошо прослеживается прямая преемственность этапа, когда жили и работали К. Маркс и Ф. Энгельс, и этапа, когда начал свою деятельность В. И. Ленин: марксизм выступает как незыблемая платформа, фундамент возникновения ленинизма, а ленинизм — как логическое продолжение и развитие марксизма. Тем самым дается убедительный ответ на домыслы фальсификаторов, пытающихся найти противоречия в деятельности К. Маркса и В. И. Ленина и противопоставить одного другому.

Конечно, К. Маркс и В. И. Ленин действовали в разные эпохи, и акценты в их творчестве подчас различны. Никогда не переставая быть революционером-практиком, К. Маркс в силу исторической потребности уделял основное внимание раскрытию и разъяснению объективных закономерностей капиталистического способа производства, доказательству неизбежности его гибели, его смены высшей, социалистической общественной формацией. Деятельность В. И. Ленина, продолжившего решение этой задачи применительно к условиям империализма, опять-таки в силу исторических условий была в большей степени обращена к другой стороне вопроса. Пафос его творчества — не только в теоретической подготовке, но и в практическом осуществлении социалистической революции, в претворении в жизнь того всемирно-исторического поворота, неизбежность которого доказал К. Маркс. Поэтому В. И. Ленин наряду с глубочайшим теоретическим исследованием объективных сторон действительности так много внимания уделил субъективной стороне исторического процесса — массам, рабочему классу, его партии.

Но при всей разнице — и разнице, понятно, немаловажной — между трудами Маркса и Ленина не только нет противоречия, но существует полное преемственное единство.

Не предваряя того, о чем говорится в томе, хотелось бы коротко отметить основные вехи выдающегося теоретического вклада В. И. Ленина в развитие рабочего движения.

Первый круг проблем, поднятых В. И. Лениным, касается возрастания революционных возможностей пролетарского движения и увеличения его роли в общественном развитии в новую эпоху.

Возрастание потенциальных возможностей рабочего движения В. И. Ленин связывал в первую очередь с увеличением численности рабочего класса и его веса в обществе. «Чем больше пролетариев,— писал он,— тем больше их сила, как революционного класса, тем ближе и возможнее социализм»[1]. Развитие же империализма, указывал он, неизбежно приведет к росту рядов пролетарской армии, поскольку ее численность «увеличивается в силу самого процесса экономического развития...»[2].

Нельзя не отметить в этой связи исключительную актуальность разработанной В. И. Лениным методологии изучения роста пролетарских рядов. В. И. Ленин подчеркивал, что этот рост происходит не только за счет фабрично-заводского пролетариата, что развитие капитализма объективно ведет к появлению новых сфер деятельности рабочего класса, что, наконец, неизбежна пролетаризация тех слоев армии наемного труда, которых в XIX в. и даже в начале XX в. еще не относили к пролетариату. Речь идет, в частности, о той части инженерно-технических работников, научно-технической интеллигенции,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 6.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 404.

которая непосредственно участвует в производстве прибавочной стоимости и которая, как указывал В. И. Ленин, неизбежно будет все более сближаться с рабочим классом.

Объективные тенденции расширения рядов пролетариата, вскрытые В. И. Лениным, привели к тому, что в настоящее время рабочий класс в странах развитого капитализма составляет большинство самодеятельного населения. Понятно, что это создает более благоприятные условия для усиления классовой борьбы, открывает дополнительные возможности перед всемирной пролетарской армией.

Но разумеется, возрастание возможностей рабочего класса связано отнюдь не только с ростом его численности. В. И. Ленин показал, что главную роль с этой точки зрения играет изменившаяся социальная обстановка в капиталистических странах, та новая расстановка классовых сил, которую порождает вступление капитализма в высшую и последнюю — империалистическую — стадию развития.

В период домонополистического капитализма, когда буржуазия еще не исчерпала своей революционности, а пролетариат численно был сравнительно невелик, слабо организован и не имел своих боевых партий, он, выступая как самый революционный элемент общества и объективно выражая глубинные интересы всех трудящихся масс, тем не менее еще не мог руководить их борьбой. В конце XIX — начале XX в. обстановка стала меняться. Революционность буржуазии в главных странах капитализма исчерпывалась, складывались противоречия между монополистической и крупной буржуазией, с одной стороны, и всем народом — с другой. Напротив, пролетариат, значительно выросший численно, создавший политические партии и профсоюзы, укрепил свою субъективную способность играть роль вожака масс. В новых условиях он, как показано в томе, уже не только объективно выражал интересы трудящихся масс, но в целом ряде стран все более превращался в центр притяжения всех элементов общества, оппозиционных крупному капиталу.

Учитывая все эти факты, В. И. Ленин пришел к выводу огромного политического значения: «Вполне обнаружилась руководящая роль пролетариата. Обнаружилось и то, что его сила в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения»[1].

Впоследствии, обобщая опыт других стран, опыт революционного 1917 года, Ленин развил эту мысль, сформулировав важную закономерность развития пролетарского движения в современную эпоху: «Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 13.

действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме»[1].

Данный вывод сыграл огромную роль как для революционной теории, так и для революционной практики. Правые оппортунисты, ревизионисты отстаивали тезис, согласно которому ликвидация капитализма возможна лишь при подавляющем численном преобладании пролетариата в составе населения. Подобный метафизический подход по существу надолго закрывал дорогу к социализму для большинства населения Земли. Наоборот, ленинский вывод, основанный на тщательном изучении исторического опыта, открывал широкую революционную перспективу для всего человечества. Правильность этого вывода была затем подтверждена не только историей нашей страны, но и всем дальнейшим развитием революционного движения. Вне зависимости от численности рабочий класс сыграл решающую роль в осуществлении социалистических революций во всех странах, которые навсегда порвали с системой наемного капиталистического рабства.

С выводом о том, что фактическая роль пролетариата значительно больше, чем его доля в населении, непосредственно связана и постановка В. И. Лениным вопроса о гегемонии пролетариата в революции, ознаменовавшая собой новое слово в марксизме. Основы учения о гегемонии пролетариата в революции были заложены К. Марксом и Ф. Энгельсом. Именно они обосновали роль рабочего класса как естественного вождя всех трудящихся и эксплуатируемых масс в борьбе за социализм. С тезисом о гегемонии пролетариата был тесно связан и гениальный вывод К. Маркса о диктатуре пролетариата как сущности пролетарской власти в переходный период от капитализма к социализму. Однако у К. Маркса и Ф. Энгельса речь шла о гегемонии пролетариата в социалистической революции, перспективы которой были еще весьма отдаленными.

Учитывая характер и особенности новой исторической эпохи, а также соответствующей ей расстановки классовых сил, В. И. Ленин еще в конце XIX в. пришел к выводу, что теперь пролетариат может и должен быть гегемоном не только в социалистической, но и во всякой народной, в том числе буржуазно-демократической, революции. Опыт революции 1905 г. позволил В. И. Ленину продолжить разработку этой идеи. Он подтвердил, что гегемония пролетариата во всякой народной революции является в новых условиях не только объективной возможностью, но вместе с тем и объективной потребностью общественного развития. На практике обнаружилось, что империалистическая буржуазия, чья реакционность росла, не способна более возглавить демократическую революцию — она может лишь предать, задушить ее. «Только рабочее движение поднимает действительно революционный и передовой класс, которому нечего терять от краха современных политических и социальных порядков,—

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 23.

класс, который является последним и неизбежным продуктом этих порядков, класс, который один только представляет из себя безусловного и непримиримого врага этих порядков»[1].

Как известно, демократические права и свободы существенно облегчают борьбу трудящихся за полное освобождение от гнета капитала. И естественно, что рабочий класс выступает самым последовательным борцом за демократию, в том числе и за буржуазную, защищая ее от посягательств реакционной буржуазии. Поэтому рабочий класс выступает действенным вождем всякого демократического движения, объединяет под его знаменем всех, кто способен реально бороться за его цели. Гегемония пролетариата в демократической революции превратилась, таким образом, в необходимое условие успеха любой такой революции.

В. И. Ленин вскрыл, далее, содержание гегемонии пролетариата, показав, что это союз рабочего класса с непролетарскими слоями трудящихся, прежде всего с крестьянством. Наконец, он выяснил, что гегемония пролетариата в демократической революции является основой и одновременно гарантией возможности ее перерастания в революцию социалистическую.

В. И. Ленин проанализировал в этой связи проблемы, выдвинутые на повестку дня дальнейшим развитием монополистического капитализма, и в особенности его перерастанием в государственно-монополистический капитализм, которое по сути дела завершает подготовку объективных предпосылок социалистической революции. В рамках государственно-монополистической структуры возникает гигантский аппарат учета и контроля в масштабах всего общества, складывается основа для планомерного регулирования народного хозяйства, которая по существу своему противоречит частнособственнической сути капитализма, как такового. Это обстоятельство ведет к дальнейшему углублению противоречия между производительными силами и производственными отношениями, а следовательно, и всех других противоречий капитализма. В этой связи не может не возрастать влияние субъективного фактора общественного прогресса, и прежде всего борьбы рабочего класса.

«. . . Социализм,— писал В. И. Ленин,— есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией»[2]. В силу этого в условиях быстрого развития государственно-монополистических отношений перед рабочим классом возникает возможность выдвижения новых лозунгов борьбы, направленных на то, чтобы еще до свершения социалистической революции добиться ограничения и сужения власти монополий путем установления и расширения демократического контроля над теми или иными секторами экономики. В работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороть-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 57.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 192.

ся» В. И. Ленин начертал гениальный план борьбы пролетариата в условиях государственно-монополистического капитализма и сформулировал некоторые конкретные лозунги такой борьбы (национализация банков, крупнейших предприятий, рабочий контроль на производстве и т. п.), осуществление которых способно увеличить роль и влияние пролетариата в обществе и тем самым существенно облегчить последующее свершение социалистического переворота.

Подчеркивая значение переходных форм и этапов в борьбе за социалистическую революцию, В. И. Ленин всегда призывал не упускать из виду конечную цель — саму эту революцию. С другой стороны, он подчеркивал, что новые средства и направления борьбы, которые получает в свое распоряжение пролетариат в условиях государственно-монополистического капитализма, в конечном счете приближают социалистическую революцию, делают ее осуществление более легким для трудящихся масс.

В условиях развития государственно-монополистического капитализма, указывал, наконец, В. И. Ленин, возрастают и возможности союза рабочего класса с другими трудящимися слоями общества, или, иными словами, возрастают возможности осуществления рабочим классом своей гегемонии в борьбе за демократию и социализм. «При сохранении частной собственности на средства производства,— писал В. И. Ленин,— все эти шаги к большей монополизации и большему огосударствлению производства неизбежно сопровождаются усилением эксплуатации трудящихся масс, усилением гнета...»[1] А это усиление гнета, естественно, ведет к нарастанию ответного сопротивления ему, причем в числе участников этого сопротивления оказываются те слои общества, которые на первых стадиях развития империализма выступали еще фактически в одном лагере с монополистическим капиталом, в том числе значительная часть мелкой и часть средней буржуазии. Все это означало, что наряду с противоречием между пролетариатом и буржуазией возникает и развивается связанное с ним новое, более широкое общественное противоречие — между монополиями и всем народом.

Решение В. И. Лениным вопроса о развитии противоречия «монополии — народ» имело огромное значение для раскрытия существа новой социальной обстановки в мире капитала, для определения эффективной тактики революционных партий по отношению к непролетарским слоям трудящихся. Главный практический вывод из этого открытия состоял в том, что для пролетариата возникает возможность объединить всю оппозицию монополистическому капиталу и направить ее в единое русло — борьбы за глубокие демократические преобразования в рамках буржуазного общества.

Гениальность ленинских идей о росте возможностей рабочего класса в революционной борьбе, о гегемонии пролетариата в условиях империализма можно с особой силой оценить именно в наши дни.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 449—450.

Опыт народно-демократических и социалистических революций в странах, представляющих треть человечества, убедительно подтвердил правильность ленинских идей в самых различных исторических условиях.

Итак, объективные закономерности обусловливают неустанное возрастание революционных возможностей пролетариата. Сделав этот вывод, В. И. Ленин вместе с тем подчеркнул: историческая миссия рабочего класса и в новой, более благоприятной обстановке не осуществляется автоматически, стихийно.

Условия выполнения пролетариатом его исторической миссии — вот другая крупнейшая проблема рабочего движения, которая была со всей основательностью разработана в трудах В. И. Ленина. И в чисто теоретическом плане, и на конкретных примерах деятельности рабочего движения он показал, что при отсутствии ряда необходимых условий рабочий класс не в состоянии решить стоящие перед ним задачи.

О чем же идет речь?

Важнейшим условием выполнения рабочим классом своей исторической миссии В. И. Ленин считал *внесение в его массу классового, пролетарского сознания, преобразование стихийных выступлений трудящихся против гнета предпринимателей в сознательную борьбу против капиталистического строя*, как такового. «. . . Чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов»[1], — писал В. И. Ленин. Завоевание большинства пролетариата на сторону революции, активной революционной борьбы — вот в чем он видел важнейшую задачу.

Исследуя процесс становления классового сознания пролетариата и задачи, возникающие в этой связи перед социал-демократией, В. И. Ленин подчеркивал, что рабочий класс «инстинктивно, стихийно социал-демократичен...»[2], что без этого стихийно возникающего классового инстинкта «... дело революции было бы безнадежно. Ибо, вы знаете, никто не освободил бы рабочих, если бы они сами себя не освободили»[3]. «Но, — ставил вопрос В. И. Ленин, — довольно ли этого инстинкта? На одном инстинкте далеко не уедешь. И поэтому необходим переход этого инстинкта в сознание»[4].

Продолжая анализ, осуществленный Марксом и Энгельсом, Ленин показал, что «переход инстинкта в сознание», формирование классового сознания пролетариата — это по самой своей сути непрерывный процесс. Ни в один период исторического развития он не может считаться завершенным, ибо состав рабочего класса

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 140.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 86.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 399.
[4] Там же.

постоянно обновляется, меняются условия жизни и труда рабочих, тактика классового противника. Из этого, по мысли В. И. Ленина, следует, что задача формирования классового, революционного сознания пролетариата — постоянная задача и внимание к ней не может и не должно быть ослаблено.

Важнейшее значение с этой точки зрения имеет, как указывал В. И. Ленин, раскрытие объективной взаимосвязи между завоеваниями рабочего класса в борьбе за улучшение условий жизни и труда и развитием его классового сознания. Соответствующие ленинские идеи особо актуальны в силу того, что в наше время, когда рабочий класс в странах Запада добился немалого, прежде всего в области материального положения, буржуазные, ревизионистские, в том числе левацкие, идеологи активно пропагандируют «тезис» об «утрате» им революционности. Они утверждают, что, поскольку, мол, современный пролетариат, вырвавшись с боями из явной нищеты, удовлетворяет «необходимые потребности», его революционные импульсы затухли, а сам он «интегрировался» в обновленное буржуазное общество. На этой платформе возводится и система аргументов, призванная доказать «крах» марксистско-ленинской теории социалистической революции. Марксизму приписывается точка зрения, будто революционность пролетариата обусловлена исключительно нищенскими условиями его жизни. А так как с нищетой-де покончено, то, стало быть, покончено и с неизбежностью социалистической революции.

Не говоря уже о вопиющей лжи на тему «преодоления нищеты» (даже в США и Западной Европе, по официальным признаниям, миллионы людей живут в нищете или на грани нищеты), следует прежде всего подчеркнуть: марксизм никогда не выводил неизбежность пролетарской революции из нищеты. Революционная роль пролетариата определяется прежде всего его *социальным* положением в обществе, т. е. положением эксплуатируемого класса, лишенного средств производства и живущего за счет продажи своей рабочей силы. Конечно, нищета, снижение уровня жизни в период кризисов или войн создают в массах дополнительный заряд возмущения строем, который порождает бедствия. Но это лишь дополнительный заряд. *Основное же горючее*, из которого возгорается пламя социальной революции, заложено в самом существе капитализма, в непримиримости социальных интересов буржуазии и пролетариата.

Более 80 лет назад В. И. Ленин вел войну с народниками, которые как раз видели по сути единственный источник революционности народных низов в их нищете. Отвечая им, В. И. Ленин писал тогда: «К выводу о необходимости поднять рабочего на борьбу. . . можно прийти двумя путями: *либо* смотреть на рабочего, как на единственного борца за социалистический строй. . . *Либо* обращаться к нему просто как к человеку, наиболее страдающему от современных

порядков, которому уже нечего терять. . . Но это и будет значить — заставлять его тащиться в хвосте буржуазных радикалов, не желающих видеть антагонизма буржуазии и пролетариата. . .»[1] В. И. Ленин делал вывод: «. . . положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса. . .»[2]

Из этой постановки вопроса логически вытекает и другая: о соотношении между уровнем жизни трудящихся и его революционностью, его способностью к борьбе. Конечно, повышение уровня жизни рабочих при капитализме способно внушить определенной их части иллюзии в отношении капитализма, «подогреть» оппортунистические настроения. Однако одновременно с этим, как отмечал В. И. Ленин еще более полувека назад, «добиваясь улучшения условий жизни, рабочий класс поднимается вместе с тем и морально, и умственно, и политически, становится более способным осуществлять свои великие освободительные цели»[3]. «История рабочего движения всех стран,— подчеркивал он,— показывает, что раньше всего и легче всего воспринимают идеи социализма наилучше поставленные слои рабочих. Из них главным образом берутся те рабочие-передовики, которых выдвигает всякое рабочее движение, рабочие, умеющие приобретать полное доверие рабочих масс, рабочие, которые посвящают себя всецело делу просвещения и организации пролетариата, рабочие, которые вполне сознательно воспринимают социализм и которые даже самостоятельно вырабатывали социалистические теории»[4].

Наконец, важнейшее принципиальное значение имеет исследование В. И. Лениным вопроса о соотношении стихийности и сознательной деятельности революционного авангарда в процессе формирования классового, революционного сознания пролетариата.

В. И. Ленин указывал, что, хотя весь ход общественного развития, сама логика социального положения пролетария неизбежно подводят его к пониманию необходимости активной борьбы за свои права, тем не менее переход от классового инстинкта к классовому сознанию сам по себе, стихийно невозможен. «Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему»[5]. И чем шире, полнее развертывается процесс классовой борьбы, тем ожесточеннее становится идейное давление буржуазии на рабочее движение.

Таким образом, выработка подлинно классового сознания рабоче-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 304 (примечание).
[2] Там же, стр. 311.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 319.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 268.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 41 (примечание).

го класса — это процесс постоянной и активной борьбы между буржуазной, империалистической и пролетарской, социалистической идеологиями. Как ранее, во времена В. И. Ленина, так и тем более теперь для достижения успеха в этом деле необходима целенаправленная работа, нацеленная прежде всего на овладение рабочим классом, рабочим движением пролетарской научной идеологией. Эту задачу, указывал В. И. Ленин, призвана решить революционная партия, идеологией которой является марксизм, пролетарский интернационализм. Именно такая партия в состоянии «. . .внести в стихийное рабочее движение определенные социалистические идеалы, связать его с социалистическими убеждениями, которые должны стоять на уровне современной науки. . .» [1].

Поставленная В. И. Лениным задача добиваться как можно большего расширения и укрепления сознательности революционного рабочего движения является и сегодня одним из ключевых вопросов международной классовой борьбы.

Второе важнейшее условие выполнения рабочим классом его исторической миссии в новых условиях, сложившихся в последние десятилетия XIX в.,— *организационное оформление пролетарского авангарда в революционную, марксистскую партию, партию нового типа.* «У пролетариата,— говорил В. И. Ленин,— нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации» [2]. Высшей же формой политической организации рабочего класса является коммунистическая партия. Без такой партии пролетариат не способен подняться до сознательной классовой борьбы; без нее борьба обречена на неудачу. «Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса — наша главная и основная задача» [3].

Созданное В. И. Лениным в развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса стройное учение о пролетарской, революционной партии — непреходящий вклад в дело рабочего класса. В последних главах тома этот вопрос рассматривается подробно на основе соответствующего фактического материала. Необходимо, однако, и здесь напомнить об основных мыслях Ленина, которые касаются создания революционных партий пролетариата как у с л о в и я выполнения им его исторической миссии.

В 1904 г., делая выводы из первых уроков существования марксистской партии в России, учитывая также богатый опыт международной социал-демократии, В. И. Ленин писал: «Разъединяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно «на дно» полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепля-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 189.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 403.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 374.

ется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса»[1].

В послеоктябрьские годы, учитывая победоносный опыт русской революции, а также результаты деятельности правых вождей европейской социал-демократии, открыто предавших дело рабочего класса, В. И. Ленин неоднократно возвращался к вопросу о необходимости революционной партии для рабочего класса. Ставя перед собой задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, коммунисты организуют его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководят всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачают перед ним непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняют историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции.

Обращаясь к вопросу о значении партии как необходимого рычага мобилизации всей мощи рабочего класса и адресуясь к рабочему классу Запада, Ленин уделил особое внимание раскрытию, с одной стороны, качеств партии как классовой, революционной организации, тесно связанной со всей массой эксплуатируемых, а с другой — непримиримости такой партии к оппортунизму любого типа. «Только коммунистическая партия, если она действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя всех лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов, просвещенных и закаленных опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, а через него со всей массой эксплуатируемых и внушить этому классу и этой массе полное доверие,— только такая партия способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной, последней борьбе против всех сил капитализма,— писал В. И. Ленин.— С другой стороны, только под руководством такой партии пролетариат способен развернуть всю мощь своего революционного натиска, превращая в ничто неизбежную апатию и частью сопротивление небольшого меньшинства испорченной капитализмом рабочей аристократии, старых тред-юнионистских и кооперативных вождей и т. п. ...»[2]

Ленинские уроки не прошли даром. За истекшие десятилетия коммунистическое движение превратилось во всемирную силу, стало действенным элементом всемирной борьбы в пользу демократии и социализма.

«Опыт исторического развития многих стран,— говорил Л. И. Брежнев на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г.,— опыт классовой борьбы убедительно показал, сколь необходимой для человечества является деятельность коммунистических партий, сколь плодотворна эта деятельность

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 403—404.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 187.

для общественного развития. Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, коммунистические партии освещают народам путь к коммунистическому будущему. Они поднимают народы на борьбу, они несгибаемо идут во главе массовых движений, выступающих за великие цели социального прогресса. Коммунисты — всегда в авангарде борцов за насущные права трудящихся, за мир. Они высоко несут непобедимое знамя социалистической революции»[1].

И далеко не случайно, что в наши дни вопрос о роли коммунистических партий стал одним из острейших вопросов идеологической борьбы. Враги социализма делают все, чтобы подорвать роль компартий, дискредитировать их в глазах народов. Свой главный удар они направляют прежде всего против братских партий социалистических стран. Такая позиция классового противника — дополнительное свидетельство того, что коммунистические партии умело следуют ленинским заветам, эффективно способствуя осуществлению рабочим классом его исторической миссии.

Подчеркивая единство объективных и субъективных факторов развития рабочего движения, В. И. Ленин выделял две стороны этого единства: ответственность пролетарской партии за свою политику и необходимость тщательного изучения ею тенденций общественного развития, изменений экономической и политической обстановки, с тем чтобы правильно преломить их в деятельности рабочего класса и его организаций.

Третье условие выполнения рабочим классом его исторической миссии, также чрезвычайно актуальное в современной обстановке, — это *обеспечение единства рядов рабочего движения*. Анализируя обстановку эпохи империализма, В. И. Ленин вскрыл объективные факторы, обусловливающие как тенденцию к расколу рабочего класса и рабочего движения, так и, несомненно, более сильную тенденцию к объединению пролетарских рядов.

В его работах показано, что при империализме тенденция к расколу рабочего класса получает новые стимулы. Это связано со следующими обстоятельствами. Развитие концентрации производства и капитала, возникновение монополий усугубляют различия в условиях продажи рабочей силы между отдельными районами и странами, способствуя углублению внутренней дифференциации пролетариата, развитию конкуренции в его рядах. В период империализма складывается всемирный рынок, создается единый хозяйственный организм. Подлинно всемирный характер приобретает и рабочее движение. Стало быть, борьба тенденций внутри рабочего движения тоже становится всемирной. А это значит, что к социальным проблемам в развитых странах капитала добавляется проблема отношений между рабочим классом развитых и экономически отставших государств, и,

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.». М., 1969, стр. 65.

если говорить о периоде складывания и первых этапах развития империализма, прежде всего колониальных стран.

Эта проблема связана, во-первых, с колоссальным разрывом между условиями жизни и труда пролетариев в развитых и экономически отставших странах и, во-вторых, с тем, что объективно рабочий класс империалистических государств в какой-то степени становится соучастником эксплуатации колониальных народов. В таких условиях для политики монополий, направленной на раскол рабочего движения, открываются новые возможности.

В то же время В. И. Ленин показал, что новая историческая эпоха создает дополнительные объективные возможности для более сильного и эффективного стремления к единству пролетарских рядов. Империализм, и особенно государственно-монополистический капитализм, подводит общество к тому рубежу, когда объективные материальные предпосылки социалистической революции достигают наивысшей в рамках капитализма степени зрелости. Монополистический капитализм — это канун социалистической революции. Вызревание объективных условий социального переворота резко увеличивает тягу к сплочению рабочего класса, возможность проведения сознательной политики, направленной на объединение всех отрядов рабочего движения во имя борьбы против капитала. Концентрация рабочего класса в крупных промышленных центрах и на крупных промышленных предприятиях, повышение уровня образованности и общей культуры рабочих также представляют собой немаловажный фактор, облегчающий сплочение пролетарских рядов. Наконец, гнет монополий, эксплуатация труда капиталом, достигающие при империализме особой силы, неизбежно вызывают решительный отпор рабочего класса и его союзников. Это повышает уровень классового сознания, понимания трудящимися массами необходимости объединить силы, чтобы противостоять империализму.

В. И. Ленин характеризовал специфику проявления обеих тенденций следующим образом: «С одной стороны, это была тенденция удобно и сносно устроиться при капитализме, что было осуществимо лишь для небольшой верхней прослойки пролетариата. С другой стороны, это была тенденция стать во главе всех трудящихся и эксплуатируемых масс для революционного ниспровержения господства капитала вообще»[1].

В наше время первая тенденция наиболее отчетливо выразилась в деятельности правых социал-демократических лидеров, проводящих оппортунистическую политику приспособления рабочего движения к условиям капитализма. Проявлением второй тенденции стали создание и деятельность марксистско-ленинских партий, партий нового типа, способных поднять массы на социальную революцию. Первая в истории партия такого типа — партия большевиков — была основана и выпестована В. И. Лениным.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 161.

Рассматривая вопрос об исторической перспективе борьбы двух тенденций в рабочем движении, В. И. Ленин показал, что в новых исторических условиях, особенно в XX столетии, в обстановке созревания предпосылок для всемирной социалистической революции, эта борьба идет в конечном счете при перевесе в пользу второй, революционной тенденции, тенденции к объединению пролетарских сил. Однако, хотя объективное развитие общества ведет к неизбежной победе революционной тенденции, к объединению сил рабочего движения, эта победа не приходит автоматически. Она может быть лишь результатом упорной борьбы сознательных революционных сил рабочего класса.

Последующий ход исторического развития убедительно доказал верность ленинских выводов относительно борьбы двух тенденций в рабочем движении. Эти выводы и в наши дни являются могучим оружием в борьбе революционного пролетарского авангарда за текущие, ближайшие и перспективные цели рабочего класса.

Часть I

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ УСЛОВИЙ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СДВИГИ

УСКОРЕНИЕ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И УСИЛЕНИЕ НЕРАВНОМЕРНОСТИ ИХ РАЗВИТИЯ

Последняя треть XIX и начало XX в. ознаменовались развитием капитализма как вглубь, так и вширь. Этот процесс стимулировался преодолением раздробленности и образованием крупных национальных государств в Италии и Германии, отменой крепостного права в России, ликвидацией рабства в США, революцией Мэйдзи в Японии и др. Значительно ускорилось развитие производительных сил. В 70—90-х годах объем мировой промышленной продукции возрос более чем втрое. Одновременно произошли быстрые изменения в структуре промышленного производства. Если для предшествующей эпохи было характерно преимущественное развитие легкой и особенно текстильной промышленности, то с 70-х годов преобладающая роль начинает переходить к тяжелой индустрии — металлургии, машиностроению и др. Широко распространяются новые виды производств, идет подготовка к коренной перестройке технологических процессов.

Ускорение промышленного развития было тесно связано с прогрессом науки и техники. Открытия и технические изобретения подготовили переворот в капиталистическом производстве — преобразование всей энергетической базы промышленности, завершение перехода к крупной машинной индустрии.

Более двух столетий энергетическая база промышленности основывалась на использовании воды и пара, что ограничивало масштабы предприятий, часто диктовало их размещение только вблизи источников энергии. Изобретение динамо-машины (1867 г.) и способа передачи электричества на расстояние открыло широкий простор укрупнению и, следовательно, увеличению эффективности производства, сделало энергию доступной для самых отдаленных районов и создало возможность практически неограниченного преобразования одних видов энергии в другие. Огромное революционизирующее значение этих великих изобретений сразу же обратило на себя внимание Ф. Энгельса, который писал в 1883 г.: «...это колоссальная революция. Паровая машина научила нас превращать тепло в механическое движение, но использование электричества откроет нам путь к тому, чтобы превращать *все* виды энергии — теплоту, механическое движение, электричество, магнетизм, свет — одну в другую и обратно и применять их в промышленности... Это открытие оконча-

тельно освобождает промышленность почти от всяких границ, полагаемых местными условиями...»[1]

Главным источником энергии по-прежнему оставался каменный уголь; его мировое потребление с 1860 по 1900 г. возросло в 5,5 раза. В то же время начала расти добыча нефти. Если прежде она употреблялась главным образом в осветительных целях, то после создания двигателей внутреннего сгорания открылась новая огромная сфера ее применения. В результате мировая добыча нефти, составлявшая в 1870 г. 0,8 млн. т, достигла в 1900 г. 19,5 млн. т. Открылись, таким образом, новые широкие перспективы индустриального прогресса, но в рассматриваемый период главным типом двигателя все еще являлись паровые машины.

Огромное значение для промышленного роста имело быстрое развитие металлургии. Широко распространились новый способ получения стали из чугуна, изобретенный англичанином Г. Бессемером, и ее выплавка из железа в печах, созданных французским инженером П. Мартеном. В 1878 г. английский металлург С. Томас разработал способ очистки жидкого чугуна от примесей фосфора, что позволило использовать богатые залежи фосфористой железной руды. Мировая выплавка стали за последнюю треть XIX в. увеличилась в 56 раз. Ее массовое производство создало основу для быстрого роста машиностроения. Капитализм перешел из «железного» века в «стальной».

Переход от парового молота к мощным прокатным станам обеспечил массовый выпуск стальных плит, труб и рельсов. Тем самым были созданы возможности для широкого распространения железнодорожного транспорта и океанского пароходства. Общая протяженность железных дорог с 1870 по 1900 г. выросла с 210 до 790 тыс. км. В Европе особенно густая сеть рельсовых путей покрыла Англию и Германию. В США в последней трети XIX в. было построено несколько трансконтинентальных линий, а в России к концу века завершалось сооружение огромной Сибирской магистрали к Тихому океану. Железные дороги строились в Индии, Японии и других странах.

На море парусные суда постепенно вытеснялись крупными стальными винтовыми пароходами, что неизмеримо ускорило транспортную и почтовую связь. Огромный размах приобрело строительство телеграфных линий. Их общая протяженность достигла к 1900 г. 4,3 млн. км.

Использование электроэнергии породило новые прогрессивные способы обработки металлов — электросварку, электроплавку и т. д., вызвало к жизни ряд новых отраслей промышленности. Важным новшеством явились турбостроение и создание электрических динамо-машин. В химической промышленности крупнейшим достижением стало производство новых дешевых синтетических красителей, вытеснявших дорогие краски растительного происхождения. Началось внедрение химии в сельское хозяйство.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 35, стр. 374.

Вместе с тем технический прогресс конца XIX — начала XX в. с особой силой вскрыл глубину внутренних противоречий капиталистического способа производства. Возможности применения новейших по тем временам научных открытий и технических изобретений были поистине безграничными. Однако на практике частные предприниматели нередко тормозили реализацию этих изобретений или даже ставили для нее непреодолимые преграды. Так, внедрение трехфазного переменного тока, имевшее решающее значение для передачи электроэнергии на дальние расстояния, наталкивалось на упорное противодействие владельцев технически устаревших электростанций, построенных в предыдущий период. Газовые компании решительно препятствовали введению электрического освещения. В ряде отраслей экономики продолжалось применение отсталых, основанных на ручном труде форм производства, которые были в тот момент выгоднее капиталистам, чем использование новейшего оборудования. О том же свидетельствовали скупка патентов и замораживание их применения как форма борьбы за сохранение конкурентоспособности на базе старой техники. Отрасли промышленности, где новая техника внедрялась, резко обгоняли те, которые сохраняли старую. Свойственная капитализму диспропорциональность в развитии отдельных производств обострялась еще больше.

Значительное ускорение технического прогресса в последние десятилетия XIX в., быстрое расширение промышленного производства, происходившие в разных странах при большом разнообразии конкретных условий, значительно усилили неравномерность экономического развития отдельных стран, приобретавшую скачкообразный характер. Так, с 1870 по 1900 г. физический объем промышленного производства в Англии увеличился в 1,8 раза, во Франции — в 2, тогда как в Германии — в 3,7 раза; в США рост также составил 3,7 раза, но за меньший срок — с 1880 по 1900 г.

Приблизительное представление об изменении доли крупнейших капиталистических стран в мировом промышленном производстве за период с 1870 по 1900 г. дают следующие цифры[1]:

(в %)	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.
Англия	32	28	22	18
США	23	28	31	31
Германия . . .	13	13	14	16
Франция . . .	10	9	8	7
Россия	4	3	3	6
Прочие страны	18	19	22	22

[1] См. *Ю. Кучинский.* Очерки по истории мирового хозяйства. М., 1954, стр. 27.

В 1860 г. США по объему промышленной продукции еще стояли на четвертом месте в мире, но в 80-х годах, обогнав все остальные капиталистические страны, в том числе Англию, они уже вышли на первое место, превратившись в высокоразвитую индустриально-аграрную страну. Ускоренное капиталистическое развитие США было связано с отсутствием крупного помещичьего землевладения и обилием свободных земель, наличием огромных запасов естественных ресурсов, удобным речным и морским сообщением, ввозом капиталов из Англии и других европейских стран, постоянным притоком рабочей силы благодаря иммиграции.

По темпам промышленного развития Англию опередила и Германия. Объединение страны, хотя оно и произошло в самой невыгодной для трудящихся форме, все же дало мощный толчок росту производительных сил. Этому же способствовала огромная контрибуция, наложенная в 1871 г. на Францию. Более позднее, чем в Англии и Франции, завершение промышленной революции позволило широко использовать опыт последних и сразу же перейти к созданию наиболее передовой по тому времени индустрии.

Таким образом, вместо одной Англии как промышленного монополиста на мировой арене появился ряд крупных индустриальных держав, вступивших друг с другом в ожесточенную борьбу. Естественно, что это в корне изменило всю обстановку в мире по сравнению с 60-ми — началом 70-х гг. XIX в. Правда, Англия все еще сохраняла за собой финансовую гегемонию и положение крупнейшей в мире торговой державы. В 1900 г. на нее приходилось 19%, а на США и Германию — соответственно 12 и 13% мировой внешней торговли. Доля Франции в оборотах этой торговли была более скромной и составляла всего 9%. В экономике Франции в значительной степени продолжало господствовать мелкое производство. Уже ранее проявившееся преобладание банковского капитала над промышленным стало в последние десятилетия XIX в. еще более заметным. В Италии промышленное развитие задерживалось из-за сохранения помещичьего землевладения и ряда других пережитков феодализма, особенно сильных в южных областях страны. Фабричная индустрия и крупное капиталистическое сельское хозяйство росли главным образом на севере — в Ломбардии и Пьемонте; в других районах преобладали мелкие и средние предприятия с довольно низким уровнем техники.

Из малых стран Западной Европы высоким уровнем промышленного развития отличалась только Бельгия, буржуазия которой широко использовала возможности, созданные захватом в 80-х годах огромных колоний в бассейне Конго. Колониальная эксплуатация имела огромное значение и для голландской буржуазии; в Голландии были развиты текстильная промышленность и судостроение, но преобладали торговля, судоходство и сельское хозяйство. В экономике Скандинавских стран, особенно Дании и Норвегии, основную роль продолжали играть сельское хозяйство и рыболовство.

В подавляющем большинстве земель Австро-Венгрии, в странах Восточной Европы и Балканского полуострова в последней четверти XIX или даже в начале XX в. промышленный переворот лишь завершался. Правда, здесь имелись и существенные различия; так, например, чешские земли по уровню индустриального развития превосходили ряд западноевропейских стран и занимали ведущее место в промышленности Австро-Венгрии, особенно в тяжелой. К концу века Чехия и Моравия давали 90% добычи каменного и 82% бурого угля, свыше 90% выплавки стали австрийской части империи; в этом случае потерпел полный крах курс на искусственное задерживание промышленного роста национальных областей, проводившийся правящими кругами габсбургской монархии. Сравнительно быстро происходило промышленное развитие в некоторых польских землях, в том числе в Верхней Силезии, одном из основных горнодобывающих и металлургических районов тогдашней Германии, и Королевстве Польском, где помимо этих отраслей было также развито производство текстильных и некоторых других изделий. Уже в 1890 г. Королевство Польское по общему объему продукции ненамного уступало Петербургскому промышленному району[1].

И все же экономика стран этого региона в рассматриваемый период продолжала отставать от западноевропейской, что объяснялось в первую очередь запоздалостью и половинчатостью буржуазных преобразований, незавершенностью процесса создания национальных государств и сохранением (а в некоторых случаях и усилением) национального гнета по отношению к многочисленным народам[2]. На рубеже XIX и XX вв. Австро-Венгрия занимала седьмое место в мире по выработке железа, уступая не только США, Германии, Англии и Франции, но также и Бельгии и России; аналогичное положение сложилось и по ряду других важнейших показателей индустриальной мощи.

Россия по уровню развития капитализма также (хотя и в меньшей степени) уступала четверке ведущих держав. Существенным препятствием для быстрого экономического роста по-прежнему служили царизм, сословный строй и множество других феодальных пережитков. Тем не менее производительные силы росли[3]. Число заводов и фабрик в России увеличилось с 2,5—3 тыс. в 1886 г. до 6 тыс. в 1890 г. Развитие транспорта содействовало росту старых и появлению новых промышленных центров, увеличивало емкость внутреннего рынка. Как видно из вышеприведенной таблицы, к

[1] См. *Р. Люксембург.* Промышленное развитие Польши. СПб., 1899, стр. 33; *А. К. Козик.* Развитие промышленности Польши. М., 1959, стр. 20 и сл.

[2] *J. Berend, G. Ránki.* Peculiarities of Industrial Progress in Eastern Europe and the Development of the Working Class.— «Troisième conference internationale d'histoire économique», t. 1. Paris — La Haye, 1968.

[3] Подробно см. главу седьмую.

1900 г. Россия вплотную приблизилась к уровню развития Франции.

В основе экономики Балканских стран продолжало находиться сельское хозяйство, хотя и здесь, особенно в 90-х годах XIX в. и в первые годы XX в., промышленное развитие ускорилось; оно касалось в первую очередь переработки сельскохозяйственных продуктов. В то же время в Венгрии, Болгарии, Румынии появились и отдельные предприятия тяжелой промышленности, тесно связанные с потребностями, вызванными строительством железных дорог. В Румынии началась разработка нефти в районе Плоешти. В Греции значительное развитие получили торговое судоходство и морские промыслы.

За пределами Европейского континента и Северной Америки заметно расширялись капиталистические анклавы в странах Латинской Америки и Азии, но их доля в мировом промышленном производстве была еще очень незначительна.

Усиление неравномерности развития капитализма, предвещавшее его перерастание в новую стадию, выразилось, кроме того, о чем уже говорилось выше, в значительно отличавшихся темпах роста промышленности и сельского хозяйства. «Земледелие,— писал В. И. Ленин,— отстает в своем развитии от промышленности — явление, свойственное *всем* капиталистическим странам и составляющее одну из наиболее глубоких причин нарушения пропорциональности между разными отраслями народного хозяйства, кризисов и дороговизны»[1].

В последние десятилетия XIX в. крупное капиталистическое производство все глубже вторгалось в сельскохозяйственную сферу, особенно там, где этому не препятствовали такие пережитки феодального строя, как помещичье землевладение и полукрепостнические формы эксплуатации крестьянства. Капиталистические отношения в сельском хозяйстве издавна утвердились в Англии, где мелких крестьянских хозяйств уже почти не существовало. Во Франции, напротив, преобладало мелкое крестьянское землевладение. В польских землях, на востоке Германии, в Австро-Венгрии, Южной Италии, Румынии, большей части России и ряде других стран капитализм в сельском хозяйстве развивался по разным вариантам так называемого прусского пути, т. е. при сохранении помещичьего землевладения и различных полуфеодальных порядков. В России еще в конце 70-х годов $^4/_5$ частновладельческих земель принадлежали дворянам-помещикам. Невысокий уровень производительности труда в мелком крестьянском хозяйстве и огромная абсолютная земельная рента, взимаемая помещиками с крестьян, мешали приложению к земле капиталов.

Рост сельскохозяйственного производства замедлялся и вследствие того, что начиная с 1875 г. и почти до конца XIX в. сельское

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 219.

хозяйство европейских стран переживало длительный кризис перепроизводства, усиливавшийся в результате конкуренции дешевого заокеанского хлеба. Аграрный кризис ускорил расслоение крестьянства. Малоземельные крестьяне, запутавшиеся в долгах, лишались земли, переходившей к более состоятельным хозяевам-кулакам. Крестьяне страдали как от пережитков феодализма, так и от капиталистической эксплуатации. Низкая покупательная способность многомиллионных масс населения, занятого в сельском хозяйстве, способствовала частоте и продолжительности промышленных кризисов, ярко свидетельствовавших о коренных пороках капиталистического способа производства.

Менее чем за 30 лет капиталистический мир пережил четыре таких кризиса. Уже кризис 1873 г. отличался значительной глубиной и длительностью (около шести лет с последовавшей за ним депрессией). Его особенностью было также то, что он больше всего, а в некоторых странах впервые охватил тяжелую промышленность. Промышленный рост конца 70-х — начала 80-х годов оказался кратким; в 1882—1886 гг. вновь свирепствовал кризис, с особенной силой поразивший США. Одним из главных очагов кризиса, развернувшегося в первой половине 90-х годов, была Германия. Последующий подъем конъюнктуры происходил очень неравномерно (в США лишь с 1897 г.), но отличался значительными размерами: производительные силы достигли к тому времени такого уровня, который обеспечивал резкое увеличение выпуска продукции даже за короткие сроки. В 1900 г. начался новый экономический кризис, имевший огромное значение для перерастания домонополистического капитализма в империализм.

ПЕРЕХОД К ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТАДИИ

Технический прогресс конца XIX — начала XX в. требовал все бо́льших расходов на оборудование предприятий. Такие средства производства, как доменные и мартеновские печи, прокатные станы, оборудование в промышленности основной химии, по самой своей природе нуждались в крупных вложениях капитала. В Германии, например, с 1887 г. до начала века в связи с укрупнением размеров доменных печей капиталовложения на каждую из них увеличились в 2,5 раза; при этом производительность домен возросла намного больше[1]. Использование технических новшеств оказалось экономически выгодным и приносило наибольший эффект на предприятиях с высокой концентрацией производственных мощностей. В США в 1880—1900 гг. производство чугуна поднялось с 4 до 14 млн. т, а число металлургических предприятий снизилось с 341 до 241. Общая стои-

[1] См. *Р. Гильфердинг.* Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма. М., 1959, стр. 247.

мость выпускаемой в США продукции возросла с 1860 по 1900 г. в 6 раз, тогда как количество промышленных предприятий увеличилось всего на 47%. «Всякое накопление,— указывает К. Маркс,— становится средством нового накопления. Вместе с увеличением массы богатства, функционирующего как капитал, оно усиливает его концентрацию в руках индивидуальных капиталистов и таким образом расширяет основу производства в крупном масштабе и специфически капиталистических методов производства» [1].

В ожесточенной конкурентной борьбе крупные предприятия с высокой пормой и огромной массой прибыли решительно одерживали верх над мелкими, оснащенными старой техникой заводами и фабриками, обрекая значительную часть их владельцев на разорение. Особенно интенсивно происходило это в годы экономических кризисов.

В горно-металлургической промышленности Германии доля предприятий с числом занятых от 11 до 50 сократилась с 5,4% в 1882 г. до 3,5% в 1895 г., тогда как доля предприятий с количеством занятых свыше 1000 выросла с 34 до 45%. В машиностроении удельный вес первой из указанных групп предприятий уменьшился за тот же период с 20,5 до 18,7%, а второй — увеличился с 8,1 до 10,4% [2].

Однако способность индивидуального капиталиста к накоплению ограничена. Для него источником накопления может быть только прибавочная стоимость, произведенная на принадлежащем ему предприятии. Расширение производства возможно также за счет ссудного капитала, процент по которому выплачивается все из той же прибавочной стоимости.

Это противоречие на протяжении всей истории капитализма разрешалось на путях централизации капитала, при которой два или несколько самостоятельных капиталистов объединяются, образуя общий капитал. Но и подобный способ являлся ограниченным и был далеко не достаточным для основания и функционирования новых отраслей, производств и крупных предприятий на базе достижений науки и техники последней трети XIX в. Только централизация капитала в акционерной форме позволила сосредоточить в одних руках массу индивидуальных капиталов и свободных денежных средств, открыв тем самым возможность основания невиданных дотоле по размерам гигантских предприятий. Еще на заре развития акционерной формы К. Маркс увидел заложенные в ней возможности колоссального расширения производства. Он писал, что «применение формы акционерных компаний в промышленности знаменует новую эпоху в экономической жизни современных народов... Оно обнаружило такие производственные возможности объединений, каких раньше и не подозревали, и вызвало к жизни промышленные предприя-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 639.
[2] *A. Tross*. Der Aufbau der eisen- und eisenverarbeitenden Industriekonzerne Deutschlands. Berlin, 1923, S. 3.

тия в масштабе, недоступном для усилий отдельных капиталистов...»[1].

В последней четверти XIX в. акционерные общества распространяются повсеместно в Европе и Америке. Они получают право распоряжаться производственным капиталом, который во много раз превышает собственный.

Акционерная форма капиталистической собственности существенно способствовала процессу образования монополий, главной движущей силой которого было укрупнение предприятий. «...Концентрация,— подчеркивал В. И. Ленин,— на известной ступени ее развития, сама собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии»[2]. Чем крупнее предприятия, чем меньше их количество определяет преобладающий объем производства в той или иной отрасли производства, тем легче осуществить их сговор или объединить капиталы. «...Нескольким десяткам гигантских предприятий легко прийти к соглашению между собою...»[3]

Образование монополий стимулировалось высокими прибылями крупных предприятий, их преимущественными позициями в конкурентной борьбе, более благоприятными возможностями сбыта товаров. Раз начавшись, процесс монополизации разросся вширь, захватывая одну отрасль промышленности за другой. «Это превращение конкуренции в монополию,— указывал В. И. Ленин,— представляет из себя одно из важнейших явлений — если не важнейшее — в экономике новейшего капитализма...»[4]

Усиленная концентрация производства и возникновение монополий происходили не только в наиболее индустриализированных странах, но и в странах с относительно невысоким уровнем промышленного развития. Монополии складывались в большинстве стран Западной Европы, в России, Японии. В 70-х годах эти объединения еще очень непрочны, часто распадались и заменялись другими; их воздействие на экономику было незначительным. Но в 90-х годах они стали оказывать заметное влияние на ход экономического развития.

Уже при своем основании в 1893 г. Рейнско-Вестфальский угольный синдикат сосредоточил 86,7% сбыта угля, добываемого в наиболее развитом в промышленном отношении районе Германии. В 1897 г. в чугунолитейном производстве этого района господствовали две компании: Рейнско-Вестфальская и Лотарингско-Люксембургская. Преобладающей формой монополистических объединений в Германии были картели, и в 1896 г. их насчитывалось уже 250. В США преобладали тресты, число их достигло к 1900 г. 185[5]. Монополии искусственно поддерживали высокие цены на товары, делили между собой

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 34.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 311.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 312.
[5] См. там же, стр. 317, 318.

области сбыта, определяли количество производимых продуктов. В Германии они уже с конца 70-х годов стали добиваться введения высоких таможенных тарифов на иностранные изделия. Тенденция к протекционизму, отвечавшему интересам монополий, была сильна и в ряде других стран. «Монополия, раз она сложилась и ворочает миллиардами,— писал В. И. Ленин,— с абсолютной неизбежностью пронизывает *все* стороны общественной жизни, независимо от политического устройства...» [1]

Концентрация производства и процесс монополизации в промышленности породили концентрацию и централизацию капитала в банковском деле. Накопление капитала в промышленности вызывало потребность в его выгодном помещении, увеличивало приток вкладов в банки и тем самым расширяло размах банковских операций. В то же время развивавшаяся и укрупнявшаяся промышленность предъявляла растущий спрос на кредиты.

В этих условиях неизмеримо возросла роль наиболее крупных финансовых учреждений. Обладая солидными резервами, будучи значительно устойчивее во времена кризисов, они оказались в наибольшей степени приспособленными к аккумуляции крупных вкладов промышленных монополий.

Подобные финансовые учреждения располагали обширной территориальной сферой деятельности, разветвленной сетью филиалов и отделений, где сосредоточивались средства не только крупных, но и мелких вкладчиков. Только такие банки были в состоянии удовлетворить огромный спрос промышленных монополий на невиданные по размерам кредиты и займы, предоставляемые подчас на длительный срок.

В ходе конкурентной борьбы крупные финансовые учреждения подчиняли себе мелкие и средние, в результате чего образовывались банки-гиганты, становившиеся могущественными финансовыми центрами данных стран. Во Франции в начале XX в. их по существу было лишь три, в США — два и т. д. «Между немногими банками, которые в силу процесса концентрации остаются во главе всего капиталистического хозяйства, естественно все больше намечается и усиливается стремление к монополистическому соглашению, к *тресту банков*»,— подчеркивал В. И. Ленин. Как и в промышленности, «последнее слово в развитии банкового дела — монополия» [2],— заключал он. В. И. Ленин считал, что «превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов перерастания капитализма в капиталистический империализм...» [3].

Монополизация промышленности и банковского дела — оба этих процесса взаимодействовали, ускоряя друг друга. Так, герман-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 355.
[2] Там же, стр. 336.
[3] Там же, стр. 326.

ские банки способствовали развитию монополий в электротехнической промышленности, оказав в 1883 г. поддержку созданию первой в этой отрасли компании, которая в 1887 г. получила название «Альгемайне электрицитетсгезелльшафт» (АЭГ). Аналогичную роль играли банки в других отраслях и странах.

Концентрация капитала и развитие монополий в финансовом деле коренным образом изменили значение банков в капиталистической экономике. Качественно новая роль банков, подчеркивал В. И. Ленин, состоит в том, что «горстка монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества, получая возможность — через банковые связи, через текущие счета и другие финансовые операции — сначала *точно узнавать* состояние дел у отдельных капиталистов, затем *контролировать* их, влиять на них посредством расширения или сужения, облегчения или затруднения кредита, и наконец *всецело определять* их судьбу, определять их доходность, лишать их капитала или давать возможность быстро и в громадных размерах увеличивать их капитал и т. п.»[1].

Внедряясь в промышленность, транспорт, торговлю и сферу услуг, банки становятся непосредственными совладельцами этих отраслей хозяйства и получают свою долю сверхприбыли. Участвуя в создании новых акционерных обществ, они обеспечивают себе и так называемую учредительскую прибыль.

В свою очередь крупные промышленные монополии стремятся к созданию своих финансовых учреждений либо к проникновению в уже существующие, чтобы сохранить в своих руках максимально возможную долю прибылей.

Именно таким образом возникает все более тесное переплетение банковских и промышленных предприятий, их сращивание посредством взаимного владения акциями и образование на этой основе нового вида капитала — финансового.

Определяя содержание этого процесса и формулируя его теоретическую сущность, В. И. Ленин писал: «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия»[2]. «...Финансовый капитал,— заключал он далее,— есть банковый капитал монополистически немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников...»[3]

Олицетворением последнего становилась финансовая олигархия — немногочисленная группа промышленных и банковских воротил. Они являлись хозяевами невиданных по размерам материальных ценностей и сосредоточивали в своих руках такие экономические рычаги,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 330—331.
[2] Там же, стр. 344.
[3] Там же, стр. 386.

которые делали их подлинными властителями целых стран. Типичными представителями финансовой олигархии были, например, американские миллиардеры Морган и Рокфеллер. Капиталы первого были вложены в Стальной и Электрический тресты, железные дороги и судостроение, страховые общества и другие промышленные компании. Рокфеллер контролировал бóльшую часть нефте- и угледобычи, медного и табачного производства, владел рядом железных дорог. Кроме того, каждый из них возглавлял крупнейшую банковскую группу. Влиятельными членами американской финансовой олигархии были также Дюпоны, Меллоны, Гарриманы, Вандербильты, Гуггенхеймы и др. Аналогичные группы возникли и в других странах, где капитализм вступил в империалистическую стадию.

Переход капитализма в монополистическую стадию, «от старого к новому капитализму, от господства капитала вообще к господству финансового капитала»[1], был порожден всем ходом развития капиталистического способа производства. Свободная конкуренция — имманентное свойство капитализма и товарного общества, основанного на частной собственности,— неизбежно порождает монополию. Но, раз возникнув и завоевав господствующее положение, монополия самим своим существованием подрывает и ограничивает свободную конкуренцию. Господство монополий не искореняет немонополистические предприятия, формы хозяйства, но резко сужает масштабы их деятельности. Насильственное включение немонополистических предприятий в систему монополистических отношений усугубляет ее внутреннюю противоречивость.

Важнейший толчок к утверждению власти монополистического капитала дал экономический кризис 1900—1903 гг. Этот кризис, по словам В. И. Ленина, сыграл роль «поворотного пункта в истории новейших монополий»[2]. После 1900 г. концентрация капитала и централизация производства стали развиваться «гигантскими шагами»[3].

В США за период с 1898 по 1903 г. было создано в 5,3 раза больше крупных трестов, чем за предшествующие 50 лет. Одной из монополий-гигантов явился Стальной трест, основанный в 1901 г. и принадлежавший к группе Моргана. Уже в самом начале его заправилы держали в своих руках свыше $^2/_5$ производства чугуна, $^1/_2$ — проката, $^2/_3$ выплавки стали и т. д. К 1903 г. относится основание двух других компаний, ставших столпами монополистического капитала США,— порохового треста «Дюпон де Немур» и автомобильной фирмы Форда. Немного раньше (1900 г.) был создан (в виде «держательской компании», что имело целью обойти принятый в 1890 г. «антитрестовский» закон Шермана) нефтяной трест Рокфеллера, принявший наименование «Стандарт ойл оф Нью-Джерси»; в 1904 г.

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 343.
[2] См. там же, стр. 325.
[3] См. там же, стр. 365.

он контролировал 84% перегонки нефти, 86% производства керосина, почти полностью завладел транспортировкой нефти по трубопроводам. Примерно такие же позиции занимали возникшие в самые первые годы XX в. медный, свинцовый, табачный и ряд других трестов [1].

Эта весьма высокая степень монополизации экономики была превзойдена в Германии. Число участников монополистических объединений здесь было выше, чем в США, и оно продолжало расти. При реорганизации Рейнско-Вестфальского угольного синдиката в 1903 г. к нему присоединилось 100 предприятий, сохранявших до того самостоятельность. По новому уставу функции синдиката значительно расширились: «Заготовка угля, приобретение рудных площадей и доли в горных предприятиях, устройство всякого рода предприятий с целью хранения, сбыта и доставки угля, а также участие в них». Это отражало тенденцию монополистов тяжелой промышленности к комбинированию родственных производств как средству умножить свою мощь в борьбе против конкурентов как внутри страны, так и вовне.

Для Германии, как и для США, 1903 год с точки зрения монополизации стал переломным. Возникло «Объединение стальных заводов», сконцентрировавшее $^{9}/_{10}$ производства в этой отрасли. Важную роль в создании «Объединения» сыграли крупные банки. Так, Шафгаузенский банк, обеспечив себе большинство акций металлургической фирмы «Феникс», добился ее присоединения к монополии вопреки позиции дирекции этой фирмы [2]. В том же году произошло слияние в электротехнической промышленности, вследствие чего контроль над $^{3}/_{4}$ производства получили две компании — АЭГ и «Сименс — Шукерт». В химической промышленности к 1904 г. практически господствовали две крупнейшие группировки: возглавляемое К. Дуисбергом «Сообщество интересов» (прообраз будущего «ИГ Фарбен») и объединение химических фирм во Франкфурте-Хехсте. Монополизировано было даже сахароварение; возникший здесь картель объединял 450 предприятий, т.е. практически всех владельцев сахарных заводов.

В Англии образование монополий шло медленнее, но и там в начале XX в. процесс концентрации заметно ускорился. Прежде всего он затронул военную промышленность. В результате ряда слияний 1900—1904 гг. в этой отрасли, столь важной для английских капиталистов, издавна продававших оружие десяткам стран, выделились две крупнейшие фирмы — Армстронга и Виккерса [3]. В 1900 г. был создан трест портландского цемента, обеспечивший контроль над 89% производства. Примерно таков же был уровень монополизации

[1] См. *Л. А. Мендельсон.* Теория и история экономических кризисов и циклов, т. II. М., 1959, стр. 508.
[2] См. *И. Гольдштейн, Р. Левина.* Германский империализм. М., 1947, стр. 78.
[3] См. *Л. А. Мендельсон.* Указ. соч., стр. 511.

в области изготовления ситца, немногим ниже — в торговле табаком и т. д.

Весьма интенсивно шло образование и наращивание мощи монополистических объединений в России. Наиболее крупным из них был «Продамет», уже в первые годы XX в. сосредоточивший в своих руках примерно 70—80% сбыта листового и универсального железа, балок и т. п. Синдикат «Трубопродажа» в 1904 г. почти целиком монополизировал сбыт труб в стране. Каменноугольный синдикат «Продуголь», объединивший крупнейшие предприятия Донецкого бассейна, контролировал бóльшую часть добычи в этом районе. Аналогичные угольные монополии возникли в Уральском и Домбровском бассейнах; вместе с Донецким они практически контролировали всю угледобычу в стране. Образовались синдикаты южных цементных заводов, марганцевый, объединивший 18 чиатурских предприятий, синдикат вагоностроительных заводов «Продвагон» и др. Постепенно монополизация распространялась и на важнейшие отрасли легкой промышленности.

В последней трети XIX в. наряду с вывозом товаров все большее значение начинает приобретать вывоз капиталов. В погоне за высокими прибылями «избыточный» капитал из Англии, Франции, Германии устремился в страны, где цена земли была невысокой, сырье дешевым, а заработная плата низкой. Монополиям это сулило гораздо бóльшие прибыли, чем внешняя торговля. С 1875 по 1900 г. капитал, помещенный Англией за границей, вырос без малого вдвое, Францией — в 2,25 раза, Германией — в 7,5 раза[1].

В роли экспортера капитала (главным образом в Канаду, на Гавайские острова, Кубу и в другие страны Латинской Америки) стали выступать Соединенные Штаты, где накопление капитала также достигло значительных размеров. В финансовом закабалении зарубежных государств принимали участие и другие страны, сами являвшиеся объектом приложения иностранного капитала. Так, Австро-Венгрия, в экономику которой были вложены крупные средства германского и французского происхождения, вывозила капиталы в Балканские страны; Россия и Япония, являвшиеся должниками, вкладывали капиталы в предприятия Китая, Кореи и Среднего Востока.

Вывоз «избыточного» капитала в другие страны, указывал В. И. Ленин, «до известной степени... способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих...»[2]. Это относилось прежде всего к старейшим капиталистическим державам — Англии и Франции: в связи с тем что вывоз капитала из этих стран неуклонно возрастал по сравнению с экспортом товаров, наметилась тенденция к превращению их в государства-рантье.

[1] *A. K. Cairncross.* Home and Foreign Investment 1870—1913. Cambridge, 1953, p. 209.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 362.

В 1900—1905 гг. вывоз капитала из Англии составлял в среднем 64 млн. ф. ст. в год. В то же время в народное хозяйство вкладывалось примерно 72 млн. ф. ст. ежегодно. Таким образом, почти половина средств, которые могли бы быть направлены на расширение и модернизацию производственного аппарата Англии (чье отставание от других крупных капиталистических держав по темпам роста к этому моменту уже сказалось в полной степени), вывозилась из страны.

Аналогичное положение сложилось во Франции, где в начале XX в. вывоз капитала, неуклонно возраставший по сравнению с вывозом товаров, превысил объем национального дохода [1]. Осуществлялся он преимущественно в виде займов. Это, как отмечал В. И. Ленин, «*ссудный* капитал, государственные займы, а не капитал, вкладываемый в промышленные предприятия» [2]. Таким образом, огромные средства не только искусственно изымались из страны, производительные силы которой развивались замедленными темпами, но и там, куда вывозились, в значительной степени использовались непроизводительно. Весьма характерны в этом смысле французские инвестиции в России. Они в немалой степени состояли из займов царскому правительству, а следовательно, способствовали удержанию у власти режима крайней реакции.

Именно в этот период окончательно складывается мировое капиталистическое хозяйство — всемирная система угнетения, эксплуатации и закабаления финансовым капиталом, финансовой олигархией немногих империалистических государств большинства населения Земли. Процесс хозяйственного объединения народов, уничтожения национальной замкнутости, вызванный широким развитием железнодорожных и морских путей, возникновением нового международного разделения труда, интернационализацией хозяйственной жизни, мог в условиях империализма воплотиться лишь в форме угнетения и порабощения одних народов другими.

Решающее значение для создания мировой системы капиталистического хозяйства имело завершение экономического и территориального раздела мира, возвестившее установление эпохи империализма. Уже с 80-х годов стали складываться международные монополии — соглашения между крупнейшими монополистическими компаниями различных стран о разделе рынков, политике цен, размерах производства и т. п. Одним из первых союзов такого рода был международный рельсовый картель, созданный в 1884 г. английскими, бельгийскими и немецкими компаниями, но просуществовавший лишь короткое время. К 80-м годам относится также образование порохового картеля. Однако все подобные образования были еще очень непрочными, что объяснялось незавершенностью процесса монополи-

[1] *H. Feis.* Europe the World's Banker. New Haven, 1930, p. 51.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 361.

зации внутри соответствующих стран, отсутствием в них достаточной опоры в лице мощных монополий.

В начале XX в. положение было уже иным. В 1904 г. был воссоздан международный рельсовый картель, но теперь нормы распределения продукции по сравнению с 80-ми годами изменились: доля Англии существенно понизилась, а Германии и Бельгии повысилась, что отражало происшедшие сдвиги в экономическом потенциале этих стран. Вскоре к рельсовому картелю присоединились Франция, США и др.; произошел раздел мира между поставщиками рельсов (потребность в них в период, когда во многих районах земного шара продолжалось интенсивное железнодорожное строительство, была очень велика).

В. И. Ленин показал, что «в торговом судоходстве гигантский рост концентрации привел тоже к разделу мира»[1]. В Германии эту отрасль монополизировали две гигантские судоходные компании — «Гамбург — Америка» и «Северогерманский Ллойд». В США с 1903 г. действовала «Международная компания морской торговли», находившаяся под эгидой Моргана и объединившая ряд американских и английских компаний. В 1903 г. между немецкими и англо-американскими фирмами был заключен договор, по которому первые отказались от конкуренции в деле перевозок между Англией и США; зато они сумели добиться «предоставления» гаваней, в которых были заинтересованы, и некоторых других выгод.

«Это,— подчеркивал В. И. Ленин,— новая ступень всемирной концентрации капитала и производства, несравненно более высокая, чем предыдущие»[2]. Борьба против такого «фактически единого, всемирного треста» была чрезвычайно трудна; как и внутри отдельных стран, международные монополии в стремлении удушить конкурентов не останавливались ни перед какими средствами, в том числе откровенно преступными. Но условия раздела мира между монополистическими союзами могли быть только временными. Неизбежен передел, «если отношения силы — вследствие неравномерности развития, войн, крахов и т. п.— изменяются»[3].

Создание международных монополистических союзов было еще одним свидетельством перерастания капитализма свободной конкуренции в империализм. Монополизация внешнего рынка сопровождалась стремлением к захвату колоний, становившихся гарантированными рынками сбыта и источниками сырья. Выражением этого стремления было резкое обострение в 70—90-х годах XIX в. борьбы за территориальный раздел мира. Именно в эти десятилетия европейские державы захватили Африканский континент; в 1876 г. им принадлежало всего 10,8%, а в 1900 г.— уже 90,4% территории Африки. Та же участь постигла и большинство стран Юго-Восточной Азии,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 370.
[2] Там же, стр. 364—365.
[3] Там же, стр. 367.

островов Тихого океана. К концу XIX в. в результате колониальной политики капиталистических стран закончился «захват незанятых земель на нашей планете»[1]. Завершалось складывание колониальной системы капитализма. Натиск сильнейших капиталистических держав на слаборазвитые феодальные и полуфеодальные страны Азии, Африки и Латинской Америки достиг наибольшей силы.

Великобритания в 70-х годах захватила острова Фиджи и Белуджистан, а в 1882 г.— Египет. В последние два десятилетия XIX в. британские колонизаторы заняли огромные пространства в Южной и Экваториальной Африке, окончательно подчинили Бирму. За 1860—1899 гг. площадь колоний Англии возросла с 2,5 млн. до 9,3 млн. кв. миль, а население их увеличилось со 145,1 млн. до 309 млн. человек[2]. К концу XIX в. на одного жителя Великобритании приходилось около 10 человек колониального населения.

Франция овладела обширными пространствами в Африке и Азии. В результате кровавых колониальных войн она подчинила себе весь Вьетнам и Мадагаскар. Под ее властью к 1900 г. находилось 34% площади Африканского континента.

На путь колониальной экспансии вступили также Германия, США, Япония. В 1884—1888 гг. Германская империя захватила обширные территории в Африке и Новой Гвинее, а в дальнейшем — острова в Тихом океане. Но германские империалисты, позже империалистов Англии и Франции начавшие создавать колониальную империю, чувствовали себя обделенными. США в конце XIX в. аннексировали Гавайские острова, захватили Филиппины, острова Пуэрто-Рико и Гуам. Куба была превращена в полуколонию американского империализма.

Всего к 1900 г. колониальные владения всех капиталистических государств охватывали территорию в 73 млн. кв. км (около 55% площади мира) с населением 530 млн. человек (35% населения земного шара). К концу XIX в. усилилось закабаление капиталистическими державами Китая, Турции, Ирана и Афганистана; эти формально самостоятельные государства превращались в полуколонии. В аналогичную зависимость от Англии и США начали попадать страны Латинской Америки. Проникая в колонии и полуколонии, капитализм был склонен консервировать в них пережитки феодализма и некоторые докапиталистические формы эксплуатации.

Прибыли, извлекавшиеся из колоний, оказывались в руках крупных капиталистических компаний, а издержки на колониальные войны и управление колониями перекладывались через государственный бюджет на трудящихся. Народным массам стран-метрополий приходилось оплачивать колониальную политику господствующих классов своей кровью. Существование гигантской колониальной периферии империализма использовалось буржуазией для насажде-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 374.
[2] См. там же.

ния шовинистических настроений среди народных масс метрополий.

После того как раздел мира капиталистическими державами был в основном завершен, захватить немногочисленные территории, оставшиеся неподеленными (например, Марокко), или отнять что-либо из добычи у соперников можно было лишь при помощи военной силы. Уже в конце 90-х годов началась вооруженная борьба за передел мира: испано-американская война 1898 г., вызванная намерением США захватить Кубу и Филиппины, и англо-бурская война 1899—1902 гг., вспыхнувшая из-за стремления Англии присоединить к себе республики Оранжевую и Трансвааль в Южной Африке. То были первые империалистические войны, первые предвестники кровавых мировых катаклизмов, порожденных господством монополистического капитала.

Вступление в стадию империализма не отменило законов, присущих капитализму как социально-экономической формации. «. . .Ни переход в руки акционерных обществ и трестов, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил...— писал по этому поводу еще Ф. Энгельс.— Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки»[1]. Вместе с тем законы капитализма претерпевают известные изменения, приобретают некоторые черты, не существовавшие в домонополистический период или проявлявшиеся тогда лишь в зародыше.

Главное, однако, заключалось в том, что империализм есть последняя стадия капитализма, что это «канун социальной революции пролетариата»[2]. Со вступлением в империалистическую стадию все присущие капиталистическому строю противоречия обострились до предела, до такой степени, которая вплотную подводит к революционному свержению господства финансовой олигархии.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ БОРЬБЫ РАБОЧЕГО КЛАССА

К 1871 г. на западе Европы и в США эпоха буржуазных революций уже завершилась, а на Востоке они еще не назрели и начались только в первые годы XX в. Необходимые объективные и субъективные предпосылки для победы социалистической революции в развитых капиталистических странах лишь складывались. Непосредственные задачи, стоявшие в последние десятилетия XIX в. перед рабочим классом, заключались в собирании сил, создании пролетарских партий, усилении борьбы за свои экономические интересы и политические права, в организации масс на решительную борьбу против капиталистического строя.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 222—223.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 308.

Естественно, что для осуществления этих задач первостепенное значение приобретало завоевание или расширение буржуазно-демократических свобод, которые являются необходимой основой для деятельности политических партий пролетариата и профессиональных союзов. «Без парламентаризма, без выборности... — указывал В. И. Ленин, — развитие рабочего класса было бы невозможно»[1].

Борьба за расширение и упрочение демократических свобод — а там, где они отсутствовали, за их введение — становилась весьма существенной, неразрывной составной частью освободительного движения рабочего класса, предпосылкой сплочения вокруг него непролетарских слоев трудящихся. Именно последовательно выступая за демократию, рабочий класс мог подняться до положения вождя всей эксплуатируемой и бесправной массы, приобрести союзников. В этом и должна была проявиться та особенность пролетариата как класса, которую открыли Маркс и Энгельс еще в «Коммунистическом манифесте»: освобождая себя, пролетариат освобождает все общество.

Рабочий класс и ранее участвовал в борьбе за демократию. Но тогда руководство этой борьбой в общенациональном масштабе всецело принадлежало буржуазии. В конце XIX в. положение сильно изменилось. В развитых странах буржуазия, хотя и продолжала оперировать демократической фразеологией, постепенно превращалась в силу, неспособную и не желавшую бороться за полное и действительное осуществление требований, которые были выдвинуты передовыми ее представителями столетием ранее. Она опасалась — и не без оснований, — что реализация этих требований даст оружие в руки ее основного классового антагониста.

Во многих странах буржуазия делила власть с полуфеодальной аристократией на правах младшего партнера. Относительная слабость политического влияния буржуазии, неадекватная ее позициям в экономической области, во многом определялась тем, что, ощущая растущее давление со стороны пролетариата, она занимала все менее решительные позиции по отношению к абсолютистской власти. Эта власть воспринималась ею в новой обстановке не столько как помеха, сколько как защитник от подымающихся социальных «низов».

Каждая демократическая реформа была либо прямым следствием борьбы рабочего класса, либо ее косвенным результатом, когда благоразумные буржуазные политики предпочитали вовремя отступить, чтобы не доводить обострение классовой борьбы до крайности. В то же время буржуазия была заинтересована в определенном минимуме демократических свобод, в парламентаризме, обеспечивавшем известное равновесие между имущими классами и дававшем ей некоторые преимущества по отношению к крупным землевладельцам, к родовитому дворянству. Представительные учреждения, как бы ни была ограничена их власть, сдерживали поползновения монархов и бюрократии, облегчая вместе с тем идейное и политическое воздейст-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 82.

вие на народные массы. «Нормальное капиталистическое общество,— писал В. И. Ленин,— не может успешно развиваться без упроченного представительского строя, без известных политических прав населения...»[1]

Для пролетариата это обстоятельство в свою очередь имело первостепенное значение. «Пролетариат,— подчеркивал В. И. Ленин, разоблачая взгляды «левака» начала XX в. Эрве,— не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы». Ленин показал несостоятельность утверждений Эрве и его единомышленников, что пролетариату все равно, «живет ли он в монархической Германии, или в республиканской Франции, или в деспотической Турции»[2]. Ленин неизменно подчеркивал значение, которое имеет для рабочего класса активное участие в общедемократическом движении, имея в виду не только заинтересованность в конкретных его результатах, но и важность такого участия для политического воспитания пролетариев. А это было наиболее существенно с точки зрения борьбы за конечную цель рабочего класса — низвержение господства капитала,— которую не следовало ни на минуту упускать из виду, каковы бы ни были частные, непосредственные задачи того или иного момента.

«Чтобы принести *рабочим* политическое знание,— подчеркивал Ленин,— социал-демократы должны *идти во все классы населения...*» Идеалом социал-демократа, указывал Ленин, должен быть «*народный трибун*, умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они не касались, умеющий обобщать все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплуатации...»[3]. Пролетариат призван быть передовым борцом за демократию. В ходе этой борьбы он закономерно привлекает на свою сторону другие слои трудящихся, чьи интересы отстаивает.

Эти истины приходилось вновь и вновь напоминать, ибо в конкретной обстановке тех десятилетий далеко не все участники рабочего движения понимали обязательность участия пролетариата и его партий в повседневной политической борьбе. С одной стороны, сказывалось пагубное влияние анархизма, а также анархо-синдикализма с их проповедью «прямого действия», исключавшего какое-либо вмешательство в политическую жизнь. Сходные во многом позиции занимали русские народники, чьи идеи наложили отпечаток на деятельность первых рабочих организаций в России. С другой — и в среде сторонников марксизма подчас господствовала точка зрения, что политическая борьба якобы затрагивает только интересы буржуазии и для пролетариата не имеет значения, следовательно, и участвовать в ней нет нужды. Подобные сектантские взгляды были свойственны, на-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 68.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 190.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 79, 80.

пример, лидерам Рабочей партии во Франции, в особенности Геду. Они проявились впервые в связи с так называемым буланжистским кризисом конца 80-х годов, когда стране угрожало установление военной диктатуры генерала Буланже. Последователи Геда, однако, не осознали эту опасность. То же повторилось позднее, в 90-х годах, в разгар борьбы вокруг дела Дрейфуса. Одна из причин такого отношения к участию в повседневной политической жизни заключалась в сравнительно широко распространенной точке зрения о том, что это просто излишне, ибо победа пролетариата не за горами.

На деле различия в формах государственного строя в разных странах играли первостепенную роль для перспектив освободительной борьбы пролетариата. В некоторых из них рабочий класс вообще был еще лишен легальных возможностей для этой борьбы, какие давали буржуазно-демократические свободы и парламентаризм. Так обстояло дело в ряде монархических государств, особенно в Восточной Европе. Полицейский произвол царил в Австро-Венгрии и в еще большей степени в царской России. Малейшие выступления против существующих порядков беспощадно пресекались, стачки, как правило, подавлялись при помощи полиции и войск, создание рабочих организаций не допускалось. Огромное большинство населения не обладало никакими гражданскими правами. И все же абсолютистский строй неуклонно подтачивался изнутри; в конце 70-х годов в России сложилась революционная ситуация, которую царизм преодолел лишь с огромным напряжением сил. В последующем его ресурсы продолжали сокращаться, но он упорно противился проведению каких-либо реформ. В аналогичном положении находилось большинство населения Балкан, особенно остававшееся под гнетом феодальной султанской Турции, труженики Японии и других стран Востока.

Гораздо более благоприятными были условия, в которых действовал рабочий класс стран Западной Европы, уже имевший определенные политические права, завоеванные в ходе буржуазно-демократических революций. Но и здесь продолжалась борьба за демократические реформы, в авангарде которой шел пролетариат. Под нажимом трудящихся в 1875 г. во Франции, в 1890 г. в Испании и в 1893 г. в Бельгии конституцией было закреплено всеобщее избирательное право для мужчин. Господствующие классы вынуждены были расширить избирательное право в Италии (1882 г.) и Голландии (1896 г.). По-прежнему почти повсюду таких прав были лишены женщины. Однако движение за демократические преобразования, достижимые еще в рамках капиталистического строя, не ограничивалось борьбой за избирательные права. Большое значение для рабочего класса имела борьба за введение фабричного законодательства, за законодательное ограничение рабочего времени, а также за те или иные мероприятия, затрагивавшие жизненные интересы потенциальных союзников пролетариата. Наконец, часто речь шла об удержании, защите уже раз завоеванных прав, на которые покушались реакци-

онные круги правящего лагеря, или о предотвращении их попыток устранить парламентский режим. Таким образом, широкая основа для общедемократического движения имелась повсюду: и там, где еще приходилось добиваться введения элементарных демократических свобод, и там, где они уже существовали, но где задача состояла в том, чтобы отстоять их и вырвать у буржуазии новые уступки.

Одним из аспектов общедемократической борьбы, самым непосредственным образом касавшимся интересов пролетариата, был национальный вопрос. Здесь на первое место уже выдвигались проблемы, связанные с порабощением или экономическим закабалением империалистическими державами стран Азии, Африки и Латинской Америки. Но даже в странах Западной Европы, где образование национальных буржуазных государств завершилось, еще существовали угнетенные нации. Одним из устоев реакции в Англии был гнет английских лендлордов и буржуазии над Ирландией. В Германии на положении угнетенных наций находились поляки, датчане Северного Шлезвига, лужицкие сорбы, французская часть населения Эльзаса и Лотарингии. Тем не менее в этих государствах преобладал однородный национальный состав населения. Время крупных национально-освободительных движений там уже в общем миновало, и на первое место выступили внутренние классовые противоречия капиталистического общества.

Иначе обстояло дело в странах Восточной Европы — в Австро-Венгрии и России, где продолжал существовать национальный гнет. Активность пролетариата и его организаций придавала значительный размах освободительному движению угнетенных национальностей Австро-Венгрии, которое все сильнее сотрясало ветхое здание габсбургской монархии. В 1896 г. рабочим Австрии удалось добиться частичного успеха — принятия избирательной реформы, впервые позволившей представителям социал-демократии попасть в парламент. Но другое завоевание массового движения — установление равенства чешского языка с немецким в Чехии и Моравии (1897 г.) — вызвало со стороны австрийских реакционеров яростное сопротивление. Начался серьезнейший политический кризис. В 1899 г. реформа была отменена, и Чехию разделили по языковому признаку, что соответствовало требованиям австрийских шовинистов.

Непримиримая позиция правящих кругов Австро-Венгрии по отношению к правам населявших страну национальностей не была единичным явлением. Она отражала процесс вступления капитализма в новую стадию его развития, недвусмысленное усиление реакционных тенденций в политике буржуазии, прежде всего по отношению к рабочему движению. В то же время часть правящих кругов склонна была отвечать на повышение уровня политической активности социальных низов, в первую очередь рабочего класса, отдельными реформами и льготами — тем, что на гораздо более поздних этапах развития стало именоваться политикой социального маневрирования.

Но в тот период на первом месте были яростные попытки господствующих классов расправиться с рабочим движением силой, при помощи репрессий, иногда в сочетании с «дарованными свыше» мелкими уступками. Такой курс проводил, в частности, канцлер Германской империи Бисмарк, издавший в 1878 г. «исключительный закон» против социалистов, который сильнейшим образом сковал деятельность социал-демократической партии, профсоюзов и других рабочих организаций (закон действовал 12 лет); несколько позднее были проведены некоторые (весьма ограниченные) меры по социальному страхованию рабочих. Но этот курс не принес ожидавшихся результатов.

В Италии правящие круги вознамерились поставить рабочий класс на колени уже тогда, когда соответствующие попытки Бисмарка закончились крахом, а сам он вынужден был уйти в отставку. Они рассчитывали, по-видимому, на менее развитые в социальном смысле условия. Начиная с 1894 г. и вплоть до начала нового столетия итальянские социалисты подвергались всяческим репрессиям, по своей ожесточенности даже превосходившим то, что имело место в Германии. Результат, однако, был тот же, и после 1900 г. к власти пришел представитель противоположной тенденции — Джолитти, стремившийся локализовать рабочее движение при помощи различного рода социальных маневров. Но и в Германии, и в Италии господствующие классы отнюдь не отказывались от возвращения к политике грубого подавления рабочего класса. Таковы были, в частности, попытки германского императора Вильгельма II ввести в середине 90-х годов новый «исключительный закон».

В Японии правящие круги прибегли к жестоким репрессиям на самой заре рабочего движения, стремясь подавить его в зародыше. Этой цели служил принятый в 1900 г. закон об охране общественного порядка и спокойствия, образцом для которого послужил бисмарковский. Он полностью лишал рабочих возможности объединяться: за создание каких-либо организаций предусматривались суровые наказания.

Существенным компонентом усиления реакционных тенденций в политике буржуазии был быстрый рост бюрократии, полиции и постоянных армий. При их помощи господствующие классы стремились, в частности, парализовать нежелательные для них последствия демократических преобразований, вырванных народом. Повсюду не только полиция, но и вооруженные силы все чаще использовались для свирепого подавления стачек и других выступлений рабочего класса. В США, кроме того, существовали многочисленные отряды сыскной полиции и вооруженной охраны на службе у самих капиталистических компаний, применявшиеся для борьбы против стачек и для расправы с революционно настроенными рабочими.

Первостепенной причиной роста милитаризма, естественно, являлось обострение борьбы капиталистических держав за господ-

ство в Европе и за раздел мира. Образование в центре Европы могущественной агрессивной Германской империи, захват ею Эльзаса и Лотарингии сделали угрозу войны в Европе постоянной. Пруссия еще в 1862 г. ввела у себя всеобщую воинскую повинность, а в 1872 г. это сделала Франция. В 1874 г. была проведена военная реформа в России. Рост постоянных армий и гонка вооружений содействовали укреплению внутренней реакции и ухудшению положения трудящихся. «Военные тревоги» не раз служили поводом для новых затрат на вооружения, ложившихся тяжелым бременем на плечи народа. Создание австро-германского (1879 г.), а затем Тройственного союза (1882 г.) и заключение в 1893 г. франко-русского союза привели к дальнейшему росту вооружений. Разделение Европы на агрессивные, враждебные друг другу блоки увеличило опасность войны, грозившей рабочему классу и всем трудящимся массам неисчислимыми бедствиями. К. Маркс еще в 1870 г. предвидел неизбежность европейской войны. Спустя 15—20 лет это стало гораздо более очевидным. Вот почему так много внимания данному вопросу уделял в последние годы жизни Ф. Энгельс, подчеркивавший, что предстоящая война неминуемо принесет Европе колоссальные разрушения. «...Это была бы,— писал он,— всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга...»[1]

Угрожающий рост милитаризма повелительно ставил перед рабочим классом задачу борьбы против замыслов военщины, поддерживаемой влиятельными группировками крупного капитала. Энгельс был активнейшим участником этой борьбы, призывал рабочих дать решительный отпор намерениям господствующих классов разных стран развязать войну. «...Социалисты всех стран стоят за мир»[2],— заявлял он.

К активным действиям побуждали рабочих и соображения, вытекавшие из растущей роли милитаристов во внутренней политике капиталистических государств. Это относилось не только к Германии с ее «традиционным» преобладанием военщины в правительственной системе, хотя и здесь в 90-х годах милитаристы стали еще более решительно вмешиваться во все стороны политической жизни, используя принятую правящими кругами «политику сплочения» всех сил господствующего лагеря против рабочего класса и его союзников.

Нажим реакции, в первую очередь милитаристов, резко проявился и в такой пережившей уже несколько буржуазных революций стране, как Франция. Наиболее ярким примером тому было так называемое дело Дрейфуса, офицера генерального штаба, еврея по происхождению, обвиненного в шпионаже и осужденного по требованию военщины, несмотря на веские доказательства его невиновности. Дело Дрейфуса, разделившее страну на два лагеря, свидетельство-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 361.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 259.

вало о стремлении реакционных сил подорвать республиканский строй, свести на нет буржуазно-демократические институты. С еще бо́льшим размахом, чем во Франции, реакция выступала в Германии и в царской России. Наиболее реакционные идеологи буржуазии, как, например, Ницше, провозглашали культ насилия и открытую аморальность. Однако остановить развитие мирового революционного процесса было невозможно.

В последние три десятилетия XIX в. центром тяжести мирового революционного движения являлась Германия, где сложилась самая многочисленная и организованная социал-демократическая партия. Но уже на рубеже XIX и XX вв. рост оппортунизма лишил ее подобного положения. К этому времени ясно обозначилось перемещение центра тяжести мирового революционного движения в Россию, чьи гигантские революционные потенции К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали уже в 60—80-х годах. Важными предпосылками этого процесса были бурный рост российского пролетариата, его превращение в главную силу революционной борьбы, сплачивающую вокруг себя широчайшие массы эксплуатируемых и угнетенных. В ходе ожесточенных классовых сражений происходило формирование большевизма как политического течения, складывалось гениальное ленинское учение.

Острые столкновения, развернувшиеся в конце 90-х годов во Франции, в Австро-Венгрии, Италии, могучий подъем борьбы против царизма, развертывавшейся в России, свидетельствовали о том, что эпоха крупнейших классовых битв приблизилась вплотную. Их главной движущей силой мог быть лишь рабочий класс, проделавший за последние десятилетия XIX в. огромный путь всестороннего развития.

Глава вторая

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

В последней трети XIX в. во всей социальной структуре общества происходили глубокие изменения. Дальнейшее развитие капитализма вглубь и вширь, распространение промышленного переворота на новые страны и континенты сопровождались громадным увеличением армии наемного труда, расширением ее интернациональных рамок. В капиталистически развитых странах городской и сельский пролетариат становился наиболее многочисленной частью или же большинством самодеятельного населения (как это еще до 1871 г. имело место в Англии). В то же время ускорение процесса концентрации производства и капитала вело к снижению доли крупной и средней буржуазии в составе населения.

Средние слои города и деревни постепенно размывались. Дальше всего этот процесс зашел в Англии и США. В других странах — таких, как Германия, Франция,— на долю средних слоев в конце XIX — начале XX в. приходилась еще примерно половина самодеятельного населения. В большинстве остальных стран крестьянство и городские средние слои количественно пока преобладали, но их удельный вес сокращался.

В составе и положении международного пролетариата происходили сложные и отчасти неоднозначные изменения. Они отражали многообразие условий его формирования и развития в эпоху перехода от домонополистического к монополистическому капитализму.

РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ ПРОЛЕТАРИАТА И ИЗМЕНЕНИЯ В ЕГО СОСТАВЕ

К началу 70-х годов прошлого века в трех крупнейших странах, которые успели к тому времени пройти основные фазы промышленного переворота,— Англии, Франции и США — насчитывалось примерно 12—13 млн. промышленных рабочих. Из них почти половина приходилась на долю Англии. Вместе с сельскохозяйственными рабочими общая численность пролетариата этих стран превысила 20 млн.

По уровню капиталистического развития и индустриализации три указанные страны сильно различались: если в Англии промышленные рабочие составляли уже половину самодеятельного населения, то в США — примерно $^1/_4$, во Франции — не более $^1/_5$. Только в двух из этих стран — Англии и США — промышленный пролетариат численно преобладал над сельскохозяйственным.

Спустя 30 лет картина сильно изменилась. На первое место вышли Соединенные Штаты, где в 1900 г. насчитывалось уже 10,4 млн. промышленных рабочих — в 3 раза больше, чем в 1870 г. Их численность сильно выросла и в Германии (до 8,6 млн. в 1907 г.), прошедшей в этот период завершающую стадию промышленного переворота. Крупный отряд индустриального пролетариата сложился в Бельгии (около 1 млн. промышленных рабочих к концу столетия). Что касается недавней «мастерской мира» — Англии, то здесь темпы роста промышленного пролетариата заметно снизились: если за предшествующие 30 лет (1841—1871) он вырос в 2 раза, то за последующее тридцатилетие — лишь на 40% (с 6 до 8,5 млн.). Еще медленнее рос промышленный пролетариат во Франции (в 1906 г.— 3,4 млн. человек). Тем не менее во Франции, как и в Германии, он количественно превзошел сельскохозяйственный.

Постепенно втягивалась в процесс индустриализации Италия: по переписи 1901 г. там насчитывалось 2,6 млн. промышленных рабочих. В Испании, где капиталистическая промышленность развивалась крайне медленно, их численность увеличилась со 176 тыс. в 1860 г. всего лишь до 244 тыс. в 1896 г. Быстрые темпы роста пролетариата характерны в этот период для Швеции: на рубеже XX в. в стране было уже около миллиона рабочих, в том числе 300 тыс. промышленных.

Ускорился процесс формирования пролетариата в пореформенной России.

Если накануне отмены крепостного права в России насчитывалось 3,9 млн. наемных рабочих, в том числе примерно 2 млн. в различных отраслях промышленной деятельности (включая кустарные промыслы, строительство) и 700 тыс. в сельском хозяйстве, то к началу XX в. количество наемных рабочих увеличилось примерно до 14 млн., т. е. в 3,5 раза (в том числе сельскохозяйственных — не менее чем в 5 раз).

Численность пролетариата Австро-Венгрии к началу XX в. составила 2,3 млн. человек. Быстро росло число наемных рабочих в промышленности чешских земель; оно увеличилось с 400 тыс. в 1880 г. до 1 млн. в 1910 г. Польский промышленный пролетариат к началу XX в. насчитывал не менее 600 тыс. человек; только в Королевстве Польском количество рабочих, занятых в различных отраслях промышленности, увеличилось с 83 тыс. в 1879 г. до 257 тыс. в 1901 г. В Венгрии, где в 1867 г. было примерно 300 тыс. рабочих, преимущественно кустарных, к 1900 г. численность промышленного пролетариата составила 700 тыс. В промышленности Румынии в 1860 г. было занято всего 28 тыс. рабочих, а в 1901—1902 гг.— уже 100—120 тыс. Формирование промышленного пролетариата в Болгарии началось в 80-х годах (к 1905 г. там насчитывалось 79,6 тыс. рабочих, включая ремесленных), в Сербии — в начале XX в. (10 тыс. рабочих в 1900 г.).

На рубеже столетий промышленный пролетариат Европы и Северной Америки насчитывал в общей сложности не менее 40 млн. человек. С учетом сельского хозяйства и других отраслей армия наемного труда в главных капиталистических странах примерно в 2 раза превышала эту цифру.

В последние десятилетия XIX в. начал набирать темпы промышленный переворот в Японии, где число промышленных рабочих (на предприятиях, имевших свыше 10 занятых) возросло со 100,7 тыс. в 1887 г. до 381,3 тыс. в 1894 г. и 619 тыс. в 1904 г.

Не менее важное значение имели сдвиги в структуре пролетариата, в частности промышленного. В составе последнего все больше повышался удельный вес фабрично-заводских рабочих, а среди них — рабочих, занятых в производстве средств производства. Если еще в третьей четверти XIX в. наиболее многочисленным отрядом индустриального пролетариата были рабочие текстильных предприятий, то теперь на первое место выдвигались машиностроители, металлурги, железнодорожники. В Англии, где этот процесс начался раньше, в предшествующий период, и продвинулся дальше, число металлистов, машиностроителей и судостроителей с 1861 по 1881 г. утроилось, а к 1900 г. увеличилось еще в 1,5 раза, тогда как число ткачей и прядильщиков практически не изменилось. Еще рельефнее та же тенденция выявилась в Германии, завершавшей промышленный переворот на более высокой ступени технического прогресса. Здесь с 1882 по 1907 г., т. е. за четверть века, количество машиностроителей увеличилось в 3,5 раза, металлистов — почти в 3, горняков — более чем в 2 раза, а рабочих текстильной промышленности — на 70%.

Рост фабрично-заводского пролетариата был характерен и для пореформенной России, особенно в период промышленного подъема 90-х годов. Его численность увеличилась по сравнению с 1865 г. не менее чем в 3 раза, а рабочих крупнокапиталистической промышленности в целом — почти в 4 раза. Однако отраслевой состав фабрично-заводского пролетариата нес на себе печать сравнительной отсталости российского капитализма: текстильщики и представители других отраслей легкой промышленности абсолютно преобладали, на долю металлистов и машиностроителей приходилась примерно $^1/_6$ (240 тыс. в 1900 г.), хотя темпы роста этих групп были весьма высокими и ускорились в 90-х годах [1].

Процесс концентрации производства вел к тому, что все больше промышленных рабочих сосредоточивалось на крупных предприятиях. Не только в Англии или США, но и на Европейском континенте появилось немало очень крупных по тому времени предприятий, насчитывавших более тысячи рабочих. По данным, относящимся к середине 90-х годов, в Германии на таких предприятиях было занято

[1] См. «История рабочего класса России. 1861—1900 гг.». М., 1972, стр. 19; *А. Г. Рашин.* Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М., 1958, стр. 25.

430 тыс. человек, во Франции — 313 тыс. Высоким уровнем концентрации отличался индустриальный пролетариат в России, где почти $^3/_4$ фабрично-заводских и горных рабочих было сосредоточено на предприятиях, имевших 100 и более рабочих, и почти половина — на предприятиях, имевших 500 и более рабочих. Приводя эти данные, В. И. Ленин отмечал, что «русские крупнейшие фабрики крупнее германских»[1]. В 1903 г. в России насчитывалось 238 фабрик и заводов, имевших более тысячи рабочих; на них было занято свыше полумиллиона человек (521,5 тыс.)[2]— примерно $^1/_3$ фабрично-заводского пролетариата.

Большинство континентальных стран Европы значительно уступало в этом отношении как Англии, так и России.

Несмотря на усиление процесса концентрации, основная масса рабочих обрабатывающей промышленности все еще трудилась на мелких или средних предприятиях. Особенно много их было в производстве одежды, белья, обуви, мебели, предметов домашнего обихода. Но и в других отраслях фабрики часто окружала сеть мелких мастерских, поставлявших различные полуфабрикаты, например литье и т. п. Да и в самой фабричной индустрии существовало немало мелких предприятий полукустарного типа.

В Восточной Европе высоким уровнем концентрации пролетариата выделялись Королевство Польское и Чехия. В большинстве же восточноевропейских стран, особенно на Балканах, основную массу пролетариата составляли рабочие мелких ремесленных и кустарных мастерских.

В Японии, согласно фабрично-заводской переписи 1899 г., имелось 104 предприятия с числом рабочих более 500; на них было занято 127 тыс. человек, или $^1/_3$ всех фабрично-заводских рабочих. Появились там и предприятия, насчитывавшие более тысячи рабочих,— в 1900 г. их было уже 35.

Во многих странах и отраслях — там, где только развертывался интенсивный процесс индустриализации,— продолжало расширяться применение женского труда. Он сосредоточивался главным образом в текстильной и швейной промышленности. В Германии, например, в 1882 г. в производстве текстиля и одежды преобладали мужчины, к 1907 г. соотношение изменилось в пользу женщин. Во Франции численность работающих женщин с 1866 по 1901 г. поднялась на 50%. В Японии в конце 90-х годов они составляли 63% общего числа рабочих. Женщины выполняли чаще всего тяжелую неквалифицированную работу. При этом повсюду, даже в капиталистически более развитых странах, сохранялась система дискриминации женщин, которые за одинаковый с мужчинами труд получали в 1,5—2 раза меньше[3].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 516.
[2] Там же, стр. 513.
[3] См. *Э. Сюллеро.* История и социология женского труда. М., 1973.

Несмотря на постепенно вводимые ограничения, все еще широко применялся детский труд. Ограничения касались главным образом работы на фабриках или шахтах и практически не затрагивали сельского хозяйства, торговли, т. е. отраслей, где эксплуатация детей и подростков продолжалась в особенно больших масштабах. Но и в промышленности, прежде всего мелкой, были заняты десятки и сотни тысяч несовершеннолетних. В обрабатывающей индустрии США в 1880 г. насчитывалось 182 тыс. детей и подростков до 16 лет; они составляли 6,7% общего числа промышленных рабочих. В Германии, согласно переписи 1895 г., на различных промышленных предприятиях работало 215 тыс. детей в возрасте до 14 лет, в том числе 38 тыс.— на фабриках. Некоторые страны практически почти не ограничивали применение детского труда, допуская эксплуатацию малолетних в таких масштабах и формах, которые напоминали худшие времена раннего капитализма в Англии. Например, в Бельгии дети и подростки даже в каменноугольных копях работали наравне со взрослыми мужчинами, по 12—14 часов в сутки. Среди промышленных рабочих Италии доля детей, подростков и женщин достигала 40%.

Важные изменения происходили в составе наемной рабочей силы по квалификации. Если появление текстильных фабрик, с которых исторически начинался промышленный переворот, сопровождалось вытеснением искусного ручного труда ремесленников и мануфактурных рабочих простым машинным трудом, то в дальнейшем, когда машинное производство захватывает машиностроение и другие отрасли металлообработки, потребность в более квалифицированном труде создается уже самой фабричной промышленностью. Высоким удельным весом квалифицированных рабочих отличались английское машиностроение — до 70—75%, судостроение — до 50—60%. В США на долю квалифицированных и полуквалифицированных рабочих приходилось почти $^2/_3$ промышленного пролетариата. В Германии, по переписи 1895 г., к категории обученных рабочих относилось 56% всей рабочей силы в промышленности, ремесле и строительстве. В ремесле, строительстве и других новых отраслях фабричного производства была сосредоточена основная масса высококвалифицированных рабочих; в целом же, особенно с учетом сельского хозяйства, они еще составляли в общей массе пролетариата небольшое меньшинство.

Категория обученных, квалифицированных рабочих охватывала разные ступени квалификации; наиболее высокой оставалась в последней трети XIX в. квалификация преимущественно ремесленного или полуремесленного типа, связанная с опытом и навыками искусного ручного труда, приобретенными за долгие годы ученичества и самостоятельной работы. Не случайно, разбирая состав рабочей силы на английских хлопчатобумажных фабриках, Маркс говорил о рабочих «ремесленного характера» — таких, как механики, столяры и т. п. Но в текстильном производстве квалифицированные рабочие

этого типа составляли тогда чрезвычайно узкий слой и находились, по выражению Маркса, «вне круга фабричных рабочих» (будучи заняты лишь контролем за машинами и их починкой) [1]. В новых отраслях фабричного производства они принадлежат уже к основному производственному персоналу. На машиностроительных и аналогичных им заводах дольше сохранялись рудименты мануфактурно-ремесленного производства, медленнее происходило вытеснение сложного ручного труда простым машинным. Вместе с тем в этих отраслях более широкое применение находил сложный машинный труд. Работа на токарном станке, например, требовала подготовки — понимания чертежей, умения делать элементарные вычисления и хотя бы небольшого знакомства с геометрией. Новые требования к рабочей силе предъявляли такие новейшие отрасли, как электротехника, автомобилестроение. Соответствующие группы пролетариев были пока малочисленны (автомобилестроители США в 1899 г. насчитывали всего 2 тыс. человек), но их ряды росли наиболее быстро. Перепись 1882 г. в Германии даже не выделяла электротехников как особую профессиональную группу; в 1907 г. их число достигло 90 тыс. [2] Появлялись первые промышленные лаборатории, изобретательство становилось одной из функций и разновидностей наемного труда, непосредственно эксплуатируемого капиталом.

Более высоким уровнем квалификации и образованности по сравнению с основной массой промышленных рабочих обладали конторские, торговые и технические служащие. Именно в последние десятилетия XIX в. в связи с ускорением концентрации производства и научно-технического прогресса, ростом сферы обращения эти профессиональные группы впервые становятся действительно массовыми. Так, в Германии за 1882—1907 гг. общее количество служащих увеличилось в 4 раза (до 1,3 млн.), причем в промышленности — в 7 раз, а в машиностроении — даже в 13 раз. «Капитализм,— писал В. И. Ленин в 1899 г.,— во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число *служащих*, предъявляет все больший спрос на интеллигенцию» [3].

Еще ранее служащие как профессиональная категория привлекли внимание Маркса и Энгельса. Рассматривая процесс обращения капитала, Маркс проанализировал функции конторских и торговых служащих, которых он называл «торговыми рабочими», раскрыл сущность и специфику эксплуатации их труда капиталом. «...Торговый рабочий,— констатировал Маркс,— совершенно такой же наемный рабочий, как и всякий другой» [4]. При этом он сделал ту важную оговорку, что «собственно торговый рабочий принадлежит

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 431; см. также т. 47, стр. 481, 507.

[2] *G. Neuhaus*. Die berufliche und soziale Gliederung des deutschen Volkes. München-Gladbach, 1911, S. 37.

[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 209.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 321.

к лучше оплачиваемому классу наемных рабочих, к тем, труд которых есть квалифицированный труд, стоящий выше среднего труда» [1].

Позднее Энгельс, касаясь этого вопроса, говорил о «торговом пролетариате». Энгельс обращал внимание и на то, что дела акционерных компаний (получавших тогда все более широкое распространение) «ведут за них *наемные лица* — служащие, положение которых в сущности одинаково с положением привилегированных, лучше оплачиваемых рабочих» [2]. Ему принадлежит выражение «пролетариат умственного труда» (das intellektuelle Proletariat), содержавшееся в обращении к Международному конгрессу студентов-социалистов[3]. Нужно, конечно, учитывать, что в то время даже рядовые работники умственного труда могли рассчитывать на более устойчивую по сравнению с рабочими занятость, гораздо более высокую оплату, привилегированный статус [4].

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И ТРУДА

Почти вся жизнь наемного рабочего проходила на производстве или в поисках работы. С ранних лет и до последних своих дней он был прикован к тяжелому, однообразному, изматывающему труду. Характер и условия труда определяли образ жизни, ее ритм, уровень и тип потребления — все то, что резкой гранью отделяло пролетария от представителей других общественных классов.

Формы и методы капиталистической эксплуатации варьировались в зависимости от характера производства. Промышленность с точки зрения организации и техники производства представляла собой довольно пеструю картину: рядом с крупными предприятиями, оборудованными машинной техникой, приводимой в движение силой пара, а с 90-х годов все чаще и электроэнергией, продолжали существовать мелкие фабрики, работавшие на водяной силе, и масса кустарных и ремесленных мастерских, целиком основанных на ручном труде. Развитие крупнокапиталистической машинной индустрии сопровождалось сдвигами в соотношении основных методов эксплуатации, связанных с извлечением соответственно абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Если в первой половине XIX в., а в некоторых странах и позже повышение степени эксплуатации достигалось в большой степени удлинением рабочего дня (абсолютная прибавочная стоимость), то в дальнейшем особенно возрастает значение интенсификации труда (относительная прибавочная стоимость). Например, английский прядильщик в конце XIX в. обслужи-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 329.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 297.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 432.
[4] См. *В. В. Песчанский*. Служащие в буржуазном обществе. М., 1975.

вал в 2—3 раза больше машин, чем его отец; скорость работы прядильных машин (в Ланкашире) с начала 70-х до начала 900-х годов увеличилась примерно на 40%. Это, естественно, требовало от рабочих большей подвижности, сосредоточенности, напряжения. В качестве метода интенсификации труда все шире применялись сдельная (поштучная) оплата и систематическое снижение расценок.

Однако возможности дальнейшей интенсификации труда сдерживались технической базой машинного производства, которая вплоть до 90-х годов не претерпела принципиальных изменений по сравнению с предшествующим периодом. Это относится и к машиностроению, где по-прежнему доминировали паровой двигатель, навесная трансмиссия с ременным приводом и универсальный станок, а производство оставалось преимущественно мелкосерийным. Среди английских машиностроителей в 1886 г. лишь 6—7% работали на сдельной оплате (в частности, потому, что ее введение вызывало сильное сопротивление рабочих). К 1906 г. соответствующая цифра увеличилась до 33% [1].

Последняя треть XIX в. принадлежит в этом отношении как бы к переходному периоду, когда наметился, но еще не произошел сдвиг от экстенсивного к интенсивному типу производства. В этот период в отличие от предшествующего темпы общего роста производительности труда в главных капиталистических странах замедляются (максимум приходится на 70-е годы) [2]. Возможности техники пара, универсального станка постепенно исчерпывались, подготавливая условия для качественных сдвигов, для перехода к новым методам интенсификации труда и производства, основанным на технологии стандартизированного крупносерийного поточного производства, на дальнейшей специализации и «научной» организации труда.

Условия труда оставались тяжелыми во всех отношениях. До середины 70-х годов рабочий день в фабрично-заводской промышленности почти всюду был не менее 10 часов, в ряде стран он достигал 12 часов, а кое-где значительно превышал эту цифру. В Англии и США обычный рабочий день составлял 10 часов, в Германии — от 10 до 12, во Франции и в Италии — от 11 до 12, в Голландии —12, в Испании — от 12 до 13, в Бельгии (текстильная промышленность) — от 13 до 14, в России — от 12 до 15, в Японии — от 12 до 16 часов. У многих категорий трудящихся продолжительность рабочего дня превышала уровень, установившийся в фабрично-заводской промышленности. Так, английские железнодорожники до 1893 г. работали по 12 и более часов в день, иногда даже по 20 часов; торговые служащие, включая подростков,— по 75—90 часов в неделю. В США $^1/_4$ ра-

[1] *J. B. Jefferys.* The Story of the Engineers (1800—1945). London, 1945, p. 129.

[2] См. *Ю. Кучинский.* История положения рабочего класса при капитализме. Мировой обзор. М., 1970, стр. 149; ср. *E. H. Phelps Brown.* The Economics of Labour. New Haven, 1962, p. 231.

бочих была занята ежедневно 11—13 часов, служащие в магазинах — 12 часов. Еще более продолжительным повсюду был рабочий день в мелкой и домашней промышленности.

Пренебрежение предпринимателей к технике безопасности ежедневно и ежечасно ставило под угрозу здоровье и жизнь рабочих. Каждый год тысячи людей погибали на производстве в результате несчастных случаев, десятки тысяч становились калеками. Исключительно велики были масштабы производственного травматизма в горнорудной, угольной и металлургической промышленности, на железнодорожном транспорте.

Чрезмерная продолжительность рабочего времени, отсутствие необходимых мер по безопасности труда (несмотря на появление все новых видов производства, сопряженных с повышенной опасностью для жизни и здоровья людей), теснота и загрязненность производственных помещений — все это превращало труд в проклятье для рабочих. Особенно тяжелыми, поистине убийственными были условия труда на шахтах и рудниках, в металлургии, в химической промышленности.

Вне завода, шахты, строительной площадки рабочий сталкивался с постоянной нуждой, убожеством повседневного быта. Непосильный труд, недостаточное питание, болезни подрывали его физические силы, подавляли морально. Рабочая масса практически была лишена доступа к подлинным культурным ценностям, накопленным человечеством. Семейные узы в этих условиях легко ослаблялись; рабочий искал общения и «разрядки» вне семьи, обычно на улице и в кабаке.

Развитие рабочего класса зависело от его способности к сопротивлению капиталистической эксплуатации, к борьбе за изменение условий жизни и труда (влиявших в свою очередь на изменение методов производства и эксплуатации). Поэтому особенно важно то обстоятельство, что именно в этот период ему удалось в одних странах закрепить и расширить, а в ряде других впервые завоевать основные профсоюзные права и свободы. Ведь даже в Англии, где свобода коалиций и стачек была формально признана раньше, чем где-либо, тред-юнионы вплоть до 70-х годов не пользовались юридическими правами, а их легальное существование не раз оказывалось под вопросом. Руководители и участники стачек подвергались судебному преследованию и тюремному заключению по обвинениям в «заговоре», «насилии», «создании помех» предпринимательству и т. п. Только в 1871 г. английские тред-юнионы добились юридического признания и, следовательно, права на защиту своего имущества и денежных фондов. Но одновременно парламент вновь принял весьма изощренно сформулированный закон, рассматривавший по существу всякое активное действие стачечников (например, агитацию в пользу стачки, пикетирование) как уголовное преступление. В 1875 г. тред-юнионам удалось добиться отмены этого закона. Тогда же парламент отменил

и ненавистный рабочим закон «О хозяевах и слугах» [1]. Заменивший его Акт о предпринимателях и рабочих в законодательном порядке признавал юридическое равноправие обеих сторон, участвующих в договоре о найме рабочей силы. Впервые узаконен был и принцип коллективного договора; несмотря на упорное противодействие хозяев, он с этого времени получает все большее распространение.

Понадобились годы, прежде чем рабочий класс других капиталистических стран достиг соответствующего уровня профсоюзных прав и свобод. В США, например, профсоюзная деятельность, хотя уже и не преследовалась законом, как в первой половине XIX в., фактически сковывалась произволом местных властей и судебной практикой (запрещение профсоюзным лидерам призывать к забастовкам и т. п.), а после 1890 г.— на основании «антитрестовского» закона Шермана. Во Франции законодательные положения, запрещавшие всякие организованные действия рабочих, были отменены в последние годы существования Второй империи, но лишь в 1884 г. французские профсоюзы добились окончательной легализации. В Германии общего законодательства на этот счет не было. Принцип свободы коалиций признавался «промысловым уставом», принятым Северогерманским союзом в 1869 г. Однако законы, действовавшие в отдельных германских государствах, прежде всего в Пруссии и Саксонии, допускали профсоюзную деятельность только в промышленности, да и то с серьезными оговорками и ограничениями, которые «подкреплялись» постоянными полицейскими и судебными притеснениями. В Италии только в 1886 г. были юридически признаны рабочие общества взаимопомощи и лишь в 1889 г. санкционирована свобода стачек. Согласно новому уголовному кодексу, вступившему в силу в 1890 г., формально преступным актом стала считаться не забастовка, как таковая, а применение забастовщиками «насилия или угроз», что оставляло, конечно, широкие возможности для использования полиции и войск против забастовщиков [2].

По мере утверждения конституционно-парламентских режимов (кое-где служивших лишь прикрытием полуабсолютистских порядков) на наемных рабочих формально распространялись и другие гражданские права и свободы. Во Франции и в Германии провозглашение всеобщего избирательного права (для мужчин) было тесно связано с бонапартистскими маневрами правящих кругов,

[1] По этому закону нарушение трудового соглашения со стороны рабочего каралось тюремным заключением, тогда как для предпринимателя устанавливалась лишь гражданская ответственность. На его основе в период с 1858 по 1875 г. английские суды ежегодно возбуждали до 10 тыс. дел против рабочих *(D. Simon.* Master and Servant.— «Democracy and the Labour Mouvement». London, 1954, p. 160).

[2] В Бельгии запрещение коалиций было отменено в 1867 г., в Австро-Венгрии — в 1870 г., в Голландии — в 1872 г.

которые рассчитывали использовать его против рабочего класса, составлявшего тогда меньшинство населения этих стран [1]. Английская буржуазия, напротив, долго сопротивлялась признанию этого принципа и, вынужденная идти на уступки, тщательно дозировала их, не поступаясь своими классовыми интересами. В 1884 г. (после полувековой борьбы!) третья парламентская реформа распространила избирательное право на основную массу рабочих-мужчин [2].

Возможность легальной политической деятельности, в том числе в избирательных кампаниях, имела немалое значение для укрепления общественных позиций рабочего класса, становилась одним из важных средств борьбы против существующего порядка [3]. Но вплоть до начала XX в. в голосовании на выборах фактически участвовало всего 10—15% населения [4]. В ряде стран избирательные системы даже после реформ, проведенных под давлением снизу, основывались на прямой политической дискриминации рабочих. В России, Японии и многих других странах пролетариат оставался политически совершенно бесправным.

Под влиянием рабочего движения в передовых капиталистических странах получает развитие фабричное законодательство — это, по оценке Маркса, «первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй его процесса производства» [5]. Фабричное законодательство позволяло устранить хотя бы мелкие притеснения и прямое обворовывание рабочих, к чему так часто прибегали фабриканты на заре промышленного капитализма; оно создавало известную преграду для наиболее грубых и бесчеловечных форм эксплуатации. Как ни медленно оно внедрялось, постепенно сфера его действия расширялась, охватывая все новые отрасли и стороны производства. В главных странах Западной Европы были приняты некоторые меры по защите труда женщин и детей, запрещена выплата заработной платы продуктами, кое-где установлен контроль над сдельными расценками. На предприятиях стали появляться обязательные правила санитарии, безопасности труда и т. п. К концу XIX в. в ряде стран вводится обязательное страхование от несчастных случаев за счет предпринимателя, в некоторых — государственное страхование по болезни. Эти реформы представляли собой определенные уступки со стороны правящих классов. Каждая,

[1] В Пруссии, однако, продолжала действовать трехклассная избирательная система — пережиток феодально-сословных отношений.

[2] При этом сохранялась сложная система регистрации, по-прежнему отстранявшая значительную часть рабочих от участия в выборах.

[3] См. *Г. Граф, Г. Зайлер.* Выборы и избирательное право в классовой борьбе. М., 1974.

[4] В Германии на первых выборах (1871 г.) — 10%, в 1907 г.—15, в Англии — 12%. Несколько выше эта цифра была тогда в США — 19%.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 492.

по выражению Маркса, «была вырвана у них «давлением извне»»[1]. Однако часто фабричные законы оставались для рабочих мертвой буквой, тем более что ограниченные кадры фабричной инспекции не могли эффективно контролировать их соблюдение [2].

Особенно важное значение с точки зрения общих жизненных условий пролетариата имели меры по защите труда несовершеннолетних и женщин. Они включали запрещение или регулирование ночного труда и подземных работ, установление минимального возраста для детей и подростков, принимаемых на фабрики, ограничение продолжительности рабочего дня для этих категорий трудящихся. Вслед за Англией, где такие ограничения стали вводиться раньше, чем где-либо, на этот путь вынуждены были вступить и правящие круги некоторых других стран. Но масштабы уступок трудящимся были весьма неодинаковы в разных странах, а соответствующее законодательство отличалось крайней непоследовательностью, содержало различные оговорки, оставлявшие предпринимателям немало возможностей обходить его.

В результате борьбы рабочего класса тенденция к сокращению рабочего дня распространилась и на взрослых рабочих-мужчин. Наиболее заметные сдвиги произошли в этот период в Англии. Если в первой половине XIX в. рабочая неделя в английской текстильной промышленности продолжалась 90—100 часов, то в последней трети столетия —56,5 часа, а на прочих фабриках —60 часов. Английские машиностроители и металлисты добились 54-часовой, а на некоторых предприятиях — и 48-часовой рабочей недели, лондонские строители (с 1892 г.) —49-часовой. Некоторый прогресс в этом отношении имел место и в других капиталистических странах, хотя совершался он крайне неравномерно и медленно. По данным известных экономистов Войтинских, с 1870 по 1910 г. средняя продолжительность рабочей недели снизилась в США с 66 до 54 часов, т. е. на 18,2%; в Европе — с 78 до 60 часов, т. е. на 23% [3]. Согласно подсчетам Ю. Кучинского, суммировавшего данные по основным странам, средняя продолжительность рабочей недели в капиталистическом мире уменьшилась с 74 часов в 1870—1879 гг. до 61 часа в 1900—1909 гг., т. е. на 18% [4]. Приведенные цифры относятся, впрочем, лишь к главным отраслям промышленного производства, да и там фактический рабочий день сплошь и рядом был длиннее из-за сверхурочных работ, особенно в периоды высокой экономической конъюнктуры.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 383.

[2] В начале 900-х годов в Англии имелось 83 инспектора (и 22 помощника инспектора) на 95,7 тыс. фабрик и 137,6 тыс. мастерских; в Пруссии (1898 г.)— 193 инспектора (с ассистентами) на 137,3 тыс. предприятий; во Франции (1899 г.) — 95 инспекторов на 309,7 тыс. промышленных заведений.

[3] *W. S. Woytinsky* and *E. S. Woytinsky*. World Population and Production. New York, 1953, p. 367.

[4] См. *Ю. Кучинский*. Указ. соч., стр. 136.

Регулирование и некоторое сокращение рабочего дня создавали предпосылки для распространения грамотности, образования в среде фабричных рабочих. Впрочем, этого требовали и интересы самого производства. Поэтому законы, касавшиеся труда детей и подростков на фабриках, предусматривали обычно определенный минимум школьного обучения. Со своей стороны профсоюзы и другие демократические организации активно боролись за создание государственной системы образования [1]. В северных штатах США она возникла (под давлением местных профсоюзов) еще до Гражданской войны 1861—1865 гг. Англия стала переходить к всеобщему начальному образованию с 1870 г., Италия — с 1877 г.; во Франции обязательное светское образование детей было введено в 1882 г. Сокращение рабочего времени открывало возможности для самообразования рабочих, способствовало расширению их потребностей, духовных интересов и кругозора, их классовой активности.

Рост производительных сил, с одной стороны, и усиление сопротивления рабочего класса капиталистической эксплуатации — с другой, отражались на движении заработной платы. Что касается денежной заработной платы, то в целом ее средний уровень от цикла к циклу либо несколько повышался, либо снижался в меньшей степени, чем стоимость жизни. В Англии и США имело место незначительное повышение номинальной заработной платы (с конца 70-х годов XIX в.), во Франции и в Германии оно было несколько больше.

Между тем цены на сельскохозяйственные продукты и промышленные товары широкого потребления обнаруживают в этот период тенденцию к понижению. В Англии, которая еще сохраняла доминирующее положение на мировом рынке, розничные цены на муку, картофель и сахар упали за 1877—1900 гг. в 2 раза, на хлеб и мясо — в 1,5 раза [2]. Решающую роль здесь сыграл импорт дешевого зерна и других сельскохозяйственных продуктов из США, Канады, России. Падение цен имело место и в континентальных странах Западной Европы, но в меньшей степени, так как здесь этому препятствовала политика покровительственных пошлин, проводившаяся в интересах крупных землевладельцев. Поэтому во Франции, например, снижение стоимости жизни было менее ощутимым, чем в Англии; в Германии же она практически оставалась на прежнем уровне.

Продукты питания все еще составляли главную статью в бюджете рабочих семей — от половины до двух третей. Поэтому движение продовольственных цен особенно заметно сказывалось на уровне реальной заработной платы. За последнюю треть XIX в., согласно

[1] См., например: *А. Я. Унгвицкая.* Рабочий класс и проблемы народного образования в Англии в XIX в. — «Ученые записки Пермского государственного университета», № 245. Пермь, 1971.

[2] «British Labour Statistics. Historical Abstract 1886—1968». London, 1971, p. 164.

наиболее достоверным оценкам, имеющимся по главным странам Запада (Англия, США, Германия, Франция), он повысился в пределах 30—50% [1]. Другими словами, капиталу не удалось понизить цену рабочей силы в соответствии с уменьшением стоимости жизненных средств, к чему он по природе своей стремится. Верх взяла тенденция к повышению реальной цены рабочей силы [2].

Для пролетариев, отброшенных промышленным переворотом на грань физической деградации [3], некоторое повышение жизненного уровня означало прежде всего возможность чуть лучше и разнообразнее питаться, по крайней мере при наличии работы. Без определенного улучшения питания было невозможно и повышение интенсивности труда в фабричной промышленности. Меняющиеся условия жизни и труда вызывали увеличение объема необходимых расходов рабочих семей и в других отношениях. Все большая концентрация рабочих в городах и в крупном производстве сопровождалась появлением новых потребностей и привычек не только в отношении питания, но и одежды, жилищных условий, духовных интересов (чтение газет и т. п.). Дорожало жилье, поднимался удельный вес транспортных расходов. Наконец, увеличивались налоги, особенно вследствие роста государственного аппарата, усиления милитаризма и военно-политического соперничества держав.

Почти весь свой заработок рабочие семьи по-прежнему расходовали на самое необходимое — питание, одежду, жилье, отопление и освещение. Потребности социального, культурного характера фактически могли удовлетворяться лишь за счет этих неотъемлемых статей семейного бюджета. Низкий в целом уровень жизни диктовал наемным рабочим такой тип потребления, такую его структуру, которые радикальным образом отличались от типа и структуры потребления средних и высших классов [4]. Несмотря на рост реальной заработной платы, рабочие не имели возможности выйти за узкие гра-

[1] См. *Ю. Кучинский.* Указ. соч., стр. 153; *G. Bry.* Wages in Germany 1871—1945. Princeton, 1960, p. 466; *Cl. D. Long.* Wages and Earnings in the United States, 1860—1890. Princeton, 1960, p. 61, 63—64; см. также: *R. Kuczynski.* Arbeitslohn und Arbeitszeit in Europa und Amerika, 1870—1909. Berlin, 1913; *C. Tyszka.* Löhne und Lebenskosten in Westeuropa im 19. Jahrhundert. München und Leipzig, 1914; *A. L. Bowley.* Wages and Income in the United Kingdom since 1860. Cambridge, 1937.

[2] С середины 90-х годов рост реальной заработной платы замедлился или приостановился, что связано с новыми экономическими и политическими условиями, созданными переходом к монополистическому капитализму.

[3] В 70-х годах английские мальчики 11—12 лет, посещавшие промышленные школы, были в среднем на пять дюймов (12,5 см) ниже, чем мальчики того же возраста из привилегированных классов *(E. J. Hobsbawm.* Industry und Empire. Economic History of Britain since 1750. London, 1968, p. 137).

[4] *M. Halbwachs.* La classe ouvrière et les niveaux de vie. Paris, 1913.

ницы прожиточного минимума [1]. Не устранил он и массовой нищеты в рабочей среде. Вместе с тем подтвердилась справедливость замечания Энгельса, высказанного по поводу Эрфуртской программы германской социал-демократии, что «организация рабочих, их постоянно растущее сопротивление будут по возможности создавать известную преграду для *роста нищеты*» [2].

Уровень жизни трудящихся не был и не мог быть одинаковым в разных странах. Национальные различия в заработной плате отражали, естественно, различия в производительности общественного труда и в стоимости рабочей силы. В начале 900-х годов номинальная заработная плата в США, Германии и Франции (металлообрабатывающая промышленность, машиностроение и строительство) составляла по отношению к Англии:

	Англия	США	Германия	Франция
Недельная заработная плата . .	100	232	83	75
Продолжительность рабочего времени	100	96	111	117
Заработная плата за равное рабочее время . . .	100	240	75	64

Источник. *C. Tyszka.* Die Lebenshaltung der arbeitenden Klassen. Jena, 1912, S. 11, 13.

С учетом разницы в продолжительности рабочего времени (экстенсивной величины труда) у американских рабочих заработки были почти в $2^1/_2$ раза больше, чем у английских, а у последних — примерно на $^1/_4$ больше, чем у немецких, и на $^1/_3$ больше, чем у французских. Различия в уровне реальной заработной платы были, однако, меньше в первом случае и больше во втором и третьем. Американскому рабочему гораздо дороже обходились жилье, а также одежда и другие промышленные потребительские товары (цены на продовольствие здесь, напротив, были ниже, чем в Европе). В Германии квартирная плата в свою очередь была выше (а жилищные условия хуже), чем в Англии. На континенте дороже также стоили продукты питания.

[1] «Даже средний мастеровой или фабричный рабочий, зарабатывающий от 20 до 35 шиллингов в неделю,— свидетельствовали современники, супруги Веббы,— редко имеет достаточное количество пищи, необходимое количество времени для сна и достаточно удобную обстановку, которые позволяли бы ему проявлять всю физическую и умственную энергию, на которую он по своей природе способен» (*С.* и *Б. Вебб.* Теория и практика английского тред-юнионизма, т. 2. СПб., 1901, стр. 587—588).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 233.

Бюджетные обследования семей рабочих, проводившиеся в начале XX в., выявили следующие соотношения по этим показателям (Англия = 100):

	Англия	США	Германия	Франция
А. Квартирная плата	100	207	123	98
Б. Цены на потребительские товары	100	125	108	106
А и Б вместе (на базе семейных бюджетов данной страны)	100	141	111	104

Источник. *C. Tyszka.* Die Lebenshaltung der arbeitenden Klassen, S. 66.

Простой расчет показывает, что с учетом покупательной способности заработной платы и структуры семейных бюджетов реальная заработная плата (часовая) в США была на 70% выше, чем в Англии, а в Германии и Франции — соответственно на 32 и 38% ниже. В двух последних странах она была, следовательно, примерно в 2,5—3 раза ниже, чем в США. При этом необходимо, конечно, учитывать различия в степени интенсивности и производительности труда; по этим показателям американская промышленность значительно превосходила европейский уровень. Различия в объеме и структуре потребления выражались, например, в том, что в продовольственном рационе основной массы американских и значительной части английских рабочих уже преобладали мясо, пшеничный хлеб, овощи, тогда как питание немецких рабочих состояло преимущественно из ржаного хлеба и картофеля, мясо же появлялось на столе обычно раз в неделю — по воскресеньям. Несколько различались и типичные жилищные условия. Если в городах Германии и многих других стран континентальной Европы основным типом жилья для рабочих были доходные дома-казармы, то в США и Англии довольно широкое распространение получила система домиков-коттеджей (на одну-две семьи), принадлежавших обычно заводчикам, которые сдавали их внаем рабочим. Капиталисты шли на это, стремясь привязать рабочих к предприятию.

На жизненных условиях рабочих в последние десятилетия XIX в. все так же остро и болезненно сказывалась необеспеченность существования. Даже в «благополучные» годы, т. е. в периоды высокой конъюнктуры, число безработных достигало 3—5%. Часть промышленных рабочих постоянно страдала от сезонной безработицы, усиливавшейся в зимние месяцы. Так, в Германии в 1895 г. (фаза подъ-

ема) число зарегистрированных безработных в середине июня составляло 179 тыс., а в начале декабря —553,6 тыс.

Но подлинным бедствием становились периоды экономических кризисов и депрессий, которые в эти десятилетия принимали особенно затяжной и мучительный характер. С наступлением кризиса сотни тысяч и миллионы трудящихся внезапно выбрасывались за ворота предприятий [1]. Те, кто не имел сбережений (а они составляли подавляющее большинство), сразу и часто надолго лишались всяких средств к существованию. Они обрекались на безмерные страдания: голодали в буквальном смысле, принудительно выселялись из квартир, вынуждены были нищенствовать, закладывать вещи в ломбардах, пользоваться унизительными подачками благотворительных организаций, идти ради куска хлеба на преступления.

Сильнее всего безработица поражала главные отрасли промышленного производства. В Англии, например, по отдельным профессиям ее уровень достигал $^1/_5$ и даже $^1/_3$ общего числа занятых. Особенно сильно кризис ударял по рабочим мелких полукустарных мастерских. Среди квалифицированных фабричных рабочих безработица была, видимо, несколько ниже среднего уровня.

Кризисы тяжело отражались не только на промышленных рабочих, но и на других группах наемных тружеников, в том числе на торговых служащих. Касаясь высказанного Марксом еще в 60-х годах замечания о неизбежном в будущем ухудшении относительного положения высокооплачиваемых торговых рабочих, Энгельс спустя тридцать лет отмечал: «Насколько оправдалось впоследствии это предвидение участи торгового пролетариата, данное в 1865 г., об этом могут порассказать сотни немецких приказчиков, которые, будучи весьма сведущи во всех торговых операциях и владея 3—4 языками, тщетно предлагают свои услуги в лондонском Сити по 25 шилл. в неделю,— значительно ниже оплаты квалифицированного слесаря» [2].

В рамках общей необеспеченности существования положение некоторых слоев пролетариата было особенно тяжелым. Это относится, например, к сельскохозяйственным рабочим, влачившим самое жалкое существование (а в ряде стран, как в Германии, Австро-Венгрии, Италии, России,— не свободным еще и от некоторых видов докапиталистической зависимости). Это относится к необученным фабричным рабочим, обреченным на жизнь впроголодь. И это относится, конечно, к массе наемных рабочих капиталистической мануфактуры, к жертвам гнуснейшей, по выражению Маркса, системы эксплуатации — работы на дому.

Практика раздачи работы на дом фабрикантами, оптовиками или скупщиками-посредниками все еще сохранялась в Англии, получила

[1] См. *Л. А. Мендельсон.* Теория и история экономических кризисов и циклов, т. II. М., 1959.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 330.

чрезвычайно сильное развитие в США (в связи с наплывом иммигрантов из Восточной Европы, готовых работать за любую, самую низкую плату) и была широко распространена в Германии, Франции, Италии, России [1]. Перед лицом нарастающей конкуренции крупной машинной индустрии домашняя промышленность могла существовать лишь за счет сверхэксплуатации и крайне низкого жизненного уровня рабочих. Не случайно эта система повсюду называлась английским термином sweating system — потогонная система: здесь в ходу были самые примитивные и самые изматывающие методы эксплуатации, к тому же практически исключавшие возможность какого-либо контроля и надзора. Да и формально домашняя промышленность в большинстве стран оставалась вне сферы действия фабричного законодательства.

Тяжелое положение рабочих домашней промышленности усугублялось хронической нерегулярностью работы. Периоды чрезмерного напряжения, особенно в отраслях, где производство имело сезонный характер, сменялись длительной, продолжавшейся по несколько месяцев безработицей. Условия труда здесь практически не изменились по сравнению с началом XIX в.: те же тесные, душные помещения, в которых, как правило, одновременно и работали и жили; те же антисанитарные условия, превращавшие мастерские в рассадники инфекций и профессиональных болезней; та же непомерная длительность рабочего дня, продолжавшегося до 14—15 часов и более; те же грабительские расценки, не обеспечивавшие даже жалкого прожиточного минимума. Специальная комиссия палаты лордов, которая в начале 90-х годов расследовала положение в домашней промышленности Англии, констатировала, что гвоздари из «Блэк кантри», портные-брючники в лондонском Ист-Энде, мебельщики, работающие по чердакам в Бэтнэл-Грин, сапожники в деревнях Лестершира и даже квалифицированные ножовщики Шеффилда страдают до такой степени, которая «вряд ли поддается преувеличению»; страдают от того, что «их заработка едва-едва хватает для поддержания существования; рабочий день так долог, что жизнь рабочих превращается в почти беспрерывный, тяжелый и до последней степени безотрадный труд; санитарные условия вредно влияют на здоровье занятых лиц и опасны для общества» [2].

В Германии, где домашняя промышленность, особенно сельская, была чрезвычайно широко распространена, в том числе в бумагопрядении и ткачестве, кустари работали, как и в XVII—XVIII вв., практически от восхода до захода солнца, часто по 16—18 часов в

[1] В. И. Ленин оценивал общую численность «*капиталистически употребляемых рабочих*» в кустарной промышленности России минимум в 2 млн. (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 450).

[2] Цит. по: *С.* и *Б. Вебб.* Теория и практика английского тред-юнионизма, т. 2, стр. 441.

сутки. Между тем их питание состояло преимущественно из картофеля. В отношении продолжительности рабочего дня, высоты оплаты, гигиенических условий работы положение кустарей было хуже, нежели фабричных рабочих, а наступление кризиса обрекало их на голод гораздо раньше, чем рабочих на фабриках.

Для положения рабочего класса в последние десятилетия XIX в. характерно также дальнейшее обострение жилищной нужды. Она вызывалась быстрым ростом новых индустриальных районов и центров [1], приливом населения в большие города, повышением квартирной платы. Жилищная нужда рабочих усугублялась тем обстоятельством, что именно в это время довольно широкие масштабы приобрела перепланировка и перестройка крупных городов, особенно столиц, которая затронула прежде всего пролетарские кварталы.

Рабочие семьи обычно жили в страшной тесноте, скученности, в скверных санитарных условиях. В Берлине, согласно переписи 1890 г., половина квартир имела только одну отапливаемую комнату; в Гамбурге такие квартиры составляли 39%, в Дрездене —55, в Хемнице —70% всех квартир. Как правило, в такой комнате жили всей семьей (4—5 человек), а иногда еще и сдавали «угол» одиноким рабочим. Десятки тысяч семей вообще не имели постоянного жилья — вместо него использовались сараи, старые железнодорожные вагоны и т. п.[2] В Вене большинство рабочих квартир также были однокомнатными, в каждой ютилось по 5—10 человек. Смертность в рабочих районах Вены превышала смертность в буржуазных кварталах города в 3 раза. Перенаселенность рабочих жилищ в чешских землях, «даже по официальным данным городских властей, в большинстве промышленных районов вдвое превышала допустимый уровень. В одной кровати часто спали по нескольку человек, многие не имели кровати вообще и лежали на полу на соломе» [3].

Постоянными очагами нищеты и отчаяния были районы городских трущоб, особенно в старых городах. В середине 80-х годов Энгельс характеризовал лондонский Ист-Энд как «все расширяющуюся трясину безысходной нищеты и отчаяния, голода в период безработицы, физической и моральной деградации при наличии работы» [4]. Обширные трущобные районы возникли и в крупных аме-

[1] С 1871 по 1901 г. процент городского населения возрос: в Англии — с 57 до 77%, в Германии — с 36,1 до 54,3%, во Франции — с 30,5 в 1866 г. до 39, 1% в 1896 г., в США — с 25,7 до 39,7%. В 1870 г. в Европе было 70 городов с населением свыше 100 тыс. человек, в 1895 г.— уже 120. Весьма быстро росли города в США: с 1860 по 1900 г. население Чикаго увеличилось со 109 тыс. человек до 1 698 тыс., Бруклина — с 279 тыс. до 1 166 тыс., Филадельфии — с 565 тыс. до 1 293 тыс. и т. д.

[2] *A. Lange.* Berlin zur Zeit Bebels und Bismarcks. Berlin, 1972, S. 122, 310.

[3] *H. Steiner.* Die Arbeiterbewegung Österreichs 1867—1889. Wien, 1964, S. 166.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 202.

риканских городах, таких, как Нью-Йорк, Чикаго, Бостон, Цинциннати. Официальный отчет о состоянии жилых рабочих кварталов в Чикаго в 80-х годах говорил о «полуразрушенных зданиях, в которых ютятся в невообразимой тесноте тысячи рабочих, о несоблюдении элементарных правил устройства и содержания канализации, водопровода, освещения и вентиляции, о нарушении правил противопожарной безопасности и безопасности от несчастных случаев, о полнейшей антисанитарии, об ужасном состоянии канализационных отводов и уборных, о грязных, закопченных комнатах, битком набитых людьми, о плохих, недоброкачественных продуктах, которыми они питаются, о таких же грязных улицах и переулках, о дворах, заваленных гниющим мусором, и с множеством вонючих луж» [1].

По данным обследований, проводившихся в 90-х годах, в Англии не менее 30% населения и не менее $^2/_5$ рабочего класса принадлежало к бедноте [2]. Как правило, рабочие этой категории, особенно пожилые, рано или поздно оказывались настоящими пауперами. Не менее 5 млн. англичан испытывали постоянную нужду в элементарных средствах существования, из них около 2 млн. ежегодно пользовались вспомоществованием на основе «закона о бедных». В США, по оценке современников, до 4 млн. человек существовали за счет так называемого общественного призрения. Не менее 25% населения Нью-Йорка, Чикаго и других крупных американских городов постоянно находилось ниже «границы нищеты» [3].

Нигде социальные контрасты не были столь разительны, как в Англии и США. И нигде, пожалуй, не были столь велики различия в положении низших слоев пролетариата и его лучше оплачиваемых групп.

РАБОЧАЯ АРИСТОКРАТИЯ

Образование и рост рабочей аристократии — одна из наиболее характерных черт эволюции внутренней структуры рабочего класса ведущих капиталистических стран в рассматриваемый период. Раньше всего, и притом в классической форме, она сложилась в Англии, где это понятие (labour aristocracy) получило хождение примерно с середины XIX в.

В предисловии ко второму немецкому изданию «Положения рабочего класса в Англии» (1892 г.) Энгельс говорит о двух сравнительно привилегированных категориях английского рабочего класса. К первой он относит фабричных рабочих, ко второй — крупные тред-юнионы, т. е. организованных рабочих тех отраслей, где преобладал

[1] См. *Ф. С. Фонер*. История рабочего движения в США, т. II. М., 1958, стр. 24.

[2] *Ch. Booth*. Life and Labour of the People in London, vol. I. London, 1902. p. 50; *B. S. Rowntree*. Poverty. A Study of Town Life. London, 1902 p. 117.

[3] *R. Hunter*. Poverty. New York — London, 1904.

труд взрослых мужчин. «Организации механиков, плотников и столяров, каменщиков,— писал Энгельс,— являются каждая в отдельности такой силой, что могут даже, как например каменщики, с успехом противостоять введению машин. Несомненно, их положение с 1848 г. значительно улучшилось; наилучшим доказательством этого служит то, что в течение более пятнадцати лет не только хозяева были чрезвычайно довольны ими, но и они — хозяевами. Они образуют аристократию в рабочем классе; им удалось добиться сравнительно обеспеченного положения, и это они считают окончательным» [1].

Квалифицированные фабричные рабочие выделялись из общей массы пролетариата более высокими заработками, отражавшими, в частности, различия в стоимости квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы. В английской промышленности «веер» основных ставок заработной платы рабочих выглядел в 1886 г. следующим образом (в %):

Недельная ставка заработной платы (в шилл.)	Мужчины	Женщины
До 10	0,2	26,0
10—15	2,5	50,0
15—20	20,9	18,5
20—25	35,4	5,4
25—30	23,6	0,1
30—35	11,2	—
35—40	4,4	—
Свыше 40	1,8	—

Источник. «British Labour Statistics. Historical Abstract, 1886—1968», p. 92, 93.

Соответствующие данные по отдельным отраслям показывают, что рабочие ведущих отраслей фабричной промышленности относились к наилучше оплачиваемым группам. Так, в текстильной промышленности прядильщики и рабочие при кардных машинах (мужчины) зарабатывали 35—37 шилл. в неделю. В машиностроении и судостроении ставки у большинства рабочих-мужчин (от 50 до 70%) превышали 25 шилл., а у значительной части (10—20%) — 35 шилл. Недельные ставки слесарей-сборщиков и токарей колебались в зависимости от местности в пределах 32—38 шилл. На уровне заработной платы в ведущих отраслях фабричной промышленности сказывались прежде всего преимущества крупного производства вообще, а в Англии — и ее торгово-промышленной мощи. Английский рабочий

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 336.

класс, замечал Энгельс, «больше, чем где бы то ни было, получал свою долю выгоды от огромного роста крупной промышленности, а при господстве Англии на мировом рынке иначе и не могло быть...»[1].

Но выгоды крупного производства весьма неравномерно распределялись между различными группами рабочих. В текстильной промышленности женщины в том же 1886 г. зарабатывали в среднем 10—15 шилл. в неделю; в ряде других производств, особенно мануфактурных, большинство работниц получало менее 10 шилл. Ставки заработной платы почти $^1/_4$ рабочих-мужчин в промышленности не превышали 20 шилл., т. е. лежали ниже уровня необходимого прожиточного минимума. Внутриотраслевой разрыв между высшими и низшими заработками достигал двух-, трех- и четырехкратной величины [2]. На отдельных предприятиях он мог быть и больше. Так, квалифицированные рабочие- сталелитейщики получали в 5 раз больше, чем подручные, работавшие рядом с ними [3].

Относительная привилегированность «верхов» пролетариата выражалась не только в размерах, но и в большей стабильности заработков. К этому времени в Англии сложились крупные тред-юнионы, обладавшие довольно прочной организацией. Члены их в случае потери работы могли рассчитывать на профсоюзное пособие, позволявшее «переждать» трудное время, не соглашаться на работу по пониженным ставкам. Крупные тред-юнионы выплачивали своим членам пособия и в других случаях, в том числе в случае санкционированных профсоюзным руководством стачек. Условия капитализма вынуждали и более квалифицированных, лучше оплачиваемых рабочих вести борьбу за свои жизненные интересы. Но в 70—80-х годах лидеры «старых» тред-юнионов все реже прибегали к такому активному средству борьбы, как стачки, опасаясь за профсоюзные фонды, которые они стремились приумножить (в частности, пуская их в капиталистический оборот, вкладывая в акции и другие ценные бумаги), а использовать предпочитали для целей страхования и взаимопомощи [4]. Многие квалифицированные рабочие состояли, кроме

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 477.

[2] *E. J. Hobsbawm*. The Labour Aristocracy in the 19th Century Britain.— «Democracy and the Labour Movement», p. 223.

[3] В США на предприятиях, использовавших учеников, детский труд, разрыв между высшими и низшими заработками на одном и том же предприятии достигал (1880 г.) в прокате металлов 16-кратной величины, в кирпичном производстве — 7-кратной, в хлопчатобумажной промышленности—5-кратной (*Cl. D. Long*. Op. cit., p. 97).

[4] В конце XIX в. денежные фонды 100 самых больших тред-юнионов достигали 2,7 млн. ф. ст., их поступления за один 1898 г. составили 1,9 млн., расходы — 1,5 млн. ф. ст. Показательно, что из общей суммы расходов тред-юнионов за 1892—1904 гг. (20,8 млн. ф. ст.) на пособия безработным пошло 23,5%, на другие пособия (по болезни, инвалидности, старости) — 35,6 и только 17% — на выплаты, связанные со стачками или локаутами.

того, в так называемых дружеских обществах (Friendly Societies) — организациях добровольного страхования в собственном смысле, в потребительских и строительных кооперативах.

Крупные тред-юнионы ориентировались на высококвалифицированных рабочих. Они устанавливали высокие вступительные и членские взносы (до 1 шилл. в неделю), закрывая доступ в свои ряды необученным и малоквалифицированным рабочим. Профсоюзные лидеры, воспринявшие буржуазное, «манчестерское» мировоззрение, видели задачу тред-юнионов главным образом в том, чтобы воздействовать на рынок труда, поддерживать по возможности более благоприятные для квалифицированных рабочих условия продажи рабочей силы путем ограничения количества учеников на предприятиях, договорного или законодательного регулирования продолжительности рабочего дня и других условий труда в «своей» профессии, «закрытия» определенных профессий для женщин, закрепления за членами «своего» союза тех или иных видов работ, содействия эмиграции. Они насаждали в тред-юнионах дух исключительности, цеховой замкнутости. Проявляя солидарность в собственной среде, тред-юнионисты отгораживались от остальной массы рабочего класса.

Английской рабочей аристократии свойственно было отождествлять себя в социальном отношении с ремесленниками, мелкими торговцами, с теми, кого принято относить к «низшему среднему классу». Стремясь выглядеть достаточно «респектабельно», она старалась подражать им в образе жизни, одежде, поведении. Многие рабочие этого круга имели собственные дома, расположенные в сравнительно благоустроенных районах. По своему жизненному стандарту, да и по всему мировосприятию они действительно подчас мало отличались от мелких буржуа.

Не отграничивая себя от «среднего класса», рабочая аристократия придавала значение сохранению социальной дистанции в отношении пролетарских «низов» — неквалифицированных, необученных рабочих, к которым относилась пренебрежительно и даже высокомерно. Немалую роль тут играли особенности самого промышленного производства, между участниками которого создавалась довольно резкая грань. Занимая особое место в производственной иерархии, более квалифицированные рабочие могли рассчитывать на лучшее отношение к себе со стороны мастеров, десятников. В ряде отраслей сохранялась практика, когда такие рабочие нанимали подручных, выплачивая им заработную плату (за счет хозяина), или сдавали часть работы на сторону по субконтрактам [1]. Мастера, десятники пользовались правом найма и увольнения, сдачи работы подрядчикам и т. п. Из верхушки, представлявшей в общем более культурный слой своего класса, выходили надсмотрщики, управляющие, конторские служащие, из нее выделялись первые элементы рабочей бюрократии. Не-

[1] *E. J. Hobsbawm.* The Labour Aristocracy.., p. 229—232.

которые становились предпринимателями, открывали собственное «дело». И хотя подобная возможность делалась все менее реальной, немало квалифицированных рабочих именно с ней связывало надежду изменить свое классовое положение, т. е. перейти в ряды «среднего класса».

Для понимания духовного мира этих рабочих весьма ценно свидетельство известного деятеля английского рабочего движения Тома Манна.

В 80-х годах он работал механиком-токарем на различных машиностроительных заводах Лондона. Все интересы рабочих, рассказывает он об одном из таких заводов, сосредоточивались исключительно на производственных вопросах. «Во время обеда и часов отдыха не было иных тем для разговора, как работа, правительственные распоряжения, получение или ожидание патента, перспектива расширения машинной промышленности, развитие машиностроения во всем свете. Разговор никогда не касался социальных проблем; но все рабочие были членами союза и производили впечатление весьма развитых людей» [1]. Высококвалифицированные рабочие стремились усовершенствоваться в своей профессии, пополнить технические знания, видя в этом путь к увеличению заработка и улучшению своего материального положения. Некоторые, сообщает Т. Манн, интересовались науками, искусством и посещали курсы. Однако высокий в целом культурный уровень этих рабочих сочетался с консерватизмом в социальных вопросах. Когда Т. Манн в своем отделении объединенного союза механиков поставил вопрос о желательности установления 8-часового рабочего дня вместо 9-часового, он не встретил поддержки. Из 70—80 человек, присутствовавших на собрании союза, только пять высказались «за». Никто не возражал в принципе, но раздавались голоса о том, «что это преждевременно», «не следует торопиться» и пр. [2]

Наряду с Англией значительное развитие рабочая аристократия получила в США. Особую роль при этом играло «исключительное положение коренных американских рабочих» [3]. Уроженцам Америки принадлежала своего рода монополия на профессии квалифицированного труда, они имели наибольшие шансы получить лучше оплачиваемую работу, выдвинуться в надсмотрщики и т. п. В 1880 г. в одном типичном американском городке среди квалифицированных рабочих-плотников только 26% составляли люди, родившиеся за границей, по сравнению с 73% среди неквалифицированных рабочих [4].

Последовательные волны иммиграции, накатывавшиеся на американские берега, способствовали усилению разрыва между орга-

[1] *Т. Манн.* Воспоминания. М.—Л., 1924, стр. 19—20.
[2] Там же, стр. 23.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, стр. 273.
[4] *G. Mackenzie.* The Aristocracy of Labor. Cambridge, 1973, p. 17.

низованной аристократией труда и остальной массой трудящихся. За 1889—1910 гг. доля квалифицированных рабочих среди иммигрантов не превышала в среднем 20%[1]. Цеховые союзы рабочей аристократии попросту игнорировали иммигрантов; они не только не допускали их в свои ряды, но нередко выступали вообще против каких-либо улучшений в положении остальных рабочих, усматривая в этом угрозу своим позициям. В 1886 г. редактор одного профсоюзного журнала выразил широко распространенное мнение, заявив, что «механики и неквалифицированные рабочие не имеют общих интересов и любое завоевание неквалифицированного рабочего достигается за счет квалифицированного труда»[2]. Неквалифицированные рабочие со своей стороны часто смотрели на квалифицированных как на эксплуататоров[3].

Что характерно для эволюции рабочей аристократии в период перехода от домонополистического к монополистическому капитализму? В этот период наблюдаются две объективные тенденции: увеличение ее численности и веса в составе рабочего класса и усиление ее «отрыва» по уровню заработков от основной массы рабочих. В основе обеих тенденций лежала одна общая причина — потребность крупного машинного производства, особенно его быстрорастущих новых отраслей, в рабочих-специалистах. При отсутствии какой-то общественной системы подготовки последних и сравнительно невысоком образовательном уровне населения условия на рынке труда складывались для них более благоприятно, чем для неквалифицированных рабочих. Простой труд был в избытке, его предложение всегда превышало спрос.

На последние десятилетия XIX и начало XX в. приходится период особенно интенсивного роста рабочей аристократии в главных капиталистических странах (причем в США, Германии он достиг кульминации несколько позже, чем в Англии). Об усилении ее «отрыва» от основной массы пролетариата свидетельствуют, в частности, данные английской статистики, которые показывают, что в 1886—1906 гг. «рассеяние» заработков в английской промышленности (диапазон между высшими и низшими заработками) увеличивалось и только в последующем стало уменьшаться[4]. В США эта закономерность проявилась еще более рельефно. Заработная плата американских квалифицированных рабочих в 1870 г. была в среднем примерно на $^2/_3$

[1] *G. Mackenzie.* The Aristocracy of Labor, p. 172.

[2] Цит. по: *I. Yellowitz.* The Position of the Worker in American Society, 1865—1896. Englewood Cliffs, 1969, p. 92.

[3] Б. Хейвуд утверждал: квалифицированный рабочий эксплуатирует подчиненного ему чернорабочего, пожалуй, «не меньше капиталиста» («Книга Билля Хейвуда». Автобиография Вильяма Д. Хейвуда. М.— Л., 1932, стр. 20).

[4] «British Labour Statistics. Historical Abstract, 1886 — 1968», p. 156.

выше, чем у неквалифицированных [1], в 1907 г.— уже в 2 раза выше [2], и это расхождение увеличивалось до 1915 г. (после чего верх взяла обратная тенденция — к уменьшению разрыва). В Германии усиление разрыва между заработками квалифицированных и неквалифицированных рабочих отмечалось в 70-х и 80-х годах, в последующие два десятилетия он оставался стабильным, а с началом мировой войны стал уменьшаться [3]. Примерно та же картина наблюдалась во Франции. Общий итог по названным странам таков: с конца XIX в. до начала мировой войны расхождение между уровнями заработной платы квалифицированных и неквалифицированных рабочих либо увеличивалось, либо оставалось стабильным [4]. Если это верно в отношении квалифицированных рабочих в целом (а среди них также имела место значительная дифференциация), то тем больше оснований говорить об усилении «отрыва» организованных рабочих, у которых заработная плата была стабильней или росла быстрее, чем у неорганизованных.

Эти объективные процессы, связанные с условиями и характером производства, с положением на рынке рабочей силы, использовались капиталом для внесения раскола в ряды рабочего класса. Они служили той основой, на которой складывалась буржуазная социальная политика (в более полной мере развернувшаяся в последующем). Будучи косвенным свидетельством растущего общественного веса рабочего класса, эта политика порождалась в то же время стремлением вовлечь рабочую аристократию в классовое сотрудничество и ослабить тем самым классовую борьбу. Насколько такая политика оказывалась успешной, зависело от конкретных условий (социально-экономических, исторических, политических), которые складывались в разных странах по-разному.

Прибыли от эксплуатации колоний и от внешней торговли расширяли возможности крупного капитала в тех случаях, когда ему приходилось идти на уступки верхнему слою рабочих, будь то в вопросах заработной платы или в других вопросах, связанных с проведением социальных реформ. В сфере отношений труда и капитала начали складываться институционные формы урегулирования конфликтов и арбитража (примирительные камеры, третейские суды и т. п.), поощряемые и прямо насаждаемые буржуазным законодательством. Раньше других, хотя и не без новых попыток повернуть развитие вспять, вынуждена была признать силу профсоюзов и прибегнуть к «примирительной» тактике английская буржуазия: ей про-

[1] *Cl. D. Long.* Op. cit., p. 99, 103. Для рассматриваемого им периода (1860—1890 гг.) Лонг также отмечает тенденцию к усилению разрыва в заработках квалифицированных и неквалифицированных рабочих (стр. 98—104).
[2] «Monthly Labour Review», August 1948, p. 130.
[3] *G. Bry.* Op. cit., p. 81.
[4] *M. Parodi.* Croissance économique et nivellement hiérarchique des salaires ouvriers. Paris, 1962, p. 23—24.

тивостоял пролетариат, который уже составлял большинство населения. Позднее, в основном с конца XIX— начала XX в., к подобной тактике нередко стали прибегать предприниматели других главных капиталистических стран. Изменение тактики крупного капитала нашло соответствующий отклик со стороны соглашательской части профсоюзных лидеров.

Границы рабочей аристократии не могут быть установлены достаточно строго, поэтому трудно сколько-нибудь точно определить ее действительный вес в составе рабочего класса. Известный историк-марксист Ф. А. Ротштейн считал, что в конце прошлого столетия к ней принадлежало от $^1/_6$ до $^1/_4$ английского пролетариата [1]. По оценке прогрессивного английского социолога Э. Хобсбома, рабочая аристократия в Англии составляла в тот период максимум 10—15% рабочего класса [2]. В Германии она, по расчетам советского ученого Б. Михалевского, в 1907—1908 гг. равнялась примерно 9% общей численности пролетариата [3].

Эти цифры — ориентировочны. Они дают приблизительное представление о величине верхнего слоя рабочих, к которому тяготела, помимо того, часть торговых и конторских служащих и который оказывал определенное влияние на более широкие круги рабочего класса. Конечно, и этот слой не был вполне однородным ни в социальном, ни в идейно-политическом отношении. Из него вышло немало боевых рабочих лидеров. Кроме того, масштабы, влияние и характер рабочей аристократии сильно разнились от страны к стране. Там, где промышленный капитализм отставал в своем развитии, где еще только развертывался процесс интенсивной индустриализации, где рабочие организации в силу ряда конкретно-исторических причин принадлежали к иному типу, чем в Англии или США,— там рабочая аристократия была малочисленнее и слабее, а квалифицированные рабочие нередко выступали как составная часть революционного рабочего движения.

Во Франции, например, высококвалифицированные и лучше оплачиваемые рабочие в рассматриваемый период принадлежали к боевому ядру синдикатов. Вместе с тем русскому рабочему-эмигранту, заброшенному судьбой во Францию, бросилось в глаза, что там квалифицированный рабочий «предпочитал разрешать свои конфликты с хозяином или мастерами индивидуально. Все столкновения их чаще всего разрешались тем, что они гордо уходили на другой завод или в другую мастерскую» [4].

[1] См. *Ф. А. Ротштейн.* Очерки по истории рабочего движения в Англии. М.— Л., 1925, стр. 279.
[2] *E. J. Hobsbawm.* The Labour Aristocracy..., p. 208—215, 216—221.
[3] *Б. Н. Михалевский.* О рабочей аристократии в Германии накануне первой мировой войны.— «Вопросы истории», 1955, № 1, стр. 107, 108.
[4] *А. С. Шаповалов.* В борьбе за социализм. Воспоминания старого большевика-подпольщика. М., 1934, стр. 724.

На протяжении последних десятилетий XIX в. в составе рабочей аристократии происходили определенные внутренние сдвиги. Исторически первым крупным отрядом фабричной рабочей аристократии были квалифицированные рабочие (мужчины) хлопчатобумажной промышленности: прядильщики, набойщики, отбельщики. Но постепенно центр тяжести смещался в сторону машиностроения и металлообрабатывающей промышленности (механики, слесари-сборщики, токари). Элементы рабочей аристократии возникли и в металлургии (кузнецы, вальцовщики), на железнодорожном транспорте (машинисты, кондукторы). Вне фабричной промышленности сильные позиции занимала рабочая аристократия в строительных профессиях (каменщики, плотники, столяры) и в некоторых отраслях, еще сохранявших полуремесленный характер (наборщики, часовщики и др.).

Фабричная среда благоприятствовала образованию рабочей аристократии постольку, поскольку само применение машин еще сильно зависело от искусного ручного труда. Чем совершеннее становилось машинное производство, чем полнее механизация охватывала процесс труда, чем дальше шло разделение труда в производстве, тем меньше оставалось в нем места для рабочих ремесленного типа. Внедрение технологии массового поточного производства (в начале 900-х годов оно делало свои первые шаги) повлекло за собой такие изменения в организации труда и составе рабочей силы, которые делали неизбежной эрозию рабочей аристократии. Слой лучше оплачиваемых квалифицированных рабочих продолжал расти, но степень разрыва между ними и ниже оплачиваемыми рабочими стала уменьшаться вследствие повышения роли полуквалифицированных (специализированных) рабочих, резкого снижения доли неквалифицированного труда, «подтягивания» оплаты низшего слоя к среднему уровню и т. д.

В полную силу эти процессы развернулись во время и особенно после первой мировой войны.

РАБОЧИЙ КЛАСС В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ

Основные тенденции и закономерности развития рабочего класса проявлялись в разных странах с разной степенью интенсивности и в различной конкретно-исторической форме. Обращение к специфическим чертам его формирования, положения, структуры и психологии в отдельных странах, хотя бы наиболее крупных, позволяет внести некоторые дополнительные штрихи в ту общую картину, которая представлена выше.

С Ш А. Формирование американского пролетариата происходило в условиях постоянного притока в страну иммигрантов,

который резко усилился в рассматриваемый период [1]. При этом «география» иммиграции расширялась, в ее составе росла доля выходцев из Восточной и Южной Европы, главным образом из Австро-Венгрии, Италии и России. Иммиграция делила рабочих на две большие группы — местных и иностранцев, а этих последних — еще на ряд национальных подгрупп. Все это определяло чрезвычайно пестрый этнический облик пролетариата. Неодинаковое фактическое положение различных этнических элементов проявлялось в характере их распределения по основным секторам хозяйства (в %).

	Белые			Небелые		
	Коренные американцы	Американцы в первом поколении	Иммигранты	Черные американцы	Индейцы	Китайцы и японцы
Промышленность	39,8	28,4	30,6	3,9	0,1	0,2
Сельское хозяйство	57,8	10,6	10,4	20,6	0,4	0,2
Торговля и транспорт	50,4	25,7	19,2	4,4	—	0,3
Свободные профессии	64,1	20,6	11,4	3,7	0,1	0,1
Личные услуги	33,0	16,4	25,7	23,6	0,2	0,1
Всего	47,7	18,3	19,7	13,7	0,2	0,4

Источник. «Twelfth Census of the United States. 1900». Washington, 1902.

Рубрика «промышленность» приблизительно отражает состав промышленного рабочего класса по этническому признаку. Из таблицы видно, что среди занятых в промышленности удельный вес иммигрантов и белых американцев в первом поколении был гораздо выше, чем их доля во всем самодеятельном населении (коэффициент отклонения: +1,55), а удельный вес коренных американцев, наоборот, значительно ниже. Пролетариат имел, таким образом, преимущественно «иммигрантский» характер, тогда как среди фермеров, торговцев и других самостоятельных хозяев преобладали коренные американцы. Ущемленное, приниженное положение иммигрантов выступает еще более выпукло, если обратиться к данным по отдель-

[1] С 1871 по 1904 г. в США прибыло 15 млн. иммигрантов. О влиянии этого фактора на американский пролетариат см.: *А. Н. Шлепаков.* Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма. М., 1966.

ным отраслям промышленности. Как показало специальное обследование, проведенное в начале XX в., в текстильной промышленности на их долю приходилось 68,7% занятых, в угольной — 61,9%, в металлургической — 57,7% [1]. Среди представителей разных национальных групп тоже устанавливалась определенная «иерархия»: на более тяжелых, хуже всего оплачиваемых работах оказывались обычно выходцы из Ирландии, Восточной и Южной Европы — большей частью вчерашние крестьяне или ремесленники.

После окончания Гражданской войны и периода «реконструкции Юга» стало увеличиваться и число рабочих-негров. Расовые предрассудки в отношении черного населения США накладывали сильный отпечаток на массовую психологию белых рабочих. «... От колыбели и до могилы белого рабочего, родившегося на американской или иной земле, учили считать негра низшим существом,— пишет американский историк-марксист Ф. Фонер.— В обществе, где расовыми предрассудками было пропитано почти все, вряд ли удивительно, что белый отказывался работать рядом с черным тружеником, был убежден, что ни один чернокожий не должен получать зарплату наравне с белым или работать в равных условиях, не допускал негров в свой профсоюз. Работать с негром в одном цеху, даже ехать с ним в одной карете значило утратить социальный статус» [2].

Американская буржуазия широко и умело пользовалась методом натравливания одной национальности на другую и каждой из них — на всех остальных. Она культивировала, по словам Энгельса, «полное равнодушие... к погибающим в борьбе за существование человеческим жизням; их-де и так полно, больше, чем нам нужно, этих проклятых «голландцев» (так называли в США немцев.— *Ред.*), ирландцев, итальянцев, евреев и венгров, а тут еще на заднем плане стоит китаец Джон (прозвище китайцев в США.— *Ред.*), который далеко превосходит всех остальных своей способностью жить, питаясь всякой дрянью» [3].

Еще один важный фактор, оказавший заметное влияние на положение и психологию американского пролетариата,— это возможность переселиться на Запад, где постоянно ощущалась нехватка рабочей силы и поэтому уровень заработной платы был значительно выше среднего по стране, а главное, существовала (до начала 90-х годов) возможность получить участок земли, стать фермером. Причем и в данном отношении коренные (белые) американцы находились в лучшем положении, чем иммигранты: последним, конечно, гораздо труднее было получить участок. Наличие фонда свободных земель оказывало на американский пролетариат двойственное влияние. С одной стороны, это было одним из главных факторов, определявших

[1] *А. Н. Шлепаков.* Указ. соч., стр. 48.
[2] *Ph. S. Foner.* Organized Labor and the Black Worker. 1619—1973. New York — Washington, 1974, p. 10.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, стр. 274.

более высокий в целом уровень заработной платы в США, с другой — обусловливало повышенную текучесть состава промышленного пролетариата, затрудняло формирование его классового самосознания, способствовало закреплению индивидуализма и «экономизма» как характерных черт обыденного сознания рабочей массы.

Американское общество в рассматриваемый период отличалось сравнительно высоким уровнем так называемой вертикальной мобильности, что также способствовало распространению индивидуализма в рабочей среде. «В широких кругах рабочей массы все еще процветал индивидуализм,— отмечает историк американского пролетариата А. Бимба.— Многие еще были убеждены, что рабочий может стать богатым и уйти таким образом от своего класса. Такие возможности, однако, делались все реже и реже, и пролетарская армия постепенно стабилизировалась. Тем не менее психология индивидуального продвижения существовала среди рабочих масс...»[1]

Касаясь психологии американского пролетариата, Энгельс находил вполне естественным, что в стране, «никогда не знавшей феодализма и с самого начала развивавшейся на буржуазной основе, буржуазные предрассудки крепко засели также и в рабочем классе. Именно из протеста против метрополии, все еще носящей феодальную маскировку,— писал он в 1892 г.,— американский рабочий воображает, что традиционная буржуазная форма хозяйства есть нечто по самой своей природе и на все времена прогрессивное и превосходное, нечто nec plus ultra»[2].

В целом социальные позиции американского пролетариата перед лицом необычайно наглой и агрессивной буржуазии, да и по сравнению с ведущими странами Западной Европы, были относительно слабыми. Фабричное законодательство вплоть до начала XX в. не получило развития и применения в федеральном масштабе, а в тех штатах, где отдельные законы были приняты, они оставались фактически на бумаге. Сохранялись такие формы эксплуатации и обмана рабочих, такие методы расправы с ними, которые напоминали период раннего промышленного капитализма в Англии.

А н г л и я. На английском рабочем классе отражалось особое положение Великобритании как страны, которая уже в середине XIX в. обладала двумя отличительными чертами империализма — громадными колониальными владениями и монопольным положением на всемирном рынке. Первой британской колонией была Ирландия; еще в годы промышленного переворота она стала дополнительным резервом рабочей силы, и притом предельно дешевой, для английской промышленности. Ирландский рабочий-бедняк выступил конкурентом английского, «конкурентом, стоящим на самой низкой ступени развития, какая только возможна в цивилизованной стране,

[1] *А. Бимба.* История американского рабочего класса. М., 1930, стр. 144.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, стр. 476.

и готовым поэтому работать за более низкую заработную плату, чем кто-либо другой»[1]. Это породило взаимный антагонизм, разделивший рабочий класс страны, по словам Маркса, на два враждующих лагеря. «...*Во всех крупных промышленных центрах Англии*,— писал Маркс в 1870 г.,— существует глубокий антагонизм между английским и ирландским пролетарием. Средний английский рабочий ненавидит ирландского как конкурента, который понижает заработную плату и standard of life. Он питает к нему национальную и религиозную антипатию. Он смотрит на него почти так же, как смотрели *poor whites* южных штатов Северной Америки на черных рабов»[2]. В то время Маркс и Энгельс связывали с угнетенным положением Ирландии главные особенности британского рабочего класса.

На протяжении последней трети XIX в. усиливалось влияние на рабочую массу экспансионистской политики английских капиталистов. Преклонение перед «величием империи» вдалбливалось в головы буквально со школьной скамьи. «Азбуке нас почти не учили, зато беспрерывно твердили о величии империи, над которой никогда не заходит солнце»[3], — вспоминал видный деятель английского рабочего движения Джордж Харди. Носителями шовинистических и социал-империалистических настроений выступали, в частности, те рабочие, которые возвращались на родину с работы в других странах в качестве мастеров или даже управляющих на фабриках, построенных при участии английского капитала (в Индии, Египте и т. д.). На вопрос К. Каутского «Что думают английские рабочие о колониальной политике?» Энгельс отвечал: «то же самое, что думают о ней буржуа»[4]. Со своей стороны правящие круги прекрасно отдавали себе отчет в социальном значении колониальной политики; достаточно напомнить известные слова одного из ее главных творцов, Сесиля Родса: «Империя — это вопрос желудка».

Рецензируя в 1899 г. книгу Гобсона «Эволюция современного капитализма», В. И. Ленин обращал внимание на ряд особенностей английской истории и английской жизни: «высокое развитие демократии, отсутствие милитаризма, громадную силу организованных тред-юнионов, растущее помещение английского капитала вне Англии, ослабляющее антагонизм между английскими предпринимателями и рабочими, и пр.»[5]. Колоссальные масштабы накопления и крупные сверхприбыли, которые давали эксплуатация колоний, заграничные вложения, внешняя торговля, банковские операции, судоходство, помогали капиталу развращать трудящихся мелкими подачками и уступками (освобождение беднейших групп населения от налогов, благотворительность, пожертвования в фонды страховых

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 328.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 437.
[3] *Дж. Харди*. Те бурные годы. Воспоминания о борьбе за свободу на пяти континентах. М., 1957, стр. 14.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 35, стр. 297.
[5] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 155.

обществ и т. п.). Английские капиталисты первыми прибегли к системе участия в прибылях (в угольной промышленности, на газовых заводах и т. д.) и распространению мелких акций, стремясь тем самым внести психологию рантье в рабочую среду [1].

Разделяя в известной мере выгоды торгово-промышленного превосходства Англии, многие рабочие склонны были связывать свое положение, свои непосредственные интересы с сохранением позиций английской промышленности на внешнем рынке. Это характерно было и для рабочих хлопчатобумажной промышленности Ланкашира, работавшей преимущественно на экспорт, и для рабочих машиностроительных отраслей, также имевших высокую экспортную квоту.

Последствия вековой торгово-промышленной и колониальной монополии Англии сказывались на развитии рабочего класса и в другом отношении. К началу XX в. замедлился рост главных отраслей промышленности, в результате снизилась доля той части промышленного пролетариата, которая была с ними связана. Напротив, число банковских, конторских, торговых служащих выросло за 1871—1901 гг. вчетверо. Все бóльшая часть наемной рабочей силы использовалась в качестве прислуги (до 14% трудящихся в 1901 г.).

Совокупность всех этих обстоятельств способствовала развитию тред-юнионистского сознания, затрудняла распространение революционно-социалистической идеологии в рабочем классе. Некоторые положительные сдвиги наметились в конце 80-х — начале 90-х годов, когда очередной кризис вызвал рост недовольства и брожение даже среди рабочей аристократии и ускорил развитие социалистического инстинкта в пролетарской массе. Несмотря на все препятствия, отмечал Энгельс в 1894 г., «*массы* движутся вперед, правда, медленно и лишь с трудом пробиваясь к самосознанию, но это все же очевидно» [2].

Германия. Для Германии в этот период характерны были быстрые темпы индустриализации, новейший для того времени технический уровень передовых отраслей промышленности, сравнительно высокий уровень грамотности населения и одновременно исключительно тяжелые условия существования большинства промышленных рабочих, напоминавшие условия в Англии 30—40-х годов XIX в. В бюджете немецкого фабричного рабочего, свидетельствует современник, «приход едва покрывает расход, очень часто остается минус, покрываемый благотворительностью и общественным призрением, во многих случаях проституцией и всегда — нуждой и нищетой» [3].

Индустриальный рабочий класс, особенно в районах наиболее сильной его концентрации (Рейнско-Вестфальский промышленный

[1] См. *М. Рубинштейн.* Социальные корни реформизма. М., 1926.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 39, стр. 206.

[3] *F. Wörishoffer.* Die soziale Lage der Fabrikarbeiter in Mannheim und Umgebung. Karlsruhe, 1891, S. 228, 229.

район, Саксония, Берлин) отличался сравнительно высокой степенью зрелости. Иначе обстояло дело с многочисленным сельскохозяйственным пролетариатом, сосредоточенным главным образом в более отсталых восточных районах страны — ост-эльбской Пруссии и Мекленбурге, где сохранялись полукрепостнические порядки и основанная на них возможность безграничной эксплуатации батраков. «Фактически полукрепостное состояние ост-эльбских сельскохозяйственных рабочих есть главная основа господства прусских юнкеров, а вместе с тем и специфического прусского засилия в Германии»[1],— указывал Энгельс.

Над немецким рабочим классом в целом тяготели условия, созданные национальным объединением «сверху», под эгидой Пруссии; развитием капитализма в сельском хозяйстве по прусскому пути, т. е. при сохранении помещичьего землевладения и феодальных пережитков; блоком между буржуазией и юнкерством с его пруссаческими и милитаристскими традициями; господством абсолютизма, «обшитого парламентскими формами». Аграрный протекционизм, продиктованный интересами юнкерства, тормозил развитие производительных сил земледелия, возлагал дополнительное материальное бремя на все слои, в том числе на рабочих.

В этих условиях на первый план в развитии пролетариата как класса выступила политическая организация, борьба за утверждение гражданских прав и свобод, натолкнувшаяся на ожесточенное сопротивление господствующих классов. Достигнув в лице передовой своей части сравнительно высокого уровня политической сознательности и организованности, немецкий рабочий класс быстро вырос в мощную силу. В качестве характерной черты передовых немецких рабочих Энгельс отмечал присущий им «теоретический смысл» в противоположность «равнодушию ко всякой теории», свойственному английскому пролетариату[2]. Не случайно именно в Германии теория научного социализма получила в тот период наиболее широкое распространение, а рабочий класс этой страны на несколько десятилетий занял авангардное положение в международном рабочем движении.

Ф р а н ц и я. Французские рабочие не раз демонстрировали присущую им революционную страстность, которой так недоставало, по выражению Маркса, их английским братьям по классу[3]. Революционно-социалистическая тенденция оставалась доминирующей чертой социальной психологии пролетариата; этому способствовало и то обстоятельство, что французская буржуазия по сравнению с английской придерживалась в целом более жесткой классовой политики, предпочитая репрессивные меры социальному законодательству и коллективным договорам.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 524.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 498.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 436.

Во Франции, как и в некоторых других странах Западной Европы, на характер рабочего наложили отпечаток пережитые революции, завоеванные массами политические свободы, участие в общественно-политической жизни. Французскому рабочему были в высокой степени свойственны сознание собственного достоинства, революционный инстинкт, глубокое презрение к власть имущим. «Эти превосходные качества французского рабочего, — свидетельствовал А. С. Шаповалов,— сказывались в особенности в умении отстаивать свое человеческое достоинство на заводе. Большинство парижских рабочих не только не допускало оскорбительного обращения со стороны заводской администрации, на какое ежедневно наталкивался русский рабочий в России, но и просто невежливого или пренебрежительного отношения со стороны мастеров»[1].

В то же время на составе и характере пролетариата сказывались особенности экономической и социальной структуры французского общества последней трети XIX в. Замедление экономического развития страны в 70—80-х годах, слабые темпы индустриализации, крайне низкий прирост населения — все это обусловило медленные темпы роста промышленного рабочего класса. Состав фабричных рабочих отличался большой текучестью. Излишки рабочей силы, выталкиваемой из сельского хозяйства, находили применение прежде всего на мелких ремесленных и кустарных предприятиях, которых было особенно много в производстве одежды и предметов роскоши — одной из главных статей национального экспорта. Традиции парцеллярного землевладения, порожденного буржуазной революцией, переносились в город: многие рабочие стремились стать и нередко становились самостоятельными хозяйчиками, открывали собственные мелкие мастерские[2].

Другая особенность пролетариата вытекала из большой территориальной разбросанности промышленности. Франция не знала таких крупных индустриальных центров, как Манчестер или Бирмингем в Англии, Рур в Германии. На северо-востоке и северо-западе страны, где находились основные районы тяжелой промышленности (добыча угля, металлургия, металлообрабатывающая промышленность), предприятия были разбросаны по множеству мелких и средних городов, по сельской местности. Это затрудняло связи между рабочими, тормозило консолидацию промышленного пролетариата.

В Париже и Лионе — этих главных пролетарских центрах страны — преобладали мелкие мастерские. Высококвалифицированные рабочие Парижа, в частности металлисты, предпочитали устраиваться не на большие заводы с их жесткой производственной дисциплиной, а в мелкие мастерские, где было меньше всяких стеснительных пра-

[1] *А. С. Шаповалов.* В борьбе за социализм, стр. 731—732.

[2] В начале 70-х годов в Париже почти все владельцы мелких мастерских по производству предметов роскоши были бывшими рабочими *(J. Lefranc.* Histoire du travail et des travailleurs. Paris, 1957, p. 277).

вил, хотя условия труда обычно бывали хуже. Некоторые мелкие мастерские, выполнявшие самые точные работы по заказу крупных заводов, от которых они зависели, платили квалифицированным рабочим сравнительно высокую заработную плату.

Условия мелкого, раздробленного производства неизбежно затрудняли расширение общественного кругозора занятых в нем рабочих, сплошь и рядом ограничивали его рамками своей мастерской, отношениями со своим хозяином. Они мешали пролетариям воспринимать экономическую и социальную действительность в ее целостности. Отсюда живучесть мелкобуржуазных форм социализма (прудонизм, анархизм), придававших особую окраску радикализму рабочей массы.

И т а л и я. На положении и характере пролетариата в Италии отражались специфические черты итальянского общества с его исторически сложившимися глубокими структурными противоречиями: отсталостью, застойностью аграрного Юга, где сохранялись полуфеодальные порядки, обилием паразитических элементов на всех ступеньках социальной лестницы, низким процентом экономически активного населения и т. д. Эти противоречия еще более обострились после создания единого национального государства.

В главных городах Севера Италии — Милане, Турине, Генуе — рос однако фабрично-заводской пролетариат; его численность и доля в населении были еще сравнительно невелики, в его составе преобладали рабочие текстильной, пищевой и вообще легкой промышленности. До 70—80% промышленных рабочих приходилось на предприятия, насчитывавшие менее 10 занятых. «В стране,— писал Энгельс об Италии в 1894 г.,— гораздо больше сельского населения, чем городского; в городах крупная промышленность развита слабо, и вследствие этого там мало *настоящего* пролетариата; большинство составляют ремесленники, мелкие лавочники и деклассированные элементы, то есть масса, занимающая неустойчивое положение между мелкой буржуазией и пролетариатом»[1].

Рабочий класс был крайне неоднороден. Основную его массу составляли неквалифицированные рабочие, в том числе строители, надомники, батраки. К пролетариату примыкала многочисленная полупролетарская и люмпен-пролетарская масса. Узкие группы квалифицированных рабочих оставались еще во власти традиций цеховой замкнутости. Сохранялись и сильные региональные различия. Безработица и нищета вызывали массовую миграцию трудящихся с юга на север и эмиграцию за пределы страны. Внутренние противоречия итальянского капитализма обусловливали особую остроту классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией[2].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 458.

[2] См. *Д. Канделоро*. История современной Италии, т. VI. Развитие капитализма и рабочего движения. 1871—1896. М., 1975, стр. 36—37.

Австро-Венгрия. Особенности рабочего класса в Австро-Венгрии определялись сочетанием таких факторов, как разрыв в уровнях социально-экономического развития различных частей государства; значительный удельный вес в крупной промышленности иностранного капитала (главным образом германского и французского), привлеченного сравнительной дешевизной рабочей силы; многоступенчатая система национального угнетения, которое составляло наиболее характерную черту империи Габсбургов, прозванной современниками «тюрьмой народов».

Основные центры формирования крупнопромышленного рабочего класса находились в австрийской части империи, главным образом в чешских землях. К началу XX в. не менее трети чешских промышленных рабочих были заняты на крупных предприятиях, насчитывавших более 100 человек. Однако большая часть таких предприятий принадлежала австрийскому и германскому капиталу.

В Венгрии, как и во многих других странах Восточной Европы, экономика которых сохраняла преимущественно аграрный характер, наибольшее развитие получила пищевая промышленность, работавшая на экспорт; поэтому здесь самый многочисленный отряд промышленного пролетариата составляли пищевики. Удельный вес женского и детского труда — вследствие слабого развития текстильного производства — был сравнительно невысоким. Нехватка квалифицированных рабочих возмещалась притоком их из других частей империи — Австрии, Чехии. Примерно треть активного населения приходилась на долю сельских пролетариев и полупролетариев.

Переплетение острых социальных и национальных противоречий в Габсбургской империи и нарастание национально-освободительной борьбы населявших ее народов накладывали, естественно, глубокий отпечаток также и на развитие многонационального рабочего класса, на его структурные особенности и социальную психологию.

Россия. Своеобразие процесса формирования, а также структуры российского пролетариата обусловливалось тем, что промышленный переворот, форсируемый и политикой правительства, и ввозом иностранного капитала, развертывался в условиях, когда коренной вопрос социально-экономического развития — аграрный — оставался нерешенным, когда еще не определилась окончательная победа того или иного типа капиталистического развития сельского хозяйства, а в деревне и во всем общественном строе сохранялись сильные пережитки крепостничества. Уже сложилось ядро крупнопромышленного пролетариата, но рабочие были бесправны, придавлены гнетом абсолютизма, зависимы от остатков докапиталистических учреждений и отношений. Условия найма фактически односторонне диктовались нанимателем. Коалиции и стачки запрещались законом, нарушение «трудового договора» рабочим наказывалось как уголовное преступление.

Все это непосредственно отражалось на положении рабочих на производстве и вне его[1]. Рабочий день был одним из самых продолжительных в Европе, жизненный уровень — одним из самых низких. В 80-х годах на большинстве фабрик Московской губернии рабочий день составлял 12 часов и более, в том числе на 44% фабрик — 13 и 13,5 часа, на 11,6% — 14 и 14,5 часа, на 5,4% фабрик — 15 и более часов. Только в 1897 г. был принят фабричный закон, ограничивший «нормальную» продолжительность рабочего дня 11,5 часа. Рабочих преследовали штрафами. В 1886 г. правительство установило, что вычеты, производимые фабрикантами, не должны превышать трети заработка, тем самым легализовав по существу практику неприкрытого ограбления рабочих. Заработная плата к тому же выплачивалась нерегулярно, часто товарами или же продуктами из фабричных лавок.

Условия жизни и быта рабочих были ужасны. Так, рабочие мелких фабрик, расположенных в сельской местности, часто вообще не имели постоянного жилья: летом они ночевали под открытым небом у фабрики, зимой — в тех же помещениях, где работали, либо в наскоро устроенных бараках, землянках и по избам у крестьян. При крупных фабриках обычно строились рабочие казармы (с целью удержать рабочую силу на более длительный срок). По сути это были большие ночлежные дома — грязные, невентилируемые; в каждом помещении, оборудованном лишь деревянными нарами, спали одновременно десятки людей, постелью им служили тулупы, старые холщовые мешки и т. п.

Питание большинства фабричных рабочих состояло в основном из черного хлеба, щей да каши. Мясо было редкостью[2]. Питались обычно там же, где работали, часто урывками, во время работы. Еду приносили с собой, некоторые на всю неделю, подолгу не имея горячей пищи. Продукты покупались либо в фабричной лавке (обычно в кредит, поскольку заработная плата выплачивалась сразу за несколько месяцев или за полгода), либо у лавочников, состоявших в соглашении с фабрикантами, которые получали определенный процент с суммы закупок.

Рабочие-отходники объединялись в артели. Для артельщиков эта система означала дополнительную экономическую зависимость: артельные старосты сплошь и рядом становились посредниками и участниками в эксплуатации рабочих. На многих фабриках рабочим

[1] См. «Очерки истории российского пролетариата (1861—1917)». М., 1963; «История рабочего класса России. 1861—1900»; «История рабочего класса Ленинграда». М., 1963; «Краткая история рабочего движения в России (1861—1917 годы)». М., 1962; «Условия быта рабочих в дореволюционной России». М., 1958.

[2] «Круглый год мы ели черный хлеб (белый пекли только по праздникам), щи из зеленой и кислой капусты, огурцы, иногда гречневую или пшенную кашу; мясо, молоко и масло мы видели только два-три раза в год, по самым большим праздникам» (*Ф. Н. Самойлов.* По следам минувшего. М., 1954, стр. 36).

не отпускали товаров из фабричной лавки иначе как через посредство артельных старост; последние, ведая закупкой съестных припасов, взимали за это с артельщиков особую плату. Старосты получали и распределяли заработанные членами артели деньги, ссужали «до получки» небольшие суммы под ростовщические проценты и т. п. В наихудших условиях находились рабочие мелких кустарных промыслов. Здесь работали обычно целыми семьями, на самых кабальных условиях. Рабочий день подчас достигал 17, 18 и даже 19 часов в сутки.

Уровень реальной заработной платы в России был в 2—3 раза ниже, чем в главных странах Западной Европы. Этот разрыв имел тенденцию к увеличению. Здесь сказывалось, в частности, действие такого фактора, как постепенное выравнивание мировых хлебных цен: в России в отличие от Запада они на протяжении XIX в. вплоть до первой мировой войны имели тенденцию к росту[1]. Правда, в 80—90-х годах под влиянием аграрного кризиса произошло некоторое (в общем незначительное) снижение местных цен на хлеб, но в дальнейшем они снова резко выросли. Поэтому, хотя денежная заработная плата время от времени повышалась, фактически материальное положение большинства рабочих не изменялось или ухудшалось. В начале 80-х годов реальная заработная плата была ниже, чем в 60-х. Некоторое улучшение, наступившее в период промышленного подъема 90-х годов, опять сменилось ухудшением в годы последовавшего затем экономического кризиса (1901—1904) и нового повышения цен. «Рост нищеты» как тенденция капитализма, писал в 1899 г. В. И. Ленин, напоминая известные слова Маркса, «превращается в действительность при отсутствии классовой борьбы пролетариата против этой тенденции, при отсутствии завоеванных рабочим классом законов об охране рабочих. Именно в России мы видим в настоящее время, как указанная тенденция проявляется с громадной силой на крестьянстве и на рабочих»[2].

По сравнению с другими отрядами пролетариата в несколько лучших материальных условиях находились рабочие металлообрабатывающих заводов: их заработная плата была выше, чем по промышленности в целом. И это понятно: ведь в данном случае речь идет о рабочих, в большинстве своем уже совершенно порвавших с землей, отличавшихся более высоким уровнем потребностей и культуры. Значительные различия в уровне заработков имелись между отдельными отраслями фабричного производства. Весьма сильно разнились заработки квалифицированных и неквалифицированных рабочих — явление, особенно характерное для отсталой, крестьянской страны.

[1] За 1801—1914 гг. местные цены на хлеб в России выросли в 1,5 раза, а на Западе за то же время снизились в среднем вдвое (см. *Б. Н. Миронов.* Движение хлебных цен в России в 1801—1914 гг.— «Вопросы истории», 1975, № 2, стр. 52, 53).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 218.

К более привилегированному слою рабочих принадлежали, в частности, слесари, токари, механики и машинисты. «Квалифицированные рабочие того времени — «мастеровые» — смотрели сверху вниз на «чернорабочих», не знавших ремесла...»[1] Однако устойчивый слой рабочей аристократии английского типа сложиться при данных экономических, социальных и политических условиях не мог. Как отмечал позднее В. И. Ленин, в России слой привилегированных рабочих и служащих был очень слабым, и рабочая аристократия не имела серьезного влияния на рабочие массы[2].

Пережитки крепостничества и деспотизм самодержавия давили в целом и на крестьянство, и на пролетариат. Тяжелое положение крестьянства, по выражению В. И. Ленина, тянуло вниз рабочего. Вплоть до 90-х годов большинство рабочих — это либо вчерашние крестьяне, либо полукрестьяне, вынужденные уходить на заработки вследствие малоземелья и податного гнета (отходники, рабочие с наделом). Две трети крупных промышленных предприятий (свыше 500 занятых) располагались в сельской местности, черпая рабочую силу из окрестных деревень. Даже многие «профессиональные наемные рабочие» в России еще сохраняли те или иные связи с землей[3].

Низкий в целом уровень грамотности, религиозные предрассудки, крестьянская психология со всеми ее слабостями и даже реакционными чертами — все это накладывало свой отпечаток на облик основной массы пролетариата в пореформенную эпоху. Большинство рабочих еще разделяло с крестьянством веру в доброго «царя-батюшку». Характеризуя российский пролетариат в десятилетие, предшествовавшее революции 1905 г., В. И. Ленин констатировал, что за тысячами и десятками тысяч рабочих, у которых ход классовой борьбы уже подорвал основы такой веры, «стояли сотни тысяч и миллионы трудящихся и эксплуатируемых, унижаемых и оскорбляемых, пролетариев и полупролетариев, у которых еще могла оставаться такая вера»[4].

В то же время именно в этот период политическое просвещение масс чрезвычайно ускорилось. Прогресс промышленного капитализма сопровождался концентрацией рабочих в городах, в том числе наиболее крупных (Петербург, Москва, Рига, Киев, Одесса, Харь-

[1] *А. Шаповалов.* По дороге к марксизму. Воспоминания рабочего-революционера. М.—Л., 1924, стр. 5.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 331.

[3] В наименьшей степени это относилось к рабочим крупного механического производства; здесь на полевые работы в летние месяцы уходило всего 14,1% рабочих (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 537). На фабриках мануфактурного типа этот процент был значительно выше (от 30 до 70). Многие фабричные рабочие сами не уходили на полевые работы, но сохраняли в деревне хозяйство, которое вели их семьи; другие сдавали надел в аренду.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 217.

ков, Баку и др.), увеличением числа кадровых, потомственных рабочих (во втором и третьем поколении), ослаблением и разрывом их связей с землей. К концу XIX в. значительно поднялся процент грамотных рабочих (в 1897 г. среди рабочих-мужчин было грамотных 59%, среди работниц — 35%). В пролетарской среде усиливался атеизм[1]. Все больше появлялось передовых рабочих, которые жадно тянулись к знаниям, культуре, активной революционной деятельности.

В России тип чрезвычайно развитого, интеллигентного рабочего-революционера начал складываться рано, еще в 70-х годах. Г. В. Плеханов охарактеризовал такой тип на примере знакомого ему петербургского рабочего в следующих словах: «При самых обыкновенных способностях он отличался редкой жаждой знания и поистине удивительной энергией в деле его приобретения. Работая на заводе по 10—11 часов в сутки и возвращаясь домой только вечером, он ежедневно просиживал за книгами до часу ночи. Читал он медленно и, как я заметил, не легко усваивал прочитанное, но то, что усваивал, знал очень основательно... Он... жил по-студенчески, занимая крошечную комнатку, единственный стол которой был завален книгами. Когда я короче познакомился с ним, я был поражен разнообразием и множеством осаждавших его теоретических вопросов. Чем только не интересовался этот человек, в детстве едва научившийся грамоте! Политическая экономия и химия, социальные вопросы и теория Дарвина одинаково привлекали к себе его внимание, возбуждали в нем одинаковый интерес, и, казалось, нужны были десятки лет, чтобы, при его положении, хоть немного утолить его умственный голод»[2].

Приведем еще свидетельство революционера-народника 70—80-х годов Г. А. Лопатина. Пораженный интеллигентностью и широтой взглядов рабочих-революционеров, с которыми он познакомился в Шлиссельбургской крепости, Лопатин говорил одному из них — В. П. Панкратову, что и за границей не встречал таких рабочих. «Заграничные рабочие-социалисты — совсем иной тип. Прежде всего... у них есть свобода, и организации существуют легально. ...Но если вы с кем-либо из них вздумаете заговорить о России, об Америке и вообще о другом каком-либо государстве, а не об их родном, то сразу убедитесь, что они ничего не знают. Тогда как Карпенко, Вольнов, Антонов (рабочие, с которыми был знаком Лопатин.— *Авт.*) удивили меня своей начитанностью и широтой мысли. Удивляюсь, как они, работая на заводах с утра до вечера, могли столько прочесть русской и иностранной литературы — не только беллетристики, но и научных книг»[3].

[1] См. *М. А. Персиц.* Атеизм русского рабочего (1870—1905 гг.). М., 1965.

[2] *Г. В. Плеханов.* Сочинения, т. III. Л.—М., 1928, стр. 131.

[3] «Рабочее движение в России в описании самих рабочих». М., 1933, стр. 106.

Атмосфера, в которой формировалось политическое сознание передовых рабочих, хорошо передана в воспоминаниях рабочего-революционера И.В. Бабушкина. Он рассказывает, в частности, о том, как в Кронштадтской торпедной мастерской, куда он поступил учеником в конце 80-х годов, обсуждали различные новости и слухи, касавшиеся деятельности революционеров в столице. «Говорили обо всем, и даже о «государственных преступниках». Трудно передать, насколько интересны были эти разговоры...» [1] Рассказчиков, по свидетельству Бабушкина, слушали с крайним напряжением: в любой момент мог появиться жандарм или кто-либо из администрации. В этой атмосфере нарастала ненависть к «господам», к богатым вообще. У более развитых, грамотных рабочих, главным образом молодых, пробуждалось стремление подняться над убожеством и обыденностью повседневной жизни, установить связи с интеллигенцией, с теми, кто мог снабдить литературой, в том числе нелегальной, ответить на возникающие вопросы, научить действовать. «Ближе знакомясь с разного рода нелегальной литературой, с людьми революционных убеждений, разговаривая с товарищами на те же темы, создавая всевозможные планы изменения всего строя жизни, при строгом разборе не выдерживающие критики, мы жили в постоянном волнении» [2], — отмечал И. В. Бабушкин.

Решающим событием в интеллектуальном развитии передовых рабочих было знакомство с марксизмом. Оно, вспоминал А. С. Шаповалов, «перевернуло все у меня в голове. На место мрачного отчаяния у меня загорелась надежда» [3]. Передовые рабочие, основываясь на своем опыте и знакомстве с марксистской литературой, все больше приходили к пониманию необходимости классовой организации пролетариата и борьбы за политические права и свободы, за социализм. В речи на суде (1901 г.), опубликованной «Искрой», сормовский рабочий П. А. Заломов (послуживший, как известно, прототипом образа Павла Власова в романе М. Горького «Мать») говорил: «...знакомство с историей других народов, трудящиеся классы которых благодаря неустанной борьбе выбились из положения, одинакового с нашим, привело меня к мысли, что такая борьба возможна и у нас. Возможность хотя бы в отдаленном будущем поднять экономический и нравственный уровень трудящейся темной массы дала мне богатый запас жизненных сил. Я видел, что тяжела будет борьба для рабочих, трудно бороться с беспросветным мраком невежества, в котором насильственно держат рабочих и крестьян, что много, много будет жертв с нашей стороны» [4].

В 1870 г., изучив труд Флеровского «Положение рабочего класса в России», К. Маркс пришел к глубокому убеждению, что там не-

[1] «Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина». М., 1955, стр. 16—17.
[2] Там же, стр. 28.
[3] *А. Шаповалов.* По дороге к марксизму, стр. VIII.
[4] *П. А. Заломов.* Воспоминания. Горький, 1947, стр. 4.

избежна «грандиознейшая социальная революция...»[1]. Но в то время русский рабочий класс еще не был крупной силой; спустя 30 лет ситуация резко изменилась. Общественные противоречия достигли в стране крайней остроты. Высокая еще степень связи промышленного пролетариата с деревней в общем и целом способствовала росту социальной активности и в городе, и в деревне. Обстановка кризиса самодержавного строя создавала благоприятные предпосылки для распространения в рабочей массе революционных настроений и социалистических взглядов, для превращения пролетариата в гегемона надвигавшейся революции.

Япония. Формирование японского пролетариата происходило в сложных и своеобразных условиях. В 70—80-х годах прошлого века страна переживала по существу период первоначального накопления. Революция Мейдзи (1868 г.) способствовала развитию капитализма, но не устранила традиционные институты и порядки, унаследованные от феодальной эпохи. Из них складывалась система внеэкономического принуждения, на которую опирался промышленный капитализм. Вплоть до начала 80-х годов в крупной промышленности преобладали государственные предприятия, главным образом военные. Монархическое правительство, представлявшее реакционную полуфеодальную бюрократию и шовинистически настроенное самурайство, форсировало индустриальное развитие в интересах усиления военной мощи Японии и осуществления программы внешней экспансии.

Рабочий класс формировался в основном из бывших ремесленников, цеховых подмастерьев и учеников, рабочих мануфактур, а также за счет обезземеленных крестьян. Одним из распространенных способов вербовки дешевой рабочей силы для фабричной промышленности была купля-продажа крестьянских детей. Девушек контрактовали на 8—10 лет, после чего они возвращались в деревню, как правило, уже полуинвалидами[2].

Преобладание раннекапиталистических форм производства определяло структурные особенности рабочего класса: сравнительную малочисленность и текучесть фабрично-заводского пролетариата, значительный удельный вес мануфактурных и надомных рабочих, сохранявших связь с сельским хозяйством, исключительно высокий удельный вес женского труда, особенно в прядильном и ткацком производствах (до 75% рабочей силы, в значительной мере подростки до 14 лет).

Условия труда определялись сохранением полуфеодальных форм эксплуатации. Законтрактованные работницы-текстильщицы жили обычно в бараках на территории предприятия. Из их мизерной заработной платы хозяин удерживал суммы на погашение аванса,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 549.
[2] См. «Очерки новой истории Японии (1640—1917)». М., 1958, стр. 292.

выданного родителям при вербовке, за пользование бараком, на принудительные «сбережения», в качестве штрафов и т. п. В текстильной промышленности подростки в некоторых случаях работали по 5—7 лет «учениками», вообще не получая заработной платы.

Никакого фабричного законодательства не существовало. Трудились без выходных: в течение года предоставлялось всего три-четыре нерабочих дня. На производстве царили произвол и беззаконие. С разрешения губернатора предприниматели могли применять телесные наказания. На некоторых предприятиях рабочие подвергались истязаниям, пыткам. Японские газеты того времени сообщали, например, что на острове Кюсю шахтеров за попытку побега с работы подвешивали за руки к потолку. На одной из шелкоткацких фабрик работниц за малейшие упущения выгоняли обнаженными во двор общежития и оставляли на снегу по нескольку часов [1].

В последние десятилетия XIX в. усилилось проникновение в Японию идей европейского рабочего движения, в том числе тред-юнионизма, утопического социализма, анархизма. Особенно заметное воздействие на японское общество оказывали известия о революционном движении в России. «Такие слова, как «коммунизм», «социализм», «коммунист», «социалистическая партия», замелькали на страницах газет и журналов. Покушение Веры Засулич на Трепова и героическая борьба, которую вели русские революционеры, вызвали в Японии ряд откликов. В 1881 г. вышла книга «Повести о женщинах-героинях Европы»; в 1882 г.— «Российская сенсация — отважная девушка-преступница»... В том же году вышла книга «Положение партии русских нигилистов», в которой встречаются имена Маркса, Кропоткина и Бакунина. Через год переведена была книга Степняка «Подпольная Россия». Она вышла нелегальным изданием под заглавием «Плачущий дьявол»; переводчик ее Мурю Миядзаки был брошен в тюрьму» [2].

В ФОКУСЕ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

При всех различиях в конкретных условиях процесс развития классового сознания пролетариата повсюду осложняли препятствия и трудности общего порядка, обусловленные всем строем эксплуататорского общества. Духовная атмосфера этого общества определялась преобладающим идейно-политическим влиянием господствующих классов; им принадлежали основные средства как материального производства, так и духовного воздействия, а главное, власть. Революционная пролетарская идеология — научный социализм — встречала на пути к умам рабочих не только «пассивное» сопротивле-

[1] См. *А. Петров.* Рабочий вопрос в Японии. СПб., [1912], стр. 97, 169, 170.

[2] *Сен Катаяма.* Статьи и мемуары. М., 1959, стр. 256.

ние консервативных и конформистских свойств массового сознания, но и активное противодействие правящих кругов в лице государства, буржуазных и буржуазно-помещичьих партий, церкви.

Одной из главных опор консерватизма и конформизма оставалось религиозное сознание, хотя формы его и степень распространения были весьма неодинаковы в разных странах и социальных слоях. Большей склонностью к религиозности отличалась наряду с мелкой буржуазией верхушка квалифицированных рабочих. В районах, где преобладал протестантизм, социальная психология рабочих верхов отражала в значительной мере влияние так называемой протестантской этики с ее упором на профессиональный долг, трудолюбие, дисциплину и бережливость как основные «христианские ценности».

Католическая, православная и различные протестантские церкви каждая по-своему старались приспособиться к новой обстановке, найти новые формы и средства воздействия на рабочих. Большую активность проявляла католическая церковь: она ориентировала духовенство на усиление пропаганды среди рабочих во имя сохранения «социального мира», формировала идеологию реакционного политического католицизма. Наряду с этим следует отметить распространение так называемого религиозного либерализма (модернизма), появление новых течений христианского социализма[1].

В России одним из главных орудий самодержавия в борьбе против революционного движения выступала православная церковь. По инициативе обер-прокурора святейшего синода К. Победоносцева расширялась система церковноприходских школ, создавалась сеть так называемых обществ трезвости, через которые духовенство вело религиозную пропаганду среди рабочих, насаждало верноподданнические чувства. Эту деятельность церковников всячески поддерживали русские заводчики и фабриканты.

Религия, таким образом, продолжала занимать важное место в системе идеологических средств, противостоявших пролетарскому социализму. Церковь извлекала определенную выгоду даже из политических конфликтов с государственной властью, со светскими буржуазными партиями. Гонения на католиков, организованные правительством Бисмарка в 70-х годах, помогли католической церкви в Германии укрепить свое влияние среди рабочих. Примерно тогда же в Англии буржуазные радикалы развернули шумную кампанию против господствующей англиканской церкви в связи с ее претензиями на всеобъемлющий контроль над школой. Эта кампания проходила под прогрессивным лозунгом свободы совести, но в итоге она привела к обострению конфликта между официальной церковью и различными нонконформистскими сектами, в который оказалась втянутой и часть рабочей массы. Во Франции радикалы высту-

[1] См. «Религия и церковь в истории России (Советские историки о православной церкви в России)». М., 1975, стр. 212 и др.

пили с броским лозунгом «клерикализм — вот враг». Направленный против клерикально-монархической реакции, он тем не менее дал новое оружие в руки церковников, и они не замедлили воспользоваться им, чтобы попытаться укрепить влияние на массы под контрлозунгом «защиты религии».

Тем не менее всем ходом своего развития капитализм неизбежно подрывал религиозное сознание. Проповедь смирения перед «волей божией» и христианской любви к ближнему находилась в слишком явном противоречии с нравами, царившими в мире «голого чистогана» и погони за наживой, с роскошью верхов общества и жестокостью властей. Успехи естественных наук, особенно великие открытия Дарвина, способствовали распространению атеизма, который через посредство демократической интеллигенции проникал и в рабочую среду. Конечно, моральные нормы и принципы, выработанные христианством, продолжали оказывать воздействие и в секуляризованной форме. Но это не мешало рабочим участвовать в стачках и голосовать за социалистов.

Буржуазия нуждалась в более эффективных и современных средствах идеологического воздействия. Повышался уровень образования масс, росло поколение грамотной рабочей молодежи, поколение людей, способных не только слушать и понимать политическую речь, но и принимать участие в обсуждении сложных социальных и политических вопросов. С ними уже нельзя было разговаривать только языком религиозной или моральной проповеди. Приходилось искать более рационалистическую аргументацию. В последней трети XIX в. возникли и получили распространение новые направления буржуазного и мелкобуржуазного социал-реформизма: аграрный социализм Г. Джорджа в США, катедер-социализм в Германии, фабианский социализм и социал-радикализм в Англии, «легальный марксизм» в России. Эти течения, направленные против революционного марксизма, получали поддержку в кругах либеральной буржуазии и оказывали определенное влияние на часть рабочих. Буржуазные деятели, нередко в прямом контакте с церковью, с правительством, усиливали организационную и агитационно-пропагандистскую работу в пролетарской среде, создавая для этой цели просветительные общества, клубы и т. п.

Попытки затормозить развитие классового самосознания рабочих были связаны также с расширением в ряде стран избирательного права. Стремясь привлечь избирателей-рабочих на свою сторону и ограничить влияние социалистов, буржуазные партии обрушивали на зачастую не искушенных в политике людей поток политических программ, идеологических схем, лозунгов, в которых многим пролетариям трудно было разобраться. Особенно большую энергию в погоне за голосами рабочих развивали буржуазные партии либерального и особенно радикального типа (прогрессисты в Германии, радикалы во Франции, левое крыло либералов в Англии).

Буржуазия осваивала постепенно и другие средства влияния на рабочие массы. К этому периоду относится возникновение того явления в духовной жизни капиталистического общества, которое впоследствии получило название «массовая культура». Духовный голод масс пытались утолить дешевой бульварной прессой, наполненной уголовной и светской хроникой, низкопробной литературой, спортивными сенсациями и примитивным сексом. На коммерческую основу ставилась организация развлечений, рассчитанных на мещанские вкусы, на бездумное и бездуховное проведение свободного времени, возбуждение азарта и культа жестокости и силы. С помощью «манипулируемого бескультурья» буржуазия стремилась удержать рабочих — хотя бы более отсталую их часть — в духовном рабстве, воспрепятствовать росту их классового сознания.

Существенное место в идеологическом воздействии на рабочий класс занимал национализм. Формирование буржуазных наций и образование единых национальных государств, стимулируя рост национального самосознания, способствовали одновременно и распространению национальных предрассудков — представлений об исключительности своей нации, пренебрежения к другим народам. Националистическая и шовинистическая пропаганда находила питательную почву и в сфере международных отношений. Завершение раздела мира и колониальные войны сопровождались яростными шовинистическими кампаниями, усилением расистской пропаганды. Неоднократные «военные тревоги» на франко-германской границе создавали атмосферу напряженности, которой широко пользовались шовинисты, разжигая антигерманские настроения во Франции, антифранцузские — в Германии. Лозунг национального единства в борьбе с «внешним врагом» противопоставлялся пролетарскому интернационализму.

Называя последнюю треть XIX в. относительно «мирной» эпохой, В. И. Ленин, как известно, ставил слово «мирной» в кавычки. Она была мирной в сопоставлении с предшествующим периодом, отмеченным крупными революционными боями, и особенно с периодом империализма.

Вместе с тем классовая борьба в эту эпоху неуклонно расширялась. Так называемый рабочий вопрос выдвинулся в центр политической жизни, и даже борьба между буржуазными партиями и идеологами в значительной степени велась по вопросу о методах «сдерживания» пролетариата и тактике по отношению к рабочему движению.

Разумеется, масса рабочего класса боролась прежде всего за непосредственные жизненные интересы: против понижения и за повышение заработной платы, за сокращение рабочего дня, меры по охране труда и т. д. Большинство пролетариев было еще далеко от понимания конечных целей движения. Некоторые успехи в повседневной борьбе порождали противоречивые результаты. С одной

стороны, они способствовали возникновению реформистских иллюзий, надежд на возможность коренных изменений в рамках капиталистической системы. Эти настроения были, конечно, наиболее характерны для рабочей аристократии, хотя находили отклик и в более широких слоях. Видя, что высококвалифицированный рабочий добился сносного существования, пролетарий из «низов» также мог надеяться улучшить свое положение. Подобные надежды становились основой реформизма, соглашательства, оппортунизма на уровне обыденного сознания.

Но главный результат социальных и политических завоеваний пролетариата заключался в другом. Каждая завоеванная позиция способствовала саморазвитию рабочего класса, расширению его культурного и политического кругозора. Рабочие приобретали хотя бы минимальный досуг для участия в деятельности своих организаций, для чтения и учебы, попросту для раздумий не только о хлебе насущном, но и о будущем — своем и своих детей. Только таким образом могло произойти усвоение социалистического сознания.

Решающее значение имел сам факт участия рабочих в борьбе. Она требовала организованности, дисциплины, взаимопомощи, солидарности и воспитывала эти качества. Именно в процессе борьбы выковывались профессиональные организации рабочего класса и его политические партии.

В лоне рабочего движения формировался слой идеологов, руководителей, помогавших массам осознать собственный опыт, подводивших их к пониманию целей и задач борьбы. При этом и сами руководители движения учились мастерству организации масс, искусству политического маневра, использованию противоречий в лагере противника. В ходе борьбы выдвигались новые деятели различных уровней. Это были те «рабочие-интеллигенты», появлению которых В. И. Ленин придавал впоследствии особое значение как костяку пролетарских партий.

Высокие нравственные качества сознательных представителей пролетариата уже тогда привлекали к нему симпатии непролетарских слоев трудящихся. Не последнюю роль тут играло растущее воздействие рабочего движения на всю духовную атмосферу общества. В процессе классовой борьбы рождались элементы пролетарской, социалистической культуры, интернационалистической по своему характеру, проникавшие в каждую национальную культуру. Все меньше оставалось таких сфер общественного сознания, таких философских, этических, моральных, социологических, эстетических проблем, по которым не сформировалась бы точка зрения пролетариата. Многие ученики Маркса и Энгельса вели активную деятельность на поприще пролетарской культуры. Исторические, философские, литературоведческие, языковедческие, педагогические труды Плеханова, Лафарга, Меринга, Бебеля, Цеткин и других высоко подняли ее авторитет, ее роль в духовной жизни человечества.

Из рабочей среды в этот период выдвинулись первые профессиональные писатели, поэты, авторы романов, пьес и рассказов из рабочей жизни, массовых песен. Пролетарии начали сами выступать в печати — сначала как корреспонденты рабочей прессы, а затем и как авторы автобиографических повестей, в которых они рассказывали о своей жизни, чувствах и мыслях. В первых рабочих автобиографиях отразились формирование новой, пролетарской, социалистической личности, стремление передовых рабочих к изменению общественных условий, их представления о лучшем, достойном человека будущем, заинтересованность в освоении достижений науки, литературы и искусства, в преодолении пропасти между умственным и физическим трудом[1].

Конечно, господствующие классы располагали неизмеримо бо́льшими возможностями в сфере духовной жизни: практической монополией на высшее образование, «пропагандистским аппаратом» церкви, кадрами буржуазной интеллигенции, контролем над школой, издательствами и т. д. Но и у рабочего класса, несмотря на полицейские препоны и финансовые затруднения, появились в эти десятилетия собственные рычаги для развития социалистической и демократической культуры: широко разветвленная рабочая пресса, включая теоретические журналы, издательства (хотя они были немногочисленны), просветительские учреждения, библиотеки, клубы, хоровые общества, спортивные союзы и — в Германии — свой рабочий театр. Культурно-просветительская деятельность рабочих организаций приобретала все более широкий размах. Способствуя духовному развитию передовой части рабочего класса, его приобщению к культурным богатствам, накопленным человечеством, она в то же время повышала престиж пролетариата среди других слоев трудящихся, ускоряла переход на позиции рабочего класса части демократической интеллигенции.

ВСЕМИРНЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ

По мере распространения капитализма вширь географические рамки международного рабочего класса быстро раздвигались, охватывая все большее число стран. Его формирование в «пограничной зоне» капитализма ускорялось в результате внешней экспансии европейского и американского капитала. Промышленный пролетариат сфор-

[1] См., например, мемуары, опубликованные в Германии в начале XX в.: *C. Fischer.* Denkwürdigkeiten und Erinnerungen eines Arbeiters. Leipzig, 1903; *M. W. Th. Bromme.* Lebensgeschichte eines modernen Fabrikarbeiters. Jena — Leipzig, 1905 (2. Aufl., Frankfurt/Main, 1971); *A. Popp.* Die Jugendgeschichte einer Arbeiterin von ihr selbst erzählt. München, 1909; *F. Rehbein.* Das Leben eines Landarbeiters. Jena, 1911; см. также *U. Münchow.* Frühe deutsche Arbeiterautobiographien. Berlin, 1973.

мировался в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, он появился в Латинской Америке, Северной и Южной Африке, в Индии и ряде других стран Азии.

В последние десятилетия XIX — начале XX в. понятие «всемирный пролетариат», из которого Маркс и Энгельс первоначально исходили как из теоретической посылки, все больше наполнялось конкретным содержанием, становилось реальностью. При этом развитие пролетариата как всемирно-исторического явления характеризовалось противоречивыми тенденциями.

Переход от домонополистического к монополистическому капитализму способствовал усилению процесса интернационализации наемного труда. Он находил свое выражение прежде всего в увеличении масштабов международной миграции рабочей силы[1]. Нарастающий поток эмиграции из Европы достиг в начале XX в. своего максимума: за 1901—1910 гг. отсюда выехало в другие страны 12 млн. человек. Эмиграция из Европы сыграла значительную роль в образовании не только американского пролетариата, но и рабочего класса Канады, Австралии, Новой Зеландии, стран Латинской Америки (Аргентины, Бразилии, Чили и др.), Северной и Южной Африки.

Одновременно возник и другой миграционный поток. С конца XIX в. главные страны Западной Европы начали сами ввозить рабочую силу из менее развитых стран. К 1907 г. в сельском хозяйстве и промышленности Германии насчитывалось около 700 тыс. иностранных рабочих, главным образом из Австро-Венгрии, Италии, западных губерний России. Англия, которая ранее нередко прибегала к вербовке иностранных рабочих на Европейском континенте, обратилась к импорту дешевой рабочей силы из своих имперских владений (Индии, Вест-Индии). Усилился приток иностранной рабочей силы — итальянцев, бельгийцев, поляков — во Францию; что касается французских колоний, то массовый ввоз в страну рабочей силы оттуда развернулся позднее, во время первой мировой войны.

Усиление международной миграции рабочей силы имело в конечном счете прогрессивное историческое значение. «Сотни тысяч рабочих,— писал по этому поводу В. И. Ленин,— перебрасываются таким образом за сотни и тысячи верст. Передовой капитализм втягивает их насильно в свой круговорот, вырывает их из захолустья, делает их участниками всемирно-исторического движения, ставит их лицом к лицу с могучим, объединенным, международным классом промышленников»[2]. Ломая затхлость и заскорузлость местной жизни, соединяя вместе рабочих разных стран на одних предприятиях, капитализм создавал экономические предпосылки для разрушения национальных перегородок и предрассудков, для объединения

[1] См. *Э. П. Плетнев.* Международная миграция рабочей силы в капиталистической системе мирового хозяйства. М., 1962.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 89.

классово сознательных рабочих всего мира, укрепления и развития пролетарского интернационализма.

Но всемирный рынок рабочей силы выступал одновременно и как более широкая арена конкуренции между наемными рабочими разных национальностей,— конкуренции, которая проявлялась как внутри отдельных стран, так и на мировом капиталистическом рынке в целом. Распространение капиталистического способа производства на весь мир расширяло диапазон неизбежных в этих условиях различий в качестве рабочей силы, в производительности труда, в абсолютной и относительной величине эксплуатации, в заработной плате и жизненном уровне рабочих. Утверждение промышленной монополии капиталистически наиболее развитых наций, монополизация ими большей части мирового рынка и средств международного общения способствовали временному закреплению и даже усилению этих различий.

Главными очагами формирования промышленного пролетариата в Латинской Америке, в колониальных и зависимых странах Азии и Африки были крупные портовые города, такие, как Буэнос-Айрес в Аргентине, Бомбей в Индии, Шанхай в Китае и др. Положение, структура, уровень развития пролетариата на периферии капиталистического мира определялись отсталостью социально-экономических условий, переплетением новейших форм капитализма с докапиталистическими отношениями, тем однобоким развитием, которое придавал экономике колониальных и зависимых стран империализм. Основной костяк наемных рабочих составляли здесь железнодорожники, горняки, докеры, рабочие плантаций и т. п. В условиях их жизни и труда воспроизводились худшие черты раннего промышленного капитализма, помноженные на влияние самых архаичных форм зависимости, на колониальный, империалистический гнет[1].

Империализм означал разделение наций на угнетающие и угнетенные. Отсюда вытекали существенные различия в объективном положении рабочих, принадлежавших соответственно к первым и ко вторым[2]. Так обстояло дело в Британской империи, в империалистических системах других, больших и малых, европейских государств, которые также «обзавелись» колониями (Франция, Германия, Голландия, Бельгия и др.), в таких крупных многонациональных государствах, как Россия, Австро-Венгрия, Турция, где угнетенное инонациональное население численно преобладало.

Господство империализма ускоряло появление наемного труда и там, где в отличие от развитых стран процесс формирования национальной общности еще не начался или же находился на начальной стадии, где подчас не сложилось даже общего национального языка.

[1] Проблемы формирования пролетариата в странах Латинской Америки, Азии и Африки специально рассматриваются в главе девятой.

[2] См. об этом: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 107, 108.

Все больше становилось территорий и стран с этнически сложным, в том числе многорасовым, по составу рабочим классом.

Многообразие конкретных условий, в которых находились различные части всемирного пролетариата, не могло не отражаться и на рабочем движении. На это еще в 1869 г. обращал внимание Маркс. «Так как степень развития различных отрядов рабочих одной и той же страны, а также рабочего класса разных стран неизбежно очень различна,— писал он,— то и действительное движение неизбежным образом получает свое выражение в чрезвычайно различных теоретических формах»[1]. Почти 40 лет спустя В. И. Ленин, как бы продолжая эту мысль, указывал: «Международное революционное движение пролетариата не идет и не может идти равномерно и в одинаковых формах в разных странах. Полное и всестороннее использование всех возможностей на всех поприщах деятельности складывается лишь в итоге классовой борьбы рабочих различных стран. Каждая страна вносит свои ценные, оригинальные черты в общий поток...»[2]

Недостатки и слабости отдельных отрядов международного рабочего класса могли преодолеваться и преодолевались лишь посредством организации рабочих в национальном и международном масштабах, упорной работы революционного пролетарского авангарда, в ходе повседневной, постоянно расширяющейся, все более обогащающейся новым опытом практической борьбы.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 218.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 182.

Часть II

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ МИРОВОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Выход на историческую арену международного пролетариата как класса в XIX в. нашел отражение в трех выдающихся событиях: возникновении марксизма как научной теории пролетариата (середина 40-х годов), образовании первой массовой международной пролетарской организации — I Интернационала (1864 г.) и первой пролетарской революции — Парижской Коммуне (1871 г.).

Коммуна — «величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века»[1] — явилась кульминацией нового революционного подъема, наступившего после европейской реакции 50-х годов. Последствия первого мирового экономического кризиса 1857 г. снова всколыхнули глубокие слои народных масс как в центральной части тогдашнего капиталистического мира, так и на его периферии. Вопросы, стоявшие в то время в порядке дня европейской жизни, были в основном связаны с незавершенностью буржуазно-демократических революций 1848—1849 гг. Речь шла о решительном устранении феодальных пережитков, тормозивших свободное развитие капитализма, об образовании буржуазных национальных государств в Центральной Европе. В радикальном решении этих проблем были заинтересованы самые широкие слои трудящихся города и деревни, и в первую очередь рабочие, для классовой организации которых существенное значение имело завоевание демократических прав и свобод в рамках единых национальных государств.

Либеральная буржуазия, не рискуя опереться на революционный народ, на растущее рабочее движение, искала компромисса с феодально-монархическими кругами. Она добивалась удовлетворения своих узкоклассовых интересов ценой отказа от важных демократических требований (в частности, республики) и даже от части уже отвоеванных ею политических привилегий (например, права контроля над государственным бюджетом). Стремлением осуществить буржуазную революцию «сверху», без вмешательства народных масс, объяснялся специфический характер таких событий, как итальянская война 1859 г., эта своеобразная интервенция против народной революции в Италии, осуществленная Наполеоном III с одобрения европейской дипломатии, как прусские войны против Дании (1864 г.), Австрии (1866 г.) и Франции (1870 г.), в ходе которых завершилось объединение германских государств под эгидой Пруссии. На всем протяжении 60-х годов правящим кругам приходилось действовать в обстановке обострявшегося революционного кризиса, подавляя

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 453.

растущее сопротивление масс, вовлекаемых в активную политическую жизнь.

В условиях, когда буржуазия отказывалась от революционной борьбы против остатков феодализма, все явственнее стала выявляться роль пролетариата как единственного класса, способного на историческую инициативу, естественного вождя освободительной борьбы всех трудящихся. В непролетарских слоях зарождалось и крепло доверие к руководителям рабочих организаций и секций Международного Товарищества Рабочих, к тем пролетарским революционерам, которые боролись за наиболее радикальное, последовательное доведение до конца буржуазно-демократических преобразований.

Понимание великой исторической миссии пролетариата, обоснованное Марксом и Энгельсом, вдохновляло деятельность еще небольшой тогда группы сознательных марксистов 60-х годов XIX в. (В. Либкнехт, А. Бебель, П. Лафарг, И. Ф. Беккер, Э. Дюпон, И. Эккариус, Ф. Лесснер, В. Бракке), определяло их тактику в европейском освободительном движении. Это движение все еще было революционно-демократическим; несмотря на сдвиги, происшедшие с 1848 г., многие задачи буржуазно-демократического преобразования общества оставались неразрешенными.

Что касается Франции, то здесь к началу 1870 г. рабочие уже занимали самые последовательные позиции в широком фронте борцов против прогнившего, антинародного бонапартистского режима. В условиях обострения противоречий, вызванных франко-прусской войной и крушением Второй империи, именно здесь с наибольшей резкостью и ясностью проявились указанные выше черты европейской социально-политической обстановки: неотложность демократических преобразований, отход буржуазии от активной борьбы за них и все более определяющая роль в ней пролетариата. Как и прежде, в этот кризисный период развития французского общества на авансцене появились парижские рабочие. Все еще по преимуществу ремесленные пролетарии, не имевшие собственной партии и не вооруженные научной теорией, они оказались единственной силой, способной совершить давно назревший демократический переворот. В ходе этого переворота, произведенного с присущей пролетариату решительностью, они — впервые в истории — шагнули в борьбе за демократию к социализму; они доказали, что последовательная демократия «*превращается* в социализм» и «*требует* социализма»[1]. Коммуна, которую они создали, была, писал В. И. Ленин, «форма пролетарской, социалистической республики...»[2].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 78.
[2] Там же, стр. 41.

КРУШЕНИЕ ВТОРОЙ ИМПЕРИИ. ФРАНЦУЗСКИЙ РАБОЧИЙ КЛАСС И ИДЕЯ КОММУНЫ

Бедствия и тяготы войны с Пруссией, начавшейся 19 июля 1870 г., в первую очередь обрушились на трудящихся Франции. Вопреки хвастливым фразам бонапартистских генералов, выступивших в поход под крики «На Берлин!», после первых же перестрелок военные действия развернулись на французской территории. Оскорбленное национальное чувство создавало благоприятную почву для шовинистической агитации. Голоса членов Интернационала были заглушены. Однако война отнюдь не сплотила нацию вокруг империи, как рассчитывали бонапартисты. Ход военных действий явно показал, что бонапартистский режим прогнил до основания. Уже первые поражения императорской армии (6 августа 1870 г.) дали толчок, от которого стало рассыпаться государственное здание империи. В Париже и ряде городов провинции начались массовые волнения[1].

На повестку дня встал вопрос о республике. Будет ли она установлена и чем явится — это определялось конкретным соотношением социальных и политических сил в стране. Республиканскую оппозицию бонапартистскому режиму представляли правые буржуазные республиканцы, левые республиканцы и различные течения, выражавшие социальные и политические устремления пролетариата.

Парижские секции Интернационала подготовили ко дню открытия сессии Законодательного корпуса (9 августа 1870 г.) массовую демонстрацию под лозунгами отстранения императора, провозглашения республики и вооружения всего народа. Демонстрацию, призванную оказать непосредственное давление на парламент, ослабив его реакционное крыло, предполагалось провести вместе с левыми республиканцами. Однако последние в решающий момент отступили. Демонстрация была разогнана войсками, в столице введено осадное положение, последние демократические газеты запрещены. Бонапартистским кругам удалось временно укрепить свои позиции.

14 августа прибывший из Бельгии Бланки сделал вместе со своими сторонниками попытку поднять восстание, захватив одну из парижских казарм. Проведенное несвоевременно, без учета настроений масс и реального соотношения сил, выступление с самого начала было обречено на провал.

Поражение августовских выступлений республиканцев не спасло бонапартистский режим. Известия о разгроме императорской армии и ее капитуляции при Седане (1—2 сентября 1870 г.) подняли новую волну народного негодования. 3 сентября, во второй полови-

[1] См. *Э. А. Желубовская.* Крушение Второй империи и возникновение Второй республики во Франции. М., 1956, гл. V.

ше дня, в Париже возникли стихийные демонстрации рабочих. К ним присоединились студенты, солдаты, национальные гвардейцы. На следующий день демонстрации продолжались. Части демонстрантов удалось ворваться в помещение Законодательного корпуса, а затем в ратушу. Возглавившие их бланкисты и мелкобуржуазные демократы требовали образования республиканского правительства, в которое вошли бы представители рабочих и левых республиканцев: О. Бланки, Г. Флуранс, Ш. Делеклюз, Ф. Пиа, А. Рошфор. Эта акция не была согласована с парижскими организациями Интернационала, единственными массовыми пролетарскими организациями столицы, а руководство секциями не проявило инициативы и не использовало своего влияния для того, чтобы добиться создания правительства в таком составе.

4 сентября во Франции была провозглашена республика, что было безусловной победой народа[1]. Но плодами этой победы завладели правые республиканцы, поддержанные монархистами, сторонниками династии Орлеанов. Сформированное в тот вечер временное правительство объявило себя правительством Национальной обороны. Участие в нем левого республиканца Рошфора ознаменовало переход парижских представителей этой политической группы на сторону откровенных противников рабочего класса.

В борьбе против империи французские члены Интернационала Варлен, Дюпон, Обри, а также бланкистские и прудонистские публицисты Тридон, Верморель, Мильер и другие постоянно подчеркивали отличие своей позиции «красных» республиканцев, сторонников социальной республики от позиций буржуазных республиканцев, видевших в республике лишь более целесообразную и эффективную форму буржуазного правления. Однако в пароксизме борьбы против империи, в момент ее свержения, это отличие смазалось и на первый план выступил всех объединявший республиканизм. Отсюда доверие, с которым широкие массы Парижа отнеслись к новому правительству. Понадобились месяцы тяжелых испытаний и репрессий, чтобы рассеялись иллюзии, чтобы раскрылись глаза рабочих и ясно выступил классовый характер захвативших власть буржуазных республиканцев.

Что касается признанных лидеров парижского рабочего и демократического движения, то они сравнительно быстро поняли, что произошло. Уже 4 сентября руководители секций Интернационала и Федерации синдикальных камер собрались в помещении рабочих организаций на площади Кордери, чтобы обсудить положение. В этот штаб пролетарского Парижа пришли и многие публицисты социалистического и демократического направлений.

Делегация из семи человек, избранная собравшимися, в ту же ночь была принята членом правительства радикалом Гамбеттой.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 321, 499.

Делегаты, выразив готовность ввиду сложной обстановки поддержать правительство, представили министру требования парижских рабочих: немедленные выборы в муниципальный совет, быстрое вооружение национальной гвардии, упразднение префектуры полиции и передача ее функций окружным муниципалитетам, отмена исключительных законов, направленных против прессы и собраний, освобождение политических заключенных и др.

Делегация не добилась реальных результатов. Однако выдвинутое ею требование — провести муниципальные выборы — скоро выкристаллизовалось в требование выборов в Парижский муниципальный совет — Коммуну, с образованием которой связывалась возможность всеобщего вооружения народа и проведения революционных мер обороны. Вокруг этого требования развернулась борьба рабочих Парижа против капитулянтской политики буржуазии. «Те граждане, которые потребовали установления Коммуны, проявили подлинный героизм, стремясь вернуть героическому Парижу его революционную инициативу»[1],— писал Варлен 19 октября 1870 г. в обращении к бойцам 193-го батальона Национальной гвардии, которым командовал. Под лозунгом Коммуны 20, 22, 25, 26 сентября, 5 и 8 октября прошли массовые народные демонстрации.

Чтобы полностью оценить то воздействие, которое оказывал на парижские массы лозунг Коммуны, необходимо вернуться к его первоначальному конкретному содержанию. Всеобщее избирательное право, распространенное Февральской революцией 1848 г. и на выборы городских (муниципальных) властей, было отменено применительно к муниципалитетам особым правительственным декретом 3 июля 1848 г., т. е. немедленно после подавления Июньского восстания в Париже. Законы, проведенные позже Наполеоном III, поставили городские власти страны в полную зависимость от правительства, низвели мэров и муниципальных советников до положения чиновников, назначаемых сверху. При этом два города — Париж и Лион,— население которых считалось особенно неблагонадежным, вообще не имели самоуправления и находились в непосредственном ведении префектуры полиции.

Париж, насчитывавший около 2 млн. жителей, был разбит на 20 округов, во главе которых стояли мэры, назначаемые правительством. В их обязанности входили в основном регистрация актов гражданского состояния, наблюдение за благонадежностью населения и санитарным состоянием на территории округа.

Выборность муниципалитетов и отмена особого режима для Парижа и Лиона составляли часть демократических требований, предъявлявшихся к империи даже парламентской оппозицией. В избирательной программе, принятой весной 1869 г. передовыми фран-

[1] Листовка из коллекции, хранящейся в архивном фонде библиотеки ИМЛ при ЦК КПСС.

цузскими рабочими, это требование было сформулировано в следующих словах: «Коммуны, департаменты и колонии освобождаются от всякой опеки в решении их внутренних дел и управляются свободно избранными доверенными лицами»[1].

Восстановление муниципальных прав являлось в последние годы империи общепризнанным всенародным требованием. Об этом свидетельствует движение за выборы муниципалитетов, начавшееся по всей стране в первый же месяц войны, еще до 4 сентября. Крушение империи дало этому движению новый толчок, поскольку в военных условиях смещение и большей частью поспешный отъезд старых префектов наряду со слабостью центрального правительства ставили вопрос в порядок дня.

На понимание французскими рабочими этого лозунга, безусловно, влияло еще живое воспоминание об органе революционной диктатуры периода буржуазной революции XVIII в.— Парижской Коммуне, раздавленной термидорианской реакцией. Оно было близко бланкистам и многим ветеранам рабочего движения 40-х годов, воспитанным на традициях буржуазной революции конца XVIII в.

К этим традициям постоянно возвращались и представители мелкобуржуазной демократии — неоякобинцы. Толкование практики Коммуны 1792—1794 гг. как формы прямого народоправства в какой-то мере смыкалось с теорией прямого народного законодательства по швейцарскому образцу, которая активно пропагандировалась мелкобуржуазными демократами, пытавшимися навязать обсуждение этого вопроса конгрессам Интернационала накануне войны[2].

Наконец, само слово «коммуна» ассоциировалось даже у мало начитанного рабочего со взглядами Прудона относительно роли общины (коммуны) как первичной ячейки человеческого общества в социальном строе будущего. Публицисты прудонистского направления О. Верморель, Ж.-Б. Мильер, П. Дени проповедовали полную автономию общин, допуская их федерацию лишь как последующий и добровольный шаг. В какой-то мере эти взгляды, как и прудоновский «антигувернементализм», отрицавший необходимость какой-либо административной власти, кроме той, которая осуществляется самими управляемыми, выражали естественный протест против крайней централизации и угнетательского характера бонапартистской системы. Эта анархистская по существу трактовка понятия коммуны присутствовала преимущественно в теоретических статьях и брошюрах.

В документах, непосредственно отражавших настроения парижских рабочих в изучаемый период (уставы организаций, воззвания и

[1] *М. Шури.* Коммуна в сердце Парижа. М., 1970, стр. 48.
[2] См. выступление Риттинггаузена на Базельском конгрессе 1869 г.— «La Première Internationale. Recueil de documents», vol. II. Genève, 1962, p. 17.

др.), отголоски этой трактовки встречались редко, что свидетельствовало об отсутствии сколько-нибудь заметного влияния бакунистов на рабочих столицы. И прудоновская идеализация мелкобуржуазного индивидуализма, и бланкистское обращение к Коммуне 1792—1794 гг. были своего рода возвратом к прошлому. Между тем в понимании парижских рабочих старый лозунг муниципальных свобод и выборов в коммуну постепенно наполняется новым содержанием. Рабочие видят в его осуществлении не только удовлетворение своих непосредственных стремлений. Они связывают с ним и свои заветные замыслы, и те мечты, которые во все времена так помогали простому народу жить и бороться.

Подобно тому как чартисты вложили в шесть пунктов Хартии, сформулированных буржуазными радикалами, иное социальное содержание, парижские рабочие накануне первой в истории пролетарской революции вкладывали в общенародный лозунг муниципальных выборов такой смысл, который придал ему новое, всемирно-историческое значение. Добиваясь права быть хозяевами в своем городе, они учились видеть в Коммуне доступную, реальную и эффективную форму своего классового господства. Таким образом, в коллективном сознании парижского пролетариата постепенно созревала уверенность в необходимости и справедливости перехода правительственной власти в руки рабочего класса. «Коммуна, которую пролетариат молчаливо вынашивал тогда в своем сознании, составляла истинную тайну революции 4 сентября»[1],— отмечал К. Маркс во «Втором наброске «Гражданской войны во Франции»».

18 сентября завершилось окружение Парижа немецкими войсками. Началась четырехмесячная осада столицы. Бездеятельность правительства Национальной обороны в организации отпора пруссакам заставляла парижских трудящихся брать на себя решение многих безотлагательных проблем, самим находить формы для выполнения таких хозяйственных и административных функций, как распределение продовольствия, обеспечение семей бойцов, предоставление жилья беженцам и т. д. На это толкала также и пассивность окружных муниципалитетов, которые не всегда решались преступать ограниченные полномочия, предоставленные им в свое время империей.

В первую очередь следует отметить инициативу, проявленную собранием 500 членов Интернационала и синдикальных палат 5 сентября 1870 г., на котором было решено создать в каждом из 20 округов Парижа комитет республиканской бдительности. 9 сентября в печати появилось извещение о формировании Центрального комитета 20 округов, что показывает, насколько масса была подготовлена к организованному действию.

В окружные комитеты, как и в Центральный комитет 20 округов, вошли избранники трудового наро-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 596.

да, выдвинутые на собраниях жителей кварталов и отдельных улиц. Одни были уже известными в рабочей среде руководителями секций и синдикатов, как Э. Варлен, Б. Малон, или революционными публицистами, как Ш. Лонге, Ж.-Б. Мильер, Ж. Валлес, О. Верморель. Другие лишь здесь начали свою общественную жизнь, например К. Мартен, бессменный секретарь Центрального комитета 20 округов, впоследствии член Генерального Совета и один из секретарей Лондонской конференции Международного Товарищества Рабочих (сентябрь 1871 г.).

Рядом с квалифицированными рабочими, ремесленниками, умельцами, изготовлявшими знаменитые парижские изделия, рядом с простыми поденщиками в комитетах республиканской бдительности заседали конторские служащие, бухгалтеры, переписчики, учителя, журналисты, студенты и другие «пролетарии умственного труда»[1]; мало кто из них был старше 30 лет. Дошедшие до нашего времени протоколы заседаний комитетов рассказывают, как трудны были первые шаги общественно-политической деятельности для этих людей — честных, преданных, восторженных, но еще малоопытных. Смело решали они кардинальные вопросы пролетарской политики и тут же путались в крючкотворстве буржуазного государственного устройства, теряя драгоценное время на обсуждение своих прав, обязанностей и степени компетентности.

Центральный комитет 20 округов, первый выборный орган парижского революционного народа, объявил местом своих заседаний помещение рабочих организаций на площади Кордери, подчеркнув этим не только свою классовую сущность, но и близость к платформе Интернационала.

[1] Вопрос о составе парижского рабочего класса накануне Коммуны подробно рассмотрен в книге Э. А. Желубовской «Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции». Хотя промышленная революция в стране к концу 60-х годов уже завершилась, указывает автор, «в Париже, ввиду особенностей его исторического развития, мелкое ремесленное производство сохраняло бо́льшую устойчивость, чем во многих других промышленных районах Франции» (стр. 26). Новейшие исследования французских историков Ж. Брюа, М. Муассонье, Ж. Мэтрона, Ж. Ружери и др. подтверждают этот вывод. При обсуждении данной проблемы на международном научном коллоквиуме в Париже, посвященном 100-летию Парижской Коммуны, профессор Э. Лабрусс отметил, что у полуремесленных парижских рабочих, составлявших в 1870—1871 гг. большинство трудового населения столицы, классовое сознание, прежде всего ясное понимание антагонистичности интересов предпринимателя и наемного рабочего, было более развито, чем у предшествовавших поколений. Он подчеркнул, что в этом впервые проявляется «пролетарская доминанта» и о Коммуне «вполне правильно говорить как о первой пролетарской революции» («Voici l'aube. L'immortelle Commune de Paris». Compte rendu analytique du colloque scientifique international organisé par l'Institut Maurice Thorez. Paris, 1972, p. 80).

15 сентября на стенах Парижа появилась афиша (известная как первая «красная афиша») с развернутой программой, в которой целью Центрального комитета объявлялась защита родины и республики. Программа требовала выборности всех должностных лиц, упразднения полиции и передачи ее функций Национальной гвардии, вооружения всего народа, реквизиции для нужд населения запасов продовольствия и жилых помещений.

Вокруг Комитета 20 округов сплачивались наиболее передовые, революционные элементы парижского рабочего класса. Он пользовался полной поддержкой членов Интернационала. В циркуляре Парижского федерального совета Интернационала к секциям в провинции, выпущенном вскоре после 4 сентября, образование комитетов республиканской бдительности характеризовалось как основная задача членов Интернационала в Париже. Эти комитеты, «призванные принимать энергичные меры против буржуазной и бонапартистской реакции» и укреплять оборону Парижа, оценивались как «зародыш будущих революционных коммун»[1].

Параллельно с гражданской общественно-политической организацией трудящихся происходила обусловленная военными задачами организация всего мужского населения в рядах Национальной гвардии.

Основная масса бойцов Национальной гвардии принадлежала к трудящемуся населению Парижа, то есть к пролетариату и мелкой городской буржуазии, разделявшей его тяжелые условия жизни. Выборы командиров Национальной гвардии, проведенные в первой половине сентября, продемонстрировали доверие этой массы к руководителям пролетарского движения последних лет Второй империи. И здесь были избраны члены синдикальных палат, секций Интернационала, сотрудники рабочих газет, деятели рабочей кооперации, все — будущие бойцы Коммуны. Однако избрание этих наиболее талантливых и авторитетных деятелей имело и свою отрицательную сторону, отрывая их от общего руководства рабочим движением, перегружая обязанностями военного и даже чисто хозяйственного характера. Командиры должны были лично получать довольствие и обмундирование для своих бойцов на складах, а бонапартистские чиновники заставляли их часами простаивать в очередях. Военное ведомство не торопилось вооружать рабочий класс Парижа, тормозило раздачу оружия и снабжение батальонов, задерживало утверждение избранных ими командиров, ограничивало права батальонных советов — выборных органов, деятельность которых первоначально сводилась к хозяйственно-организационным функциям и затем стала постепенно принимать общественно-политический характер.

В Национальную гвардию, комплектовавшуюся во всех округах столицы, входили и батальоны, набранные в более зажиточных, арис-

[1] «Dans l'impossibilité de répondre...». Paris (septembre 1870).

тократических кварталах. Бойцы этих батальонов, лучше одетые и вооруженные, принадлежали преимущественно к средней и крупной буржуазии; если даже многие из них испытывали патриотические чувства, преданность правительству и поддержка его в моменты кризисов поневоле делали их пособниками предательства.

Между тем по мере развертывания борьбы революционных элементов Национальной гвардии против ущемления их прав предательская роль правительства и его классовая сущность проявлялись все четче. Составной частью общего процесса поляризации общественного сознания в обстановке, когда ход событий поставил перед страной общенациональную задачу (оборона Парижа, защита республики, спасение родины), было превращение лучшей части Национальной гвардии в пролетарскую революционную армию для решения классовой задачи пролетариата — устранения от власти буржуазии, страшившейся вооруженного народа и потому вставшей на путь национальной измены.

Синдикальные палаты и секции Интернационала, определявшие в годы империи лицо и характер рабочего движения во Франции, должны были как организационные формы отступить на второй план. В условиях всеобщей мобилизации мужского населения профессиональные союзы, естественно, оказались ослабленными и дезорганизованными. Исключение составили те профессии, которые были связаны с военным делом (металлисты, литейщики, кузнецы, занятые в производстве оружия), а также пекари, мясники и другие, обеспечивавшие продовольственное снабжение армии и города. Хотя портные, швейники, обувщики тоже еще сохраняли свои объединения, шитье обмундирования в это время перешло в основном в руки женщин. Тогда же появились и чисто женские организации работниц (кооперативные мастерские для пошива военного обмундирования и белья), а также союз женщин для ухода за ранеными — извечная доля женщин в войне!

В связи с военным временем и блокадой Парижа утратила свой специфический аспект деятельность секций Интернационала, заключавшаяся в пропаганде, регулярной корреспондентской связи с другими городами и странами, в сборе средств для поддержки стачек и др. Теперь члены секций, как рабочие, так и представители трудовой интеллигенции, сохраняя верность Интернационалу, искали применения своим силам там, где непосредственно решались насущные задачи дня.

В идейном отношении члены парижских секций сами себя причисляли преимущественно к прудонистам, хотя по ряду важнейших вопросов уже отошли от прудоновских догм: вчерашним днем для них были отказ от стачек и профессиональных союзов, воздержание от политической борьбы и отвращение к коллективной собственности. Левые прудонисты Варлен, Малон, Комбо, Делаэ,

Авриаль, Тейс — вдохновители и активисты синдикального движения, организаторы массовых стачек и выступлений против империи, принявшие социалистическую программу Интернационала в 1868 г.,— сохраняли, однако, от прежнего увлечения Прудоном непонимание роли государства, отрицание всякой централизованной власти и федералистские взгляды. Большинство из них, не будучи знакомыми с экономической теорией Маркса, были еще полны веры во всеисцеляющую силу дарового кредита и связанных с ним реформистских иллюзий.

Недооценка левыми прудонистами организационного фактора привела к тому, что их разрыв с группой правоверных прудонистов, входивших в первый состав правления парижских секций, не был формально закреплен. Деятели, уже фактически отстраненные от руководства движением в последние годы империи, вновь активизировались, прикрываясь именем Интернационала, и на выборных должностях стали проводить политику соглашательства с буржуазией. Мюра, помощник мэра X округа, во время осады поддерживал контрреволюционные мероприятия правительства; Шодэ, мэр IX округа, во время восстания 22 января дал войскам приказ стрелять в толпу; Толен, избранный парижскими рабочими в Национальное собрание, отрекся от Коммуны и перешел на сторону Версаля.

Революционная тенденция, издавна свойственная французскому рабочему классу, находила свое наиболее осознанное выражение во взглядах б л а н к и с т о в. Значительно менее многочисленные, чем прудонисты, рабочие-бланкисты в период осады являлись активной политической силой. Они выступили инициаторами ряда мирных и вооруженных демонстраций против правительства, подготовили восстание 31 октября. Если ранее в силу свойственных всем последователям Бланки заговорщической тактики и пренебрежения к экономической борьбе они оставались в стороне от Интернационала, то с углублением кризиса империи и ростом революционности рабочего класса это отчуждение смягчалось: накануне войны и во время осады Парижа появились бланкистские секции, а газета Бланки «Ла Патри ан данже», выходившая ежедневно с сентября по ноябрь 1870 г., регулярно печатала документы Интернационала и извещения его секций. Обладая опытом вооруженной борьбы и соответствующей подготовкой, бланкисты пользовались особым авторитетом в Национальной гвардии; они дали Коммуне ее генералов — Э. Дюваля, Г. Флуранса, Э. Эда.

По своим политическим тенденциям и навыкам очень близки к бланкистам были н е о я к о б и н ц ы — мелкобуржуазные демократы и социалисты, сторонники социальной республики, являвшиеся представителями и идеологами городских непролетарских слоев трудящихся. Среди неоякобинцев наряду с мужественным и честным Ш. Делеклюзом, которого истинная преданность народному делу привела на баррикады первой пролетарской революции, встречались

и люди другого склада. «...Простые крикуны, из года в год повторяющие стереотипные декламации против существующих правительств и приобретающие поэтому репутацию революционеров высшей пробы»[1],— писал К. Маркс, имея в виду литератора Ф. Пиа и связанного с Бакуниным авантюриста, генерала американской армии периода Гражданской войны в США Г. Клюзере.

Среди участников парижской революции, испытавших на себе непосредственное влияние международной пролетарской организации, следует выделить тех членов Интернационала, которые не только посещали его конгрессы и активно участвовали в пропаганде его идей, но и бывали в Лондоне, не раз присутствовали на заседаниях Генерального Совета, вникали в его повседневную работу. Можно назвать Э. Варлена, который в 1865 г. на первой Лондонской конференции познакомился с К. Марксом и слышал его выступления с критикой Прудона. Журналист Ш. Лонге, рабочий-ювелир А. Комбо и литограф Ж. Жоаннар были в разное время (1866—1869 гг.) членами Генерального Совета. Весной 1867 г. приезжал в Лондон делегат бастующих бронзовщиков З. Камелина, в дальнейшем начальник монетного двора при Коммуне, а в 1920 г.— один из основателей Французской коммунистической партии. Все эти имена фигурировали в сентябре 1870 г. в списках республиканских комитетов бдительности различных округов или их ЦК.

Членом Генерального Совета в течение более трех лет был первый пропагандист марксизма во Франции Поль Лафарг, зять Маркса. С осени 1868 г. он жил в Париже, был тесно связан с руководством парижских секций, способствовал весной 1870 г. образованию их федерации и выработке ими правильной тактики в борьбе против бонапартизма. В самом начале войны Лафарг с женой и двухлетним ребенком перебрался в Бордо, а в апреле 1871 г. на несколько дней вновь приезжал в Париж.

Член ЦК 20 округов, венгерский социал-демократ Лео Франкель, активный пропагандист Интернационала во Франции, руководитель немецкой секции в Париже в 1869—1870 гг., был знаком с «Капиталом» К. Маркса и черпал в этой книге материал для своей защитительной речи на процессе парижских секций летом 1870 г. Генрих Бахрух, венгерский рабочий-ювелир, по-видимому тоже социал-демократ, летом 1870 г., когда все руководство Парижской федерации Интернационала было арестовано, вместе с Шарлем Келлером, первым переводчиком «Капитала» на французский язык, возглавил комиссию по пропаганде, а затем вошел в состав Парижского федерального совета Интернационала. Он переписывался с Марксом:

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 352. Популярности Пиа и Клюзере способствовало то, что, не будучи никак причастны к классовому пролетарскому движению, они оба в свое время декларировали принадлежность к Интернационалу и пытались выступать от его имени.

до нас дошло его письмо от 5 сентября 1870 г., на которое Маркс ответил немедленно, разъясняя ему позицию, которую французский рабочий класс должен занять в отношении временного правительства [1].

С немецкими и австрийскими социал-демократами В. Либкнехтом, И. Ф. Беккером, А. Шеем, И. Мостом дружен был воспитанник германских университетов член Интернационала Э. Вайян, вошедший в ЦК 20 округов: в Коммуне он был одним из выдающихся представителей бланкистской тенденции. Близкое знакомство с германским рабочим движением существенно расширило его политический кругозор, нередко подсказывая тактически целесообразное решение обсуждавшегося вопроса.

Наличие таких кадров могло бы принести большую пользу организации парижских рабочих и значительно укрепить ее руководство, однако так не получилось. Парижская федерация Интернационала и ее совет, не успев довести до конца консолидацию пролетариата в политическую партию в последние дни империи, не смогли выступить в качестве руководящего центра революции и утратили свою ведущую роль [2]. Но надо учесть, что в общенациональном кризисе 1870—1871 гг. передовые парижские рабочие, воспитанные Интернационалом, стремились проводить в жизнь его программу, одновременно опираясь на свои революционные традиции. И не удивительно, что формы самодеятельной организации, найденные ими, довольно точно соответствовали формам, намеченным Марксом и Энгельсом в «Обращении ЦК к Союзу коммунистов» (март 1850 г.) для периода правления буржуазной демократии накануне пролетарской революции[3] (хотя этот важнейший документ марксизма, тайно распространявшийся в начале 50-х гг. среди немецких членов Союза, едва ли мог быть широко известен во Франции).

Творчески решая задачу, поставленную перед ними историей, парижские рабочие прежде всего обращались к опыту борьбы своих отцов и дедов в 1848 г., а поскольку этот опыт вошел в обобщенном виде в выводы, сделанные Марксом в 1850 г., совпадение последних с практикой парижан в 1870 г. было неизбежно. Оно является убедительным подтверждением правильности марксистской теории.

В процессе борьбы за реализацию своих требований парижские рабочие вступали в острое столкновение с правительством Национальной обороны во главе с военным губернатором Парижа генералом Трошю. Если верить современникам, то еще за несколько месяцев до падения империи члены будущего правительства Национальной обороны на тайных совещаниях наметили

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 46, 586.

[2] О роли секций Интернационала в период осады Парижа см. «Первый Интернационал», ч. 2 (1870—1876). М., 1965, стр. 42—67.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 262—263.

свою линию поведения в случае войны с Пруссией. Эти несколько депутатов, представлявших республиканскую оппозицию в Законодательном корпусе, имели определенный план: провозгласить республику и вести военные действия, помешав в то же время развязыванию социальной революции.

Обрисовав внешний облик министров Ж. Фавра, Ж. Ферри, Ж. Симона, А. Кремье и их «сподвижников», французский реакционный историк Ж. Шастене характеризует их следующим образом: «Буржуа до глубины души, горячие приверженцы порядка и собственности, они твердо верили, что демократию следует не только уважать, но и направлять». Почитание «великих предков», вера в демократию, разум и прогресс, которыми они, по мнению автора, обладали, сочетались у них с «величайшим недоверием ко всему *социальному*»[1].

Весьма убедителен этот групповой портрет, написанный много десятилетий спустя с нескрываемой целью оправдать предательство национальных интересов Франции ее правящими классами в трагические годы, отмеченные такими событиями, как мюнхенский сговор 1938 г., «странная война» и нацистская оккупация Франции. Действительно, эти люди в 1870 г. готовы были решительно на все, чтобы не допустить к государственной власти единственного законного претендента, наследника трех революций — суверенный трудовой народ Франции. Парижские публицисты и уличные острословы чуть ли не с первых недель справедливо заклеймили этих людей позорной кличкой правительства «национальной измены» (каламбур, построенный на совпадении начальных букв двух французских слов: оборона — défense и измена — défection).

Напуганное самодеятельной организацией трудящихся масс, возникшей в Париже без какого-либо очевидного руководства, в страхе перед необходимостью вооружить эти массы для борьбы против немцев, правительство пыталось поспешно заключить мир. Первым шагом на этом позорном пути было свидание министра иностранных дел Фавра с Бисмарком в замке Ферьер 19 сентября 1870 г. Бисмарк поставил такие условия, которые в то время даже Фавру показались неприемлемыми; тот вернулся в Париж с решением продолжать войну. Был принят «план» генерала Трошю: истощить силы революционных масс, заперев их в осажденной столице.

За спиной республиканского правительства, но отказываясь войти в его состав, с первых дней стоял в качестве советника монархист Адольф Тьер, бывший премьер-министр Луи-Филиппа. Как принципиальный противник войны Франции против Пруссии, он видел в немедленном заключении мира любой ценой единственное спасение от «социальной» (т. е. пролетарской, социалистической) революции.

[1] *J. Chastenet.* L'enfance de la Troisième république (1870—1879). Paris, 1952, p. 16.

Он охотно взял на себя неофициальную дипломатическую миссию — склонить европейские державы на посредничество в пользу Франции. Маршрут Тьера лежал через Санкт-Петербург, Вену, Флоренцию и Лондон. Однако результат поездки был отрицательным[1].

Слухи о предпринятых правительством шагах не могли не дойти до парижских революционеров, подтверждая уже возникшие у них подозрения. Бланки, с первых номеров своей газеты «Ла Патри ан данже» резко критиковавший неоперативность мер по обороне столицы, писал 19 сентября: «Правительство больше боится революции, чем пруссаков». После демонстрации 8 октября правительство, обвиняя бланкистов в подготовке восстания, издало распоряжение об аресте их руководителей. Однако батальоны национальных гвардейцев рабочих районов надежно охраняли Бланки и Флуранса.

В осажденной столице массы чутко реагировали на любое известие с фронтов войны. Весть о капитуляции крепости Мец, сданной немецким войскам маршалом Базеном 27 октября, послужила толчком к восстанию 31 октября 1870 г.[2] Движение началось стихийно, прежде чем его успели возглавить бланкисты и ЦК 20 округов, исподволь готовившие выступление. Манифестанты с лозунгами «Выборы в Коммуну», «Война до конца», «Никакого перемирия» начали собираться в различных концах города. Большая толпа сошлась у ратуши, куда подошли руководители — Бланки, Флуранс, Мильер. Тут находились также вожаки многих секций Интернационала, среди них уполномоченный Генерального Совета Огюст Серрайе; был тут, по-видимому, и Варлен. Однако Федеральный совет не призвал членов Интернационала принять участие в выступлении. Отсутствие единодушия и несогласованность действий повстанцев привели к тому, что правительство, сперва застигнутое врасплох и вынужденное наконец назначить долгожданные выборы в Коммуну на 2 ноября, смогло вызвать к ратуше преданные ему войска. Некоторые из руководителей движения были арестованы, многим пришлось скрыться. Поражение восстания 31 октября снова поставило перед руководителями парижских рабочих вопрос о единой политической партии революционного пролетариата.

Несмотря на данное обещание, правительство отменило выборы в Коммуну; вместо них 3 ноября поспешно, по всем правилам бонапартистской демагогии провели плебисцит: в результате голосования за доверие правительству Национальной обороны было подано 500 тыс. голосов и лишь 60 тыс.— против. Эти результаты укрепили позиции правительства. Оно перешло в прямое наступление на демократические права: учредило военные суды, провело чистку среди батальонных командиров и советов, сместило особенно активных мэров.

[1] *J. Bourgin.* La guerre de 1870—1871 et la Commune. Paris, 1931, p. 88.

[2] Подробное изложение хода восстания см.: «Парижская Коммуна 1871 г.», т. 1. М., 1961, стр. 180 и сл.

Между тем ситуация на полях войны и революционное движение в провинции создавали такую обстановку, при которой победа рабочих в Париже могла повернуть ход событий и изменить их характер; на это возлагали надежды не только парижане — бланкисты и руководители ЦК 20 округов, но и пролетарские революционеры в провинции и в других странах.

Маркс считал, что подобные надежды имели под собой вполне реальную почву. Он писал: «Если бы в начале ноября 1870 г. в Париже победу одержала Коммуна (когда ей уже было положено начало в других больших городах страны, примеру которых несомненно последовала бы вся Франция), то не только дело обороны было бы вырвано из рук изменников и оборона велась бы с тем энтузиазмом, которым преисполнена героическая борьба Парижа, но и совершенно изменился бы весь характер войны. Она превратилась бы в войну республиканской Франции, поднимающей знамя социальной революции XIX века, против Пруссии, этого знаменосца завоеваний и контрреволюции»[1].

Аналогичные мысли развивал в октябре — ноябре 1870 г. Ф. Энгельс в «Заметках о войне»[2]. Франция еще не исчерпала в то время свои ресурсы. После всех поражений и потерь французские силы все еще были равны силам, выставленным всеми германскими государствами. 7 октября член временного правительства, левый республиканец Гамбетта вылетел из осажденной столицы на воздушном шаре. Он имел поручение, обосновавшись в Туре, расположенном в достаточном отдалении от линии боев, возглавить формирование новых армий для защиты Французской республики.

Наряду с регулярной армией сразу после революции 4 сентября большое значение приобрели подразделения волонтеров (так называемых франтирёров — вольных стрелков). Немцы, усиливая репрессии против мирных жителей, пытались избавиться от этих нерегулярных частей, наносивших им большой урон. Карательные отряды, поджог деревень вызывали гнев французского населения и усиливали его сопротивление. Война принимала всенародный характер[3].

Прекрасные организаторские качества и патриотизм Гамбетты могли, казалось, помочь ему использовать народное сопротивление в полную меру. Но для того чтобы добиться успеха, надо было смело обратиться к основной силе нации — трудящимся массам. Между тем страх перед пролетарским движением, образцы которого он видел в Париже, не позволял Гамбетте сделать это. Опасение, что народная война перерастет в революционную классовую войну, сковывало действия буржуазного государственного деятеля. Оттенки политической мысли, которые отличали республиканские, демокра-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 541.
[2] См. там же, стр. 182 и др.
[3] См. там же, стр. 168, 170.

тические взгляды Гамбетты от взглядов других членов временного правительства Франции, не могли помешать ему стать сообщником их предательства.

Только победа пролетариата в Париже способна была в тот момент изменить обстоятельства и дать простор всем живым силам нации для сопротивления врагу. Успех восстания 31 октября сразу бы поставил Париж во главе революционно-демократического движения, развернувшегося с августа 1870 г. во всей стране.

В Лионе, втором после Парижа городе страны, республика была провозглашена 4 сентября 1870 г. на несколько часов раньше, чем в столице. В специфических условиях этого крупного рабочего центра — французского Манчестера — среди антибонапартистски настроенной промышленной буржуазии, экономические и политические интересы которой были ущемлены крайней централизацией Второй империи, была распространена радикальная форма республиканизма с социальной окраской и очень точным расчетом на поддержку рабочих. Многие радикалы были популярны в пролетарских районах как ветераны 1848 г. или как участники выступлений против империи. Они вошли вместе с рабочими в состав созданного 4 сентября Комитета общественного спасения.

Лионский пролетариат, многочисленный и обладавший славными революционными традициями, не имел разветвленной сети низовых классовых организаций, аналогичной той, которая существовала в Париже. Бакунисты, овладевшие рядом лионских секций Интернационала, удерживали их членов от участия в политической борьбе, а секции, которые отвергали абстенционизм бакунистов, не сумели выработать самостоятельную политическую линию и оказались в зависимости от буржуазных радикалов. За 10 дней Комитет общественного спасения успел принять ряд решений, непосредственно направленных на улучшение положения трудящихся: отменил октроа (налог на продовольствие, ввозимое в город), распорядился о возврате населению заложенных в ломбард носильных вещей и рабочего инструмента, организовал национальные мастерские, заняв на строительстве военных укреплений 15 тыс. безработных Лиона.

Отдельные решения комитета представляли собой частичное выполнение общедемократических требований, стоявших в программе-минимум рабочего класса, выдвинутой Интернационалом: прекращение субсидий церковным или религиозным учреждениям и мобилизация в армию священников и монахов; упразднение полиции и создание Комитета общественной безопасности; избрание полицейских комиссаров всеобщим голосованием. Некоторые из этих решений, обусловленные потребностями военного времени, даже были направлены против буржуазной собственности: обложение всего движимого и недвижимого имущества налогом в 0,5% стоимости, реквизиция 20 млн. франков.

Таким образом, наличие в городе многотысячного рабочего населения не только вынуждало радикалов принимать решения, отвечающие нуждам рабочих, но и придавало этим радикалам достаточно веса, чтобы действовать вразрез с политической линией центрального правительства, а иногда и вопреки прямым его указаниям. Однако руководители рабочих организаций не сумели ни использовать эту обстановку для укрепления политических позиций своего класса, ни добиться решающего влияния в Лионской коммуне, избранной 15 сентября 1870 г. Рабочие делегаты не вели непосредственной воспитательной работы с основной массой трудящихся, фактически лишенной повседневного руководства. При таких условиях в Лионе произошли вызванные агитацией бакунистов события 28 сентября 1870 г.

В то время как во Втором воззвании о франко-прусской войне К. Маркс от имени Генерального Совета Интернационала рекомендовал французским секциям использовать республиканские свободы для укрепления организации пролетариата и предостерегал их от преждевременных выступлений[1], последователи Бакунина на юге Франции восприняли весть о падении империи как сигнал к осуществлению анархистской «социальной ликвидации». В середине сентября в Лион прибыл Бакунин. 17 сентября на публичном митинге в присутствии делегатов из Марселя и других городов юга Франции был торжественно учрежден Комитет спасения Франции. Наряду с ядром бакунистов — участников Альянса — в него вошли многие члены Интернационала, лишь частично посвященные в планы Бакунина.

Накануне дня, назначенного для выступления, на стенах домов появилась афиша с программой Революционной федерации коммун. В ней декретировались упразднение «правительственного и административного аппарата» как доказавшего свою несостоятельность, замена уголовных и гражданских судов «судом народа», созыв Революционного конвента в Лионе.

28 сентября 1870 г., около 12 часов дня, Бакунин в сопровождении ближайших сподвижников и генерала Клюзере, назначенного командующим лионскими волонтерскими частями, занял ратушу. Оглашенная с балкона программа и патриотическая речь Клюзере вызвали аплодисменты рабочих национальных мастерских и отрядов новобранцев, однако поддержки основной массы собравшихся на площади лионских рабочих анархистские лозунги не получили. Напротив, большинство считало важным «навести порядок», т. е. наладить дело обороны и прогнать немцев с французской земли. Два батальона национальных гвардейцев, явившиеся, чтобы защитить муниципальный совет, были встречены одобрением большинства присутствующих. Через несколько часов участники путча разошлись.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 280.

Бакунина временно задержали, но через два-три дня он смог выехать в Марсель, а оттуда в Геную[1].

Бакунистская авантюра, прикрывавшаяся именем Интернационала, дискредитировала в южных департаментах единственную пролетарскую организацию, которая пользовалась доверием большинства французских рабочих, поставила под удар наиболее здоровые, подлинно революционные элементы, пробудила в буржуазных радикалах страх перед рабочим движением и в конечном счете укрепила позиции контрреволюционного центрального правительства. Лионские радикалы вскоре окончательно отказались от дальнейшей поддержки революционно-демократического движения.

В Марселе трудовое население встало на путь революционного протеста против виновников позорной войны еще раньше, чем в Лионе[2]. 7 августа многотысячная демонстрация избрала революционный комитет из радикалов и рабочих, который продержался в ратуше два дня. Во главе стоял 34-летний юрист Гастон Кремье, близкий к Интернационалу левый республиканец. Это был последовательный демократ, известный в городе как «адвокат бедных». В отличие от большинства буржуазных радикалов, сыгравших на первых порах значительную роль в революционно-демократическом движении провинции и постепенно капитулировавших перед контрреволюцией, Г. Кремье до конца оставался верен делу трудового народа[3].

Сложившаяся в последние годы империи Марсельская федерация Интернационала объединяла наряду с рабочими-судостроителями также портовых рабочих, ремесленников, конторских и торговых служащих. Во главе федерации стоял член бакунинского Альянса, молодой печатник Андре Бастелика, еще при империи завязавший контакты с местными радикальными политическими деятелями[4] и способствовавший подчинению наиболее активной части трудового населения влиянию радикалов. Утратив инициативу, марсельские рабочие не смогли ее вернуть в тот час, когда радикалы, отказавшись от революционной борьбы, бросили трудящиеся массы на произвол судьбы.

Поддержка гражданской гвардии, в которую входили пролетарские и мелкобуржуазные элементы, до поры до времени позволяла представителю старшего поколения южнофранцузских радикалов А. Эскиросу, назначенному после 4 сентября «главным администра-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 135—136. Подробно о событиях 28 сентября 1871 г. в Лионе см.: *M. Moissonier*. La Première Internationale et la Commune à Lyon (1865—1871). Paris, 1972, p. 253—266.

[2] *A. Olivesi*. La Commune de 1871 à Marseille et ses origines. Paris, 1950, p. 70.

[3] За активную поддержку Парижской Коммуны он был приговорен военным судом к казни и 30 ноября 1871 г. расстрелян.

[4] *M. Moissonier*. Op. cit., p. 62, e. a.

тором» департамента, сохранять революционные позиции. Признанный лидер революционно-демократического лагеря, он был избран на пост президента Южнофранцузской лиги, созданной в Марселе 18 сентября. Ее основала наиболее активная часть средней торговой и промышленной буржуазии, взявшая на себя организацию местной обороны ввиду слабости центрального правительства и неоперативности военного руководства.

В Лигу вошло 15 департаментов, расположенных между горными цепями Альп, Севенн и Средиземным морем на территории, представлявшей собой единый географический и экономический комплекс. В программе Лиги нашли место важнейшие общедемократические требования, выдвигавшиеся и французскими секциями Интернационала: отмена постоянной армии, отделение церкви от государства, выборность должностных лиц, отмена синекур и пожизненных назначений, свобода печати. В ней были и пункты, вытекавшие из особых, военных задач Лиги: налог в 30 млн. франков, взимаемый «с богатых», право реквизиции нужного для военных целей имущества (помещений, средств транспорта и т. д.), конфискация собственности предателей родины, запрещение вывоза золота за границу. В то же время составители этой программы не сочли нужным придать ей бóльшую социальную окраску, выдвинув требования, касавшиеся экономических интересов трудящихся, в частности рабочей части населения. Тем не менее Бастелика, выступая на торжественном собрании Лиги в Марселе 22 сентября 1871 г., заявил о безоговорочном присоединении к Лиге Марсельской федерации Интернационала, насчитывавшей, по его словам, до 4 тыс. членов[1].

Трудно сказать, в какой мере возникновение Лиги действительно возродило у южнофранцузских буржуазных федералистов планы создания автономной Провансальской области. Во всяком случае подозрение в сепаратистских тенденциях пало на руководителей Лиги, несмотря на неоднократное провозглашение ими принципа единой и неделимой Франции.

Первый удар Лиге был нанесен провалом бакунистского путча в Лионе, фактически означавшим отпадение от нее одного из важнейших центров. Затем возникли трудности с изысканием средств на вооружение, содержание и обучение новобранцев: марсельский муниципальный совет отказался провести обложение «богатых» граждан, как того требовала программа Лиги. Отряды гражданской гвардии, возмущенной этим отказом, устремились в ратушу и 1 ноября провозгласили Марсельскую коммуну. Вмешательство центрального правительства, прислабшего чрезвычайного уполномоченного, привело к отставке Эскироса, который не отважился на открытую борьбу. 7 ноября здание ратуши очистили от повстанцев, а гражданскую гвардию расформировали. Лига Юга свернула свою деятельность, была объявлена вне закона и в конце 1870 г. распущена.

[1] *A. Olivesi.* Op. cit., p. 102.

Программа, выдвинутая в ходе массового революционно-демократического движения на юге Франции после 4 сентября, не отличалась существенно от программы парижских рабочих организаций. И там и тут центральное место занимала идея (или лозунг) коммуны. Но если в Париже этот лозунг был выдвинут революционными рабочими и, встретив немедленный отпор со стороны правящих классов, привел к укреплению самостоятельной позиции пролетариата, то в провинции из-за недостаточной организованности рабочих и слабости их вожаков, зараженных анархистскими взглядами, тот же лозунг выставили буржуазные радикалы, захватившие политическую инициативу. В их руках он превратился в средство обуздания революционного подъема, подчинения движения местным интересам буржуазии. Выполнив свою задачу, буржуазные радикалы исчезли со сцены, а спровоцированные ими на авантюристические выступления революционные рабочие (причем, как правило, наиболее активные, боеспособные кадры) подверглись разгрому и преследованиям. После октября 1870 г. революционно-демократическое движение вне столицы, обезглавленное и деморализованное, затихло. Недовольство народных масс антинациональной политикой временного правительства, положение которого к тому времени укрепилось благодаря капитуляции радикалов, выразилось лишь в локальных и кратковременных выступлениях.

Между тем в Париже продолжался процесс сплочения и закалки пролетарских рядов, их подготовки к решающему бою.

Надвигалась суровая зима. Не хватало продовольствия и топлива. Начались артиллерийские обстрелы, вызвавшие пожары и разрушения. Многие жители оказались без крова. Правительство не проявляло заботы о трудящемся населении. В этих условиях все большее значение приобретала самодеятельная организация масс. Развернулась работа созданных Варленом еще при империи кооперативных столовых, мастерских для безработных. В них участвовали члены секций Интернационала, что способствовало политическому оживлению последних.

Во второй половине ноября Федеральный совет выпустил обращение ко всем гражданам, начинавшееся словами: «Граждане, в момент, когда территория Франции захвачена...» Рабочие организации, ранее отказавшиеся от своих классовых требований, дабы не препятствовать делу обороны, говорилось в обращении, встревоженные слухами о готовящейся капитуляции и угрозой монархической реставрации, теперь возвышают голос протеста против позорного мира. Обращение требовало безоговорочного признания республики, чистки бонапартистского аппарата, предоставления рабочим мастерских и сырья для производства вооружения, реквизиции продовольствия и топлива, нормированного снабжения населения, строгих мер против предателей и капитулянтов, а в области политической — выборов в муниципальный совет Парижа, упразднения префектуры поли-

ции, отделения церкви от государства, ответственности и сменяемости чиновников и проведения других демократических преобразований. Заканчивалось обращение провозглашением принципа федерации коммун, требованием предоставления «земли — крестьянину, копей — горняку, завода — рабочему» и лозунгом «Всемирная демократическая и социальная республика»[1]. Эта программа являлась уже итогом определенного опыта парижских рабочих и во многих отношениях предвосхищала политическую и социальную программу Парижской Коммуны.

Зимой 1870/71 г. средоточием революционной тенденции стал ЦК 20 округов, который, опираясь на сеть окружных комитетов бдительности, с полным правом мог считать себя представительством всего трудящегося Парижа.

В начале января 1871 г. ЦК 20 округов выделил в своей среде комиссию из 22 человек, а также более узкий тайный «комитет пяти» для непосредственной подготовки к свержению правительства. В пятерку входили бланкисты Ферре, Сапиа, Тридон, Вайян и Леверде. Трое последних были авторами опубликованного 6 января программного воззвания к народу Парижа — знаменитой «красной афиши».

Если в ноябрьском обращении секций Интернационала критика в адрес правительства носила еще осторожный и в основном косвенный характер, то «красная афиша» прямо называла существующий режим «продолжением империи». Временное правительство, не справившееся с делом национальной обороны, говорилось в «красной афише», необходимо сместить. Воззвание заканчивалось словами: «Дорогу народу! Дорогу Коммуне!» Под афишей стояли подписи 140 делегатов от 20 республиканских комитетов бдительности[2].

В обстановке, когда контрреволюционная буржуазия подготавливала заключительное действие кровавой комедии обороны Парижа — капитуляцию столицы и заключение перемирия, воззвание прозвучало как призыв к восстанию. Массы видели в ЦК 20 округов готовую пролетарскую власть, которой оставалось лишь прогнать предательское правительство. «Коммуна уже существует,— восклицал оратор в одном из клубов,— нам остается только вручить ей власть!»[3]

Чтобы обескровить и деморализовать рабочие батальоны Национальной гвардии, правительство провело 19—20 января 1871 г. военную вылазку в сторону Бюзанвиля. Предательски организованная, она закончилась жестоким поражением, гвардия понесла тяжелые потери.

Возмущение парижан бесцельным избиением лучших людей и вестью о предстоящей капитуляции вылилось в восстание

[1] «La Patrie en danger», 26. XI. 1870.

[2] См. «Парижская Коммуна 1871 года». Под ред. Ж. Брюа, Ж. Дотри и Э. Терсена. М., 1964, стр. 100.

[3] *G. Molinari.* Les Clubs rouges pendant le siège. Paris, 1871, p. 214.

22 января. Подготовленное «пятеркой», оно было поддержано также Федеральным советом Интернационала. «Перед лицом капитуляции Интернационал выполнил свой долг»[1],— тогда же заявил Варлен. Однако и на этот раз восстание потерпело поражение. Правительственные войска, заблаговременно занявшие ратушу, встретили колонны рабочих прицельным огнем. Буржуазные демократы, первоначально поддержавшие идею восстания, бросили рабочих на произвол судьбы. На исходе борьбы сказалась и усталость рабочего населения, измученного голодом и лишениями.

28 января французское правительство и Бисмарк заключили перемирие. Окончательное решение по вопросу о войне и мире должно было принять Национальное собрание, выборы в которое были назначены с величайшей поспешностью на 8 февраля.

В Париже подготовка к выборам привела к дальнейшему размежеванию между революционными пролетарскими силами и соглашателями. Правый прудонист Толен ознаменовал свой переход на позиции буржуазии согласием баллотироваться в буржуазном списке, в котором он, впрочем, фигурировал как «представитель Интернационала». Обсуждение избирательных списков в пролетарских организациях Парижа, в частности в парижских секциях Интернационала, показало, что рабочий класс столицы еще рассчитывал, направив в Национальное собрание достойных представителей, оказать ощутимое влияние на политику буржуазии.

Результаты выборов в Париже не оправдали этих ожиданий. Избраны были только Толен и Малон; Варлен, получив 58 тыс. голосов, не прошел. Но самым страшным ударом для парижан, не вполне ясно представлявших себе положение вне столицы, явились результаты выборов в провинции. «Из избирательных урн вырвался дикий вой реакции»,—писал участник и историк Коммуны Лиссагаре. «Прежде чем кто-либо из парижских избранников смог выехать из города, в Бордо устремилась толпа захолустных помещиков — пурсоньяков, клерикальных мракобесов, призраков 1815, 1830 и 1849 гг. которые завладели Францией именем всеобщего избирательного права»[2]. Это было то собрание, которое уже на одном из первых заседаний марсельский революционер Гастон Кремье заклеймил словами, брошенными с галерси в ответ на освистание Джузеппе Гарибальди: «Позор! Вы всего лишь представители деревенщины»[3].

Национальное собрание открыло свои заседания 12 февраля 1871 г. вдали от мятежной столицы, в Бордо. Оно утвердило предварительные условия позорного мира и избрало главой правительства ретрограда Тьера. Последний, заручившись поддержкой вчераш-

[1] «Les séances de l'Internationale pendant le siège et la Commune». Paris, 1872, p. 46.

[2] *P.-O. Lissagaray.* Histoire de la Commune de 1871. Paris, 1929, p. 69.

[3] *A. Olivesi.* Op. cit., p. 129.

него противника — Бисмарка, приступил к выполнению миссии, возложенной на него французской буржуазией,— усмирению Парижа. Он провел ряд мер, рассчитанных на то, чтобы спровоцировать еще одно восстание и утопить его в крови. Были отменены предоставленные в связи с войной отсрочки платежей по квартирной плате и векселям, вновь ограничена свобода печати, закрыты некоторые республиканские газеты, возобновлено осадное положение.

Особенно чувствительные удары были нанесены Национальной гвардии, которая по условиям перемирия сохраняла свое оружие и потому представляла серьезное препятствие к осуществлению контрреволюционных планов буржуазии. Правительство отменило грошовое жалованье, получаемое национальными гвардейцами. Главнокомандующим гвардией был назначен ненавистный парижанам бонапартист Винуа. В конце февраля он распорядился свезти все принадлежавшие гвардии пушки (их было свыше 300), отлитые на средства, собранные среди парижских трудящихся, в западные (буржуазные) районы города. Гвардейцы не подчинились приказу и с помощью рабочих перетащили все орудия в сердце пролетарского Парижа, на высоты Монмартр и Шомон. По вопросу о сохранении пушек Национальной гвардией развернулась борьба между рабочим классом, вокруг которого все теснее сплачивались трудовые слои населения, и силами реакции.

Именно одна из попыток правительства Тьера силой захватить эти пушки на рассвете 18 марта 1871 г. послужила толчком к вооруженному восстанию парижских рабочих и провозглашению Парижской Коммуны.

ПАРИЖСКИЕ РАБОЧИЕ У ВЛАСТИ

В течение февраля 1871 г. в Париже быстро оформлялся и выдвигался на первый план новый руководящий орган революционно-массового движения — Центральный комитет республиканской федерации Национальной гвардии.

Образование федерации, начавшееся в связи с выборами в Национальное собрание, было ускорено попытками реакционного офицерства захватить инициативу в свои руки. Общее собрание командиров и бойцов, состоявшееся 24 февраля 1871 г., приняло решение о самом широком обсуждении проекта устава федерации на ротных собраниях; временный комитет призвал гвардейцев повиноваться только своим выборным командирам и не сдавать оружие.

Окончательное оформление федерации и выборы Центрального комитета произошли 3 марта в обстановке подъема масс, исполненных негодования против реакции. В Центральный комитет вошли наиболее авторитетные и революционно настроенные командиры; получив поддержку парижских пролетарских организаций, он с 6 марта

стал заседать в доме на площади Кордери. Во избежание недоразумений Комитет 20 округов вновь принял свое первоначальное название Делегации 20 округов.

Опиравшийся на вооруженные батальоны численностью до 300 тыс. бойцов, ЦК Национальной гвардии представлял весьма реальную силу, поставленную на службу делу пролетариата. В короткое время он завоевал доверие масс и 18 марта смог выступить как руководящий центр пролетарского восстания.

К этому времени трудящимся массам столицы стало наконец очевидно, что так называемые высшие классы, т. е. именно те, кто в силу своего образования и положения в обществе должны были, казалось, первыми подняться на защиту Франции, на деле предали ее, оказались врагами народа. В час национального унижения и бедствия взоры всех трудящихся обратились к тем, кто, разоблачая предателей, с первых дней стояли на страже интересов трудового населения и уже проявили себя заботливыми защитниками и хозяевами города,— к руководителям пролетариата.

У самих этих руководителей, членов комитетов бдительности, секций и синдикальных палат, командиров батальонов, сознание ответственности перед своим классом, перед всей массой трудового народа, перед всей нацией принимало все более конкретный характер. От критики буржуазного, контрреволюционного правительства, от первых попыток свергнуть его, от прозвучавшего в дни выборов требования предать его суду за измену родине они приходили к прямому выводу о необходимости взять в свои руки управление государством. «Восставший против старого режима пролетариат взял на себя две задачи — общенациональную и классовую: освобождение Франции от нашествия Германии и социалистическое освобождение рабочих от капитализма. В таком соединении двух задач — оригинальнейшая черта Коммуны» [1],— подчеркивал Ленин.

Необходимость завоевания пролетариатом политической власти — этот важнейший вывод, к которому Маркс и Энгельс пришли путем научного и философского обобщения всего опыта революций и освободительной борьбы народных масс, открывался парижским рабочим как непосредственный диктат обстоятельств; повиновение этому диктату представлялось единственным выходом из сложившегося катастрофического положения.

Впервые в четкой формулировке идея взятия рабочими политической власти получила выражение в начале февраля в избирательной афише комитетов с площади Кордери. В этом небольшом документе, который можно назвать аттестатом зрелости парижского рабочего класса, в качестве гарантии республиканского строя были выдвинуты два требования: «необходимость прихода пролетариата

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 451.

к политической власти» и «низвержение правительственной олигархии и промышленных феодалов».

Убеждение в неспособности буржуазии выполнить общенациональную задачу и понимание собственного призвания сделать это вместо нее настолько глубоко укоренились в сознании пролетариата, что передавались и потенциальным его союзникам — непролетарским массам трудящихся столицы. В этот момент высокого революционного напряжения они сплачивались вокруг рабочего класса, признав его право на руководство и даже заговорив его языком.

Процесс концентрации всех здоровых сил общества вокруг пролетариата ускорился в результате активного наступления правительства на демократические свободы, в первую очередь его конфликта с Национальной гвардией по поводу пушек. Если разоружение рабочего Парижа было непременным условием успеха контрреволюционных планов Тьера, то для парижского народа сохранение оружия являлось единственной гарантией завоеванных им прав, непременным условием претворения в жизнь его заветных стремлений, т. е. избрания Коммуны, укрепления республики и в конечном счете восстановления попранного достоинства нации. Сдать оружие означало потерять все: свободу, надежды на будущее, жизнь. В конкретном, практическом вопросе, решение которого зависело от поведения масс, их твердости, уверенности в своей правоте и в справедливости своего дела, с небывалой ясностью выявлялась антагонистичность реакционной буржуазии и пролетариата как восходящего класса.

10 марта Национальное собрание постановило перенести свои заседания из Бордо в Версаль; реакция демонстративно обосновывалась в бывшей королевской резиденции, в 18 км от стен революционного Парижа. Отныне два лагеря стояли лицом к лицу.

Парижский обыватель, очевидец событий 1870—1871 гг., так описывает обстановку на высотах Монмартра в первой половине марта: «По мере того как я продвигался по этим перекрытым улочкам с заставами и часовыми, с окопами и пушками, мое удивление росло...

Все было подготовлено... Это была почти неприступная позиция, откуда мятежники могли спокойно бросать вызов властям»[1].

Что бы ни думали по этому поводу буржуа, парижские рабочие в сознании своей правоты и законности своего требования не собирались нападать первыми и не считали это выгодным. Однако всем было ясно, что они ответят силой на малейшую попытку разоружить их.

18 марта на рассвете, по плану, разработанному под непосредственным руководством Тьера, правительственные войска в составе одной дивизии (около 6 тыс. человек) без особых затруднений проникли на Монмартр. Приказ был вывезти пушки, но о конях почему-

[1] *Fidus.* La Révolution de septembre, vol. II. Paris, 1889, p. 376.

то не позаботились. И пока солдаты вручную откатывали орудия, домашние хозяйки, рано вставшие, чтобы занять очередь за хлебом, подняли тревогу. Из всех домов выбегали национальные гвардейцы. «Я оказалась здесь вместе с другими,— вспоминала Луиза Мишель, которая была в ту ночь дежурной связной.— С ружьями наперевес мы устремились к вершине холма, зная, что там нас подстерегает целая армия. Мы готовы были умереть за свободу, у нас как будто появились крылья... Над холмом стояло белое сияние, ослепительная заря освобождения»[1].

Присутствие женщин и даже детей в этом густо населенном квартале городской бедноты, в первую же очередь решимость гвардейцев, воодушевленных правотой своего дела, неожиданно подействовали на правительственных солдат, которые заколебались и отказались стрелять в толпу.

Началось братание.

Генерала Тома, в котором узнали одного из палачей Июньского восстания 1848 г., схватили и расстреляли тут же, без суда и следствия. Растерянные офицеры поспешно отводили войска, часть солдат вливалась в колонны демонстрантов, уже направлявшихся к ратуше с революционными песнями.

На высотах Шомон, в Бельвиле и других рабочих районах, куда были посланы две правительственные дивизии, картина была такая же. Члены ЦК Национальной гвардии становились во главе движения в своих округах. На экстренном заседании они наметили общий план захвата правительственных зданий. К вечеру важнейшие пункты были заняты.

Между тем уже в 4 часа дня Тьер, встревоженный сведениями о братании армии с народом, отдал приказ вывести все войска из города и эвакуировать правительственные учреждения в Версаль. План Тьера заключался в том, чтобы изолировать революционный Париж, противопоставив ему остальную Францию, и затем раздавить, натравив на него все темные, отсталые элементы нации. Версаль с его Национальным собранием, министерствами и правительственным вестником становился столицей контрреволюции.

Поздней ночью в ратуше состоялось заседание ЦК Национальной гвардии — первого в истории пролетарского правительства, опиравшегося на вооруженный народ.

«Парижские пролетарии,— говорилось в очередном номере «Журналь офисьель», выпущенном победившими рабочими Парижа[2],— видя несостоятельность и измену господствующих классов, поняли,

[1] *L. Michel.* La Commune. Paris, 1898, p. 139—140.

[2] Первое рабочее правительство, захватив в свои руки редакцию и Национальную типографию правительственного органа, продолжало его издание в Париже вплоть до 24 мая. Версальское правительство со своей стороны с 19 марта начало выпускать в Версале газету под тем же названием.

что для них пробил час, когда они должны спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами... Они поняли, что на них возложен этот повелительный долг, что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы, взяв в свои руки правительственную власть»[1].

ЦК Национальной гвардии немедленно отменил осадное положение, упразднил полевые суды, объявил амнистию всем политическим заключенным. Рассматривая свою власть как сугубо временную, он спешил передать ее Коммуне. «Мы прогнали правительство изменников. Теперь наши полномочия истекают, и мы возвращаем вам ваш мандат»[2],— говорилось в обращении ЦК Национальной гвардии. Выборы были назначены на 26 марта; все понимали, что оттяжка будет воспринята населением как очередной обман.

За несколько дней ЦК успел принять ряд решений, отражавших его характер как пролетарской власти: были упразднены полиция и постоянная армия; объявлено о бесплатном возвращении из ломбарда вещей, заложенных за небольшие суммы; отсрочены платежи по коммерческим векселям и квартирной плате; снижены оклады государственных служащих; постановлено выдать денежные пособия для обеспечения нуждающихся семей[3].

По неопытности ЦК не провел в первые дни необходимых мер для закрепления успеха революции. Членам свергнутого правительства позволили уехать в Версаль, где они приступили к мобилизации сил контрреволюции; отряды правительственных войск и полиции также беспрепятственно уходили в Версаль; не было сделано ничего для изоляции монархистов, даже после того как 22 марта состоялась их вооруженная демонстрация; ЦК не предпринял попыток распространить движение на всю страну, выступив походом на Версаль, как того требовали некоторые наиболее проницательные революционеры — Варлен, Вайян, Тридон, Жаклар, а также Дюваль, Эд и Моро[4].

Беспечность и благодушие, наложившие свой отпечаток на первые шаги рабочего правительства, были вполне естественны после победы, одержанной в непродолжительном и некровопролитном бою. Только опыт мог научить непреклонной суровости поколение, воспитанное в революционных традициях, но не получившее еще боевого крещения. А пока что лучшие бойцы пролетарской армии оставались в плену иллюзий о возможности мирного завершения рево-

[1] Цит. по: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 339; «Journal officiel», 21.III.1871.

[2] «Journal officiel», 20.III.1871. Обращение было расклеено 19 марта в виде афиши. Подробнее о деятельности ЦК Национальной гвардии в качестве первого революционного правительства см.: «Парижская Коммуна 1871 года», т. I, стр. 297 и сл.

[3] «История Парижской Коммуны 1871 года». М., 1971, стр. 260.

[4] *H. Cerf*. Edouard Moreau. Paris, 1971, p. 276.

люции, отказывались нарушить «законность» и боялись начать гражданскую войну, не понимая, что реакционная буржуазия уже начала ее.

Упоение победой, охватившее парижский народ в день торжественного провозглашения долгожданной Коммуны, передают многие свидетели. В статье, предназначенной для австрийской социалистической газеты «Фольксвилле», член Коммуны Лео Франкель пишет: «В четыре часа несколько пушечных залпов возвестили об открытии праздника. Радость и воодушевление, которые до сих пор отражались только на сияющих лицах, прорвались необычайным криком ликования. Народ махал шляпами, национальные гвардейцы надели свои кепи на ружья, и из толпы народа и необозримого леса штыков — присутствовало приблизительно 160 000 человек национальных гвардейцев — раздавались громовые призывы: «Да здравствует Коммуна! Да здравствует республика!» Одновременно военные оркестры играли «Марсельезу». Небо, которое до тех пор было покрыто облаками, внезапно прояснилось, и солнце осветило своими теплыми лучами никогда не виданное зрелище. Затем был объявлен результат выборов...»[1]

Париж мог наконец провести выборы в свой муниципальный совет — Парижскую Коммуну, или, как его попросту называли, Коммуну. Избранная всеобщим голосованием в обстановке победившей революции, К о м м у н а явилась воплощением свободного волеизъявления парижского народа.

В силу того что значительная часть зажиточного населения столицы выехала в провинцию сразу после снятия блокады, а также из-за бойкота буржуазией самих выборов в Коммуну были избраны почти исключительно представители трудящихся масс. После отказа небольшой группы избранников буржуазии занять место в столь плебейском собрании, в Коммуне оказалось 25 рабочих, примерно столько же ремесленников и мелких служащих и такое же число представителей свободных профессий (среди них 12 журналистов). Если учесть, что третья категория состояла преимущественно из трудовой интеллигенции, то Коммуну можно определить как представительство пролетариата и мелкобуржуазного трудового люда со значительным перевесом рабочего элемента. В партийно-политическом отношении это нашло свое отражение в наличии рассмотренных выше трех основных группировок; направление деятельности первого в истории пролетарского государства определялось, с одной стороны, двумя течениями, господствовавшими в рабочем движении Франции,— прудонистами и бланкистами, с другой — близкими к бланкизму мелкобуржуазными демократами — неоякобинцами.

Различия во взглядах на более общие и на частные вопросы управления обусловливали неизбежные разногласия, однако классо-

[1] «Первый Интернационал и Парижская Коммуна. Документы и материалы». М., 1972, стр. 290.

вый, пролетарский характер революции 18 марта 1871 г. и вышедшей из нее Коммуны не вызывал сомнений ни у кого из ее членов. «Революция 18 марта,— писал прудонист Верморель,— ознаменовала для пролетариата приход к политической власти, подобно тому как революция 1789 г. сделала это для буржуазии»[1]. Пролетарскую сущность Коммуны отмечала в номере за 26 апреля и парижская революционно-демократическая газета «Эстафет»: «Нынешняя революция определяется словами: «приход к власти пролетариата». Вот почему такой вой подняла эта стая версальцев».

В тот решающий час, когда пролетариат Парижа, взяв на себя общенациональную задачу, стал носителем общественной инициативы, городская мелкая буржуазия и ее глашатай — трудовая интеллигенция, признав верховенство рабочего класса, восприняли его лозунги и оценки. «Обстоятельства придали Коммуне общенациональный характер,— писала 7 апреля в связи с нападением версальцев на Париж газета «Л'ом либр» — орган республиканского объединения.— Коммуна одна воплощает во Франции право, умеренность, справедливость. Если безумцы нарушили общественный договор, развязав гражданскую войну, она обязана встать на защиту народных прав». Отмечая, что «борьба идет не на жизнь, а на смерть между республикой и монархией, между хозяйственностью и расточительством, между свободой и рабством», газета подчеркивала: «Коммуна — это обновление Франции, это прогресс, великий голос человеческой совести, восставшей против тиранов и угнетателей».

Не оспаривалось и положение Коммуны как политической, правительственной власти. «Коммуна, в этом нет сомнения, получила политический мандат... она диктует Парижу декреты об отмене рекрутского набора, о квартирной плате, об упразднении церковного бюджета»,— отмечалось в том же номере газеты.

Политический характер деятельности Коммуны видел и ветеран республиканского движения Делеклюз. «Обстоятельства заставили Коммуну выйти из рамок нормальных атрибуций муниципалитетов,— писал он в письме в газету «Ревей дю пепль» от 18 апреля,— она (Коммуна.— *Авт.*) вынуждена была взять на себя функции правительства».

Все участники парижской революции видели ее задачу в политическом и социальном обновлении Франции — установлении справедливого строя, опирающегося на труд, создании общества, не знающего ни монополий, ни привилегий, ни каст. Эта задача представлялась вполне разрешимой в рамках той платформы, которая к концу 60-х годов получила признание передовых рабочих как программа-минимум Интернационала. Однако опыт Парижа и провинции доказал, что никакое буржуазное правительство не согласится осуществить эту программу. Поэтому именно рабочее правительство, последовательно проводящее демократические принципы, рассматривалось — пусть

[1] «L'Ami du Peuple», 24.IV.1874.

далеко не всегда осознанно — как наиболее подходящее для ее проведения в жизнь.

Сама программа обновления Франции допускала довольно широкое толкование, неодинаково понималось слово «Коммуна», весьма различны были представления о масштабах и даже о характере происходивших событий. И все же различия в оценках отступили на второй план в обстановке развертывавшегося массового народного движения.

В революционные времена, эти периоды гигантского напряжения воли и творческих способностей масс, как мы уже видели, происходит некое «выравнивание» идеологии на массовом уровне. Разного рода сектантские социалистические схемы и доктрины — утопические и даже реакционные — растворяются в общем массовом сознании, образующем как бы идейный «красный сплав». В такие дни рабочий, вчера еще считавший себя по преимуществу бланкистом, прудонистом или бакунистом, действует прежде всего как пролетарский революционер, устремленный к политической власти во имя социального преобразования; схемы и доктрины оставлены прошлому, их авторы сохраняют свой авторитет и популярность в той мере, в какой они сами действуют как непосредственные участники революции. Наступает мгновение прозрения: подготовленные опытом прошлого и деятельностью классовых организаций, массы осознают смысл своей деятельности. Это и есть то гениальное чутье проснувшихся в революции масс, о котором писал В. И. Ленин[1]. Но если в июне 1848 г. идейный «красный сплав» определял настроения одних лишь рабочих и четко выделялся на общем фоне враждебности непролетарских классов, то в 1871 г. пролетарские идеи впервые завладели сознанием непролетарских слоев трудового населения великого города и рабочие приобрели союзников из их среды.

Рассматривая программные документы Парижской Коммуны, ее декреты и выступления ее участников, мы обнаруживаем в них такие идеи и элементы таких тактических положений, которые занимают важнейшее место в марксистской системе взглядов. Некоторые из этих идей складывались самостоятельно в коллективном сознании парижского пролетариата, другие были привнесены Интернационалом. Что касается практических шагов, которые коммунары осуществляли, действуя, сами того не зная, в соответствии с руководящими принципами марксизма, то они либо диктовались логикой революционных событий, либо были подсказаны непосредственным опытом французского рабочего класса и его традициями.

Способность честных рабочих-революционеров в момент высшего накала борьбы преодолевать ограниченность своего кругозора и сектантских доктрин, чтобы действовать в подлинных интересах пролетариата, была отмечена Энгельсом. Именно в этой особенности увидел он объяснение того замечательного факта, что так «часто Ком-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 50.

муна поступала правильно, несмотря на то, что она состояла из бланкистов и прудонистов»[1].

Наблюдая совпадения практики коммунаров с теорией марксизма, не следует упускать из виду, что между той и другой всегда остается качественное различие, отделяющее эмпирически найденное, правильное, но изолированное решение от системы взглядов, все части которой взаимообусловлены и составляют единое целое. Эти мгновенные, краткосрочные прозрения, когда они не знаменуют собой перехода отдельного деятеля или целой группы на последовательно марксистские позиции, не могут застраховать от возврата к прежним заблуждениям.

Маркс приветствовал в коммунарах первопроходцев пути пролетарской революции и увидел их подвиг в том, что они впервые на деле осуществили слом государственного аппарата буржуазии, заложив одновременно основы новой, пролетарской государственности. Парижские рабочие не руководствовались при этом какими-либо теоретическими соображениями. Их творчество было стихийным[2], они непосредственно отталкивались от «дурной действительности» Второй империи. Чтобы исключить всякий возврат к прошлому, они стремились обрубить щупальца гигантского государства-спрута, которые, как было показано в популярной тогда политической карикатуре, опутали живое тело Франции. И наряду с этим, несмотря на значительное влияние, которым в Коммуне пользовались прудонисты, воспитанные на анархистских идеях, никому из них не пришло в голову декретировать, как это сделал Бакунин в Лионе 28 сентября 1870 г., упразднение государственной машины.

ЦК Национальной гвардии, действуя в качестве первого революционного правительства Парижа, а затем Коммуна своими декретами наносили один за другим удары по наиболее одиозным функциям бонапартистского государства. Уничтожение основанной на рекрутском наборе постоянной армии, политической полиции, отделение церкви от государства, упразднение бюрократических синекур и введение принципа выборности должностных лиц, установление ответственности перед народом и сменяемости всех чиновников имели именно такой смысл: эти меры знаменовали собой, с одной стороны, разрушение угнетательского аппарата буржуазного государства, с другой — замену его во всех звеньях органами управления совершенно иного характера.

Фактически все указанные мероприятия фигурировали в большинстве программных документов парижских пролетарских и демократических организаций последних лет империи и кануна Коммуны, в первую очередь в избирательной платформе, принятой парижскими

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 197.

[2] Ф. Энгельс определял это творчество как «*бессознательные* тенденции» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 70).

членами Интернационала в 1869 г. Коммунарам удалось впервые в истории осуществить их в кратчайший срок, единым натиском, в результате чего возник совершенно новый тип политической организации общества — пролетарская государственность. «...Разбитую государственную машину,— замечает по этому поводу В. И. Ленин,— Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией... Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода... Демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую...»[1]

Сами обстоятельства способствовали успеху коммунаров: развал постоянной армии при наличии уже готовой, высоко организованной формы народной милиции — Национальной гвардии продиктовал декрет от 29 марта об отмене рекрутского набора и зачислении в гвардию, объявленную единственной законной вооруженной силой, всех пригодных к службе граждан[2]. Традиционный воинствующий антиклерикализм парижских масс заставил Коммуну принять декрет от 2 апреля, отделявший церковь от государства, и объявить все ее имущество национальной собственностью[3]. Отъезд правительства в Версаль и связанное с ним дезертирство высших чиновников почти всех ведомств, бойкот и саботаж оставшихся в Париже бонапартистских служащих поставили Коммуну перед небходимостью приступить к многочисленным новым назначениям, в связи с чем и была определена максимальная ставка в 6 тыс. франков в год. В мотивировочной части декрета от 1 апреля, предложенного финансовой комиссией (в нее входил Варлен), подчеркивалось его принципиальное значение — борьба против синекур и назначения привилегированного чиновничества по протекции.

Декрет не вызвал возражений и был принят единогласно[4].

Упразднение политической полиции встретило одобрение даже со стороны многих честных буржуа, отнюдь не сочувствовавших рабочим. Практически все ведомства: почта, финансы, военные и иностранные дела, земледелие, торговля, просвещение, здравоохранение, культура — были брошены тогда крупной буржуазией на произвол судьбы и подлежали необходимой и немедленной реорганизации.

Та практическая деятельность коммунаров, которую Маркс назвал «сломом государственной машины», представлялась им самим лишь цепью отдельных мероприятий, большей частью предусмотренных их программой. Однако Маркс уловил в этой деятельности

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 42.
[2] См. «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года», т. I. М., 1959, стр. 43.
[3] См. там же, стр. 83—84.
[4] См. там же, стр. 78, 79.

универсальный принцип, подтверждение вывода, сделанного им в 1852 г. Речь шла о целом комплексе законодательных и организационных мер, направленных на ликвидацию угнетательских функций буржуазного государства. Различные элементы этого комплекса могут изменяться, выдвигаться на первый план или исчезать в зависимости от конкретных условий данной страны, но общий закон был подтвержден. Новое в опыте Коммуны заключалось не в магической силе того или другого мероприятия, а в их массированном, революционном проведении в жизнь.

На место прежних министерств и ведомств Коммуна поставила комиссии из числа ее членов. Важнейшую задачу обороны пролетарского государства и борьбы против контрреволюции она возложила на Военную комиссию и Комиссию общей безопасности, поручив им совместно заботу о неприкосновенности республики и наблюдение как за деятельностью версальского правительства, так и за поведением подозрительных лиц в Париже.

Финансовой комиссии, призванной обеспечить необходимыми средствами деятельность остальных комиссий, предстояло перестроить весь государственный бюджет на совершенно новых началах, добиваясь, с одной стороны, сокращения штатов и максимальной экономии и эффективности в расходах, с другой — облегчения налогового бремени для широких масс при прогрессивно возрастающем обложении более обеспеченных, имущих слоев населения, представлявших меньшинство.

Комиссия юстиции должна была провести общую реформу судопроизводства, предусмотренную платформой 1869 г., а до проведения этой реформы — обеспечивать в судах строгое соблюдение принципов демократии и социального равенства.

На Комиссию по народному просвещению наряду с подготовкой общей реформы народного образования ложилась забота о предоставлении в каждом округе помещений и подыскании кадров для немедленного осуществления всеобщего и бесплатного обучения в школах, освобожденных от опеки церкви.

На Комиссию внешних сношений наряду с установлением связей с другими коммунами Франции и созданием их федерации в едином национальном государстве возлагалась пропаганда революционных принципов Коммуны.

Функции Комиссии труда, промышленности и обмена охватывали не только сферу деятельности двух прежних министерств — общественных работ и торговли; перед ней открывалась совершенно новая область законодательства о труде, и, кроме того, ей поручалась «пропаганда социалистических учений»[1].

Не менее многообразными были функции Комиссии общественных служб, формально облеченной чисто адми-

[1] См. «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года», т. I, стр. 33.

нистративными обязанностями — обеспечением исправной работы почты, телеграфа, водоснабжения и т. п. На ней лежала и связь с соответствующими службами в провинции для пропаганды своего опыта. В компетенцию этой же комиссии входила чрезвычайно важная область здравоохранения, оказания лечебной помощи и организации социального обеспечения. Наконец, ей поручалось выполнение одного из пунктов платформы 1869 г.— изучение вопроса о передаче железных дорог коммунальным властям.

Решение насущной проблемы — снабжения продовольствием трудового населения столицы, стоявшей перед перспективой второй осады, также поручалось самостоятельной комиссии.

При распределении обязанностей ответственность за военные дела, общественную безопасность, внешние сношения была возложена в основном на бланкистов и неоякобинцев. Финансы, промышленность и труд, общественные службы, продовольствие, народное просвещение оказались в руках прудонистов и членов Интернационала. «...За экономические декреты Коммуны — и за их достоинства и за их недостатки — прежде всего несут ответственность прудонисты, а за ее политические действия и промахи — бланкисты»[1],— отмечал Энгельс.

Опубликованный в печати протокол заседания Коммуны 29 марта 1871 г. о назначении комиссий[2] можно рассматривать как первую конкретную программу государственной и правительственной деятельности новой пролетарской власти. Из него было видно, что члены Коммуны справедливо считали своей первоочередной задачей — наряду с охраной завоеваний революции и пропагандой социалистических идей — всестороннюю заботу об интересах трудового населения.

Как непосредственное проявление этой заботы воспринимались изданный в тот же день декрет об аннулировании задолженности по квартирной плате за девять месяцев (с 1 октября 1870 по 1 июля 1871 г.), обещание отсрочить платежи по долговым обязательствам (декрет был издан 18 апреля), а также общее решение о безвозмездном возврате трудящимся заложенных в ломбард под мелкие ссуды бытовых вещей и инструмента (вопрос обстоятельно изучался специальной комиссией, обсуждался на заседании Коммуны и был решен декретом от 8 мая 1871 г.).

Впервые была развернута программа деятельности подлинно демократического правительства, внимание которого сосредоточивалось на обеспечении общественных интересов, прежде всего на защите прав и удовлетворении нужд трудящихся. Коммунары, стоявшие у власти, были не вельможи и краснобаи, вспоминавшие о на-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 197.
[2] См. «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года», т. I, стр. 34—36.

роде лишь тогда, когда требовались его голоса в избирательной урне, его руки на заводе, его кровь на полях войны. Члены Коммуны сами являлись людьми труда. С утра на заседании Коммуны, где рассматривались декреты, оставившие глубокий след в истории человечества, днем — в своих округах, где решались вопросы повседневной жизни, снабжения, жилья, мобилизации средств, или на передовых позициях, а вечером снова в ратуше, где приходилось рассматривать жалобы, предложения и вообще знакомиться с положением, чтобы компетентно участвовать в его обсуждении на очередном заседании следующим утром,— таков был день коммунара.

«Каждый из нас,— вспоминал член Коммуны А. Арну,— в этих трудных условиях, когда малейшая ошибка, малейший промах могли все поставить под удар, должен был брать на себя и доводить до конца тысячу самых разнообразных дел, которыми можно было бы занять восемь или десять человек. Мы не спали. Я лично не могу вспомнить, выспался ли я десять раз за эти два месяца. Нашим отдыхом был короткий сон, часто прерываемый, где-нибудь в кресле, на стуле или скамье»[1].

Для рабочего правительства Парижа естественной потребностью являлась связь с массами. Секретарь Коммуны Ш. Амуру считал, что Совет Коммуны может правильно решать вопросы, только если члены его посещают массовые собрания. Особое внимание уделяла Коммуна учету жалоб и пожеланий рабочих. «Мы получаем ежедневно, устно или письменно, большое количество предложений, то индивидуальных, то принятых в клубах или в секциях Интернационала. Это часто отличные предложения... дело секретариата Коммуны — учитывать их и делать их предметом доклада»[2],— писал секретарь Исполнительной комиссии Коммуны Бриссак, предлагая выделить для такого важного дела особую комиссию.

Уже 31 марта Коммуна обратилась к рабочим обществам с призывом «представить в письменном виде... в Комиссию труда и обмена свои соображения и все сведения, которые они сочтут полезными»[3]. В тот же день было постановлено создать в каждом округе подкомиссию, связанную с этой комиссией, для «совместного принятия необходимых решений» о спросе и предложении труда[4].

Направляя в Парижскую Коммуну свои предложения, парижские рабочие видели в ней воплощение заветных чаяний своего класса. В манифесте Союза женщин для защиты Парижа говорилось, что «Коммуна, являющаяся представительницей международных и

[1] *A. Arnould.* Histoire populaire et parlamentaire de la Commune, vol. II. Bruxelles, 1878, p. 111—112.
[2] «Первый Интернационал и Парижская Коммуна», стр. 138.
[3] Там же, стр. 122. Документ опубликован в «Journal officiel», 1. IV. 1871.
[4] См. там же, стр. 122—123.

революционных принципов народов, несет в себе зародыши социальной революции...»[1].

Встревоженные ухудшением военных позиций Коммуны, члены Интернационала из секции Монруж писали: «Принимая во внимание момент наивысшей опасности, в которой находятся наши общественные учреждения... члены упомянутой секции обращаются к вам, своим избранникам, чтобы исправить это положение вещей...»[2] Вскоре Федеральный совет Интернационала создал особую комиссию для передачи «на обсуждение и утверждение Коммуны решений, выработанных парижскими секциями».

Вера в Коммуну укреплялась тем, что ее программу отождествляли с программой Интернационала. Парижская секция Карьеров Монмартр, направляя свои пожелания в Комиссию по просвещению, мотивировала свое обращение тем, что «Коммуна открыто вступила на путь политических и социальных реформ, указанных во введении к нашему Уставу»[3]. Такого же мнения были члены объединенной секции Иври и Берси. Они писали в газете «Кри дю пепль» 20 мая 1871 г.: «...дело идет не о простой смене династий или организации чисто формальной, умеренной республики с сохранением монархических учреждений,— нет, теперь предстоит прочно установить политический порядок, при котором осуществились бы все наши социальные требования»[4].

Влияние идей Интернационала и его программы особенно сказалось на социально-экономических мероприятиях Коммуны, большинство которых явились результатом деятельности Комиссии труда, промышленности и обмена. Возглавлявший комиссию Лео Франкель руководствовался теорией научного коммунизма и — в меру возможностей — советами, которые получал от Маркса.

Именно он, по-видимому, явился автором декрета Коммуны от 16 апреля 1871 г. о передаче бездействующих, брошенных хозяевами предприятий в руки кооперативных обществ, основанных занятыми в них ранее рабочими[5].

Этим декретом, продиктованным непосредственными нуждами производства, парализованного саботажем и бегством буржуазии, первое пролетарское государство продемонстрировало свою готовность решать вопрос о труде вне рамок капиталистических отношений. Трудящиеся Парижа правильно поняли социалистическую

[1] «Первый Интернационал и Парижская Коммуна», стр. 152; «Journal officiel», 8. V. 1871. Инициатором и одной из руководительниц этого союза была русская революционерка Елизавета Томановская, хорошо знакомая с Марксом и пользовавшаяся его советами.
[2] «Первый Интернационал и Парижская Коммуна», стр. 155.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 168.
[5] См. там же, стр. 134—135.

тенденцию этого декрета. Одни увидели в нем осуществление заветной мечты — возвращение рабочему его орудий труда, другие — проведение в жизнь выдвинутой на конгрессах Интернационала идеи организации кооперативов в национальном масштабе.

Синдикальная палата механиков откликнулась на издание декрета обращением ко всем рабочим обществам, в котором говорилось: «Нам, рабочим, представляется великая долгожданная возможность довести до конца наше конституирование, чтобы осуществить на практике результаты наших трудолюбивых исследований последних лет»[1].

В этой связи в обращении синдикальной палаты портных к рабочим данной профессии подчеркивалось: «Никогда еще ни одно правительство не предоставляло рабочим столь благоприятных условий. Оставаться в стороне было бы изменой делу освобождения пролетариата»[2].

Вполне в духе программы Интернационала решалась и организационная сторона дела: предварительное обследование, выявление свободных мастерских и рабочих рук, а также выработка примерного кооперативного устава. Конкретное проведение в жизнь решений Коммуны было поручено подкомиссиям, образованным из делегатов синдикальных палат.

Франкель относился к возложенным на него обязанностям со всей серьезностью. «Если нам удастся осуществить коренное преобразование социальных отношений, то революция 18 марта останется в истории как наиболее плодотворный из всех бывших до сих пор переворотов»[3], — писал он Марксу 30 марта 1871 г., обращаясь с просьбой прислать указания о необходимых социальных реформах. Большое принципиальное значение имел предложенный Франкелем декрет от 27 апреля о запрещении каких-либо штрафов и незаконных вычетов из заработной платы, которым был положен конец произволу в отношениях между нанимателем и рабочим. Представляя Коммуне доклад Комиссии труда, промышленности и обмена об установлении контроля над подрядами, заключаемыми военным и коммунальным ведомствами с отдельными мастерскими, Франкель настаивал на преимущественном заключении подрядов с рабочими кооперативами, на определении минимума заработной платы и соблюдении 8-часового рабочего дня[4].

Рабочий-механик Огюстен Авриаль входил в состав Комиссии труда, промышленности и обмена, а затем, как бывший военный, был назначен и начальником управления материальной части артиллерии. На этом посту он подписал 3 мая и представил на утверждение

[1] «Первый Интернационал и Парижская Коммуна», стр. 142; «Journal officiel», 28.IV.1871.
[2] «Le Réveil du Peuple», 19.IV.1871.
[3] «Первый Интернационал и Парижская Коммуна», стр. 453.
[4] См. «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года», т. II. М., 1960, стр. 267—271.

Парижской Коммуны устав, разработанный рабочими Луврских оружейных мастерских, в котором впервые в истории был выдвинут принцип рабочего контроля над производством. Устав был опубликован 21 мая 1871 г. в одном из последних номеров «Журналь офисьель», выпущенных Коммуной.

При участии Комиссии труда, промышленности и обмена Коммуна утвердила 20 апреля декрет о запрещении ночного труда в пекарнях [1].

Из различных требований избирательной платформы 1869 г., принятой парижскими членами Интернационала, Коммуна фактически не коснулась только одного — национализации банка. Дошедшие до нас сведения о спорах коммунаров вокруг проблемы банка показывают, что пролетарские деятели, прояви они необходимую решимость в этом вопросе, могли бы найти поддержку со стороны рабочих масс, по зато оттолкнули бы от себя бóльшую часть союзников из рядов мелкой и средней буржуазии. Национализация банка выходила за формальные рамки программы-минимум. Парижские мелкобуржуазные демократы и радикальные буржуа, рассматривавшие Коммуну как оплот республики против монархического Версаля, как видно, готовы были поддерживать пролетарское правительство, пока оно проводило в жизнь общедемократические требования, но не тогда, когда оно посягало на принцип частной собственности.

Сожалея о том, что коммунары не воспользовались для давления на Версаль тем фактом, что сокровища французского банка в продолжение всей гражданской войны оставались в Париже, Маркс, по-видимому, относил возможность его захвата к мерам, «совместимым с положением осажденного города» [2]: речь могла идти о прекращении выдачи вкладов или о наложении ареста на имущество банка, т. е. об операциях, которые не преступали границы буржуазной законности и не являлись вместе с тем планомерным проведением в жизнь социалистической программы. Плохо знакомые со многими тонкостями банковского дела, коммунары даже не сумели помешать версальцам получить в провинциальных банках — под обеспечение золотого запаса, хранившегося в Париже,— более 250 млн. франков на ведение военных действий против Коммуны!

Высокое чувство ответственности за судьбы граждан, оказавших им доверие и поддержку, забота об их благополучии побуждали коммунаров принимать такие меры, которыми естественно укреплялся союз рабочего класса с непролетарскими слоями трудящихся. Однако подобную заботу члены Коммуны выказывали почти исключительно по отношению к город-

[1] См. «Первый Интернационал и Парижская Коммуна», стр. 146—147; «Journal officiel», 4. V. 1871.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 351; т. 35, стр. 132.

ским слоям, нужды и тревоги которых были им близки. Не вооруженные теорией, ограниченные урбанистским кругозором, лишь немногие из них сумели преодолеть традиционное предубеждение горожанина к сельскому жителю, наемного рабочего — к крестьянину-собственнику. Аграрная программа Интернационала, к разработке которой только еще приступили его секции в Бельгии, Швейцарии, Германии, не дошла в то время до французских рабочих. Отдельные попытки обращения к деревне, предпринимавшиеся коммунарами и диктовавшиеся практическими соображениями — добиться помощи крестьянства (что соответствовало резолюции Базельского конгресса Интернационала об установлении контактов с крестьянством), не имели практических результатов, тем более что версальские власти всячески мешали налаживанию связей Парижа с сельскими тружениками. Отсутствие поддержки со стороны крестьянства было одной из причин слабости и изолированности Парижской Коммуны, а в конечном счете — и ее поражения.

Маркс очень высоко ценил чуткость, с которой Коммуна оберегала союз рабочих с мелкой и отчасти средней буржуазией Парижа. «Мастерским ходом» назвал он декрет о квартирной плате и отсрочке платежей по векселям. По поводу декрета от 16 апреля Маркс говорил, что Коммуна, «действуя очень мудро», поручила выборной комиссии «определить способ передачи покинутых фабрик и мастерских кооперативным рабочим обществам, с уплатой некоторой компенсации бежавшим капиталистам»[1].

Аналогичные шаги, по мнению Маркса, следовало предпринять для завоевания на сторону Коммуны тех слоев крестьянства, которые страдали от ипотечной задолженности. Само собой разумеется, что о провозглашении из осажденного Парижа национализации ипотек (меры, которую Маркс и Энгельс в других обстоятельствах считали возможной и полезной) не могло быть и речи. Это имел в виду Ленин, когда писал, что Коммуна не могла предложить «сразу» землю крестьянам[2]. Маркс настоятельно рекомендовал Коммуне принять особый декрет, содержащий обещание крестьянам отсрочить платежи по ипотекам. Несмотря на усилия, приложенные О. Серрайе, уполномоченным Генерального Совета в Париже, эта рекомендация Маркса не была понята коммунарами: они не видели разницы между ипотекой, как специфической для Франции формой эксплуатации трудового крестьянства капиталом, и обычной коммерческой задолженностью[3].

У Парижской Коммуны не хватило времени, чтобы в полную меру проявить социалистическую тенденцию, присущую ей как пролетарской власти. Уже 2 апреля внезапным нападением на передовые

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 533.
[2] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 137.
[3] См. *И. А. Бах*. Карл Маркс и отношение Парижской Коммуны к крестьянству.— «Новая и новейшая история», 1971, № 1.

посты Национальной гвардии у моста Нейи версальцы развязали гражданскую войну. Все силы молодого пролетарского государства, все внимание его руководителей надо было сосредоточить на решении военных задач[1]. Но для этого требовалась такая централизация государственной власти, какой принятая Парижской Коммуной 29 марта система управления не предусмотрела.

Образованию сильного революционного правительства, на чем настаивали бланкисты, мешали свойственные прудонистам страх перед любой диктатурой и неумение обеспечить суверенные права Коммуны. Приверженцы коммунальной системы и прямого народоправства лишь постепенно убеждались в том, что из-за отсутствия особого органа, призванного выражать и проводить в жизнь коллективную классовую волю Коммуны, ее суверенитет, обеспеченный совмещением законодательной и исполнительной власти, фактически аннулировался столкновением множества индивидуальных мнений и точек зрения. При этом даже левых прудонистов, все больше понимавших необходимость укрепления революционной власти, настораживала близость к бланкистам непролетарских элементов — неоякобинцев. С первых дней внутри Коммуны обнаружилось коренное разногласие по вопросу о задачах и методах революционной власти, приведшее в дальнейшем к расколу между прудонистами, оказавшимися в меньшинстве, и бланкистами, которые вместе с неоякобинцами составили так называемое большинство.

Функции созданной 29 марта Исполнительной комиссии ограничивались лишь наблюдением за проведением в жизнь постановлений Коммуны и ее комиссий; комиссия ничего не могла предпринимать самостоятельно[2]. Избранные в ее состав бланкисты Дюваль, Эд, Тридон, Вайян пытались расширить ее права. 20 апреля комиссия была преобразована: теперь в нее входило по одному представителю от девяти правительственных комиссий; временно облеченные полнотой исполнительной власти, они должны были ежедневно утверждать подготовленные в различных комиссиях решения, придавая им силу закона, и каждый вечер отчитываться на закрытом пленарном заседании Коммуны. Новая организационная форма, хотя и встреченная с воодушевлением обеими сторонами, никого не удовлетворила. Военные дела были безнадежно запутаны. Неоднократная смена военачальников (Бержере, Клюзере, Россель) и выяснение степени их ответственности за поражения отнимали у Коммуны массу времени. Все усложнялось параллелизмом и соперничеством между Военной комиссией, командованием Национальной гвардии и старым ЦК Национальной гвардии, продолжавшим существовать и по-

[1] Подробнее см.: «Парижская Коммуна 1871 года», т. II. М., 1961, стр. 184—231.

[2] См. «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года», т. I, стр. 35.

сле того, как из его состава выбыли лица (более половины), избранные в Коммуну.

1 мая 45 голосами против 23 Коммуна по предложению неоякобинцев приняла постановление о создании особого Комитета общественного спасения, облеченного широкими полномочиями и ответственного только перед ней. В первый состав Комитета вошли бланкисты Арно и Ранвье, а также три неоякобинца (в том числе Пиа). Обострилась борьба между большинством, которое проводило сепаратные собрания и все больше игнорировало пленарные заседания Коммуны, и меньшинством, расценивавшим избрание Комитета как узурпацию ее прав. 15 мая делегаты меньшинства явились на очередное заседание с намерением вручить декларацию о своем решении удалиться из Коммуны и вернуться в свои округа. Поскольку большинство не явилось, декларация была передана прямо в печать[1].

Широко обнародованная весть о расколе в Коммуне произвела тяжелое впечатление на парижских рабочих и всячески раздувалась враждебной прессой. Позицию меньшинства осуждали газеты Коммуны, подчеркивая, что она нарушает революционное единство парижского народа. Федеральный совет Интернационала и собрание избирателей IV округа призвали делегатов вновь занять свои места в Коммуне[2]. Многие из них прислушались к этим голосам. Единство рабочего класса восстановилось на баррикадах, где представители меньшинства и большинства сражались с вступившими в Париж версальцами с одинаковым героизмом.

21 мая началась «кровавая неделя». В эти последние дни Коммуны пролетариат продемонстрировал все лучшее, что было заложено в нем историей. Буржуазия в свою очередь показала беспредельную жестокость, оправдываемую ссылками на правосудие и законность (законными признавались любые средства защиты капиталистического строя и частной собственности): методически осуществляемые массовые убийства, тысячи случаев личной мести, соединенных в один общий акт — мести классовой, лицемерие злодеев, которые объявляли себя спасителями общества, истребляя его основу, его цвет, клевета на обезоруженных, приговоренных и уже павших бойцов — все эти свойства и склонности буржуазного класса, сказавшиеся еще в июне 1848 г., в гораздо большей мере проявились в мае 1871 г. Иначе быть не могло: теперь глазам буржуазии открылась и значительно бóльшая угроза.

Подготовкой армии, которая должна была взять Париж, Тьер занялся лично. С самого начала это была армия карателей. 12 тыс. солдат, которых ему удалось вывести из Парижа 18 марта, он изолировал в лагере Сатори, посадил на усиленный паек, наградил премиальными. По условиям перемирия с пруссаками, в зоне Парижа

[1] «Cri du Peuple», 17. V. 1871; «Первый Интернационал и Парижская Коммуна», стр. 163—165.
[2] Там же, стр. 171—175.

могли находиться только 40 тыс. французских солдат. Но 16 апреля с благословения Бисмарка в Версале уже насчитывалось 130 тыс., а вскоре и 170 тыс. выпущенных из немецкого плена солдат армии Наполеона III во главе с генералами-бонапартистами; они жаждали отомстить народу за 4 сентября.

Бисмарк не только возвратил пленных — в нарушение условий перемирия, которые Комиссия внешних сношений Коммуны обязалась соблюдать, он пропустил версальцев через нейтральную зону на север и восток от Парижа, перерезал Северную железную дорогу, установил кордон от Марны до восточного пригорода столицы Монтрейля, поставил 5 тыс. солдат и 80 пушек у Венсена, чтобы блокировать защитников Коммуны, если они надумают уходить из города. «После самой ужасной войны новейшего времени,— пишет Маркс,— армия победившая и армия побежденная соединяются для совместной кровавой расправы с пролетариатом. Такое неслыханное событие не доказывает, как думал Бисмарк, что новое, пробивающее себе дорогу общество потерпело окончательное поражение,— нет, оно доказывает полнейшее разложение старого буржуазного общества»[1].

Начатая 2 апреля гражданская война была фактически второй осадой Парижа. Один за другим пали разрушенные артиллерийскими обстрелами форты, открывая версальцам доступ к крепостным стенам и городским воротам.

21 мая, воскресенье. По сигналу, поданному предателем, версальцы проникают в ворота Сен-Клу и занимают прилегающие укрепления, где концентрируют части для дальнейшего продвижения. Командующий укрепленным районом Парижа генерал Ярослав Домбровский тщетно просит подкрепления, чтобы выбить их оттуда. Коммуна занята судом над генералом Клюзере, военным делегатом, которого обвиняют в предательстве: на центральном участке фронта многие бастионы уже остались без защитников. Между тем версальцы просачиваются в район богатых особняков и окруженных садами вилл. Начинаются первые расстрелы трудового населения. Каждый человек в блузе рассматривается как коммунар. Направленный Комитетом общественного спасения для выяснения обстановки член Коммуны механик Асси взят в плен.

22 мая, понедельник. Версальцы захватывают ворота Отей, Пасси, Севр, Версай, устанавливают батарею на площади Этуаль. В их руках XV и XVI округа. Рабочий Париж узнаёт об этом. Делеклюз, возглавивший 10 мая военное ведомство Коммуны, призывает граждан Парижа к баррикадной борьбе. Западная часть города в руках версальцев: их здесь 130 тыс. (12 дивизий). Рабочий квартал Батиньоль оказывает героическое сопротивление, но немцы пропускают через нейтральную зону дивизию, которая берет баррикады с тыла. Ком-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 365.

мунары укрепляются близ площади Конкорд, на холме Святой Женевьевы. Они яростно отбиваются от наседающего врага. Тьер, поздравляя в Национальном собрании своих генералов, заявляет: «Искупление будет полным; мы добьемся этого во имя закона, посредством закона и с помощью закона»[1].

23 мая, вторник. Прокламация Коммуны тщетно призывает версальских солдат к братанию, напоминает о 18 марта; если версальцы и перестают стрелять, то лишь для того, чтобы добивать раненых прикладом. Они занимают Оперу, захватывают высоты Монмартра, производят массовые расстрелы пленных. Убит Домбровский. Ночью запылали первые пожары.

24 мая, среда. Члены Коммуны покидают здание ратуши. Версальцы занимают район Лувра, набережные Сены. Взорван пороховой склад в Люксембургском дворце. Коммунары остаются без боеприпасов. Версальцы расстреливают несколько сот пленных вокруг Пантеона, в их числе Рауля Риго, прокурора Коммуны. В этот день делегат Комиссии безопасности, один из руководителей Коммуны, Теофиль Ферре, подписывает первый приказ о расстреле шести заложников — архиепископа Дарбуа и священников.

25 мая, четверг. Отряд коммунаров под командованием генерала В. Врублевского удерживает последний плацдарм на левобережье Сены, сковывая продвижение версальцев. Подвергнутые жестокому артиллерийскому обстрелу, коммунары вынуждены отступить к Бастилии. Ожесточенные бои в III, IV, XI рабочих округах. В этот вечер Делеклюз поднимается на баррикаду бульвара Вольтер, где находит смерть. «Я не хочу и не могу служить жертвой и игрушкой торжествующей реакции»[2],— пишет он в прощальной записке сестре.

26 мая, пятница. Коммуна и Комитет общественного спасения уже не существуют. Сопротивление, возглавленное Варленом, сосредоточилось в районе Бастилии и Ла-Виллет. Версальцы приканчивают раненых в госпиталях. Коммунары казнят 50 заложников на улице Аксо. С высот Шомон и кладбища Пер-Лашез пушки коммунаров обстреливают версальцев последними снарядами. Расстрелян на ступеньках Пантеона журналист Мильер; он не был членом Коммуны и не занимал никаких официальных постов, его убийство — личная месть версальского министра Жюля Фавра, грязные дела которого Мильер разоблачал в печати.

27 мая, суббота. Версальцы атакуют Бельвиль. Коммунары в течение нескольких часов держат оборону на кладбище Пер-Лашез. Борьба идет врукопашную среди могильных памятников. Расстрел коммунаров у стены, которая затем будет носить их имя.

[1] Цит. по: *B. Noel.* Dictionnaire de la Commune. Paris, 1971, p. 338.

[2] *M. Dessal.* Un révolutionaire jacobin. Charles Delecluse (1809—1871). Paris, 1952, p. 408.

28 мая, воскресенье. Последняя баррикада на улице Рампонно в середине дня прекращает огонь. Версальцы расстреливают взятых в плен, в их числе Варлена. Реакция торжествует.

Официальные статистические данные: муниципалитет Парижа оплатил расходы по захоронению 17 тыс. расстрелянных. Архивы свидетельствуют о 40 тыс. арестованных коммунаров (в 4 раза больше, чем после июньских событий 1848 г.). Из них около 10 тыс. были приговорены военными трибуналами к каторжным работам, заключению в крепости, ссылке в Новую Каледонию.

По данным обследования промышленности, проведенного городскими парижскими властями на 1 октября 1871 г., за истекший год трудовое население Парижа сократилось на 100 тыс. «рабочих единиц»[1].

* * *

Общей причиной поражения Парижской Коммуны явился в конечном счете недостаточный уровень, достигнутый развитием капиталистических отношений к 70-м годам XIX в. не только во Франции, но и во всем мире[2]. Этот объективный фактор определял преобладание в Париже мелкого производства и, как одно из следствий, живучесть в рабочей среде мелкобуржуазных влияний. Непосредственно из этого вытекала идейная и организационная неподготовленность французского пролетариата, отсутствие у него партии — передового отряда, вооруженного научной теорией и классовой программой. Отсюда и ошибки коммунаров: их оборонительная тактика, нерешительность политического и военного руководства, колебания в ходе борьбы с контрреволюцией, неправильное отношение к банку.

Очень существенной причиной поражения Коммуны явилась также ее изолированность, отсутствие необходимой поддержки со стороны рабочих и республиканской буржуазии других городов, неумение парижских революционеров преодолеть враждебность крестьянства, не осознавшего еще к тому времени совпадения своих коренных интересов с интересами рабочих.

Но даже кратковременная победа героических парижских рабочих, отважившихся «штурмовать небо» (Маркс), ознаменовала переход международного рабочего движения на новую, более высокую ступень. «Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван»[3],— писал Маркс 17 апреля 1871 г. А когда в Париже

[1] Официальное сообщение о потерях версальских войск: убитых офицеров — 83, солдат — 794; раненых офицеров — 430, солдат — 6024; пропали без вести — 183.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 537; *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 219.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 175.

уже неистовствовали версальские убийцы и одна за другой рушились баррикады, Маркс, обращаясь к членам Генерального Совета I Интернационала, сказал 23 мая: «Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены; они вновь и вновь будут заявлять о себе до тех пор, пока рабочий класс не добьется освобождения»[1].

В. И. Ленин относил Парижскую Коммуну к числу «великих революций пролетариата»[2]; рассматривая причины ее поражения, он вслед за Марксом подчеркивал, что «бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба *масс* даже за безнадежное дело *необходима* во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к *следующей* борьбе»[3].

МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ СОЛИДАРНОСТИ С ПАРИЖСКОЙ КОММУНОЙ

Творение парижских рабочих, проникнутых идеями классовой солидарности, Коммуна с первых дней выступала под знаменем пролетарского интернационализма. Это выразилось не только в декларациях и воззваниях Коммуны, в которых старые призывы к братству народов и ко всемирной социалистической республике наполнялись совершенно новым, реальным содержанием. Интернационализм Коммуны имел объективный характер. Решая конкретную национальную задачу (свержение антинародного предательского правительства) с классовых позиций (свержение господства буржуазии вообще), парижские рабочие действовали в интересах всего международного пролетариата, открывали ему путь в будущее и словно заглядывали в его завтрашний день.

Передовые рабочие во всех странах классовым чутьем уловили эту особенность революции 18 марта, и она сразу нашла отклик в их сердцах. Повсюду, где уже существовало рабочее движение, и там, где оно еще только складывалось, с первыми вестями о событиях в Париже стихийно начались проявления солидарности с победившими пролетариями. В речах ораторов на самопроизвольно возникавших собраниях и митингах, в воззваниях и резолюциях неизменно звучала окрепшая вера в силу рабочего класса, гордость за его отважных сынов, надежда на окончательную победу пролетариата.

Если европейскому пролетариату понадобились годы, чтобы осознать значение Июньского восстания 1848 г. как выступления своих передовых борцов, отмечал Маркс, то «Парижская Коммуна немедленно же была встречена радостными криками одобрения всего международного пролетариата»[4]. Маркс видел в этом результат де-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 629.
[2] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 55.
[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 379.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 131.

ятельности международной организации пролетариата, ускорявшей формирование его классового сознания [1].

Стремясь изолировать Коммуну от международного пролетариата, версальское правительство предписало местным органам власти всячески препятствовать сношениям между Парижем и остальным миром. Маркс писал в середине апреля 1871 г. о «*стене лжи*», воздвигнутой Тьером вокруг революционной столицы, чтобы удержать провинцию в подчинении «и предотвратить там общее восстание в защиту Парижа»[2]. В этих условиях решающее значение приобретала правильная информация рабочих Франции и других стран о деятельности пролетарского государства и о ходе начавшихся против него 2 апреля военных действий Версаля.

Специально назначенная Коммуной Комиссия внешних сношений, возглавленная литератором Паскалем Груссе, должна была действовать в этом направлении. Критикуя деятельность Комиссии, Лиссагаре отмечал позднее, что она, по-видимому, уделила основное внимание проблеме дипломатических отношений с буржуазными государствами, пренебрегая задачей пропаганды идей Коммуны среди населения французской провинции и прямым обращением к рабочим других стран. «Комиссия, созданная исключительно для внешнего мира, почти забывала о его существовании,— писал он.— Во всей Европе рабочий класс жадно ловил вести из Парижа, мысленно сражался вместе с великим городом, ставшим его столицей; множились митинги, демонстрации, воззвания. Рабочие газеты, большей частью лишенные средств, мужественно боролись против клеветы буржуазной прессы. Долгом Комиссии было снабжать материалом этих ценных союзников. Она этого не делала» [3].

Подлинным центром борьбы международного пролетариата за дело Коммуны стали находившийся в Лондоне Генеральный Совет Интернационала, руководимый Марксом и Энгельсом. Они мобилизовали рабочих и передовую общественность различных стран на защиту парижской революции, добиваясь того, чтобы поражение, если его нельзя будет избежать, обошлось наименьшим количеством жертв и утраченных позиций. Поддержка первого пролетарского государства, борьба против клеветы буржуазной прессы, которая фальсифицировала документы Коммуны, искажала смысл ее принципов и практических мероприятий, стали первейшей задачей передового отряда рабочих всех стран, членов Интернационала. Для распространения правдивых сведений о происходившем в Париже была мобилизована сложившаяся за шесть лет существования Интернационала организационная сеть, пущены в ход связи с его федеральными советами и местными секциями, с их руководителями и печатными органами. «В письмах различных секретарей секциям на континенте и

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 528.
[2] Там же.
[3] См. *P.-O. Lissagaray*. Op. cit., p. 230.

в Соединенных Штатах рабочим всюду был разъяснен истинный характер этой величественной парижской революции»[1],— писал Маркс Франкелю.

Огромен был личный вклад Маркса в дело защиты Коммуны. Он сражался за нее как «*участник* массовой борьбы, которую он переживал со всем свойственным ему пылом и страстью»[2]. Маркс следил самым пристальным образом за ходом событий, за каждым шагом, который предпринимался в лагере реакции, стремясь раскрыть тайные планы Тьера и Бисмарка, разгадать содержание их подлого сговора. Он помогал Коммуне советами, которые касались тактики руководства и военных операций, передавал информацию, которая могла быть ей полезна и была более доступна ему самому, следившему в Лондоне за мировой прессой и располагавшему обширными связями в самых разнообразных кругах. Об этих советах, передаваемых руководителям пролетарского Парижа, как правило, устно, мы до сих пор знаем еще очень немного. Наряду с этим Маркс непосредственно руководил, направляя его в нужное русло, широким движением классовой солидарности пролетариев всех стран с Парижской Коммуной.

Оно выросло из тех массовых кампаний в поддержку стачечной борьбы, против милитаризма и захватнических войн, которые были проведены секциями Интернационала стран Европы и Америки в 1865—1870 гг. Движение солидарности с Коммуной отличалось от тех выступлений пролетариата бóльшим размахом и организованностью, более глубоким пониманием пролетарского интернационализма; оно имело более активный, политически наступательный характер, являясь отражением общего революционного кризиса, переживаемого европейским обществом в этот период[3].

То обстоятельство, что перед лицом пролетарской Коммуны все тогдашние правительства выступали представителями реакции, союзниками и сообщниками Тьера, определяло новую, примечательную черту движения солидарности европейских и американских рабочих в 1871 г. Действуя в защиту первого пролетарского государства, рабочие неизбежно вовлекались в непосредственную борьбу против правительств своих стран, становились на путь открытых революционных действий.

В зависимости от местных условий, обстановки, существующего законодательства, бóльших или меньших демократических свобод, наличия полицейского режима и т. п. борьба за Коммуну принимала в разных странах самые различные формы. Однако всюду выступления в защиту Коммуны способствовали росту классового сознания и организованности рабочих, укреплению пролетарской печа-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 182.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 377.
[3] См. «Парижская Коммуна 1871 года», т. II. М., 1961; «Парижская Коммуна 1871 года». М., 1970, гл. IV.

ти, оживлению стачечной борьбы за социальные и политические требования рабочих, везде они оказывали могучее воздействие на все те аспекты рабочего движения, в которых ярче всего выражался его классовый характер.

В авангарде движения солидарности шли немецкие рабочие, выступавшие под руководством революционной социал-демократической партии. 26 мая, в дни «кровавой недели», А. Бебель разоблачил с парламентской трибуны помощь, оказанную Бисмарком правительству Тьера, и поклялся в верности делу Коммуны. Партийный орган «Фольксштаат», подвергаясь непрерывным штрафам и конфискациям, смело защищал коммунаров, излагая суть их мероприятий и опровергая клеветнические измышления реакционной германской прессы. Очередной съезд социал-демократической партии, получив предупреждение, что за упоминание Коммуны он будет немедленно распущен, косвенным образом выразил свое отношение к парижской революции, заявив о полной солидарности с освещением, данным на страницах партийного органа «политическим и социальным вопросам минувшего года»[1].

В условиях жестоких полицейских преследований выступали в защиту Коммуны рабочие многонациональной Австро-Венгрии. Венская рабочая газета «Фольксвилле» опубликовала 8 апреля 1871 г. письмо из Парижа, в котором Франкель описывал торжественное провозглашение Коммуны. Номер был конфискован, но наборщики тайно вынесли почти весь тираж и смогли распространить его. Венгерские рабочие, несмотря на запрещение полиции, отметили падение Коммуны митингом в Пеште, на который прибыли делегаты из Вены и Праги, и траурным шествием к зданию рабочего союза. Многие участники митинга были арестованы и отданы под суд, а союз распущен.

В Англии пропаганду в поддержку Коммуны вели в первую очередь члены Генерального Совета; они выступали на различных собраниях, митингах, систематически освещали парижские события на страницах рабочих и демократических газет. Под влиянием революции 18 марта в республиканском движении, оживившемся после провозглашения республики 4 сентября во Франции, выделилось левое крыло, отстаивавшее идею социальной республики. 16 апреля на большом митинге в Гайд-парке было принято обращение к Коммуне и всем рабочим Парижа — «пионерам и строителям лучшего социального строя». Обращение было оглашено на заседании Коммуны и опубликовано в «Журналь офисьель» 20 апреля.

В начале июня 1871 г. английским рабочим и буржуазным радикалам удалось в такой степени мобилизовать общественное мнение в связи с предъявленным правительством Тьера требованием о выдаче коммунаров как уголовных преступников, что премьер-

[1] Подробнее см.: «Первый Интернационал», ч. 2, стр. 223—224.

министр Гладстон фактически отказался удовлетворить требование Версаля.

Швейцарские члены Интернационала, которые располагали своей рабочей печатью и пользовались свободой слова, смогли сравнительно беспрепятственно освещать деятельность Коммуны. Посредством широко организованного движения протеста им также удалось сорвать планы выдачи коммунаров.

Швейцарские рабочие были единственным отрядом международного пролетариата, который сделал попытку оказать Коммуне реальную, действенную, практическую помощь. Руководители женевских секций, в числе которых были И. Ф. Беккер, А. Перре, Николай Утин, образовали тайный комитет, установили связи с Лионом и Парижем, напечатали соответствующие воззвания, сформировали вооруженные отряды, намереваясь выступить в поддержку революционного движения, развернувшегося на юге Франции. Быстрое подавление движения в Лионе (24 марта), Сент-Этьене (27 марта), Крезо (28 марта), Нарбонне (31 марта), Марселе (4 апреля) лишило повстанцев главных опорных точек. «Если бы у нас в марте и апреле было побольше денег,— полагал Беккер,— то мы подняли бы всю южную Францию и этим спасли бы Парижскую Коммуну»[1].

В городах Северной Америки движение солидарности началось несколько позже, чем в Европе, но и там выступления рабочих в защиту дела и идей Коммуны сопровождались выдвижением требований 8-часового рабочего дня, а также равноправия негров.

В странах, экономически менее развитых, где рабочее движение делало еще первые шаги, солидарность с Парижской Коммуной, защита ее завоеваний, пропаганда ее опыта способствовали вовлечению пролетариев в ряды великой международной армии труда, в сферу влияния Интернационала. В этих странах авторами первых воззваний и организаторами первых митингов солидарности были по большей части не рабочие, а представители трудовой интеллигенции, социалистически настроенные «умственные пролетарии», революционные демократы.

Так, в России непосредственным откликом на парижскую революцию 18 марта явились нелегальные прокламации, выпущенные в апреле — мае 1871 г. петербургским студентом Н. П. Гончаровым. Возвещая о том, что «мировая революция уже началась» и что «она облетит все столицы мира», автор призывал русскую революционную молодежь готовиться к моменту, когда в Россию из-за парижских стен придет революция. «Откликнитесь, честные люди,— говорилось в последнем листке (от 14 мая),— откликнитесь на ваших местах погибающему Парижу, чтобы, умирая, он знал, что дело его возобновят и так же смело и геройски поведут вперед...»[2]

[1] «Первый Интернационал и Парижская Коммуна», стр. 544.
[2] *Б. С. Итенберг.* Россия и Парижская Коммуна. М., 1971, стр. 142—144.

Особым проявлением интернационализма Коммуны, обусловленным самой ее сущностью как власти трудящихся, было непосредственное участие в ее борьбе против версальцев наряду с парижскими рабочими и уроженцами других департаментов Франции многочисленных иностранцев. Пролетарские революционеры, революционные демократы и социалисты различных стран, оказавшиеся в Париже 18 марта или специально приехавшие занять свое место на ее баррикадах, понимали, что речь идет о судьбе международной революции, о борьбе за светлое будущее человечества. Франкель, Домбровский, Врублевский были не единственными иностранцами, чьи имена навечно связаны с Коммуной. В рядах защитников Коммуны почетное место заняли представители русской революционной демократии, русской социалистической мысли.

Член Русской секции I Интернационала Е. Л. Томановская известна (под именем Элизы Дмитриевой) как организатор и руководитель Союза женщин для защиты Парижа. Руководствуясь, повидимому, советами Маркса (она прибыла в Париж из Лондона), Томановская сумела вовлечь в активную деятельность этой централизованной организации много тысяч женщин[1]. Она поддерживала связь с Марксом, снабжая его информацией о жизни в восставшем Париже. Во время «майской недели» Томановская вместе с Луизой Мишель командовала батальоном, проявляя чудеса храбрости. А. В. Корвин-Круковская, сестра выдающегося русского математика Софьи Ковалевской, находилась в Париже с осени 1870 г. и вела там большую организаторскую и пропагандистскую работу. Вместе с мужем Виктором Жакларом она до последнего дня сражалась на баррикадах, защищая Коммуну[2]. Сражался на баррикадах и М. П. Сажин (Арман Росс), приехавший из Цюриха, как только узнал о провозглашении Коммуны. Другой русский революционер-эмигрант, В. А. Потапенко, был адъютантом генерала Домбровского, рядом с которым находился до последней минуты.

Горячо выступил в поддержку Коммуны П. Л. Лавров, проживавший в Париже с зимы 1870/71 г. Уже 21 марта он направил в брюссельскую рабочую газету корреспонденцию, где высказал пожелание, «чтобы победила эта республика, вышедшая действительно из народа, основанная рабочими, которые желают только справедливости и братства...». В другой корреспонденции, по поводу выборов в Коммуну, Лавров подчеркивал, что это событие — победа «пролетариев, честных и спокойных в своей силе, над всеми деморализованными силами буржуазного общества»[3]. В начале апреля, будучи твердо уверенным в прочности новой власти, Лавров направил в Ком-

[1] *E. Thomas.* Les pétroleuses. Paris. 1963, p. 86—89, 94—97.

[2] См. *И. С. Книжник-Ветров.* Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны. М.—Л., 1964, стр. 84—85; *С. С. Волк.* Карл Маркс и русские общественные деятели. Л., 1969, стр. 93—98.

[3] *Б. С. Итенберг.* Указ. соч., стр. 121—122.

муну письмо, в котором изложил наряду с соображениями о реформе народного образования план внешкольных занятий со взрослыми рабочими для подготовки их к выполнению тех политических и административных функций, которые на них возлагала новая власть[1]. В конце апреля Лавров выехал из Парижа и через Брюссель направился в Лондон, где включился в широкое движение солидарности с Коммуной, возглавленное Марксом и Энгельсом.

После падения Коммуны одним из направлений массового движения солидарности во всех странах стала защита прав эмигрантов-коммунаров, обеспечение их кровом, питанием, работой. Эта непосредственная братская помощь осуществлялась как Генеральным Советом, так и секциями Интернационала на местах.

Заботе о судьбе коммунаров сопутствовали выступления на рабочих митингах и в рабочей печати: против планов выдачи иностранцев (в Англии), за соблюдение традиционного права политического убежища (в Швейцарии), за свободу слова и собраний (в Германии), за свободу печати (в Австро-Венгрии), за равноправие негров (в США).

* * *

На протяжении более чем 100 лет, прошедших после Парижской Коммуны, ее опыт и уроки не перестают занимать виднейшее место в идейной сокровищнице международного рабочего движения, играли и играют важную роль в идеологической борьбе по принципиальным вопросам революционного процесса в XX в. Это не удивительно, ибо с Коммуной в той или иной степени связаны все проблемы, имеющие сколько-нибудь существенное значение для победы социалистической революции. Исторические достижения Коммуны в этой области, даже ее ошибки, непоследовательность, промахи способствовали и способствуют выработке партиями рабочего класса наиболее совершенной стратегии и тактики; хотя условия борьбы пролетариата с течением времени кардинально менялись и слепое копирование опыта Коммуны не могло принести пользы, основное и решающее в этом опыте отличалось общезначимостью, сохранившей свое значение для всей исторической эпохи революционного перехода от капитализма к социализму.

Таков был подход к идейному наследию Парижской Коммуны В. И. Ленина, для которого оно служило теоретической опорой в решении узловых задач революционной борьбы и основой для ряда выводов, составивших неоценимый вклад в развитие марксизма. Особенно часто и плодотворно обращался В. И. Ленин к примеру Парижской Коммуны в периоды, связанные с наиболее крупными классовыми битвами в России (а тем самым и в международном масшта-

[1] См. «Первый Интернационал и Парижская Коммуна», стр. 400—402.

бе),— революцией 1905—1907 гг., Февральской и Октябрьской революциями 1917 г., а также с началом социалистического строительства в нашей стране. Это были вместе с тем периоды максимального накала идейной борьбы в рабочем движении между последовательно марксистским и оппортунистическим направлениями, в ходе которой представители последнего в попытках обосновать свой отказ от подготовки социалистической революции стремились извратить опыт Коммуны, использовать его в своих целях. В конце XIX в. так поступали ревизионисты, позднее, в годы первой мировой войны,— Каутский и его единомышленники; присвоить идейное наследие Коммуны в разное время пытались «левацкие», анархиствующие элементы и т. п.

В своих трудах В. И. Ленин показал несостоятельность всех подобных претензий, раскрыл величие Коммуны как первого в истории государства нового типа — пролетарского государства, как замечательного образчика «сочетания почина, самостоятельности, свободы движения, энергии размаха снизу — и добровольного, чуждого шаблонов, централизма»[1]. Глубоко анализируя уроки Коммуны, В. И. Ленин первостепенное внимание уделял вопросу о гегемонии пролетариата в революции, подчеркивая, что эта гегемония может быть прочной и последовательной лишь при наличии у рабочего класса боевой марксистской партии. В. И. Ленин видел существеннейшую причину падения Коммуны в отсутствии такой партии[2]. Данный вывод имел решающее значение для перспектив рабочего движения в России, где В. И. Лениным была создана революционная партия, партия нового типа, способная возглавить рабочий класс в борьбе за свержение господства буржуазии, установление власти пролетариата и его союзников, реализующей демократические устремления трудящихся[3].

С этим теснейшим образом связан и другой вывод из опыта Коммуны — о необходимости завоевания пролетариатом массовых союзников, прежде всего крестьянства. Вопрос о союзниках проходит красной нитью через все высказывания Ленина о Коммуне. Неудача Коммуны в установлении взаимопонимания с крестьянскими массами послужила для В. И. Ленина одним из отправных моментов в постановке вопроса о значении союза пролетариата с крестьянством и на буржуазно-демократическом и на социалистическом этапах революции.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 203.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 330; т. 16, стр. 453; т. 20, стр. 219, и др.

[3] «Парижская Коммуна,— писал по этому поводу член Политбюро ФКП Ж. Дюкло,— была правительством пролетарской диктатуры, а, как показал Ленин в своей работе «Государство и революция», диктатура пролетариата» представляет собой «более высокую форму демократии по сравнению с буржуазной демократией» (*Ж. Дюкло.* На штурм неба. Парижская Коммуна — предвестница нового мира. М., 1962, стр. 299—300).

В канун Октября, когда задача овладения властью вплотную встала перед российским пролетариатом, В. И. Ленин в книге «Государство и революция» дал непревзойденный по глубине анализ опыта Коммуны в деле слома военно-бюрократической машины буржуазии — вопросе, который подвергся особенному извращению в писаниях реформистских и центристских лидеров, в частности К. Каутского, чьи тезисы Ленин подверг сокрушительной критике. После победы Октября Ленин неоднократно возвращался к Коммуне, черпая из ее опыта материал для строительства новой жизни. И на этом этапе Ленину вновь довелось отстаивать подлинные уроки Коммуны, бороться с фальсификациями каутскианцев, пытавшихся исказить их, противопоставить большевиков — сторонников диктатуры пролетариата — парижским коммунарам, якобы придерживавшимся принципов «чистой», внеклассовой демократии. Опровержению подобных вымыслов В. И. Ленин посвятил, в частности, свою работу «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918 г.).

И в последующие десятилетия все эти вопросы (а также ряд других) оставались предметом острой полемики между представителями различных течений международного рабочего движения. Чрезвычайно наглядно обнаружились актуальность опыта и уроков Коммуны, их значение как фактора современной идейной борьбы в связи со 100-летием Коммуны, которое прогрессивное человечество отмечало в 1971 г. О непрекращающихся попытках присвоить себе Коммуну или свести ее значение к минимуму «именно в тех кругах, которые презирают народ и стремятся обмануть его»[1], говорилось в специальном номере теоретического органа ЦК ФКП, на международной научной конференции, организованной в мае 1971 г. Институтом Мориса Тореза в Париже, на международной теоретической конференции в Праге. Участники этих конференций отмечали, что идейное наследие Коммуны стало линией, которая отделяет последовательных марксистов-ленинцев от оппортунистов[2]. Правые оппортунисты, современные ревизионисты всячески стремятся оспорить преемственность революционных традиций Коммуны, отрицают ее сущность как политической власти пролетариата, поднимают на щит ее ошибки; «левые» пытаются канонизировать некоторые специфические, обусловленные лишь конкретными местными условиями черты Коммуны, чтобы противопоставить их принципам творческого марксизма-ленинизма[3].

Материалы юбилейных форумов, а также последующие работы авторов-марксистов из СССР, Франции и других стран убедительно

[1] «Cahiers du communisme», 1971, N 3, p. 22.

[2] См. «Проблемы мира и социализма», 1971, № 2, стр. 13; «Voici l'aube. L'immortelle Commune de Paris», p. 54—55, 235.

[3] Подробнее см.: *Ж. Коньо.* Парижская Коммуна и идейно-политическая борьба французских коммунистов.— «Интернациональное наследие Парижской Коммуны». М., 1971.

опровергают указанные (и аналогичные) версии, искажающие сущность и историческое значение этого события.

Возвращаясь к временам самой Коммуны, следует сказать, что перед международной пролетарской организацией задача защиты принципиальных позиций, завоеванных парижскими коммунарами, и осмысления опыта Коммуны встала сразу же после ее поражения.

Главная роль в решении данной задачи выпала на долю К. Маркса и Ф. Энгельса.

ОПЫТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ И РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ. I ИНТЕРНАЦИОНАЛ В 70-х годах

НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА МАСС

Парижская Коммуна имела огромное значение для дальнейшего развития революционной теории пролетариата — марксизма. Творческая деятельность коммунаров дала поистине безграничный материал для обобщения, и все последующие произведения Маркса и Энгельса в той или иной мере, прямо или опосредованно были связаны с Коммуной, с теми проблемами и идеями, которые она породила.

Важнейшим документом, в котором впервые были осмыслены основные вопросы, поставленные возникновением, существованием и гибелью первой пролетарской диктатуры, явилось воззвание Генерального Совета Интернационала «Гражданская война во Франции», написанное Марксом.

Коммуна только что пала, на ее баррикадах погибли многие наиболее активные ее деятели. Над свежими могилами коммунаров Маркс, часто их же словами, раскрыл истинное содержание их творчества, о котором они могли только догадываться. Перед лицом разнузданной, опьяненной своей победой реакции Маркс взял под защиту поверженных, не щадивших своей жизни за лучшее будущее человечества.

Задача, которую ставил перед собой Маркс, состояла в том, чтобы превратить стихийное сочувствие Коммуне в сознательное стремление пролетарских масс довести ее дело до конца. Работая над «Гражданской войной во Франции», он исходил из того, что первый опыт диктатуры пролетариата способствовал росту сознания рабочих масс, их готовности к восприятию марксизма, поискам ответа на коренные вопросы пролетарского движения.

События в Париже подтвердили сделанный Марксом и Энгельсом еще до 1848—1849 гг. вывод, что пролетариат сыграет решающую роль в грядущей революции. Выступив в союзе с трудящимися массами, он возьмет на себя осуществление демократических задач, последовательное, революционное выполнение которых будет перерастать в разрешение основного антагонизма, порожденного капиталистическим способом производства. Вывод о том, что сочетание борьбы за классовые цели пролетариата с борьбой за демократию является одним из основных условий победы, представляет собой важнейший урок Коммуны, четко выявленный Марксом и Энгельсом.

В «Гражданской войне во Франции», как и в других, более поздних работах, Маркс и Энгельс использовали опыт Коммуны для дальнейшего обоснования и развития теории социалистической революции. В статьях Энгельса, входящих в серию «Заметки о войне», в набросках «Гражданской войны во Франции» Маркса и в самой «Гражданской войне» основоположники марксизма раскрыли многообразные факторы, обусловившие революцию в Париже: разложение правящей верхушки, развал старой государственной машины, прежде всего армии, трусость и неспособность буржуазии взять на себя управление страной, предательство ею национальных интересов, резкое ухудшение положения трудящихся, самодеятельную организацию и все возрастающую активность масс, прежде всего рабочих, и, наконец, наличие оружия в их руках. В «Гражданской войне во Франции» показано также, что Коммуна была в конечном счете порождена не специфическими условиями Парижа, а общими закономерностями развития классовых противоречий, достигших здесь в тот момент особой остроты. Развивая все эти положения на основе последующего опыта революционной борьбы, В. И. Ленин создал стройное учение о революционной ситуации.

Анализируя ход событий в Париже после 18 марта 1871 г., Маркс пришел к выводу, что это была подлинно народная революция, в которой массы после победы продолжали оставаться хозяевами положения. В «Набросках «Гражданской войны во Франции»» он писал: «То, что революция произведена *от имени* и открыто в *интересах* народных масс, то есть производящих масс,— эта черта настоящей революции присуща также и всем ее предшественницам. Новая ее черта заключается в том, что народ не разоружился после первого восстания... он взял в свои собственные руки действительное руководство своей революцией и нашел в то же время средство, в случае успеха, держать это руководство в руках самого народа...»[1]

Подчеркивая глубоко демократический характер Коммуны—как по целям, так и по средствам и формам их достижения, Маркс отметил, что она не сопровождалась актами насилия, подобными «тем, которыми изобилуют революции и особенно контрреволюции «высших классов»»[2].

Коммуна показала, что захват политической власти пролетариатом может быть осуществлен и сравнительно мирным путем. Однако мероприятия нового правительства неизбежно наталкиваются на все более активное сопротивление бывших правящих классов; зреет мятеж контрреволюционеров. Именно эти силы и развязывают гражданскую войну. Непринятие решительных мер революционного насилия по отношению к контрреволюции или просто промедление в их осуществлении ведут к ужасам белого террора.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 561.
[2] Там же, стр. 333.

В этой связи характерно следующее место из беседы Маркса, состоявшейся 3 июля 1871 г., с корреспондентом газеты «Уорлд». Последний высказал предположение, что в Англии приход рабочего класса к политической власти мог бы быть достигнут не путем насильственной революции. На это позволяет надеяться английский метод агитировать на митингах и в печати до тех пор, пока меньшинство не обратится в большинство. «Я в этом пункте не так оптимистичен, как Вы,— возразил ему Маркс.— Английская буржуазия всегда проявляла готовность принять решение большинства, пока она монопольно распоряжалась правом голоса. Но поверьте, что в тот момент, когда она окажется в меньшинстве по вопросам, которые она считает жизненно важными, мы будем иметь здесь новую войну рабовладельцев...»[1]

Спустя несколько месяцев Маркс изложил эту мысль уже в обобщенной форме: «Мы должны заявить правительствам: мы знаем, что вы — вооруженная сила, направленная против пролетариев; мы будем действовать против вас мирно там, где это окажется для нас возможным, оружием — когда это станет необходимым»[2].

Позднее, в конце 70-х годов, Маркс снова обратится к этой существенной проблеме. ««Мирным» историческое развитие может оставаться лишь до тех пор,— напишет он,— пока те, кто в данном обществе обладает властью, не станут путем насилия препятствовать этому развитию. Если бы, например, в Англии и в Соединенных Штатах большинство в парламенте или в конгрессе получил рабочий класс, то он мог бы законным путем устранить стоящие на пути его развития законы и учреждения, да и то лишь в той мере, в какой это вызывается общественным развитием. И все-таки «мирное» движение превратилось бы в «насильственное», столкнувшись с *сопротивлением* заинтересованных в старом порядке, а если эти последние оказываются побежденными силой (как в американском движении и французской революции), то они восстают против «законной» силы»[3].

Особое место в исследованиях Маркса и Энгельса того времени занимали вопросы диалектико-материалистического понимания истории[4]. Конкретно это проявлялось прежде всего в интересе к проблеме государства, который диктовался как потребностью обобщить историческое творчество Коммуны, так и необходимостью дать ответ на практические нужды текущей политической борьбы пролетариата. В «Гражданской войне во Франции», а также в набросках к ней Маркс

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 637.
[2] Там же, стр. 649.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 45, стр. 142.
[4] Подробнее см.: «Карл Маркс. Биография». М., 1968; «Фридрих Энгельс. Биография». М., 1970; «Энгельс—теоретик». М., 1970, гл. III; *Г. А. Багатурия*. Первое великое открытие Маркса (формирование и развитие материалистического понимания истории).— «Маркс—историк». М., 1968.

дал непревзойденный по глубине анализ становления политической, государственной надстройки над капиталистической системой производственных отношений.

Гигантский аппарат управления и насилия, опутывающий, как спрут, общественный организм своими многочисленными щупальцами — бюрократией, полицией, постоянной армией, духовенством и судейским сословием, подчеркивал он, существует со времени абсолютной монархии. Централизованная государственная власть должна была тогда служить нарождавшемуся буржуазному обществу мощным оружием в борьбе за освобождение от феодализма. Французская революция XVIII в., поставившая задачу вымести вон средневековый хлам сеньориальных, местных, городских и провинциальных привилегий, не могла не очистить одновременно общественную почву от последних помех, которые еще задерживали полное развитие централизованной государственной власти с ее вездесущими органами, построенными по принципу иерархического разделения труда.

При буржуазно-парламентских режимах усилилась борьба за контроль над государственной машиной между конкурирующими фракциями господствующего класса или классов, которых непреодолимо влекли к управлению предоставляемые им выгоды, возможность использовать государственную власть в своих интересах. При этом они всеми способами стремились затушевать классовую природу государства, изобразить его как некую беспристрастную силу.

По мере того как экономический прогресс общества умножал ряды рабочего класса, увеличивал его бедствия, что способствовало росту сопротивления и развитию в пролетариях стремления к освобождению, государство все откровеннее проявляло себя как орудие классового деспотизма, как политическая машина порабощения производителей богатства теми, кто его присваивает. В наиболее крайней форме это проявилось во времена бонапартистской империи, когда «вся мерзость капиталистического строя, внутренние тенденции которого получили полный простор, беспрепятственно выступила наружу»[1]. «Эта последняя форма правительственной власти была вместе с тем ее наиболее проституированной формой, бесстыдным грабежом государственных средств бандой авантюристов, рассадником огромных государственных долгов, венцом растленности, искусственной жизнью, полной лживого притворства. Правительственная власть со всей ее мишурой, покрывающей ее сверху донизу, погрузилась в грязь»[2].

Из анализа развития государственной надстройки, принципиально новым типом которой — как по форме, так и по содержанию — была Парижская Коммуна, Маркс сделал теоретические выводы,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 600.
[2] Там же.

имевшие основополагающее значение для стратегии революционного пролетариата. Коммуна полностью подтвердила сделанный Марксом на основе уроков революций 1848—1849 гг. вывод о необходимости слома буржуазной государственной машины как предпосылки социального освобождения рабочего класса. «...Рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей,—подчеркнул Маркс, обобщив опыт Коммуны.— Политическое орудие его порабощения не может служить политическим орудием его освобождения»[1]. Революция в Париже и деятельность Коммуны позволили конкретизировать и развить это важнейшее положение марксистской теории.

Не ограничиваясь констатацией общего, принципиального отношения к буржуазной государственной машине, К. Маркс уже тогда поставил вопрос о дифференцированном подходе к разным элементам государственной структуры. «Задача,— писал он,— состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества»[2].

Характерно, что к угнетательским органам Маркс относил не только орудия материальной власти прежнего правительства (постоянное войско, полиция и т. д.), но и средства духовного угнетения. Он весьма высоко оценивал усилия Коммуны, направленные на отделение церкви от государства, коренную демократизацию школьного образования и раскрепощение науки.

Отсечение того, что Маркс называл «худшей стороной» буржуазного государства, открывает дополнительные возможности для эффективного использования после пролетарской революции тех его органов, которые занимаются необходимой обществу работой и соответствуют потребностям его развития.

Впоследствии классики марксизма не раз возвращались к этой проблеме. В 1883 г. Энгельс, излагая коренные положения марксистского учения о государстве, писал: «...класс пролетариев должен прежде всего овладеть организованной политической властью государства и с ее помощью подавить сопротивление класса капиталистов и организовать общество по-новому... Правда, это государство требует значительных изменений, прежде чем оно сможет выполнять свои новые функции»[3].

Очевидно, что характер и масштабы таких изменений могут варьироваться в зависимости от конкретной ситуации в той или иной стране. Но суть изменений в государственном механизме, как следует из всей совокупности работ Маркса и Энгельса, повсюду зак-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 597.
[2] Там же, стр. 344.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 9.

лючается в отсечении репрессивных органов, с одной стороны, и демократизации общественно необходимых — с другой.

Слом буржуазной государственной машины и создание пролетариатом новой системы политической власти Маркс рассматривал в тесной связи с более широкой проблемой — отмирания государства. Характеризуя конкретные действия Коммуны, он определял их как процесс обратного поглощения «государственной власти обществом, когда на место сил, подчиняющих и порабощающих общество, становятся его собственные живые силы; это переход власти к самим народным массам, которые на место организованной силы их угнетения создают свою собственную силу...»[1].

На эту сторону дела обратил внимание и Энгельс во «Введении» к «Гражданской войне во Франции», направленном, в частности, против суеверного почтения к буржуазному государству, получившего распространение и в среде социал-демократии, против представления, «будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, то есть через посредство государства и его награжденных доходными местечками чиновников»[2].

В то же время Марксов подход к вопросу об отмирании государства не имел ничего общего с карикатурно упрощенческими формулами анархистов насчет «отмены» государства. Маркс отдавал себе отчет в том, что такое отмирание может быть лишь результатом длительного развития.

С этим подходом непосредственно связано и дальнейшее углубление Марксом и Энгельсом анализа проблемы диктатуры пролетариата. Опираясь на опыт Коммуны, они доказали, что пролетарская революция, установление политического господства рабочего класса не могут сразу устранить эксплуататорские классы и единовременным актом изменить отношения собственности. Наличие и после революции эксплуататорских классов, необходимость коренного преобразования общественных отношений превращают диктатуру пролетариата в гаранта успешного строительства социалистического общества.

Коммуна дала Марксу живой конкретный материал, позволивший проследить, как проявляется в жизни, в новых государственных формах демократическая сущность диктатуры пролетариата. Коммуна, отмечал Маркс, представляла по своему составу широкие слои трудящихся, была плотью от плоти трудового Парижа. Ее органы состояли из «рабочих или признанных представителей рабочего класса»[3]. Их ответственность перед избирателями, ликвидировав возможность создания обособленной чиновничьей касты, порождала новые условия функционирования государственного аппарата. Ор-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 548.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 200.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 342.

ганы Коммуны — комиссии, вооруженные силы, народная милиция, суды — были созданы в результате революционной инициативы масс, являлись результатом их творческой активности, направленной на решение проблем, поставленных самой жизнью. И хотя коммунары пытались обосновать свои действия в рамках старых законов и традиций, на деле новая власть с ее учреждениями, взрывая эти законы и традиции, опиралась на авторитет и силу революционных масс, и без их поддержки, без их вовлечения в решение всех — и крупных и мелких — вопросов они были бы бессильны.

Таким образом, массы, старательно устранявшиеся от управления при всех формах буржуазного государства, теперь создали правительство, которое не только действовало в интересах народа, но и все функции которого осуществлялись народными массами. Коммуна не только формально, но и на практике сделала народные массы, прежде всего рабочий класс, хозяевами своей собственной судьбы, субъектом суверенной власти.

Вместе с тем опыт Коммуны убедительно свидетельствовал о том, что широкий демократизм диктатуры пролетариата не исключает, а, напротив, предполагает создание государственных институтов, способных защитить завоевания народа и подавить контрреволюцию достаточно «авторитарными» мерами.

После Коммуны, в процессе дальнейшего осмысления проблемы диктатуры пролетариата, окончательно формулируется марксистское понятие переходного периода от капитализма к социализму. Уже в «Набросках «Гражданской войны»» Маркс зафиксировал положение о том, что создание новых форм общественного производства — процесс длительный и сложный. «Эта работа возрождения,— писал он,— будет снова и снова замедляться и задерживаться сопротивлением традиционных интересов и классовых эгоизмов»[1].

Вся сложность самого приступа к переустройству общества, а следовательно, и необходимость для этого пролетарского государства стали очевидными уже в ходе социальных преобразований, которые начала осуществлять Коммуна и которые были — одни более, другие менее — успешными. Маркс писал в этой связи: «Рабочий класс не ждал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять par décret du peuple готовые и законченные утопии. Он знает, что для того чтобы добиться своего освобождения и вместе с тем достигнуть той высшей формы, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать продолжительную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей»[2].

Процесс развития идеи переходного периода и дальнейшего осмысления исторической роли диктатуры пролетариата можно про-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 553—554.
[2] Там же, стр. 347.

следить также по Марксову конспекту книги Бакунина «Государственность и анархия», в котором Маркс как бы отвечает на анархистскую интерпретацию опыта Коммуны. Бакунин высказывал недоумение по поводу того, что означает выражение «пролетариат, *возведенный на степень господствующего сословия*», спрашивая, над кем он будет господствовать. В этой связи Маркс писал: «Это значит, покуда существуют другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старая организация общества), он должен применять меры *насилия*, стало быть, правительственные меры...»[1]

Классическая формулировка задач переходного периода и диктатуры пролетариата как государства этого периода была дана Марксом позднее в «Критике Готской программы».

В это же время классики марксизма нашли также ключ к определению исторического места диктатуры пролетариата в процессе развития государства. Полемизируя с бакунистами, Маркс и Энгельс писали в 1872 г.: «...после того как цель пролетарского движения — уничтожение классов — достигнута, государственная власть, существующая для того, чтобы держать огромное большинство общества, состоящее из производителей, под гнетом незначительного эксплуататорского меньшинства, исчезает, и правительственные функции превращаются в простые административные функции»[2]. Государство отмирает.

Уроки Парижской Коммуны позволили Марксу и Энгельсу внести существенный вклад в разработку проблемы союзников рабочего класса в пролетарской революции. Будучи первым опытом диктатуры пролетариата, Коммуна вместе с тем решала важнейшие общенациональные задачи — ликвидации последствий существования вконец прогнившего режима империи, защиты свободы и независимости страны. И в этом отношении интересы рабочего класса совпадали с интересами средних слоев тогдашнего французского общества.

При виде бедствий, обрушившихся на Францию в результате войны, при виде переживаемого ею кризиса — национального крушения и финансового разорения — эти слои чувствовали, «что не растленный класс, претендующий на роль рабовладельцев Франции, а единственно лишь отважные устремления и геркулесова сила рабочего класса могут принести спасение!»[3]. Они сознавали, «что лишь рабочий класс может... превратить науку из орудия классового господства в народную силу, превратить самих ученых из пособников классовых предрассудков, из честолюбивых государственных паразитов и союзников капитала в свободных тружеников мысли!»[4].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 611.
[2] Там же, стр. 45.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 559.
[4] Там же.

Это нашло отражение в реальном поведении соответствующих социальных групп. «Впервые в истории,— писал по этому поводу Маркс,— мелкая буржуазия и средняя буржуазия открыто объединились вокруг рабочей революции и провозгласили ее единственным средством своего собственного спасения и спасения Франции! Они образуют вместе с рабочими основную массу национальной гвардии, они заседают с ними в Коммуне, они играют роль посредника в интересах рабочих в Республиканском союзе!»[1]

В свою очередь и Коммуна многое сделала, чтобы облегчить положение промежуточных социальных слоев, попавших в кабальную зависимость от крупной буржуазии — «класса-кредитора»[2]. Коммуна вновь подтвердила необходимость и создание в ходе пролетарской революции союза между рабочим классом и крестьянством. Конкуренция крупных сельских хозяев, многочисленные налоги, ростовщичество, ограбление крестьянина с помощью судебной системы, опутывающей его со всех сторон, низвели его, отмечал Маркс, до положения индийского райята. Экспроприация крестьянина стала повседневным фактом. От пролетария, подчеркивал Маркс, крестьянина отделял «не его действительный интерес, а вводящий его в заблуждение предрассудок»[3].

Коммуна же являлась единственной властью, которая, если бы она удержалась, могла, даже в тогдашней экономической обстановке, кардинально улучшить положение крестьян; она представляла собой единственную форму правления, способную обеспечить преобразование экономических условий их существования, спасти их, с одной стороны, от экспроприации крупными землевладельцами и избавить от каторжного труда и нищеты, на которые они были обречены,— с другой. Коммуна могла бы превратить номинальную собственность крестьянина на землю в действительную собственность на плоды его труда, сочетать выгоды современной для того времени агрономии, вызванной к жизни общественными потребностями, но постоянно выступающей по отношению к крестьянину как враждебная сила, с сохранением его положения действительно независимого производителя[4]. Она освободила бы сельского труженика от произвола властей — полиции, жандарма и префекта, «заменила бы отупляющего его ум священника просвещающим его школьным учителем»[5].

Иными словами, Коммуна имела полное право объявить крестьянам, что «ее победа — их единственная надежда!»[6]. Поэтому-то отъявленные враги Коммуны так боялись свободного сообщения между Парижем коммунаров и провинцией. Поэтому-то они так трусливо

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 558.
[2] См. там же.
[3] Там же, стр. 557.
[4] См. там же, стр. 556 и сл.
[5] Там же, стр. 349.
[6] Там же, стр. 348.

спешили «окружить Париж полицейской блокадой, чтобы помешать распространению заразы»[1].

Постановка Марксом и Энгельсом проблемы союзников рабочего класса в пролетарской революции стала исходным пунктом для разработки В. И. Лениным учения о союзниках пролетариата — одной из важнейших составных частей ленинизма.

Успехи Коммуны, а затем ее поражение с особой остротой выдвинули вопрос о взаимоотношениях народа и армии. Конкретное развитие событий показало всю его сложность. Малочисленность правительственных войск в осажденной столице стала фактором, существенно облегчившим конституирование Коммуны; победе народа способствовал также переход части войск на сторону парижских трудящихся. В то же время именно силами регулярной армии Коммуна была потоплена в крови. Величайшая заслуга основоположников марксизма состояла в том, что они сразу же обратили серьезное внимание на эту сторону дела и дали толчок дальнейшим теоретическим изысканиям в данной области. Маркс, например, придавал большое значение замене армии в Париже Национальной гвардией, состоявшей в основной массе из рабочих. «Этот факт,— писал он,— надо было превратить в установленный порядок, и заменить постоянную армию, которая защищает правительство и направлена против народа, национальной гвардией больших городов, то есть народом, вооруженным, чтобы не допустить правительственной узурпации»[2].

В дальнейшем проблема вооруженного народа, взаимоотношений между армией и революционными пролетарскими массами нашла свое развитие как в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, так и в трудах их великого продолжателя В. И. Ленина, а также в последующей марксистской литературе.

Будучи сама по себе политическим действием высшего типа, Коммуна явилась практическим опровержением тактики политического абстенционизма, которой придерживались прудонисты и которая затем была взята на вооружение сторонниками Бакунина. «Воздержание от политики,— отмечал Ф. Энгельс осенью 1871 г.,— совершенно невозможно в особенности после Парижской Коммуны, поставившей в порядок дня политическое действие пролетариата»[3].

Поскольку революция представляет собой высший акт политики, «тот, кто стремится к ней, должен признавать и средства, политические действия, которые подготовляют революцию, которые воспитывают рабочих для революции и без которых рабочие на другой день после битвы всегда будут одурачены...»[4].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 350.
[2] Там же, стр. 601.
[3] Там же, стр. 421.
[4] Там же.

Проповедовать рабочим воздержание от политики означало бы толкать их в объятия буржуазной политики.

Полемизируя против утверждений, будто всякое политическое действие равносильно признанию существующего порядка, Ф. Энгельс говорил: «...раз этот порядок дает в наши руки средства для борьбы против него, то использование этих средств не означает признания существующего порядка»[1].

Действительная проблема состоит не в том, нужно ли заниматься политикой, а в том, как и какую политику проводить.

«...Рабочая партия не должна плестись в хвосте той или иной буржуазной партии, а должна конституироваться как партия независимая, у которой своя собственная цель, своя собственная политика»[2].

Формы же политического действия, как отмечали классики марксизма, могут быть различными в зависимости от ситуации и характера практических задач, встающих перед рабочим классом. Не случайно спустя несколько месяцев после падения Парижской Коммуны Маркс, убедительно вскрывший пороки буржуазного парламентаризма, поставил перед Международным Товариществом Рабочих проблему всемерного использования пролетариатом и его организациями парламентских институтов. «...Не следует думать,— говорил он в сентябре 1871 г.,— что иметь в парламентах рабочих — маловажное дело. Если им зажимают рот, как это было с Де Поттером и Кастио, если их изгоняют, как это было с Мануэлем, то такие репрессии и нетерпимость оказывают сильное воздействие на народ; если же они, напротив, подобно Бебелю и Либкнехту, получают возможность говорить с парламентской трибуны, то к ним прислушивается весь мир; и в том и в другом случае это создает нашим принципам большую популярность... Правительства нам враждебны; необходимо давать им отпор всеми возможными средствами, которыми мы располагаем. Каждый рабочий, проведенный в парламент,— победа над ними, но выбирать надо настоящих людей...»[3]

Парижская Коммуна дала Марксу и Энгельсу богатейший материал для дальнейшей разработки проблемы интернационального характера рабочего класса, его движения и борьбы. На новом, более высоком уровне она подтвердила всеобщность и глобальность освободительных устремлений пролетариата и осуществляемых им эпохальных социальных преобразований.

Опираясь на этот материал и анализируя реальный ход событий, Маркс показал, что, возникнув в исторически обусловленной обстановке во Франции, Коммуна сразу же стала интернациональным явлением, ибо приступила к великому делу освобождения тру-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 422.
[2] Там же, стр. 421—422.
[3] Там же, стр. 647.

да, имеющему общемировое значение. Она действовала «в своих собственных интересах и в интересах человечества»[1].

«Если Коммуна,— писал Маркс в «Гражданской войне во Франции»,— была, таким образом, истинной представительницей всех здоровых элементов французского общества, а значит, и подлинно национальным правительством, то, будучи в то же время правительством рабочих, смелой поборницей освобождения труда, она являлась интернациональной в полном смысле этого слова»[2]. Не случайно «рабочий класс Европы и Соединенных Штатов Америки,— отметил Маркс,— сразу же приветствовал Коммуну как волшебное слово освобождения»[3].

Этот подлинный интернационализм Коммуны Маркс противопоставил шовинизму, который всегда был и остается важнейшим идейным орудием буржуазии. Он, как подчеркнул Маркс, анализируя поведение буржуазии накануне и в период Коммуны, «является средством увековечить, с помощью постоянных армий, международную борьбу и поработить производителей в каждой отдельной стране, натравливая их на их же братьев во всех других странах; шовинизм является средством помешать интернациональному сотрудничеству рабочего класса, которое является первым условием его освобождения»[4].

Поведение буржуазии во время Коммуны убедительно показало, что «национальное обличье» шовинизма — не более чем камуфляж, призванный скрыть нежелание отстаивать действительные национальные интересы своей страны. Оказавшись лицом к лицу с парижским пролетариатом, французские шовинисты безропотно приняли диктат иноземного завоевателя и пошли на предательство национальных интересов.

Исследуя эту сторону дела, Маркс пришел к выводу, имевшему непреходящее значение для последующего изучения стратегии правящего класса, особенно в условиях империализма и общего кризиса капитализма. «От подлинного патриотизма буржуазии — столь естественного для действительных собственников различных «национальных» имуществ,— писал он,— осталась одна лишь видимость вследствие того, что ее финансовая, торговая и промышленная деятельность приобрела космополитический характер. При аналогичных обстоятельствах это прорвалось бы наружу во всех странах так же, как прорвалось во Франции»[5].

На примере Парижской Коммуны стало особенно очевидно огромное практико-политическое значение проблемы соотношения стихийного и сознательного в общественном развитии. Единодушие в революционном порыве, проявленное парижскими рабочими 18 марта,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 554.
[2] Там же, стр. 350; см. также стр. 550.
[3] Там же, стр. 547.
[4] Там же, стр. 564.
[5] Там же.

обусловливалось тем, что перед ними стояла ясная, конкретная цель — свержение капитулянтского правительства и избрание Коммуны. Для утверждения власти пролетариата и осуществления колоссальной работы по переустройству общества одного лишь революционного энтузиазма оказалось недостаточно. Необходимо было, чтобы массами руководило знание, имелось идейное единство, основанное на научных принципах, пользующихся всеобщим признанием.

Однако основная масса коммунаров, состоявшая из приверженцев домарксовских форм социализма, отвергала саму возможность такого идейного единства, проявляла преклонение перед стихийностью или следовала за мелкобуржуазными республиканцами — неоякобинцами, которые не были вооружены подлинно научной теорией, пониманием коренных задач рабочего движения и умением применять наиболее эффективные средства их реализации. Все это, безусловно, было одной из существенных слабостей Коммуны, приведших к ее поражению.

История Коммуны весьма убедительно выявила значение организационного сплочения рабочих масс, и прежде всего их авангарда. Отсутствие такого сплочения ослабило эффективность многих мероприятий Коммуны, открыло бреши для подрывной деятельности ее противников, понизило ее сопротивляемость. Избранники парижского пролетариата, заседавшие в руководящем государственном органе — Совете Коммуны, оказались неспособными коллективно выработать и проводить единую политическую линию, которая выражала бы волю их класса и отвечала его великой исторической миссии. Не сумели добиться этого и коммунары — члены Международного Товарищества Рабочих, осознававшие гибельность отсутствия единства.

Естественно, что, опираясь на уроки Коммуны, классики марксизма сделали особый упор на необходимость формирования политических партий рабочего класса, вооруженных революционной научной теорией. Именно решению этой главной задачи Маркс и Энгельс подчинили свою практическую и идейно-теоретическую деятельность в международном рабочем движении.

НОВЫЕ УСЛОВИЯ БОРЬБЫ

Поражение Парижской Коммуны послужило сигналом для усиления репрессий против рабочего движения и его организаций, прежде всего против Международного Товарищества Рабочих. «Интернационал травят повсюду,— писал Энгельс,— все силы старого мира, суды военные и гражданские, полиция и пресса, ретрограды-помещики и буржуа соревнуются в преследованиях Интернационала, и на всем континенте вряд ли найдется такое место, где не пускались

бы в ход все средства, чтобы поставить вне закона это вселяющее ужас великое братство рабочих»[1].

В роли инициатора кампании по травле Интернационала выступило французское правительство. В июне 1871 г. министр иностранных дел Франции Фавр направил всем европейским властям циркуляр с призывом уничтожить Международное Товарищество Рабочих. Этот призыв немедленно был подхвачен канцлером германской империи Бисмарком. Меры, направленные на пресечение деятельности Интернационала, обсуждались во время встречи германского и австрийского императоров в августе — сентябре 1871 г. Вскоре к походу против Интернационала присоединились и правящие круги России, Италии, Испании, Дании и Бельгии[2]. Царское правительство предложило созвать международную конференцию для принятия согласованных мер против Товарищества Рабочих.

Реальным воплощением этих попыток поставить Интернационал вне закона были полицейские преследования. Во Франции связь с Международным Товариществом была объявлена преступлением, караемым тюремным заключением. В Испании министр внутренних дел издал приказ о роспуске секций Интернационала. Аналогичные меры были приняты в ряде других европейских стран. За запретами последовали действия: в Германии были отданы под суд члены Брауншвейгского комитета Социал-демократической рабочей партии, по обвинению в «государственной измене» заключены в тюрьму лидеры партии А. Бебель и В. Либкнехт. Весной 1871 г. прокатилась волна арестов в Испании, летом — осенью 1871 г.— в Италии. К длительному тюремному заключению приговорили руководителей секций Товарищества в Дании. В результате большинство секций Интернационала было вынуждено перейти на нелегальное или полулегальное положение. Кампания травли и гонений чрезвычайно усложнила деятельность Международного Товарищества Рабочих как широкой легальной организации.

Но степень организованности и боеспособность рабочего класса оказались достаточно высокими, чтобы существенно ослабить наступление объединенных сил европейской реакции. Зафиксированные в Уставе идеи классовой солидарности и пролетарского интернационализма прочно вошли в сознание членов Интернационала. Несмотря на репрессии, продолжался рост германской социал-демократической партии. До лета 1873 г. еще возникали и активно действовали в подполье секции Интернационала во Франции (особенно на юге страны); не удавалось разгромить организации Товарищества в Испании. Одно за другим следовали боевые выступления (стачки, политические манифестации) рабочего класса в ряде других стран Европы. Надежды господствующих классов на то, что разгром

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 480.
[2] *S. Bernstein*. First International and Great Powers.— «Science and Society», 1952, vol. XIV, N 3.

Коммуны положит конец организованному рабочему движению, не оправдались.

Поражение Коммуны не вызвало апатии или деморализации пролетариата. Коммуна подтолкнула развитие его сознания, поставила, как актуальные, насущные проблемы организации классовых сил, роли теории, идейного единства[1]. Уроки Парижской Коммуны сделали возможным дальнейший шаг по пути соединения научной теории с массовым рабочим движением. «Как передовой боец за социальную революцию, Коммуна,— писал В. И. Ленин,— снискала симпатии всюду, где страдает и борется пролетариат. Картина ее жизни и смерти, вид рабочего правительства, захватившего и державшего в своих руках в течение свыше двух месяцев столицу мира, зрелище геройской борьбы пролетариата и его страдания после поражения,— все это подняло дух миллионов рабочих, возбудило их надежды и привлекло их симпатии на сторону социализма»[2].

Однако воздействие Коммуны не было однозначным. В большинстве случаев оно вело к консолидации подлинно революционных сил, к существенному сдвигу в распространении идей научного коммунизма. В то же время под ее влиянием в рабочем движении происходит поляризация идейных течений. В Англии, где в 70-х годах окончательно формируется идеология и практика тред-юнионизма, реформистское направление становится преобладающим. В некоторых странах Латинской Америки, Испании и Италии растет влияние анархизма.

Вовлечение в массовое движение новых отрядов рабочего класса пытались использовать в своих целях бакунисты. Искаженно трактуя опыт Парижской Коммуны, они утверждали, будто этот опыт подтвердил анархистскую идею «социальной ликвидации», предусматривавшую немедленное уничтожение в ходе революции как государства, так и всего целостного общественного организма. Соответственно Коммуна трактовалась не как диктатура пролетариата, а как реализация федералистских идей. Игнорируя тот факт, что само создание Парижской Коммуны, т. е. захват власти рабочим классом, было высшим политическим актом, бакунисты изображали уроки Коммуны как отрицание необходимости для рабочего класса заниматься политикой; любое участие в политической деятельности они объявляли формой сотрудничества с буржуазной государственной системой.

В попытке заручиться поддержкой сознательных рабочих и укрепить свои позиции в Интернационале бакунисты апеллировали к пролетариату. Однако как в теории, так и на практике они посто-

[1] Воздействие опыта Коммуны на международное рабочее движение рассматривается в кн.: «Интернациональное наследие Парижской Коммуны». М., 1971; «Парижская Коммуна и марксизм». М., 1973.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 221—222.

янно подменяли рабочий класс «угнетенными низами», прежде всего люмпен-пролетариатом. Отсюда и методы, которые пропагандировали и применяли бакунисты: отрицание организации масс, подмена ее заговорщической деятельностью немногих избранных, неприятие революционного порядка и дисциплины.

Срывая «мелодраматические лохмотья» с программы бакунистов, Маркс и Энгельс писали, что она сводится к следующему:

«1. Все мерзости, которыми неизбежно сопровождается жизнь деклассированных выходцев из верхних общественных слоев, провозглашаются ультрареволюционными добродетелями.

2. Возводится в принцип необходимость развратить незначительное, тщательно подобранное меньшинство рабочих, к которым подыгрываются, отрывая их от масс путем таинственного посвящения, заставляя их участвовать в интригах и мошеннических проделках тайного руководства и внушая им, что дать волю своим «дурным страстям»— это значит потрясти до основания старое общество.

3. Главные способы пропаганды заключаются в том, чтобы привлекать молодежь фантастическими выдумками — измышлениями о размерах и могуществе тайного общества, пророчествами о неизбежности подготовленной им революции и пр.— и компрометировать в глазах правительств наиболее передовых людей из среды обеспеченных классов, чтобы затем эксплуатировать их в денежном отношении.

4. Экономическая и политическая борьба рабочих за свое освобождение заменяется *всеразрушительными* актами героев уголовного мира — этого последнего воплощения революции»[1].

Опасность для организованного рабочего движения анархизм, в том числе в бакунистской форме, представлял еще до Коммуны. Однако после ее поражения эта опасность многократно возросла. Анархисты мешали правильно оценить уроки побед и поражений. Они тормозили становление классового самосознания пролетариата, препятствовали перестройке стратегии и тактики рабочего движения в соответствии с изменившимися условиями. Практические акции анархистов ставили под удар передовую, наиболее активную часть рабочего класса, снабжали реакционеров аргументами для оправдания политики репрессий в отношении пролетарских организаций.

Опасность анархизма возрастала также в связи с тем, что как раз к началу 70-х годов в ряде стран его влияние стало проникать в массы. В одних случаях этому способствовали сравнительная молодость и невысокий уровень развития пролетариата, а также его недостаточная дифференциация от остальных «низов» эксплуататорского общества; в других — устойчивость антиэтатистских традиций, вызревших в процессе борьбы с феодальной и полуфеодальной госу-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 426.

дарственной машиной; в третьих — родство анархистских доктрин с популярными прежде мелкобуржуазными социальными утопическими учениями (например, прудонизмом). Нередко эти факты «сосуществовали».

Варьировалась и социальная среда, на которую опирался и воздействовал анархизм. Ее составляли подвергавшиеся пауперизации в ходе капиталистического развития представители мелкой городской буржуазии и ремесленников, полупролетарские и люмпен-пролетарские элементы, в том числе деклассированные выходцы из высших социальных групп. Система анархистских взглядов на социальную революцию как на стихийное романтическое действие привлекала часть интеллигенции, особенно интеллигентской молодежи, не приемлющей старых порядков, но весьма туманно представлявшей себе пути их радикального преобразования. В тех случаях, когда анархистам удавалось добиться влияния в рабочих массах, речь шла преимущественно о сравнительно недавно сформировавшихся пролетарских отрядах, не накопивших опыта классовой борьбы. Иногда, однако, анархисты вели за собой и отдельные отряды революционно настроенных рабочих, которые по той или иной причине оказались вне сферы воздействия научного пролетарского мировоззрения (Испания, особенно Каталония, Бельгия).

В зависимости от сочетания различных факторов модифицировались и формы мировоззрения анархистов — процесс, предопределивший их последующую дифференциацию. Так, на идеологию испанского анархизма значительное воздействие оказало то обстоятельство, что центром его распространения оказалась Каталония, одна из наиболее промышленно развитых областей страны[1]. Опыт классовой борьбы, накопленный здесь пролетариатом, делал невозможным распространение ряда основополагающих бакунистских догм. Вопреки принципиально отрицательному отношению теоретиков анархизма к «организации» на съездах секций Международного Товарищества Рабочих в Испании, где преобладали сторонники анархизма, в том числе в Барселоне в 1870 г., в Сарагосе в 1872 г., на конференции в Валенсии в 1871 г., шла речь о необходимости создания сплоченной, централизованной пролетарской организации. Соответствующая точка зрения нашла отражение в решениях этих форумов. Не находило отклика у испанских рабочих и отрицательное отношение бакунистов к стачечной борьбе. Характерно, что именно в эти годы начинается пропаганда всеобщей стачки как средства «социальной ликвидации».

В принципе отвергая политическую борьбу, испанские анархисты на практике постоянно оказывались перед необходимостью отступать от этого положения. При этом в качестве «теоретической лазейки» они широко использовали высказанное Бакуниным соо-

[1] См. *А. Гонсалес.* История испанских секций Международного Товарищества Рабочих. 1868—1873. М., 1964.

бражение, что члены Интернационала вправе участвовать в политической жизни на свой страх и риск как частные лица. Оно открывало возможность проведения политических акций, избегая формального нарушения доктрины.

Отрицая принципы государственности после «социальной ликвидации», испанские анархисты вместе с тем защищали тезис, что в будущем обществе существующую государственную машину надлежит заменить централизованной организацией производителей. При всей иллюзорности этой идеи она тем не менее означала заметный отход от бакунистского принципа о равнозначности «социальной ликвидации» распаду единого социального организма. В 1871—1872 гг. в Испании окончательно созревают и не полностью совпадавшие с ортодоксальным анархизмом анархо-коллективистские идеи передачи профессиональным организациям или объединениям рабочих данного предприятия права собственности на орудия и средства производства, а также на продукты труда.

Несколько иную трансформацию претерпели анархистские идеи в Италии[1]. Специфически пролетарские интересы оказали на них гораздо меньшее влияние. Значение экономической борьбы, в том числе стачек, всячески преуменьшалось. Они рассматривались преимущественно как средство «пробуждения» у рабочих революционного духа. Организации Международного Товарищества Рабочих трактовались исключительно как инструменты пропаганды и подготовки вооруженных выступлений. Идеи децентрализации и отрицания авторитетов воспринимались без всяких оговорок.

Опираясь на свои успехи в Испании, Италии и некоторых других странах, бакунисты ставили цель захватить господствующие позиции в Интернационале. Это выразилось в борьбе с идеями научного коммунизма, в нападках на руководство Товарищества, и прежде всего на К. Маркса. Наступление на идеи марксизма, на Генеральный Совет Бакунин и его сторонники сочетали с усилением тайной деятельности внутри Интернационала.

Используя свои давние связи с радикальной интеллигенцией, Бакунин развил в 1870—1872 гг. невиданную активность: он вербовал новых сторонников, организовывал выступления в печати, сплачивал анархистские силы, намечая для них единую тактику борьбы в Интернационале. Бакунин и его единомышленники действовали при этом не прямолинейно: нападки на уставные и программные принципы Международного Товарищества Рабочих, на деятельность Генерального Совета они сопровождали уверениями в верности социализму, оперируя также и документами Товарищества, решениями его конгрессов (чаще всего, естественно, в искаженном виде).

Еще в 1868—1869 гг. Бакунин создал так называемый тайный Альянс — засекреченную (в том числе и от Товарищества) сектант-

[1] См. *И. В. Григорьева.* Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966.

скую организацию заговорщического типа. Вопреки принципам, провозглашенным анархистами, она была крайне автократической. В бакунистском Альянсе царила строжайшая дисциплина, основанная на беспрекословном подчинении рядовых членов центру[1]. Именно на активизации этой организации Бакунин строил свою тактику — захват руководства местными секциями МТР, овладение органами печати.

Одновременно с бакунистами развернули раскольническую деятельность внутри Международного Товарищества Рабочих и реформисты. Под давлением буржуазной печати против безусловной поддержки парижских повстанцев выступили два члена Генерального Совета Интернационала, представлявшие в нем английских рабочих,— Оджер и Лекрафт (первый из них возглавлял в это время Лондонский совет тред-юнионов). Энгельс квалифицировал их поведение как предательство интересов пролетариата в «решительный момент»[2]. Это было недвусмысленным проявлением отхода от Международного Товарищества Рабочих известной части тред-юнионов и усиления реформистских тенденций внутри английских секций Товарищества.

ТОРЖЕСТВО МАРКСИСТСКИХ ПРОГРАММНЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

Необходимость закрепить в программных документах уроки Парижской Коммуны, уточнить задачи Интернационала в новых условиях, покончить с покушениями на единство международной пролетарской организации требовала созыва широкого форума, полномочного решать подобные вопросы. Но объективная обстановка делала невозможным созыв очередного конгресса Товарищества. Исходя из этого, Генеральный Совет по предложению Энгельса принял решение, опираясь на прецедент 1865 г., провести негласную конференцию с участием секций различных стран. В ходе ее подготовки Маркс и Энгельс определили основную проблему, вокруг которой следовало сконцентрировать внимание. Речь шла о необходимости создания политических партий рабочего класса[3]. Ставя этот вопрос, Маркс и Энгельс опирались на то, что осознание уроков Коммуны передовыми пролетариями делало возможным провозглашение данной задачи, начало ее практического решения. Действительно, вопрос «почему мы не были готовы, почему наша организация оказалась неэффективной?» неотвязно стоял перед каждым сознательным участ-

[1] Подробнее об этом см. т. I настоящего труда, стр. 584.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 387.
[3] Подробнее см.: «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871. Протоколы». М., 1965.

ником движения, подводил к восприятию важнейшего положения научного коммунизма, сформулированного Марксом и Энгельсом еще до революций 1848—1849 гг.,— необходимости объединения рабочих в самостоятельную политическую партию.

На конференцию, открывшуюся в Лондоне 17 сентября 1871 г., смогли прибыть лишь делегаты от Бельгии, Швейцарии, Испании и Англии. Германию, Италию, США, Ирландию и Францию представляли соответствующие секретари-корреспонденты Генерального Совета [1]. Тем не менее налицо были все течения, имевшиеся в Международном Товариществе Рабочих: последователи научного коммунизма, левые прудонисты, бакунисты, бланкисты, тред-юнионисты. Особый отпечаток на обсуждение рассматривавшихся вопросов наложило присутствие на конференции большой группы парижских коммунаров-эмигрантов, находившихся под живым впечатлением недавно пережитого [2].

Активное участие в работе конференции приняли Маркс и Энгельс. Это в значительной степени определило и ход дискуссии и характер принятых решений.

Горячие дебаты развернулись вокруг ключевого вопроса о «политическом действии пролетариата». Первоначальный проект соответствующей резолюции внес член Генерального Совета коммунар Э. Вайян. В нем предлагалось еще раз подчеркнуть, что «политический вопрос и вопрос социальный неразрывно связаны между собой, что они являются лишь двумя сторонами одного и того же вопроса... вопроса об уничтожении классов» [3].

Вайян призывал проявлять в политической борьбе такую же сплоченность, как и в экономической, обращал внимание на вред, нанесенный рабочему движению абстенционизмом прудонистов [4]. В то же время в предложении Вайяна явственно прослеживалась бланкистская недооценка легальной политической деятельности, в том числе использования парламента. Под словом «политика», разъяснял Вайян, он понимает «не бесплодную шумиху, сводящуюся к посылке какого-либо рабочего в парламент, ибо и самые парламенты должны быть уничтожены» [5].

Проект Вайяна подвергся ожесточенным нападкам со стороны анархистов. Их точку зрения выразил представитель Испании А. Лоренцо, который категорически отверг любое участие рабочего класса в политической борьбе, утверждая, будто сама эта идея «противоречит» духу Интернационала и букве его Устава. В противовес Вайяну Лоренцо предложил приступить к созданию международного объеди-

[1] См. «Лондонская конференция Первого Интернационала». М., 1936, стр. 168—169.
[2] См. «Первый Интернационал», ч. 2 (1870—1876). М., 1965, стр. 135 и сл.
[3] «Лондонская конференция Первого Интернационала», стр. 60.
[4] См. там же, стр. 74.
[5] Там же, стр. 60—66 и сл.

пения профессиональных союзов; по его словам, оно явилось бы лучшей формой боевой организации пролетариата, прообразом «будущей организации общества». Эта идея была поддержана коммунаром Делаэ, доказывавшим, что подобное международное объединение станет средством «административной децентрализации, создания подлинной Коммуны будущего»[1].

Сама по себе мысль о создании международной организации профессиональных союзов была плодотворной. Но, будучи противопоставлена идее политической организации пролетариата, она превращалась в собственную противоположность — в оружие не организации, а дезорганизации борьбы рабочего класса. Сопровождавшая это предложение характеристика профессиональных союзов как прообраза организационной структуры будущего общества свидетельствовала о зарождении в недрах анархизма новой формы, получившей впоследствии наименование анархо-синдикализма.

Полную несостоятельность позиций делегатов конференции — анархистов вскрыли Маркс, а затем Энгельс. Те, кто после Коммуны отрицает необходимость политической борьбы пролетариата, подчеркивали они, имея в виду и анархистов и тред-юнионистов, тем самым отказывают ему в завоевании политического господства — единственном средстве для достижения целей рабочего движения. Маркс и Энгельс раскрыли также принципиальное различие функций профессиональных и политических организаций рабочего класса.

Окончательный текст резолюции, отредактированной Марксом и Энгельсом, содержал отсутствовавшую у Вайяна формулировку: «... против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами». И далее: эта организация рабочего класса в политическую партию «необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов...»[2].

Резолюция, таким образом, четко определяла цели и пути борьбы рабочего класса, ясно отвечала на вставшие перед рабочим движением проблемы. К ней примыкали и другие решения конференции, они уточняли функции Генерального Совета, препятствовали созданию сектантских секций, требовали строгого соблюдения Устава. В целом организационная структура Товарищества приближалась к организации типа политической партии пролетариата.

Решения конференции получили одобрение большинства секций и газет Международного Товарищества Рабочих[3]. Тем более негативной оказалась реакция бакунистов. 12 ноября 1871 г. в Сонвилье

[1] См. «Лондонская конференция Первого Интернационала», стр. 46.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 427.
[3] См. там же, стр. 423—431.

собрались представители их организаций в Швейцарии. Они приняли обращение ко всем федерациям Интернационала — так называемый Сонвильерский циркуляр[1].

В Сонвильерском циркуляре, ставшем знаменем борьбы против идей научного коммунизма, объявлялась война «школе», требующей «завоевания политической власти рабочим классом». В противовес решениям Лондонской конференции об организационном укреплении Товарищества циркуляр требовал превращения Интернационала в «свободную федерацию» абсолютно автономных местных секций. Сомнению подвергались все главные организационные принципы: дисциплина, централизация организации, права и обязанности Генерального Совета. Анархистский догмат отрицания авторитета как формы взаимосвязи общества и индивида превращался в отрицание необходимости единой организации, имеющей центральные руководящие органы. Все это сопровождалось нападками на «диктаторство» и утверждениями о «разлагающем влиянии» Генерального Совета. Циркуляр требовал немедленного созыва внеочередного конгресса для пересмотра Устава и осуждения Генерального Совета.

Бакунистский центр в Швейцарии и сам Бакунин развернули бурную деятельность, целью которой было обеспечить себе в этой борьбе поддержку организаций Интернационала. Однако бакунистов поддержали лишь восемь юрских секций. В Италии идею созыва внеочередного конгресса одобрили несколько секций. Тон циркуляра вызвал недоумение даже у многих близких друзей Бакунина. Тем не менее за пересмотр Общего Устава в сторону усиления автономии секций, ослабления прав (и даже ликвидации) Генерального Совета и за отказ от участия в политической борьбе (впрочем, часто понимаемый как отказ от блокирования с буржуазными партиями) высказались Бельгийская и Испанская федерации, а также ряд местных секций в других странах. В то же время в самой Швейцарии требования бакунистов встретили решительный отпор в местных организациях. 2 декабря 1871 г. на собрании 30 женевских секций была принята резолюция, выражавшая полное доверие Генеральному Совету, одобрявшая решения Лондонской конференции и протестовавшая против раскольнической деятельности бакунистов[2]. 24 декабря с подобным же заявлением выступил Романский федеральный совет, а 27 января 1872 г.— цюрихские секции. Органы Товарищества «Тагвахт» и «Эгалитэ» начали активную кампанию против бакунистов, пропагандируя решения Лондонской конференции. Против бакунистов выступили Социал-демократическая рабочая партия Германии, австрийские секции, значительная часть английских и ирландских, секции в Дании, Франции, США, большая часть коммунаров-эмигрантов и т. д.

[1] «Circulaire à toutes les fédérations de l'Association Internationale des Travailleurs». Genève, 1871.
[2] «Egalité», 7.XII.1871.

В Испании вокруг Новой мадридской федерации, воспринявшей идеи марксизма, и ее печатного органа «Эмансипасион» объединились такие талантливые организаторы и публицисты, как Пабло Иглесиас, рабочий-самоучка Хосе Меса (первый переводчик трудов Маркса и Энгельса на испанский язык), сапожник Франсиско Мора. В Италии Генеральный Совет располагал поддержкой группы «Плебе» и в течение некоторого времени — Миланской секции. Несмотря на относительную малочисленность этих групп, их пропаганда создавала предпосылки для преодоления анархистского влияния. Большой вклад в укрепление связей Генерального Совета с Испанией и Италией внес Энгельс, избранный после Лондонской конференции секретарем-корреспондентом для обеих стран. Он установил контакты с представителями рабочих организаций и нашел опору для борьбы с бакунистами.

10 января 1872 г. Энгельс опубликовал в органе германской социал-демократии газете «Фольксштаат» статью «Съезд в Сонвилье и Интернационал», в которой опроверг клеветнические утверждения, будто Лондонская конференция и Генеральный Совет пытаются навязать Товариществу чуждые ему принципы. Энгельс показал, что уставным документам и самому духу Интернационала противоречат именно анархистские организационные положения, которые ведут к дезорганизации и расколу движения[1]. Особенно необходимы сплоченность и единство действий пролетариата в условиях наступления реакции, подчеркивал он. Статья последовательно отстаивала принципы пролетарской партийности.

В многочисленных письмах к своим соратникам в различных странах Маркс и Энгельс подвергли критике основные положения анархизма. Они разоблачали идеализм Бакунина, считавшего первоисточником эксплуатации государство и в связи с этим видевшего в его упразднении путь к ликвидации капитализма[2]; подчеркивали, что воздержание от политики толкает рабочих в объятия буржуазных республиканцев; раскрывали несостоятельность анархистского отрицания авторитетов. Энгельс писал: «...для борьбы необходимо соединить все наши силы в один кулак и сконцентрировать их в центральном пункте атаки. А когда мне говорят об авторитете и централизации как о двух вещах, заслуживающих осуждения при любых обстоятельствах, то мне кажется, что те, кто так говорит, либо не знают, что такое революция, либо являются революционерами только на словах»[3]. Маркс и Энгельс подвергли критике и другую сторону антиавторитарных теорий — отрицание необходимости пролетарской государственности. В письмах этого времени Энгельс впервые показал, что сами условия крупного машинного производства настоятельно

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 480.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 327—328; см. *Н. Ю. Колпинский*. Деятельность Ф. Энгельса в годы I Интернационала. М., 1971, стр. 175—176.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 317.

требуют государственного управления и регулирования. Он обращал также внимание на опыт Коммуны, подтвердивший необходимость принятия государством мер по борьбе с контрреволюцией.

В то же время Маркс и Энгельс работали над составлением развернутого ответа на нападки бакунистов. 5 марта 1872 г. Генеральный Совет утвердил как закрытый циркуляр написанную ими брошюру «Мнимые расколы в Интернационале». Само название говорит о том, что Маркс и Энгельс в это время еще считали возможным сохранение единства Товарищества.

Разъясняя членам Интернационала происхождение конфликта, Маркс и Энгельс показали, что бакунисты с момента вхождения в Товарищество стремились навязать ему принципы, противоречившие его основным программным документам. В то же время решения Лондонской конференции явились лишь логическим развитием идей, заложенных в Уставе и решениях конгрессов 1866—1869 гг. Подвергнув критике анархизм в целом, Маркс и Энгельс показали его противоположность теории научного коммунизма, подлинным интересам рабочего движения. В этом документе Маркс и Энгельс отметили, что бакунизм — возрождение социалистического сектантства, он возвращает движение к уже пройденному этапу [1].

В ходе идейной борьбы происходила все более четкая поляризация противостоявших друг другу направлений и в то же время их внутренняя консолидация. Печатный орган Юрской федерации превратился в рупор всего анархистского движения. В свою очередь вокруг Генерального Совета концентрировались силы, тяготевшие к научному коммунизму: часть бланкистов, эмигранты-коммунары, значительная часть русской и польской революционной эмиграции и т. д. Участие в борьбе с анархизмом стало для них важным этапом идейного формирования и приобщения к марксизму.

С лета 1872 г. в результате выявления новых обстоятельств идейная борьба в Интернационале осложнилась. Генеральным Советом была получена достоверная информация о том, что внутри Международного Товарищества Рабочих действует конспиративная международная организация бакунистов. В начале августа Маркс и Энгельс уже располагали рядом подлинных документов тайного Альянса [2], которые позволили им сформулировать следующий вывод: «Впервые в истории борьбы рабочего класса мы сталкиваемся с тайным заговором внутри самого рабочего класса, ставящим целью взорвать не существующий эксплуататорский строй, а Товарищество, которое ведет против этого строя самую энергичную борьбу. Это заговор, направленный против самого пролетарского движения» [3].

В подобных условиях дальнейшее пребывание бакунистов в Интернационале становилось нетерпимым. Позволить им по-прежнему

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 30—71.
[2] См. *Н. Ю. Колпинский*. Указ. соч., стр. 193.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 114.

действовать в рамках Товарищества значило бы дать возможность использовать популярное среди рабочих знамя Интернационала, его авторитет и славное прошлое в чуждых целях. Речь, таким образом, должна была теперь идти уже не только об идейном разгроме анархизма, но и об организационном размежевании с ним.

На первых порах эта необходимость была осознана далеко не всеми сторонниками Маркса и Энгельса в Интернационале. Последним пришлось затратить немало усилий для разъяснения смысла и неизбежности такой постановки вопроса, о чем, в частности, свидетельствуют их многочисленные письма.

Одновременно все более актуальное значение приобретала и борьба против реформистского искажения целей и задач организованного рабочего движения. После Коммуны основным противником научного коммунизма справа вместо потерпевшего идейный крах прудонизма становится тред-юнионизм, пустивший весьма цепкие корни в рабочем движении Англии. Определенные особенности развития (возросшая дифференциация пролетариата, сравнительно высокий удельный вес в нем прослойки высокооплачиваемых рабочих, социальные маневры правящего класса во времена «либеральной эры» Гладстона) привели здесь к широкому распространению реформистской идеологии. Ее характерными чертами были отказ от проведения самостоятельной пролетарской политики, отрицание социалистических целей движения и революционных форм борьбы.

Реформистская идеология не только господствовала в тред-юнионах, она оказала влияние и на членов Интернационала — англичан. После Лондонской конференции это выразилось в том, что значительная часть их стала трактовать резолюцию «О политическом действии рабочего класса» в сугубо либеральном духе, т. е. сводить политическую деятельность пролетариата лишь к проведению «рабочих» депутатов в парламент под эгидой и в союзе с Либеральной партией, осуществлению реформ, не затрагивающих классового господства буржуазии [1].

Вождем группы реформистов стал Дж. Хейлз. Одаренный оратор и неплохой организатор, он на протяжении ряда лет играл видную роль в английских секциях Интернационала и в Генеральном Совете. В дни Парижской Коммуны он активно участвовал в движении солидарности с нею. В отличие от Оджера и Лекрафта Хейлз не попал под влияние травившей коммунаров реакционной буржуазной печати. Однако после Лондонской конференции его расхождения с подлинно пролетарским ядром Генерального Совета стали проявляться все яснее, а дискуссии, вызванные этими расхождениями, окончательно выявили реформистскую сущность его позиции. К Хейлзу примкнул и ветеран рабочего движения, старый соратник Маркса и Энгельса И. Г. Эккариус. Занятая им позиция показала, насколько сложным был процесс усвоения уроков Коммуны, развития стратегии рабочего

[1] См. «Первый Интернационал», ч. 2, стр. 263.

движения: проделать его оказались не в состоянии даже некоторые безусловно искренние старые деятели рабочего движения.

Решительно противодействуя тенденции к сдвигу вправо, наметившейся в то время в рабочем движении Англии, Маркс и Энгельс уделяли особое внимание идейной борьбе в английских секциях Интернационала[1]. Они стремились отстоять знамя Международного Товарищества Рабочих, его программные установки как базу для конституирования в будущем самостоятельной пролетарской партии.

Одним из первых вопросов, выявивших размежевание между последовательно пролетарскими и реформистскими силами, был вопрос об ирландских секциях. По мере подъема рабочего движения в Ирландии, наметившегося после Парижской Коммуны, эти секции приобретали все большее влияние. Они возникали не только в Ирландии, но и (притом в большом количестве) в Англии, а также в Соединенных Штатах. Представленные в Генеральном Совете бывшим участником фенианского движения Д. П. Мак-Доннелом, они действовали в тесном контакте с Марксом и его сторонниками.

Важнейшая задача секций, объединявших ирландцев — членов Интернационала, состояла в том, чтобы в результате правильного сочетания борьбы за национальные и классовые цели пролетариата помочь высвобождению ирландских рабочих из плена националистических и религиозных предрассудков и тем самым втягиванию их в движение за социальное освобождение. В этих условиях от других организаций Интернационала требовалось особо бережное отношение к национальным чувствам ирландцев, крайне обостренным за столетия угнетения и дискриминации.

Реформистское крыло рабочего движения в Англии не только игнорировало это обстоятельство, но и зачастую проявляло по отношению к ирландцам национализм и шовинизм. В отдельных случаях это сказывалось в действиях, которые выглядели как прямое предательство братьев по классу. Так, весной 1872 г. Британский федеральный совет принял вопреки ходатайству соответствующей секции Интернационала решение отказать в помощи бастующим рабочим Корка. Аналогичную позицию в этом вопросе заняли и тред-юнионы.

Во время дискуссии в Генеральном Совете I Интернационала по ирландскому вопросу весной 1872 г. позиция Хейлза и его сторонников подверглась сокрушительной критике. Как подчеркнул в своем выступлении Энгельс, нельзя предавать забвению факт 700-летнего угнетения Ирландии, «и пока это угнетение существует, было бы оскорблением для ирландских рабочих требовать от них подчинения Британскому федеральному совету»[2]. Требование, чтобы ирландские

[1] См. *В. Э. Кунина*. Карл Маркс и английское рабочее движение. М., 1968, стр. 349—378.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18. стр. 75.

рабочие отказались от борьбы за независимость, пояснял он, не имеет ничего общего с Интернационалом, с принципами Товарищества. «Если члены Интернационала, принадлежащие к господствующей нации, призывают нацию, завоеванную и продолжающую оставаться в подчинении, забыть о своей собственной национальности и положении, «отбросить национальные разногласия» и т. д., то это не интернационализм, а не что иное, как проповедь подчинения гнету, попытка оправдать и увековечить господство завоевателя под прикрытием интернационализма...»[1]

Для критики реформистских взглядов, распространение которых не ограничивалось Англией, была использована и дискуссия по поводу национализации земли, развернувшаяся в Манчестерской секции. В докладе на эту тему Маркс в противоположность реформистам, сводившим задачи рабочего класса к чисто буржуазно-демократическим мерам, осветил проблему преобразований в сельском хозяйстве с точки зрения задач пролетарской революции и социалистического переустройства общества в целом. Подлинная цель рабочего движения, подчеркивал он, состоит в превращении земли и других средств производства в общественную собственность, в собственность «всей нации» (а не отдельных ассоциаций). Только на этой основе можно осуществить полную перемену в отношениях между трудом и капиталом, рационально организовать производство. Однако добиться построения общества, «состоящего из объединения свободных и равных производителей, занимающихся общественным трудом по общему и рациональному плану»[2], возможно только путем глубокой социальной революции и завоевания пролетариатом политической власти.

Против реформистского толкования политической борьбы была заострена состоявшаяся в Генеральном Совете дискуссия об американских секциях[3]. В 1871 — начале 1872 г. число последних резко увеличилось: их насчитывалось более 100. Одновременно росла их популярность, что побудило буржуазные элементы использовать знамя Интернационала для своей политической игры. В частности, на этот путь встали буржуазные политические деятельницы — феминистки Вудхалл и Клафлин, создавшие ряд небольших псевдопролетарских организаций, которые, не имея на то никаких оснований, провозгласили себя секциями Международного Товарищества Рабочих. Эти действия натолкнулись на решительное сопротивление истинных организаций Интернационала. Подлинно пролетарское ядро Генерального Совета поддержало их позицию. Напротив, Хейлз и Эккариус выступили против решительного размежевания с буржуазными «новообразованиями». В результате дискуссии по данному вопросу,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 75.
[2] Там же, стр. 57.
[3] См. «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1871—1872. Протоколы». М., 1965.

которая завершилась принятием решения Генерального Совета, Хейлз и его сторонники оказались изолированными.

В процессе борьбы против оппортунизма благодаря усилиям Маркса и Энгельса сплотились революционные участники английского рабочего движения (Джонс, Хейс, Лесснер, Дюпон, Мак-Доннел и др.). Это сказалось на результатах съезда британских секций Интернационала в Ноттингеме (20—22 июля 1872 г.), одобрившего решения Лондонской конференции 1871 г. Правда, в трактовке съездом проблемы создания политической партии рабочего класса ощущалось реформистское влияние. Но оно было в значительной мере преодолено на съезде в Манчестере (1—2 июня 1873 г.), принявшем резолюции о необходимости создания в Англии самостоятельной политической партии рабочего класса, о национализации всех средств производства, о провозглашении красного знамени символом Интернационала в Англии. В последней резолюции шла речь о праве рабочих на вооруженную борьбу, «если этого потребует необходимость»[1].

* * *

По уставу Международного Товарищества Рабочих, конференции не имели права вносить изменения в программные документы. Резолюции, принятые в Лондоне и изданные в качестве воззвания Генерального Совета, были, следовательно, лишь платформой для сплочения революционной части Интернационала и соответственно для размежевания с анархистской и реформистской идеологией. Важной задачей стало утверждение лондонских резолюций как части обязательной программы Интернационала. Ее разрешение определяло исходную точку всего последующего развития пролетарского движения.

С этой целью было решено созвать очередной конгресс Товарищества. С июня 1872 г. и Маркс и Энгельс отдавали этому все свои силы. Первоочередное внимание уделили они единству всех подлинно пролетарских сил в Интернационале. Под данным углом зрения проводились дискуссии в Генеральном Совете и его органе — Исполнительном комитете, как стал с июля 1872 г. именоваться Постоянный комитет. Эта тема доминировала и в публицистических выступлениях, и в переписке Маркса и Энгельса с их ближайшими соратниками.

Значительное место в ходе подготовки к конгрессу занимали организационные вопросы. В извещении о созыве конгресса говорилось: «Генеральный Совет... ставит в порядок дня как наиболее важный из вопросов, подлежащих обсуждению Гаагского конгресса — пересмотр Общего Устава и Регламента»[2].

[1] «Resolutions of the Manchester Congress. Report of the Second Annual Congress of the British Federation». London, 1873.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 88.

Пересмотра основополагающих документов Международного Товарищества Рабочих упорно добивались анархисты, стремившиеся децентрализовать Интернационал. В противовес им Маркс и Энгельс рассчитывали, что революционному пролетарскому ядру Товарищества удастся внести в Устав положения, отражавшие важнейшие решения Лондонской конференции, и, следовательно, укрепить организацию, оградив ее от раскольнической деятельности бакунистов.

Было очевидно, что борьба как по этому вопросу, так и по всей совокупности подлежащих обсуждению проблем будет крайне ожесточенной. Реалистически оценивая сложившуюся ситуацию, Маркс писал в США и Германию: «*На этом конгрессе речь будет идти о жизни или смерти Интернационала*»[1].

Официальное открытие конгресса произошло 2 сентября 1872 г. Несмотря на все сложности, связанные, в частности, с массовыми репрессиями против членов Интернационала, в Гаагу прибыло 65 делегатов из 15 стран. Среди них были представители Франции (эмигранты-коммунары, а также делегаты нелегальных секций в стране), Германии, Австро-Венгрии, Австралии, Соединенных Штатов, Англии, Испании, Италии, Дании, Голландии и т. д. В их числе находились люди, вписавшие немало славных страниц в историю международного рабочего движения: И. Ф. Беккер, В. Врублевский, Э. Вайян, И. Дицген, Э. Дюпон, Ф. А. Зорге, Дж. П. Мак-Доннел, П. Лафарг, Ф. Лесснер, Ш. Лонге, К. Фаркаш, Л. Франкель. Впервые на общем конгрессе присутствовали К. Маркс и Ф. Энгельс[2].

Острая борьба развернулась на конгрессе по всем вопросам, в том числе и по вопросу о полномочиях делегатов. В период между двумя конгрессами Генеральный Совет, отстаивая пролетарский характер организации, отказал в приеме ряду секций с ярко выраженными буржуазно-реформистскими чертами, с одной стороны, и левосектантскими — с другой. На конгрессе эти решения были оспорены как реформистами, так и анархистами. В свою очередь Маркс, Энгельс и их соратники при обсуждении мандатов подняли вопрос о недопустимости существования внутри пролетарской организации тайного союза, добивающегося своих собственных целей. «...В форме проверки мандатов были рассмотрены и решены почти все практические вопросы, занимавшие Интернационал в течение года. Большинством от 35 до 45 голосов против меньшинства в 12—20 делегатов, чаще всего воздерживавшихся от голосования, конгресс одобрил каждый отдельный шаг Генерального Совета, выражая ему раз за разом вотум доверия»[3],— писал Энгельс в газете «Фольксштаат».

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 413—414; см. также стр. 424.

[2] Подробнее см.: *А. Е. Коротеева*. Гаагский конгресс I Интернационала. М., 1963.

[3] «Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2—7 сентября 1872 г. (далее — «Гаагский конгресс...»). Отчеты и письма». М., 1972, стр. 70.

При обсуждении статей Регламента, касавшихся Генерального Совета, конгресс после бурных дебатов решительно отверг домогательства анархистов, направленные на упразднение Совета, и принял предложения, имевшие целью уточнение прав и обязанностей последнего, усиление организационного и идейного единства Товарищества.

Необходимость усилить полномочия Совета обосновали Маркс и Энгельс, уделив особое внимание его ответственности перед Товариществом. Их точка зрения нашла поддержку во многих ярких выступлениях. Ф. А. Зорге — один из организаторов секций Интернационала в Соединенных Штатах — говорил: «Гильом (швейцарский бакунист.— *Авт.*) хотел бы видеть Международное Товарищество Рабочих без головы, но этим он низводит его до степени низших животных. Мы хотим иметь не только голову, но голову с мозгом...»[1]

Критикуя антиавторитаризм бакунистов, один из редакторов германской социал-демократической газеты «Фольксштаат», А. Гепнер, заявил: «Здесь говорят против авторитета; мы тоже против какого-либо превышения прав, но известный авторитет, известный престиж всегда будут необходимы для сплочения партии. По логике подобные противники авторитета должны были бы уничтожить также и федеральные советы, федерации, комитеты, даже сами секции, ибо повсюду в большей или меньшей степени в них прибегают к авторитету; они установили бы полную анархию, то есть из боеспособного Интернационала сделали бы мещанскую партию в шлафроке и шлепанцах»[2].

Важнейшим решением конгресса было включение в Общий Устав резолюции Лондонской конференции 1871 г. «О политическом действии рабочего класса». В новой редакции она гласила: «В своей борьбе против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами. Эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов... Завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата»[3]. Это нанесло удар по реформистским взглядам на характер и задачи политической партии пролетариата.

Одновременно конгресс принял решение, в соответствии с которым Генеральному Совету поручалось выступить инициатором создания широкой международной организации профессиональных союзов.

[1] «Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2—7 сентября 1872 г. (далее — «Гаагский конгресс...»). Протоколы и документы». М., 1970, стр. 120.
[2] Там же, стр. 130—131.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 143.

В завершение своей работы конгресс по предложению Маркса, Энгельса и нескольких других членов старого Генерального Совета принял решение перенести его местопребывание на 1872—1873 гг. в Нью-Йорк[1]. Энгельс следующим образом объяснял этот шаг, показавшийся тогда неожиданным: «...наиболее активные члены прежнего Генерального Совета, вынужденные в последнее время посвящать все свое время Интернационалу, были уже не в состоянии это делать дольше. Маркс и Энгельс уже много месяцев тому назад сообщили своим друзьям, что продолжение их научных работ возможно для них только при условии выхода из Генерального Совета». При этих обстоятельствах в Генеральном Совете, если бы он оставался в Лондоне, могли взять верх две силы. Одна из них — «французские бланкисты (которых, правда, никогда не признавал сам Бланки), немногочисленная группа, у которой вместо осознания подлинного хода движения господствует революционная фраза, а вместо пропагандистской деятельности — мелкая возня с мнимыми заговорами, ведущая только к бесполезным арестам. Отдать этим людям руководство Интернационалом во Франции означало бы бессмысленно бросить наших людей в тюрьмы... На самом конгрессе представилось достаточно случаев убедиться, что члены Интернационала во Франции согласились бы на что угодно, только не на верховенство этих господ»[2]. Второй опасной силой Ф. Энгельс считал реформистских лидеров тред-юнионов, которым «сплоченное франко-немецкое большинство Генерального Совета не давало до сих пор развернуться»[3].

Единственное решение Гаагского конгресса, не вполне отвечавшее линии, намеченной Марксом и Энгельсом, касалось итогов расследования деятельности Альянса. И Маркс и Энгельс настаивали на его исключении из Международного Товарищества Рабочих, как организации, отвергнувшей программные и организационные принципы Интернационала и расколовшей международное рабочее движение[4]. Однако комиссия, избранная конгрессом, не успев разобраться в большом количестве документов и введенная в заблуждение показаниями бакунистов, не пришла к определенным выводам относительно существования тайного Альянса[5]. Она ограничилась предложением исключить из Интернационала Бакунина и Гильома за раскольническую деятельность, что и было сделано. Таким образом, хотя остальные решения конгресса ознаменовали победу программных и организационных принципов научного коммунизма, идейное поражение сектантства, вопрос об организационном размежевании с анар-

[1] После принятия данного решения бланкисты, до этого поддерживавшие позиции Маркса, демонстративно покинули конгресс.
[2] «Гаагский конгресс... Отчеты и письма», стр. 73.
[3] Там же, стр. 74.
[4] Там же, стр. 95.
[5] Доклад комиссии см. «Egalité», 20.XI.1872.

хистами решен не был. Они по-прежнему сохраняли возможность действовать внутри Интернационала и от его имени.

Гаагский конгресс явился важным событием в истории как Международного Товарищества Рабочих, так и мирового рабочего движения в целом. Конгресс завершил разработку программы Интернационала на основе идей научного коммунизма. Его резолюции определяли не только ближайшие задачи, но и общую перспективу борьбы рабочего класса, нацеливая его на завоевание политической власти, установление диктатуры пролетариата и построение бесклассового коммунистического общества.

Конгресс наметил задачу дальнейшего укрепления единства рабочего движения — достижение идейной сплоченности на базе научной теории. Наметил он и путь к решению этой задачи: создание самостоятельных политических партий рабочего класса в каждой стране. В противовес мелкобуржуазным по своей сущности антиавторитарным теориям анархистов конгресс развил и зафиксировал важнейшие принципы пролетарской партийности: сочетание централизации и определенной самостоятельности местных организаций, обязательность для всех общих решений, Устава, его строгое соблюдение, роль конгресса и избираемого им руководящего органа, недопустимость раскольнической деятельности и существования внутри Товарищества групп, стремящихся подчинить себе рабочее движение и навязать ему свои догмы.

Тем самым был сделан значительный шаг вперед в соединении научного коммунизма с рабочим движением. Последовательная борьба против анархизма, с одной стороны, и реформизма — с другой, создала необходимые предпосылки для победы марксизма в рабочем движении.

ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ С АНАРХИЗМОМ

Еще во время конгресса в Гааге наметилось дальнейшее сплочение анархистского лагеря под главенством бакунистов. Делегаты-анархисты регулярно созывали тайные совещания, приглашая на них реформистов из Британского федерального совета, а по окончании конгресса провели сепаратный митинг в Гааге. Сразу же после конгресса был созван съезд Юрской федерации, который отверг все решения Гаагского конгресса.

15 сентября 1872 г. в Сент-Имье открылся первый конгресс анархистов. В нем приняли участие четыре испанских бакуниста, участвовавшие в Гаагском конгрессе, два представителя Юрской федерации, шесть делегатов от Италии, два — от французских секций США. И хотя из 15 делегатов только шесть представляли признанные секции Товарищества, конгресс заявил, что выражает мнение «подлинного большинства» Интернационала.

В Сент-Имье были сформулированы организационные принципы нового объединения: конгрессы лишь фиксируют различные точки зрения, «навязывание большинством своей точки зрения меньшинству недопустимо», все решения Гаагского конгресса и полномочия Генерального Совета аннулируются. В особой резолюции были отвергнуты необходимость политической борьбы и создания самостоятельных партий рабочего класса, а также идея диктатуры пролетариата. В резолюции утверждалось, что: «1) ... первой обязанностью пролетариата является разрушение всякой политической власти; 2)... любая организация политической власти, якобы временной и революционной, имеющей целью осуществление этого разрушения, явилась бы лишь новым обманом и была бы так же опасна для пролетариата, как и все ныне существующие правительства»[1].

Конгресс призвал к установлению «непосредственных связей» между «свободными и автономными» федерациями для совместного выступления против Генерального Совета. Было провозглашено намерение созвать через полгода международный антиавторитарный конгресс[2].

Решения, принятые в Сент-Имье, сразу получили признание Юрской федерации, анархистских секций в Швейцарии и Италии. В Бельгии и Испании они вызвали острую идейную борьбу. В Испании на базе Новой мадридской федерации образовалась Новая испанская федерация, стоявшая на позициях Гаагского конгресса. Прежняя же Испанская федерация, за которой пошло большинство секций, поддержала решения конгресса в Сент-Имье. К этим решениям присоединилась и Бельгийская федерация.

Оценивая сложившуюся обстановку, Маркс и Энгельс писали, что раскол в Интернационале провозглашен[3]. Они рекомендовали Генеральному Совету просто констатировать, что все организации, отвергшие решения Гаагского конгресса и Общий Устав, сами поставили себя вне рядов Интернационала и фактически вышли из него. 30 мая 1873 г. Генеральный Совет принял соответствующее решение[4].

Одновременно К. Маркс и Ф. Энгельс опубликовали специальные работы, содержавшие всестороннюю критику анархизма. В статьях Маркса «Политический индифферентизм» и Энгельса «Об авторитете»[5] была вскрыта несостоятельность основных догм бакунистов:

[1] «Pacte d'amitié, de solidarité et de défence mutuelle», 1872.
[2] Одними из первых на призыв бакунистов откликнулись английские реформисты (см. письма Дж. Хейлза в анархистские газеты; «Internationale», 27.X.1872; «Bulletin de la Fédération jurasienne», 1. XII. 1872).
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 382.
[4] См. там же, стр. 653.
[5] При жизни Маркса и Энгельса эти статьи появились лишь в Италии. Впоследствии они сыграли важную роль как один из отправных моментов в развитии В. И. Лениным марксистского

отрицательного отношения к политической борьбе рабочего класса, проповеди крайнего индивидуализма, абсолютной свободы от всякого «авторитета», под которым понималось как государство (в том числе пролетарское), так и любая организация (включая рабочую партию), и т. д. Маркс и Энгельс показали мелкобуржуазную классовую природу подобных взглядов, их органическую связь с обыденным сознанием мелкого производителя-собственника, отражающим его страх перед развитием крупной промышленности, реакционное по своей сути стремление отстоять призрачную независимость, подрываемую централизующими тенденциями общественного развития. Энгельс подчеркивал, что создание крупного производства представляет собой прогрессивное явление и что после ликвидации капитализма развитие промышленности неизбежно повлечет за собой централизацию, усиление «авторитета», необходимого для координации действий производителей. «...Комбинированная деятельность, усложнение процессов, зависящих друг от друга, становятся на место независимой деятельности отдельных лиц. Но комбинированная деятельность,— подчеркивал он,— означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?» [1] И далее: «Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности — уничтожения паровой прядильной машины, чтобы вернуться к прялке» [2].

Социалистическая революция, провозвестниками которой объявили себя анархисты, констатировал Ф. Энгельс, сама по себе является авторитарным актом, когда «часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных». Ссылаясь на опыт Коммуны, он указывал, что без «авторитета» вооруженных революционных масс победивший пролетариат не сможет удержать своего господства [3]. Все изложенное подводило к выводу: «Или антиавторитаристы сами не знают, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу. Или они это знают, и в этом случае они изменяют движению пролетариата. В обоих случаях они служат только реакции» [4].

Большое значение для разоблачения теории и практики анархизма имела написанная Марксом, Энгельсом и Лафаргом брошюра «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». В брошюре документально подтверждался факт существования тайного бакунистского Альянса, раскрывалась вся

учения о государстве и революции. В. И. Ленин законспектировал эти работы по публикации в «Neue Zeit» (см. Ленинский сборник XIV, стр. 340—346) и затем использовал в таких капитальных трудах, как «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 303.

[2] Там же, стр. 304.

[3] Там же, стр. 304—305.

[4] Там же стр. 305.

неприглядность его раскольнической деятельности, неприемлемость для пролетарских революционеров методов его действий. В ней была вскрыта несостоятельность анархистских представлений о будущем обществе как примитивно уравнительном в духе «казарменного коммунизма». Авторы продемонстрировали принципиальное отличие марксистского подхода к проблеме единства действий рабочего класса от того, который свойствен анархистам. «Члены Интернационала,— указывалось в брошюре,— стараются создать это единство путем пропаганды, дискуссий и открытой организации пролетариата,— Бакунину же требуется только тайная организация сотни людей, привилегированных представителей *революционной идеи*... Единство мысли и действия (по Бакунину.— *Авт.*) означает не что иное, как догматизм и слепое повиновение»[1].

В своей статье «Бакунисты за работой» Энгельс, опираясь на фактический материал, критически проанализировал вторую (после Лионского восстания 1871 г.) попытку сторонников Бакунина претворить в жизнь свои планы во время кантоналистского восстания 1873 г. в Испании. Он показал, что, будучи примененной на практике, авантюристическая тактика бакунистов неизбежно ведет к поражению рабочего движения, неудаче общедемократических преобразований. С полным основанием Энгельс отметил, что в Испании бакунисты дали «неподражаемый образчик того, как *не* следует делать революцию»[2].

В то же время в статье содержались важные соображения относительно объективных предпосылок пролетарской революции, необходимости для рабочего класса участвовать в буржуазно-демократических революциях, возможности образования временного революционного правительства с участием в нем представителей рабочего класса, подхода к восстанию как искусству.

В работах Маркса и Энгельса, таким образом, была дана уничтожающая критика анархистской доктрины в целом. Эти работы внесли существенный вклад в развитие теории научного коммунизма, способствовали дальнейшей консолидации его сторонников и сыграли важную роль в постепенном отходе от анархизма ряда деятелей, занявших впоследствии заметное место в социалистическом рабочем движении.

Тем временем анархисты не прекращали своих действий, имевших целью захват руководства рабочим движением. Об этом наглядно свидетельствовала их встреча в Женеве, состоявшаяся в сентябре 1873 г. Участники этой встречи объявили ее очередным конгрессом Интернационала, хотя ни формально, ни по существу к нему не принадлежали. Созданная ими новая организация продолжала и в дальнейшем именовать себя Международным Товариществом Рабочих, что косвенно отражало огромный престиж, завоеванный Интернационалом

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18 стр. 342.
[2] Там же, стр. 474.

в рабочем движении. Провозгласить создание второй международной организации рабочих, противопоставляющей себя Интернационалу, означало обречь ее на изоляцию. Анархистские организаторы раскола не могли не отдавать себе отчета в том, что откровенный отказ от наследия Интернационала, к чему они в действительности стремились, шел вразрез с опытом рабочих масс, который именно благодаря Интернационалу уже вошел в плоть и кровь движения.

На Женевском конгрессе присутствовали не только представители анархистов Голландии, Бельгии, Швейцарии, Италии, Испании, Франции, но и английские реформисты Хейлз и Эккариус. Приветствие конгрессу направили лассальянцы[1]. В основе этого беспринципного блока лежала враждебность к марксизму. Принятый в Женеве устав упразднял Генеральный Совет и лишал конгрессы права принимать обязывающие решения. Отрицание авторитетов было воплощено в жизнь.

Как и на последующих конгрессах (в Брюсселе в 1874 г., в Берне в 1876 г., в Вервье в 1877 г.), в Женеве проявились существенные расхождения во взглядах. Преобладающим влиянием пользовалось анархо-синдикалистское, или «анархо-коллективистское», направление. Оно выдвигало требование передачи собственности в руки производственных объединений трудящихся, которые бы осуществляли контроль за равным распределением продуктов и выступали как прообраз общественной организации будущего. Большие надежды связывали анархо-синдикалисты со всеобщей стачкой. Однако на конгрессах были представлены и защитники частной собственности (эпигоны прудонизма), «мирные» анархисты, считавшие первоочередной задачей революцию в индивидуальном сознании, и приверженцы анархо-коммунизма, отстаивавшие идею передачи обществу права собственности и распределения продуктов. Два последних направления постепенно упрочивались.

В то же время по мере развития рабочего движения усиливалась тенденция к преодолению догм анархизма и отходу от него ряда деятелей. На Брюссельском конгрессе эта тенденция нашла отражение в докладе С. Де Папа «Об организации будущего общества». Стараясь найти выход из противоречия между анархистским отрицанием общества, как такового, и идеями анархо-коммунизма, Де Пап заявил, что организация будущего общества необходима, что это будет «рабочее государство», сосредоточившее в своих руках «общественные службы»: суд, полицию, здравоохранение, социальное обеспечение, средства связи, капитальное строительство и т. д.[2] Позиция этого видного деятеля рабочего движения являлась свидетельством не толь-

[1] «Compte-rendu officiel de Sixième Congrès Général de l'Association Internationale des Travailleurs». Le Locle, 1874, p. 63.
[2] *Де Пап.* Общественная служба в будущем обществе. Пг., 1919. См. также протоколы конгресса: «Compte-rendu officiel de VII-e Congrès Général de l' Association Internationale des Travailleurs tenu à Bruxelles». Verviers, 1874.

ко его личного возвращения к подлинно пролетарской революционности, но и углубляющегося кризиса анархистской идеологии. На последующих конгрессах некоторые бельгийские, французские и даже итальянские делегаты отказались от огульного отрицания политической деятельности пролетариата и осуждения социал-демократических партий.

Идейные разногласия среди анархистов, отход от анархизма значительных масс рабочих (на севере Италии, в Бельгии, во Франции, в меньшей степени в Испании) привели к распаду анархистского международного объединения. В 80—90-х годах анархисты созывали конференции, однако оживить движение не смогли. Как организованная международная сила анархизм исчерпал себя, хотя в ряде стран анархо-синдикалистское движение пустило сравнительно глубокие корни.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Процессы, происходившие в первой половине 70-х годов в самом рабочем движении, с одной стороны, и условия для его развития, сложившиеся в это время,— с другой, поставили под вопрос существование I Интернационала. Форма, которую на определенном этапе олицетворяло Международное Товарищество Рабочих с его в общем малочисленными секциями, исчерпала себя. Необходимость перехода к новой форме организации в лице массовых политических партий пролетариата с особенной наглядностью показала Парижская Коммуна. Реализация выработанной к тому времени программы рабочего движения, основанной на принципах научного коммунизма, была возможна первоначально лишь в национальных масштабах. Того же требовал и закономерный процесс дифференциации различных по характеру рабочих организаций — политических, профессиональных, культурно-воспитательных и др. Только с развитием национальных отрядов — прежде всего политических партий — рабочее движение, как предвидели Маркс и Энгельс[1], вновь смогло возродить международную пролетарскую организацию уже на новом, более высоком уровне.

Маркс отмечал, что Интернационал был лишь первой попыткой создать для международной деятельности пролетариата «центральный орган, попыткой, которая благодаря данному ею толчку оставила неизгладимые результаты, но которую в *ее первой исторической форме* после падения Парижской Коммуны нельзя было дальше проводить»[2]. Как уже отмечалось, в немалой степени причиной тому были репрессии. Существование сколько-нибудь широких организаций, открыто

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 508.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 23.

заявлявших о принадлежности к Интернационалу, стало в большинстве стран Европы невозможным. Сказывались и последствия подрывной деятельности бакунистов, приведшие к расколам в секциях. Все это выявил последний конгресс Интернационала, собравшийся в сентябре 1873 г. в Женеве; на нем присутствовало лишь 28 делегатов, и 26 из них представляли Швейцарию.

Конгресс подтвердил гаагские решения о необходимости политической борьбы и завоевания пролетариатом власти, создания политических партий и т. д. Опираясь на реалистическую оценку ситуации, он принял резолюцию, в которой говорилось: «Рекомендуя рабочему классу участие во всякой политике, имеющей целью освобождение рабочих, конгресс предоставляет членам Товарищества разных стран право действовать сообразно обстоятельствам»[1]. «Принимая во внимание положение дел в Европе,— писал 27 сентября 1873 г. Маркс, развивая эту мысль,— я считаю безусловно полезным временно отодвинуть на задний план формальную организацию Интернационала...»[2]

Годы деятельности I Интернационала были периодом неуклонного роста рабочего движения, его сознательности и активности. Опираясь на этот подъем, на опыт, который приобретали рабочие в ходе совместной борьбы, Марксу и Энгельсу удалось добиться признания идей научного коммунизма, торжества марксистских программных и организационных положений в Товариществе. Таков главный итог деятельности I Интернационала.

Этот процесс отразился в широком по тем временам распространении произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Тысячи рабочих Европы и Америки знакомятся с Учредительным манифестом и Уставом Товарищества, с составленными Марксом воззваниями и обращениями Генерального Совета, с новыми изданиями «Манифеста Коммунистической партии». Выходит в свет основной труд Карла Маркса — I том «Капитала» и первые переводы его на другие языки — русский (1872 г.), а затем французский[3]. На основные европейские языки переводится «Гражданская война во Франции». Как свидетельствует рабочая печать, материалы местных съездов и общих конгрессов, отчеты о заседаниях Генерального Совета, важные положения научной теории становятся достоянием пролетарских масс, вытесняют в их сознании буржуазно-реформаторские и мелкобуржуазно-утопические теории. Среди положений, которые, по выраже-

[1] «Volksstaat», 24. IX. 1873.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 508. Официально о роспуске Международного Товарищества Рабочих объявила конференция в Филадельфии 15 июля 1876 г.

[3] См. «Очерки истории идейной борьбы вокруг «Капитала» К. Маркса. 1867—1967». М., 1968, стр. 51—94. О распространении произведений К. Маркса и Ф. Энгельса см.: «Прижизненные издания и публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Библиографический указатель», ч. 1. М., 1974.

нию В. И. Ленина, входят «в кровь и плоть»[1] рабочего движения, были положения об исторической роли пролетариата как могильщика капитализма, как силы, способной создать новый строй, о необходимости классовой самостоятельности рабочего движения, международного сплочения пролетариата, сочетания экономической и политической борьбы рабочих с поддержкой демократических и национально-освободительных движений, о неизбежности революционного ниспровержения старого строя.

В то же время происходило дальнейшее развитие теории, ее обогащение на основе опыта массового рабочего движения[2]. В трудах Маркса и Энгельса этого периода, в частности, разрабатывались положения об объективном характере и формах интернационального единства рабочего движения, о союзниках рабочего класса, о пролетарской партии и ее организационных принципах, о диктатуре пролетариата и судьбах государства; формулируется важнейшее положение о трех формах борьбы рабочего класса — экономической, политической и идеологической.

В рассматриваемый период терпят крах различные школы утопического социализма, хотя процесс преодоления их влияния еще не был завершен. Оно сказывалось в сравнительно широком распространении анархизма, реформистской идеологии тред-юнионизма (Англия и некоторые другие страны). Сказывалось это и в том, что далеко не все идеи марксизма получили признание. Тем не менее I Интернационал создал прочную основу для превращения марксизма в господствующее направление в рабочем движении. Как отмечал В. И. Ленин, Интернационал «заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм»[3]. Он дал могучий толчок развитию всех форм борьбы пролетариата и его организаций, констатировал необходимость создания политических пролетарских партий, под его влиянием образовалась Германская социал-демократическая рабочая партия; были сделаны первые попытки создать аналогичные партии в других странах. Огромный толчок дал Интернационал развитию профессиональных союзов.

Непреходящее значение имело разоблачение Марксом и Энгельсом «левого сектантства» (особенно бакунизма[4]) и реформизма. Рабочее движение приобрело ценный опыт идейной борьбы с чуждыми ему влияниями.

В период существования I Интернационала и благодаря ему рабочий класс впервые заявил о себе как о факторе международного значения, превратился во влиятельную силу мирового развития. Сотни тысяч рабочих увидели единство целей и задач своей борьбы против эксплуататоров и поработителей, осознали себя бойцами еди-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 171.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 499.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 303.
[4] См. *Ж. Дюкло.* Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975.

ной армии международного пролетариата. Это было одним из важнейших итогов деятельности Международного Товарищества Рабочих, в основе которой лежали принципы пролетарского интернационализма. Наиболее яркое воплощение эти принципы получили в движении солидарности рабочих разных стран с Парижской Коммуной.

Идеи марксизма проникли в самые глухие в тот период уголки мира вплоть до Австралии и Латинской Америки. Немалое влияние Интернационал, его идеи оказали на развитие русского революционного движения. Во многих странах сформировались кадры пролетарских революционеров, блестящих ораторов, первоклассных публицистов, организаторов — людей, чьи имена вошли в мировую историю.

Если сравнить состояние рабочего движения в 1864 и 1873 гг., то неоспорим огромный сдвиг от распыленности сил к сплочению, от неясности целей и средств борьбы к утверждению коммунистических идей, от стихийного протеста к сознательной и целенаправленной борьбе, от мечты о куске хлеба до героического «штурма неба» — Парижской Коммуны, первой попытки переделать мир.

Опыт и уроки, которыми пролетариат обогатился в годы I Интернационала, имели непреходящее значение. На протяжении всего последующего развития рабочее и коммунистическое движение опиралось на них в борьбе за интернациональное сплочение рабочих, за торжество социалистических идеалов, за прочный союз с широкими слоями трудящихся, за творческое развитие идей научного социализма. Именно это имел в виду В. И. Ленин, говоря, что I Интернационал «незабываем, он вечен в истории борьбы рабочих за свое освобождение»[1].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 230.

Часть III

РАБОЧЕЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОСЛЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

НАКОПЛЕНИЕ СИЛ ПРОЛЕТАРИАТА

Оптимистическую оценку Марксом и Энгельсом перспектив борьбы рабочего класса, несмотря на трудности, возникшие после поражения Парижской Коммуны, полностью подтвердил последующий ход событий. Вопреки усилиям европейской реакции рабочее движение в целом не только не было отброшено назад, но, напротив, отвоевало новые позиции.

Сохранились и продолжали развиваться, хотя и в иных формах, международные пролетарские связи. Повседневным явлением стала взаимная посылка делегаций на партийные съезды, расширилось участие деятелей рабочего движения в социалистической прессе других стран. Это способствовало улучшению информации о состоянии освободительной борьбы, обмену опытом между социалистическими организациями. Выдающаяся роль в сохранении и развитии международных пролетарских связей принадлежала Марксу и Энгельсу. К ним в Лондон по-прежнему тянулись нити отовсюду, где существовало организованное рабочее движение; число их корреспондентов — активных участников рабочего движения — составляло в эти годы не менее 70 человек. Маркс и Энгельс поддерживали интернациональные акции, предпринимаемые профессиональными союзами и социалистическими партиями, обобщали и распространяли опыт освободительной борьбы.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА ПОРОГЕ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Самым многочисленным и самым организованным политическим отрядом международного рабочего класса являлась с начала 70-х годов XIX в. германская социал-демократическая партия. После окончания франко-прусской войны и разгрома Парижской Коммуны «центр тяжести движения переместился в Германию»[1]. В основе этого процесса лежали обстоятельства объективного характера. Еще в июле 1870 г. Маркс отметил, что «немецкий рабочий класс в теоретическом и организационном отношении превосходит французский»[2]. Германия была тогда единственной страной, где уже существовала рабочая партия, основанная на принципах научного коммунизма. Ею руководили такие хорошо известные рабочему классу революционеры, как В. Либкнехт, А. Бебель, В. Бракке и др. Поведение передовых немецких

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 325—326.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 3.

рабочих во время войны, четкая интернационалистская позиция, занятая ими по отношению к захватнической политике Бисмарка, смелые, решительные выступления в защиту Парижской Коммуны выдвинули их в авангард освободительной борьбы. «Немецкие рабочие,— писал Энгельс в декабре 1870 г.,— проявили во время этой войны такую проницательность и энергию, которые сразу ставят их во главе европейского рабочего движения»[1]. В немецком рабочем движении, несмотря на сохранявшееся среди определенной части рабочих влияние лассальянства, марксизм завоевал более прочные позиции, чем в других странах. Объединение Германии, хотя оно и произошло под эгидой реакционной Пруссии, объективно создавало благоприятные условия для организации пролетариата в масштабе всей страны. А полуабсолютистский режим Бисмарка — германская разновидность бонапартизма — способствовал дальнейшему обострению классовых противоречий.

Попытки создания пролетарских партий были предприняты в середине 70-х годов в австро-венгерской монархии. Единая Социал-демократическая партия Австрии конституировалась в апреле 1874 г. Принятая ею программа основывалась на Эйзенахской программе СДПГ. Особое значение для такой многонациональной страны, как Австро-Венгрия, имел тот факт, что в программу было включено требование права народов на самоопределение. Однако в результате острых разногласий партия вскоре практически распалась на отдельные группы.

В Венгрии создание рабочей партии было провозглашено в марте 1873 г. Но власти немедленно ее запретили, так и не дав возможности развернуть сколько-нибудь заметную деятельность. Однако орган партии, газета «Арбайтер-вохен-хроник», выпускавшаяся параллельно на венгерском и немецком языках, продолжала выходить и являлась центром, вокруг которого группировались социалистические силы[2].

Политическая организация пролетариата остальных стран находилась еще в самой начальной стадии.

В Англии рабочее движение продолжало развиваться исключительно в рамках тред-юнионов.

Во Франции в обстановке жестокой реакции после разгрома Коммуны возрождавшиеся рабочие организации первоначально имели узко профессиональный характер и концентрировали внимание исключительно на экономической борьбе. В 1876 г. по почину профессиональных организаций (синдикатов) Парижа был созван первый общенациональный рабочий конгресс, в повестке дня которого стояли экономические вопросы. Конгресс, представлявший, по утверждению

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33 стр. 142.

[2] См. «История венгерского революционного рабочего движения», т. I. М., 1970, стр. 25; *Б. И. Желицки*. Социалистическое рабочее движение в Венгрии. 1873—1890. М., 1975, стр. 86—101.

его устроителей, около миллиона трудящихся [1], отверг революционные методы борьбы, высказался против стачек и заявил, что видит основной путь к освобождению пролетариата в организации рабочей потребительской и производственной кооперации на базе синдикальных палат. Вместе с тем участники конгресса выразили решительную поддержку республиканской форме правления и резко осудили реакционный клерикализм.

Важную роль в дальнейшем развитии французского рабочего движения сыграла революционная эмиграция, в среде которой прокладывали себе путь идеи научного социализма. К ней принадлежали, в частности, будущие организаторы Рабочей партии Жюль Гед, в прошлом анархист, перешедший затем на позиции марксизма, и Поль Лафарг, видный деятель Международного Товарищества Рабочих, а также группа бланкистов во главе с Э. Вайяном.

В небольших странах Западной Европы — Бельгии и Голландии — рабочее движение оставалось распыленным. После возобладания в бельгийских секциях Интернационала анархистских тенденций они вступили в период упадка и застоя, продолжавшийся до середины 70-х годов [2]. В Голландии после прекращения деятельности Интернационала движение развивалось в основном в рамках Всеобщего нидерландского союза рабочих, находившегося под идейным воздействием либеральной буржуазии и выступавшего не только против революционных методов борьбы, но и против организации стачек.

В Скандинавских странах организованное рабочее движение почти отсутствовало. Лишь в Дании продолжала действовать федерация Интернационала, имевшая секции почти во всех городах.

В Швейцарии по инициативе цюрихского Центрального комитета профессиональных организаций, касс взаимопомощи и больничных касс весной 1873 г. состоялся Первый всеобщий национальный рабочий съезд. На нем было представлено около 10 тыс. рабочих, в том числе некоторые секции Интернационала, различные рабочие ферейны, профессиональные союзы и организации союза Грютли, пролетарского по составу, но находившегося под влиянием либеральной буржуазии. Съезд провозгласил создание Швейцарского рабочего союза на основе программы, близкой в отдельных вопросах к платформе Интернационала [3]. На съезде присутствовало также несколько представителей бакунистской Юрской федерации, однако они не оказали на его решения никакого влияния. Союз своей деятельностью подготовил почву для образования в дальнейшем социалистической партии.

В Италии мадзинистские организации, объединенные в Братский

[1] См. *Ж. Вейль.* История социального движения во Франции. СПб., 1906, стр. 192.
[2] *L. Delsinne.* Le parti ouvrier belge des origines à 1894. Bruxelles, 1955, p. 58.
[3] *F. Berghoff-Ising.* Die sozialistische Arbeiterbewegung in der Schweiz. Leipzig, 1895, S. 99, 104—112.

союз рабочих обществ, большей частью утратили свои позиции. В рабочем движении некоторое время преобладали бакунисты; но после неудачных восстаний, организованных ими в 1874 г., секции анархистского Интернационала были разгромлены. К середине 70-х годов прекратили свою деятельность и секции Международного Товарищества Рабочих. Лишь в некоторых городах сохранились небольшие группы сторонников Маркса и Энгельса, в частности группа газеты «Плебе». Массовая борьба итальянских рабочих носила в основном стихийный характер.

В Испании в результате поражения революции 1868-1874 гг. и восстановления монархии рабочие организации были разгромлены. Продолжали действовать лишь отдельные профсоюзы, главным образом в Каталонии, где они находились под влиянием анархистов, и в Мадриде.

В большинстве стран Балканского полуострова организованное рабочее движение к середине 70-х годов еще отсутствовало. Активно развивалась забастовочная борьба в Королевстве Польском и на польских территориях, входивших в состав Германской империи и Австро-Венгрии. Первая половина 70-х годов была ознаменована стачками в Варшаве, Лодзи, ряде городов Силезии и Галиции. К тому же времени относятся попытки создания профессиональных союзов, обществ взаимопомощи и т. д. Но политическими организациями польские рабочие не располагали[1].

В России различные выступления рабочих имели целью преимущественно улучшение условий труда, повышение зарплаты. В первой половине 70-х годов число стачек значительно возросло[2]. Из них особенно широкую известность получила забастовка рабочих Кренгольмской мануфактуры в Нарве, где работало около 6 тыс. человек. Толчком к выступлению послужила эпидемия холеры, распространению которой способствовали крайне антисанитарные жилищные условия, изнурительный труд и скудное питание. В августе 1872 г. рабочие предъявили дирекции фабрики свои требования и добились некоторых уступок. Вскоре, однако, по настоянию хозяев несколько «зачинщиков» были арестованы. В ответ рабочие начали 11 сентября стачку протеста. На фабрику были вызваны войска, которые и подавили выступление. Десятки рабочих оказались уволенными, более 20 человек были осуждены на каторжные работы или тюремное заключение[3].

Хотя забастовки тех лет носили стихийный характер, они содействовали пробуждению у рабочих классового сознания. «Рабочие,— писал В. И. Ленин,— теряли исконную веру в незыблемость

[1] См. «История Польши», т. II. М., 1955, стр. 250—256.

[2] См. «История рабочего класса России 1861—1900 гг.». М., 1972, стр. 86.

[3] См. «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. I. М., 1950, стр. 349—350; «Кренгольмская стачка 1872 г.». Сборник документов и материалов. Таллин, 1952.

давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством»[1].

Определенную роль в вовлечении наиболее активных рабочих в сознательную политическую борьбу сыграла пропаганда, которую вели среди них революционные народники[2]. Она способствовала разрушению царистских иллюзий, приобщению передовых пролетариев к революционным идеям. Об этом ярко свидетельствовала знаменитая речь рабочего П. Алексеева на проходившем в марте 1877 г. судебном процессе по делу «Всероссийской социально-революционной организации». Грозным предзнаменованием для правящих кругов прозвучали его слова: «...подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах»[3].

За пределами Европы сколько-нибудь значительного размаха рабочее движение достигло только в США, а также в Канаде и в Австралии; рабочие ряда отраслей промышленности Австралии впервые в истории мирового рабочего движения добились установления 8-часового рабочего дня. После прекращения в 1872 г. деятельности в США Национального рабочего союза предпринимались попытки создания нового общенационального объединения, но они не имели серьезного успеха. Правда, с 1869 г. существовала тайная организация Орден рыцарей труда, ставившая перед собой задачу сплочения всех рабочих для защиты их интересов и «полного освобождения созидателей богатств от ярма и бедствий наемного труда»[4]. Однако вплоть до середины 70-х годов численность Ордена была невелика и он сколько-нибудь существенной роли не играл.

В первой половине десятилетия в США были сделаны шаги к образованию социалистической партии: на базе секций Интернационала возникают Рабочая партия Иллинойса (1873 г.) и Социал-демократическая рабочая партия Северной Америки (1874 г.). Обе они объединяли в основном рабочих-иммигрантов, главным образом из Германии, и в них преобладали лассальянские элементы.

В Канаде, единственной колонии Англии, получившей уже статут доминиона (1867 г.), к началу 70-х годов существовало несколько тред-юнионов. В 1872 г. их деятельность была легализована законом, а к следующему году относится первая попытка создания общенационального объединения — Канадского национального рабочего союза.

Таким образом, к середине 70-х годов организованное рабочее движение в той или иной форме существовало лишь в некоторых

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 30.

[2] Подробнее см. главу седьмую.

[3] «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. I. М., 1964, стр. 366—367.

[4] См. *Л. И. Зубок.* Очерки истории рабочего движения в США. 1865—1918. М., 1962, стр. 114.

странах Европы, в США, Канаде и Австралии. Но повсюду в борьбу вступали все более широкие массы рабочих, повсюду проявлялось стремление пролетариев создавать собственные организации, способные защищать их требования и интересы, повсюду наблюдалась тяга передовых рабочих к знанию, к овладению идеями социализма. Продолжали возникать профессиональные объединения, общества взаимопомощи, страховые кассы и другие организации, целью которых были улучшение условий труда и жизни рабочего класса, защита его экономических интересов.

Предпринимаются также попытки создания самостоятельных политических партий пролетариата, выдвигающих социалистические цели. В ряде случаев существенную роль в их оформлении играли секции Международного Товарищества Рабочих, воспитанные им кадры.

Но проникновение социалистических идей в толщу пролетариата только начиналось. Значительные его слои были далеки от понимания подлинных причин своего положения. Борьба рабочего класса, как правило, ограничивалась попытками добиться более выгодных условий продажи своей рабочей силы. Даже в тех странах, где уже существовали относительно массовые организации тред-юнионистского типа (например, в Англии и США), они охватывали лишь небольшую часть рабочих и подчиняли свою деятельность не общеклассовым интересам пролетариата, а узкопрофессиональным, цеховым интересам отдельных его групп, преимущественно наиболее квалифицированных рабочих.

Успехи в организации рабочего класса были налицо, однако соединение рабочего движения с научным социализмом только начинало осуществляться. Существенные сдвиги в этой области произошли в следующие десятилетия.

ПОДЪЕМ МАССОВОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ

Во второй половине 70-х годов рабочее движение вступило в новый этап. Позиция, занимаемая пролетариатом, его революционный боевой потенциал становились важным фактором общественной жизни. «Движение рабочего класса все более и более выступало на передний план текущей политики» [1],— отмечал в 1878 г. Энгельс.

Показателем происходящих изменений служило колоссальное по масштабам и силе забастовочное движение. Если раньше стачечная борьба обычно выступала как форма реакции наемных работников на нетерпимые условия продажи рабочей силы и возникала лишь при особенном обострении ситуации, то теперь пролетариат многих стран начал воспринимать стачку как обыден-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 127.

ную, общепринятую форму противодействия поползновениям капитала. Перестав быть исключением, она превращалась, по крайней мере для наиболее организованных отрядов промышленного пролетариата, в неотъемлемую часть и важную форму классовой борьбы.

Отличительной чертой многих забастовок в конце 70-х — 80-х годах были б о л ь ш о й р а з м а х и д л и т е л ь н о с т ь. Продолжительность стачек нередко исчислялась неделями, а то и месяцами. На протяжении восьми недель бастовали в 1875 г., например, 15 тыс. рабочих текстильных предприятий в Фолл-Ривер (США). Семь месяцев длилась происходившая тогда же стачка шахтеров Пенсильвании. 10 недель продолжалась в 1878 г. забастовка на хлопчатобумажных фабриках Ланкашира (Англия), охватившая в момент максимального распространения до 300 тыс. человек. В 1889 г. в течение пяти недель вели упорную борьбу с предпринимателями 60 тыс. докеров, матросов, кочегаров и рабочих других профессий, занятых в лондонских доках и на верфях. «Со времен лучших и прекрасных дней чартизма я никогда не видел движения, соответствующего по значению великой забастовке 1889 года» [1],— писал о ней старый чартистский деятель Дж. Д. Гарни. 25 тыс. берлинских каменщиков и плотников бастовали в 1888 г. на протяжении двух месяцев. Свыше месяца отстаивали в упорной борьбе свои права примерно 150 тыс. немецких горняков в 1889 г. Около пяти месяцев продолжалась получившая широкую известность забастовка 2 тыс. французских шахтеров Деказвиля в 1886 г.

Большим размахом отличалась стачечная борьба и в 90-х годах. В Германии в 1891 г. бастовало 20 тыс. рурских горняков, в следующем году — 25 тыс. шахтеров Саарской области. В 1896 г. произошло около 500 стачек, а число их участников достигло 130 тыс. человек.

Во Франции в мае 1890 г. прекратили работу 24 тыс. текстильщиков Рубе, в следующем году — почти все рабочие стекольной промышленности.

В США в 1894 г. в борьбе приняло участие несколько сот тысяч рабочих. Наиболее крупной была забастовка железнодорожников, начавшаяся на вагоностроительных заводах в г. Пульман (штат Иллинойс) и охватившая 150 тыс. человек по всей стране.

Большинство забастовок имело в эти годы, как правило, экономический характер, во всяком случае развертывались они по большей части в связи с экономическими требованиями. Причиной стачек служили чаще всего низкая заработная плата, тяжелые условия жизни и труда. Они обычно возникали в результате притеснений со стороны местной администрации, отдельных капиталистов и их управляющих. Требования, выдвигавшиеся бастующими в различных странах, во многом совпадали: повышение заработной платы, введение 10-, а затем и 8-часового рабочего дня, социальное страхование

[1] *А. Л. Мортон* и *Дж. Тэйт.* История английского рабочего движения. 1770—1920. М., 1959, стр. 262.

на случай болезни, инвалидности и старости, ограничение женского и детского труда, обязательные меры по охране труда, установление ответственности предпринимателей за несчастные случаи на производстве, отмена штрафов, улучшение жилищных условий и т. д.

Однако крупные стачки почти всегда становились событием, выходившим за рамки экономической борьбы, вселяли в рабочих силы, закаляли их, укрепляли веру в необходимость дальнейшей активной борьбы. Вмешательство властей, выступавших на стороне предпринимателей, а порой действовавших жесточайшим образом, служило лучшей агитацией за необходимость создания политической организации пролетариата.

В борьбе против забастовок капиталисты и власти прибегали к провокациям, терроризировали рабочих, нередко пускали в ход оружие. «Классическим» примером таких действий был разгром стачки шахтеров в Пенсильвании (США) в 1875 г. «Шахтовладельцы... наняли и вооружили банду «бдительных»... которые вместе с частной полицией угольных и сталелитейных компаний подстерегали на дороге шахтеров — активных членов профсоюза, устраивали засады и убивали их» [1]. На основании вымышленных обвинений 19 лидеров забастовки были казнены.

Неизгладимый след в истории американского рабочего движения оставили майские дни 1886 г. [2] В тот год волны демонстраций подымались повсюду — от Нью-Йорка до Сан-Франциско; основным требованием было установление 8-часового рабочего дня. В центре борьбы оказался Чикаго, на улицы которого 1 мая вышло 40 тыс. бастующих — по тем временам цифра очень внушительная. Хорошо организованные, протекавшие мирно демонстрации и забастовки продолжались еще два дня. Но 3 мая полиция, воспользовавшись столкновением бастующих со штрейкбрехерами у завода сельскохозяйственных машин Маккормика, открыла огонь по рабочим. 6 убитых и 50 тяжелораненых — таковы были результаты этой расправы.

На следующий день на центральной площади города состоялся массовый митинг протеста против злодеяний властей. Перед собравшимися выступали руководители чикагских рабочих — социалисты Парсонс, Шпис, Филден, которые клеймили действия полиции, указывали на вероятность новых актов насилия со стороны властей и призывали рабочих проявлять твердость, спокойствие и организованность. За несколько минут до закрытия митинга появилась полиция. И тут неизвестно кем на площадь была брошена бомба; взрывом убило одного полицейского, пятеро других получили ранения. Полиция открыла огонь по толпе, расстреливала и избивала бегущих рабочих.

После кровавых событий в Чикаго власти начали кампанию раз-

[1] *Р. Бойер* и *Г. Морейс.* Нерассказанная история рабочего движения. М., 1957, стр. 90; подробнее см.: *А. Бимба.* «Молли Магвайрс». Из истории рабочего движения в США. М., 1950.

[2] См. *С. М. Аскольдова.* Начало массового рабочего движения в США (80-е годы XIX в.). М., 1966, стр. 188—201.

нузданной травли рабочего и прогрессивного движения по всей стране, осуществили массовые аресты. Восемь вожаков чикагских рабочих — Альберт Парсонс, Август Шпис, Сэмюэл Филден, Юджин Шваб, Адольф Фишер, Джордж Энгель, Луис Линг и Оскар Небе — были отданы под суд. Им предъявили обвинение в убийстве, хотя все они, за исключением Филдена, покинули площадь еще до взрыва. Присяжными были назначены лица, открыто прокламировавшие ненависть к любым левым. Главных свидетелей, как стало известно впоследствии, просто подкупили.

Обвиняемые держались с мужеством и достоинством. Они не только защищались, но и обвиняли. Парсонс, которому удалось скрыться, сам явился в суд и занял место около своих товарищей, отлично сознавая, чем это ему грозит. Суд приговорил семерых к повешению, а восьмого — Оскара Небе — к 15 годам тюремного заключения.

По мере приближения дня казни движение в защиту осужденных распространилось далеко за пределы страны. Петиции с просьбой смягчить приговор поступали со всех концов земного шара. Под давлением кампании протеста губернатор штата Иллинойс заменил Филдену и Швабу смертную казнь пожизненным заключением.

За день до казни Луис Линг, один из самых молодых осужденных, покончил жизнь самоубийством. 11 ноября 1887 г. А. Парсонс, А. Шпис, Д. Энгель и А. Фишер были повешены. Они встретили смерть как герои. Последними словами Шписа были: «Придет время, когда наше молчание будет красноречивее наших речей» [1].

В 1893 г. Филдена, Шваба и Небе освободили. Новый губернатор Иллинойса Д. Алтгелд признал, что вина их не доказана и что они, так же как и казненные революционеры, стали жертвами подставных присяжных и несправедливого суда.

Глубоко трагический оборот приняли события, разыгравшиеся в 1887 г. во время грандиозной забастовки железнодорожников на востоке США. В ряде городов власти бросили против стачечников регулярные войска, открывшие по рабочим огонь. В результате десятки человек были убиты, многие ранены [2].

Провокации и вооруженное насилие широко использовались против стачечного движения и на Европейском континенте. Силой оружия была подавлена забастовка шахтеров и рабочих некоторых других предприятий в Бельгии (март 1886 г.). Полицейские провокации послужили поводом к аресту и осуждению активных участников забастовки шахтеров в угольном бассейне Монсо-ле-Мин (Франция) в 1884 г.

Во время грандиозной стачки рурских горняков в мае 1889 г. в район забастовки были введены войска, неоднократно применявшие оружие, что стоило жизни полутора десяткам шахтеров.

[1] См. *Ф. С. Фонер*. История рабочего движения в США, т. II. М., 1958, стр. 135.
[2] См. *Р. Бойер* и *Г. Морейс*. Указ. соч., стр. 102—103.

Ожесточенно проходила забастовочная борьба в чешских землях Австрии, застрельщиками которой, как правило, являлись шахтеры. Вооруженное вмешательство войск и полиции заставило их прекратить забастовку, вспыхнувшую в начале 1882 г. Но еще большей остротой отличались события в промышленном районе Витковицы и Моравска-Острава, развернувшиеся в апреле 1892 г., когда горняки и металлурги выдвинули единодушное требование о сокращении рабочего дня и разрешении праздновать 1 Мая. Сюда были брошены войска; при столкновении с ними погибло девять рабочих, многие были ранены. Стачка распространилась на Пльзеньский угольный район, где войска также открыли огонь по участникам, результатом чего было еще 13 жертв, а также трое тяжелораненых. Но и после этого стачка, в которой участвовало в общей сложности 30 тыс. человек, продолжалась и была прекращена лишь после того, как предприниматели пообещали выполнить требования рабочих (это оказалось обманом)[1].

Стачки полностью проявили себя как мощное и достаточно эффективное орудие борьбы пролетариата за свои социально-экономические требования. Однако из-за материальных трудностей, недостаточно высокого уровня организации, прямого вмешательства властей, в некоторых случаях из-за соглашательской позиции лидеров стачечникам нередко приходилось приступать к работе, не добившись никаких результатов. В США в 80-х годах доля стачек, закончившихся безуспешно, колебалась от 34 до 57%, а в следующем десятилетии — от 35 до 76%. Во Франции доля таких стачек в 90-х годах — от 65% (1890 г.) до 17% (1899 г.). Нередко бастующие были вынуждены идти на компромисс, довольствуясь частичным удовлетворением своих требований. В США, например, в течение 80-х годов такие стачки составляли от 3% (1884 г.) до 25% (1889 г.), а в 90-х годах — от 8% (1891 и 1892 гг.) до 37% (1897 г.).

Особое значение имели крупные забастовки. Даже если они и не завершались непосредственной победой рабочих, под их влиянием капиталисты и правящие круги вынуждены были предпринимать определенные шаги в области социального законодательства. Таким образом, практический эффект стачечного движения в целом был выше, чем это можно предполагать, судя по непосредственному исходу отдельных забастовок.

В США в результате массовых стачек и демонстраций весной 1886 г., в которых приняло участие в общей сложности около 350 тыс. человек, примерно 185 тыс. рабочих добились 8-часового рабочего дня. Кроме того, у 200 тыс. рабочих рабочий день был сокращен с 12 до 9 — 10 часов[2].

[1] *J. Deutsch.* Geschichte der österreichischen Gewerkschaftsbewegung, Bd I. Wien, 1929, S. 226—228.

[2] Правда, в последующие годы предприниматели, воспользовавшись ухудшением конъюнктуры, вновь увеличили рабочий день (см. *Ф. С. Фонер.* Указ. соч., т. II, стр. 122).

Стачка 12 тыс. берлинских каменщиков в 1885 г. привела к уменьшению продолжительности их рабочего дня до 10 часов при одновременном повышении почасовой заработной платы. После десятинедельной забастовки в августе — сентябре 1886 г. 10-часового рабочего дня при сохранении прежней заработной платы добились кузнецы в Гамбурге. Удовлетворением большинства требований бастующих закончились забастовки лондонских докеров и рабочих газовых предприятий в 1889 г. Забастовка 4,5 тыс. железнодорожников в Миссури (США) весной 1885 г. предотвратила снижение заработной платы на 10% и т. д.

Стачки были школой воспитания пролетарской солидарности. Почти каждая сколько-нибудь значительная забастовка вызывала широкий отклик, часто даже за пределами данной страны. Рабочие не ограничивались выражением сочувствия и моральной поддержкой. Во многих случаях забастовщики могли опереться и на материальную помощь собратьев по классу за рубежом. Традиции в этой области, возникшие еще в годы Международного Товарищества Рабочих, успешно продолжали развиваться, причем в бо́льших, чем прежде, масштабах. Так, во время знаменитой стачки лондонских докеров в 1889 г. было собрано 50 тыс. ф. ст. Из них 30 тыс. поступило от австралийских тред-юнионов. Проводились многочисленные забастовки солидарности. Организованные бельгийские рабочие помешали английским предпринимателям завербовать в Бельгии штрейкбрехеров.

Важная роль в забастовочном движении принадлежала социалистической и рабочей печати. Газеты зачастую выступали в качестве организаторов сбора средств в стачечный фонд. Они освещали ход, разъясняли суть и задачи каждой забастовки, пропагандировали пролетарскую солидарность.

Стачечное движение укрепляло сплоченность рабочих, способствовало росту их организованности, чему активно содействовали социалистические партии и профсоюзы. Благодаря их усилиям стихийные выступления пролетариата, начавшиеся порой по незначительному на первый взгляд поводу, нередко приобретали целеустремленный, организованный характер, остроту и масштабность.

Уже упоминавшаяся стачка горняков в Деказвиле в 1886 г. возникла стихийно, в ответ на произвол местной администрации, которая заставляла рабочих приобретать в счет зарплаты по непомерно высоким ценам недоброкачественные товары в заводских лавках. Однако эта стачка стала событием общенационального значения и получила отзвук далеко за пределами страны. Выступление небольшой группы левых депутатов в парламенте с интерпелляцией по поводу деказвильской стачки привело к их фактическому отделению от фракции радикалов, к которой они принадлежали, и образованию самостоятельной рабочей группы — зародыша будущей социалисти-

ческой фракции. «Историческим событием»[1] назвал этот факт Энгельс, охарактеризовав интерпелляцию как первое смелое самостоятельное выступление французского пролетариата в палате депутатов.

В огромной мере способствовала усилению рабочих организаций забастовка горняков в Германии в 1889 г. Ее важнейшим последствием явилось создание очень крупного профсоюзного объединения горняков Рейнско-Вестфальской области. Влияние социал-демократии, которая с самого начала приняла активное участие в проведении забастовки, резко усилилось. На выборах в рейхстаг в феврале 1890 г. число голосов, поданных за ее кандидатов в Руре, возросло по сравнению с предшествующими выборами в 8 — 10 раз.

Еще больший импульс росту организованности дали стачки докеров и рабочих газовщиков Лондона (1889 г.). Их непосредственным результатом было образование тред-юнионов докеров, рабочих газового производства и неквалифицированных рабочих, получивших наименование «новых тред-юнионов».

С середины 80-х годов массовый характер приобрела б о р ь б а з а 8-ч а с о в о й р а б о ч и й д е н ь. В США наиболее решительно выступали пролетарии крупных индустриальных центров — Чикаго, Нью-Йорка, Милуоки, Балтимора, Цинциннати, в несколько меньшей степени — Бостона, Питтсбурга, Вашингтона, Сент-Луиса. К концу десятилетия и особенно в 90-х годах требование 8-часового рабочего дня стало одним из важнейших стачечных лозунгов и на Европейском континенте.

Вспыхивают в эти годы нередко и забастовки чисто политического характера. Так, например, в Бельгии, после того как жандармерия и войска разогнали демонстрацию рабочих Льежа, посвященную 15-летию Парижской Коммуны, началась массовая забастовка, в которую включились шахтеры угольных бассейнов Шарлеруа и Боринажа, рабочие металлургических и стекольных заводов. Дело дошло до столкновения с полицией. Многие участники стачки были арестованы и приговорены к длительной каторге[2].

Политический характер имела также стачка шахтеров в Кармо (Франция) в августе — октябре 1892 г. Она была вызвана увольнением — в связи с избранием на общественную должность мэра города — механика Кальвиньяка, проработавшего на шахте 20 лет. Рабочие сочли это нарушением всеобщего избирательного права. Требования бастующих предусматривали восстановление на работе Кальвиньяка и десяти других рабочих, осужденных за попытку силой вынудить администрацию отменить свое решение. Стачка, продолжавшаяся 80 дней, приковала к себе внимание всей страны. Против 2800 безоружных шахтеров было направлено 1500 жандармов и солдат.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 381. Среди этой группы было трое рабочих — А. Буайе, Э. Бали и участник Коммуны З. Камелина.

[2] *L. Delsinne*. Op. cit., p. 74—76.

Но и это не сломило рабочих. В конце концов власти были вынуждены выполнить их требования. Стачка в Кармо — первая политическая забастовка французских пролетариев. Она, отмечал П. Лафарг, оказала «значительное влияние на дальнейший ход социалистического движения во Франции»[1].

В 90-е годы число стачек, в ходе которых наряду с экономическими выдвигались и политические требования, в целом увеличилось — прямой результат повышения уровня классового сознания пролетариата и его организованности.

В ряде стран массовая стачечная борьба оказалась связанной с движением за всеобщее избирательное право. Наиболее ярко это проявилось в Бельгии, где требование всеобщего избирательного права было выдвинуто Рабочей партией вскоре после ее основания, во второй половине 80-х годов. В мае 1891 г. с требованием введения всеобщего избирательного права выступили 100 тыс. шахтеров, их стачка парализовала всю угольную промышленность страны. Спустя два года, после отклонения палатой депутатов предложения о введении всеобщего избирательного права, руководство Рабочей партии призвало к всеобщей забастовке. Работу прекратили примерно 250 тыс. человек (около 35% бельгийского пролетариата). Забастовка сопровождалась митингами и демонстрациями. Стачек такого масштаба Европа до той поры не знала. Правящие классы вынуждены были отступить. Через неделю после начала забастовки парламент принял закон о введении всеобщего избирательного права для мужчин, в результате чего число избирателей увеличилось приблизительно в 10 раз[2]. Этот успех бельгийских трудящихся наглядно продемонстрировал, каким мощным оружием может стать в руках борющегося рабочего класса массовая политическая стачка.

Характерной чертой рабочего движения последней четверти XIX в. было также расширение географической сферы стачечной борьбы. В нее все более активно включался пролетариат стран, позже других вступивших на путь капиталистического развития, прежде всего России. В первой половине 80-х годов в России произошло свыше ста стачек с общим числом участников около 100 тыс. человек (больше чем за все 70-е годы). А во второй половине этого десятилетия число забастовщиков выросло почти до 223 тыс. человек[3].

В этот период большинство стачечников составляли текстильщики — рабочие той отрасли, которая получила тогда в России наибольшее развитие; они подвергались особенно жестокой эксплуатации. В 1882 г. вновь бастовали рабочие Кренгольмской мануфактуры в Нарве. В январе 1885 г. прекратили работу 11 тыс. рабочих

[1] *П. Лафарг.* Сочинения, т. I. М.— Л., 1925, стр. 170.
[2] *L. Delsinne.* Op. cit., p. 84—90.
[3] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1. М., 1964, стр. 96.

Никольской мануфактуры Морозова в Орехово-Зуеве. Морозовская стачка — самое крупное событие в рабочем движении России 80-х годов. Руководила ею группа передовых рабочих, уже имевших опыт борьбы, во главе с П. Моисеенко. Поводом к выступлению явились неоднократные снижения зарплаты и особенно злоупотребление штрафами, на которые уходило до четверти заработка. Забастовщики проявили высокую организованность и стойкость. Их требования (в частности, об издании закона насчет полного изменения условий найма) впервые в истории рабочего движения в России вышли за рамки отдельного предприятия. «Эта громадная стачка,—писал В. И. Ленин,—произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу»[1]. В 1886 г. был издан закон «О штрафах», в основе которого лежали требования, выдвинутые во время Морозовской стачки[2].

В забастовках начала 90-х годов приняли участие рабочие машиностроительных и текстильных предприятий Петербурга, текстильщики Москвы и Московской губернии. В 1890 г. бастовали 5 тыс. рабочих Большой Ярославской мануфактуры, весной 1893 г.—несколько тысяч рабочих Егорьевской мануфактуры, в июне того же года — 4,5 тыс. текстильщиков Тверской мануфактуры.

На забастовочную борьбу поднялись и пролетарии Королевства Польского. В 1883 г. вспыхнула забастовка на Жирардовской мануфактуре близ Варшавы. В ней приняло участие 8 тыс. рабочих. Полиция пыталась сорвать забастовку путем арестов. Войска открывали по стачечникам огонь, и тем не менее фабрикантам пришлось пойти на уступки: отказаться от запланированного снижения заработной платы и уплатить бастовавшим за время простоя. Стачка на Жирардовской мануфактуре вошла в историю как первая массовая, боевая и успешная забастовка польского пролетариата[3].

2 мая 1891 г. забастовали рабочие восьми фабрик крупного промышленного центра — Лодзи. К 6 мая забастовка распространилась также на города Згеж, Пабяницы, Видзев, Хойны, Радогоще, Заверце и охватила до 80 тыс. человек. В Лодзи было объявлено военное положение. Власти стянули в город до 40 тыс. солдат. В результате расправы над стачечниками 200 человек были убиты, сотни ранены и арестованы. События в Лодзи вызвали отклик во всей России. Петербургские рабочие послали открытое письмо польским братьям по классу, в котором клеймили политику царского самодержавия, русской и польской буржуазии, угнетавших русских и польских пролетариев. «...Шлем вам... братья, польские рабочие Лодзи и других городов,—говорилось в письме,—свой горячий от глубины души при-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 23.
[2] См. «Краткая история рабочего движения в России (1861—1917)». М., 1962, стр. 122 и сл.
[3] См. «История Польши», т. II, стр. 278—279.

вет и сочувствие в вашей борьбе с этим подлым капиталистическим гнетом»; высказывалась надежда, что «скоро уже наступит последний час наших врагов и заблестит солнце социалистического строя». Петербургские рабочие заверяли своих польских собратьев: «... когда погибнет царь, мы докажем вам, что между народом русским и польским нет вражды...»[1]

Значительно расширилось в 90-х годах, особенно во второй их половине, забастовочное движение в чешских землях. Стачки в этом районе составляли львиную долю забастовок, происходивших в тогдашней Австрии (в 1898 г., например, 55,8%, в 1899 г.—даже 82,9%). В первых рядах, как и прежде, шли горняки. В феврале — марте 1896 г. в Остравско-Карвинском бассейне вновь развернулась упорная борьба за снижение рабочего дня, за еженедельную (вместо помесячной) выдачу заработка, за повышение оплаты. Как и в 1892 г., бастовало 30 тыс. человек; они проявили большую выдержку и организованность, подлинно интернационалистические чувства. Посылка войск в район забастовки на этот раз ничего предпринимателям не дала. Забастовщики добились частичного успеха, однако их требования, касавшиеся продолжительности рабочего дня, не были удовлетворены, что предвещало возобновление борьбы (она действительно развернулась в начале 1900 г.)[2].

Втягивались в движение и Балканские страны. Во второй половине 80-х годов в Сербии и Румынии прокатились забастовки железнодорожников. В начале 90-х годов бастовали текстильщики, печатники, табачники в Болгарии.

Конец 70-х 80-е годы ознаменовались первыми, пока еще стихийными выступлениями японского пролетариата против каторжных условий труда и ужасающей нищеты[3]. Неоднократно поднимались на борьбу рабочие шахт Такасима, вынужденные проводить под землей по 18—20 часов, не имея выходных дней, подвергаясь издевательствам и т. п. В августе 1878 г. шахтеры разгромили шахтоуправление, подожгли дома иностранных специалистов. Полиция арестовала более 100 человек. Однако в 1884 г. волнения здесь повторились. В 1886 г. произошла забастовка на текстильной фабрике в Кофу, одном из центров японской шелковой и хлопчатобумажной промышленности. Несмотря на то что на фабрике (как и во всей отрасли) трудились почти исключительно женщины, подростки и дети, эксплуатация которых отличалась особенной беспощадностью, им удалось добиться успеха.

По мере роста организованности международного пролетариата

[1] *Н. Пухлов.* Рабочее движение в Польше в 90-е годы XIX в.— «Из истории польского рабочего движения». М., 1962, стр. 35—36.
[2] См. *И. П. Иванов.* Рабочее движение в чешских землях в конце 90-х годов XIX в.— «Из истории революционного движения народов Чехословакии». М., 1959, стр. 95—98.
[3] См. *Д. И. Гольдберг.* Очерки истории рабочего и социалистического движения в Японии (1868—1908). М., 1976.

все большее значение приобретали и другие формы борьбы: массовые митинги, демонстрации, походы безработных. Митинги проводились по различным поводам: в ходе крупных забастовок в знак солидарности с бастующими, в период предвыборных кампаний, в связи с какими-либо важными событиями внутренней и международной жизни и т. д. Организаторами митингов выступали социалистические партии, профсоюзы, стачечные комитеты; подчас митинги возникали стихийно. На них выступали активные участники движения, социалистические и профсоюзные лидеры, иногда представители рабочих организаций других стран. Здесь провозглашались и формулировались требования как частного, так и общего характера.

Анализ массового рабочего движения последней четверти XIX в. свидетельствует о том, что относительно «мирный» характер этого периода, отличительными чертами которого являлись накопление сил пролетариата, распространение марксизма вширь, отнюдь не означал «смягчения» классовой борьбы. Наоборот, именно эти десятилетия ознаменовались таким обилием самых разнообразных по форме выступлений рабочего класса, какого история рабочего движения до того не знала. Повсеместно происходившие классовые столкновения, инициатором которых в большинстве случаев был пролетариат, являлись замечательной школой. В ней рабочие закалялись и сплачивались, приобретая незаменимый опыт борьбы, который должен был сыграть важную роль в грядущих боях против господства капитала.

РАЗВИТИЕ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

Последние десятилетия XIX в. явились периодом быстрого развития профсоюзного движения. В большинстве капиталистических стран изолированные прежде островки профессионально организованных рабочих слились в массовые и влиятельные общенациональные объединения. В их лице рабочий класс получил в руки инструмент, правильное использование которого позволяло ему добиваться существенных успехов в экономической, социальной, а также политической областях. «... Иначе как через профсоюзы...—подчеркивал В. И. Ленин,—нигде в мире развитие пролетариата не шло и идти не могло»[1].

Профессиональные союзы сыграли важную роль в дальнейшей организации широких масс пролетариев, расчистив тем самым путь для успешного развития других форм их организованного действия. Последние десятилетия XIX в.— время важных сдвигов в профсоюзном движении, выразившихся прежде всего в его централизации. Во многих странах возникли отраслевые федерации профсоюзов, происходило сплочение профсоюзных организаций в территориальных рамках; и то и другое существенно усиливало потенциальные воз-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 33—34.

можности рабочих в борьбе против предпринимателей, все чаще выступавших единым фронтом.

В 80 — 90-х годах более или менее четко определились три основных типа профессиональных объединений рабочего класса, которые на длительное время стали характерны для международного профсоюзного движения. Это, во-первых, организации тред-юнионистского толка, получившие наибольшее распространение в Англии, США, Канаде и Австралии. Во-вторых, профессиональные союзы, которые опирались на политические партии пролетариата, стоявшие в большей или меньшей мере на позициях научного социализма (в Германии, Австро-Венгрии, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Скандинавских государствах). В-третьих, союзы, подпавшие под влияние анархо-синдикализма — течения, воздействие которого особенно сказывалось в Испании, Италии и Франции.

Специфическую форму объединений составляли ассоциации трудящихся, создаваемые предпринимателями в противовес пролетарским профсоюзам.

Т р е д-ю н и о н ы — наиболее старые организации рабочего класса — отрицали коренную противоположность интересов пролетариата и буржуазии, не ставили перед собой социалистических целей. Своей задачей их лидеры считали улучшение условий жизни и труда пролетариев в рамках существующего строя. В то же время это были действительно массовые организации. В ходе экономической, в частности стачечной, борьбы они добились определенных позитивных результатов. «Без средств сопротивления, предоставляемых тред-юнионами,—писал Ф. Энгельс,—рабочий не получал бы даже того, что ему следует получить соответственно законам системы наемного труда»[1].

В течение длительного времени тред-юнионы защищали интересы лишь тех рабочих, которые входили в их состав. В 90-х годах, когда численность тред-юнионов значительно возросла, они стали все чаще выступать как представители интересов пролетариата данной отрасли в целом.

Наиболее характерными представителями этого типа профорганизаций были английские тред-юнионы. К концу 80-х годов они превратились в замкнутые корпорации, доступ в которые имели главным образом высококвалифицированные рабочие. Владея сравнительно большими средствами, тред-юнионы в таких отраслях промышленности, как машиностроительная, хлопчатобумажная, металлургическая, полиграфическая и др., могли выплачивать своим членам пособия по болезни, старости и т. д. Но замкнутость, отсутствие боевого духа, реформизм лидеров делали сферу влияния этих профорганизаций ограниченной.

Крупные стачки конца 80-х — начала 90-х годов дали толчок созданию так называемых новых тред-юнионов, объединивших мало-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 261.

квалифицированных и неквалифицированных рабочих, остававшихся до того времени неорганизованными. За короткий срок возникли десятки новых союзов; в организованную борьбу вступили сотни тысяч пролетариев, ранее в ней не участвовавших. «В 1889 году, — отмечал В. И. Ленин,—начиналось в Англии молодое, свежее, полное нового, революционного духа, движение необученных, неквалифицированных, простых рабочих...»[1]

Среди деятелей «новых тред-юнионов» ведущую роль играла небольшая, но влиятельная группа молодых рабочих, повернувших к марксизму,—Том Манн и др.[2]

«Новые тред-юнионы» отличались наступательным духом, главное (а подчас единственное) средство борьбы видели в забастовках, расходуя весь свой денежный фонд на пособия стачечникам. Они развернули борьбу за удовлетворение двух требований, призванных сплотить самые широкие слои рабочих: обеспечение гарантированного минимума зарплаты (чтобы сделать его независимым от падения цен на изделия данной фирмы или компании) и введение 8-часового рабочего дня.

Общий подъем не мог не коснуться и старых тред-юнионов, которые оказались вынужденными шире раскрыть двери перед рабочими средней и низкой квалификации[3]. Ряды английских профсоюзов лишь в 1889 — 1890 гг. выросли более чем вдвое. К началу нового столетия их численность составила около 1 950 тыс. по сравнению с 456 тыс. человек в 1876 г.

Одновременно усилилась тенденция к организационному объединению в общенациональных рамках. В 1889 г. возникла Всеанглийская федерация горняков. Это был по существу первый крупный производственный профсоюз в масштабах страны. Впоследствии такие федерации сложились и в других отраслях промышленности. Важную роль в сплочении рабочих разных профессий играли профсоюзные советы городов, число которых особенно быстро росло с конца 80-х годов. В 1889 г. было образовано 11 таких советов, в 1890 г.— 19, в 1891 г.—21[4].

Рост боевых настроений в профсоюзном движении отразился и на позициях национального центра — Британского конгресса тред-юнионов (БКТ). В 1890 г. съезд БКТ вопреки позиции руководителей старых тред-юнионов принял резолюцию с требованием законодательного установления 8-часового рабочего дня. В 1893 г. было решено создать избирательный фонд для поддержки тех кандидатов в парламент, которые признáют принцип коллективной собственности на средства производства. В 1894 г. была одобрена резолюция,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 246.
[2] См. *А. Л. Мортон* и *Дж. Тэйт.* Указ. соч., стр. 255.
[3] См. *А. Хатт.* Английское профсоюзное движение (краткая история). М., 1954, стр. 47 и сл.
[4] *G. D. H. Cole.* A Short History of the British Working Class Movement 1789—1925, vol. II. London, 1926, p. 163.

требовавшая национализации земли, копей и всех средств производства.

Во второй половине 90-х годов английское профсоюзное движение понесло значительный ущерб под ударами экономического кризиса и в результате наступления предпринимателей, широко использовавших локауты. Особенно пострадали союзы неквалифицированных рабочих — основа «нового тред-юнионизма». Используя эту ситуацию, реформистские лидеры старых союзов сумели восстановить свои позиции в руководстве БКТ, нейтрализовать там влияние социалистических идей. В политическом отношении БКТ вплоть до конца XIX в. продолжал идти в фарватере либеральной партии.

В значительной мере под влиянием британских тред-юнионистских традиций развивалось профсоюзное движение в Канаде и Австралии. Первый съезд тред-юнионов Австралии был созван в 1871 г., но связь между профсоюзами оставалась слабой. Они создавались главным образом по цеховому признаку, отличались раздробленностью. К концу XIX в. в стране насчитывался 621 тред-юнион. Из них лишь 14 объединяли более тысячи человек каждый [1]. Раздробленным было и канадское профдвижение. К началу XX в. тред-юнионы объединяли там всего около 80 тыс. рабочих.

Развитие профсоюзного движения в США в последние десятилетия XIX в. усложнилось. Растущие попытки рабочих организоваться стали наталкиваться на упорное сопротивление властей и предпринимателей. Участие в профсоюзе нередко клеймилось, как несовместимое с американским образом жизни, подчас каралось увольнением с занесением в черный список.

Между тем объективные условия властно требовали объединения пролетариата против предпринимательских ассоциаций и государственного аппарата насилия. Орден рыцарей труда в 1881 г. отказался от статута тайного общества и, встав в отличие от старых союзов на путь привлечения неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих, быстро приобрел большое влияние. Наряду с союзами и ассамблеями (так назывались местные организации Ордена), основанными на принципе принадлежности к профессии, в его состав входили ассамблеи, объединявшие рабочих различных профессий, ремесленников и т. д. В середине 80-х годов Орден насчитывал около 730 тыс. членов. Однако к концу 80-х годов начали сказываться последствия оппортунистической политики его руководства. Глава Ордена Паудерли отрицал классовую борьбу, считая просвещение рабочего класса, создание производственных кооперативов, денежную и земельную реформы, введение единого налога и установление правительственного контроля над железными дорогами и банками са-

[1] См. *А. Я. Серебряный.* Рабочее движение в австралийских колониях Англии во второй половине XIX века.— «Вопросы всеобщей истории». Волгоград, 1972, стр. 49—64.

мыми эффективными средствами избавления от наемного рабства. Вопреки требованиям рядовых членов Ордена активно включиться в движение за 8-часовой рабочий день Паудерли направил в низовые организации секретный циркуляр, запрещающий участвовать в нем. Этот оппортунистический курс был главной причиной падения популярности Ордена. Сказывалась также усилившаяся конкуренция со стороны тред-юнионов, в рядах которых объединялись квалифицированные рабочие. Упадку Ордена способствовали и правительственные репрессии, имевшие целью ослабить самую массовую организацию трудящихся США. В первой половине 90-х годов Орден рыцарей труда фактически распался.

Основным профсоюзным центром США со второй половины 80-х годов становится Американская федерация труда. Она возникла на базе существовавшей с 1881 г. Федерации тред-юнионов и рабочих союзов США и Канады. В работе съезда АФТ 1886 г. участвовали 25 профессиональных организаций, представлявших свыше 300 тыс. рабочих. О тогдашней позиции АФТ говорит следующий факт: съезд, констатировав, что в мире «идет борьба между... капиталистами и рабочими, борьба, которая с каждым годом становится более напряженной»[1], высказался в поддержку самостоятельного политического движения рабочих и борьбы за 8-часовой рабочий день.

Американская федерация труда организовала ряд крупных забастовок, возглавила движение за 8-часовой рабочий день. В декабре 1888 г. съезд АФТ одобрил план новой кампании по мобилизации рабочего класса, в частности было решено провести 1 мая 1890 г. всеобщую забастовку, чтобы довести борьбу за 8-часовой рабочий день до победного конца.

Однако вскоре в АФТ стало брать верх консервативное течение. В декабре 1889 г. на съезде Федерации лидер АФТ Гомперс и его сторонники добились отмены решения о всеобщей забастовке. В дальнейшем АФТ занимает все более конформистские позиции, постепенно превращаясь в типично тред-юнионистскую организацию, стоящую на позициях классового сотрудничества[2]. Основным принципом организационной структуры Федерации оставался цеховой: рабочие объединялись не по отраслям промышленности и соответственно предприятиям, а по профессиям и месту жительства. АФТ охватывала преимущественно квалифицированных рабочих, проникновение же в тред-юнионы пролетариев низкой квалификации, значительную часть которых составляли иммигранты из Южной и Восточной Европы и негры, было затруднено. Наряду с АФТ в 90-х годах возникли независимые профсоюзы. Крупнейшими из них были железнодорожные братства.

[1] *Л. И. Зубок.* Очерки истории рабочего движения в США. 1865—1918, стр. 169.

[2] См. *У. З. Фостер.* Очерки мирового профсоюзного движения. М., 1956, стр. 170.

А в самой АФТ в это время еще нередко давали о себе знать боевые, классовые настроения трудящихся, их стремление противостоять капиталу в самых различных областях. Так, на съездах АФТ в 1898 и 1899 гг. были приняты антиимпериалистические резолюции, в которых подчеркивалось, что, порабощая колониальные народы, правители США угнетают и рабочий класс Соединенных Штатов; внешняя экспансия приведет лишь к дальнейшим репрессиям против американского рабочего движения [1].

В 1901 г. численность профсоюзов в США превысила 1 млн. человек, из них около 780 тыс. входили в АФТ [2]. Несмотря на этот рост, тред-юнионы объединяли не более 10% рабочих промышленности и транспорта.

Второй тип профсоюзного движения получил наибольшее развитие в Германии. В 1868 г. на встрече делегатов ряда местных рабочих союзов в Нюрнберге и в 1869 г. в Лейпциге был поставлен вопрос о создании профессиональных товариществ. Устав их выработал А. Бебель, который руководствовался при этом идеями Маркса о профсоюзах как школе классовой борьбы. На этой основе были организованы профсоюзные товарищества мануфактурных, фабричных и ремесленных рабочих, горняков и доменщиков, металлистов, обувщиков, строителей, деревообделочников, портных, переплетчиков, скорняков и др. [3] Отраслевые профсоюзы сразу же стали играть активную роль в экономической борьбе рабочего класса. В 1872 г. в Эрфурте состоялся первый съезд социал-демократических профсоюзов. Прибывшие делегаты представляли 11 400 человек [4]. Спустя два года новый съезд принял устав общегерманского профсоюзного объединения и избрал Центральный комитет во главе с видным социал-демократом Йорком.

Руководители лассалевского Всеобщего рабочего союза, хотя они в принципе и отрицали необходимость экономической борьбы, пошли в конце 60-х годов на создание собственных профсоюзов, чтобы противопоставить их тем, которые находились под влиянием эйзенахцев. В первое время лассальянские союзы даже превосходили их численностью, но в дальнейшем она значительно снизилась, ибо последователи Лассаля и своей общей политикой, и своим в целом негативным отношением к профсоюзной работе отталкивали от себя рабочих. В 1872 г. они выступили с предложением распустить примыкавшие к Всеобщему рабочему союзу профорганизации, но это намерение натолкнулось на активное противодействие рабочих.

Решающий шаг в направлении профсоюзного единства был сде-

[1] *Ph. Foner.* American Labor and the Indochina War. The Growth of Union Opposition. New York, 1971, p. 8.
[2] См. *Л. И. Зубок.* Очерки истории США (1877—1918). М., 1956, стр. 328.
[3] *D. Fricke.* Die deutsche Arbeiterbewegung 1869—1890. Leipzig, 1964, S. 290—292.
[4] Ibid., S. 293.

лан в 1875 г. после ликвидации раскола в социалистическом движении на съезде в Готе. В том же городе состоялась конференция представителей социал-демократических и лассальянских профсоюзов, решившая провести слияние местных организаций обоих направлений, создать централизованное руководство и подготовить общегерманский конгресс объединенных профсоюзов [1].

В 1875 — 1876 гг. удалось добиться объединения местных лассальянских и социал-демократических профсоюзов формовщиков, литейщиков, машиностроителей, каменщиков, плотников, портных, деревообделочников и др. Общегерманские централизованные организации создали обувщики и кузнецы. К 1878 г. уже функционировали 27 централизованных профсоюзов социал-демократической ориентации (их обычно называли свободными профсоюзами). Их местные организации насчитывали в общей сложности около 50 тыс. членов. И хотя свободные профсоюзы охватывали небольшую часть рабочего класса — не свыше 2,5% [2], они сыграли значительную роль в развитии германского рабочего движения. Они приобщали рабочих к участию в общественной жизни, к активной самодеятельности, воспитывали в рабочих организационные навыки, классовое самосознание, служили связующим звеном между Социалистической рабочей партией и пролетарской массой.

«Большим преимуществом германского движения, — писал Ф. Энгельс, — является тот факт, что профессиональная организация работает рука об руку с организацией политической. Непосредственные выгоды, которые дает профессиональная организация, втягивают многих обычно индифферентных людей в политическое движение; в то же время общность политического действия сплачивает обычно изолированные профессиональные союзы и обеспечивает их взаимную поддержку» [3].

Профсоюзам, особенно после введения правительством Бисмарка в 1878 г. «исключительного закона» против социалистов, приходилось действовать в условиях повседневных полицейских преследований. Их острие было направлено против социал-демократической партии, но закон нанес серьезный удар и профсоюзам: 17 центральных и множество местных союзов были распущены, почти все профсоюзные газеты запрещены. Предприниматели изгоняли профсоюзных активистов с предприятий, власти устанавливали над ними полицейский надзор, высылали за пределы страны.

Но уже в первой половине 80-х годов прежде всего благодаря правильной тактике социал-демократической партии, успешно сочетавшей нелегальную деятельность с легальными средствами борьбы, значительная часть свободных профсоюзов в той или иной форме

[1] *A. Förster.* Zur Geschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung 1871 bis 1890. Berlin, 1962, S. 54.

[2] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd I. Berlin, 1966, S. 344.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 128.

была восстановлена под видом больничных касс, обществ взаимопомощи, страховых бюро и т. д. В 1885 г. эти организации объединяли до 80 тыс. человек, т. е. значительно больше, чем входило в профсоюзы до их разгрома властями[1]. Тогда же началось восстановление центральных союзов. Несмотря на все усилия, правящим кругам не удалось задушить профсоюзное движение; в труднейших условиях оно закалилось и окрепло.

Взаимодействие с профсоюзами помогло социал-демократии дать отпор лассальянским, правооппортунистическим и анархистским тенденциям, оживившимся в условиях нелегальности. Когда закон против социалистов был отменен (1890 г.), в Германии имелось уже 58 центральных профессиональных союзов с 300 тыс. членов. И хотя они все еще охватывали лишь часть рабочего класса, то была мощная сила, располагавшая значительными возможностями в борьбе за права и интересы пролетариата.

Обретя легальное существование, профсоюзы получили возможность расширить связи с массами, организационно упорядочить свою деятельность, более энергично выступать не только за экономические, но и за политические интересы рабочего класса. Возникла идея создать общегерманское объединение свободных профсоюзов. Начало реализации этой идеи положила профсоюзная конференция, собравшаяся в Берлине в ноябре 1890 г. Созданная на ней Генеральная комиссия профсоюзов стала центром борьбы за право рабочих на объединение. Она же подготовила первый общегерманский съезд профсоюзов, состоявшийся в марте 1892 г. в Гальберштадте. Съезд провозгласил создание постоянного общегерманского объединения социал-демократических (свободных) профсоюзов[2]. Руководящим органом объединения стала Генеральная комиссия профсоюзов, которую возглавил социал-демократ К. Легин. В 1896 г. свободные профсоюзы насчитывали в своих рядах 329 тыс. членов, в 1900 г.— 680 тыс.[3].

Создание общенационального профсоюзного центра, в который вошли многие крупные профсоюзные организации, стало значительной вехой в развитии германского рабочего движения, усилило тенденцию к перестройке профсоюзов на производственной основе. Однако некоторые лидеры профсоюзов, вошедших в новое объединение, довольно скоро обнаружили склонность ориентироваться как в организационном, так и в идейно-политическом отношении на тредюнионистские образцы. В последующие годы это тормозило реорганизацию профсоюзов по производственному принципу и — что еще

[1] *F. Mehring.* Gesammelte Schriften, Bd 2. Berlin, 1960, S. 622.
[2] *W. Schröder.* Klassenkämpfe und Gewerkschaftseinheit. Die Herausbildung und Konstituierung der gesamtnationalen deutschen Gewerkschaftsbewegung und der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands. Berlin, 1965, S. 295.
[3] *D. Fricke.* Zur Organisation und Tätigkeit der deutschen Arbeiterbewegung. Leipzig, 1962, S. 212.

более важно — мешало установлению правильных отношений между профсоюзами и политической партией рабочего класса.

На Кёльнском съезде СДПГ в 1893 г. началась затянувшаяся на долгие годы дискуссия вокруг этой темы. Легин требовал фактического подчинения партии Генеральной комиссии профсоюзов [1]. Съезд отверг претензии Легина и его единомышленников, но ему не удалось разработать подлинно революционные принципы взаимоотношений между партией и профсоюзами. Задачи последних в подготовке масс к пролетарской революции и роль партии в системе организаций рабочего класса не были зафиксированы в документах съезда со всей необходимой ясностью.

Наряду с охарактеризованными в Германии с 1868 г. существовали также гирш-дункеровские профсоюзы [2], с самого начала отстаивавшие «гармонию» интересов труда и капитала; к концу столетия они объединяли около 90 тыс. человек, главным образом служащих. Определенное значение приобрели христианские профсоюзы, возникшие в 90-х годах и находившиеся под влиянием буржуазной партии Центра, а также специальные католические профсоюзы. Железнодорожные рабочие и рабочие государственных учреждений объединялись в «независимые» профсоюзы; они были лишены права на забастовки, а те, кто все же участвовал в них, привлекались к суду «за подрыв государственной системы».

В Австро-Венгрии первые профсоюзы возникают на рубеже 60—70-х годов, причем с самого начала все попытки более широкого объединения встречают ожесточенное сопротивление властей. В 1873 г. в стране имелось немногим больше 100 профорганизаций, насчитывавших приблизительно 33 тыс. человек. Точную их численность для того времени определить трудно, ибо окончательная дифференциация профсоюзов, с одной стороны, и просветительных обществ, больничных касс и аналогичных организаций — с другой, еще не произошла. Рост профсоюзного движения в дальнейшем затормозился в связи с затяжным кризисом, в котором почти до самого конца 80-х годов находилось австрийское рабочее движение. Перелом произошел в результате воссоздания единой партии на съезде в Гайнфельде в 1888 г. В 1891 г. в Австрии имелось уже примерно 300 союзов, охватывавших около 60 тыс. рабочих [3]. Однако и в это время им удавалось объединяться в лучшем случае в масштабе отдельных провинций.

Развернулась упорная борьба с властями за право централизации. В течение 1890—1891 гг. состоялись общеавстрийские съезды рабочих делегатов по специальностям; то был существенный шаг к созданию отраслевых профсоюзов. В процессе подготовки к этому союзы,

[1] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd I, S. 437.
[2] По имени их основателей — деятелей немецкой прогрессивной партии М. Гирша и Ф. Дункера.
[3] *J. Deutsch.* Op. cit., S. 220.

охватывающие пролетариев родственных профессий, нередко объединялись, что означало отход от цехового принципа построения. Первыми добились права образовать отраслевой профсоюз в общеавстрийском масштабе металлисты (1892 г.). Следующей, и еще более важной, целью стало объединение различных профсоюзов в национальный профцентр; оно произошло на первом конгрессе профсоюзов в декабре 1893 г. Конгресс высказался за тесный контакт с социал-демократической партией; профсоюзная организация, говорилось в принятой резолюции, «будет для достижения успеха вести борьбу во всех направлениях, не забывая политических средств и разделяя в отношении последних точку зрения социал-демократии, ее принципы» [1].

К концу столетия численность австрийских профсоюзов составила 120 тыс. человек. В Венгрии к этому времени имелось 126 профсоюзов, объединявших 23 тыс. рабочих. В 1898 г. был образован Совет профсоюзов, а в мае следующего года состоялся первый съезд профсоюзных организаций [2].

В Бельгии профсоюзное движение начало развиваться после отмены в 1866 г. статей уголовного кодекса, квалифицировавших создание любых рабочих коалиций как правонарушение. В 1875 г. в Брюсселе была основана Палата труда, представлявшая собой федерацию рабочих обществ. К 1891 г. в профсоюзах состояло 60—70 тыс. человек — немногим более десятой части рабочих-мужчин. В 1898 г. был создан национальный профцентр — Профсоюзная комиссия Бельгии. Она являлась одним из главных носителей реформизма в рабочем движении этой страны.

Начало профсоюзного движения в Скандинавских странах связано с деятельностью Международного рабочего союза Дании — фактически датской секции I Интернационэла, чьи заслуги были высоко оценены Ф. Энгельсом [3]. Благодаря усилиям Союза датское правительство ввело в 1873 г. фабричное законодательство.

Объединяя не только датчан, но и шведов и норвежцев, проживающих в Дании, Международный рабочий союз способствовал организации рабочих также в Швеции и Норвегии. В 1872 г. создали профсоюз типографские рабочие Христиании (Осло), а в 1876 г.— их товарищи по профессии в Бергене.

Однако большинство профессиональных союзов возникло в Скандинавских странах в 80-х годах. В Дании с 1879 по 1889 г. было создано 189 профсоюзов [4]. В Швеции к началу 90-х годов существовало 250—275 профсоюзных организаций [5]. В Норвегии в 1880 г.

[1] *Fr. Hemala.* Geschichte der Gewerkschaften. Wien, 1922, S. 93.
[2] См. «История венгерского революционного рабочего движения», т. I, стр. 46.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, стр. 360—361.
[4] *I. Nørlund.* Det knager i samfundets fuger og bånd. København, 1966, s. 28.
[5] «Fagforeningskundskab». København, 1936, s. 36.

возникли профсоюзы, объединявшие краснодеревщиков, механиков, каменотесов, портных и сапожников. В 1889 г. в них насчитывалось около 3—4 тыс. человек[1]. В 1886—1889 гг. в Швеции появилось шесть первых национальных отраслевых профобъединений, а в 90-х годах — еще 26.

Общенациональные объединения профсоюзов были созданы в Дании и Швеции в 1898 г., а в Норвегии — в 1899 г. Одной из основных проблем, стоявших на повестке дня учредительных съездов профцентров Скандинавских стран, был характер взаимоотношений с социал-демократическими партиями. Так, на съезде Центрального объединения профсоюзов Швеции предложение о том, что присоединение к социал-демократической партии должно быть обязательным, вызвало решительные возражения со стороны тех, кто считал, что профсоюзы должны быть самостоятельными. Хотя это предложение и было принято, в дальнейшем они неоднократно пытались пересмотреть этот вопрос.

С самого начала между профсоюзами Дании, Норвегии и Швеции установились тесные связи. Регулярно проводились скандинавские профсоюзные съезды. Первый такой съезд состоялся в 1886 г. в Гётеборге.

В 1899 г. предприниматели Дании нанесли сильный удар по профсоюзам. Угрожая массовым локаутом, они заставили руководство Объединения профсоюзов подписать так называемое Сентябрьское соглашение, которое существенно ограничило право на забастовку. Профсоюзы обязаны были предупреждать предпринимателей о ней дважды — за 14 дней и за 7 дней до начала. Само собой разумеется, что благодаря этому предприниматели могли соответствующим образом подготовиться. Параграф 4 соглашения закреплял за предпринимателями право «свободно руководить и распределять работу, а также нанимать рабочую силу, которую они считают подходящей». В дальнейшем соглашение стало серьезным препятствием для деятельности профсоюзных организаций и способствовало утверждению реформизма в датском рабочем движении.

Особые формы приобрело профсоюзное движение в романских странах. Здесь большую (а подчас преобладающую) роль играли анархо-синдикалисты, провозглашавшие своей целью свержение капитализма и обобществление средств производства, но в то же время переоценивавшие значение и возможности профессиональных объединений, являющихся будто бы основной формой организации рабочего класса и главной силой социалистического переворота. Важнейшим средством уничтожения эксплуататорского строя анархо-синдикалисты объявляли всеобщую экономическую стачку, которую противопоставляли всем другим формам и методам борьбы.

[1] *J. Westerståhl.* Svensk fackföreningsrörelse. Stockholm, 1945, s. 23.

Будучи противниками государства, анархо-синдикалисты отвергали всякую политическую деятельность. Организация будущего общества мыслилась ими в виде федерации синдикатов, ведающей всем производством и обменом. Профессиональные союзы, разделявшие эти принципы, строились обычно на федералистской основе при широкой автономии местных организаций.

Во Франции, после того как в 1884 г. было наконец санкционировано существование профсоюзов, инициативу их создания взяли на себя политические организации пролетариата[1]. В 1886 г. благодаря усилиям Французской рабочей партии (гедистов) на съезде в Лионе была основана Национальная федерация профсоюзов (синдикатов), объединявшая рабочих по производственному признаку. Съезд заявил, что федерация «объявляет себя братской организацией по отношению ко всем существующим рабочим социалистическим организациям»[2].

Французская рабочая партия стремилась привлечь профсоюзы к активному участию в классовой борьбе, разъясняла, что одни лишь выступления с экономическими требованиями не могут обеспечить освобождение пролетариата. Однако, несмотря на эту правильную посылку, партия все же недооценивала борьбу за повседневные экономические нужды, стесняла деятельность профсоюзных организаций постоянной опекой[3]. Тем не менее Национальная федерация синдикатов сыграла большую организующую роль. В частности, именно ей принадлежит инициатива борьбы за 8-часовой рабочий день и празднование 1 Мая во Франции.

С 1887 г. стала складываться и другая форма профессиональных объединений, преимущественно на локальной основе,— биржи труда. Они организовывали взаимопомощь пролетариев, содействовали им в подыскании работы и т. д. В 1892 г. была создана Федерация бирж труда, находившаяся под влиянием реформистов. К середине 90-х годов биржи труда охватывали почти 250 тыс. человек, т. е. 65% всех французских рабочих, входивших в профсоюзы[4]. К этому времени относится усиление позиций анархо-синдикалистов. Используя разочарование рабочих в политике оппортунистического руководства, недовольство соперничеством различных социалистических группировок и выросшее на этой основе стремление к профсоюзному единству, анархо-синдикалисты расширили свое влияние в основных профсоюзных центрах. Важнейшим показателем этого явилось одобрение в 1894 г. съездами Национальной федерации профсоюзов и Федерации бирж труда, а затем и общим их съездом, состоявшимся в Нанте в том

[1] Тем же законом было разрешено образование союзов предпринимателей и крестьян, но запрещено создание организаций государственных служащих и работников общественных служб.
[2] *Ж. Брюа* и *М. Пиоло*. Очерки истории Всеобщей конфедерации труда Франции. М., 1959, стр. 36.
[3] «Histoire du Parti communiste français». Paris, 1964, p. 27.
[4] См. *Ф. Пелутье*. История бирж труда. Пг., 1919, стр. 90.

же году, лозунга всеобщей экономической стачки как средства, способного «заменить» политическую революцию[1].

Осудив этот неверный лозунг, гедисты не сумели оценить глубину стремления к единству, которое получило широкое распространение в профсоюзном движении Франции. Серьезной ошибкой партии был уход ее представителей с Нантского съезда.

В 1895 г. в Лиможе образовалась Всеобщая конфедерация труда Франции (ВКТ). Впервые рабочие организации объединили свои силы в масштабах всей страны. Однако в результате сектантской позиции гедистов перевес в ВКТ получило анархо-синдикалистское течение, которое противопоставляло друг другу профсоюзные и политические организации рабочего класса[2]. Идея отказа от политики, которой придерживались анархо-синдикалисты, в конечном счете открыла дорогу реформистам, ограничивавшим цели движения совершенствованием социального законодательства и коллективных трудовых договоров.

В Италии профсоюзы стали возникать в 70-х годах в виде обществ взаимопомощи[3]. Первая попытка объединить различные профессиональные организации относится к 1882 г. В Милане была создана Итальянская рабочая партия, видевшая свою задачу в том, чтобы организовать трудящихся по профессиям и защищать их права. По своему характеру эта организация приближалась к профсоюзному объединению и отражала тот этап движения, когда оно еще не дифференцировалось на партийное и профессиональное. Действовала она главным образом в промышленных центрах Ломбардии.

В 80—90-х годах формируются общенациональные отраслевые объединения профсоюзов — федерации типографов (1887 г.), металлистов (1896 г.), металлургов, лесорубов (1900 г.) и др. Численность профсоюзов в последнее десятилетие XIX в., когда в Италии развернулась острая классовая борьба, составляла примерно 150 тыс. человек[4]. Но главной силой итальянского профдвижения являлись в то время не отраслевые федерации (их было еще мало), а местные межсоюзные объединения трудящихся, именуемые палатами труда. Первые такие палаты образовались в 1891 г. в Милане, Турине и Пьяченце как органы, призванные заботиться об улучшении положения рабочих и других тружеников путем подыскания работы, содействия созданию кооперации, обучения и т. п. В 1893 г. на съезде в Парме была создана общеитальянская Федерация палат труда. В тяжелых условиях репрессий, которые итальянская реакция обрушила на народные массы, палаты превратились в центры сопротив-

[1] См. *Т. Милицина*. Борьба течений в профессиональном движении во Франции. М., 1937, стр. 66.

[2] *Ж. Брюа* и *М. Пиоло*. Указ. соч., стр. 40.

[3] *R. Rigola*. Storia del movimento operaio italiano. Milano, 1947, p. 49.

[4] «La storia del sindacato in Italia». Roma, 1966, p. 27.

ления. Так было, в частности, во время событий 1898 г. в Милане, когда трудящиеся поднялись на баррикадные бои.

К середине 90-х годов итальянские профсоюзы в организационном отношении постепенно обособились от политической партии пролетариата[1]. В чрезвычайно сложных условиях того времени — в течение ряда лет Социалистическая партия действовала в подполье — не удалось наладить необходимых отношений между профсоюзными и политическими пролетарскими организациями. Этому препятствовало и усиление реформистских тенденций в руководстве Социалистической партии. В свою очередь «революционное нетерпение», порождавшееся непрекращавшимися атаками реакции на права трудящихся, приток в ряды рабочего класса особенно многочисленных в условиях Италии выходцев из мелкой буржуазии — все это определило влияние анархо-синдикализма в итальянском профдвижении, значительно усилившееся с начала XX в.

В Испании в 1881 г. на рабочем съезде в Барселоне была образована Региональная федерация трудящихся, с самого начала стоявшая на анархистской платформе. Она отвергала содружество с политическими партиями и отрицала политическую борьбу как средство достижения целей рабочего класса. В 1882 г. организация насчитывала около 70 тыс. членов; в 1888 г. она была запрещена, и вместо нее возник новый анархистский профцентр, руководимый еще более крайними элементами[2].

В конце 80-х годов появились и профессиональные союзы, связанные с Социалистической партией. В 1888 г. на конгрессе в Барселоне был образован Всеобщий союз труда. Однако он не пользовался серьезным влиянием, и к 1899 г. в нем состояло не более 15 тыс. членов.

Одной из отличительных черт профсоюзного движения последней четверти XIX в. являлось значительное расширение сферы его распространения. Профессиональные организации стали создаваться в Японии, ряде стран Латинской Америки[3], в Новой Зеландии.

В Японии образование профсоюзов и развертывание их деятельности было сопряжено с особыми трудностями из-за полного отсутствия демократических свобод и широкого распространения женского и детского труда. Первые организации рабочей взаимопомощи возникли в конце 80-х — начале 90-х годов, объединив небольшое число рабочих, главным образом металлистов, кровельщиков в местном масштабе. Более быстрыми темпами развитие профсоюзов пошло во второй половине 90-х годов, чему в огромной мере способствовала деятельность Сен Катаямы и образованных им организаций. В 1897 г. был учрежден Союз металлистов, который принято считать

[1] См. *Д. Канделоро.* Профсоюзное движение в Италии. М., 1953, стр. 23.

[2] См. *И. М. Майский.* Испания 1808—1917. Исторический очерк. М., 1957, стр. 354—356.

[3] Подробнее об этом см. главу девятую.

первым в истории Японии современным профсоюзом. К концу следующего года Союз имел 32 филиала в таких крупных промышленных центрах, как Иокогама, Иокосука, Осака, Урага, Омия, а также на о. Хоккайдо и насчитывал в своих рядах 2717 человек[1]. В 1898 г. был основан Союз машинистов и кочегаров, а в 1899 г.— Союз печатников. Руководители последнего вначале проповедовали «гармонию» труда и капитала, но впоследствии в этом профсоюзе, насчитывавшем около 2 тыс. членов, все большую популярность завоевывают социалистические идеи[2].

В 90-х годах в большинстве стран Европы и в США уже имелись национальные объединения профессиональных организаций. Рабочие добились принятия законов, предоставлявших профессиональным организациям те или иные права, но за их соблюдение приходилось вести постоянную борьбу с предпринимателями и властями.

Начиная со второй половины 80-х годов было предпринято несколько попыток укрепления интернациональных связей между профсоюзами. В ноябре 1888 г. по инициативе британских тред-юнионов в Лондоне состоялась международная конференция, в работе которой приняли участие представители профсоюзных организаций Франции, Голландии, Дании и Бельгии. Реформистское руководство тред-юнионов рассчитывало, что конференция закрепит за ним руководящую роль в международном профсоюзном движении. Но большинство иностранных делегатов заняло по ряду вопросов позицию, существенно отличавшуюся от позиции их британских коллег. В частности, прошла резолюция о необходимости законодательного регулирования продолжительности рабочего дня и условий труда, что противоречило линии, которую отстаивали английские профсоюзные лидеры. Вопреки последним конференция высказалась также за необходимость организации рабочих в самостоятельную политическую партию. В последующие годы состоялось несколько международных конференций представителей отраслевых союзов — печатников, горняков и т. д.

Стремясь помешать неуклонному росту самостоятельных классовых рабочих организаций и усилению влияния на них социализма, буржуазия попыталась противопоставить профессиональным объединениям пролетариата организации, которые находились бы под ее непосредственным влиянием. Подобную роль играли мадзинистские рабочие общества в Италии, то же самое можно сказать и о гирш-дункеровских профсоюзах в Германии. Аналогичные попытки имели место и в других странах. Однако большого эффекта они не дали.

Гораздо более результативными с точки зрения правящих классов оказались усилия, предпринятые в этом направлении христианской

[1] См. *С. Катаяма*. Воспоминания. М., 1964, стр. 265.
[2] *Н. Суэхиро*. Нихон родо-куленай ундоси. Токио, 1954, стр. 32—33 (на япон. яз.).

церковью [1]. В 90-х годах она приложила значительные усилия, чтобы создать «христианский» эквивалент классовому профсоюзному движению.

В Германии первыми в 1894 г. были созданы католические профсоюзы в горнодобывающей промышленности. Затем они начали возникать и в других сферах производства; появились также евангелические профсоюзы. Церковь была заинтересована в объединении этих организаций на межконфессиональной основе, и в 1899 г. состоялся первый конгресс христианских профсоюзов Германии. К концу века в них состояло 56 тыс. человек.

Во Франции католические профсоюзы зародились в конце 90-х годов. Учитывая большое влияние церкви на женщин, французские католики организовали особые союзы женщин — работниц и служащих, объединявшие представительниц различных профессий. Однако французские католические профсоюзы были немногочисленны и не сыграли серьезной роли в профдвижении. К началу века они объединяли всего 2,5 тыс. членов [2].

В конце 80-х годов профсоюзы такого же типа возникли во Фландрии, где влияние католической церкви было особенно велико, в 90-х годах — в Италии, Швейцарии, Австрии (к 1900 г. они охватывали около 8 тыс. человек) [3]. Своих сторонников христианские профсоюзы вербовали в основном либо среди служащих, мелких ремесленников и торговцев, либо среди пролетариев, занятых в полукустарных, отсталых отраслях производства.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Широкий размах массовых выступлений рабочего класса в последнюю четверть XIX в. стал возможным прежде всего в результате значительного расширения социалистического движения. Именно в этот период в большинстве капиталистических стран возникли и укрепились пролетарские партии, в основном руководствовавшиеся в своей деятельности теорией научного социализма.

В 1875 г. на съезде в Готе произошло объединение Социал-демократической рабочей партии Германии со Всеобщим германским рабочим союзом. Тем самым был ликвидирован раскол в немецком рабочем движении, что сыграло огромную роль в поступательном развитии освободительной борьбы рабочего класса. И хотя в программе Социалистической рабочей партии Германии (такое название она получила после объе-

[1] О влиянии церкви на рабочее движение см. главу восьмую.

[2] *V. Talmy.* Le syndicalisme chrétien en France (1871—1930). Paris, 1966, p. 49.

[3] «Cents cinquante ans de mouvement ouvrier chrétien». Louvain — Paris, 1966, p. 399, 472; *J. Deutsch.* Op. cit., S. 388.

динения), принятой съездом, содержались принципиальные уступки лассальянству и в теоретическом плане она представляла собой шаг назад по сравнению с программой Эйзенахской партии (принятой шестью годами ранее), за что Маркс и Энгельс подвергли проект новой программы суровой критике[1], успешная революционная практика германской социал-демократии в значительной мере нейтрализовала ее серьезные недостатки. Во время очередных выборов в рейхстаг в январе 1877 г. социал-демократы получили около полумиллиона голосов и провели в его состав 13 депутатов. К концу этого года партия и связанные с нею профсоюзы располагали более чем 60 периодическими изданиями. По существу это была единственная в то время социалистическая партия в Европе, и на нее равнялись социалисты других стран. «Пролетариат Германии,— писал тогда Энгельс,— вполне достоин возложенной на него задачи временного руководства. Какие бы ошибки ни совершали отдельные вожди,— а ошибки эти и многочисленны и разнообразны,— массы двигались вперед решительно, непоколебимо и в правильном направлении»[2].

Справедливость этой оценки вполне подтвердилась в последующие годы, после того как правительство Бисмарка попыталось ликвидировать растущую силу германской социал-демократии, издав в октябре 1878 г. «исключительный закон» против социалистов. Этот закон запрещал деятельность всех организаций, «социал-демократические, социалистические и коммунистические стремления которых имеют своей целью свержение существующего государственного и общественного строя»[3]. Партия фактически оказалась на нелегальном положении: ее организации были запрещены, почти все ее газеты и другие издания закрыты, проведение собраний, митингов и т. п. не разрешалось. Из крупных городов были высланы наиболее активные участники движения, некоторых из них бросили в тюрьмы; многим оставшимся без средств к существованию пришлось покинуть страну.

Закон был задуман как долгосрочная мера. Главный его инициатор Бисмарк рассчитывал, что в сочетании с некоторыми куцыми социальными мероприятиями запрещение социал-демократической партии нанесет смертельный удар революционному рабочему движению.

Введение «исключительного закона» стало суровым испытанием для молодой партии германских революционеров. Международное рабочее движение не располагало опытом сочетания нелегальных и легальных средств борьбы. Некоторое время немецкие социал-демократы испытывали колебания и растерянность. С одной стороны, подняли голову правооппортунистические элементы. Их платформа была особенно четко выражена в получившей печальную известность

[1] Подробнее об этой критике и о самой программе см. в следующем параграфе данной главы.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 129.
[3] *D. Fricke*. Die deutsche Arbeiterbewegung 1869—1890, S. 128.

анонимной статье «Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии. Критические афоризмы», напечатанной в 1879 г. в журнале, издававшемся в Цюрихе на средства примыкавшего к социал-демократической партии реформиста К. Хехберга[1]. Эта статья, принадлежавшая перу К. Хехберга, Э. Бернштейна и К. А. Шрамма, представляла собой открыто реформистскую программу, призывавшую к полному отказу от революционных целей и методов борьбы, к превращению партии рабочего класса в придаток либеральной буржуазии. Маркс и Энгельс охарактеризовали воззрения авторов статьи следующим образом: «Социал-демократическая партия *не должна* быть партией рабочего класса, не должна навлекать на себя ненависть буржуазии или вообще чью бы то ни было ненависть, она должна прежде всего вести энергичную пропаганду в среде буржуазии; вместо того чтобы во главу угла ставить далеко идущие, отпугивающие буржуазию и все же недостижимые для нашего поколения цели, пусть лучше все свои силы и всю свою энергию она обратит на осуществление тех мелкобуржуазных реформ-заплат, которые укрепят старый общественный строй и тем самым, может быть, превратят конечную катастрофу в постепенный, совершающийся по частям и по возможности мирный процесс перерождения»[2].

С другой стороны, активную пропаганду повели склонявшиеся к анархизму и вскоре полностью перешедшие в этот лагерь элементы во главе с И. Мостом, который, эмигрировав в Англию, начал издавать там газету «Фрайхайт». В этой газете, говоря словами Маркса, не было «*никакого революционного содержания*, а только одни *революционные фразы*»[3]. Анархисты требовали организации вооруженного выступления против существующего режима, т. е. проведения такой тактики, которая неизбежно привела бы к отрыву от масс и разгрому организации.

При активной помощи Маркса и Энгельса, которые в специальном письме, адресованном руководящим деятелям партии А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др.[4], подвергли оппортунистов резкой критике и потребовали решительной борьбы с ними, партии удалось, опираясь на поддержку социал-демократических рабочих, преодолеть и правый и левый уклоны и наладить эффективную деятельность в новых, весьма сложных и трудных условиях. По существу это был первый в истории международного рабочего движения опыт сочетания нелегальной работы с использованием всех сохранившихся в распоряжении партии легальных средств, прежде всего участия в избирательной борьбе и парламенте. Этот опыт имел огромное значение не только для Германии, но и для освободительного движения рабочего класса других стран, особенно тех, где социалисты нахо-

[1] «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», Zürich—Oberstrass, 1879, 1 Jg., 1. Hälfte.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 320.
[3] Там же, стр. 325.
[4] См. там же, стр. 308—323.

дились на нелегальном или полулегальном положении. К германскому опыту неоднократно обращался впоследствии В. И. Ленин, организуя деятельность российской революционной социал-демократии.

Тактика партии в период «исключительного закона» исходила из необходимости сохранения нелегальной организации, преследующей революционные цели, не допуская при этом превращения ее в заговорщический союз; несостоятельность подобного союза вытекала из всего накопленного движением опыта. Постепенно в той или иной форме были восстановлены местные организации партии. Партийные собрания проводились под флагом легальных культурнических объединений вроде певческих союзов, клубов курильщиков и т. д., а также — в период избирательных кампаний — в форме предвыборных митингов. Большую роль в налаживании нелегальной работы сыграли социал-демократические депутаты рейхстага, которые использовали свои поездки по стране в интересах партии. Хорошо организованная система нелегальной доставки в Германию многих тысяч экземпляров издававшейся сначала в Цюрихе, а позже в Лондоне газеты «Социал-демократ»[1] — центрального органа партии, а также печатавшихся в ее типографии листовок и их распространение среди рабочих — так называемая красная полевая почта — служила связующим звеном между партийными организациями, поддерживала среди членов партии и сочувствующих уверенность в ее силе[2]. Этому способствовало и наличие множества рабочих корреспондентов, материалы которых публиковались анонимно и составляли важную часть содержания газеты. В последующие годы были созданы подпольные типографии, в которых газета печаталась с матриц, доставляемых конспиративным путем из-за границы. Организатору «красной почты» Юлиусу Моттелеру удалось сформировать сеть доверенных лиц для борьбы с провокаторами и шпионами. Благодаря этому были выявлены и обезврежены сотни полицейских агентов[3].

Таким образом, осуществление плана «железного канцлера» натолкнулось на организованное и всевозраставшее сопротивление передовых элементов рабочего класса Германии. Умело используя

[1] Подробнее о роли этой газеты см.: *H. Bartel.* Marx und Engels im Kampf um ein revolutionäres deutsches Parteiorgan. 1879—1890. Berlin, 1961; *H. Bartel, W. Schröder, G. Seeber, H. Wolter.* «Der Sozialdemokrat» 1879—1890. Berlin, 1975.

[2] В августе 1880 г. газета писала: «Не проходит ни одного дня, чтобы из целого ряда городов и местностей не сообщалось, что невидимые руки распространяют «Социал-демократ». «Смерть паразитам», «Победа социал-демократии», «К немецкому народу» и другие издания в сотнях и тысячах экземпляров распространяются в домах и на фабриках, на улицах и площадях, в омнибусах и даже в церквях (!)... Самое страшное для полиции то, что ей чрезвычайно редко удается найти преступников» («Der Sozialdemokrat», 8. VIII. 1880).

[3] Подробнее см: *E. Engelberg.* Revolutionäre Politik und rote Feldpost 1878—1890. Berlin, 1959, S. 172—213.

имевшиеся в ее распоряжении средства, германская социал-демократия не только не допустила разгрома рабочего движения, но значительно укрепила и расширила свои ряды, свое влияние на рабочий класс. Если на выборах в рейхстаг в 1881 г. партия собрала несколько более 300 тыс. голосов, то в 1890 г. за ее кандидатов проголосовало 1 427 тыс. избирателей, т. е. 19% всех участвовавших в выборах. В сентябре 1890 г. «исключительный закон» был отменен. Из сражения, навязанного ей правящими классами, партия вышла победительницей.

В течение 90-х годов германская социал-демократия продолжала оставаться наиболее сильным отрядом международного рабочего движения. Рабочему классу Германии удалось под руководством партии выиграть крупные классовые битвы, добиться улучшения условий жизни и труда. Однако в социал-демократии уже в это время явственно ощущалось влияние оппортунистических настроений, распространение которых привело в конце века к образованию в партии ревизионистского течения, начавшего открытую борьбу за пересмотр революционной теории и стратегии классовой борьбы.

Росло в последней четверти XIX в. и социалистическое движение во Франции. Его влияние в рабочих массах значительно укрепилось. Большинство делегатов состоявшегося в октябре 1879 г. в Марселе третьего рабочего конгресса, основавшего Рабочую партию, поддержало так называемых коллективистов-социалистов во главе с Ж. Гедом, которые выступали за обобществление средств производства, за участие рабочего класса в политической борьбе. Это свидетельствовало о том, что прудонистские и другие мелкобуржуазные социалистические учения начали терять былую популярность. В начале 1880 г. Ед и его сторонники возобновили издание газеты «Эгалитэ»[1], которую Маркс охарактеризовал как «первую «французскую» *рабочую газету* (в подлинном смысле этого слова)» А в конце того же года съезд Рабочей партии в Гавре принял выдержанную в целом в марксистском духе программу. Однако влияние реформистов оставалось все еще весьма значительным, что привело вскоре к расколу партии.

На съезде Рабочей партии в Сент-Этьене в сентябре 1882 г. большинство делегатов поддержало реформистскую программу, выдвинутую бывшими прудонистами П. Бруссом и Б. Малоном и провозгласившую главной целью движения завоевание большинства в муниципальных советах, с тем чтобы посредством создания муниципальных предприятий постепенно заменить капиталистическую собственность общественной. Эта «политика возможностей» (по-французски — «поссибилитэ») дала название «поссибилисты» сторонникам того направления, которое затем долгие годы олицетворяло реформистское крыло социалистического движения во Франции.

[1] Она издавалась в 1877—1878 гг.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 378.

Делегаты, оставшиеся верными марксистской программе, покинули съезд в Сент-Этьене и провели свой съезд в Роанне, который стал важной вехой в развитии Французской рабочей партии, возглавлявшейся Ж. Гедом (отсюда ее общепринятое название «гедисты») и П. Лафаргом, в подлинно социалистическом направлении[1]. Однако тогда она еще «представляла собой агломерат малочисленных групп, лишенных прочных связей с рабочим классом» [2]. Установить эту связь стало главной задачей партии.

Во второй половине 80-х годов в результате активных выступлений в защиту интересов пролетариата Рабочей партии удалось расширить влияние среди трудящихся: она сумела распространить его на значительную часть синдикатов. К началу следующего десятилетия Рабочая партия была уже наиболее сильной среди французских социалистических организаций. Решительно отстаивая интересы пролетариата, она активно участвовала в крупных классовых битвах тех лет и пользовалась широкой поддержкой в центрах текстильной, горной, металлургической промышленности. Однако в результате ошибок сектантского характера и недостаточно гибкой политики партия не смогла сохранить прочные связи с профсоюзным движением, в руководстве которого взяли верх анархо-синдикалисты.

Крайне отрицательно на развитии социалистического движения сказывалось отсутствие единства. Помимо Рабочей партии и поссибилистов, именовавших себя в последующем Федерацией социалистических рабочих, существовала еще организация бланкистов — Центральный революционный комитет (с 1898 г. он стал называться Революционной социалистической партией). В октябре 1890 г. от поссибилистов откололась склонявшаяся к анархо-синдикализму фракция во главе с Ж. Аллеманом, принявшая название Рабочей социалистической революционной партии. В 1893 г. группа членов буржуазной партии радикалов объявила, что принимает социалистические принципы и что ее участники отныне считают себя «независимыми социалистами». Всего в середине 90-х годов во Франции действовало восемь социалистических организаций [3].

В 1879 г. возникла Социалистическая партия Бельгии. На первых порах ее численность была сравнительно невелика. Только после объединения в апреле 1885 г. с некоторыми рабочими организациями — профессиональными и кооперативными — возникла массовая Бельгийская рабочая партия. Ее особенность (в какой-то мере свойственная и некоторым другим социалистическим партиям при их образовании) заключалась в том, что с самого начала она представляла собой своеобразный конгломерат существовавших прежде рабочих объединений. Это способствовало расширению рядов

[1] См. *И. Д. Белкин.* Жюль Гед и борьба за Рабочую партию во Франции. М., 1952.

[2] *К. Виллар.* Социалистическое движение во Франции. 1893—1905 (Гедисты). М., 1969, стр. 46.

[3] См. там же, стр. 457.

партии, но в то же время снижало ее роль как политического авангарда рабочего класса. Лидерами партии являлись активный деятель I Интернационала С. Де Пап, рабочий-мраморщик Л. Бертран, активист кооперативного движения Эд. Ансель и др. В начале следующего десятилетия Бельгийская рабочая партия развернула широкую кампанию за всеобщее избирательное право.

В Голландии социал-демократические группы возникли в конце 70-х годов; в 1882 г. они объединились в Социал-демократический союз. В первой половине 90-х годов в Союзе возобладали анархистские взгляды, главным носителем которых был его основатель, бывший священник Домела Ньювенгейс. Противники анархизма вышли из Союза и в 1894 г. образовали Социал-демократическую рабочую партию Нидерландов[1].

Попытки создания социалистической партии в Швейцарии предпринимались уже во второй половине 70-х годов. Однако окончательно Социал-демократическая партия была основана на рабочем съезде в 1888 г.

Под названием Социал-демократический союз в 1876 г. возникло первое социалистическое объединение в Дании. К концу следующего десятилетия в результате раскола между оппортунистическими и революционными элементами, возглавлявшимися Г. Триром и Н. Петерсоном, была организована Социал-демократическая партия, заявившая о своей приверженности принципам революционного марксизма.

Учредительным съездом Социал-демократической рабочей партии Швеции в 1889 г. завершился первый период развития социалистического движения этой страны. С самого начала руководство оказалось в руках реформистов (Я. Брантинг и др.); революционные элементы (А. Пальм, А. Даниельсон) остались в меньшинстве. Несколько ранее, в 1887 г., возникла Норвежская рабочая партия; в 1891 г. она приняла программу, основанную на Эрфуртской программе СДПГ.

В Австрии борьба между реформистскими и радикальными элементами очень скоро привела к фактическому расколу Социал-демократической партии. Попытки преодолеть его, предпринятые на нескольких съездах во второй половине 70-х годов, успеха не имели. В наиболее развитом в промышленном отношении районе тогдашней Австрии — чешских землях — в 1878 г. возникла Чехославянская социал-демократическая партия, рассматривавшая себя как составную часть австрийской социал-демократии[2]. Положение осложнялось тем, что радикальное крыло последней стало склоняться к анархизму.

[1] См. *Г. Г. Бауман.* Рабочее и социалистическое движение в Нидерландах (1861—1918). Ростов-на-Дону, 1975, стр. 9, 13—14.

[2] См. *А. Клима.* 1848 год в Чехии. Начало чешского рабочего движения. М., 1949, стр. 217—220; *З. Шолле.* Рабочее движение в чешских землях в конце XIX в. М., 1954, стр. 82, и др.

В середине 80-х годов сторонники анархистских методов осуществили несколько террористических актов против полицейских чиновников, что навлекло на рабочее движение репрессии.

Несмотря на это, консолидация социалистических сил Австрии продолжалась. Часть деятелей левого крыла, разочаровавшись в анархистской тактике, пришла к пониманию необходимости использования легальных методов борьбы. Среди активных участников движения все сильнее проявлялось стремление к воссозданию единой партии [1]. Практическая подготовка этого во многом была осуществлена редакциями двух социалистических газет, имевших одинаковое название — «Равенство», но выходивших соответственно в Вене (на немецком языке) и в Брно (на чешском). Первую редактировал В. Адлер, венский врач, ставший к тому времени на позиции марксизма; вторую — И. Гибеш, в последующем один из основателей Коммунистической партии Чехословакии. Подготовленный ими съезд состоялся 30 декабря 1888—1 января 1889 г. в Гайнфельде; съезд провозгласил создание Социал-демократической рабочей партии Австрии.

В первой половине 90-х годов партия развернула массовую борьбу за всеобщее избирательное право, которая в 1896 г. увенчалась первой победой. Под руководством социал-демократов в эти годы был проведен ряд крупных стачек, особенно в чешских землях. Учитывая огромные потенциальные возможности, созданные переплетением жестокого классового гнета с национальным, Ф. Энгельс придавал деятельности молодой австрийской социал-демократии важное значение. «Австрия,— с удовлетворением писал он в 1893 г.,— стоит теперь на первом месте в политическом движении Европы...» [2] Огромным подъемом отличались здесь выступления в день 1 Мая, проводившиеся под лозунгами предоставления политических прав и отмены антирабочих законов (этого в конечном счете удалось добиться). «С 1890 г.,— говорил Энгельс, обращаясь к австрийским пролетариям,— австрийские рабочие из года в год показывали своим братьям во всех других странах, что́ значит настоящий первомайский праздник в подлинно пролетарском смысле. Нигде не могли сравниться с вами или хотя бы только повторить ваш пример» [3]. Уже спустя два года после создания партии число ее местных организаций удвоилось, членский состав вырос с 15 почти до 50 тыс. человек, тираж партийной прессы — в 6 раз.

В конце 70-х годов был сделан важный шаг к образованию пролетарской партии в Венгрии. На первом рабочем социалистическом съезде в апреле 1878 г. было провозглашено создание «партии неизбирателей». Принять такое название и объявить своей формальной целью достижение всеобщего избирательного права она была вынуж-

[1] *H. Steiner.* Die Arbeiterbewegung Österreichs 1867—1889. Wien, 1964, Kap. V.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 39, стр. 142—143.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 418.

дена в связи с тем, что создание социалистических организаций было запрещено. Одним из основателей и главных лидеров партии являлся активный деятель I Интернационала, участник Парижской Коммуны, друг Маркса и Энгельса Лео Франкель. Другая образовавшаяся вскоре организация — Рабочая партия — находилась под влиянием лассальянцев. В 1880 г. обе они объединились во Всеобщую рабочую партию Венгрии[1]. В середине 90-х годов она стала называться Социал-демократической партией.

В Испании Социалистическая рабочая партия образовалась нелегально в 1879 г. на основе остававшейся на марксистских позициях Новой испанской федерации Интернационала. В ее создании и деятельности важная роль принадлежала соратнику Маркса и Энгельса по I Интернационалу П. Иглесиасу. Партия была малочисленна. Только во второй половине 80-х годов, перейдя на легальное положение, она завоевала некоторые позиции в рабочем классе. Известную роль сыграла в этом газета «Сосиалиста», выходившая с 1886 г. На первом съезде партии, состоявшемся в 1888 г., было представлено свыше 3,5 тыс. членов. К концу следующего десятилетия она располагала 55 местными организациями и примерно двумя десятками газет[2]. Помимо Мадрида партия пользовалась влиянием главным образом в Басконии, Астурии и других промышленных районах страны. Однако бóльшая часть организованного испанского пролетариата оставалась под руководством анархистов.

В начале 1875 г. была основана Португальская социалистическая партия, окончательно оформившаяся на первом съезде двумя годами позднее. В 1878 г. Ф. Энгельс, отмечая, что «рабочий класс Португалии вносит свой вклад в великую всемирную борьбу за освобождение труда», писал, что рабочее движение здесь «оставалось свободным от «анархистской» заразы и развивалось на такой же рациональной основе, как и в большинстве других стран»[3].

Социалистическое рабочее движение в Италии во второй половине 70-х годов продолжало развиваться в значительной степени под влиянием бакунистов. Но уже в начале 80-х годов появляются первые локальные социалистические организации, в той или иной мере свободные от влияния бакунистских догм. Еще в 1876—1877 гг. группа социалистов, связанных с газетой «Плебе», в которой сотрудничал Энгельс, образовала Верхнеитальянскую федерацию, провозгласившую необходимость создания самостоятельной политической пролетарской партии. Несостоятельность программы бакунизма стали

[1] См. «История Венгрии», т. II. М., 1972, стр. 309—311; *Б. И. Желицки*. Указ. соч., стр. 152—156.

[2] См. *И. М. Майский*. Указ. соч., стр. 352.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 134, 133. См. *Ю. М. Кукушкин*. Основные этапы рабочего и демократического движения в Португалии в период монархии и буржуазной республики.— «Новая и новейшая история», 1974, № 6, стр. 40—42.

осознавать и некоторые видные анархистские деятели. Большое влияние на этот процесс имело открытое письмо популярнейшего лидера итальянских бакунистов А. Коста, опубликованное в «Плебе» в июле 1879 г. и знаменовавшее его отход от анархизма. «Быть *партией действия*,— писал Коста,— не значит стремиться к действию любой ценой и в любой момент... Революция неизбежна, но опыт, думается мне, показал, что это дело не одного дня и не одного года»[1]. Коста подчеркивал необходимость использовать различные средства борьбы и бороться также за политические реформы. Он призывал к созданию политической партии итальянского пролетариата.

В 1881 г. на нелегальном съезде в Римини была основана Революционно-социалистическая партия Романьи, во главе которой стал А. Коста. Созданная в 1882 г. Итальянская рабочая партия по своему характеру и деятельности больше напоминала профсоюзную организацию. В 1892 г. на съезде в Генуе обе эти партии слились с возникшей в 1889 г. Миланской социалистической лигой, наиболее близко стоявшей к марксизму, и образовали Партию итальянских трудящихся. Три года спустя она была переименована в Итальянскую социалистическую партию. Программа ее содержала ряд марксистских положений, например о необходимости политической борьбы и завоевания пролетариатом политической власти. Это знаменовало отказ от анархистских догм, что имело существенное значение для последующего развития итальянского рабочего движения. Вместе с тем программе ИСП были свойственны существенные недостатки теоретического характера. Положение усугублялось и слабостями организационного порядка: в момент создания партия не смогла достаточно четко отграничиться от профсоюзов. Она, в частности, объединяла рабочих не в индивидуальном порядке, а исключительно через ассоциации[2].

После введения в 1894 г. итальянского варианта «исключительного закона» против социалистов, действовавшего с перерывами до начала XX в., деятельность пролетарских организаций в стране протекала в особо сложных условиях. Обрушившиеся на неокрепшую еще Итальянскую социалистическую партию репрессии существенно препятствовали ее становлению как боевого авангарда трудящихся. Они в то же время способствовали закреплению и усилению в ней реформистских настроений, порождали у части лидеров стремление к блокированию с либеральной буржуазией, к ограничению задач пролетариата борьбой за буржуазно-демократические свободы. Против этих настроений выступали представители последовательно революционного направления в партии, особенно А. Лабриола[3].

В Англии первой организацией, провозгласившей своей програм-

[1] *Г. Манакорда.* Итальянское рабочее движение по материалам съездов. М., 1955, стр. 413.

[2] См. *Д. Канделоро.* Указ соч., стр. 21—22.

[3] См. *Д. Берти.* Антонио Лабриола и итальянское социалистическое движение.— «Новая и новейшая история», 1959, № 3.

мой идеи научного социализма, стала Социал-демократическая федерация (СДФ), основанная в августе 1884 г. группой демократически настроенных интеллигентов во главе с Г. Гайндманом. Федерация вела пропаганду социалистических идей, в ее рядах начинали свою деятельность многие видные деятели английского рабочего движения, вышедшие из рабочих: механик Том Манн, впоследствии один из организаторов Коммунистической партии Великобритании; рабочий картонажной фабрики Гарри Квелч, о котором В. И. Ленин в 1913 г. писал, что он всегда «был в первых рядах тех, кто боролся стойко и убежденно против оппортунизма и либеральной рабочей политики в английском рабочем движении»[1], и др. Но, будучи слабо связанной с массами, отказываясь от работы в тред-юнионах, СДФ не смогла утвердиться в качестве признанного руководителя английского пролетариата. В конце 1884 г. группа социалистов, недовольных сектантской политикой Гайндмана и вышедших из состава федерации (дочь Маркса Элеонора, ее муж Эд. Эвелинг, поэт и художник У. Моррис, философ Б. Бакс, рабочие Р. Баннер, Д. Магон и др.), организовала Социалистическую лигу. Но в ней скоро возобладали анархистские настроения, и в первой половине 90-х годов Лига теряет всякое влияние. Часть ее лидеров, оставшаяся на марксистских позициях, вернулась в Социал-демократическую федерацию[2].

В 1893 г. на базе нескольких рабочих организаций в Англии возникла Независимая рабочая партия (НРП), выдвинувшая, правда в расплывчатой форме, социалистические цели. Лидер партии Дж. Кейр Гарди, в прошлом шахтер, был весьма далек от понимания идей научного социализма и в последующем все более склонялся к реформизму. НРП в отличие от СДФ проводила работу в тред-юнионах.

Социалистические организации США также не сумели найти путей к массам. Образовавшаяся в 1876 г. Социалистическая рабочая партия (СРП) объединила различные социалистические группы, главным образом бывшие секции Интернационала. Первоначально она состояла в значительной мере из немецких рабочих-иммигрантов; одно время руководящее положение в ней занимали лассальянские элементы. В начале 90-х годов во главе партии встал Д. де Леон, стремившийся распространить ее влияние на более широкие слои коренных рабочих-американцев. Эти попытки не привели к успеху, и Социалистическая рабочая партия в общем так и не смогла преодолеть свойственную ей с самого начала склонность к сектантству. До конца столетия она оставалась численно небольшой группой, не игравшей сколько-нибудь значительной роли в рабочем движении страны.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 440.
[2] См. *Л. Ф. Туполева.* Социалистическое движение в Англии в 80-е годы XIX века. М., 1973, стр. 76—83.

В 1897 г. в США образовалась новая рабочая политическая организация — Социал демократическая партия, которую возглавил Ю. Дебс, в прошлом паровозный кочегар, деятель профсоюза железнодорожников. Первоначально к партии примкнули различные социалистические группы, а также некоторые члены СРП. Программа новой партии провозглашала социалистические цели, но отклоняла революционные методы борьбы, придавая решающее значение парламентской деятельности. Завоевать на свою сторону пролетарские массы партии не удалось.

Основными чертами англо-американского рабочего движения того периода В. И. Ленин считал фактическое подчинение пролетариата буржуазной политике, сектантскую оторванность горсток социалистов от пролетариата и т. д.[1] Характеризуя позицию основоположников марксизма по отношению к этому типу рабочего движения, Ленин подчеркивал, что «в таких странах Маркс и Энгельс учили социалистов *во что бы то ни стало* рвать узкое сектантство и *примыкать* к рабочему движению, чтобы *политически встряхнуть* пролетариат»[2].

Несмотря на огромные трудности, обусловленные прежде всего полным отсутствием легальных возможностей, во второй половине 70-х годов появились первые политические рабочие организации в России. Всего несколько месяцев просуществовал «Южнороссийский союз рабочих», созданный во второй половине 1875 г. Е. Заславским и насчитывавший около 60 постоянных участников. Однако Союз оставил заметный след в истории русского революционного движения, ибо впервые поставил задачу организации пролетариата для борьбы против правительства, за политические свободы. Программные установки Союза были сформулированы в соответствии с некоторыми пунктами Общего Устава Международного Товарищества Рабочих, написанного К. Марксом. Так, в уставе «Южнороссийского союза рабочих» провозглашалась необходимость пропаганды «идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала», указывалось, что рабочие «могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие преимущества и привилегии», что «этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их объединении». Ряд положений устава «Южнороссийского союза рабочих» — идея интернациональной солидарности трудящихся, признание необходимости революционной пропаганды среди народа, борьбы за социальное освобождение — был близок к программным требованиям Русской секции I Интернационала. Организационные принципы почти наполовину были заимствованы из устава Международной ассоциации рабочих Центральной женевской секции I Интернационала. Вместе с тем в уставе

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 234—235.
[2] Там же, стр. 243—244.

Союза отсутствовало лассальянское положение о производительных ассоциациях, фигурировавшее в программах многих социалистических организаций того времени[1].

Стремление передовых рабочих России к созданию самостоятельной организации, к борьбе — вопреки народнической доктрине — за политические свободы нашло отражение и в деятельности «Северного союза русских рабочих», организованного в 1876 г. столяром С. Халтуриным и слесарем В. Обнорским. Союз объединял примерно 200 членов и такое же число сочувствующих, в основном рабочих петербургских предприятий. Члены Союза принимали активное участие в организации стачек. «...Идеалом вожаков Союза была единая и стройная всероссийская рабочая организация»[2]. В программе Союза четко проводилась идея солидарности с пролетариями всего мира: «Великая социальная борьба уже началась, и нам нечего ждать,— говорилось в ней,— наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов — и нам остается только примкнуть к ним. Рука об руку с ними пойдем мы вперед и в братском единении сольемся в одну грозную боевую силу». В программе, провозглашавшей своей главной целью «ниспровержение существующего политического и экономического строя страны», особый упор делался на необходимость завоевания политической свободы как предпосылки социального освобождения.

Во многих пунктах программа «Северного союза русских рабочих» перекликалась с положениями Эйзенахской программы германской социал-демократии 1869 г.[3] Это касается большей части ближайших требований (отмены всех сословных привилегий, создания народной милиции, введения нормированного рабочего дня, обязательного обучения и др.). На первое место было поставлено требование свободы слова, печати, права собраний и сходок, сформулированное более решительно, чем у эйзенахцев. В программе-максимум «Северного союза» не только говорилось о борьбе с несправедливыми социальными порядками, но и прямо ставилась задача ниспровержения существующего строя. Четко определялась историческая роль пролетариата как передового класса общества[4].

Таким образом, в русском революционном движении шел процесс осознания наиболее подготовленными рабочими своих интересов, значения политической борьбы и организации. Но влияние народни-

[1] См. *Б. С. Итенберг.* Южнороссийский союз рабочих. Возникновение и деятельность. М., 1974, стр. 66—68.
[2] *Г. В. Плеханов.* Сочинения, т. III. Л.—М., 1928, стр. 189.
[3] Основатели «Северного союза русских рабочих», по-видимому, были знакомы и с Готской программой той же партии, содержавшей серьезные теоретические ошибки. Но они остановили свой выбор на Эйзенахской, свободной от большинства этих ошибок.
[4] Подробнее см.: *Э. А. Корольчук.* «Северный союз русских рабочих» и рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге. М., 1971, стр. 122—126.

чества в то время было еще весьма велико. Наглядный тому пример — переход С. Халтурина на позиции индивидуального террора.

Весной 1880 г. в Киеве члены народнической организации «Черный передел» организовали «Южнорусский рабочий союз». Его программа выдвигала социалистические цели, но в качестве средства борьбы признавала только террор[1]. Члены Союза вели агитацию на киевских предприятиях. В начале 1881 г. Союз был разгромлен.

Весьма важной вехой в истории социалистического движения в России явилось создание в 1883 г. находившимися в эмиграции бывшими народниками Г. В. Плехановым, В. И. Засулич и др. группы «Освобождение труда», которая положила начало марксистскому направлению в русской общественной мысли и революционном движении. Группа сыграла выдающуюся роль в пропаганде марксизма среди русских революционеров[2]. Примерно со второй половины 80-х годов марксистские кружки стали возникать в крупнейших промышленных городах России; некоторые из них (группы Д. Благоева и П. Точисского в Петербурге, кружки Н. Федосеева в Казани, позднее организация М. Бруснева в Петербурге и др.) были связаны с передовыми пролетариями[3].

Дальнейшая история социалистического движения в России, история соединения социализма с рабочим движением и создания боевой марксистской партии российского пролетариата связана с деятельностью Владимира Ильича Ленина.

В начале 80-х годов были сделаны первые шаги к образованию социалистических организаций на польских землях. В 1882 г. в Королевстве Польском возникла первая политическая партия польских рабочих, принявшая название «Пролетариат». Ее программа строилась в основном на принципах марксизма, хотя в ней еще ощущалось влияние мелкобуржуазных, народнических взглядов. Она развернула пропаганду марксистских идей, в частности путем издания нелегального органа, газеты «Пшедсвит»; но уже в 1883 г. вследствие массовых арестов «Пролетариат» фактически прекратил существование[4]. Та же судьба постигла социалистическую организацию, возникшую в 1888 г. в Варшаве под названием «Второй Пролетариат», а также Союз польских рабочих, основанный годом позже Ю. Мархлевским, А. Варским и др.

В ноябре 1892 г. в Париже было провозглашено создание Польской социалистической партии (ППС), окончательно оформившейся в 1893 г. Почти одновременно на основе сохранившихся кружков «Второго Пролетариата» и Союза польских рабо-

[1] См. «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2. М., 1950, стр. 436.

[2] Подробнее см. главу седьмую.

[3] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, стр. 123—167.

[4] См. *J. Buszko.* Narodsiny ruchu socjalistyczneqo na ziemach polskich. Kraków, 1967.

чих образовалась Польская социал-демократия, в дальнейшем принявшая название Социал демократии Королевства Польского (СДКП). В числе ее руководителей кроме уже названных были Р. Люксембург, Б. Веселовский и др. СДКП приняла марксистскую программу и провозгласила основой своей деятельности принципы пролетарского интернационализма[1]. В ППС же с самого начала проявились реформистские и националистические тенденции.

На польских землях, находившихся в составе Австро-Венгрии, в 1892 г. образовалась Социал-демократическая партия Галиции и Силезии, объединявшая польских и украинских рабочих. В следующем году социалистическая партия была создана и на западных польских землях, входивших в Германскую империю.

С развитием капиталистических отношений и появлением современного промышленного пролетариата в Балканских странах также зарождаются социалистические организации, первоначально в форме пропагандистских кружков и небольших групп. Все более активное участие этих кружков в экономической борьбе рабочего класса создало реальные предпосылки для образования социалистических партий. Первый шаг в этом направлении был сделан в Болгарии: в августе 1891 г. нелегальная конференция представителей социалистических групп и кружков провозгласила создание Болгарской социал-демократической партии. Одним из ее руководителей стал Д. Благоев, в недавнем прошлом организатор марксистской группы в Петербурге[2]. Партия окончательно оформилась к 1893 г., когда приняла программу и устав. В Румынии образование Социал-демократической партии рабочих произошло на съезде, состоявшемся в марте 1893 г.[3]

В 1894 г. в Загребе была основана Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии, двумя годами позднее принявшая программу, составленную по образцу Эрфуртской программы германской социал-демократии. В 1896 г. на съезде в Любляне образовалась Югославянская социал-демократическая партия, объединившая передовых рабочих Словении и признавшая себя частью австрийской социал-демократии[4]. В Сербии существовавшие с начала 90-х годов социалистические группы до конца столетия не смогли объединиться в единую организацию.

[1] См. *Н. Н. Пухлов.* Из истории польской социал-демократической партии. М., 1968, стр. 17—97; *Р. Я. Евзеров, И. С. Яжборовская.* Роза Люксембург. М., 1974, стр. 23—25, 35—36.

[2] См. «История Болгарской коммунистической партии». М., 1974, стр. 43—45.

[3] См. «История Румынии. 1848—1917». М., 1971, стр. 301—303; *В. Н. Виноградов.* Очерки общественно-политической мысли в Румынии. М., 1975, стр. 271—274.

[4] См. «История Югославии», т. I. М., 1963, стр. 544—545, 579—580.

В Японии социалистические кружки возникли в начале 90-х годов XIX в. На первых порах то были чисто просветительские организации, занимавшиеся изучением различных социалистических теорий и мало связанные с рабочим движением. Благодаря деятельности выдающегося японского революционера Сен Катаямы и его единомышленников, в середине 90-х годов вернувшихся из США, где они находились в эмиграции, появились первые организации, ставившие своей целью способствовать росту классового самосознания японского пролетариата и солидарности рабочих. В 1897 г. было основано Общество содействия организации рабочих профсоюзов, в уставе которого — в отличие от прежних объединений такого рода — не было пункта о сотрудничестве между трудом и капиталом. В Общество входили рабочие артиллерийского арсенала, железнодорожных и судоремонтных мастерских, типографий[1]. Его деятельность способствовала росту количества и численности профсоюзов.

В 1898 г. под редакцией С. Катаямы начал выходить ежемесячный журнал «Родо сэкай», занимавшийся популяризацией социалистических идей. Часть его материалов печаталась на английском языке, благодаря чему (а также обширным зарубежным связям Катаямы) складывавшееся в Японии рабочее движение уже тогда получило выход на международную арену. В том же году возникло Общество по изучению социализма, в рядах которого развернулся процесс размежевания между сторонниками и противниками марксизма. Находившийся во главе первых Катаяма выступал с многочисленными докладами и лекциями, в которых разоблачал идеи классового сотрудничества и доказывал недостаточность экономической борьбы без сочетания ее с борьбой политической[2]. Постепенно складывались предпосылки для образования социалистической партии, но до конца 90-х годов профсоюзная и политическая организации пролетариата еще не обособились друг от друга.

Таким образом, в течение последней четверти XIX в. почти во всех странах, где существовало современное капиталистическое производство, возникли и укрепились самостоятельные социалистические рабочие партии, объединявшие в своих рядах передовую, классово сознательную часть пролетариата. Процесс создания этих партий происходил неравномерно, неодинаково было и их влияние на массы.

При всем своеобразии процесса становления пролетарских партий в каждой стране он отражал общие закономерности и объективные потребности рабочего движения. Рабочий класс в лице его наиболее активных представителей стремился к созданию собственной политической организации, которая могла бы возглавить не только борьбу за насущные, повседневные интересы, но и подготовить его к решаю-

[1] См. *С. Катаяма.* Воспоминания, стр. 12.
[2] См. «Очерки новой истории Японии (1640—1917)». М., 1958, стр. 375.

щим боям за свержение капитализма и победу социалистического строя. Появление социалистических партий было важным шагом к решению этой задачи, переломной вехой в судьбах рабочего движения.

Численность большинства партий в момент их образования была невелика, и, хотя она быстро возрастала, число членов партий по отношению ко всей массе рабочих оставалось сравнительно небольшим. В Германии к моменту Готского объединительного съезда в обеих рабочих партиях насчитывалось около 25 тыс. членов. К концу столетия численность СДПГ выросла более чем в 4 раза. Во Франции в Рабочей партии в 1890 г. состояло 6 тыс. человек; за последующие восемь лет она увеличилась до 16 тыс. Несколько десятков тысяч членов насчитывала австрийская и венгерская социал-демократия. В Швеции в течение 90-х годов армия социал-демократов выросла с 6 тыс. до 44 тыс. В Италии к концу века имелось около 30 тыс. членов Социалистической партии. Столько же насчитывалось в Дании, 12 тыс.— в Норвегии, 3,5 тыс.— в Голландии и т. д.

В большинстве стран степень реального влияния партий была значительно выше, чем их численность. Она определялась, в частности, и тем, насколько сильными были позиции данной партии в руководящих органах профсоюзов и других массовых организаций: женских, молодежных, спортивных, просветительских. Об авторитете той или иной партии можно судить, в частности, по масштабам распространения и популярности партийной прессы — центральной и местной.

В тех странах, где социалистические партии действовали легально, они сумели, используя опыт и традиции I Интернационала, организовать широко разветвленную рабочую печать. Часто создание социалистической прессы предшествовало образованию партий. В этих случаях газеты играли значительную роль в подготовке к организационному объединению. Боевые органы социалистических партий не только всемерно способствовали интернациональному воспитанию рабочего класса, но и служили связующими звеньями между различными национальными отрядами международного пролетариата. «Каждая социалистическая газета,— писал Энгельс в 1882 г.,— является международным центром; из Женевы, Цюриха, Лондона, Парижа, Брюсселя, Милана тянутся нити во всех направлениях, скрещиваясь между собой...»[1] Лучшие социалистические газеты пользовались в пролетарской среде широкой популярностью и большим авторитетом. Разоблачая на конкретных примерах сущность капиталистической эксплуатации и антинародную политику правящих классов, они опирались на многочисленные письма рабочих-читателей.

Социалистическая и рабочая печать особенно широко была развита в Германии. Здесь в первые годы после образования единой ра-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 35, стр. 226.

бочей партии помимо ее центрального органа «Фольксштаат» выходили десятки местных газет, в том числе девять ежедневных. Накануне введения «исключительного закона» партия располагала 50 газетами общим тиражом в 160—170 тыс. экземпляров. Кроме того, в стране издавалось 15 профсоюзных газет. Далеко не все они были равноценны, уровень некоторых невысок, однако в целом партия имела в их лице мощное оружие социалистической пропаганды. Хотя закон против социалистов нанес сильный удар рабочей печати, постепенно, по мере ослабления его действия, преодолевая сопротивление властей, партия сумела восстановить и даже увеличить количество своих печатных органов. В 1890 г. она издавала около 60 газет (из них 19 ежедневных). А к концу столетия германская социал-демократия имела 70 газет (в том числе 49 ежедневных). Кроме того, она выпускала теоретический журнал, специальный журнал для женщин-работниц и др.

В Австрии в 70-х гг. выходила газета «Глайххайт», считавшаяся ряд лет официальным партийным органом; после 1889 г. ее сменила «Арбайтерцайтунг». Партия имела газеты также в некоторых провинциальных городах. Социал-демократические газеты с середины 80-х годов выходили и в чешских землях. С 1873 г. располагала своим органом (вернее, двумя — на венгерском и немецком языках) рабочая партия Венгрии.

В 1881 г. начала выходить газета социалистов Романьи в Италии «Аванти!». Испанские социалисты в 1886 г. стали издавать газету «Сосиалиста». Португальская социалистическая партия выпускала во второй половине 70-х годов еженедельник «Протесто». К концу 70-х годов относится основание социалистической прессы в Бельгии и Голландии, тогда же появились первые периодические издания польских социалистов, печатавшиеся за границей. В 80-х годах начали выходить социалистические журналы и газеты в Скандинавских странах, в 90-х годах — в Болгарии, Сербии, Румынии — еще до образования там социалистических партий.

Долгое время не удавалось создать ежедневную газету французским революционным социалистам. Первая марксистская газета — «Эгалитэ», как и заменившая ее в июле 1885 г. в качестве центрального органа Рабочей партии газета «Сосиалист», выходили еженедельно. Последняя несколько раз прекращала свое существование ввиду отсутствия средств, потом вновь возобновлялась. Тираж ее не превышал 1200—1500 экземпляров, а в отдельные периоды был еще меньше. Рабочая партия издавала и ряд провинциальных газет; они существовали большей частью недолго. Попытки руководителей Рабочей партии превратить в социалистический орган одну из радикальных газет успеха не имели.

В Англии единственной социалистической газетой долгое время оставалась «Джастис» — орган Социал-демократической федерации. Газета Социалистической лиги «Коммонвил» имела лишь незначительное распространение, а вскоре после перехода Лиги на анархи-

стские позиции вообще прекратила существование. Правда, сравнительно большим числом газет располагали британские тред-юнионы.

Социалистическая и рабочая пресса встречалась с серьезными трудностями: преследованиями со стороны властей, постоянным недостатком денег, отсутствием подготовленных рабочих-журналистов. В ряде случаев газеты выходили только благодаря крупным пожертвованиям членов партии, происходивших из состоятельных кругов и располагавших средствами. Иногда это вело к тому, что то или иное издание оказывалось под влиянием реформизма. Рабочим газетам трудно было конкурировать с мощной, хорошо отлаженной машиной буржуазной пропаганды. И все же благодаря активной помощи передовых пролетариев, стараниям партийных организаций социалистическая печать быстро развивалась и становилась важным фактором освободительной борьбы. Особенно возрастала роль газет там, где преследования препятствовали нормальному функционированию партийных органов. Весьма поучителен в этом отношении был опыт германской социал-демократии в годы «исключительного закона». Ф. Энгельс оценивал ее газету тех времен «Социал-демократ» как лучший печатный орган, которым когда-либо располагала партия[1].

Существенным показателем влияния социалистических партий были успехи в *избирательной борьбе*. Прежде пролетариат, участвуя в выборах, вынужден был выступать как составная часть буржуазной демократии, занимая ее крайне левый фланг. После образования социалистических партий перед ними открылась возможность использовать буржуазный парламентаризм в своих классовых целях. Энгельс придавал большое значение факту избрания в 1874 г. первых социалистических депутатов в рейхстаг. «Впервые,— писал он,— рабочие всей массой выбирают своих собственных людей, выступают как самостоятельная партия...»[2] К концу века германской социал-демократии отдавали свои голоса свыше 2 млн. человек. Но она не только показала пример в завоевании избирателей, но и продемонстрировала для чего следует социалистам иметь своих представителей в парламентах. Депутаты рейхстага от Социал-демократической партии во главе с А. Бебелем и В. Либкнехтом вели там упорную борьбу за интересы трудящихся, превращали парламент, к которому были обращены взоры миллионов людей, в трибуну пропаганды социалистических идей, обличения политики правительства и буржуазно-юнкерских партий. За это они, несмотря на депутатскую неприкосновенность, подвергались репрессиям, особенно в годы действия «исключительного закона» против социалистов. Но Бебеля, Либкнехта и их единомышленников это никогда не останавливало.

Примеру германской социал-демократии следовали социалисты

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 82.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 516.

других стран, где существовали выборные органы. Во Франции социалистические партии на выборах 1889 г. собрали около 100 тыс. голосов, а в 1898 г.— уже примерно 800 тыс.; при этом особенно возросло влияние Рабочей партии. Австрийская социал-демократия получила на выборах 1897 г. около 600 тыс. голосов. итальянские социалисты в том же году — 135 тыс. На рубеже XIX и XX вв. почти все социалистические партии, действовавшие в условиях парламентских режимов, имели своих депутатов (германская — 56, бельгийская — 31, австрийская — 14, французская — 13 и т. д.).

Эти успехи были важной составной частью процесса возрастания роли рабочего класса в общественной жизни. Но они таили в себе и определенную опасность, угрозу «парламентского кретинизма», о которой не раз предупреждали классики марксизма. Число полученных на выборах голосов и завоеванных мандатов кружило кое-кому головы и порождало мысль, что деятельность рабочих фракций в парламенте может заменить революционное преобразование пролетариатом всей системы общественных отношений. В известной степени распространению подобных взглядов способствовал «мирный» характер периода, отсутствие в течение нескольких десятков лет революционных событий масштаба Коммуны. Одним из результатов переоценки реальных возможностей воздействия на буржуазный парламент было возрастание значения парламентских фракций, претендовавших на руководство социалистическими партиями.

ПРОГРАММНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Программные документы социалистических партий основывались на признании важнейших принципов научного коммунизма, что в значительной мере было результатом деятельности Международного Товарищества Рабочих, влияния его программных установок, разработанных Марксом и Энгельсом, гораздо более широкого, чем прежде, распространения произведений основоположников марксизма. Огромное влияние имели и личные контакты Маркса и Энгельса с руководителями и активными участниками рабочего движения почти всех стран, помощь, которую оказывали они при составлении программ создававшихся партий. Наконец, сам опыт практической борьбы приводил лучших представителей рабочего класса и революционной интеллигенции к пониманию несостоятельности и утопичности мелкобуржуазных социалистических идей. По основным вопросам социалистические партии занимали марксистские позиции.

Все они признавали пролетариат решающей силой, призванной свергнуть буржуазию, выступали за его участие в политической борьбе, считали завоевание политической власти и ликвидацию частной собственности на средства производства, их передачу в руки

народа непременным условием полного освобождения рабочего класса. Все они подчеркивали интернациональный характер рабочего движения и необходимость международной пролетарской солидарности.

Наряду с провозглашением общих принципов и конечных целей движения программные документы социалистических партий содержали, как правило, и ближайшие требования. Они касались прежде всего установления или расширения — в зависимости от условий той или иной страны — демократических свобод: введения всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании, полной свободы печати, союзов, коалиций, собраний, отделения церкви от государства и школы от церкви, обязательного начального обучения за счет государства или муниципалитетов, ликвидации постоянной армии, выборности судей, бесплатного судопроизводства и юридической помощи и т. д.

Выдвижение социалистическими партиями общедемократических требований определялось, с одной стороны, незавершенностью буржуазно-демократических преобразований даже в таких странах, где существовали парламентские режимы, а с другой — неспособностью буржуазии осуществить до конца те требования, которые она сама когда-то начертала на своем знамени. Провозглашая ближайшей целью борьбу за демократические преобразования, социалистический пролетариат брал на себя тем самым задачу, в решении которой были заинтересованы самые широкие слои народа. Это было важным условием сплочения вокруг рабочего класса народных масс.

Особое место в программах занимали требования, отражавшие насущные интересы рабочего класса: законодательное установление 8-часового рабочего дня, запрещение детского и ограничение женского труда, обязательный воскресный отдых, введение социального страхования за счет государства или под его контролем, создание или расширение фабричной инспекции, привлечение предпринимателей к ответственности за несчастные случаи на производстве и т. д.

Отделение принципиальных положений программы, провозглашавших конечные цели борьбы, от того, что впоследствии получило наименование программы-минимум, произошло не сразу. Оно явилось результатом постепенного осознания утопичности попыток немедленно осуществить полное экономическое и политическое освобождение рабочего класса, необходимости завоевать политические права для пролетариата и других слоев трудящихся, улучшения условий жизни и труда, т. е. создания благоприятной почвы для достижения окончательной победы над буржуазией.

Программные документы социалистических партий не были, разумеется, идентичными. Каждый из них отражал исторические особенности развития данной страны вообще, ее рабочего движения, уровень идейно-политической подготовки членов той или иной партии, непримиримость (или, напротив, уступчивость) марксистского

ядра к носителям мелкобуржуазных доктрин. Основоположники марксизма, оценивая ту или иную программу, учитывали все эти факторы. Поддерживая в них все, что способствовало движению вперед, они с особой остротой подвергали критике те документы, которые тянули партию назад, содержали уступки уже преодоленным участниками движения мелкобуржуазным, утопическим представлениям. Именно этим определялось в первую очередь их отрицательное отношение к проекту Готской программы германской социал-демократии, к теоретическим ошибкам, имевшимся в ее окончательном тексте[1].

В письмах основоположников марксизма Бебелю и Бракке и особенно в написанных Марксом в начале мая 1875 г. «Замечаниях к программе Германской рабочей партии», известных под названием «Критика Готской программы», была дана глубокая критика серьезных ошибок лассальянского характера и некоторых вульгарно-демократических положений (заимствованных из идеологического арсенала мелкой буржуазии), многих неряшливых и расплывчатых формулировок проекта.

Маркс доказал несостоятельность включенных в документ лассальянских требований «неурезанного трудового дохода», «справедливого распределения» и т. д., отражавших утопические мелкобуржуазные представления о возможности непосредственного получения каждым производителем полного продукта его труда, о том, «будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения»[2]. Обстоятельно разобрав тезис Лассаля о «железном законе заработной платы», из которого вытекало, будто для рабочего класса не существует никакой возможности добиться улучшения условий жизни и труда при капитализме, Маркс раскрыл реакционную сущность этого определения. Из данного «закона» вытекало отрицание стачечной борьбы — надлежит лишь уповать на всеобщее избирательное право и помощь государства. Отсюда и недооценка лассальянцами профессиональных союзов, о которых в проекте вообще умалчивалось. Между тем, писал Энгельс Бебелю, «при той важности, которую эта организация приобретает также и в Германии, было бы, по нашему мнению, безусловно необходимо напомнить о ней в программе...»[3].

Суровой критике подверг Маркс старое лассальянское утверждение, будто по отношению к пролетариату все остальные классы составляют лишь «одну реакционную массу». Он показал, что этот

[1] Подробнее о критике Марксом и Энгельсом проекта Готской программы и об идейной борьбе в связи с ее принятием см.: «Карл Маркс. Биография». М., 1973; «Фридрих Энгельс. Биография». М., 1970; *E. Kundel.* Marx und Engels im Kampf um die revolutionäre Arbeitereinheit. Berlin, 1962; «Revolutionäres Parteiprogramm — revolutionäre Arbeitereinheit». Berlin, 1975.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 20.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т 34, стр. 103.

тезис фактически ведет к изоляции пролетариата от его естественных союзников в борьбе против капитализма[1].

С особой силой обрушился Маркс на выдвинутое в проекте программы требование «свободного государства», отражавшее непонимание Лассалем и его последователями действительной сущности государства в классовом обществе, их отношение к государству как силе, якобы стоящей над классами. Непонимание классовой природы капиталистического государства являлось основой одного из главных лассальянских заблуждений — требования создать с государственной помощью производственные товарищества, рассматриваемые как важнейшее средство перехода к социализму. Включение данного требования в программу после того, как его научная и практическая несостоятельность была убедительно доказана Бебелем, Бракке и другими революционными лидерами германской социал-демократии[2], означало в идейном отношении огромный шаг назад, к мелкобуржуазным социалистическим идеям. Борьба за радикальное революционное переустройство общества на социалистических началах, подчеркивал Маркс, «не имеет ничего общего с учреждением кооперативных товариществ с государственной помощью»[3].

Возмущение Маркса и Энгельса вызвало отсутствие в проекте даже упоминания об интернациональном характере движения, об интернациональных обязанностях германской социал-демократии, что отражало узконациональную точку зрения, свойственную Лассалю и его ближайшим последователям. Маркс подверг также серьезной критике демократические требования проекта, раскрыв неточность и расплывчатость некоторых формулировок и указав, что они мало чем отличаются от обычных требований буржуазных либералов.

Развернутая критика Марксом и Энгельсом лассальянских догм и представлений имела огромное значение для дальнейшего идейного развития международного рабочего движения. Правда, «Критика Готской программы» не увидела тогда света, но многие содержавшиеся в ней идеи еще до ее публикации в 1891 г. стали достоянием передовых участников движения благодаря другим произведениям основоположников марксизма, появившимся в 70—80-х годах.

Значение труда Маркса не ограничивается, однако, разоблачением лассальянства. Изложенные в нем мысли о характере и сущности переходного периода от капитализма к коммунизму, о роли пролетарского государства, о двух фазах в развитии коммунистического общества вошли в идейную сокровищницу марксизма[4].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 21.
[2] Эта критика содержалась, в частности, в широко известных брошюрах А. Бебеля «Наши цели» (1870 г.) и В. Бракке «Предложение Лассаля» (1873 г.).
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 26.
[4] Подробнее см. главу шестую.

Критические замечания основоположников марксизма на проект новой программы были лишь в незначительной степени учтены Готским объединительным съездом. Правда, в окончательный текст вошел пункт об интернациональном характере движения и накладываемых этим на немецкую социал-демократию обязанностях, а также положение о необходимости «отмены системы наемного труда»; буржуазно-либеральное требование «свободы совести», неуместное в социалистической программе, было заменено другим тезисом, касающимся религии. Вопрос о профессиональных союзах не фигурировал в программе, но съезд принял специальное решение, в котором подчеркивалась необходимость этих организаций для борьбы рабочего класса. В целом же программа сохранила отрицательные черты, которые были с такой убедительностью и силой подвергнуты критике Марксом, а также Энгельсом.

Некоторые деятели Эйзенахской партии, например Бебель, Бракке, Дицген, отрицательно относились к включению в программу лассальянских положений. В то же время другим руководителям партии были свойственны известная идейная незрелость, недооценка теории вообще и значения программных документов в частности. Для них решающим оказалось стремление как можно скорее ликвидировать раскол и создать единую организацию, пусть даже ценой теоретических уступок и компромиссов. Конечно, это не могло служить оправданием капитуляции перед лассальянцами. Маркс и Энгельс расценили принятие Готской программы как огромное моральное поражение революционной германской социал-демократии[1]. Но они решили отказаться от публичного выступления с критикой программы, поскольку и участники движения, и его противники «истолковали ее в коммунистическом смысле»[2], а само объединение способствовало дальнейшему развертыванию освободительной борьбы, усилению авторитета и влияния партии.

Следует также иметь в виду, что в Готской программе наряду с неверными формулировками и чисто лассальянскими утверждениями имелись и марксистские положения, хотя и не всегда удачно выраженные. Так, в программе говорилось, что причиной нищеты и порабощения трудящихся является монополия класса капиталистов на средства производства, указывалось — вслед за Эйзенахской программой,— что освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих. Выдвигались требования превращения средств производства в общественную собственность и установления социалистического строя, подчеркивался международный характер рабочего движения. Эти марксистские положения, как правило, воспринимались другими партиями при составлении программ. Это можно проследить на программных документах социалистических партий, образовавшихся во второй половине 70-х — начале 80-х годов и в

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 127—128.
[2] См. там же, стр. 128.

наибольшей мере испытавших влияние Готской программы,— Социал-демократического союза Дании (1876 г.), Фламандской социалистической партии (1877 г.), Португальской социалистической партии (1877 г.), Чехославянской социал-демократической партии (1878 г.), Социал-демократического союза Нидерландов (1882 г.), Всеобщей рабочей партии Венгрии (1880 г.).

Так, в программу последней не вошли положения о «железном законе заработной платы», о «единой реакционной массе», якобы противостоящей пролетариату, о «прямом народном законодательстве». Взамен создания «социалистических производственных товариществ с государственной помощью», как основного средства решения социального вопроса, фигурировало частное требование создания сельскохозяйственных производительных товариществ на общественных землях под государственным контролем[1]. Тезис о «единой реакционной массе» был опущен и в программе Чехославянской социал-демократической партии 1878 г. В тексте программы имелся пункт о том, что «борьба за освобождение рабочего класса... является борьбой за уничтожение всякого классового господства». Пункт о производственных товариществах с государственной помощью был изменен так, что они не рассматривались как средство перехода к социализму[2].

В программе Социал-демократического союза Дании отсутствовало положение о «железном законе заработной платы». В 1888 г., когда в связи с преобразованием Союза в Социал-демократическую партию была принята новая программа, место тезиса о «единой реакционной массе» заняло положение о том, что все партии, не признающие задачу освобождения труда от капиталистической эксплуатации, являются «принципиальными противниками социал-демократии»[3]. Тезис о «единой реакционной массе», как и положение о «железном законе», не вошли и в первый программный документ шведских социалистов (1882 г.), в остальном базировавшийся на Готской программе[4].

На программах ряда партий воздействие Готской программы сказалось в незначительной степени, и в некоторых из них принципы научного социализма нашли более широкое и разностороннее отражение. К ним относится программа Французской рабочей партии 1880 г., в составлении которой непосредственное участие приняли К. Маркс и Ф. Энгельс. Ее вводная часть, содержавшая общие принципы партии, была продиктована Марксом Геду. Здесь подчерки-

[1] *M. Aranyossi.* Leo Frankel. Berlin, 1957, S. 342; *Б. И. Желицки.* Указ. соч., стр. 157—163.
[2] *L. Brügel.* Geschichte der österreichischen Sozialdemokratie, Bd III. Wien, 1922, S. 80—83.
[3] *E. Helms.* Die sozialdemokratische und gewerkschaftliche Bewegung in Dänemark. Leipzig, 1907, S. 40—43.
[4] См. *К. Бекстрём.* История рабочего движения в Швеции. М., 1961, стр. 203.

валось, что основное условие освобождения рабочего класса — обобществление средств производства — «может осуществиться лишь в результате революционного действия класса производителей,— или пролетариата,— организованного в самостоятельную политическую партию», причем борьба за осуществление этого требования должна вестись «всеми средствами, какие имеются в распоряжении пролетариата, в том числе и с помощью всеобщего избирательного права»[1]. Именно здесь в весьма четкой форме нашло выражение разграничение основных, конечных целей движения и ближайших его требований, разделенных в свою очередь на требования в политической и экономической областях[2]. Энгельс охарактеризовал тогда продиктованный Марксом раздел программы как «мастерский образец убедительной аргументации, немногословной и ясной для масс, равную которой мне редко приходилось встречать и которая в этой сжатой формулировке поразила меня самого»[3].

Практическая часть программы содержала требования общедемократического характера (отмена реакционных законов, принятых после разгрома Парижской Коммуны, бесплатное обучение, всеобщее вооружение народа и др.), а также направленные на улучшение положения пролетариата (8-часовой рабочий день, запрещение детского труда, равная оплата мужского и женского труда и т. д.).

Энгельс одобрительно оценил программу Социалистической рабочей партии Испании[4]. Программа формулировала цель СРПИ как уничтожение классов, выдвигала требования перехода политической власти в руки трудящихся, превращения частной собственности в национальное достояние. Большое место занимали требования демократических свобод, что в условиях господства в Испании полуабсолютистского строя имело особое значение, тем более что в рабочем движении значительным влиянием пользовались анархистские элементы, отрицавшие необходимость участия пролетариата в политической жизни. Некоторые пункты программы затрагивали вопросы социального законодательства.

Духу научного социализма в общем соответствовала и принятая на съезде в Гайнфельде Декларация принципов Социал-демократической рабочей партии Австрии. Этот документ правильно определял историческую миссию организованного в политическую партию пролетариата — построение социалистического общества, подчеркивал,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 246.

[2] Текст программы см. там же, стр. 574—575. Такое разделение в какой-то мере имелось уже в программе Эйзенахской партии, но оно было выражено значительно менее четко.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 35, стр. 189.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 241. Принята в 1888 г. после легализации партии; в ее основе лежала программа нелегальной партии, созданной в 1879 г. Полный текст программы см. в приложении к книге: *K. Marx*. Miseria de la filosofia. Contestation á «La filosofia de la miseria» de Proudhon. Madrid, 1891.

что важнейшим принципом партии является интернационализм (для пролетариата многонациональной габсбургской монархии это было особенно важно), выдвигал ряд общедемократических лозунгов и требований в интересах рабочего класса, провозглашал, что партия «будет всегда представлять классовые интересы пролетариата и энергично выступать против всяких попыток замазывания и затушевывания классовых противоречий, так же как и использования рабочих в интересах господствующих партий»[1]. Однако и в этом документе ничего не говорилось о путях и средствах завоевания пролетариатом политической власти, о формах его политического господства, о его отношении к другим слоям трудящихся, в частности к крестьянству и т. д.

Более зрелым пониманием марксизма отличался «Второй проект программы русских социал-демократов», составленный Г. В. Плехановым и изданный в 1888 г. группой «Освобождение труда». В проекте провозглашалась необходимость перехода средств производства в общественную собственность путем коммунистической революции, выдвигалась задача захвата пролетариатом политической власти. Только господство рабочего класса, подчеркивалось в этом документе, «может парализовать усилия контрреволюционеров и положить конец существованию классов и их борьбе»[2]. В отличие от программ многих партий, имевших в значительной мере абстрактный характер, здесь давалась характеристика особенностей политического и экономического положения России, условий борьбы российского пролетариата. Проект содержал также ближайшие требования общедемократического характера.

Правда, и в этом документе ощущалось влияние некоторых лассальянских положений Готской программы; имелся, в частности, пункт о создании производительных ассоциаций с государственной помощью.

В течение второй половины 70-х — 80-х годов программные документы были приняты также Социалистической рабочей партией США (1876—1877 гг.), первой польской социалистической партией «Пролетариат» (1882 г.), социалистическими организациями Италии: Революционной социалистической партией Романьи (1883 г.) и Итальянской рабочей партией (1885 г.), Социал-демократической федерацией Англии (1884 г.), Бельгийской рабочей партией (1885 г.) и др. Хотя и в различной степени, эти программы исходили из основных положений научного социализма. Вместе с тем во многих из них в отдельных вопросах было заметно влияние различных мелкобуржуазных социалистических течений. Так, программа Итальянской рабочей партии провозглашала задачей «защиту обездоленных трудящихся с целью организации их по профессиям и их объединения во имя

[1] *L. Brügel.* Op. cit., S. 401.
[2] *Г. В. Плеханов.* Избранные философские произведения, т. I. М., 1956, стр. 378.

права на существование»[1]. В программе Бельгийской рабочей партии выдвигались туманные требования «справедливого для всех» общественного строя, «справедливого распределения продуктов труда и общественного богатства»[2]. В программе партии «Пролетариат» наряду с марксистскими положениями содержалось признание экономического и политического террора как одного из средств борьбы[3].

Важным шагом на пути преодоления подобных влияний стала новая программа германской социал-демократии, принятая в 1891 г. на съезде в Эрфурте. Большая роль в разработке окончательного текста программы (первоначально имелось несколько ее проектов) принадлежала Энгельсу. Он — вопреки желанию некоторых лидеров германской социал-демократии — предал гласности «Критику Готской программы» Маркса[4], чтобы полностью исключить возможность проникновения лассальянских идей в новую программу. Глубокие критические замечания Энгельса помогли устранить многие серьезные недостатки первоначальных проектов, хотя не все его замечания, особенно в отношении политических требований, были учтены полностью. В общем программа стояла на уровне марксистской теории. В ней давалось научное обоснование конечных целей и ближайших требований партии, исходившее из марксистского анализа сущности капиталистического строя. Программа четко характеризовала причины непримиримости противоречий между пролетариатом и буржуазией, подчеркивала неизбежность дальнейшего обострения классовой борьбы и историческую необходимость победы социализма. «Только превращение капиталистической частной собственности на средства производства... в общественную собственность и превращение товарного производства в социалистическое... может привести к тому, что крупное производство и постоянно растущая производительность общественного труда станут для эксплуатируемых до сих пор классов не источником нищеты и порабощения, а источником высшего благосостояния и всестороннего гармонического развития»[5].

Осуществить это превращение, провозглашала программа, может только рабочий класс путем овладения политической властью. Ясно формулировался принцип пролетарского интернационализма: «Освобождение рабочего класса является... делом, в котором в равной степени участвуют рабочие всех культурных стран. Понимая это, Социал-демократическая партия Германии заявляет о своем единстве с классово сознательными рабочими всех остальных стран»[6]. Про-

[1] См. *Г. Манакорда.* Указ. соч., стр. 427.
[2] *L. Delsinne.* Op. cit., p. 70—71.
[3] Текст программы см.: «Pierwsze pokolenie marksistów polskich», t. 2. Warszawa, 1962, p. 7—16.
[4] Эта работа была напечатана в теоретическом журнале германской социал-демократии «Die Neue Zeit» в январе 1891 г.
[5] «Revolutionäre deutsche Parteiprogramme». Berlin, 1964, S. 83.
[6] Ibid., S. 84.

грамма содержала общедемократические требования: всеобщее избирательное право, пропорциональная система выборов, прямое законодательство, самоуправление народа, замена постоянной армии всеобщим вооружением, свобода слова, собраний, печати, равноправие женщин, светские школы, обязательное бесплатное обучение, выборность судей, бесплатное отправление правосудия, бесплатная медицинская помощь, отмена косвенных налогов, введение пропорционально-прогрессивного подоходного налога. В специальном разделе формулировались специфические требования рабочего класса: законодательное введение 8-часового рабочего дня, запрещение труда детей до 14 лет, запрещение оплаты труда товарами через заводские лавки, организация фабричной инспекции, учреждение системы государственного социального страхования и др.

Будучи в целом марксистским документом, Эрфуртская программа имела и определенные недостатки, значение которых, однако, полностью проявилось лишь позднее. Не было учтено замечание Энгельса о необходимости включения в качестве центрального пункта политического раздела требования демократической республики или, поскольку политические условия в Германской империи не позволяли высказать это открыто, требования *«сосредоточения всей политической власти в руках народного представительства»*[1]. В программе не подчеркивалась необходимость революционных методов борьбы, отсутствовали требования в интересах крестьянства и вообще по аграрному вопросу.

Эрфуртская программа оказала положительное влияние на разработку программных положений другими партиями. Так, она послужила основой принятой в 1891 г. программы Норвежской рабочей партии. Болгарские социал-демократы на своем втором съезде в 1893 г. приняли программу, по структуре и содержанию во многом следовавшую Эрфуртской. Некоторые пункты ее теоретического раздела являлись буквальным переводом соответствующих мест последней. Влияние ее заметно сказалось на программе Социал-демократической рабочей партии Румынии (1893 г.), на новой программе (Декларации принципов) Бельгийской рабочей партии (1894 г.), на программе Социал-демократической партии Хорватии и Славонии (1896 г.), Социал-демократической партии Швеции (1897 г.) и принятой в конце столетия программе Финляндской рабочей партии.

Основываясь в целом на принципах научного социализма, эти документы все же недостаточно последовательно отражали некоторые главные его положения. Так, вопрос о путях и средствах завоевания пролетариатом политической власти либо затрагивался в самой общей форме, либо — в большинстве случаев — обходился молчанием, а в некоторых программах сводился к получению парламентского большинства. Положение о пролетарской революции и диктатуре пролетариата не вошло даже в Эрфуртскую программу, что

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 238.

впоследствии специально подчеркивал В. И. Ленин[1]. Ни в одной программе не ставился вопрос о характере и функциях государства переходного периода. В большинстве случаев почти ничего не говорилось о проблеме союзников пролетариата, в том числе о крестьянстве. Требования в области аграрного вопроса либо вообще отсутствовали, либо не имели достаточного теоретического обоснования (за исключением требования обобществления крупной земельной собственности). Лишь в немногих программах содержались требования по национальному вопросу.

Частично это объяснялось недостаточной разработанностью некоторых аспектов марксистского учения о пролетарской революции, например, вопроса о союзниках рабочего класса или национального вопроса. Но вместе с тем отсутствие в программных документах социалистических партий ряда принципиальных положений марксистской теории свидетельствовало об уступках оппортунистическим элементам. По мере изменения исторической обстановки, с переходом капитализма в империалистическую стадию, перед движением вставали задачи, которые нельзя было решить, не имея программных установок, полностью соответствующих требованиям новой эпохи.

Выражая интересы широких народных масс, и прежде всего самого революционного класса современного общества, пролетарские партии должны были строиться на совершенно иной основе, чем партии, представлявшие те или иные группы господствующих классов, в том числе находившиеся в оппозиции к существующим режимам. Структура и организация буржуазных партий были приспособлены исключительно к целям избирательной борьбы и парламентской деятельности. Партии же пролетариата с самого начала выдвигали задачу радикального преобразования существующего строя, предпосылкой чего должно было явиться завоевание политической власти. Это предполагало четкую организацию, соблюдение партийной дисциплины, призванной обеспечить единство действий всех членов, и т. п. Каждая партия, как правило, имела устав, определявший ее структуру и функции, полномочия руководящих органов и местных организаций, взаимоотношения между ними, права и обязанности членов партии.

Устав Социалистической рабочей партии Германии, принятый Готским съездом в 1875 г., так определял обязанности ее членов: «К партии может принадлежать каждый, кто признает принципы партийной программы и энергично отстаивает интересы рабочих, в том числе и путем денежных взносов. Тот, кто не уплачивает взносы в течение трех месяцев, не считается членом партии»[2]. Устав, утвержденный съездом в Галле в октябре 1890 г. после отмены «исключительного закона», изменил этот пункт в худшую сторону: «Принадлежащим к партии считается каждое лицо, которое признает прин-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 248—249.
[2] *D. Fricke.* Die deutsche Arbeiterbewegung 1869—1890, S. 113.

ципы партийной программы и оказывает партии посильную поддержку»[1].

Постановление Лилльского съезда Французской рабочей партии (1890 г.) предусматривало, что член партии должен признавать программу партии, подчиняться ее уставу, платить ежемесячные взносы. Членские билеты подлежали ежегодному обмену. Однако местные организации толковали это положение по-разному: если некоторые вводили и другие требования — рекомендации при вступлении в партию, установление определенного срока для ознакомления с принципами и тактикой партии, обязательное посещение собраний местной группы и т. д., то другие, наоборот, считали членом партии чуть ли не каждого, выражавшего сочувствие социалистическим идеям. Естественно, что подобная организационная расплывчатость значительно облегчала проникновение оппортунизма в партию.

Устав Революционно-социалистической партии Романьи требовал от ее членов признания «общих принципов современного революционного социализма» и содействия «по мере своих сил и возможностей» их пропаганде и осуществлению[2]. Такой же характер имел и устав венгерской Социал-демократической партии, принятый в 1894 г.; членом ее мог стать каждый, кто «признает основные принципы партии и в меру своих возможностей поддерживает партию материально или морально»[3].

Примером для германской социал-демократии, а вслед за ней и для других образовавшихся позднее партий послужила организационная структура I Интернационала в том виде, в каком она сложилась к Гаагскому конгрессу. Конечно, и в этом отношении каждая партия имела свою специфику, объяснявшуюся национальными особенностями. Тем не менее основные организационные принципы в общем совпадали.

Высшим органом каждой партии считался съезд. Периодичность съездов была весьма разнообразной. Если германская социал-демократия в период до «исключительного закона» созывала съезды ежегодно, то в условиях запрета легальной деятельности она смогла провести за 12 лет всего три съезда. Французская рабочая партия, которая не подвергалась таким преследованиям, с 1882 по 1890 г. провела лишь один съезд (1884 г., Рубе), а поссибилисты за те же восемь лет собирались трижды.

Между съездами каждой партией руководил избранный центральный орган (Центральный комитет, Центральное правление, Центральный совет, Национальный совет и т. д.). Состав его был различен: от 3 до 15—20 человек. В годы действия «исключительного закона» Социалистическая рабочая партия Германии фактически

[1] *D. Fricke.* Zur Organisation und Tätigkeit der deutschen Arbeiterbewegung, S. 23.

[2] См. *Г. Манакорда.* Указ. соч., стр. 423.

[3] Цит. по: «История венгерского революционного рабочего движения», т. I, стр. 39.

управлялась фракцией рейхстага, которая, являясь единственным легальным органом партии, могла легче осуществлять руководящие функции. Вообще в партиях, добившихся серьезных избирательных успехов, парламентским фракциям принадлежала значительная роль — обстоятельство, которое уже к концу 90-х годов стало сказываться отрицательно, поскольку способствовало перенесению тяжести партийной деятельности на парламентскую борьбу в ущерб революционной работе в массах.

В основе структуры местных организаций в различных партиях почти повсеместно лежал территориальный принцип. Такая традиция возникла еще на сравнительно ранних стадиях рабочего движения, в пору появления первых профессиональных союзов, которые группировали своих сочленов по месту жительства. Сказалось и то обстоятельство, что по территориальному принципу строились вообще все политические партии; такова же была структура и местных секций Международного Товарищества Рабочих. Наконец, там, где партии с самого возникновения ставили своей задачей активную парламентскую борьбу, объединение на основе избирательных округов представлялось на первых порах наиболее удобным и практически целесообразным. Однако в дальнейшем территориальный принцип часто использовали в своих интересах оппортунисты, стремившиеся ограничить деятельность партии спорадической предвыборной агитацией.

НОВЫЕ ФОРМЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ. СОЗДАНИЕ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Интернационал подготовил почву для возникновения самостоятельных политических партий пролетариата в каждой стране. Их создание стало важнейшим условием дальнейшего развития рабочего движения; внимание его активных участников сосредоточилось теперь на решении этой задачи. До ее выполнения было преждевременно думать об образовании нового международного объединения. Оно могло возникнуть только на общей идейной основе как союз самостоятельных пролетарских партий, существующих в каждой стране.

Тем временем интернациональные пролетарские связи продолжали развиваться. Деятели движения различных стран поддерживали постоянные контакты между собой. Обычным явлением стал сборс редств для оказания материальной поддержки бастующим рабочим другой страны, проведения избирательных и иных кампаний. В социалистической печати все большее место занимала информация о рабочем движении в других странах. Регулярно публиковались статьи деятелей братских партий. Это способствовало взаимному обмену опытом, воспитанию рабочих в духе пролетарского интернационализма.

Все чаще практиковались совместные обращения и заявления в связи с угрозой военных столкновений, неоднократно возникавшей в различных пунктах земного шара, а также против колониальной экспансии. Борьба против милитаризма и военной опасности становилась общим делом пролетариев различных национальностей. Так, когда летом 1882 г. английское правительство начало агрессию против Египта, социалистические и рабочие организации Англии, Франции, Италии и некоторых других стран решительно выступили против этих действий. Во многих городах состоялись собрания и митинги протеста. В середине 80-х годов, когда правящие круги Франции развязали захватническую войну в Индокитае, французские социалисты открыто заняли антивоенную позицию, разоблачали классовую сущность колониальной политики. Столь же резко выступили и английские социалисты с осуждением военных действий, предпринятых с целью подавления национально-освободительного восстания в Судане в 1885 г. Немецкие социал-демократы энергично возражали против колониальной экспансии Германской империи в Африке в 80-х годах, используя все возможности, прежде всего печать и трибуну рейхстага, для разоблачения агрессивного характера прусско-германского милитаризма[1].

Особенно активно действовали социалисты в период резкого обострения отношений между Германией и Францией во второй половине 80-х годов. И в печати, и в речах социал-демократических депутатов, и на рабочих собраниях гневно осуждалась шовинистская политика правящих кругов, вскрывался ее антинародный характер, пропагандировались принципы пролетарского интернационализма[2].

Совместные антимилитаристские и антиколониалистские выступления социалистических организаций различных стран, как и учащавшиеся случаи международной поддержки стачек и другие проявления пролетарской солидарности, усиливали стремления к упрочению интернациональных связей. К концу 80-х годов, когда обстановка в европейском рабочем движении заметно изменилась и социалистические партии существовали уже во многих странах, на страницах рабочей печати, на партийных съездах и в профсоюзных организациях стали все громче раздаваться голоса в пользу скорейшего создания нового международного пролетарского объединения. Идею созыва международного рабочего конгресса выдвинула германская социал-демократия. Соответствующее решение было принято на ее съезде в Санкт-Галлене в октябре 1887 г. В подготовку международного конгресса активно включилась и Французская рабочая партия. Но в то же время о своем намерении созвать международный конгресс заявили французские поссибилисты. Организаторы обоих

[1] См. «Антивоенные традиции международного рабочего движения». М., 1972, стр. 61—66.
[2] См. там же, стр. 70—72.

конгрессов решили провести их в Париже, приурочив к столетию взятия Бастилии (июль 1889 г.).

Создалась своеобразная ситуация: в одном и том же городе одновременно созывались два рабочих конгресса. Один — по инициативе революционных социалистов, марксистов, другой — по почину реформистов. Поскольку было очевидно, что речь идет не о рядовом конгрессе, а о создании нового международного объединения, возникла опасность, что такое объединение может попасть в руки реформистов. Эту опасность понимали тогда лишь немногие революционные социалисты. Лидеры Французской рабочей партии, которым в силу сложившихся обстоятельств должна была принадлежать решающая роль в подготовке конгресса, действовали на первых порах медленно и нерешительно, в то время как поссибилисты проявляли большую активность. Руководителям германской социал-демократии была свойственна известная недооценка значения конгресса, а некоторые из них склонялись к примирению с поссибилистами.

Преодолеть такого рода настроения было не просто. Только в результате огромных усилий Энгельса руководители основных социалистических партий поняли принципиальную важность успеха конгресса, проводимого под руководством марксистов. Вовремя оценив возникшую угрозу, Энгельс развернул огромную организационную работу, побуждал лидеров Рабочей партии во Франции действовать активнее, разъяснял руководителям германской социал-демократии необходимость энергично включиться в подготовку конгресса, убедительно доказывал опасность идеи объединения обоих конгрессов (сторонниками этого были, в частности, руководители бельгийских и голландских социалистов). Энгельс организовал сбор подписей под воззванием о созыве конгресса. Благодаря его деятельности этот документ нашел поддержку почти всех европейских социалистических партий и групп. Энгельс составил план организационных мероприятий и следил за его выполнением. Ему удалось привлечь к активному участию в подготовке конгресса всех видных европейских социалистов[1].

Усилия Энгельса и его соратников увенчались успехом. Международный рабочий конгресс, открывшийся в Париже 14 июля 1889 г., оказался самым представительным из всех, происходивших когда-либо ранее: его делегаты (около 390) прибыли из 20 стран. Присутствовали представители почти всей Европы, из неевропейских стран — делегаты от США и Аргентины. Это был социалистический конгресс: большинство его участников входило в партии, стоявшие на платформе научного социализма.

Торжественное открытие состоялось в переполненном помещении

[1] Подробнее см.: *Б. Г. Тартаковский.* Фридрих Энгельс — советник и учитель международного пролетариата (1875—1895). М., 1966, стр. 180—218.

зала Петрелль, украшенном красными знаменами и лозунгами. Над сценой протянулся огромный транспарант с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Конгресс открыл приветственной речью от имени Организационного комитета один из лидеров французских революционных социалистов, Поль Лафарг. «Собравшиеся в этом зале делегаты из всей Европы и Америки,— сказал он,— объединяются не под трехцветным или каким-либо иным национальным знаменем, они объединяются под красным знаменем, знаменем международного пролетариата»[1]. В числе делегатов конгресса были соратники Маркса и Энгельса по Международному Товариществу Рабочих: Бебель, Либкнехт, Лафарг, Иглесиас, Меса, Де Пап, Лонге, участники Парижской Коммуны Франкель, Вайян, Жаклар и многие другие борцы за дело рабочего класса. Среди немецких делегатов привлекала внимание молодая социалистка Клара Цеткин; рабочее движение России представляли основатели группы «Освобождение труда» Плеханов, Засулич, Аксельрод.

На конгресс, созванный поссибилистами, прибыли главным образом делегаты профсоюзов. Основную массу участников составляли посланцы французских, большей частью парижских, синдикатов и английских тред-юнионов. Социалистические организации были представлены (если не считать поссибилистов и нескольких делегатов, получивших мандаты на оба конгресса) только английской Социал-демократической федерацией.

Характер обоих конгрессов отразил те сдвиги, которые произошли к концу 80-х годов в рабочем движении: в большинстве стран Европейского континента признанными руководителями организованного рабочего класса стали возникшие к этому времени социалистические партии. В то же время известная часть рабочих (в Англии — подавляющее большинство) шла в фарватере тред-юнионистской политики. «...Оба конгресса,— подчеркивал Энгельс,— носят совершенно различный характер: наш — объединенных социалистов, а другой — людей, не идущих дальше тред-юнионизма... Так как группировка на два лагеря под двумя различными знаменами уже произошла без нас, то нам надлежит защищать честь социалистического знамени...»[2]

Решения марксистского конгресса подтвердили, что научный социализм является идейной основой социалистического рабочего движения. В резолюции о международном трудовом законодательстве и охране труда говорилось, что «освобождение труда и всего человечества может быть достигнуто только пролетариатом, организованным как класс и в интернациональном масштабе, который должен завоевать политическую власть с целью осуществления экспроприации капитала и превращения средств производства в общественную

[1] «Protokoll des internationalen Arbeiter-Kongresses zu Paris. Abgehalten vom 14. bis 20. Juli 1889». Nürnberg, 1890, S. 1.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 198.

собственность»[1]. Иными словами, выдвигая конкретную программу борьбы за непосредственные, насущные нужды рабочего класса, конгресс связывал ее с борьбой за конечную цель — победу социалистического общественного строя. Та же мысль была проведена и в резолюции по вопросу об отмене постоянных армий и всеобщем вооружении народа. Здесь подчеркивалась прямая связь войн с существованием капитализма и констатировалось, что наилучшая гарантия их окончательного исчезновения — победа социализма в мировом масштабе.

В решениях конгресса, и прежде всего в резолюции о трудовом законодательстве и охране труда, была развернута широкая программа борьбы за насущные интересы рабочего класса. Она суммировала требования, уже давно выдвигавшиеся рабочими различных стран и отраслей производства в ходе стачечной борьбы, разумеется, не в такой обобщенной форме и большей частью применительно к конкретным условиям. После резолюций Женевского и Брюссельского конгрессов I Интернационала эта программа была первым документом международного рабочего движения, где в систематической форме излагались ближайшие требования пролетариата в экономической области. В резолюции подчеркивалось, что осуществление этих требований «абсолютно необходимо во всех странах, где господствует капиталистический способ производства», в целях «противодействия разрушительным влияниям существующего экономического строя». Вслед за I Интернационалом конгресс выдвинул требования законодательного ограничения рабочего дня 8 часами, запрещения детского труда, ограничения труда подростков и женщин, особой регламентации ночных работ и вредных производств, установления обязательного еженедельного дня отдыха, запрещения выдачи заработной платы продуктами и через заводские лавки, создания государственного института фабричных инспекторов и т. д. Специальный пункт резолюции требовал «равной оплаты за равный труд для рабочих обоих полов и без различия национальности», а также «неограниченного, полностью свободного права союзов и коалиций»[2].

Эти решения Парижского конгресса послужили на длительное время программной основой борьбы международного пролетариата за улучшение условий жизни и труда.

Важное значение для укрепления международных пролетарских связей, для воспитания рабочего класса в духе пролетарского интернационализма и международной солидарности имели выступления делегатов всех представленных на конгрессе стран с сообщениями о положении пролетариата и состоянии рабочего движения. Перед участниками конгресса предстала впечатляющая картина освободи-

[1] «Protokoll des internationalen Arbeiter-Kongresses zu Paris», S. 121.
[2] Ibid., S. 122.

тельной борьбы рабочего класса во всем капиталистическом мире. В резолюции, принятой в связи с этим, отмечалось, что из сообщений делегатов вытекает недостаточность «простых экономических организаций труда (тред-юнионов и подобных им объединений) для освобождения рабочего класса»[1]. Резолюция призывала рабочих вступать в социалистические партии и добиваться завоевания политической власти.

Хотя на конгрессе задавали тон революционные социалисты, сторонники марксизма, в некоторых выступлениях были заметны реформистские тенденции. Однако они не оказали сколько-нибудь серьезного влияния на содержание принятых резолюций.

Конгресс не вынес решения, провозглашавшего создание нового международного объединения. Тем не менее ни его участники, ни другие активные деятели движения не сомневались, что в истории международных пролетарских связей наступает новый этап. Подчеркнув необходимость созыва следующего международного конгресса и определив его место (Швейцария или Бельгия), конгресс тем самым высказался за сохранение этой формы интернациональных связей как наиболее целесообразной. Таким образом, по существу Международный социалистический рабочий конгресс 1889 г. положил начало II Интернационалу (хотя так называться он стал позднее) — сначала, как отмечал впоследствии В. И. Ленин, «в виде периодических интернациональных съездов»[2].

Насколько велико было стремление масс борющегося пролетариата к единству действий в международном масштабе, показал энтузиазм, с которым повсеместно воспринималась резолюция об одновременном проведении во всех странах 1 Мая 1890 г.— в память о мужественном и трагическом выступлении чикагских рабочих 1 Мая 1886 г.— демонстраций с требованием законодательного установления 8-часового рабочего дня и осуществления других выработанных конгрессом мер по немедленному улучшению положения рабочих. «Это лучшее из того, что сделал наш конгресс»[3],— так охарактеризовал резолюцию Энгельс.

1 Мая 1890 г. на улицы промышленных центров большинства европейских стран вышли десятки и сотни тысяч рабочих.

В некоторых городах Германии, Франции, Дании этот день ознаменовался более или менее продолжительными забастовками на ряде предприятий. Многие города стали ареной небывалых по своим масштабам массовых демонстраций: в Вене число их участников составило 100 тыс. человек, в Будапеште — 60 тыс., в Марселе и Лионе — 40—50 тыс., в Праге — 35 тыс., в Рубе, Лилле, Стокгольме, Чикаго и многих других городах — 20—30 тыс., в Варшаве — 20 тыс., во Львове — 3 тыс. человек и т. д. Несмотря на официаль-

[1] «Protokoll des internationalen Arbeiter-Kongresses zu Paris», S. 124.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 18.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 222.

ное запрещение, демонстрации и митинги состоялись в городах Италии[1].

В Испании и Англии день международной пролетарской солидарности отмечался в первое майское воскресенье — 4 мая. В Барселоне на улицы вышло около ста тысяч человек. Еще бóльшая по масштабам демонстрация состоялась в лондонском Гайд-парке, где собралось свыше 300 тыс. человек, в том числе представители французских, немецких, русских социалистов.

«Казалось, что все население Лондона устремилось в парк»,— говорилось в одном из отчетов того времени. В процессии «участвовали докеры, шедшие в грубой рабочей одежде, похожие на джентльменов наборщики в лайковых перчатках и цилиндрах, работницы из Ист-Энда в пышных нарядах, украшенных перьями»[2]. Все они требовали 8-часового рабочего дня. Манифестация 1 Мая 1890 г. способствовала повышению организованности и сознательности английского пролетариата. Присутствовавший на демонстрации Энгельс писал Лауре Лафарг: «Это было грандиозно. Англия *действительно*, наконец, приходит в движение...»[3]

В последующие годы день 1 Мая стал традиционным праздником международного пролетариата[4]. Каждый год в этот день улицы промышленных городов заполнялись тысячами манифестантов. Рабочие отдельных предприятий, иногда целых районов объявляли забастовки в знак солидарности с требованиями международного пролетариата — явление беспрецедентное в прошлом.

Правящие классы стремились помешать единым действиям рабочих. Столкновения с полицией 1 Мая 1890 г. происходили в Италии, в 1891 г. — во Франции, Италии и Испании. В небольшом промышленном городке Фурми, на севере Франции, мирную первомайскую демонстрацию встретили ружейными залпами. На мостовой остались лежать около полусотни человек, в том числе женщины, дети. Десять из них были убиты наповал. Кровавая бойня в Фурми вызвала бурное возмущение французских рабочих. На дополнительных выборах в парламент социалисты выдвинули кандидатом П. Лафарга, находившегося в тюрьме за выступления против расстрела в Фурми. «Кандидатура протеста» одержала победу: Лафарг был избран в палату депутатов.

Никакие репрессии не могли помешать утверждению боевой пролетарской традиции. Идея ежегодного одновременного выступления пролетариев всех стран укоренялась быстро и повсеместно. В той или иной форме день 1 Мая стали отмечать и пролетарии

[1] Подробнее см.: *M. Dommanget.* Histoire du Premier May. Paris, 1953, p. 128—131.
[2] Цит. по: *А. Л. Мортон* и *Дж. Тэйт.* Указ. соч., стр. 266—267.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 343.
[4] См. *И. М. Кривогуз.* Второй Интернационал. 1889—1914. М., 1964, стр. 93—97.

стран, где самостоятельное рабочее движение делало лишь первые шаги в условиях глубокого подполья.

В России первую маевку провела в Петербурге организация Бруснева. В первое воскресенье мая 1891 г. подыскали место надежное и в достаточной мере удобное для отступления в случае налета полиции[1]. Ораторами выступили четверо рабочих — Е. Климанов, В. Прошин, Н. Богданов и Ф. Афанасьев. В. Прошин сказал, в частности: «Каждый из нас знает, что теперь мы не можем произвести никакой манифестации, а не только что подобной той, какую произвели рабочие на Западе. Я думаю, что каждый из нас теперь невольно сравнивает наши силы с силами западных рабочих; но смею надеяться, что ни один из нас от этого сравнения, глядя на нашу малочисленность, не придет в отчаяние, потому что все мы имеем настолько сил и энергии, чтобы не упасть духом...» Ф. А. Афанасьев в своей речи заявил: «Нам необходимо прежде всего составить такую организованную силу из рабочих, сознательно стремящихся к улучшению своего положения, которая могла бы принудить правительство уступить ей политические права, лишь только при получении которых мы будем иметь возможность заняться переделкой существующего экономического строя»[2]. М. Бруснев писал в своих воспоминаниях, что «первомайское собрание произвело чрезвычайно хорошее впечатление на всех рабочих, объединило разрозненные кружки в одну целую организацию»[3].

Даже там, где рабочий класс в значительной мере шел в фарватере тред-юнионистского реформизма, Первомай отмечался с большим подъемом: в Лондоне, например, в майской демонстрации 1891 г. уже участвовало 500 тыс. человек.

Последующие конгрессы нового международного объединения проходили в общем под знаком марксистских идей. В течение 90-х годов состоялось три таких конгресса — в Брюсселе (1891 г.), Цюрихе (1893 г.) и Лондоне (1896 г.). Тем самым они приобрели более или менее регулярный характер. Однако никакого центрального органа, подобного Генеральному Совету I Интернационала и в какой-то мере координировавшего действия организованного пролетариата различных стран, в первые годы не существовало. В 1891 г. Энгельс отмечал, что «старая официальная форма 1864—1875 гг. была бы слишком тесной для миллионов европейских и американских рабочих, объединившихся под красным знаменем борющегося пролетариата»[4]. Поэтому, когда в начале 90-х годов стали раздаваться голоса в пользу создания нового Генерального Совета, это не встретило поддержки большинства руководителей партий. Реши-

[1] *М. Мительман.* Первая петербургская маевка. Л., 1941, стр. 17—19.

[2] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. II. М., 1952, стр. 59, 62.

[3] Там же, стр. 111.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 203.

тельным противником подобных предложений был и Энгельс. Отмечая, что не следует «форсировать дело, для осуществления которого время еще не наступило»[1], он исходил из необходимости предварительно добиться дальнейшего организационного и идейного укрепления самих партий.

Необходимость укрепления в общем уже достигнутого идейного единства требовала прежде всего полного размежевания с анархистами. В силу этих причин вопрос об отношении к анархистам стоял на всех конгрессах нового Интернационала в 90-х годах. Еще с Парижского конгресса 1889 г. была удалена небольшая группа анархистов, которые пытались сорвать работу, учинив обструкцию во время голосования. Брюссельский конгресс аннулировал мандаты представителей анархистских организаций (три бельгийца, один голландец). Однако в выступлениях лидера голландских социалистов Ньювенгейса ясно прослеживались анархистские тенденции. Главное средство борьбы против военной опасности он видел в провозглашении в случае войны всеобщей стачки во всех странах. План Ньювенгейса был явно утопичен, а кроме того, в случае если бы даже удалось в какой-то мере реализовать его, это поставило бы страны с организованным рабочим движением в весьма невыгодное положение по сравнению с менее развитыми. Хотя на конгрессе Ньювенгейс остался в одиночестве, его взгляды были встречены сочувственно некоторыми участниками движения. Аналогичные предложения выдвинул Ньювенгейс и на следующем конгрессе, в Цюрихе (1893 г.). Поддержки он не получил, а представители анархистских организаций вновь не были допущены на конгресс.

В ходе подготовки к новому, Лондонскому конгрессу анархисты действовали особенно энергично, стремясь во что бы то ни стало проникнуть на его заседания. Делегатам понадобился целый день, чтобы подтвердить решения предыдущих конгрессов и не допустить анархистов. Была принята специальная резолюция о том, что в будущем конгрессе могут участвовать только те рабочие организации, которые признают необходимость политической, в том числе парламентской, деятельности[2].

Таким образом, анархисты окончательно оказались вне рядов Интернационала. Это способствовало сплочению подлинно революционных, марксистских сил в международном рабочем движении, хотя влияние анархистской, псевдореволюционной фразеологии продолжало ощущаться, особенно в романских странах.

На первых конгрессах нового Интернационала большое внимание уделялось определению путей борьбы за повседневные интересы рабочего класса. Решения по данному вопросу тесно увязывали эту борьбу с конечными целями рабочего класса. Так, в резолюции

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, стр. 116.
[2] См. «История Второго Интернационала», т. I. М., 1965, стр. 248.

Брюссельского конгресса говорилось, что он «стоит на почве классовой борьбы и уверен в том, что освобождение рабочего класса невозможно без ликвидации классового господства». Резолюция призвала рабочих всего мира «объединить свои усилия против господства капиталистических партий, и повсюду, где рабочие обладают политическими правами, использовать их, чтобы освободиться от наемного рабства» [1].

В резолюции Цюрихского конгресса эта мысль была дополнена формулировкой о завоевании пролетариатом политической власти и необходимости организации рабочего класса для достижения «революционной цели социалистического движения — полного переустройства современного общества в экономическом, политическом и нравственном отношении» [2]. Та же мысль содержалась в решении Лондонского конгресса по вопросу об экономической борьбе: без завоевания политической власти и обобществления средств производства пролетариат может лишь смягчить эксплуатацию, но не уничтожить ее [3].

Разумеется, рассмотрение этих проблем не ограничивалось их общей постановкой. На конгрессах подробно обсуждались и конкретные ближайшие требования международного пролетариата, программа которых была разработана и принята на Парижском конгрессе. Она уточнялась и расширялась, вносились новые требования, касавшиеся системы оплаты труда, охраны труда женщин и т. д. В резолюции Брюссельского конгресса особенно подчеркивалась необходимость использования пролетариатом всех средств пропаганды и агитации с целью добиться проведения в жизнь уже принятых в некоторых странах законов об охране труда.

Выдвижением ближайших требований и одновременно разъяснением того, что даже их осуществление само по себе не сможет освободить пролетариат от ига эксплуатации, конгрессы II Интернационала помогали социалистическим и другим рабочим организациям вести борьбу за насущные интересы рабочего класса, отнюдь не забывая о его конечных целях, подчеркивали общность интересов пролетариев различных стран. В резолюциях Брюссельского и Лондонского конгрессов отмечалось значение стачек как одного из важнейших и наиболее действенных средств борьбы рабочего класса.

На конгрессах обсуждались вопросы о профессиональных союзах, формах их деятельности, необходимости усиления их международных связей. Цюрихский конгресс в особой резолюции призвал к созданию во всех странах национальных федераций профсоюзов

[1] «Verhandlungen und Beschlüsse des internationalen Arbeiter-Kongresses zu Brüssel». Berlin, 1893, S. 15.
[2] «Protokoll des internationalen Arbeiter-Kongresses in der Tonhalle Zürich vom 6. bis 12. August 1893». Zürich, 1894, S. 40.
[3] «Verhandlungen und Beschlüsse des internationalen Arbeiter- und Gewerkschaftskongresses zu London vom 27. Juli bis 1. August 1896». Berlin, 1896, S. 17, 27, 28.

и установлению связей между ними, предложил созывать международные профсоюзные конференции по отраслям.

Широкие дискуссии шли по вопросам тактики социалистических партий. В резолюции Лондонского конгресса подчеркивалось, что рабочий класс должен использовать все средства борьбы для достижения конечной цели. Большое внимание уделялось при этом парламентской тактике, а также вопросу о возможности и условиях соглашений с буржуазными партиями. В решениях Цюрихского и Лондонского конгрессов указывалось на недопустимость таких компромиссов, которые «нарушали бы принципы или независимость социалистических партий»[1], подчеркивалась необходимость независимой от всех буржуазных партий политики рабочего класса[2].

С самого начала на международных конгрессах уделялось огромное внимание вопросам антивоенной борьбы. Здесь были особенно важны совместные действия пролетариев различных стран и национальностей. В условиях, когда в Европе вóйны, связанные с образованием национальных государств, в основном отошли в прошлое, когда воинственные устремления так называемых великих держав определялись в первую очередь интересами крупного капитала, стремившегося умножить прибыли за счет колониальных захватов, приобретения новых источников сырья и рынков сбыта, только рабочий класс мог стать реальной силой, способной помешать развязыванию войн. Выше уже упоминалась резолюция Парижского конгресса 1889 г., касавшаяся данного вопроса. Однако впервые в развернутой форме задачи борьбы с милитаризмом и военной опасностью рассматривались на Брюссельском конгрессе.

К этому времени наметились две основные группировки европейских держав, столкновение которых более двух десятилетий спустя вылилось в мировую войну. Об опасности того, что такое столкновение может принять гигантские масштабы и нанести народам, в первую очередь трудящимся, огромный урон, Энгельс и его соратники говорили уже не раз. Принятая конгрессом резолюция указывала на прямую связь милитаризма с капиталистическим строем, выявляла ее глубинные истоки, подчеркивала, что только «создание социалистического общественного порядка, ликвидирующего эксплуатацию человека человеком, может положить конец милитаризму»[3].

Конгресс призвал международный пролетариат «неустанно и энергично протестовать и бороться против всех стремлений к войне и служащих этой цели соглашений». Никаких более конкретных рекомендаций для организации антивоенной борьбы резолюция не

[1] «Protokoll des internationalen Arbeiter-Kongresses in der Tonhalle Zürich vom 6. bis 12. August 1893», S. 40—41.

[2] «Verhandlungen und Beschlüsse des internationalen Arbeiter- und Gewerkschaftskongresses zu London», S. 17.

[3] «Verhandlungen und Beschlüsse des internationalen Arbeiter-Kongresses zu Brüssel», S. 26.

содержала. На Цюрихском конгрессе эти общие призывы были дополнены конкретными рекомендациями: социалистическим депутатам парламентов предлагалось принципиально голосовать против военных кредитов, добиваться сокращения расходов на постоянные армии и постепенной их ликвидации. Дальнейший шаг вперед был сделан в этом отношении Лондонским конгрессом, выдвинувшим требование «третейских судов для мирного разрешения конфликтов между народами», а в случае отказа правительств подчиниться такому суду — решения вопроса о войне и мире самим народом[1].

Таким образом, решения первых конгрессов нового международного объединения по важнейшим вопросам были выдержаны в духе научного социализма. Именно это обстоятельство и имел в виду В. И. Ленин, когда писал, что «возобновившаяся международная организация рабочего движения... стала во всем существенном на почву марксизма»[2].

Однако, хотя в целом идейной основой II Интернационала были тогда принципы научного социализма, его деятельность не могла не отражать фактическое состояние всего движения. В конгрессах участвовали представители профессиональных союзов, в том числе тех, которые стояли на позициях, далеких от научного социализма, посланцы таких реформистских организаций, как поссибилистская Федерация социалистических рабочих Франции (1891 г.) и др. Большинство на конгрессах 90-х годов принадлежало революционным социалистам, марксистам. Реформисты, как правило, в дискуссиях и при принятии резолюций оказывались в меньшинстве, однако они отнюдь не отказались от своих взглядов.

Пестрота состава таила в себе и определенную опасность. Уже конгрессы 90-х годов показали, что внутри нового Интернационала появляется оппортунистическое направление, готовое поступиться коренными целями движения в интересах сиюминутных успехов, удовлетвориться частичными реформами, склонное абсолютизировать избирательные успехи и парламентские средства борьбы. Правда, выступления представителей правого оппортунизма обычно получали отпор со стороны революционных социалистов, но вопрос об организационном разрыве с ними, о несовместимости их взглядов с принадлежностью к международной социалистической организации не ставился.

[1] «Verhandlungen und Beschlüsse des internationalen Arbeiter- und Gewerkschaftskongresses zu London», S. 24.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 18.

МАРКСИЗМ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ОППОРТУНИЗМА. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА ВШИРЬ

Победа марксистских принципов в Международном Товариществе Рабочих подготовила почву для восприятия идей научного социализма передовыми участниками рабочего движения. Они все более убеждались в том, что только марксизм может дать ответ на насущные вопросы, вставшие перед пролетариатом в ходе освободительной борьбы, открыть для этой борьбы научно обоснованные, реальные перспективы. Однако к середине 70-х годов, к моменту прекращения деятельности I Интернационала, произведения основоположников марксизма были хорошо известны сравнительно узкому кругу деятелей международного рабочего движения. Сохранялось некоторое влияние домарксовских социалистических учений. Даже многие активные деятели рабочего движения, достаточно близкие к Марксу и Энгельсу, далеко не в полной мере усвоили важнейшие положения научного социализма. Свидетельством тому были, в частности, принципиальные ошибки Готской программы германской социал-демократии. В социалистических газетах многих стран появлялось немало теоретических статей, содержавших путаные, неверные положения, а часто прямо пропагандировавших идеи мелкобуржуазного социализма.

В Германии, например, в 70-х годах среди деятелей рабочего движения значительную популярность приобрели эклектические взгляды приват-доцента Берлинского университета Е. Дюринга — реакционно-мещанская интерпретация социализма, прикрывавшаяся громкими псевдореволюционными фразами. Во Франции продолжало ощущаться влияние левых прудонистов, идей мелкобуржуазных социалистов Луи Блана, Пьера Леру, Бенуа Малона, и др. Особенно сильно оно сказывалось на платформе реформистского крыла французского рабочего движения — поссибилистов. В Англии преобладающим влиянием в рабочем движении пользовалась буржуазная в своем существе идеология тред-юнионизма.

Необходимо было преодолеть эти чуждые рабочему классу влияния, противопоставить им мировоззрение революционного пролетариата. Распространение и популяризация идей научного социализма становились, таким образом, одной из самых насущных задач рабочего движения, условием дальнейшего его развития. Решению этой задачи Маркс и Энгельс уделяли первостепенное внимание.

Так, Маркс проделал большую работу в связи с французским изданием I тома «Капитала», выходившим в 70-х годах отдельными выпусками. Стремясь сделать свой труд более понятным для французских рабочих, он изменил структуру и заново изложил многие места книги. Маркс считал, что это издание «имеет самостоятельную научную ценность»[1]. В последние годы своей жизни Маркс продолжал работу над II и III томами «Капитала»; они были подготовлены к печати и изданы Энгельсом уже после смерти автора, соответственно в 1885 и 1894 гг., и оказали большое воздействие на идейное развитие международного рабочего движения. Под редакцией Энгельса в 1887 г. в Лондоне, а затем в Нью-Йорке вышел английский перевод I тома «Капитала». Существенное значение для проникновения идей научного социализма в среду передовых рабочих и социалистически настроенной интеллигенции имели также переводы I тома «Капитала» на польский, датский, итальянский, испанский языки, осуществленные в это время[2].

В 1891 г. Энгельс опубликовал Марксову «Критику Готской программы»; эта публикация в огромной степени способствовала распространению марксистской теории и преодолению рецидивов мелкобуржуазного социализма.

Выдающуюся роль в популяризации и развитии марксизма сыграли собственные труды Энгельса, написанные во второй половине 70-х — первой половине 90-х годов. В них были систематически изложены все составные части марксизма, и прежде всего основы пролетарского мировоззрения — диалектического и исторического материализма. Почти все они сразу же получили широкое распространение — доказательство того, что среди передовых, стремившихся к знаниям рабочих существовал огромный интерес к идеям научного социализма[3].

Не меньшее значение для распространения марксистских идей в 70—80-х годах имели многочисленные переиздания и переводы важнейших произведений Маркса и Энгельса более раннего периода. Значительная часть этих переизданий была предпринята либо Энгельсом, либо по его советам. Он сам отбирал произведения, выпуск которых считал необходимым, разыскивал старые комплекты газет и журналов, где они впервые публиковались, находил переводчиков, редактировал переводы. Так, благодаря его заботам и усилиям в 80-х годах получил большое распространение «Манифест Коммуни-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 26.

[2] Подробнее см: *А. В. Уроева*. Книга, живущая в веках. М., 1972.

[3] Работа Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», например, в течение полутора десятков лет (1880—1895) выдержала около 20 изданий на немецком, французском, английском, русском и ряде других языков, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» за 10 лет (1884—1894) было опубликовано на восьми языках.

стической партии»[1], стали доступны широкому кругу читателей такие работы Маркса, как «Наемный труд и капитал», «Нищета философии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов», труд самого Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и др.

В конце 70-х—80-х годах было сделано несколько попыток создать общедоступное изложение I тома «Капитала». Это было тем более важно, что единственная работа такого рода — вышедшая в 1873 г. брошюра И. Моста «Капитал и труд» — содержала серьезные ошибки и неточности. Ряд существенных недостатков имелись и в брошюре итальянского социалиста К. Кафьеро ««Капитал» Карла Маркса», опубликованной в 1879 г. Тем не менее обе они сыграли определенную положительную роль, поскольку впервые ознакомили немецких и итальянских рабочих с основами экономического учения Маркса. Два года спустя вышла небольшая книжка голландского социалиста Д. Ньювенгейса «Карл Маркс. Капитал и труд», изданная впоследствии в переводе на немецкий язык в Австрии и США. Более серьезную работу представляла собой книга французского социалиста Г. Девиля ««Капитал» Карла Маркса — краткое изложение с очерком научного социализма», которая в общем была одобрена Энгельсом, указавшим одновременно и на ее недостатки. В течение 80—90-х годов она появилась на русском, испанском, итальянском языках. С популярными изложениями основных идей I тома «Капитала» выступили также польский социалист Ш. Дикштейн (1881 г.), шведский социалист А. Вермелин (1887 г.), русский революционер П. Аргунов (его брошюра была издана нелегально на гектографе в 1883—1884 гг.). Наиболее широкое распространение получила книга К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса» (1887 г.); имевшиеся в рукописи недостатки были устранены Энгельсом, тщательно отредактировавшим ее. Впоследствии она была переведена на ряд языков[2].

Великое произведение Маркса «Капитал» оказало сильнейшее воздействие на умы активных участников освободительной борьбы пролетариата. Уже в 1886 г. в предисловии к английскому изданию I тома «Капитала» Энгельс с полным основанием констатировал: «Никто из тех, кто знаком с рабочим движением, не станет отрицать, что выводы, сделанные в «Капитале»... становятся основными прин-

[1] При непосредственном участии Ф. Энгельса и под его редакцией в течение 80-х—первой половины 90-х годов вышли четыре немецких издания «Манифеста Коммунистической партии», французский, русский, английский, датский, испанский переводы. Кроме того, «Манифест» издавался в те годы на ряде других языков; нередко его полный текст печатался в социалистических газетах различных стран (см. «Прижизненные издания и публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Библиографический указатель», ч. I. М., 1974, стр. 66—73).

[2] См. «Очерки истории идейной борьбы вокруг «Капитала» К. Маркса. 1867—1967». М., 1968, стр. 76—94.

ципами великого движения рабочего класса... что рабочий класс повсюду признает эти выводы наиболее точным выражением своего положения и своих чаяний»[1].

Значительный вклад в распространение идей научного социализма и борьбу с чуждыми пролетариату течениями вносили ученики и последователи Маркса. Их работы, в которых популяризовались различные стороны марксистского учения, получили широкое признание, сыграли немалую роль в идейной победе марксизма в рабочем движении.

Огромную известность приобрела написанная в 1879 г. брошюра А. Бебеля «Женщина и социализм». Это было первое в марксистской литературе произведение, специально посвященное детальному рассмотрению причин неравноправного положения женщин при капитализме. Вместе с тем в работе в доступной форме излагались основные идеи научного социализма, давался анализ классовой сущности буржуазного общества, пропагандировались задачи революционного пролетариата и программные положения социалистической партии. Только до 1895 г. книга Бебеля выдержала 25 изданий на 15 языках. Хорошо известны были и другие его работы: «Крестьянская война в Германии», брошюра «Наши цели», а также выступления в рейхстаге[2].

Популяризации учения Маркса способствовала многократно издававшаяся на многих языках брошюра В. Либкнехта «Пауки и мухи», другие его труды, посвященные различным сторонам учения Маркса, в первую очередь обоснованию революционной тактики рабочего класса,— «От обороны к нападению», «О политической позиции социал-демократии», «Трутц — медный лоб», «К аграрному вопросу», «Знание — сила, сила — знание», «К 18 марта».

Серьезный вклад в пропаганду марксистской философии и ее защиту от искажений и нападок внес И. Дицген, талантливый философ-самоучка, вышедший из рабочей среды, автор работ «Религия социал-демократии», «Научный социализм», «Будущее социал-демократии», «Экскурсии социализма в область теории познания». Ряд серьезных исторических, экономических и философских трудов, развивавших и пропагандировавших научный социализм, написал в те годы К. Каутский, стоявший тогда на марксистских позициях.

Широкой известностью в социалистических кругах не только во Франции, но и далеко за ее пределами пользовались работы

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 33.

[2] Речь Бебеля в рейхстаге в январе 1893 г. при обсуждении проекта бюджета, содержавшая яркое изложение основных социалистических принципов, была издана отдельной брошюрой под названием «Государство будущего и социал-демократия» и быстро разошлась. Это с удовлетворением отметил Энгельс, который охарактеризовал речь как «великолепную», а брошюру как «шедевр, в котором даже отдельные мелкие теоретические неточности, неизбежные в устном выступлении, ничего не меняют» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 22).

П. Лафарга по политической экономии, философии, тактике социалистической партии. Часть из них была переведена на другие языки. Особенную популярность снискали яркие памфлеты Лафарга, в которых разоблачалась сущность капитализма, например «Право на лень», «Проданный аппетит» и др. Основные положения марксистского экономического учения излагал в своих статьях и брошюрах, направленных против буржуазных экономистов и реформистов, Ж. Гед. Таковы были, например, его работы «Коллективизм в Коллеж де Франс», «Общественные службы и социализм» и др.

Выдающееся место среди произведений марксизма занимали труды Г. В. Плеханова. С начала 90-х годов его работы («К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», «Анархизм и социализм», «Н. Г. Чернышевский», несколько позднее — статьи с критикой ревизионизма Бернштейна) начинают публиковаться и на иностранных языках, прежде всего на немецком.

Со статьями и брошюрами, пропагандировавшими учение Маркса, программные цели социалистических партий и тактику революционного пролетариата, выступали и многие другие деятели рабочего движения и социалистические публицисты: Б. Бакс, Эд. Эвелинг, Элеонора Маркс-Эвелинг в Англии, А. Лабриола в Италии, Д. Благоев в Болгарии и т. д. Такие произведения Благоева, как «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?», «Наши апостолы», идейно-теоретически подготовили создание социал-демократической партии в Болгарии.

Важнейшим средством пропаганды и распространения марксизма была периодическая печать. Все социалистические газеты уделяли много места статьям, популяризирующим различные стороны учения Маркса. В таких газетах, как немецкие «Форвертс» и «Социал-демократ», австрийская «Глайххайт», а затем «Арбайтерцайтунг», французские «Эгалитэ», а затем «Сосиалист», сотрудничали Маркс, а еще более активно — Энгельс. Предисловия и введения к новым изданиям работ К. Маркса и своих, а также произведений некоторых других авторов Ф. Энгельс в 80-х годах, как правило, печатал предварительно в «Социал-демократе». Так появились, например, его работы «К истории Союза коммунистов» (предисловие к брошюре «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов»), «Рабочее движение в Америке» (предисловие к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии»), предисловие ко второму изданию его книги «К жилищному вопросу» и др. Во многих газетах систематически устраивались дискуссии по теоретическим проблемам, что способствовало их более глубокому пониманию и усвоению участниками рабочего движения.

В 80-х годах впервые начали выходить теоретические журналы социалистического, в том числе марксистского, направления. Наибольшее значение имел орган германской социал-демократии «Нойе цайт», издававшийся с 1883 г. в Штутгарте. На его страницах были

впервые опубликованы многие работы Энгельса: «Маркс и Родбертус» (предисловие к первому немецкому изданию «Нищеты философии»), «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», «К истории первоначального христианства» и др. Именно в «Ной цайт» Энгельс напечатал текст Марксовой «Критики Готской программы». На страницах журнала систематически выступали не только деятели германской социал-демократии — А. Бебель, В. Либкнехт, К. Каутский, Ф. Меринг, К. Цеткин и др., но и социалисты других стран — П. Лафарг, Г. В. Плеханов, П. Аксельрод, Г. Девиль, П. Иглесиас, Элеонора Маркс-Эвелинг, Эд. Эвелинг, Б. Бакс, Ф. А. Зорге. И по составу авторов, и по богатству тематики, и по распространенности то был по существу интернациональный орган, пользовавшийся огромным авторитетом в кругах международной социал-демократии. Журнал активно выступал с критикой противников научного социализма, его вульгаризаторов, буржуазных теоретиков. Правда, редакция журнала, возглавлявшаяся Каутским, порой не была достаточно разборчива в выборе авторов, за что (особенно в первые годы существования) не раз подвергалась критике со стороны Энгельса. Однако в целом в 80—90-х годах журнал играл полезную роль и внес известный вклад в дело идейной победы марксизма в международном рабочем движении.

Теоретические органы издавались и другими социалистическими партиями. Во Франции с 1885 г. выходил журнал «Ревю сосиалист», в котором сотрудничали представители различных социалистических направлений, в 90-х годах — также журналы «Эр нувель» (1893—1894 гг.) и «Девенир сосиаль» (1895—1898 гг.). Итальянские социалисты с 1891 г. выпускали двухнедельный журнал «Критика сочиале», сыгравший значительную роль в пропаганде марксизма в Италии. В Румынии в 80-х годах печатались журналы «Контемпоранул» и «Ревиста сочиала», а в начале 90-х годов — журнал «Критика сочиала», в Англии в те же годы — журнал социалистического направления «Тудей». Польская социалистическая эмиграция издавала в Лондоне журнал «Пшедсвит», в Болгарии в 90-х годах одно время выходил журнал «Социал-демократ». Несколько номеров теоретического органа под названием «Социал-демократ» выпустила в 90-х годах российская марксистская группа «Освобождение труда».

Уже в первой половине 80-х годов некоторые социалистические партии и организации с целью популяризации идей научного социализма приступили к изданию специальных библиотечек, доступных широким массам участников освободительной борьбы. Так, германская социал-демократия в период «исключительного закона», когда редакция и издательство «Социал-демократа» находились в Цюрихе, а затем в Лондоне, стала выпускать произведения основоположников научного коммунизма, а также Бебеля, Либкнехта, Лафарга, Дицгена, Девиля, Бракке и других социалистов. При отборе работ руко-

водители издательства постоянно пользовались советами Энгельса. Некоторые выпуски выходили под его редакцией и с его предисловиями. Подобную же серию под названием «Библиотека современного социализма» в течение более чем 10 лет издавала в Женеве группа «Освобождение труда». В числе выпусков были «Людвиг Фейербах» и «О социальном вопросе в России» Энгельса, произведения Лафарга, Либкнехта, Плеханова. Благодаря этой библиотечке русские социалисты и передовые рабочие получили возможность ознакомиться с рядом произведений основоположников научного социализма и их последователей.

Такого рода библиотечки со второй половины 80-х годов издавались также датскими, испанскими, итальянскими, польскими, голландскими социалистами. В «Социалистической библиотеке», выпускавшейся в Дании с 1885 г., вышли «Манифест Коммунистической партии», I том «Капитала», «Развитие социализма от утопии к науке», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», брошюры А. Бебеля, В. Бракке и др. В той же серии была издана популярная работа лидера датских социал-демократов П. Кнудсена «Социализм».

Французская рабочая партия систематически издавала дешевые популярные брошюры, в которых пропагандировались основные положения марксизма, программа партии, разбирались некоторые актуальные политические проблемы. Однако наряду с произведениями основоположников марксизма и их последователей в состав этих библиотечек включались и работы представителей мелкобуржуазных социалистических течений. Даже в немецкую «Социал-демократическую библиотеку» входили брошюры Лассаля.

Важным средством распространения идей научного социализма являлась устная пропаганда. Велась она различными методами в зависимости от политических условий, национальных традиций, наличия более или менее подготовленных в теоретическом отношении кадров и т. д. В западноевропейских странах одной из наиболее распространенных форм были собрания местных групп и организаций или просто беседы социалистов с рабочими, интересующимися социальными проблемами и стремящимися к знанию. Такие беседы проводились большей частью в небольших пивных, где вечерами обычно собирались местные жители. Хозяева этих заведений нередко сами являлись членами партии или сочувствовали ей.

Беседы касались главным образом вопросов повседневной жизни и труда рабочих, но, как правило, увязывались с общими задачами социалистического движения. Эффективность этих собеседований зависела от степени подготовленности проводивших их социалистов, от их умения найти правильный подход к слушателям, заинтересовать их, наконец, от авторитета, которым они пользовались среди рабочих. В крупных городах и промышленных центрах социалистические партии устраивали лекции, а иногда и циклы лекций по теоре-

тическим проблемам, проводили массовые собрания, на которых выступали наиболее известные и популярные руководители партии.

Так, в Париже с начала 1884 г. созданный организацией рабочей партии «Кружок социалистической библиотеки» ежемесячно проводил лекции по марксистской политической экономии и философии. По вопросам экономического учения Маркса выступал Г. Девиль, а по материалистической философии — П. Лафарг. Лекции привлекали десятки слушателей и послужили школой для многих будущих активных участников движения, пропагандистов научного социализма. Энгельс давал им весьма высокую оценку. «Ваши лекции и лекции Девиля превосходны»[1],— писал он Лафаргу 10 мая 1884 г. Ж. Гед и П. Лафарг систематически читали доклады и лекции на митингах и рабочих собраниях. С 1882 по 1890 г. Гед выступил на 1200 собраниях рабочих в различных районах Франции[2].

Широко использовали западноевропейские социалисты предвыборные кампании, когда их кандидаты получали дополнительные пропагандистские возможности. Большую работу вели в этом смысле социалистические депутаты парламентов; они использовали парламентскую трибуну, встречи с избирателями и т. д. Такая форма устной пропаганды социалистических идей была особенно важна для Германии в годы «исключительного закона» против социалистов. Она открывала единственную тогда легальную возможность агитации среди рабочих. Во Франции П. Лафарг, избранный в палату депутатов, систематически совершал агитационные поездки по стране. «Лафарг,— писал по этому поводу Энгельс,— используя свое депутатское вознаграждение и бесплатный железнодорожный билет, ездит по всей стране от Лилля до Тулузы и выступает с блестящим успехом»[3].

Многие видные социалистические деятели читали лекции и доклады по теоретическим вопросам и проблемам рабочего движения не только «дома», но и в других странах. В сентябре — декабре 1886 г., например, В. Либкнехт, Элеонора Маркс-Эвелинг и Эд. Эвелинг совершили поездку по США с чтением лекций по вопросам научного социализма, истории социалистического движения и т. д. (помимо выполнения пропагандистских задач они занимались также сбором средств в избирательный фонд германской социал-демократии). Своими лекциями, пишет современный марксистский исследователь, гости помогли заронить семена социалистического учения в рабочие массы США, говорящие на английском языке[4]. Поездки за рубеж

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 125.
[2] См. *К. Виллар*. Социалистическое движение во Франции. 1893—1905 (Гедисты). М., 1969, стр. 55.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, стр. 251.
[4] См. *Ф. С. Фонер*. История рабочего движения в США, т. II. М., 1958, стр. 50. Значительную часть членов Социалистической рабочей партии США еще составляли в то время рабочие немецкого происхождения.

способствовали как более широкому распространению идей научного социализма, так и укреплению интернациональных пролетарских связей.

В тех странах, где социалисты вынуждены были действовать в нелегальных или полулегальных условиях, пропаганда научного социализма велась главным образом через небольшие кружки, состоявшие из передовых рабочих. Именно в этих кружках выковывались кадры будущих профессиональных революционеров. Так в основном распространялись идеи научного социализма в царской России, в некоторых Балканских странах, где условия полицейского режима исключали иные возможности устной пропаганды. С начала 90-х годов, когда регулярно стал отмечаться день 1 Мая, проведение маевок всякий раз использовалось для социалистической агитации и пропаганды. Яркие примеры распространения марксизма через нелегальные рабочие кружки дает история революционного движения в России 80—90-х годов [1]. Такие кружки, несмотря на постоянные полицейские репрессии, действовали в столице и во всех более или менее крупных промышленных центрах. Они не только послужили школой воспитания рабочих-революционеров, но и стали основой революционных социал-демократических организаций — «союзов борьбы за освобождение рабочего класса» [2].

В результате деятельности социалистических партий и отдельных групп передовые участники борьбы все больше проникались идеями научного социализма, освобождаясь от влияния различного рода мелкобуржуазных социалистических теорий. Это укрепляло рабочее движение, ускоряло рост организованности пролетариата, придавало все более сознательный характер повседневной борьбе рабочих за свои насущные требования. Овладение учением Маркса помогало руководителям социалистических партий решать вставшие перед ними задачи, правильно определять тактику борьбы.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОБЩЕНИЕ НОВОГО ОПЫТА

Особенность марксизма как живой, постоянно развивающейся теории состоит, в частности, в том, что она не ограничивается констатацией достигнутых результатов движения, а стремится определить его дальнейшие пути, выработать наиболее соответствующие данным историческим условиям средства достижения ближайших и конечных целей. Обобщая опыт классовых битв пролетариата, тщательно анализируя формы и методы его борьбы, марксистская теория оказывает

[1] См. *З. Х. Саралиева.* «Капитал» К. Маркса и рабочее движение в России (1895—1917). М., 1975.

[2] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, стр. 159—167, 216—256. Более подробно об этом см. главу седьмую.

на нее активное воздействие, указывает ей перспективу. И чем сильнее становится рабочее движение, чем более широкие слои рабочего класса, трудящихся вовлекаются в сознательную борьбу, тем плодотворнее развивается сама теория научного коммунизма.

Естественно, что новая стадия развития рабочего движения побудила Маркса и Энгельса с особой интенсивностью обратиться к анализу важнейших теоретических проблем общественного развития. Необходимо было обобщить накопленный опыт, использовав его для углубления, конкретизации и уточнения тех или иных положений, дать отпор спекуляциям на новых процессах и явлениях, а также вульгаризации революционной теории в результате ее поверхностного восприятия.

«Мы оба, Маркс и я,— писал Энгельс 20 ноября 1876 г.,— должны выполнить совершенно определенные научные работы, которые, как мы до сих пор видим, никто другой не может и даже не хочет делать. Мы должны использовать нынешний спокойный период мировой истории для того, чтобы закончить их. Кто знает, как скоро какое-нибудь событие снова бросит нас в гущу практического движения; тем более мы должны использовать краткий досуг, чтобы хоть немного развить не менее важную теоретическую сторону»[1].

Важным шагом в углублении экономического учения Маркса явились II и III тома «Капитала».

Во втором томе Маркс на основе анализа процесса обращения капитала и общественного воспроизводства сформулировал основные закономерности реализации общественного продукта при капитализме. Он показал, что пропорциональное распределение его между отраслями производства при капиталистическом строе невозможно; в результате неизбежно возникновение различных диспропорций, частичных и общих кризисов как в сфере производства, так и в финансовой сфере. Эти выводы имели первостепенное значение для практики революционной борьбы пролетариата. На них марксисты-ленинцы опирались и опираются в борьбе против теорий «автоматического краха» капитализма, с одной стороны, и апологетических рассуждений о «гармоническом развитии» капиталистической экономики — с другой. Сделанные Марксом во II томе «Капитала» выводы представляют исключительную важность для понимания закономерностей экономики коммунистического общества[2].

Третий том «Капитала» посвящен рассмотрению капиталистического способа производства в целом, в единстве производства и обращения. Маркс исследовал особые формы и виды капитала в торговле, кредитно-денежном обращении, сельском хозяйстве (земельная рента), раскрыл механизм распределения прибавочной стоимости между различными группами эксплуататоров. Маркс показал здесь,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 176.

[2] Подробнее см.: *В. С. Выгодский*. Экономическое обоснование теории научного коммунизма. М., 1975, стр. 242—251.

как происходит процесс концентрации и централизации в промышленности и финансовой сфере, процесс, ведущий к созданию крупных акционерных обществ. Он глубоко раскрыл особенности развития капитализма в сельском хозяйстве, охарактеризовал значение расслоения крестьянства и роста сельского пролетариата для стратегии рабочего класса. Третий том «Капитала» вооружил марксистов новыми данными о неизбежности обострения присущих капитализму противоречий, усилил теоретическое обоснование необходимости социалистической революции.

Среди последних теоретических трудов Маркса важнейшее место занимает также «Критика Готской программы». Эта работа по праву считается одним из основных документов научного коммунизма; в ней Маркс по существу подвел итог всему своему учению о государстве и социалистической революции.

Показав несостоятельность лассальянской веры в существующее государство, Маркс до конца раскрыл враждебную пролетариату сущность государственной власти буржуазии, которая никогда не носила и в силу своей природы не может носить надклассовый характер. Огромное значение для развития теории научного коммунизма имела содержащаяся в «Критике Готской программы» разработка вопроса о роли государства после победы социалистической революции. Маркс доказал здесь, что революционное преобразование общества неизбежно потребует относительно длительного времени и что для осуществления этой гигантской созидательной работы необходимо пролетарское государство. «Этому периоду,— писал он,— соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»[1]. Маркс научно обосновал это положение, обобщив богатый опыт развития международного рабочего движения. Оно было полностью подтверждено последующим развитием событий, которые привели к победе социалистической революции сначала в России, а затем в ряде других стран. Во всех этих странах пролетариат, завоевав политическую власть, успешно использовал ее для построения социализма.

Величайшей заслугой Маркса является то, что туманным, приблизительным представлениям о коммунизме он противопоставил подлинно научный анализ, исходящий из понимания коммунизма как видоизменяющейся общественной формации, развитие которой происходит в соответствии с объективными закономерностями. Эти закономерности Маркс раскрыл в «Критике Готской программы», внеся тем самым неоценимый вклад и в теорию научного коммунизма, и в практику построения коммунистического общества. Основу этого вклада составляет учение о двух ступенях, двух фазах развития коммунизма как общественной формации.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 27; см. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 241; т. 38, стр. 386.

Маркс показал, что после перехода средств производства в общественную собственность осуществить основной принцип коммунистического общества «каждый — по способностям, каждому — по потребностям» можно будет отнюдь не сразу. На первой фазе коммунистического общества, при социализме, неизбежно будет действовать иной принцип — «от каждого — по способностям, каждому — по труду», ибо, как писал Маркс, здесь мы имеем дело с обществом, «которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»[1]. Именно на этой фазе общество должно будет достигнуть такого уровня экономического, культурного и нравственного развития, обеспечить такой подъем материального производства, чтобы стал возможным переход ко второй, высшей фазе коммунистического общества. Причем он будет происходить уже не непосредственно из капиталистического общества: как говорит Маркс, высшая стадия будет развиваться «на своей собственной основе»[2], на основе такого общественного строя, где господствует общественная собственность на средства производства, где уже нет антагонистических классов, где и производство и распределение осуществляются по социалистическим принципам.

Эти глубокие мысли Маркса получили впоследствии всестороннее развитие в трудах В. И. Ленина.

Значение экономического учения Маркса для рабочего движения показал Ф. Энгельс в своих предисловиях к подготовленным им томам «Капитала», а также к новым изданиям I тома. После смерти Маркса Энгельс, говоря словами В. И. Ленина, «один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов»[3].

В развитии марксистской философии, диалектического и исторического материализма выдающееся место принадлежало таким работам Энгельса, как «Диалектика природы»[4], «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», а также его письмам первой половины 90-х годов[5].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 18.

[2] См. там же.

[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 13. О вкладе Энгельса в развитие марксизма см.: «Энгельс — теоретик». М., 1970.

[4] «Диалектика природы», над которой Энгельс работал в 1873—1876 и 1878—1883 гг., не была им закончена и не увидела свет при жизни автора; впервые опубликована в 1925 г. в СССР. Но многие выводы, сделанные Энгельсом при работе над этим произведением, нашли отражение в «Анти-Дюринге» и уже тогда стали достоянием революционного рабочего движения.

[5] Подробнее об «Анти-Дюринге» и других философских произведениях Энгельса см.: «Энгельс — теоретик», гл. 3, 5; «Фридрих Энгельс. Биография», стр. 350—364; 454—462; 556—560, а также

Создание «Анти-Дюринга», над которым Энгельс работал около двух лет, было непосредственно вызвано обстановкой, сложившейся в немецком рабочем движении второй половины 70-х годов, определенным снижением идейного уровня партии в результате объединения эйзенахцев со Всеобщим германским рабочим союзом на основе компромиссной программы. И. Мост, Ф. Фрицше, Л. Фирек и другие социал-демократические журналисты, среди которых было немало бывших лассальянцев, энергично популяризировали реакционно-утопические идеи Дюринга на страницах партийной печати. «В течение десятилетий,— писал в связи с этим Маркс,— мы с большим трудом старались очистить головы немецких рабочих от *утопического* социализма, от фантастического представления о будущем общественном строе... Но вот утопический социализм снова распространяется и притом в форме, гораздо более жалкой... Само собой разумеется, что утопизм, который *до* появления материалистически-критического социализма носил в себе этот последний in nuce (в зародыше.— *Ред.*), теперь, выступая на сцену post festum (задним числом.— *Ред.*), может быть только нелепым,— нелепым, пошлым и в самой основе своей реакционным»[1].

Помимо Дюринга и его последователей отрицательное идейное влияние на рабочее движение продолжали оказывать и так называемые катедер-социалисты. В своих работах, в том числе в популярных брошюрах, они под видом социализма проповедовали буржуазно-реформаторские идеи. Необходимость серьезного выступления в защиту марксистской теории была очевидна. Это побудило Энгельса отложить занятия естественными науками и приступить осенью 1876 г. к работе над трудом, направленным против взглядов Дюринга. Полемика, писал Энгельс, «дала мне возможность в положительной форме развить в весьма различных затрагиваемых здесь областях знания мое понимание вопросов, имеющих в настоящее время общий научный или практический интерес»[2].

«Анти-Дюринг» (полное название «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом») печатался в газете «Форвертс» с января 1877 по июль 1878 г. Первое отдельное издание книги вышло в Лейпциге в 1878 г.

Появление «Анти-Дюринга» оказало большое воздействие на всю последующую идейную эволюцию международного рабочего движения. Энгельс сам охарактеризовал это произведение как попытку «дать энциклопедический очерк нашего понимания философских, естественнонаучных и исторических проблем»[3], «изложение диалектического метода и коммунистического мировоззрения, представляе-

«Zur Geschichte der marxistisch-leninistischen Philosophie in Deutschland», Bd 1. 2. Hbbd. Berlin, 1969, S. 136—148, 174—203, 228—237.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 235.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 6.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 119.

мых Марксом и мной»[1]. В «Анти-Дюринге» были впервые представлены в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, в органическом единстве все три основные части марксизма: диалектический и исторический материализм, политическая экономия и научный социализм. Первостепенное значение имело развитие Энгельсом важнейших принципов марксистской материалистической философии: о материальности мира, о движении как форме существования материи, об объективности таких категорий, как пространство и время. В «Анти-Дюринге» дано глубокое изложение законов материалистической диалектики, сформулировано ее классическое определение как науки «о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»[2], раскрыто содержание и значение основных ее черт, показана несостоятельность метафизического метода мышления. Большое место в работе занимают вопросы исторического материализма — применения материалистической диалектики к изучению истории человеческого общества; Энгельс научно обосновал здесь принцип историзма в изучении явлений общественной жизни. На примере категорий равенства и морали Энгельс показал относительность так называемых вечных истин, их зависимость от изменения общественно-экономического строя. В связи с туманными и путаными рассуждениями о равенстве, которые имелись в Готской программе, особенно важным было марксистское определение этого понятия. «Действительное содержание пролетарского требования равенства,— писал Энгельс в «Анти-Дюринге»,— сводится к требованию *уничтожения классов*»[3].

Выдающееся значение имела также критика идеалистической теории, согласно которой определяющая роль в развитии общества принадлежит насилию. Показав научную несостоятельность этой теории, Энгельс сделал вывод: «Всякая общественная власть и всякое политическое насилие коренятся в экономических предпосылках, в исторически данном способе производства и обмена соответствующего общества»[4]. Развивая марксистское учение о государстве, Энгельс в противовес лассальянцам с их лозунгом «свободного народного государства», с одной стороны, и анархистам, требовавшим немедленной отмены всякого государства,— с другой, подчеркивал, что и после победы революции, в течение всего периода перехода от капитализма к коммунизму государство будет существовать, хотя его функции постепенно изменятся. «На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами»[5].

Особое место в «Анти-Дюринге» занял очерк истории научного социализма. Здесь всесторонне раскрыто его принципиальное отли-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 8—9.
[2] Там же, стр. 145.
[3] Там же, стр. 108.
[4] Там же, стр. 224.
[5] Там же, стр. 292.

чие от утопического, показана историческая обусловленность превращения социализма из утопии в научную, построенную на глубоком анализе противоречий капитализма теорию, краеугольным камнем которой является положение о всемирно-исторической миссии пролетариата и неизбежности пролетарской революции.

В «Анти-Дюринге» Энгельс раскрыл особую роль общественного сознания при коммунизме, когда «анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией... Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы... И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю... Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»[1].

Книга Энгельса полностью отражала взгляды обоих основоположников марксизма. Маркс не только ознакомился с нею в рукописи, но и сам выступил автором главы, посвященной истории политической экономии.

Важную эпоху в развитии философской основы пролетарского мировоззрения составила работа Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», впервые появившаяся в 1886 г. на страницах «Нойе цайт» и вышедшая отдельным изданием в 1888 г. Наряду с «Манифестом Коммунистической партии» и «Анти-Дюрингом» она стала, говоря словами В. И. Ленина, «настольной книгой всякого сознательного рабочего»[2].

В данной работе впервые в развернутой форме было показано соотношение марксистской философии с учениями идейных предшественников марксизма и раскрыто ее принципиальное отличие от всех прежних философских учений и систем. Значение этого в тогдашней обстановке определялось оживлением в Германии интереса к классической немецкой философии и попытками новой интерпретации взглядов ее представителей, носившей объективно реакционный характер. Показав историческое место Гегеля и Фейербаха в развитии философской мысли и роль, которую сыграли их учения в формировании философии марксизма, Энгельс выяснил свойственное гегелевской философии противоречие между революционным методом — диалектикой — и консервативной по своей сути системой. Одновременно он вскрыл и ограниченность материализма Фейербаха, его механистичность и метафизичность, идеалистический подход этого философа к объяснению явлений общественной жизни и истории человеческого общества.

В работе Энгельса дано классическое определение основного вопроса философии — «об отношении мышления к бытию, духа к природе», рассмотрена и другая его сторона — о познаваемости мира,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 294—295.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 43.

«тождестве мышления и бытия»[1]. Вскрыв несостоятельность неокантианских попыток соединить идеализм и материализм, Энгельс убедительно опроверг утверждения о непознаваемости мира. Энгельс обосновал принцип партийности философии, доказал, что борьба философских течений всегда была в конечном счете лишь отражением борьбы классов и партий.

Значительную часть своего труда Энгельс посвятил изложению основ диалектического и исторического материализма. В специальной главе содержится обстоятельный очерк материалистического понимания истории. В противовес идеалистической трактовке закономерностей в историческом процессе Энгельс показал, что «ход истории подчиняется внутренним общим законам»[2], что господство случайности лишь кажущееся, оно выражает поверхностную сторону, а не суть явлений. При этом Энгельс обратил особое внимание на такие проблемы, как соотношение сознательности и стихийности, роль личности и народных масс, случайность и необходимость в развитии общества. «Каков бы ни был ход истории,— писал Энгельс,— люди делают ее так: каждый преследует свои собственные, сознательно поставленные цели, а общий итог этого множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир — это именно и есть история»[3]. Побудительными же силами, определяющими действия отдельных людей, являются в конечном счете классовые интересы, выражающие их положение в общественном производстве. Показав, что «в новейшей истории государственная воля определяется в общем и целом... в последнем счете — развитием производительных сил и отношений обмена»[4], т. е. экономического базиса, Энгельс в то же время подчеркнул известную самостоятельность надстроечных явлений — государства, права, идеологических надстроек, их способность оказывать обратное воздействие на развитие экономических отношений.

Последнюю мысль Энгельс подробнее развил в первой половине 90-х годов в связи с сравнительно широким распространением вульгарного понимания исторического материализма, сведением его к так называемому «экономическому материализму». Сторонники такого подхода утверждали, будто экономические отношения являются единственным фактором, определяющим весь ход исторического процесса, формирующим политику, право, различные формы идеологии; они отрицали обратное воздействие политических и идеологических факторов на ход экономического развития. Против подобного вульгарного толкования исторического материализма были направлены связанные единством содержания письма Энгельса к различным адресатам. Большая часть этих писем появилась в печати (хотя, как пра-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 283.
[2] Там же, стр. 306.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 310.

вило, и не полностью) вскоре после смерти Энгельса. «Согласно материалистическому пониманию истории,— подчеркивал он в одном из них,— в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу»[1].

В условиях, когда внутри социалистических партий все более явственно вырисовывалось оппортунистическое направление, Энгельс считал особенно важным раскрыть классовую сущность всех форм буржуазного государства, включая демократическую республику. В «Анти-Дюринге» и особенно в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс, используя новейшие достижения исторической науки, впервые в развернутой форме изложил и обосновал марксистскую теорию возникновения государства. В работе «К жилищному вопросу» он выдвинул положение о буржуазном государстве как «*совокупном* капиталисте», «организованной совокупной власти имущих классов»[2]. В то же время Энгельс неоднократно подчеркивал заинтересованность пролетариата в установлении буржуазно-демократической республики. Как и Маркс, он видел в ней форму государства, наиболее благоприятную для успешной борьбы пролетариата за завоевание политической власти. Энгельс придавал важнейшее значение максимальному использованию пролетариатом и его партией легальных возможностей, которые, несмотря на их ограниченность, предоставляют буржуазно-демократические свободы.

Дальнейшее развитие в трудах Энгельса получило марксистское учение о пролетарской партии как силе, которая должна организовать массы пролетариата, в решающий момент повести их на штурм капитализма с целью завоевания политической власти, а после достижения этой цели, сломив сопротивление свергнутых эксплуататорских классов, возглавить переустройство общества на социалистических началах. Энгельс подчеркивал ведущую роль партии по отношению к другим организациям рабочего класса, в частности профессиональным союзам. «Наряду с союзами отдельных профессий,— писал он в 1881 г.,— или над ними должно возникнуть общее объединение, политическая организация рабочего класса как целого»[3].

Анализируя опыт первой социалистической партии, возникшей на национальной почве,— германской социал-демократии, Энгельс пришел к важному выводу, что залог успехов, сила освободительной

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 394.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 253, 254.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 268.

борьбы рабочего класса заключается в том, что она ведется одновременно и «планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом»[1], что и экономическая борьба, и политическая деятельность пролетариата подчиняются достижению его конечных целей. Именно это имел в виду Энгельс, когда, характеризуя передовую роль немецкой социал-демократии после перемещения центра тяжести рабочего движения в Германию, подчеркивал: «Немецкие коммунисты являются коммунистами потому, что они через все промежуточные станции и компромиссы, созданные не ими, а ходом исторического развития, ясно видят и постоянно преследуют конечную цель: уничтожение классов и создание такого общественного строя, при котором не будет места частной собственности на землю и на все средства производства»[2].

Большое значение придавал Энгельс идейному единству пролетарской партии. Каждая рабочая партия, подчеркивал он, должна иметь «ясно выраженную программу»[3]. «Когда создают партию без программы, партию, в которой могут подвизаться все, кому угодно, то это уже не партия»[4],— писал он в ноябре 1882 г. В замечаниях на проект программы СДПГ 1891 г. Энгельс указывал, что программа революционной социалистической партии не может строиться на основе спорных, дискуссионных теоретических положений; она должна содержать четкие формулировки конечных целей и ближайших требований пролетариата, быть «как можно более краткой и точной»[5].

Выдвигая строгие требования к программе СДПГ, располагавшей к тому времени более чем двадцатилетним опытом революционной борьбы и теоретически подготовленными марксистскими кадрами, Энгельс подходил несколько иначе к программным документам социалистических организаций тех стран, где рабочее движение находилось на более низкой стадии развития. Он считал допустимым, чтобы программные документы социалистических организаций таких стран на первых порах содержали в основном понятные широким массам поднимающегося на борьбу пролетариата положения и в то же время были свободны от буржуазных и утопических влияний, т. е. являлись бы «действительно программой рабочего класса»[6]. Подобные программы, полагал он, могли бы послужить первым шагом к овладению теорией научного социализма.

Основываясь на опыте первых английских и американских социалистических организаций, Энгельс указывал, что всякая попытка навязать рабочим «такие вещи, которых они в данный момент

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 499.
[2] Там же, стр. 515.
[3] Там же, стр. 478.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 35, стр. 337.
[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 229.
[6] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 352.

не могут по-настоящему понять»[1], неизбежно ведет к отрыву от масс, к превращению партии в сектантскую группу и в конечном счете облегчает буржуазии сохранение ее идейного влияния на рабочий класс. Задачу социалистов он формулировал следующим образом: «Участвовать во всяком действительно всеобщем движении рабочего класса, принимая его фактическую точку отправления такой, какова она есть, и постепенно поднимать его на уровень теории, указывая, что каждая допущенная ошибка, каждая неудача является неизбежным следствием неправильных теоретических положений первоначальной программы»[2]. Следовательно, выступая против стремлений некоторых социалистических организаций перескочить через определенный, исторически неизбежный этап движения, Энгельс в то же время предостерегал их и от опасности недооценки теории. «...Вся наша практическая деятельность показала,— писал он в 1887 г.,— что можно идти в ногу с общим движением рабочего класса на каждой стадии этого движения, не принося в жертву и не скрывая своей собственной четко выраженной позиции и даже сохраняя организацию...»[3]

С созданием социалистических пролетарских партий на национальной основе и с образованием нового международного пролетарского объединения возникла настоятельная потребность в дальнейшей разработке стратегии и тактики освободительной борьбы пролетариата. Масштабы рабочего движения возрастали с каждым годом, принося множество фактов, сопоставление и обобщение которых давало материал для новых выводов, для уточнения и развития выработанных ранее положений. Известный итог своим мыслям, содержащимся в многочисленных письмах, публицистических выступлениях, научных трудах этого времени, Энгельс подвел в написанном за несколько месяцев до смерти введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», а также в статье «Крестьянский вопрос во Франции и Германии».

Вновь возвращаясь к опыту Коммуны, Энгельс развивал мысль Маркса о принципиальном отличии грядущей пролетарской революции от революций прошлого — буржуазных по своему содержанию. Одну из важнейших особенностей последних Энгельс видел в том, что все они в конечном счете совершались в интересах меньшинства. Коммуна показала, что пролетарская революция, целью которой является коренное переустройство общества в интересах широких народных масс, в интересах всех трудящихся, может рассчитывать на победу только в результате сознательных действий этих масс, в первую очередь пролетариата. Опыт Коммуны свидетельствовал также, что объективные условия для победы рабочего класса еще не созрели, что для их подготовки необходим определенный историче-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 498.
[2] Там же, стр. 497.
[3] Там же, стр. 505.

ский период. Хотя «после победы господство досталось рабочему классу само собой, без всякого спора», снова, как и в 1848 г., «обнаружилось, как невозможно было даже и тогда... это господство рабочего класса»[1]. Чтобы пролетариат был в состоянии не только победить, но и воспользоваться плодами своей победы, когда историческое развитие приведет к созданию благоприятной обстановки, социалистические партии должны вести самую энергичную, терпеливую, настойчивую работу. Только таким путем можно пробудить классовое сознание широких масс рабочего класса и привлечь на его сторону непролетарские слои трудящихся.

В связи с этим важное значение Энгельс придавал всемерному использованию легальных методов и форм борьбы: работе в профессиональных союзах и других массовых организациях трудящихся, агитации и пропаганде, социалистической печати, участию в избирательных кампаниях и парламентской деятельности рабочих депутатов. При этом, как подчеркивал Энгельс, принципиальное отличие использования буржуазного парламента революционными социалистами состоит в том, что если оппортунисты стремятся превратить данную форму деятельности в главную, даже единственную, то первые должны подчинять ее решению общих задач рабочего движения, достижению его конечных целей.

Парламентскую деятельность революционных социалистов Энгельс рассматривал прежде всего как мощное средство пропаганды основных целей партии и, следовательно, идей научного социализма. Участие в предвыборных кампаниях и парламентская трибуна предоставляют невиданные прежде возможности для массовой политической агитации не только среди рабочих, но и среди непролетарских слоев трудящихся, а результаты выборов оказывают существенную помощь партии, поскольку позволяют со значительной точностью определить степень ее влияния как по стране в целом, так и в отдельных ее районах, установить слабые места в агитационной работе. Наконец, наличие более или менее компактной группы социалистических депутатов в представительном учреждении — общенациональном парламенте либо в местных или муниципальных выборных органах — открывает возможность борьбы за конкретные требования, направленные на улучшение положения трудящихся: введение социального законодательства, расширение политических прав и т. д. Энгельс настаивал, чтобы депутаты-социалисты выдвигали собственные законопроекты в интересах рабочих и трудящихся в целом, видя в этом важную составную часть их парламентской деятельности. В различных случаях возможно выступление социалистических депутатов в поддержку тех предложений оппозиционных буржуазных партий, которые в какой-то мере отвечают требованиям широких масс и общественного прогресса (в таких, например, вопросах, как светское обучение в школах, расширение избирательного права и др.).

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 537.

Важнейшее условие парламентской деятельности социалистических партий, с точки зрения Энгельса,— полная организационная и политическая независимость депутатов-социалистов от всех других фракций в парламентах или местных органах власти. Не отрицая необходимости отдельных временных соглашений по тем или иным вопросам с представителями других оппозиционных партий, Энгельс подчеркивал обязательность соблюдения этого условия. При определении своего отношения к какому-либо предложению этих партий и тем более правительства депутаты-социалисты должны всегда исходить из интересов рабочего класса, сохранять верность классовой линии, не поддаваться ни на какие уловки.

Во введении к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Энгельс вновь проанализировал проблему соотношения мирных и немирных средств борьбы за революционное преобразование общества. Здесь вновь подчеркивалась мысль, которую он и Маркс не раз формулировали ранее: при особо благоприятных условиях, если буржуазия окажется не в состоянии в решающий момент противопоставить пролетариату насильственные действия, революционное преобразование общества может быть осуществлено и относительно мирным путем, но обстоятельства могут в любой момент потребовать от пролетариата самых решительных действий[1]. Иначе говоря, диапазон средств, находящихся в распоряжении революционного пролетариата и его партий, должен быть достаточно широк, чтобы она могла использовать те из них, которые в тот или иной момент являются наиболее или даже единственно целесообразными.

Особую актуальность для европейских социалистов в 80-х, а еще более в 90-х годах приобрел вопрос о привлечении на сторону пролетариата других слоев трудящихся, в первую очередь крестьянства. Между тем в социалистических партиях не было ясности в этом вопросе, что проявилось, в частности, в проекте аграрной программы Французской рабочей партии и чем воспользовались оппортунисты, например Фольмар. Необходимую ясность внес Энгельс в своих письмах и особенно в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», посвященной разработке марксистской аграрной программы, научному обоснованию стратегии и тактики революционных социалистов в отношении крестьянства. Энгельс показал, что крестьянство в условиях капитализма нельзя рассматривать как единое целое: идет непрерывный процесс его дифференциации, и такти-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 545. В 1886 г. в предисловии к английскому изданию I тома «Капитала» Энгельс отмечал, что Маркс считал возможным проведение социальной революции в Англии «всецело мирными и легальными средствами»; но в то же время он «никогда не забывал прибавить, что вряд ли можно ожидать, чтобы господствующие классы Англии подчинились этой мирной и легальной революции без «бунта в защиту рабства»» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 34).

ка социалистических партий по отношению к различным группам крестьянства — крупному, среднему и мелкому — должна быть различной.

Крупные крестьяне, показал Энгельс, могут стать союзниками социалистов только в ограниченных рамках, «ради достижения каких-то определенных целей»[1], постольку, поскольку они ведут борьбу против феодального землевладения. Иначе обстоит дело с мелкими крестьянами, а также со средними, не эксплуатирующими наемный труд; как собственники или арендаторы они в условиях капитализма обречены на неизбежную гибель. Поэтому задача партии — привлечь на свою сторону прежде всего мелкое крестьянство. Социалисты должны, конечно, выступать в его защиту от произвола и грабежа, но коренное улучшение его положения при сохранении капиталистического способа производства невозможно. Завоевать мелкого крестьянина на сторону рабочего класса — значит разъяснить ему, что только свержение капитализма и установление социалистического строя могут спасти его от нищеты и гибели. «Обязанность нашей партии — всегда вновь и вновь разъяснять крестьянам абсолютную безнадежность их положения, пока господствует капитализм, абсолютную невозможность сохранить за ними их парцелльную собственность как таковую, абсолютную уверенность, что капиталистическое крупное производство так же раздавит их бессильное устарелое мелкое хозяйство, как железнодорожный поезд — ручную тачку»[2].

Энгельс дал развернутое обоснование аграрной политики рабочего класса после завоевания им политической власти, его тактики по отношению к различным слоям крестьянства. Главная задача состоит в том, чтобы ясно показать крестьянину, что его подлинный интерес заключается в переводе его земельного владения в кооперативную собственность. Этот перевод должен производиться постепенно, «не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели»[3]; «мы предпримем все в пределах возможного, чтобы сделать его участь более сносной, чтобы облегчить ему переход к товариществу, если он на это решается, и даже дать ему отсрочку... если он не может еще принять такого решения»[4]. Крупные и средние крестьяне, применяющие в хозяйствах наемный труд, могут быть постепенно переведены на рельсы крупного социалистического производства путем «объединения их хозяйств в товарищества, в которых можно было бы все больше и больше устранять эксплуатацию наемного труда и которые можно было бы постепенно превратить в обладающие равными правами и обязанностями составные части великого общенационального производственного товари-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 513.
[2] Там же, стр. 521.
[3] Там же, стр. 518.
[4] Там же, стр. 520.

щества»[1]. Если же они не пожелают добровольно избрать такой путь, то «мы должны будем предоставить их собственной судьбе и обратиться к их наемным рабочим, у которых мы, конечно, найдем сочувствие»[2].

В своих последних работах, в том числе незавершенных им дополнениях к III тому «Капитала», Энгельс подметил некоторые существенные новые явления в экономике капиталистического общества (образование монополий, повышение роли биржи, рост экспорта капитала и др.)[3]. В. И. Ленин подчеркивал, что наблюдения Энгельса показывают, «как внимательно и вдумчиво следил он именно за видоизменениями новейшего капитализма и как сумел он поэтому предвосхитить в известной степени задачи нашей, империалистской, эпохи»[4]. В этих новых явлениях Энгельс видел доказательство созревания объективных материальных предпосылок социализма.

Продолжая развивать учение Маркса, Энгельс постоянно подчеркивал его творческий характер. Он многократно повторял, что марксизм — это не догма, а руководство к действию, воспитывал в своих соратниках и учениках умение пользоваться этим теоретическим оружием в различных обстоятельствах, применять его в зависимости от исторических условий, от происходящих в обществе изменений.

Марксистская теория получала свое развитие не только в произведениях ее основоположников; значительный вклад в нее был сделан также их учениками и последователями как в Германии, так и в других странах. Популяризируя различные стороны и составные части марксизма, защищая его от «опровергателей» и фальсификаторов, соратники Маркса и Энгельса разрабатывали и углубляли отдельные моменты теории научного социализма, марксистской философии и политической экономии, успешно пользовались марксистским методом при исследовании исторических проблем. В полемических и популярных статьях, брошюрах и книгах, в публицистических выступлениях деятелей марксистского крыла рабочего движения находили развитие существенные вопросы теории и тактики освободительной борьбы пролетариата.

Особенно много было сделано в этом отношении А. Бебелем. Уже в 70-х годах он в ряде работ дал анализ классового существа буржуазного государства вообще, прусско-германской империи в частности. Бебель раскрыл классовый характер прусского милитаризма, который является «порождением господствующей государственной и об-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 522—523.
[2] Там же, стр. 523.
[3] Подробнее о вкладе Энгельса в развитие марксистской политической экономии см.: *А. И. Малыш*. Ф. Энгельс и пролетарская политэкономия. М., 1970; *Л. А. Леонтьев*. Энгельс и экономическое учение марксизма. М., 1965.
[4] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 67.

щественной системы»[1], колониальной политики Германской империи. В связи с колониальными авантюрами Бисмарка Бебель писал: «Социал-демократия выступает против всей теперешней колониальной политики, ибо видит в ней лишь стремление расширить сферу капиталистической эксплуатации»[2].

Одним из первых взялся Бебель за разработку проблемы отношения социалистических партий к религии. В ряде полемических статей и брошюр — важнейшая из них «Христианство и социализм» — он, развивая известные положения Маркса, вскрыл социальные корни религии, дал материалистическое объяснение происхождения христианства, показал связь религиозной идеологии с интересами господствующих классов. В популярном очерке истории Крестьянской войны в Германии он, опираясь на мысли Маркса и Энгельса, писал: «Пусть рабочие и крестьяне... подадут друг другу руки для самой благородной и великой освободительной борьбы, какой еще не видел мир»[3].

Наиболее велики заслуги Бебеля в теоретическом обосновании революционной тактики пролетарской партии в условиях относительно мирного развития капитализма, в первую очередь ее парламентской тактики. В противовес реформистам он доказывал, что борьба за ближайшие требования, направленные на улучшение экономического положения трудящихся и расширение их политических прав, имеет целью прежде всего создание благоприятных условий для решения главной задачи — завоевания пролетариатом политической власти и обобществления средств производства. На Эрфуртском съезде германской социал-демократической партии в 1891 г. он говорил: «Мы должны всегда иметь перед глазами целое, и всякая новая уступка имеет для нас лишь то значение и ту цель, что позволяет нам лучше подготовить почву борьбы, на которой мы стоим»[4].

В. И. Ленин высоко оценивал вклад Бебеля в теоретическую разработку тактических принципов социалистического рабочего движения. «И основы парламентской тактики германской (и международной) социал-демократии, не уступающей ни пяди врагам, не упускающей ни малейшей возможности добиться хоть небольшого улучшения для рабочих и в то же время принципиально-непримиримой и всегда направленной к осуществлению конечной цели,—основы этой тактики вырабатывались Бебелем или при его непосредственном участии и руководстве»[5],—писал В. И. Ленин.

[1] «Sozialdemokratie in dem deutschen Reichstag». Berlin, 1909, S. 249.

[2] «Der Sozialdemokrat», 22.X.1885.

[3] *A. Bebel.* Der deutsche Bauernkrieg. Braunschweig, 1876, S. 230.

[4] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Erfurt vom 14. bis 20. Oktober 1891». Berlin, 1891, S. 173—174.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 366. Подробнее о теоретическом вкладе Бебеля в развитие марксизма см.: *Н. Овча-*

Разработкой ряда сторон марксистского учения, прежде всего тактических проблем, плодотворно занимался В. Либкнехт. Наряду с Бебелем он обосновывал принципы парламентской тактики социалистов, которая может изменяться в зависимости от эволюции конкретных условий, при обязательном сохранении принципиальных революционных позиций. В полемических выступлениях, направленных против реформистского крыла партии и катедер-социалистов, Либкнехт разоблачал легенду о «государственном социализме», глубоко враждебном подлинному социализму. Одним из первых Либкнехт обратился к разработке аграрного вопроса. Опираясь на общие положения марксизма, он в брошюре «К аграрному вопросу» отмечал заинтересованность трудового крестьянства в победе социализма.

Проблемы марксистской философии, диалектического и исторического материализма разрабатывались в 80—90-х годах в трудах таких видных деятелей международного рабочего движения, как П. Лафарг, И. Дицген, Г. В. Плеханов, А. Лабриола, Ф. Меринг и др. П. Лафарг, выступая как популяризатор и пропагандист марксизма, в то же время в работе «Экономический материализм в объяснении истории» подробно освещал и развивал отдельные стороны диалектического и исторического материализма. Он исследовал, в частности, сущность и механизм действия буржуазной государственной машины, классовый характер буржуазной демократии. Среди учеников и соратников Маркса и Энгельса Лафарг был одним из тех, кто уже в конце 70-х годов выступил с теоретическим обоснованием необходимости диктатуры пролетариата, указав, что именно в этой форме рабочий класс будет осуществлять государственную власть после победы революции [1]. Лафарг успешно пользовался методом исторического материализма при исследовании таких вопросов, как происхождение собственности, история первобытного и античного общества, история религии и т. д. [2]

Проблемам марксистской философии были посвящены основные произведения И. Дицгена, который отстаивал диалектический материализм от его буржуазных критиков и углубил понимание некоторых философских проблем, прежде всего теории познания [3].

Исключительно большая роль в развитии марксистской философии принадлежала в то время Г. В. Плеханову [4]. Уже в своих первых марксистских произведениях, направленных против народничества, Плеханов не только вскрыл теоретическую несостоятельность народнического утопического социализма и его идейную связь с мел-

ренко. Август Бебель. М., 1963; «August Bebel. Eine Biographie». Berlin, 1963; «Zur Geschichte der marxistisch-leninistischen Philosophie in Deutschland», Bd 1, 2. Hbbd, S. 112—122.

[1] См. *П. Лафарг.* Соч., т. I. М., 1925, стр. 295.

[2] Подробнее см.: *Х. Н. Момджян.* Лафарг и некоторые вопросы марксистской теории. Ереван, 1954.

[3] См. *В. В. Волкова.* Иосиф Дицген. М., 1961.

[4] См. также главу седьмую.

кобуржуазными социалистическими течениями на Западе, но и развил ряд мыслей Маркса и Энгельса, в частности о классовой сущности буржуазного государства и его коренном отличии от пролетарского. Роль последнего Плеханов охарактеризовал так: «Сознательная организация всех функций социально-экономической жизни»[1]. Работы Плеханова «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» — об этой работе В. И. Ленин писал, что на ней «воспиталось целое поколение русских марксистов»[2],— «Очерки по истории материализма» и другие явились значительным вкладом в защиту диалектического и исторического материализма, в развитие марксистской философской мысли. Плеханов подробно раскрыл сущность революционного переворота в философии, совершенного основоположниками марксизма, коренное отличие диалектического материализма от предшествовавших ему материалистических учений, значение марксистской философии как теоретической основы освободительной борьбы пролетариата. Одним из первых Плеханов обратился к изучению проблемы роли народных масс как движущей силы исторического развития. В. И. Ленин подчеркивал, что «*нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма»[3].

Немалый вклад в развитие марксистской теории был в эти годы сделан К. Каутским, находившимся под непосредственным влиянием Энгельса. В многочисленных статьях и брошюрах Каутский защищал и развивал некоторые положения марксистской теории, решительно опровергал ее противников. Большое значение имела, в частности, его работа «Эрфуртская программа», в которой он подробно охарактеризовал значение марксизма для рабочего движения. Исторические работы Каутского, особенно по истории социальных движений в средние века и социалистической мысли, сыграли тогда важную роль в развитии марксистской исторической науки.

Многое сделал также Ф. Меринг, впервые исследовавший с материалистических позиций важнейшие этапы истории Германии. Эти работы, а также философские труды, посвященные материалистическому пониманию истории, выдвинули Меринга в первые ряды марксистских теоретиков. С начала 90-х годов Меринг активно сотрудничал в «Нойе цайт»; он печатал здесь еженедельные обзоры, в которых давалось марксистское объяснение актуальных политических событий[4].

[1] *Г. В. Плеханов.* Избранные философские произведения, т. I. М., 1956, стр. 101.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 313.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.
[4] Подробнее см.: *J. Schleifstein.* Franz Mehring. Sein marxistisches Schaffen. Berlin, 1959; *С. В. Оболенская.* Франц Меринг как историк. М., 1966.

В 90-х годах ряд оригинальных работ опубликовал итальянский социалист А. Лабриола, труды которого были посвящены главным образом вопросам исторического материализма. Лабриола подверг обстоятельной марксистской критике позитивизм, неокантианство, а также некоторые мелкобуржуазные социалистические течения и попытки вульгаризации марксизма. Вместе с тем Лабриола теоретически обосновал необходимость создания пролетарской партии в Италии.

Известные шаги были сделаны в эти годы и в развитии марксистской политической экономии. П. Лафарг в своих работах подметил некоторые новые явления в экономике капитализма, в частности процесс слияния банковского капитала с промышленным, а также тенденции к развитию монополий (на примере американских трестов). В конце столетия эти явления начала исследовать молодая социалистка Роза Люксембург, которая в своей работе «Социальная реформа или революция» и других выступлениях тех лет стремилась сформулировать марксистскую точку зрения на новые процессы в экономике и политике капитализма [1].

Труды перечисленных последователей К. Маркса и Ф. Энгельса содержали ряд важных мыслей и наблюдений. Вместе с тем им было свойственно недостаточно четкое понимание отдельных вопросов [2].

Принципиально новый этап в дальнейшем развитии марксистской теории открыла лишь деятельность В. И. Ленина, создавшего учение, которое с начала XX в., в новую историческую эпоху, стало компасом для борющегося пролетариата.

НОВАЯ СТАДИЯ БОРЬБЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ И ОППОРТУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИЙ

К 90-м годам научный коммунизм в большинстве стран одержал идейную победу над домарксовскими социалистическими течениями. «...Марксизм,—подчеркивал В. И. Ленин,—вытеснил все сколько-нибудь цельные враждебные ему учения» [3]. Это, однако, не означало затухания идейной борьбы в рабочем движении.

Вне влияния марксистских и социалистических идей вообще оставались значительные отряды организованного рабочего класса, прежде всего в Англии и США, где деятельность тред-юнионов в целом по-прежнему носила реформистский характер, а массовые социалистические партии так и не возникли. Многие рабочие вообще еще не были объединены. Уровень их классового сознания оставал-

[1] *A. Laschitza, G. Radczun.* Rosa Luxemburg. Ihr Wirken in der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1971; *Р. Я. Евзеров, И. С. Ажборовская.* Роза Люксембург. М., 1974.

[2] См. «История философии», т. III. М., 1959, гл. 5, 7, 8.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 18.

ся низким, хотя воздействие пролетарского авангарда в какой-то мере распространялось и на них.

Приток в организованное рабочее движение, стоящее на социалистических позициях, нового массового пополнения, будучи сам по себе явлением весьма позитивным, создавал в то же время благоприятные условия для проникновения взглядов, отражавших мировоззрение непролетарских слоев. Распространению оппортунизма способствовала на протяжении всего рассматриваемого периода возраставшая дифференциация внутри рабочего класса, выражением которой был заметный разрыв между уровнем и образом жизни массовых категорий пролетариев и сравнительно немногочисленной, привилегированной прослойки — рабочей аристократии.

Но даже в тех странах, где активно действовали и боролись массовые рабочие партии, стоявшие в основном на марксистских позициях, как мы видели, далеко не все стороны марксистского учения в одинаковой степени стали достоянием массы борющегося пролетариата. Существовала, кроме того, дистанция между признанием положений научного социализма в том виде, в каком они вошли в программные документы социалистических партий и конкретизировались в лозунгах и речах лидеров движения, и действительным пониманием учения Маркса, а главное — умением применять это учение на практике в соответствии с условиями и особенностями каждой страны.

Нередко словесное согласие с марксизмом причудливо сочеталось с приверженностью к отдельным сторонам теоретически опровергнутых мелкобуржуазных социалистических учений — лассальянства, прудонизма, бакунизма. В ходе практической повседневной борьбы кое-где утрачивались исторические перспективы, что ослабляло внимание к задачам коренного социального переустройства общества. Первоначальные успехи в использовании существующих политических механизмов абсолютизировались, что приводило к преувеличенной оценке возможности завоеваний рабочего класса в рамках капиталистической системы. В то же время поверхностное, преимущественно книжное знакомство с марксизмом порождало склонность к упрощению, схематизации, выхолащиванию его творческого духа.

Сфера идейных расхождений внутри рабочего движения была широка. «Изменились формы и поводы борьбы,—писал в этой связи В. И. Ленин,—но борьба продолжалась»[1]. В области экономической теории она велась против попыток исказить учение Маркса, выхолостив его революционную сущность; в области философии — против вульгаризации диалектического и исторического материализма. Но наиболее острые столкновения происходили вокруг Марксова учения о пролетарской революции, политической власти пролетариата и коммунистическом обществе.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 18.

Постановка молодыми социалистическими партиями цели — завоевания пролетариатом политической власти — требовала ответа на вопрос: какими средствами можно ее добиться и какую форму примет политическая власть рабочего класса? С этим была тесно связана проблема его союзников в борьбе за свержение капитализма. Задача заключалась в установлении правильного соотношения между борьбой за ближайшие цели, достижимые в рамках капиталистического общества, и борьбой за его полную ликвидацию. Наконец, по мере роста интернациональных связей и особенно с созданием нового международного пролетарского объединения все более актуальное значение приобретала проблема соотношения национальных и интернациональных задач.

Все эти теоретические вопросы были теснейшим образом связаны с практикой рабочего движения. Они неизбежно возникали на съездах и конгрессах, при выработке программных документов, неоднократно обсуждались, часто с большой страстностью и остротой, в социалистической печати. Как правило, различные позиции по этим вопросам отражали расхождения, имеющие принципиальный характер.

Еще в 80-х годах в германской социал-демократии стал распространяться реформизм, одним из идейных истоков которого послужило непреодоленное до конца лассальянство. В период действия «исключительного закона» в верхушке партии, прежде всего среди депутатов рейхстага, сформировалась группа, отстаивавшая идеи «государственного социализма» и по сути дела поддерживавшая социальную политику Бисмарка. Выразителем взглядов этой группы, к которой принадлежали журналист В. Блос, бывший председатель лассальянского Всеобщего германского рабочего союза В. Газенклевер, журналисты Б. Гейзер и Л. Фирек и некоторые другие, были газеты «Берлинер фольксблатт», мюнхенская «Рехт ауф арбейт», журнал «Нойе вельт».

Революционные лидеры германской социал-демократии на страницах «Социал-демократа» и «Нойе цайт», на заседаниях парламентской фракции и партийных съездов вели решительную борьбу против этой группы, которая в известной мере черпала свои аргументы и из писаний так называемых катедер-социалистов. Партия опиралась на прямую помощь и поддержку Энгельса, теоретические работы которого вооружали ее революционных лидеров научными аргументами в борьбе против оппортунистов.

После отмены «исключительного закона» оппортунистические взгляды в германской социал-демократии получили дополнительное распространение. При этом если ранее их носителями являлись, как правило, бывшие лассальянцы, никогда не считавшие себя марксистами, то теперь с проповедью реформистских воззрений стали выступать люди, еще недавно отстаивавшие революционные и даже ультрарадикальные взгляды. К числу их принадлежал, например,

Г. Фольмар, первый редактор нелегального органа партии «Социал-демократ», а с конца 80-х годов — один из лидеров социал-демократической организации Баварии. В 90-х годах он выдвинул откровенно реформистскую платформу. С падением Бисмарка, утверждал Фольмар, ликвидировано сопротивление реформам; поэтому партия должна сосредоточить свои усилия на проведении в жизнь «позитивной программы действий», которая привела бы к постепенному преобразованию общества в социалистическом духе. Тот факт, что в этой связи он возлагал особые надежды на «либерализм» Вильгельма II, прямо сближал эти взгляды с воззрениями поборников «государственного социализма» бисмарковского толка. Фольмар, указывал Энгельс, «хочет насильно навязать партии государственно-социалистические бредни»[1]. Среди пунктов «позитивной программы» фигурировало, в частности, требование «нейтралитета» государства по отношению к конфликтам между рабочими и капиталистами. Это было прямым следствием непонимания классовой природы буржуазного государства. Выступления Фольмара встретили решительный отпор со стороны революционных лидеров партии[2], однако нашли поддержку сил, издавна стоявших на оппортунистических позициях.

Во Франции поссибилисты в 90-х годах в значительной степени потеряли свое влияние. Однако реформистские элементы во французском социалистическом движении скорее даже усилились, особенно после того, как к нему примкнула группа так называемых независимых социалистов во главе с А. Мильераном.

В Англии наиболее настойчиво реформистскую линию проводило Фабианское общество. Небольшое по численности, не имевшее серьезных корней среди рабочих, оно тем не менее являлось заметным фактором идеологической борьбы в социалистическом движении. Фабианцы, среди которых главную роль играли супруги Вебб, Р. Макдональд, Б. Шоу, были решительными противниками революционных методов. Они считали возможным постепенное достижение социализма путем реформ, осуществляемых муниципалитетами, а затем и парламентом. Путь к этому они видели в «пропитывании» буржуазной либеральной партии социалистическими идеями. В той или иной форме реформистские лозунги и идеи имели распространение также в социалистических партиях и организациях других стран.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, стр. 348.

[2] Особенно резко выступил против Фольмара на Эрфуртском съезде Бебель. «Его тактика,— говорил он,— привела бы нас последовательно к тому, что мы, сосредоточившись исключительно на агитации за ближайшие задачи, забыли бы о том, что являемся социал-демократической партией, и забыли бы, что теперешнее государство и общество являются смертельным врагом социал-демократии и никакого союза с ним быть не может» («Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei. Abgehalten zu Erfurt 1891», S. 275).

В решениях партийных съездов наиболее крупных партий, как правило, торжествовала марксистская линия. Однако не проходило ни одного съезда, ни одной сколько-нибудь крупной кампании без того, чтобы правооппортунистические элементы не выдвинули свою точку зрения, группируя вокруг себя некоторое число приверженцев.

Время от времени давали о себе знать и проявления анархизма. В Германии они были связаны с деятельностью И. Моста и В. Гассельмана, выступивших против какой бы то ни было легальной работы и требовавших организации террористических актов. Издававшаяся ими в Лондоне газета «Фрайхайт» призывала к немедленной революции. На Виденском съезде СДПГ в 1880 г. оба были исключены из партии.

В тот же период анархистские элементы на некоторое время увлекли за собой часть рабочих-социалистов Австрии. Были совершены бессмысленные террористические акты. Лишь во второй половине 80-х годов, убедившись во вредности анархистской практики, многие активные участники движения отошли от анархизма и вернулись на марксистские позиции.

В Англии анархистские элементы захватили в свои руки руководство Социалистической лиги. В результате эта организация потеряла всякие связи с рабочими массами и к середине 90-х годов перестала существовать. Во Франции в 90-х годах анархистам удалось завоевать серьезные позиции в профессиональных союзах. Как уже отмечалось, анархистские воззрения возобладали на время в рабочем движении Нидерландов.

В начале 90-х годов в Германии с большим шумом выступила группа «молодых», занимавшая полуанархистские позиции. Критикуя оппортунистов, «молодые» вместе с тем пытались доказать ненужность участия социал-демократии в парламентах и других легальных организациях, демагогически обвиняли руководство партии в отказе от революционной борьбы и стремились навязать ей сектантскую, заговорщическую тактику. На некоторое, весьма короткое время группа сумела увлечь за собой отдельные организации в Берлине, Дрездене, Магдебурге и ряде других городов. Лишь при активной помощи Энгельса, благодаря решительным действиям Бебеля и других революционных лидеров партии «студенческий бунт», как назвал выступление этой группы Энгельс, был ликвидирован [1].

В те годы, когда объективно главной задачей движения были постепенная подготовка к будущим революционным боям, собирание сил и организация пролетариата, анархистские лозунги не только вносили путаницу в сознание рабочих, но и причиняли прямой, часто очень серьезный вред движению. Террористические акты, подобные тем, которые совершались в 80-х годах в Австрии или в 90-х го-

[1] См. *Н. Е. Овчаренко.* В борьбе за революционный марксизм. М., 1966, гл. 3—4.

дах во Франции, были на руку силам крайней реакции, облегчая ей наступление на рабочие организации и движение в целом.

Ввиду возросшей роли парламентской деятельности столкновения и споры часто возникали вокруг проблем, связанных с линией поведения социалистических партий в законодательных органах, в частности по вопросу о допустимости и пределах соглашений с буржуазными партиями. Неправильное их решение могло нанести серьезный ущерб рабочему движению. Это убедительно показал случай с лидером английской Социал-демократической федерации Г. Гайндманом, который в 1885 г. договорился с руководством консервативной партии о том, что она предоставляет СДФ деньги на проведение избирательной кампании. Взамен федерация должна была выставить своих кандидатов в нескольких избирательных округах, чтобы отвлечь часть голосов от конкурировавших с консерваторами либералов. Этот поступок вызвал резкое осуждение у других социалистических организаций и даже в самой федерации [1]. Энгельс подчеркивал тогда, что действия Гайндмана нанесли социалистам «непоправимый моральный ущерб в мнении того *единственного* класса, который может служить источником пополнения их рядов,—широких масс радикально настроенных рабочих» [2].

Нередко причиной острых споров и столкновений внутри партий были разногласия по вопросу об отношении к законопроектам, обсуждавшимся в парламентах. Необходимое в таких случаях единство социалистических фракций порой оказывалось под угрозой в результате беспринципной позиции оппортунистов.

В середине 80-х годов разногласия внутри социал-демократической фракции германского рейхстага в связи с обсуждением правительственного законопроекта о государственных субсидиях пароходным компаниям едва не привели к расколу партии. Оппортунистическое крыло выступило за этот колониалистский законопроект, направленный на поддержку заморской экспансии Германской империи. Революционная часть фракции во главе с А. Бебелем и В. Либкнехтом твердо заняла отрицательную позицию. Она была решительно поддержана Энгельсом, редакцией «Социал-демократа» и подавляющим большинством местных партийных организаций. Оппортунисты вынуждены были отступить. Однако то был серьезный сигнал опасности [3].

Еще более угрожающий характер приобрели события, разыгравшиеся в партии летом 1894 г. Впервые за всю историю парламент-

[1] См. *Л. Ф. Туполева.* Социалистическое движение в Англии в 80-х годах XIX века. М., 1973, стр. 138—140; *S. Bünger.* Friedrich Engels und die britische sozialistische Bewegung 1881 — 1895. Berlin, 1962, S. 92—95.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 36. стр. 342.

[3] *H. Wolter.* Alternative zu Bismarck. Berlin, 1970, S. 121—125; *E. Engelberg.* Revolutionäre Politik und rote Feldpost. Berlin, 1959, S. 95—100.

ской деятельности германской социал-демократии ее фракция в баварском ландтаге проголосовала за утверждение внесенного правительством бюджета. Это было прямым нарушением установившейся традиции, однако действия фракции санкционировал съезд баварской социал-демократии, возглавлявшейся Фольмаром. Некоторые организации партии, ее лидеры А. Бебель, В. Либкнехт и П. Зингер выступили с протестом. Осудил действия баварцев и состоявшийся осенью во Франкфурте съезд СДПГ. Однако никаких мер по отношению к оппортунистам принято не было.

Большое место во внутрипартийных спорах занимала проблема союзников рабочего класса. В социал-демократических партиях недооценивалось значение работы среди непролетарских слоев трудящихся. На подход к этой проблеме известное влияние все еще оказывал лассальянский тезис о непролетарских социальных группах как «единой реакционной массе». Многие деятели рабочего движения отрицали необходимость специальной аграрной программы для социалистических партий, считая, что общие закономерности капитализма проявляются одинаково и в городе, и в деревне. При попытках создания такой программы нередко высказывались ошибочные, по существу оппортунистические взгляды. Одни не видели необходимости вовлечения трудящегося сельскохозяйственного населения в борьбу против капиталистического строя, другие склонялись к союзу с сельской буржуазией.

Вопрос об аграрной программе германской социал-демократии специально обсуждался на Франкфуртском съезде партии в октябре 1894 г. Докладчики — Г. Фольмар и Б. Шенланк — доказывали, что в целях завоевания голосов социал-демократия должна защищать даже интересы тех крестьян, которые эксплуатируют труд батраков. И в докладе, и в одобренной съездом (несмотря на возражения последовательных марксистов) резолюции недооценивалась неизбежность «вымывания» мелкой крестьянской собственности в результате капиталистического развития. Аграрной программы съезд так и не принял, ограничившись созданием для ее подготовки специальной комиссии[1].

Аналогичные ошибки были характерны и для принятой на Марсельском съезде 1892 г. и дополненной на съезде в Нанте в 1894 г. аграрной программы Французской рабочей партии. В этом документе наряду с правильными марксистскими положениями содержались требования, отражавшие интересы крупного крестьянства. Близкие к взглядам Фольмара оппортунистические положения еще накануне съезда защищал Ж. Жорес[2].

Укрепление и расширение интернациональных связей и особен-

[1] *H. Hesselbarth.* Revolutionäre Sozialdemokraten, Opportunisten und Bauern am Vorabend des Imperialismus. Berlin, 1969.
[2] См. «История Второго Интернационала», т. I. М., 1965, стр. 172—174.

но образование нового международного объединения выдвинули перед социалистическими партиями проблемы, связанные с координацией действий национальных партий, с организацией совместных международных акций и т. д. В целом такие вопросы решались в тот период правильно, в интересах международного социализма, хотя дело не обходилось без трудностей и ошибок. Случались выступления националистического характера, противопоставление национальных интересов задачам международного социалистического движения. Однако почти всегда они встречали энергичный отпор.

Серьезным препятствием на пути превращения отдельных социалистических партий в подлинно массовые организации становились их сектантские ошибки. Сектантство конца XIX в. состояло в том, что в должной мере не учитывался реальный уровень рабочего движения, необходимость постепенно, шаг за шагом в ходе практической борьбы, прежде всего экономических боев, внедрять в рабочие массы подлинное понимание их классовых интересов, социалистическое сознание. Основоположники марксизма отмечали прямую связь сектантской линии с догматическим пониманием марксизма как суммы раз и навсегда данных положений, с неумением применять революционную теорию в разнообразных обстоятельствах, в различных условиях. Энгельс писал в 1891 г., что «те люди, которые более или менее овладели правильной теорией, *в смысле усвоения догматической стороны ее*, становятся простой сектой, потому что не в состоянии понять эту живую теорию действия, работы вместе с рабочим классом на всех возможных этапах его развития, иначе как собрание догм, которые следует заучить наизусть и повторять вслух, подобно формулам заклинания или католической молитвы»[1].

В наибольшей мере сектантство было свойственно английской Социал-демократической федерации и Социалистической рабочей партии США. К руководителям последней непосредственно относились приведенные выше слова Энгельса. СДФ, о которой Энгельс говорил, что «программа у нее марксистская, но тактика исключительно сектантская»[2], отрицала необходимость работы внутри тред-юнионов, ссылаясь на антисоциалистические воззрения их лидеров. В результате федерация лишила себя возможности идейно воздействовать на массы организованных рабочих. Аналогичную позицию занимала и Социалистическая рабочая партия США, которая свое отрицательное отношение к реформистской линии лидеров АФТ в 90-х годах по существу переносила и на объединяемых ею рабочих.

Ошибки сектантского характера совершали и некоторые другие партии. Как уже отмечалось, в период политического кризиса во Франции, вызванного националистической агитацией генерала Буланже, ставшего знаменем реакционно-монархических кругов, руководители Французской рабочей партии заняли позицию нейтра-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, стр. 82.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 242.

литета, считая, что пролетариату незачем вмешиваться в борьбу внутри буржуазного лагеря. Между тем буланжистское движение представляло угрозу республиканским институтам, сохранение которых было жизненно важно для рабочего класса. Лишь в ходе событий и под влиянием критики со стороны Энгельса лидеры партии исправили свою ошибку.

МАРКСИЗМ ПРОТИВ РЕВИЗИОНИЗМА

Идейная борьба в международном рабочем движении резко обострилась во второй половине 90-х годов, когда один из деятелей германской социал-демократии, Э. Бернштейн, выступил в печати с критикой и ревизией марксистской теории в целом с реформистских позиций[1]. Его выступление по существу положило начало тому направлению в международном рабочем движении, которое получило название ревизионизма и которое в том или ином обличье продолжает существовать и поныне.

Первые статьи Бернштейна под общим заголовком «Проблемы социализма» появились на страницах теоретического органа СДПГ «Нойе цайт» в 1896 г., последующие — в начале 1898 г. В них Бернштейн отрицал необходимость и даже желательность социалистической революции, утверждая, что новые явления в развитии капитализма открывают-де возможность «частичного осуществления социализма» в рамках существующего буржуазного общества. Суть своих взглядов (и ревизионизма в целом) Бернштейн сформулировал следующим образом: «Я говорю открыто, что вижу чрезвычайно мало смысла в том, что обычно разумеют под «конечной целью социализма». Эта цель, какова бы она ни была, для меня ничто, а движение — все...»[2]

В наиболее развернутом виде свои антимарксистские концепции Бернштейн изложил в вышедшей в феврале 1899 г. книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Утверждая, что марксистская теория не выдержала-де испытания временем, Бернштейн обрушился на диалектический материализм, попытался доказать «противоречивость» и «несостоятельность» материалистического понимания исторического процесса[3]. Вслед за буржуазными критиками «Капитала» он объявил, что Марксова теория прибавочной стои-

[1] Подробнее о борьбе против ревизионизма в германской социал-демократии в конце XIX в. см.: *Н. Е. Овчаренко.* Германская социал-демократия на рубеже двух веков. М., 1975; *Б. А. Айзин.* Борьба против ревизионизма в германской социал-демократии в конце XIX в. (1898—1899 гг.). — «Германское рабочее движение в новое время». М., 1962, стр. 166—234.

[2] «Die Neue Zeit», 1897/98, Bd 1, N 18, S. 556.

[3] *Ed. Bernstein.* Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart, 1899, S. 36.

мости не пригодна для объяснения сущности эксплуатации рабочего при капитализме, что марксистское положение о концентрации богатства в руках немногих капиталистов и о пролетаризации все более широких народных масс якобы не подтверждается ходом общественного развития. Отвергая марксистскую теорию кризисов, Бернштейн утверждал, что в результате создания мирового капиталистического рынка, быстрого развития средств транспорта и связи, эластичности кредитной системы и роста акционерных обществ, картелей и других капиталистических объединений всеобщие экономические кризисы уже невозможны.

Огромная опасность начатой Бернштейном открытой ревизии марксизма заключалась не в последнюю очередь в том, что он дал ложные ответы на вопросы, которые выдвигались перед международным рабочим движением поступательным ходом исторического процесса. Новые явления в развитии капитализма, в частности образование акционерных обществ, картелей, трестов и т. д., уже подвергались анализу со стороны марксистов, прежде всего Энгельса, который убедительно показал, что они подтверждают правильность Марксовой теории концентрации производства, ведут к дальнейшему созреванию материальных предпосылок социализма. Бернштейн же, напротив, усмотрел в этих новых явлениях убедительный признак преодоления капитализмом анархии производства и экономических кризисов, а в факте некоторого повышения оплаты и улучшения условий труда отдельных отрядов пролетариата — доказательство постепенного затухания классовых противоречий в буржуазном обществе. Отсюда его главный вывод — о невозможности научного обоснования социализма, который в его интерпретации превращался в некую этическую категорию, воплощающую абстрактные идеи «справедливости», «равенства», «гуманизма» и т. п.

Теоретические «изыскания» Бернштейна должны были подкрепить его практическую программу, главным пунктом которой был полный отказ социал-демократии от революционных целей, от завоевания рабочим классом политической власти, призванной осуществить коренные социальные преобразования. Он считал, что социал-демократия должна стать «демократически-социалистической партией реформ»[1]. Отрицая марксистское учение о государстве как орудии классового господства, он приписывал буржуазной демократии надклассовый характер, рассматривал ее как выразительницу интересов всего общества.

Доказывая «ненужность» революции и возможность преобразования общества путем отдельных социальных реформ, Бернштейн искусственно противопоставлял реформу революции и утверждал, будто революционный марксизм вообще отрицает какую бы то ни было заинтересованность рабочего класса в проведении реформ в рам-

[1] *Ed. Bernstein.* Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie, S. 165.

ках капитализма. Единственный путь к социализму Бернштейн видел в деятельности профессиональных союзов, постепенно добивающихся улучшения положения рабочего класса, а также в создании кооперативных производительных и потребительских товариществ, которые, все более распространяясь, стали бы основой будущего социалистического строя.

Особенно резко обрушился Бернштейн на Марксово учение о диктатуре пролетариата. Он заявлял, что рабочий класс абсолютно не подготовлен к захвату и осуществлению политической власти, утверждал, будто неоднородность пролетариата исключает возможность единого классового сознания, единой классовой позиции.

«Критика» марксизма Бернштейном мало чем отличалась от высказываний опровергателей марксизма из буржуазного лагеря. Но последние не претендовали, по крайней мере как это делал Бернштейн, на «улучшение» и «развитие» марксизма. Бернштейн же, который считался сторонником учения Маркса, выступал под флагом «приспособления» марксизма к новым экономическим и политическим факторам, которым тот будто бы перестал соответствовать. На деле Бернштейн преследовал другую цель: превратить революционную социал-демократию в партию сотрудничества с буржуазией. Именно поэтому, отмечал несколько лет спустя В. И. Ленин в работе «Что делать?», в книге Бернштейна «отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о *«конечной цели»* и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата отрицалась *теория классовой борьбы*, неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д.»[1].

Выступление Бернштейна получило поддержку оппортунистических элементов в рабочем движении ряда стран. В Германии Бернштейна взяли под защиту некоторые видные деятели СДПГ. Среди них были Г. Фольмар, давно известный своими оппортунистическими взглядами, Э. Давид, специализировавшийся на искажении марксистского учения в аграрном вопросе, В. Гейне и М. Шиппель, добивавшиеся пересмотра антимилитаристской программы социал-демократии, и др. С обоснованием «права» Бернштейна на «критику» марксизма выступил один из лидеров СДПГ — И. Ауэр. Бернштейн стал знаменем всех оппортунистических элементов в партии, образовавших численно небольшую, но влиятельную группу, литературным рупором которой был издававшийся с 1897 г. журнал «Социалистише монатсхефте». Эти деятели не только присоединились к попыткам Бернштейна пересмотреть марксизм, но и подробно развивали в печати его ревизионистские идеи.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 7.

Во Франции взгляды Бернштейна встретили сочувствие в кругах бывших поссибилистов и «независимых социалистов», недавних выходцев из рядов буржуазной партии радикалов. Именно «независимый социалист» А. Мильеран первым сделал практический вывод из бернштейновского ревизионизма: в июле 1899 г. он без ведома парламентской группы социалистов вошел в состав французского правительства, в котором пост военного министра занял палач Парижской Коммуны генерал Галифе. Это событие, с возмущением встреченное большинством социалистов и во Франции, и за ее пределами, получило название «казуса Мильерана». Оно положило начало крайне правому течению во французском социализме — министериализму. В России взглядов, аналогичных воззрениям Бернштейна, придерживались «экономисты», считавшие единственной целью рабочего движения осуществление мер, направленных на улучшение экономического положения трудящихся[1]. В Англии со взглядами Бернштейна перекликались теории фабианцев, послужившие одной из идейных основ ревизионизма (правда, в отличие от Бернштейна они не считали себя последователями Маркса).

Влияние ревизионизма на отдельных социалистических деятелей ощущалось и в некоторых других странах. В Венгрии руководство социал-демократической партии, хотя формально и отвергло бернштейнианство, по существу солидаризировалось с рядом ревизионистских положений и публично выразило свое одобрение поведению Мильерана. Сторонники Бернштейна имелись и среди чешских социалистов. В Италии Бернштейн нашел единомышленников в лице бывшего анархиста Мерлино и некоторых других деятелей социалистической партии; известное влияние его взглядов испытали Ф. Турати, И. Бономи и др. К ревизионизму тяготели лидеры Бельгийской рабочей партии, в особенности Э. Ансель. В Швеции идеи Бернштейна проповедовал Я. Брантинг.

Следовательно, ревизионизм, как уже тогда было отмечено В. И. Лениным, стал с самого своего возникновения международным явлением. И борьба с ним, хотя первоначально она велась главным образом в германской социал-демократии, также приняла международный характер.

Одними из первых с резкой отповедью Бернштейну выступили польская социалистка Р. Люксембург, незадолго до того переехавшая в Германию, а также один из видных немецких теоретиков революционного марксизма — Ф. Меринг.

Острой критике подвергся Бернштейн на состоявшемся в октябре 1898 г. в Штутгарте очередном съезде Социал-демократической партии Германии, где наряду с Р. Люксембург, К. Цеткин, В. Либкнехтом и некоторыми другими с осуждением ревизионистских взглядов выступил и К. Каутский, давний друг Бернштейна, считавшийся в то время крупным знатоком марксизма. Хотя его речь со-

[1] См. главу десятую.

держала множество оговорок, в целом Каутский оценил статьи Бернштейна (это было еще до выхода его книги) весьма критически. Однако на съезде прозвучали и голоса единомышленников Бернштейна; наиболее откровенно в ревизионистском духе высказался молодой экономист К. Шмидт. Подлинные настроения массы рядовых социалистов отразили многочисленные собрания местных партийных организаций, состоявшиеся после съезда. Большинство участников этих собраний осуждало ревизионистов, многие критиковали руководство партии за терпимость по отношению к оппортунистам.

Значительную роль в идейно-теоретической борьбе с ревизионизмом сыграла вышедшая в свет в апреле 1899 г. книга Р. Люксембург «Социальная реформа или революция», содержавшая резкую, научно обоснованную марксистскую критику всей системы взглядов Бернштейна. Р. Люксембург неопровержимо доказала несовместимость оппортунизма с марксизмом, немыслимость «другого социализма, кроме социализма Маркса...»[1]. Затем вышла книга К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика», получившая широкий отклик в международной социал-демократии.

Обсуждение действий Бернштейна заняло значительное место в работе очередного съезда германской социал-демократической партии, состоявшегося в октябре 1899 г. в Ганновере. За его ходом с напряженным вниманием следили социалисты во всех европейских странах. Докладчики — А. Бебель, Р. Люксембург, В. Либкнехт и некоторые другие дали энергичную отповедь Бернштейну и его сторонникам. Хотя в защиту Бернштейна высказалась целая группа делегатов, съезд подавляющим большинством голосов (216 против 21) принял предложенную Бебелем резолюцию, в которой подчеркивалось, что «развитие буржуазного общества не дает партии никаких оснований отказаться от своих принципиальных взглядов на него или изменить их», что «партия по-прежнему стоит на почве классовой борьбы» и считает «исторической задачей рабочего класса завоевание политической власти»[2]. Резолюция решительно отвергала любую попытку направить партию на путь отказа от ее революционных принципов, превратить СДПГ «из социал-демократической партии в демократически-социалистическую партию реформ»[3], побудить ее к радикальному пересмотру в реформистском духе своих программных основ и тактики.

Решение съезда свидетельствовало о том, что крупнейшая партия II Интернационала в своем большинстве продолжает придерживаться принципов революционного марксизма и осуждает ревизионист-

[1] *Р. Люксембург.* Социальная реформа или революция. М., 1959, стр. 84.
[2] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Hannover vom 9. bis 14. Oktober 1899». Berlin, 1899, S. 243 (далее — «Protokoll... zu Hannover»).
[3] Ibid., S. 244.

ские идеи. Однако вопрос об организационном размежевании с ревизионистами даже не был поставлен, и это имело в дальнейшем пагубные последствия.

Нежелание довести борьбу с ревизионизмом до логического конца — изгнания оппортунистов из рядов партии (хотя этот вопрос неоднократно ставился в ходе полемики) — обусловливалось не только стремлением любой ценой сохранить единство партии. Оно отражало и то обстоятельство, что, хотя подавляющее большинство лидеров партии осудило ревизионизм и твердо заявило о своей приверженности принципам революционного марксизма, далеко не все они с необходимой последовательностью и решительностью критиковали взгляды бернштейнианцев; многие недооценивали опасность оппортунистического течения. Так, Каутский долгое время медлил с публичным выступлением против Бернштейна, мотивируя тем, что ему тяжело критиковать своего старого друга. В. Либкнехт, с самого начала осудивший взгляды Бернштейна, не сразу осознал всю опасность ревизионизма и некоторое время продолжал считать, что он не представляет серьезной угрозы движению. Лишь после выхода пресловутых «Предпосылок социализма» он включился в активную борьбу с бернштейнианцами, неоднократно выступая на партийных собраниях в различных городах и отстаивая революционную программу и тактику. А на Ганноверском съезде В. Либкнехт признал, что «в партии существует течение, воздействие которого может привести социал-демократию в лагерь буржуазных партий»[1].

Более решительную позицию с самого начала занял Бебель. Уже в феврале 1898 г. он с тревогой писал, что «у нас делает бурные успехи самый опасный оппортунизм»[2]. Правда, на Штутгартском съезде Бебель считал преждевременным принятие каких-либо конкретных решений против Бернштейна, ссылаясь на то, что этому должна предшествовать широкая дискуссия в партийной печати. Однако вскоре Бебель стал высказываться более определенно, заявив Бернштейну, что между ним и партией «разверзлась пропасть»[3]. А в письме Плеханову он прямо заявил, что не считает более Бернштейна товарищем по партии[4]. На Ганноверском съезде Бебель в докладе под названием «Атаки на принципиальные воззрения и тактическую позицию партии» подверг весьма резкой и глубокой критике взгляды Бернштейна. Под аплодисменты большинства делегатов он заявил: «Я не

[1] «Protokoll... zu Hannover», S. 197. Подробнее о борьбе В. Либкнехта против ревизионизма см.: *В. Чубинский.* Вильгельм Либкнехт — солдат революции. М., 1968, стр. 199—207.

[2] «August Bebels Briefwechsel mit Karl Kautsky. Assen, 1971, S. 103.

[3] *V. Adler.* Briefwechsel mit Aug. Bebel und Karl Kautsky. sowie Briefe von und an I. Auer, Ed. Bernstein, Ad. Braun, H. Dietz, Fr. Ebert, W. Liebknecht, H. Müller und P. Singer. Wien, 1954, S. 257—258.

[4] См. «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сборник V. М., 1938, стр. 269.

делаю секрета из того, что, если бы те принципы, представителем которых является Бернштейн, получили господство в партии, я сказал бы себе: ты 36 лет работал напрасно, теперь тебе остается только уйти на покой»[1]. В. И. Ленин впоследствии назвал этот доклад «образцом отстаивания марксистских взглядов и борьбы за истинно социалистический характер рабочей партии»[2].

И тем не менее ни Бебель, ни кто-либо другой из руководителей партии, несмотря на осуждение взглядов Бернштейна и признание их противоречащими программе и тактике партии, не сочли возможным поставить перед съездом вопрос об исключении его и его единомышленников из СДПГ. Таким образом, ревизионисты смогли продолжать пропагандировать свои взгляды внутри партии.

Среди германских социал-демократов наиболее последовательную и четкую позицию в борьбе с ревизионизмом занимали Р. Люксембург и К. Цеткин. Речь Р. Люксембург на Штутгартском съезде прозвучала как горячий призыв к защите революционной теории и тактики от посягательств оппортунистов. Она неоднократно требовала полного разрыва с Бернштейном и его единомышленниками. Выступая на массовых социал-демократических собраниях, она вскрывала мелкобуржуазное классовое содержание ревизионистских теорий, предостерегала от опасности оппортунизма. На Ганноверском съезде речь Р. Люксембург против Бернштейна была одной из наиболее глубоких по содержанию и резких по форме[3]. Именно ее статьи и выступления вызывали особенную ненависть и злобу приверженцев Бернштейна.

В рядах наиболее непримиримых борцов против ревизионизма была и К. Цеткин. Она и в социал-демократической печати, и как участник дискуссий на Штутгартском и Ганноверском съездах энергично протестовала против попыток смягчить критику Бернштейна, последовательно разоблачала ревизионизм[4].

С резкой отповедью Бернштейну в Италии выступил А. Лабриола. Энергичную борьбу с французскими единомышленниками Бернштейна — мильеранистами вели Ж. Гед, П. Лафарг и другие руководители Рабочей партии Франции. Серьезной критике подвергли Бернштейна представители левого крыла Болгарской социал-демократической партии, в первую очередь Д. Благоев.

Решительно и активно выступал против Бернштейна Г. В. Плеханов. Бернштейна и его союзников он называл «злейшими врагами марксизма». Статьи Плеханова против Бернштейна, К. Шмидта, русских бернштейнианцев нанесли серьезные удары по ревизионизму. Считая недостаточной критику Бернштейна на Штутгартском съезде,

[1] «Protokoll... zu Hannover», S. 124.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 369.
[3] *R. Luxemburg.* Gesammelte Werke. Bd 1, I Hbbd. Berlin, 1970, S. 567—573.
[4] *C. Zetkin.* Ausgewählte Reden und Schriften, Bd I. Berlin, 1957, S. 142—151, 185—190.

он в открытом письме Каутскому настаивал на необходимости более решительных и энергичных выступлений против него в печати. Плеханов подчеркивал, что Бернштейн «*гораздо ближе к мелкобуржуазным сторонникам «социальной реформы»*, чем *к революционной социал-демократии*»[1], и считал ошибкой СДПГ оставление Бернштейна в рядах партии.

Выдающуюся роль в борьбе с международным бернштейнианством, в том числе с его проявлениями на русской почве, сыграл В. И. Ленин. В период острых дискуссий по поводу бернштейниады он находился в сибирской ссылке и располагал далеко не всеми материалами, но с огромным вниманием следил за идейной борьбой, развернувшейся вокруг выступлений Бернштейна и его единомышленников[2]. Сопоставив их воззрения со взглядами российских «критиков» Маркса —«экономистов», В. И. Ленин пришел к выводу о близком идейном родстве этих течений, а также Бернштейна и легальных марксистов. Ознакомившись с книгой Бернштейна, он писал: «Теоретически — невероятно слабо; повторение чужих мыслей. Фразы о критике, и нет даже попытки серьезной и самостоятельной критики. Практически — оппортунизм (фабианизм, вернее: оригинал массы утверждений и идей Бернштейна находится у Webb'ов в их последних книгах), безграничный оппортунизм и поссибилизм...»[3] Бернштейн и его сторонники, писал он в другом месте, «не научили пролетариат никаким новым приемам борьбы; они только пятились назад, перенимая обрывки отсталых теорий и проповедуя пролетариату не теорию борьбы, а теорию уступчивости — уступчивости по отношению к злейшим врагам пролетариата, к правительствам и буржуазным партиям, которые не устают изыскивать новые средства для травли социалистов»[4]. В. И. Ленин дал четкую характеристику бернштейнианства как попытки «сузить теорию марксизма... превратить революционную рабочую партию в реформаторскую»[5].

Борьба революционных марксистов против ревизионизма охватывала все области, в которых Бернштейн и его единомышленники предприняли атаки на учение Маркса: философию, политическую экономию, научный социализм, вопросы стратегии и тактики социалистического движения. Решительный отпор революционных марксистов вызвали выпады Бернштейна против теории социалистической революции.

В произведениях Плеханова, Меринга, Люксембург, Каутского была дана развернутая убедительная критика выступлений Бернштейна, К. Шмидта и других ревизионистов против марксистской диалектики и материалистического понимания истории. Больше других в этой области сделал Плеханов. Он доказал решительную не-

[1] *Г. В. Плеханов.* Сочинения, т. XI. М.—Л., 1928, стр. 68.
[2] См. главу десятую.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 176.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 183.
[5] Там же, стр. 170.

компетентность Бернштейна в области философии [1], полную научную несостоятельность его нападок на диалектический и исторический материализм как философскую основу мировоззрения пролетариата и выяснил, что смысл этих нападок состоит в стремлении подменить марксистскую философию неокантианством, научный социализм «этическим» социализмом и таким образом обосновать отказ от борьбы за завоевание пролетариатом политической власти. Одним из первых Плеханов вскрыл сущность ревизионизма как проявления влияния буржуазной идеологии на рабочее движение. Оценивая заслуги Плеханова в борьбе против философского ревизионизма, В. И. Ленин впоследствии писал, что он был «единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма» [2].

Большой вклад в разоблачение ревизионистских взглядов по философским вопросам был сделан и Ф. Рингом. В ряде статей он дал глубокую критику неокантианства, в котором, как и другие марксисты, видел основной философский источник ревизионизма. Неокантианство, писал он, является по своему объективному содержанию не чем иным, как попыткой уничтожить исторический материализм. Наряду с Плехановым Меринг вскрыл реакционную сущность подхваченного Бернштейном и другими ревизионистами лозунга «Назад к Канту». Меринг решительно защищал исторический материализм от ревизионистских нападок и искажений [3].

Критика философских взглядов ревизионистов занимала немаловажное место и в направленных против Бернштейна выступлениях Р. Люксембург. Отказ Бернштейна от материалистической диалектики, этого «образа мышления поднимающегося классово-сознательного пролетариата» [4], она рассматривала как прямое доказательство его перехода на позиции буржуазного мировоззрения, а отрицание им научного, материалистического обоснования социализма — как возврат к давно преодоленным утопическим представлениям, к реакционному идеализму.

В устных и печатных выступлениях Бебеля, Люксембург и др. была также убедительно вскрыта бездоказательность бернштейновской ревизии марксистской политической экономии, в частности тезиса о «непригодности» Марксовой теории стоимости для объяснения положения пролетариата в капиталистическом обществе. Опираясь на большой фактический материал, революционные марксисты пока-

[1] См. *Г. В. Плеханов.* Сочинения, т. XI, стр. 49.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 20; см. подробнее: *В. П. Ткаченко.* Борьба Г. В. Плеханова против ревизионизма в философии. — «Критика современной буржуазной философии и ревизионизма». М., 1959.
[3] О вкладе Мерінга в борьбу против философского ревизионизма см.: *J. Schleifstein.* Op. cit., S. 88—99.
[4] См. *Р. Люксембург.* Указ. соч., стр. 81—82.

зали беспочвенность утверждений Бернштейна, будто развитие капитализма привело к смягчению его противоречий. Р. Люксембург вскрыла действительную роль капиталистических объединений, которые вопреки утверждениям Бернштейна не сглаживают свойственные капитализму противоречия, а «как раз, наоборот, являются одним из средств, созданных капиталистическим хозяйством, чтобы увеличить присущую ему анархию, обнаружить заключающиеся в нем противоречия и ускорить собственную гибель»[1].

Бебель в докладе на Ганноверском съезде продемонстрировал порочность метода Бернштейна и его недобросовестность при использовании статистических данных для опровержения Марксовой теории концентрации производства. Данные о росте доходов населения, которые Бернштейн приводил в доказательство своих ревизионистских тезисов, показал Бебель, при более тщательном анализе свидетельствуют о том, что доходы капиталистов растут неизмеримо быстрее и в неизмеримо бóльших масштабах, чем доходы трудящихся. Бебель подчеркнул, что факты говорят не о смягчении, а об обострении классовых противоречий, а известное улучшение условий жизни и труда пролетариата является не следствием каких-то изменений в сущности капиталистического общества, а исключительно результатом упорной и ожесточенной борьбы рабочего класса.

Особенно большое место в критике ревизионизма занимали вопросы программы и тактики революционной социал-демократии. При этом главное внимание было сосредоточено на опровержении основной идеи бернштейнианства — идеи отказа от пролетарской революции как единственного средства свержения капиталистического общественного строя и осуществления социализма, идеи постепенного врастания капиталистического общества в социалистическое.

Р. Люксембург доказала, что, искусственно противопоставляя социальные реформы революции, Бернштейн хочет обосновать свой отход от революционного марксизма. Рабочий класс должен вести и ведет борьбу за реформы, поскольку они способствуют улучшению его экономического положения и расширению его политических прав, но реформы сами по себе не могут привести к окончательному освобождению пролетариата. Р. Люксембург подчеркивала, что пролетариат заинтересован в реформах в первую очередь постольку, поскольку они создают более благоприятные условия для решения основной его задачи — ликвидации капиталистического способа производства путем революционного переворота. «Кто высказывается за законный путь реформ *вместо* и в *противоположность* завоеванию политической власти и общественному перевороту,— писала она,— тот выбирает на самом деле не более спокойный, не более надежный и медленный путь к той же *цели*, а совершенно *другую* цель... он преследует не осуществление *социалистического* строя, а только преоб-

[1] См. *Р. Люксембург.* Указ. соч., стр. 25.

разование *капиталистического*... стремится к уничтожению только наростов капитализма, а не самого капитализма»[1].

Столь же убедительно опровергли противники ревизионизма и утверждение, будто профессиональные союзы и кооперативные товарищества являются орудиями постепенной социализации общества. Эти организации, доказывали Бебель и другие революционные марксисты, содействуют известному улучшению положения рабочего класса в рамках капитализма, но по своей природе не способны осуществить какие-либо радикальные социалистические преобразования. Они могут способствовать этому, участвуя в политической классовой борьбе, и для победы социализма должны будут, как говорил на Ганноверском съезде СДПГ Бебель, «на известном этапе развития вести борьбу с капиталистическим общественным порядком не на жизнь, а на смерть» [2].

Революционные марксисты убедительно разоблачали тезисы Бернштейна о внеклассовом характере демократии и, следовательно, современного ему буржуазного государства. Именно подобные рассуждения служили для ревизионистов главным аргументом в пользу возможности постепенного врастания капитализма в социализм и «ненужности» социалистической революции. Демократия, писал в этой связи Плеханов, «не уничтожает *экономического* господства одного класса над другим,— буржуазии над пролетариатом,— она не устраняет также ни взаимной борьбы пролетариата с буржуазией, ни необходимости для пролетариата бороться всеми теми средствами, какие только могут в данное время оказаться *целесообразными*» [3].

Р. Люксембург, полемизируя с ревизионистами, подчеркивала, что «демократия необходима не потому, что она делает *излишним* захват политической власти пролетариатом, а, наоборот, потому, что она делает этот захват и необходимым и единственно *возможным*»[4]. Ту же мысль высказал и В. Либкнехт, говоря, что избирательное право и парламентская деятельность, при всем их значении для освободительной борьбы пролетариата, являются «не целью, а лишь средством для достижения цели»[5].

Революционные марксисты вскрыли несостоятельность утверждений Бернштейна о том, что, поскольку общество, мол, развивается по демократическому пути и «имущее меньшинство» якобы уже не может чинить «серьезных препятствий социальному прогрессу»[6], положение о насильственной революции стало лишь «бессодержательной фразой». Опровергая точку зрения Бернштейна, его противники

[1] *Р. Люксембург.* Указ. соч., стр. 70—71.
[2] «Protokoll... zu Hannover», S. 118.
[3] *Г. В. Плеханов.* Сочинения, т. XI, стр. 55—56.
[4] *Р. Люксембург.* Указ. соч., стр. 74.
[5] *В. Либкнехт.* Никаких компромиссов! О политической позиции социал-демократии, в частности по отношению к рейхстагу. М., 1958, стр. 83.
[6] *Ed. Bernstein.* Op. cit., S. 183.

подчеркивали, что не считают вооруженное насилие единственным путем осуществления революции, но что сопротивление буржуазии, вполне вероятно, вызовет необходимость его применения со стороны пролетариата. «*Выбор* той *формы*, в которой пролетариату придется проявлять свою революционную силу, — писал Плеханов, — *зависит не от его доброй воли, а от обстоятельств*. Та форма лучше, которая вернее и скорее ведет к победе над неприятелем. И если бы «*насильственная революция*» оказалась в данной стране и при данных обстоятельствах наиболее целесообразным способом действий, то жалким доктринером, — если не изменником, — оказался бы тот, кто выставил бы против нее принципиальные соображения вроде тех, которые мы встречаем у Бернштейна...»[1]

С возмущением отмели противники ревизионизма клеветнические по своей сути заявления Бернштейна о «неспособности» рабочего класса взять в свои руки политическую власть, о его неподготовленности к руководящей роли в обществе. «Организованный и классово-сознательный пролетариат, — говорил Бебель, — уже повсюду доказал и ежедневно доказывает вновь, что он по своему политическому развитию и работоспособности несравненно выше буржуазии...»[2]

Подавляющее большинство социалистов во всех странах отрицательно оценило выступления Бернштейна и его единомышленников. И тем не менее появление ревизионизма было чревато серьезными опасностями для дальнейшего развития социалистического рабочего движения; он отнюдь не был случайным грехопадением отдельных социалистов, до недавнего времени считавшихся сторонниками революционного марксизма. Ревизионизм отражал настроения определенных слоев рабочего класса, а также примыкавших к движению представителей интеллигенции и мелкой буржуазии. В результате постоянного пополнения рядов пролетариата за счет выходцев из мелкой буржуазии, крестьянства и городских слоев, с одной стороны, и благодаря успехам рабочего движения — с другой, в освободительную борьбу пролетариата включились новые слои, обремененные мелкобуржуазными представлениями и далекие от подлинного понимания марксизма. «Рост рабочего движения, — писал впоследствии В. И. Ленин, — неизбежно привлекает в число его сторонников известное количество мелкобуржуазных элементов, порабощенных буржуазной идеологией, с трудом освобождающихся от нее, постоянно впадающих в нее снова и снова»[3].

Но социальная база ревизионизма складывалась не только из этих элементов; в нее входили и те слои пролетариата, которые составляли рабочую аристократию. Именно на нее в первую очередь рассчитывала империалистическая буржуазия в стремлении идейно разоружить рабочий класс, свернуть его с пути борьбы за революцион-

[1] *Г. В. Плеханов.* Сочинения, т. XI, стр. 56.
[2] «Protokoll... zu Hannover», S. 119.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 306.

ное преобразование общества, вселить в пролетариат неверие в свою способность завоевать политическую власть. Это стремление было свойственно буржуазии и ранее, когда она пыталась насильственными мерами помешать развитию организованного революционного рабочего движения, не допустить создания самостоятельных пролетарских политических партий, сохранить свое влияние на пролетариат путем вовлечения его в организации, создаваемые ее представителями. К концу XIX в. было уже совершенно очевидно, что одними такими методами задержать развитие освободительного движения пролетариата невозможно. Революционная марксистская идеология заняла в социалистическом рабочем движении большинства стран Европейского континента господствующее положение; чтобы парализовать ее воздействие, буржуазия нуждалась в иных средствах. Таким средством и стал ревизионизм — попытка разложить рабочий класс изнутри, опираясь на те его слои, которые были подвержены влиянию реформистской идеологии. Говоря словами В. И. Ленина, ревизионизм явился «одним из главных, если не самым главным, проявлением буржуазного влияния на пролетариат и буржуазного развращения пролетариев»[1].

Не случайно немецкие либеральные буржуа встретили выступление Бернштейна с большим одобрением. В. И. Ленин отмечал позднее, что «Бернштейна... на руках носили немецкие либералы и превозносили до небес все «прогрессивные» буржуазные газеты...»[2]. Появление ревизионизма рассматривали в этих кругах как признак кризиса марксизма, предвестник ослабления и раскола социал-демократии. Даже в царской России книга Бернштейна вызвала такой интерес в правящем лагере, что в течение короткого времени выдержала три легальных издания, а царский охранник и провокатор полковник Зубатов рекомендовал ее для чтения рабочим.

Своей целеустремленной критикой бернштейнианства революционные марксисты сумели значительно ограничить распространение ревизионистских взглядов. Полностью ликвидировать их влияние они, однако, не смогли, ибо во всех экономически развитых странах существовала и росла привилегированная верхушка пролетариата, на которую делали ставку ревизионисты, так же как повсеместно расширялись вновь вовлекаемые в фабрично-заводское производство социальные слои. Но дело не исчерпывалось наличием социальной базы и замыслами магнатов капитала; в самом рабочем движении немало лидеров вольно или невольно становились пособниками ревизионистов благодаря своей терпимости к их происка м. В результате этих причин бернштейнианство, хотя оно еще не превратилось в официальную идеологию социалистических партий, продолжало существовать как течение внутри организованного рабочего движения. Это было источником серьезных опасностей для последнего.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 180.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 273.

Часть IV

НОВАЯ ФАЗА МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ. НАЧАЛО ЛЕНИНСКОГО ЭТАПА В РАЗВИТИИ МАРКСИЗМА

ВСТУПЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В ПРОЛЕТАРСКИЙ ЭТАП

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРЕВРАЩЕНИЯ РОССИИ В СЛАБОЕ ЗВЕНО ИМПЕРИАЛИЗМА

В конце XIX — начале XX в. в международном рабочем движении происходят качественные сдвиги, которые характеризуются усилением его революционного потенциала. Этот процесс был тесно связан с возрастанием удельного веса и значения российского отряда международного пролетариата, явившимся результатом совокупности объективных и субъективных причин. Среди первых определяющее значение имело резкое углубление кризиса всей системы экономических, социальных и политических отношений в пореформенной России.

Реформа 1861 г. существенно ускорила продвижение страны по капиталистическому пути. Оно, подчеркивал В. И. Ленин, «пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»[1]. Однако развитие замедлялось феодальными пережитками, которые опутывали все стороны экономики и политики, все сферы идеологии. Самый значительный из этих пережитков, подчеркивал В. И. Ленин, «самый могучий оплот всего этого варварства есть царское самодержавие»[2]. Сильнейшим препятствием для экономического и социального развития России были остатки крепостного права в деревне, которые консервировались в интересах помещиков-латифундистов.

Оказавшись перед необходимостью дать согласие на аграрную реформу, русские помещики позаботились об ограждении своих интересов, и прежде всего о сохранении принадлежавших им крупных землевладений. Тем самым развитие капитализма в сельском хозяйстве России пошло по прусскому пути, замедленному и мучительному для крестьянства. Внедрение капиталистических отношений в аграрный сектор серьезно затормозилось, но, разумеется, не приостановилось. Причем если полукрепостнические отношения в центральных районах страны проявляли определенную устойчивость, то на «периферии» она ослабевала. На значительных территориях (Новороссия, Предкавказье, Нижнее Поволжье и Заволжье) товарное капиталистическое производство, особенно зерновое, складывалось гораздо легче и быстрее, чем в районах традиционного крупнопомещичьего землевладения[3].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 205—206.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 595.

Характер социальных изменений в российской деревне к началу XX в. виден из таблицы, составленной В. И. Лениным по материалам 1905 г.[1]

Основные группы землевладельцев	Число владений (в млн.)	Число десятин (в млн.)
1. Разоренное крестьянство, задавленное крепостнической эксплуатацией (до 15 десятин)	10,5	75,0
2. Среднее крестьянство (15—20 десятин)	1,0	15,0
3. Крестьянская буржуазия и капиталистическое землевладение (20—500 десятин)	1,5	70,0
4. Крепостнические латифундии (свыше 500 десятин)	0,03	70,0

Спустя четыре с лишним десятилетия после 1861 г. дворянское землевладение, хотя и сократилось на $^1/_3$[2], все еще оказывало огромное влияние на весь строй аграрных отношений. Чисто капиталистическое землевладение, представленное прежде всего крестьянской буржуазией, по размерам сравнялось с крепостническими латифундиями; свыше $^2/_3$ земельного фонда находилось в стадии переходных отношений. При этом удельный вес помещичьих хозяйств снижался, а крестьянских — возрастал[3].

Среди последних преобладали хозяйства мелкие и мельчайшие, которые не могли обеспечить сколько-нибудь сносное существование десяткам миллионов крестьян. К тому же система так называемых отрезков (угодий, пастбищ, пахотных земель, принадлежавших до реформы 1861 г. крестьянским общинам и «отрезанных» в пользу помещиков) серьезно затрудняла ведение крестьянских хозяйств, обрекала деревню на зависимость от помещика, вынуждала мелких и средних крестьян идти в кабалу к кулакам, ростовщикам, торговцам. Соответственно даже в тех секторах сельского хозяйства, где утверждались капиталистические отношения, преобладали первичные формы господства капитала, сходные с теми, которые существовали в промышленности на мануфактурной стадии ее развития[4].

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 202—203.
[2] См. *В. В. Святловский.* Мобилизация земельной собственности в России (1861—1908 гг.). СПб., 1911, стр. 110—111.
[3] См. «Проблемы социально-экономической истории России». Сборник статей. М., 1971, стр. 191.
[4] См. *И. Д. Ковальченко.* В. И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России.— «Вопросы истории», 1970, № 3, стр. 41—42.

Замедленность капиталистического развития сельского хозяйства отрицательно сказывалась на промышленном росте. Она порождала серьезное противоречие между двумя основными устоями российской экономики. И хотя процесс крестьянской колонизации и распространения на окраинные области торговых связей несколько притупил его остроту, обусловленные господством крепостнических пережитков узость крестьянского рынка, сосредоточение значительных денежных средств вне сферы капиталистического обращения, удержание значительных масс крестьянства в деревне, причем преимущественно внеэкономическими методами, ограничивали возможности экономического развития России, и в первую очередь ее индустриального развития.

Россия вступила в полосу промышленного переворота позже ряда стран Запада. Но на рубеже 70—80-х годов здесь уже был в основном завершен переход от мануфактуры к капиталистической фабрике[1]. Росло число и увеличивался удельный вес крупных предприятий.

Как и в других странах, темпы индустриализации, особенно в отраслях промышленности, производивших средства производства, существенно возросли благодаря невиданному расширению железнодорожного строительства. Вместе с тем это строительство играло важнейшую роль в распространении капитализма вширь, в складывании общероссийского рынка. За пятилетие 1884—1889 гг. было сооружено 5283 км железных дорог. Но это не было пределом. С 1890 по 1900 г. в России было построено около 21 тыс. км — больше, чем за все предшествующие 20 лет[2].

В 1890—1900 гг. выпуск промышленной продукции в стране удвоился, при этом производство средств производства возросло почти в 3 раза, а предметов потребления — на 78%. В результате изменилось соотношение двух подразделений промышленного производства: удельный вес первого увеличился с 30 до 39%. Именно в 90-х годах в России закладывались основы крупнокапиталистической индустрии. Выплавка чугуна поднялась в 3 раза, производство стали — в 6, стоимость продукции машиностроительной промышленности — более чем в 4, добыча нефти — почти в 3, каменного угля — в 2,5 раза[3].

В ходе индустриализации рождались новые промышленные районы. Выделялся Южный промышленный район с угольными копями

[1] См. *В. И. Бовыкин, С. С. Дмитриев, И. Д. Ковальченко, К. Н. Тарновский.* Очерки истории СССР. 1861—1904. М., 1960, стр. 91.

[2] См. *Т. С. Хачатуров.* Железнодорожный транспорт в СССР. М., 1952, стр. 23.

[3] См. *П. А. Хромов.* Экономическое развитие России в XIX—XX веках. М., 1950, стр. 452—453, 456—461; *Л. А. Мендельсон.* Теория и история экономических кризисов и циклов, т. II. М., 1959, стр. 736—737, 751—757.

Донбасса и криворожскими железорудными месторождениями, составившими главную сырьевую базу российской металлургии. К началу XX в. здесь насчитывалось 17 металлургических заводов с законченным циклом производства. Доля Юга в общей добыче угля составила 69%, железной руды — 57, в производстве чугуна — 52, в выплавке стали — до 44% [1].

Как уже отмечалось, к началу XX в. Россия по общему объему промышленного производства вплотную приблизилась к Франции (обогнав ее по выплавке чугуна и стали, уступая в то же время в производстве предметов потребления). Но и по абсолютному объему производства, и по размерам продукции на душу населения она продолжала существенно отставать от стран с наиболее высоким уровнем развития капитализма. Так, ее металлургическая промышленность в конце XIX в. уступала американской в 5 раз, английской — втрое, германской — в 2,5 раза [2].

Процесс капиталистической индустриализации России происходил в условиях быстрой монополизации промышленности и централизации банковского дела. В начале XX в. монополии существовали уже во всех решающих отраслях производства средств производства. Они возникали и в важнейших отраслях производства предметов потребления. Появились первые региональные монополии [3]. Все это свидетельствовало, что и в России усиленно вызревали предпосылки вступления в стадию империализма.

Обладая всеми чертами, свойственными этой стадии капитализма, складывающийся российский империализм отличался вместе с тем рядом особенностей. Не все характерные черты развились у него в полной степени. Вывоз капитала, игравший такую большую роль в становлении империализма в Англии, Германии, Франции, для России типичен не был. Наоборот, она ввозила капитал в значительно бóльших размерах, чем вывозила. Основными причинами были более позднее вступление России на путь капиталистического развития и соответственно потребность в крупных капиталовложениях, причем в таких масштабах, какие российская буржуазия не могла обеспечить. К тому же царизм получал у иностранных банкиров немалые средства на содержание армии, полиции, жандармерии,

[1] См. *П. И. Лященко.* История народного хозяйства СССР, т. II. М., 1956, стр. 144—146.

[2] См. *П. А. Хромов.* Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М., 1971, стр. 296.

[3] Данные о монополистических союзах в России приведены в гл. I; см. также: *Я. И. Лившин.* Монополии в экономике России. М., 1961; *В. Я. Лаверычев.* Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900—1917 гг.). М., 1963; «Монополии в металлургической промышленности России. 1900—1917». Документы и материалы. М.— Л., 1963; *А. Л. Цукерник.* Синдикат «Продамет». М., 1959; *Л. Е. Шепелев.* Акционерные компании в России. Л., 1973, и др.

в которых нуждался для сохранения своей колеблющейся власти. Результатом явилась экономическая, а в известной мере и политическая зависимость России от стран-кредиторов.

Одним из следствий отставания в вывозе капитала была незначительность участия России в международных монополиях и в разделе мирового рынка[1]. Меньшими размерами, чем у Англии, Франции, Бельгии и других колониальных держав, отличалась и прибыль, доставляемая грабежом зависимых от царизма стран Азии и экономической эксплуатацией окраинных владений Российской империи.

Социальные последствия этого обстоятельства имели существенное значение: русские монополии не располагали столь крупными средствами, как их собратья в развитых странах Запада, чтобы поддерживать влиятельную рабочую аристократию. Ее слабость подрывала позиции империализма в России в развертывавшихся классовых битвах. Но главным фактором, определявшим специфику российского империализма, его слабость в системе империалистических стран, было переплетение капитализма с сильнейшими пережитками крепостничества.

Быстрое развитие промышленности, естественно, сопровождалось значительным количественным ростом рабочего класса. Уже в начале 90-х годов в России имелось около 10 млн. наемных рабочих, в том числе фабрично-заводских, горных и железнодорожных — более 1,5 млн., сельскохозяйственных — около 3,5 млн., строительных — около 1 млн., занятых в лесном деле, землекопов и грузчиков — около 2 млн.; около 2 млн. трудились на дому и в мелкой промышленности[2]. По данным переписи населения 1897 г. и некоторых других источников конца XIX в., наемных рабочих насчитывалось тогда 14,2 млн.

Наиболее активно формирование и консолидация пролетариата происходили в фабрично-заводской и горнозаводской промышленности, а также на железнодорожном транспорте. В этих отраслях народного хозяйства к 1905 г. было занято уже 3 019 тыс.[3] Чрезвычайно важное значение для перспектив классовой борьбы в России имела высокая концентрация промышленного пролетариата на крупных предприятиях, гораздо бóльшая, чем в других странах, в том числе тех, которые превосходили ее по уровню экономического развития. Достаточно сказать, что крупнейшие заводы (с числом занятых более пятисот человек) концентрировали чуть ли не половину рабочих (46%). Такое сосредоточение ядра промышленного пролета-

[1] См. *Р. К. Пузакова.* В. И. Ленин об особенностях империализма в России. Саратов, 1967.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр 582.

[3] См. *А. Л. Сидоров.* К вопросу о перемещении центра мирового революционного движения в Россию.— «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное рабочее движение», ч. I. М., 1955, стр. 74.

риата укрепляло его позиции в борьбе против господства капитала, приобретавшей с каждым годом все бóльшую остроту.

Но полное отсутствие политических прав очень затрудняло эту борьбу. Поэтому самой животрепещущей задачей пролетариата являлось свержение царского самодержавия и политического господства крупных помещиков. Не сокрушив царизм и главную социальную силу, на которой зиждилась его власть,— дворянство, нельзя было перейти к решению основной задачи борющегося пролетариата — революционному сокрушению капиталистического строя.

Свержение самодержавно-помещичьего строя было также целью других участников российского освободительного движения. Из острых внутренних конфликтов, свойственных российскому обществу, одним из наиболее значительных было противоречие между многомиллионным крестьянством, составлявшим преобладающую часть населения, и дворянско-помещичьим классом. Правда, внедрение капиталистических отношений в сельское хозяйство ускоряло дифференциацию крестьянских масс, и на ее основе рождались новые противоречия. Однако основным препятствием прогрессивному развитию российской деревни по-прежнему выступал помещик, крупный землевладелец, опиравшийся на поддержку царского самодержавия. Противоположность между всем крестьянством и всем классом помещиков, отмечал В. И. Ленин, «имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение»[1].

Революционные потенции российского крестьянства на деле еще не были исчерпаны. «Роль крестьянства, как класса, поставляющего борцов против абсолютизма и против пережитков крепостничества,— писал в те годы Ленин,— на Западе уже сыграна, в России — еще нет»[2]. Он не раз подчеркивал, что «крестьянство способно стать полным и радикальнейшим сторонником демократической революции»[3].

Эти возможности не могли проявиться, пока крестьянство оставалось фактически единственной силой в освободительной борьбе. Конечно, в пореформенный период в России имелся еще один класс, объективно заинтересованный в политических переменах,— буржуазия. Но в России она была детищем позднего развития капитализма, когда рабочий класс на Западе уже выступил как серьезнейшая угроза капиталистическому строю и в период Парижской Коммуны даже сумел на время захватить власть. Все громче, особенно в 90-х годах, он заявлял о себе и в России, что и определяло в конечном счете позицию российских капиталистов по отношению к царизму и помещикам. Буржуазия тяготилась своим политическим бесправием, невозможностью оказывать на государственные дела влияние, адекватное ее возраставшей экономической силе. Ее идеологи видели грозящие в результате политического курса дворян внутри- и внеш-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 432.
[2] Там же, стр. 227.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 88.

неполитические осложнения. «Чем дальше, тем больше сталкиваются с самодержавием интересы буржуазии как класса»[1],— писал В. И. Ленин.

Но, с другой стороны, российскую буржуазию еще больше — и, чем дальше, тем сильнее — пугал рост рабочего класса, его революционных потенций, его решимости к беззаветной борьбе за свободу и счастье всех трудящихся. Российская буржуазия была издавна и прочно связана с царизмом и помещиками, приспособившись к их господству и участвуя в полукрепостнической эксплуатации крестьян. Она, писал В. И. Ленин, «связана слишком тесными экономическими нитями с поместным землевладением, их интересы слишком переплетены взаимно...»[2]. Поэтому протесты буржуазии против самодержавия были робкими, непоследовательными; она часто была готова изменить собственным политическим идеалам ради сохранения своих экономических позиций.

Хотя численность российской буржуазии составляла к концу XIX в. примерно 1,5 млн. человек, она все еще была не организована, политически не развита[3]. Характерно, что долгое время в качестве оппозиционной царизму силы выступали не представители городской буржуазии, а либеральные помещики-земцы, перешедшие к капиталистическим методам хозяйствования и видевшие необходимость срочного проведения широких буржуазных реформ. Но их политический курс также отличался непоследовательностью. Свое недовольство царизмом либералы выражали, как подчеркивал В. И. Ленин, «лишь в такой форме, которую *разрешает* само самодержавие, т. е. которую самодержавие признает неопасной для самодержавия»[4].

Крестьянство не могло, следовательно, рассчитывать на сколько-нибудь прочную поддержку буржуазии в борьбе против угнетателей-помещиков и их политического оплота — царизма. Общедемократические устремления крестьянских масс могли занять в российском освободительном движении подобающее им место лишь в сочетании с классовой войной пролетариата против капитала. «Русский социал-демократ,— писал В. И. Ленин,— может и должен, нисколько не изменяя своим убеждениям, а, напротив, именно в силу этих убеждений — стоять за то, чтобы рабочая партия поставила на своем знамени *поддержку* крестьянства *(отнюдь не* как класса мелких собственников или мелких хозяев), *поскольку это крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества вообще и против абсолютизма в частности*»[5].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 130.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 87.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 190. См. также *В. Я. Лаверычев.* Крупная буржуазия в пореформенной России (1861—1900). М., 1974.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 257—258.
[5] Там же, стр. 227.

Весьма значительное место принадлежало и освободительным устремлениям национальных меньшинств. Область национальных отношений затрагивала интересы многих миллионов людей: нерусские народности Российской империи составляли более половины ее населения. Они подвергались двойному гнету, их самобытность жестоко подавлялась. Природные богатства национальных окраин хищнически эксплуатировались, экономическое развитие искусственно задерживалось. «Вся история самодержавия,— указывал В. И. Ленин,— есть сплошной грабеж местных, областных, национальных земель»[1]. Преследования «инородцев» (финнов, поляков, армян и др.) особенно усилились с конца XIX в.

Возмущение народов России жестоким национальным угнетением, нередко выливавшееся в открытую борьбу, не могло не расшатывать господство эксплуататорских классов России. Долг пролетариата заключался в том, чтобы возглавить и борьбу за осуществление жизненных чаяний угнетенных царизмом народов Средней Азии, Кавказа, Польши, Прибалтики и др., представлявшую собой важную составную часть общедемократического движения.

Таким образом, неизбежность революционного взрыва в России вызывалась невиданным сочетанием различных социальных противоречий, самых разнообразных форм угнетения и эксплуатации, поставивших огромное большинство трудового люда в невыносимые условия. Объективно целью такого взрыва было очищение России от докапиталистических форм экономики и общественно-политической жизни. Но история России сложилась так, что решающей силой предстоявшей буржуазно-демократической революции становился рабочий класс. В результате такого развития освободительного движения Россия превратилась в слабое звено мировой системы империализма, оказалась главным участком борьбы за революционное преобразование общества на основах социализма.

Следует учесть, что влияние России на ход мировой истории было весьма существенным. Хотя роль царизма как международного жандарма в значительной степени сошла на нет, в глазах передовых людей разных стран царская Россия все еще являлась одним из оплотов мировой реакции. Победа демократической революции в России, отмечал В. И. Ленин, открыла бы великие перспективы «для европейского пролетариата, которого вот уже много лет искусственно сдерживает, в его стремлении к счастью, военная и помещичья реакция...»[2]. В то же время судьбы освободительной борьбы трудящихся России имели огромное значение для сотен миллионов населения порабощенных империализмом стран Азии. Здесь неминуемо должна была сказаться территориальная близость. Россия, писал В. И. Ленин, географически, экономически и исторически относится не толь-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 314.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, стр. 314.

ко к Европе, но и к Азии. «Низвержение царизма в России...— писал В. И. Ленин,— будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара»[1].

Иными словами, от того, в какой степени российский рабочий класс решит выпавшую на его долю историческую задачу, во многом зависели и перспективы мирового революционного процесса. Именно этим было обусловлено постепенное перемещение центра тяжести международного революционного движения в Россию[2].

В свое время, анализируя обстоятельства, превратившие германский пролетариат в авангард европейского революционного движения, Энгельс обращал внимание на два способствовавшие этому фактора: во-первых, рабочий класс Германии позднее вступил в социалистическое движение. Это привело к тому, что немецкие пролетарские революционеры смогли использовать дорого приобретенный опыт английского и французского рабочего движения. Во-вторых, для немецкого рабочего движения был характерен высокий теоретический уровень.

Обоими этими преимуществами в полной мере обладало и рабочее движение России. Опыт, на который оно могло опираться, стал еще богаче, а теоретические традиции, сложившиеся в российском революционном движении, нашли свое высшее выражение в ленинизме, определившем развитие марксистской научной мысли и революционной практики в новую историческую эпоху.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В РОССИЙСКОМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ В 70-х — НАЧАЛЕ 90-х годов

Возникновение ленинизма было обусловлено необходимостью дать ответы на новые вопросы, ставшие в конце XIX — начале XX в. перед международным и российским рабочим движением. Будучи прямым продолжением и творческим развитием марксизма, ленинское учение создавалось на основе творческого обобщения опыта всего мирового освободительного движения, в упорной борьбе против всех антимарксистских идейно-теоретических концепций и школ.

Особой остротой отличалась идейная борьба в России. Распространение марксизма встречало здесь упорнейшее сопротивление носителей идеологии народнического крестьянского социализма, не видевших или не желавших видеть, что пореформенная Россия идет по пути капиталистического развития, а сельская община разлагает-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 204.

[2] См. *А. Л. Сидоров.* Указ. соч.; *Э. К. Берадзе.* Некоторые вопросы перемещения центра мирового революционного движения в Россию. Тбилиси, 1969; *К. И. Суворов.* Перемещение центра мирового революционного движения в Россию. М., 1970, и др.

ся и становится все менее пригодной к тому, чтобы служить исходным пунктом социальных преобразований.

Народничество прошло в своем развитии несколько этапов, вызванных объективными причинами, прежде всего расслоением крестьянства в ходе проникновения капиталистических отношений в деревню. Народники 70-х годов, которых принято называть революционными, значительно отличались от своих преемников — либеральных народников 90-х годов. Но главные идейные посылки были у тех и у других общими. «...*Основные* социально-экономические взгляды всех и всяких народников совпадают...»[1] — писал В. И. Ленин. Они заключались в ставке на крестьянство, в идеализации крестьянской общины.

Характеризуя процесс развития передовой мысли в России, Ленин отмечал, что она «жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области»[2]. Не могли остаться в стороне от этого и революционные народники. Некоторые из них даже участвовали в международном социалистическом движении[3].

Однако пропагандировавшаяся народниками идея «исключительности» российского пути к социализму, их заговорщическая тактика придали процессу изучения революционного опыта Запада и сопоставления его с российским явную односторонность. Народники обращались к марксизму главным образом затем, чтобы лишний раз «доказать» его «чужеродность» для России, его «неприложимость» к российским условиям. Утопические идеи «крестьянского социализма» лишали даже самых вдумчивых и принципиальных представителей народничества возможности понять основные идеи марксизма, его всеобщность[4].

Определяющее влияние на народничество в первую пору его существования оказывал бакунизм, которому была свойственна крайняя идеализация крестьянства. Бакунин полагал, что русский народ, иными словами крестьянство, вполне готов к социалистической революции. «Мы должны народ не учить, а бунтовать»[5],— говорил он. Другой принцип, которого неуклонно придерживались первые народники, заключался в отказе от политической борьбы.

Практическим воплощением народнической доктрины стала широко известная эпопея «хождения в народ» в 70-х годах XIX в.— едва ли не единственная во всемирной истории попытка передовой интеллигенции закрепощенной страны вступить вопреки всем официальным запретам в прямой контакт со своим забитым веками угнетения

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 529.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 7—8.
[3] См. настоящее издание, т. 1.
[4] Подробнее см.: *Б. П. Козьмин.* Русская секция Первого Интернационала. М., 1957.
[5] Цит. по: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 392.

народом, с тем чтобы просветить его и поднять на борьбу за свое освобождение. К весне 1874 г. движение охватило обширнейшую часть территории Российской империи — не менее 37 губерний. Но результаты его были более чем неутешительными для народников: миф о «природном социализме» русского мужика полностью развеялся[1]. Жертвы — а к осени 1874 г. свыше тысячи человек оказались в тюрьмах — себя не оправдали. Анархизм в России, писал В. И. Ленин позднее, «имел возможность в прошлом (70-е годы XIX века) развиться необыкновенно пышно и обнаружить до конца свою неверность, свою непригодность как руководящей теории для революционного класса»[2].

Под давлением обстоятельств революционные народники вынуждены были отбросить один из основных принципов анархистского учения — неучастие в политической борьбе, поняв, что без свержения самодержавия — оплота всего реакционного и ретроградного в России — своих целей они не достигнут. С этим поворотом связано создание организации «Народная воля» (1879 г.). Однако она ориентировала своих сторонников на индивидуальный террор против представителей власти как ведущую форму политической борьбы. «Народная воля» обратила свое внимание не только на крестьянство, но и на другие слои населения. Народовольцы, отмечал В. И. Ленин, «постарались привлечь к своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием»[3]. Естественно, что среди недовольных все большее значение приобретали рабочие. Правда, связи между революционными народниками и пролетариями существовали и ранее; последние участвовали в народнических кружках, как единственно доступной в начале 70-х годов форме приобщения к организации. Народники же, привлекая на свою сторону рабочих, имели целью прежде всего использовать их для пропаганды среди крестьян. Более того, народники рассматривали рабочих не как самостоятельную социальную прослойку, а как тех же крестьян, для которых фабрика только вид отхожего промысла: «Это не оторванная от крестьянства масса, а часть того же самого крестьянства»[4].

Развитие капиталистических отношений, рост рабочего класса и усиление его массовой борьбы не изменили взгляда народников на пролетариат как на вспомогательную силу в революционной борьбе; лишь активизировались их попытки усилить влияние на пролетариат, обладавший, как становилось ясно многим, огромными потенциальными возможностями. В начале 80-х годов народовольческие кружки среди рабочих, существовавшие в ряде крупных городов,

[1] См. *Ю. З. Полевой.* Зарождение марксизма в России. 1883—1894 гг. М., 1959, стр. 49.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 15.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 135.

[4] «Революционная журналистика семидесятых годов». Ростов н/Д., [б. г.], стр. 196.

охватывали до 1,5 тыс. человек[1]. Народническая пропаганда способствовала просвещению передовых рабочих, приобщала к общедемократической борьбе, но не могла пробудить у них классового сознания, не открывала путей, к которым они стихийно стремились. Отсюда постоянные попытки рабочих — участников кружков выйти за рамки народнических представлений. Об этом свидетельствовала, в частности, знаменитая речь П. Алексеева на судебном процессе по делу Всероссийской революционной организации (март 1877 г.).

Еще более явственно данная тенденция сказалась на деятельности первых политических рабочих организаций второй половины 70-х — начала 80-х годов, о которых шла речь выше. Разумеется, в тех условиях народническая идеология не могла не оказывать на них существенное влияние. Оно проявилось, например, в том, что в их программных документах не сформулирована идея о пролетариате как самостоятельном классе, способном возглавить остальные революционные силы. Но уже существовало понимание того, что пролетариат — передовой класс, которому принадлежит важная роль в освободительном движении. Как уже отмечалось, об этом говорилось в программе «Северного союза русских рабочих», принятой в декабре 1878 г. Между тем даже в изданной два года спустя «Программе рабочих — членов партии «Народной воли»» содержалось традиционное утверждение о крестьянстве как «главной народной силе»[2].

Расхождение между народниками-семидесятниками и передовыми представителями пролетариата сказалось наиболее очевидно в вопросе о политической борьбе, необходимость которой последние отстаивали вопреки народнической доктрине. В 1879 г. газета «Земля и воля» выступила против того, что деятели «Северного союза русских рабочих» «уделяют слишком много времени» данному вопросу. В своем ответе члены «Союза» доказывали, что политическая свобода является важным условием «для скорейшего переворота», необходимой предпосылкой уничтожения социального гнета. Другое обвинение, против которого так же аргументированно возражали деятели «Северного союза», касалось «подражания немецкой социал-демократии». Разумеется, в действительности речь шла не о подражании, а об использовании опыта западноевропейского социалистического движения. Деятели «Северного союза русских рабочих» в своем ответе признавали, что они пропитались духом различных программ Запада[3].

Разумеется, окончательное оформление пролетарского идейного течения, свободного от влияния народнических идей, было делом

[1] См. «История рабочего класса России. 1861—1900 гг.». М., 1972, стр. 109.

[2] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1. М., 1964, стр. 85.

[3] См. «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2. Сборник документов и материалов. М., 1950, стр. 244, 245.

будущего. Завершение этого процесса затянулось среди других причин из-за репрессий 80-х годов, спровоцированных убийством царя и другими действиями народовольцев.

Терроризм и заговорщичество, пришедшие на смену «хождению в народ», объективно являлись своего рода дурной антитезой наивности молодых интеллигентов, рядившихся в «мужицкую» одежду и «мужицким» языком разъяснявших крестьянам «их же пользу». Но к террору народники обратились, не видя других средств борьбы за счастье народных масс. Террористы-восьмидесятники вошли в историю российского освободительного движения как «рыцари без страха и упрека». Впервые в истории страны они показали реальную силу организованных революционеров,— силу, перед которой трепетали цари.

Личное мужество и героизм народников, жертвы, которые они понесли в неравной борьбе с царизмом, снискали им подлинное уважение и среди русской интеллигенции, и далеко за рубежами России. «Несомненно,— писал Ленин,— эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали... воспитанию русского народа. Но своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть»[1]. Не могли достигнуть прежде всего потому, что гражданское мужество героев революционного народничества находилось в непримиримом противоречии с их идейной незрелостью. Отрывая политическую систему от ее социально-экономической основы, они рассматривали самодержавие как некий надклассовый, а следовательно, легко устранимый орган. Ликвидация при помощи террора правящей верхушки должна была обеспечить прыжок прямо в социализм, минуя капиталистическую стадию развития.

Несостоятельность этой утопической концепции обнаружилась очень скоро, после убийства Александра II в 1881 г., когда народническое движение вступило в полосу неразрешимого кризиса. Уже сам факт перехода к участию в политической борьбе означал пересмотр народнической доктрины, взрывал ее изнутри. Форма же этого перехода — развертывание индивидуального террора — исключала возможность добиться сколько-нибудь реальных успехов в попытках сокрушить самодержавие.

Характеризуя революционное народничество, В. И. Ленин писал, что оно сделало «крупный *шаг вперед*» по сравнению с идеологами 60-х годов, «*поставив* перед общественной мыслью» вопросы, которых последние еще не могли (в то время) поставить,— это прежде всего вопрос о капитализме[2]. Решение этого вопроса, данное народниками, было, однако, совершенно неудовлетворительным.

Но народнические идеи, хотя действительность и опровергала их, оказались необычайно живучими. Причину этого удалось рас-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 531—540.

крыть только В. И. Ленину, установившему, что социально-экономическая сущность народничества заключалась «в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя»[1]. Двойственность, свойственная мелкой буржуазии, определила в конечном счете сочетание в идеологии революционного народничества самых различных черт. По оценке Ленина, народническую доктрину составляли «элементы *демократии*
+ утопический социализм
+ мелкобуржуазные реформы
+ реакционность мелкого буржуа»[2].

Для ранних народников особенно характерны первые два элемента, названные Лениным. Их популярность определялась не только личным обаянием и бесстрашием участников «хождения в народ» и народовольцев. Еще более важны были такие черты, как резкий протест против либеральной умеренности, прямая ставка на действия угнетенных и эксплуатируемых, горячее сочувствие им[3].

В. И. Ленин подчеркивал, что народничество представляло собой идеологию «*мелкобуржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского»»[4], и в этом видел историческое содержание народничества. Следовательно, Ленин непосредственно связывал оценку народничества с характеристикой двух возможных путей капиталистического развития сельского хозяйства, причем именно боевой крестьянский демократизм, без которого американский путь был немыслим, давал основания рассчитывать, что русское крестьянство поддержит пролетариат в его решительной борьбе за революционную ликвидацию всех пережитков крепостничества, включая самодержавие. Именно так и произошло впоследствии в ходе трех русских революций.

Идейно-теоретические основы народничества стали предметом критики со стороны представителей российского освободительного движения еще в начале 70-х годов. Исходила она от участников Русской секции I Интернационала, основанной группой последователей Чернышевского и находившейся в постоянном контакте с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Однако неразвитость капиталистических отношений того времени в России являлась существенным препятствием к усвоению того, что только марксизм дает ключ к адекватному отражению действительности и может стать надежной идейно-теоретической основой революционного движения в стране.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 422.
[2] *В. И. Ленин.* Тетради по аграрному вопросу. 1900—1916. М., 1969, стр. 21—22.
[3] См. *И. К. Пантин.* Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973, стр. 133.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 47, стр. 229; см. «В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в.». Л., 1969, стр. 168—170.

Как известно, «Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами»[1]. Об этом неоднократно говорили сами классики марксизма; им были вполне ясны исполинские революционные потенции нашей страны, реализация которых не могла не оказать огромное влияние на весь ход мирового революционного процесса. Так, Ф. Энгельс в 1880 г. писал одной русской корреспондентке: «Мы живейшим образом интересуемся всем, что способствует... хотя бы косвенным образом, революционному движению в такой стране, как Россия...»[2] Именно поэтому Маркс и Энгельс придавали очень большое значение распространению своего учения в России. С большим удовлетворением воспринял К. Маркс выход в 1872 г. русского издания I тома «Капитала», опубликованного весьма высоким по тому времени тиражом в 3 тыс. экз.; то был первый перевод бессмертного произведения Маркса на другой язык.

Но в 70-х годах Марксу и Энгельсу приходилось в своих контактах с Россией иметь дело не со сторонниками своего учения — таковых там еще не было, а с народниками, придерживавшимися, как мы знаем, совсем иных воззрений на перспективы и движущие силы освободительной борьбы в России. Многие из них, прежде всего П. Л. Лавров, Г. А. Лопатин, Н. Ф. Даниельсон, а также С. М. Степняк-Кравчинский, Н. А. Морозов и др., поддерживали с Марксом и Энгельсом личные отношения, вели с ними переписку, одобряли те или иные аспекты их мировоззрения[3]. Но они ограничивали применение марксистского учения западными странами, а труды основоположников марксизма использовали главным образом как материал для обличения капиталистического строя, опуская важнейшее в них. Тем не менее народники-семидесятники сделали немало для популяризации различных произведений Маркса и Энгельса в России. В начале 80-х годов Маркс мог написать: «Некоторые *из недавно опубликованных русских изданий*, отпечатанных на Святой Руси, а не за границей, свидетельствуют о быстром распространении моих теорий в этой стране. Нигде мой успех не мог бы быть для меня более приятен...»[4]

К этому времени положение начало существенно меняться: у Маркса и Энгельса появились в России первые подлинные ученики и последователи, вступившие на путь разрыва с народничеством. Первоочередных причин тому было две. Во-первых, процесс социально-экономического развития страны показал, что капитализм завоевы-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 13.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 357.
[3] См. *С. С. Волк.* Карл Маркс и русские общественные деятели. Л., 1969; *Р. Конюшая.* Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 35, стр. 342.

вает одну позицию за другой. Росло стихийное рабочее движение, множились стачечные выступления пролетариата, создавались первые его организации. Во-вторых, окончательно определилась победа марксизма над всеми другими социалистическими учениями в странах Западной Европы. А, как отмечал В. И. Ленин, «благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире»[1]. Не удивительно поэтому, что как раз в период правления Александра III в России были сделаны первые крупные шаги по усвоению единственно верной теории социализма и применению ее к российским условиям. «Именно в эту эпоху,— писал В. И. Ленин,— всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического миросозерцания»[2]. Выдающуюся роль в этом сыграл Г. В. Плеханов.

Свою революционную деятельность Г. В. Плеханов начал в народническом движении. Однако переход народовольцев к тактике индивидуального террора, которую Плеханов решительно осуждал, стал для него толчком к разрыву с народниками. А основательное изучение трудов основоположников научного социализма, к которому Плеханов приступил после своей эмиграции из России в 1880 г., знакомство с рабочим движением западноевропейских стран, с его видными деятелями ускорили перелом в его мировоззрении.

О начавшемся отходе Г. В. Плеханова от субъективной социологии народничества свидетельствует, в частности, написанное им в 1880 г. от имени редакции народнического «Черного передела» приветствие нелегальному съезду СДПГ. «Германская социал-демократия всегда играла выдающуюся роль в великой борьбе, ведущейся под знаменем освобождения труда от гнета капитала, — говорилось в этом письме.— Ее теоретики были провозвестниками и основоположниками современного научного социализма,— ее организация и всегда свойственные ей солидарность и дисциплина, с одной стороны, служили примером для социалистов других стран, с другой стороны, внушали с давних пор страх и тревогу международной буржуазии.

Как ваши друзья, так и ваши враги прекрасно понимают, что борьба эта носит международный характер, поэтому всякий успех вашей партии будит надежды и радость в сердцах ваших друзей... Русские социалисты не были безучастными зрителями в этой борьбе. Всегда озабоченные тем, как отразить преследования одного из самых реакционных правительств, вынужденные приспосабливать свою деятельность к определенным своеобразным условиям своей страны, русские социалисты тем не менее никогда не забывали о том, что

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 8.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 331.

их цели, в общем и целом, вполне совпадают с целями социалистов всех цивилизованных стран...»[1]

Так в недрах революционного народничества, прежде всего в среде чернопередельцев, крепла тенденция к разрыву с народническими иллюзиями, зарождалось тяготение к марксизму[2].

Огромную роль, сыгранную Плехановым в российском и международном рабочем движении в первое двадцатилетие его марксистской деятельности, не раз отмечал В. И. Ленин. В ситуации, при которой от Плеханова потребовалось чуть ли не в одиночку выступить против своих вчерашних сподвижников, он проявил большое мужество и принципиальность. Сформированная им группа «Освобождение труда», в которую вошли бывшие народники В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. Н. Игнатов, положила начало идейной подготовке создания рабочей партии в России.

Основные задачи группы «Освобождение труда» заключались в: 1) распространении идей научного социализма посредством перевода на русский язык произведений Маркса и Энгельса, а также их последователей; 2) критике господствовавших в русском освободительном движении взглядов и разработке важнейших вопросов русской общественной жизни с позиций научного социализма и в соответствии с интересами трудящихся классов страны[3].

Критику народнической идеологии Плеханов начал работой «Социализм и политическая борьба», опубликованной в первом выпуске «Библиотеки современного социализма», к изданию которой приступила группа «Освобождение труда» в 1883 г. Тема этого выпуска была как нельзя более актуальна ввиду того, что народники настойчиво старались отделить социализм и политическую борьбу непроходимой пропастью. В. И. Ленин впоследствии оценил эту работу Плеханова очень высоко. «Первое profession de foi всемирного социализма, «Коммунистический манифест»,— писал Ленин,— установил уже ту, ставшую с тех пор азбучной, истину... что рабочее движение только тогда перерастает стадию зародышевого состояния и детства, только тогда становится *классовым* движением, когда переходит к политической борьбе. Первое profession de foi русского со-

[1] «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова», т. II. М., 1973, стр. 317.

[2] О том, что эта тенденция имела более общий характер, свидетельствуют программные документы группы, в которую входил А. И. Ульянов. В них сказано, что разногласия группы с социал-демократами «очень несущественны». И хотя в действительности это было не так (например, в вопросе о терроре как средстве освободительного движения), некоторые программные положения группы были сформулированы под влиянием марксизма. А. И. Ульянов высказывался за желательность объединения с социал-демократами в интересах общего натиска на самодержавие (см. «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». М.—Л., 1927).

[3] См. *Г. В. Плеханов.* Сочинения, т. II, стр. 22—23.

циал-демократизма, брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба», вышедшая в 1883 г., подтверждала эту истину в применении к России и показала, как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы»[1].

Уже в первых своих марксистских выступлениях Плеханов «указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии...»[2]. Но для ее решения необходимо было провести огромную подготовительную работу. В 80-х годах и первой половине 90-х годов эта работа легла в основном на плечи Плеханова и его соратников из группы «Освобождение труда». За это время они издали несколько десятков переводных и оригинальных работ, посвященных самым животрепещущим проблемам международного и российского освободительного движения. Широко распространявшиеся в России, эти работы сыграли огромную роль в усвоении марксизма передовой частью рабочего класса, интеллигенции, молодежи[3].

В трудах «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «К вопросу о роли личности в истории» и многих других Плеханов выступил против субъективного метода в социологии, доказал несостоятельность народнической идеологии вообще. В. И. Ленин нередко опирался на эти произведения в своих выступлениях против народников. Отвечая в ходе полемики с ними на вопрос о том, «должна ли Россия пройти через капиталистическую фазу развития», Плеханов, отмечал Ленин, говорил именно так, как только и мог говорить марксист: «Он оставил совершенно в стороне вопрос о долженствовании, как праздный и могущий интересовать лишь субъективистов, и все время говорил лишь о действительных общественно-экономических отношениях, о действительной их эволюции»[4].

Деятельность группы «Освобождение труда», прежде всего ее основателя и руководителя, вывела русскую освободительную мысль на широкую мировую арену. Г. В. Плеханов стал первым русским революционером-марксистом, получившим международное признание. Как уже указывалось, многие его труды издавались за рубежом и внесли определенный вклад в развитие марксистского учения. Г. В. Плеханов не успел познакомиться с Марксом лично, но он был инициатором обращения русских революционеров к Марксу и Энгельсу с просьбой написать предисловие к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», перевод которого осуществил сам. Предисловие, датированное январем 1882 г., было получе-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 311—312.
[2] Там же, стр. 251.
[3] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, стр. 168.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 197, 198.

но в кратчайший срок: Маркс и Энгельс придавали этому документу особое значение. «...Россия,— писали они,— представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»[1], и эти слова не могли не воодушевить борцов против ненавистного царского режима.

В годы, последовавшие за созданием группы «Освобождение труда», Энгельс убедился, что это действительно марксистская организация, и с большим вниманием следил за ее деятельностью. Он пришел к выводу, что только ей можно доверять издание его и Маркса работ на русском языке[2]. «...Я горжусь тем,— писал он в 1885 г. В. Засулич,— что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России»[3].

Связи группы «Освобождение труда» с Энгельсом стали особенно интенсивными с конца 80-х годов. В период непосредственной подготовки создания нового Интернационала, когда важно было собрать максимальное количество подписей под извещением о созыве марксистского конгресса и возникли трудности с получением их у русских социалистов (Лавров сначала колебался, согласие дал один Степняк-Кравчинский), важную роль сыграло безоговорочное присоединение к извещению Плеханова, Засулич и Аксельрода[4]. На самом социалистическом конгрессе 1889 г. в Париже выступил Плеханов, заявивший, что «старые хозяйственные основы России находятся в процессе полного разложения... крупная фабричная промышленность растет». Задачи русских социал-демократов заключаются в том, чтобы усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и приступом взять твердыню самодержавия. Речь Плеханова — первое публичное выступление русских марксистов на международном конгрессе — заканчивалась словами: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих»[5].

После конгресса Плеханов посетил Лондон, где в течение недели вел длительные беседы с Энгельсом. На Цюрихском конгрессе II Ин-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 305.
[2] См. *Г. С. Жуйков*. Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975, стр. 138.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 260.
[4] См. *Б. Г. Тартаковский*. Фридрих Энгельс — советник и учитель международного пролетариата (1875—1895). М., 1966, стр. 214; *его же*. Фридрих Энгельс и рабочее движение в России во второй половине XIX в.— «Ежегодник германской истории. 1968». М., 1969.
[5] *Г. В. Плеханов*. Избранные философские произведения, т. I. М., 1956, стр. 418—419.

тернационала Плеханову было поручено сделать ответственный доклад о милитаризме. На самом конгрессе, а затем в 1894 г. в Лондоне Плеханов и Засулич особенно тесно сблизились с Энгельсом. В связи с новой активизацией анархистов в это время Плеханов по просьбе германских социал-демократов написал книгу «Анархизм и социализм», вышедшую в 1894 г. и переведенную почти на все европейские языки (ее существенные недостатки в трактовке вопроса о государстве не привлекли тогда внимания; позднее В. И. Ленин подверг их критике в работе «Государство и революция»).

Распространение и упрочение идей научного социализма в российском освободительном движении, деятельность группы «Освобождение труда» в целом имели успех прежде всего потому, что в 80-х годах, а еще более в начале 90-х годов в России неуклонно росло число социал-демократов, в Петербурге, Москве, Киеве, Варшаве возникали кружки и группы марксистов, начиналась активная пропаганда марксизма среди передовых рабочих. Почвой для этого служила объективная российская действительность, особенно усиление рабочего движения.

В 80-х годах наиболее заметными социал-демократическими образованиями в России были группа Д. Благоева и кружок П. В. Точисского в Петербурге, кружки Н. Е. Федосеева в Казани[1].

Группа Благоева образовалась в 1883 г. почти одновременно с группой «Освобождение труда» (в 1884 г. она — впервые в России — стала называться партией русских социал-демократов)[2]. Выработанная благоевцами программа, хотя и не была свободна от лассальянских идей, в целом стояла на позициях марксизма. Переписка с группой «Освобождение труда» по программным вопросам оказала большое влияние на дальнейший теоретический рост группы Благоева и в свою очередь помогла Г. В. Плеханову существенно улучшить свой второй проект социал-демократической программы.

Социал-демократическую пропаганду среди рабочих Благоев и его соратники считали одной из главных своих задач; они вели ее среди рабочих Васильевского острова, Невской заставы, Петербургской и Выборгской сторон. Большим событием в революционном движении середины 80-х годов было издание этой группой газеты «Рабочий» — первая попытка создания в России социал-демократической рабочей прессы.

Возникшая в 1885 г. независимо от группы Благоева другая петербургская социал-демократическая организация — группа Точисского (Товарищество санкт-петербургских мастеровых) — вовлекла в свою деятельность передовых рабочих Н. Васильева, Е. А. Климанова (Афанасьева), В. А. Шелгунова, В. В. Буянова, И. И. Тимофеева и др. Она развернула пропаганду марксизма на крупнейших

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, стр. 142—253.

[2] См. *Д. Благоев.* Мои воспоминания. М.—Л., 1928, стр. 37.

предприятиях Петербурга: Александровском, Обуховском, Балтийском заводах, в Арсенале, на табачной фабрике «Лаферм» и других предприятиях.

В распространении марксизма в России, по свидетельству В. И. Ленина, огромной была роль Н. Е. Федосеева — «этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»[1]. В 1887—1888 гг. сложилось ядро центрального федосеевского кружка в Казани. Затем вокруг него сформировалось несколько низовых кружков.

В конце 80-х — начале 90-х годов база социал-демократического движения в России существенно расширяется. Все новые кружки и группы марксистов пытаются наладить связи с рабочим движением. Одной из наиболее влиятельных социал-демократических организаций того времени была группа петербургских марксистов во главе с М. И. Брусневым. Она образовалась в 1889 г. посредством слияния нескольких студенческих кружков в социалистическое общество. В нем состояли будущие соратники В. И. Ленина по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» — Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. Л. Малченко, Н. К. Крупская. Его активными деятелями стали некоторые рабочие, ранее участвовавшие в Товариществе санкт-петербургских мастеровых.

Уже в 1890 г. вокруг центрального рабочего и центрального интеллигентского кружков, возглавлявших организацию, сложилось более двадцати рабочих кружков. Они действовали почти во всех районах Петербурга. Своей главной целью группа, по воспоминаниям М. И. Бруснева, считала формирование из участников этих кружков «вполне развитых и сознательных социал-демократов, которые во всем могли бы заменить пропагандистов-интеллигентов»[2].

Одной из ярких страниц истории брусневской организации было участие в 1891 г. около ста рабочих-брусневцев в похоронах известного публициста, представителя революционно-демократического крыла русского освободительного движения Н. В. Шелгунова, превратившихся в настоящую политическую демонстрацию. Ими же была организована первая в России маевка, о которой уже шла речь выше. «Группа Бруснева вела пропаганду марксизма в узком кругу передовых рабочих. И все же это была самая многочисленная и наиболее деятельная социал-демократическая организация того времени. Воспитывая рабочих социал-демократов, организуя политические выступления пролетариев, группа сделала первые попытки сблизиться с рабочим движением»[3].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 325.
[2] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. 2. М., 1952. стр. 106—107.
[3] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, стр. 162.

Ожесточенная идейная борьба в российском освободительном движении в 80—90-х годах шла под знаком поисков правильной революционной теории. То был, по словам В. И. Ленина, «утробный период» развития марксизма в России, когда ему еще приходилось доказывать свою применимость в сложных условиях российской действительности. Тем не менее в России этот период оказался гораздо короче, чем в западноевропейских странах. Уже к середине 90-х годов учение Маркса «завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России»[1]. Но это еще не означало победы научного социализма в российском освободительном движении. «Группа «Освобождение труда» лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению»[2]. Не была завершена задача идейного разгрома народничества, не были разработаны коренные вопросы русской революции, в том числе ее движущих сил на разных этапах, отношения к крестьянству, путей соединения социализма с рабочим движением, принципов строительства пролетарской партии и др. Решил эти вопросы в теоретическом плане и возглавил борьбу за их практическое осуществление В. И. Ленин.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ЛЕНИНА. ПЕТЕРБУРГСКИЙ «СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

В середине 90-х годов освободительное движение в России вступает в новый, пролетарский этап. Ширятся протесты рабочих против невыносимых условий жизни и труда, все более массовой и организованной становится их борьба против эксплуатации и бесправия. На арену исторического действия выходит российская социал-демократия «как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия»[3]. Этот переход на более высокую ступень движения, обусловленный новыми процессами в социально-экономической жизни российского общества конца XIX в., неразрывно связан с активной революционной деятельностью В. И. Ульянова-Ленина, сыгравшего историческую роль в развитии не только российского, но и всемирного освободительного движения.

Становлению Ленина как пролетарского революционера во многом способствовала семейная и общественно-политическая обстановка, в которой протекали его детство и юность. В семье Ульяновых царила атмосфера глубокого уважения к лучшим демократическим традициям русской культуры, в особенности ее революционной струи, связанной с именами Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Под

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 31.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 132.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 180.

ее воздействием В. И. Ленин с юношеских лет глубоко осознает всю несправедливость господствовавших в стране порядков, необходимость коренного переустройства общества. В свою очередь крах народничества как идеологии и практики освободительной борьбы со всей остротой поставил перед революционной молодежью вопрос о новых, действенных путях борьбы против несправедливого общественного устройства. В. И. Ленин понял и прочувствовал это особенно глубоко. Принятое им решение — идти по пути, указанному Марксом и Энгельсом, было продиктовано не только нарастающим разочарованием молодежи в народничестве и усилением общего интереса к марксизму, но и трагической судьбой его старшего брата, Александра Ильича Ульянова, казненного в мае 1887 г. за участие в попытке убийства Александра III.

Выводом, который сделал 17-летний Володя Ульянов из глубоко потрясшего его известия о казни брата, было: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти»[1]. К основательному изучению марксизма В. И. Ленин приступил в 1888 г.; особенно усердно он штудировал «Капитал» Маркса. А затем Ленин вступает в один из марксистских кружков, организованных в Казани Н. Е. Федосеевым.

В последующие несколько лет, составивших так называемый самарский период жизни и деятельности В. И. Ленина (1889—1893 гг.), его занятия теорией марксизма становятся все более углубленными и целенаправленными. Он внимательнейшим образом изучает все произведения Маркса и Энгельса, которые удается заполучить в провинциальной Самаре: «Нищету философии», «Манифест Коммунистической партии», «Положение рабочего класса в Англии», «Анти-Дюринг» и др. Одновременно он пытается применить Марксову методологию исследования общественных явлений к российской действительности. Особое внимание при этом В. И. Ленин уделяет, как это требовала борьба с заблуждениями идеологов народничества, анализу развития пореформенной деревни: он знакомится с сельскохозяйственной статистикой, с литературой об экономике российской деревни, критически изучает сочинения экономистов народнического направления — В. П. Воронцова, Н. Ф. Даниельсона, Н. А. Карышева, С. Н. Южакова.

Первые итоги этой работы были изложены В. И. Лениным в статье «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. По поводу книги В. Е. Постникова — «Южно-русское крестьянское хозяйство»»[2]. Написанная весной 1893 г., она показывает, сколь далеко уже тогда продвинулся В. И. Ленин в исследовании важнейших процессов в экономике России конца XIX в. Переработав и переосмыслив большой фактический материал, приведенный в книге Постникова, сопоставив его с данными, почерпнутыми в других источни-

[1] «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1. М., 1968, стр. 144.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 1—66.

ках, В. И. Ленин сумел доказать «буржуазность экономических отношений в крестьянстве», наличие в нем антагонистических слоев[1], а следовательно, и тщетность надежд на незыблемость общины перед лицом растущего и распространяющегося капитализма. Тем самым на основе тщательного анализа явлений российской действительности были убедительно подтверждены положения марксизма о том, что надежды на социальный прогресс следует связывать с рабочим классом.

Наряду с исследованием тенденций социально-экономического развития России Ленин придавал большое значение изучению теоретической и практической деятельности социал-демократических партий западноевропейских стран. Его внимание привлекала прежде всего наиболее авторитетная в то время германская социал-демократия, опыт которой представлял для молодого рабочего движения России особый интерес, ибо эта партия успешно сочетала легальные и нелегальные методы борьбы в годы «исключительного закона» против социалистов. Информацию о европейских рабочих организациях В. И. Ленин получал главным образом из теоретического журнала СДПГ «Нойе цайт».

Общие принципы марксизма, считал Ленин, являются незыблемой основой развития революционной теории в международном масштабе. Важнейшая отличительная черта революционного процесса — его единство, поэтому он высоко ценил накопленный опыт борьбы. Но применение опыта не означает копирования; оно должно быть творческим. «История социализма и демократии в Западной Европе,— писал Ленин позднее, в конце 90-х годов,— история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения,— таков тот *материал*, которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии. «Обработка» этого материала должна быть однако самостоятельная, ибо готовых образцов нам искать негде...»[2]

Имевшийся опыт не давал и не мог дать полного ответа на коренные вопросы, вставшие перед российским революционным движением последнего десятилетия XIX в. Русским марксистам предстояло найти пути превращения крайне немногочисленной тогда социал-демократии в политический авангард рабочего класса России. Углубленно занимаясь теорией марксизма, В. И. Ленин пытается втянуть в эту работу и немногочисленную в Самаре того времени прослойку революционно настроенной молодежи, ведет пропаганду марксизма, показывает несостоятельность народнических идей об «особом» пути России к социализму. В 1892 г. он организует кружок, объединивший первых самарских марксистов[3]. Но в Самаре не было

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 1—2, 3—4.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 189—190.
[3] См. «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника», т. 1. 1870—1905. М., 1970, стр. 71.

условий для проведения социал-демократической работы в таких масштабах, к каким уже был всесторонне подготовлен Ленин. И он рвется туда, где обстановка максимально благоприятствовала решению коренных задач рабочего движения,— в Петербург.

Несмотря на особую строгость полицейского надзора в столице, Петербург объективно более всех других российских городов созрел для собирания разрозненных сил социал-демократии и соединения научного социализма с массовым рабочим движением. Здесь не только сосредоточивались значительные массы рабочих, но сам состав их отличался высокой долей потомственных пролетариев; здесь было много предприятий машиностроения и металлообработки с высоким удельным весом квалифицированных и грамотных рабочих, лучше других подготовленных к восприятию социал-демократической пропаганды и агитации. Вместе с тем нормы капиталистической эксплуатации в Петербурге были значительно выше, чем в какой-либо другой местности России. Не удивительно, что здесь сложились устойчивые традиции протеста против тяжелых условий труда и быта, в том числе традиции стачечной борьбы.

Наиболее сильными были здесь и традиции революционной, в том числе социал-демократической, пропаганды среди рабочих. Правда, в 1893 г., когда В. И. Ленин переехал в Петербург, местные социал-демократы еще не вполне оправились от разгрома группы М. Бруснева, происшедшего в предыдущем году. Тем не менее в городе снова действовало несколько революционных кружков, наибольшим из которых был созданный уцелевшим от ареста членом брусневской организации С. И. Радченко «кружок технологов» (большинство его участников были студентами Технологического института). Особенно важное значение имел переход к этому кружку многих связей с рабочими, в том числе с такими известными революционерами, как В. А. Шелгунов, К. Норинский, В. Фомин.

Петербургский период деятельности В. И. Ленина охватывает всего лишь немногим более двух лет — до декабря 1895 г., когда он и целая группа его товарищей по подполью были схвачены царской полицией. Но то было время чрезвычайно насыщенное и плодотворное. Основными направлениями деятельности В. И. Ленина и его соратников в эти два года были: существенное расширение масштабов пропаганды марксизма и идейный разгром народничества; переход от пропаганды в кружках к агитации среди широких масс рабочих; создание социал-демократической организации «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», под руководством которого в 1895—1896 гг. в Петербурге произошел невиданной силы подъем массового рабочего движения.

Уже в октябре 1893 г. В. И. Ленин вступил в «кружок технологов». Сразу же выяснилось, что даже этот кружок, наиболее сильный и по своему составу (в него вместе с С. И. Радченко входили М. А. Сильвин, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков и др.), и своими

связями с передовыми пролетариями, не отвечал более задачам дня. «Весьма тяжеловесная, преподавательская пропаганда»[1] являлась главным содержанием его работы. Недостаточность ее чувствовали и сами кружковцы. Но они не умели вырваться из привычного круга представлений. Вступление В. И. Ленина внесло свежую струю в жизнь кружка. Постепенно сложилась гораздо более широкая, чем прежде, программа деятельности, которая отвечала главной задаче — соединить стихийное движение с научным социализмом, возглавить борьбу рабочего класса против эксплуатации и бесправия.

Переломным моментом в истории «кружка технологов» стало заседание в конце ноября 1893 г., на котором с рефератом на тему «Вопрос о рынках» выступил Г. Б. Красин. Именно в этом вопросе идеологи народничества пытались нанести удар по марксизму, доказать его «неприменимость» к русским условиям. Их главные доводы состояли в том, что капитализм якобы не имеет в российской экономике простора для развития, что узость внешнего и особенно внутреннего рынков обрекает его на прозябание и отступление. Однако Красин оспаривал эти доводы чересчур абстрактно, да к тому же допустил в своих построениях ряд методологических ошибок. Критика В. И. Лениным реферата Красина произвела неизгладимое впечатление на присутствовавших. Она обнаружила и блестящее знание Лениным «Капитала» К. Маркса, и умение анализировать явления экономической жизни, исходя из Марксовой методологии и опираясь на огромный фактический материал, и особенно способность делать из анализа, казалось бы, академического вопроса выводы, касающиеся практических задач русских социал-демократов[2].

В. И. Ленин полностью отдавал себе отчет, что соединение социализма с рабочим движением станет действительно прочным только тогда, когда будет покончено с идейным влиянием народничества, которое сказывалось и в рабочей среде. К середине 90-х годов народники имели уже мало общего со своими революционными предшественниками. «...Народничество,— писал Ленин,— прежде безусловно отрицавшее буржуазный либерализм, стало постепенно сливаться с этим последним в одно либерально-народническое направление»[3]. Из народнической программы 70-х годов, в определенной степени отражавшей боевой демократизм крестьянства, заинтересованного в полной ликвидации помещичьего гнета, «выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*»[4]. Характерно, что Ф. Энгельс прозорливо предвидел возможность подобной эволюции; в письме Г. В. Плеханову он подчеркивал, что при виде кру-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 396.
[2] См. *М. А. Сильвин.* Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л., 1958, стр. 44.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 180.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 272.

шения своих надежд «народник, бывший террорист, вполне может кончить тем, что станет приверженцем царизма»[1].

Так оно и произошло, и объективной причиной подобной эволюции, как установил В. И. Ленин, было развитие капитализма, ускорившее дифференциацию крестьянства и превратившее идеологов крестьянского социализма в выразителей интересов мелкой буржуазии — тех ее интересов, которые не имели ничего общего с социализмом, более того, противоречили ему. «Бывши в свое время явлением прогрессивным, как первая постановка вопроса о капитализме,— подчеркивал В. И. Ленин,— народничество является теперь теорией *реакционной* и *вредной*...»[2]

Необходимость завершения идейного разгрома народнической идеологии, начатого работами Г. В. Плеханова, стала особенно актуальной к середине 90-х годов, когда лидеры либерального народничества Михайловский, Воронцов, Кривенко и др., обеспокоенные падением своего влияния, начали ожесточенную кампанию против марксизма, не гнушаясь при этом и всякого рода клеветническими обвинениями.

Марксисты призваны были, не ограничиваясь констатацией факта существования капитализма в России, раскрыть закономерности его развития на русской почве и, главное, социальные последствия этого процесса. Выступление В. И. Ленина на заседании петербургского кружка было только первым шагом в этом направлении. Сделанные им замечания он вскоре переработал в реферат «По поводу так называемого вопроса о рынках»[3], прочитанный на следующем заседании кружка, в котором углубил и расширил аргументацию своей полемики против народников. Реферат в рукописи ходил среди социал-демократов Петербурга, был известен и в некоторых других городах, производя большое впечатление тем, что в нем вопрос о рынках «ставился архиконкретно, связывался с интересами масс», что «чувствовался во всем подходе именно живой марксизм»[4].

Поскольку легальная печать была заполнена самодовольными рассуждениями идеологов либерального народничества о неприменимости Марксова учения к России, а также материалами, опошлявшими и прямо искажавшими суть марксизма (особенно усердствовал в этом отношении журнал «Русское богатство», который вели С. Н. Кривенко и Н. К. Михайловский), насущной задачей русских

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 344. В 1894 г. Энгельс в послесловии к своей работе «О социальном вопросе в России» отметил, что «идет во все более ускоряющемся темпе превращение России в капиталистически-промышленную страну...». Энгельс подчеркнул здесь, что русская революция «даст... новый толчок рабочему движению Запада, создаст для него новые лучшие условия борьбы...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 452, 453).

[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 531.

[3] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 67—122.

[4] См. *Н. К. Крупская*. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 10.

марксистов стала такая критика народничества, которая могла бы получить широкое распространение в революционной среде.

За решение этой задачи взялся В. И. Ленин, написавший к лету 1894 г. фундаментальный труд — книгу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов)»[1] и издавший ее тремя выпусками с помощью своих новых петербургских товарищей (прежде всего А. А. Ванеева) и московского социал-демократа А. А. Ганшина.

Крайнее несовершенство техники (гектограф давал не более пятидесяти экземпляров с одного оригинала) было главной причиной небольшого тиража[2]. Тем не менее книга Ленина получила широкую известность (кроме Петербурга она распространялась также в Москве, Чернигове, Полтаве, Владимире, Пензе, Ростове-на-Дону, Киеве, Томске и в других городах), пользовалась огромным успехом среди социал-демократов и «продолжительное время была боевым средством в подпольной пропаганде»[3]. Своим успехом книга обязана тому, что глубоко обоснованная критика народничества подкреплялась творческим развитием ряда важнейших положений теории марксизма.

Первый выпуск посвящен обоснованию материалистического понимания истории в связи с попытками одного из вождей народничества, Н. К. Михайловского, «опровергнуть» такое понимание, противопоставив ему субъективистские концепции общественного развития. Убедительно показав, что доводы Михайловского являются в действительности сочетанием передержек, идеалистических трюизмов и самой заурядной пошлости, В. И. Ленин противопоставил всему этому основы учения Маркса и Энгельса, позволившего «перейти от описания... общественных явлений к строго научному анализу их...»[4], к их исследованию во всей совокупности.

В. И. Ленин подверг уничтожающей критике попытки либеральных народников вульгаризировать учение Маркса, отождествить его с «экономическим материализмом», а метод Маркса — с гегелевским. Ленин раскрыл непригодность субъективного идеализма Михайловского и его единомышленников, гиперболизацию ими роли личности в истории при объяснении социальных явлений и доказал, что его может дать только марксистское учение, исходящее из примата объективных факторов и их сложного, диалектического взаимодействия с субъективными факторами (в том числе и с деятельностью отдельных исторических личностей).

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 125—346.
[2] См. «Хронологический указатель произведений В. И. Ленина», ч. 1. 1886 — февраль 1917. М., 1959, стр. 11; см. также: *Р. Пересветов.* Поиски бесценного наследия (О судьбе некоторых рукописей В. И. Ленина). М., 1963, стр. 5—18.
[3] *М. И. Калинин.* О работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». М., 1952, стр. 20.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

Марксисты основывают свое учение (и свою деятельность) не на благих пожеланиях, а на трезвом анализе действительности, на проникновении в закономерности исторического процесса. Ввиду того что развитие капитализма подготовляет объективные предпосылки социальной революции, для русских марксистов оно было фактом прогрессивного значения, хотя они и понимали, какие огромные страдания это несет трудящимся, особенно в такой отсталой стране, как Россия. Соответственно, писал В. И. Ленин, должна строиться практическая программа русских марксистов: участвовать в движении порожденной капитализмом новой социальной силы — рабочего класса, «содействуя развитию классового самосознания пролетариата, организуя и сплачивая его для политической борьбы против современного режима»[1].

В третьем выпуске[2] содержится критический анализ политической программы и тактики либеральных народников. «Всмотритесь в эту программу,— писал В. И. Ленин,— и вы увидите, что эти господа вполне и целиком становятся на почву современного общества (т. е. на почву капиталистических порядков, чего они не сознают) и хотят отделаться штопаньем и починкой его, не понимая, что все их прогрессы — дешевый кредит, улучшения техники, банки и т.п.— в состоянии только усилить и развить буржуазию»[3].

Критикой верноподданнических взглядов и крохоборческих требований народников 90-х годов В. И. Ленин нанес им сокрушительный удар. Но, в отличие от Плеханова, он не зачеркивал народничество целиком и полностью. В мелкобуржуазной идеологии народников реакционные черты сочетались с прогрессивными. «...Отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий,— указывал В. И. Ленин,— борясь против их реакционных сторон, не следует забывать об их демократической части». Рассматривая вытекающие отсюда задачи, В. И. Ленин подчеркивал, что «борьба рядом с радикальной демократией против абсолютизма и реакционных сословий и учреждений — прямая обязанность рабочего класса, которую и должны внушать ему социал-демократы, не опуская ни на минуту в то же время внушать ему, что борьба против всех этих учреждений необходима лишь как средство для облегчения борьбы против буржуазии...»[4].

Возвращаясь к этой теме уже во всеоружии опыта первой русской революции, Ленин подчеркивал, что «марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс»[5]. Значение этих положений чрезвычайно велико, ибо течения общественной мысли, подобные народническим, и классовые отно-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 202.
[2] Второй выпуск до настоящего времени не разыскан.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 243.
[4] Там же, стр. 298, 301—302.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 121.

шения, которые они отражали, отнюдь не только русское явление. Ленин предвидел, что демократические движения, особенно в странах с многочисленной мелкой буржуазией, могут принимать формы, сходные с теми, которые были характерны для русского народничества[1].

Позиция Плеханова в данном вопросе определялась тем, что он не верил в революционные возможности крестьянства. Это наложило отпечаток и на составленный Г. В. Плехановым второй проект программы русских социал-демократов, в котором содержалось следующее утверждение: «Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства»[2]. Здесь в зародыше заложены основы будущих принципиальных разногласий между Лениным и Плехановым по кардинальным проблемам революции.

Таким образом, книга В. И. Ленина, непосредственной целью которой была критика либерального народничества, в то время одного из главных препятствий соединению научного социализма с рабочим движением, стала развернутой программой деятельности русских марксистов. Здесь уже были сформулированы основные идеи борьбы за гегемонию пролетариата в демократической революции, которые базировались на анализе расстановки классовых сил в России 90-х годов, значительно отличавшейся от той, в которой происходили буржуазные революции XVII — первой половины XIX в. в Западной Европе. Там и тогда буржуазия еще выступала как революционная сила и потому имела возможность играть роль гегемона; в дальнейшем ее революционные потенции оказались в значительной мере подорванными. На рубеже XIX — XX вв. революционность буржуазии в странах развитого капитализма (к которым приближалась и Россия) уже была полностью исчерпана. В России, указывал Ленин, капитал «особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того... чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения»[3].

В этом вопросе Ленину вскоре пришлось столкнуться с непониманием и даже противодействием со стороны таких авторитетных в то время среди марксистов деятелей, как Плеханов и вся группа «Освобождение труда». Плеханов исходил из привычной схемы буржуазной революции и в соответствии с этим считал, что российская либеральная буржуазия, крепнувшая экономически, но лишенная политического влияния, способна к революционной борьбе против самодержавия. Составной частью этой концепции была недооценка революционных возможностей русского крестьянства, которое, по мысли Плеханова, в лучшем случае осталось бы в этой борьбе нейт-

[1] См. «Борьба В. И. Ленина против мелкобуржуазной революционности и авантюризма». М., 1966, стр. 16.

[2] *Г. В. Плеханов.* Избранные философские произведения, т. 1. М., 1956, стр. 378.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 302.

ральным. Последовательно разрабатывая свою концепцию по этому решающему для судеб русской революции вопросу, Ленин выступал как первооткрыватель.

В книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и в последующих своих трудах В. И. Ленин не только доказал реакционность российской буржуазии, но и обосновал неизбежность все большего расхождения ее интересов с интересами основной массы крестьянства[1]. Российские социал-демократы должны были, исходя из этого объективного процесса, выявлять подлинную сущность либеральной буржуазии, содействовать ее политической изоляции. В острой идеологической борьбе решался кардинальный для исторического развития России вопрос: какому классу быть гегемоном все более явственно назревавшей революции — буржуазии или пролетариату?

В концентрированной форме выработанная Лениным программа деятельности русских марксистов была выражена в знаменитых словах, которыми завершался третий выпуск этой работы: «На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации... тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**»[2].

В борьбе против народничества Ленин и его единомышленники в течение некоторого времени сотрудничали с группой «легальных марксистов», называвших себя последователями Маркса и популяризировавших в открытой печати отдельные его идеи (на деле они были тогда буржуазными демократами, и в учении Маркса их более всего привлекала идея прогрессивности капитализма по сравнению с феодальным строем). Это давало революционным марксистам доступ в легальные издания, что было весьма важно в тогдашних условиях. Соглашение с «легальными марксистами»—Струве и другими Ленин считал «первым действительно политическим союзом русской социал-демократии»[3]. Но, сотрудничая с ними, Ленин с самого начала сохранял за собой полную свободу критического анализа их взглядов. Об этом наглядно свидетельствует работа Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»[4], предназначенная для публикации в совместном сборнике «Материалы

[1] Подробнее см.: *И. Б. Гертман.* Проблемы союза рабочего класса и крестьянства в произведениях В. И. Ленина 90-х годов XIX века. М., 1960.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 311—312.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 16.

[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 347—534.

к характеристике нашего хозяйственного развития». Сборник должен был выйти легально, но, уже после того как он был в 1895 г. отпечатан, власти — именно из-за статьи Ленина — запретили его; около 100 экз. все же удалось распространить.

В своей статье Ленин, углубляя критику народничества, полнее проанализировал двойственность его идеологии. Это диктовалось, в частности, неправильной оценкой народничества в работах «легальных марксистов». Так, Струве в своей книге «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894 г.) отождествлял народничество с славянофильством и утверждал, что даже революционные народники не выдвигали демократических требований, отражавших коренные интересы крестьянства. В противовес этому Ленин подчеркивал, что «марксисты должны, отвергнув все реакционные черты их (народников.— *Авт.*) программы, не только принять общедемократические пункты, но и провести их точнее, глубже и дальше»[1].

Но Ленин подверг критике не только взгляды Струве на народничество, но и сами основы воззрений «легальных марксистов», которые он характеризовал как «отражение марксизма в буржуазной литературе». Струвисты стремились приспособить марксистское учение к потребностям либеральных кругов буржуазии, выхолостить его революционное содержание. В. И. Ленин, показывая это, выявил попытки Струве подменить точку зрения марксизма на государство утверждениями о его якобы надклассовом характере, желание навязать марксистам «равноправие» различных мировоззрений, мальтузианский подход к аграрному вопросу и т. п.

Разоблачение Лениным сущности «легального марксизма» было началом последовательной борьбы русских марксистов против правого оппортунизма, выходившей по своему историческому значению за пределы России. Ленин писал позднее: «Струвизм есть не только русское, а... международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством объятий, путем якобы признания «всех» «истинно научных» сторон и элементов марксизма, *кроме* «агитаторской»... стороны его»[2]. Он отвергал претензии «легальных марксистов» на критическое развитие марксизма[3] (этим они предвосхитили ревизионизм Бернштейна).

Возможности совместных легальных выступлений революционных социал-демократов, возглавляемых Лениным, и «легальных марксистов» против народников сокращались из-за цензурных преследований, а тем временем пропасть между воззрениями и целями тех и других становилась все глубже. В 1902 г. Струве уже утверждал, будто «можно быть марксистом, не будучи социалистом»[4]. А спустя

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 530, 531.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 227.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 163.
[4] *П. Струве.* На разные темы. Сборник статей. СПб., 1902, стр. 69.

десятилетия он признал: «В лице Ульянова-Ленина и моем столкнулись две непримиримые концепции — непримиримые морально, политически и социально»[1].

Статья В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» привлекла внимание членов группы «Освобождение труда», в течение длительного времени живших в эмиграции. Как раз тогда Г. В. Плеханов сумел легально издать в Петербурге (под псевдонимом Н. Бельтов) одну из самых блестящих своих работ — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в которой подверг беспощадной критике идеалистическую в своей основе философию народничества. Он и его соратники с удовлетворением приняли появление в рядах русских марксистов человека, который последовательно и глубоко вскрывал сущность народничества как идеологии и политики мелкой буржуазии, эволюцию его правого крыла в сторону буржуазного либерализма.

Однако взгляд Плеханова на «легальных марксистов» не вполне совпадал с ленинским. Например, в призыве Струве пойти на «выучку к капитализму» он увидел лишь неудачный оборот речи[2]. Сходную позицию занял Ю. О. Цедербаум (впоследствии один из лидеров меньшевизма, известный под псевдонимом Л. Мартов), расценивший книгу Струве, раскритикованную В. И. Лениным, как «первое систематическое изложение символа веры марксистов в легальной печати». Тем большее значение имели предостережения Ленина, его принципиальная, глубоко научная критика первого на русской почве оппортунистического течения.

«Литературные выступления русских марксистов,— писал Ленин позднее,— были непосредственным предшественником выступлений на борьбу пролетариата, знаменитых петербургских стачек 1896 года, которые открыли эру неуклонно поднимавшегося затем рабочего движения...»[3] Этот исторический сдвиг произошел под воздействием и при непосредственном участии созданной Лениным организации социал-демократов «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В особенности большое значение имел осуществленный ею переход от пропаганды в рабочих кружках к агитации в широких массах рабочих. Такой переход подготовлялся, «с одной стороны, работой социалистической мысли... с другой стороны, глубокими изменениями в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса, пробуждением новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе»[4].

Лозунг перехода к агитации и практическая программа действий

[1] «Slavonic and East European Review», vol. XII, April 1934, p. 584.
[2] См. *Г. В. Плеханов.* Избранные философские произведения, т. 1, стр. 737.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 95.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 294.

вырабатывались не умозрительно, а в результате глубокого изучения условий труда и быта рабочих Петербурга, их готовности к сознательной борьбе за насущные экономические нужды, к восприятию политических лозунгов, общедемократических требований. Уже вскоре после своего приезда В. И. Ленин включается в пропагандистскую работу в рабочих кружках за Невской заставой — в одном из пролетарских районов столицы. Затем он вел активную пропагандистскую деятельность в кружках, объединявших рабочих заводов, расположенных на Петроградской и Выборгской сторонах и в Колпине[1]. При этом Ленин уделял много внимания беседам с рабочими: расспрашивал их об условиях труда, о размерах заработной платы, о взаимоотношениях с администрацией, об их настроении и причинах их недовольства, о характере и размерах штрафов, об условиях быта и т. д.[2] В результате он и руководимая им группа социал-демократов получали сведения, позволявшие гораздо более обоснованно принимать те или иные решения. Так создавались условия для перехода к агитации в широких массах рабочих как средству внесения в эти массы социалистического сознания.

В. И. Ленин привлек передовых петербургских рабочих к критике народников, многие рабочие «лично принимали участие в тех спорах между народовольцами и социал-демократами, которые характеризовали переход русского революционного движения от крестьянского и заговорщицкого социализма к социализму рабочему»[3]. Эти споры содействовали воспитанию целой плеяды рабочих-революционеров из числа участников марксистских рабочих кружков — таких, как И. В. Бабушкин.

Уже осенью 1894 г. вопрос о необходимости развертывать социал-демократическую агитацию в массах обсуждался в «кружке технологов». Он решился «не сразу, не без колебаний, не без борьбы»[4]. Некоторые члены кружка выступали против подобной смены курса. Им казалось, что первые же публичные выступления (а агитацию, конечно же, нельзя было вести столь же конспиративно, как пропаганду) приведут к провалу всей организации. Другие — большинство во главе с Лениным — считали, что переход к агитации неизбежен, если социал-демократы действительно хотят выступать в роли организатора и руководителя пролетарской классовой борьбы, а не ограничиваться просветительской работой среди наиболее подготовленных к восприятию идей социализма рабочих. Без такого шага невозможно соединение социализма с рабочим движением. И хотя аресты при такой форме работы, действительно, более вероятны, но разбуженная, приведенная в движение рабочая масса будет выдви-

[1] См. «В. И. Ленин. Биографическая хроника», т. 1, стр. 91, 93, 94.
[2] См. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», ч. 3. М., 1961, стр. 22—23.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 247.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 294.

гать во все бо́льших масштабах новых рабочих-активистов[1]. Вскоре этот вопрос из области дискуссий стал переходить в область практической деятельности.

Поводом к первому акту агитации послужили волнения рабочих Семянниковского (ныне Невского механического) завода в связи с очередной задержкой выдачи заработной платы под рождество 1894 г. «Случай был более чем подходящий, и поэтому очень желательно было испробовать начало агитации на данном вопросе»[2],— вспоминал И. В. Бабушкин. Была составлена и распространена листовка, отпечатанная на гектографе. В ней говорилось, что притеснения рабочих, подобные тем, что привели к волнениям, будут продолжаться до тех пор, пока рабочие не осознают необходимости объединиться для борьбы за свои права. События, развернувшиеся в связи с волнениями рабочих, и прежде всего вмешательство полиции на стороне хозяев, дали основания для вывода об общности интересов капиталистов и самодержавного государства. «Ведь все знают,— говорилось в заключение этой первой листовки петербургских социал-демократов,— что и заводчики, и полиция, и вся государственная власть — все они заодно и все против нас»[3].

А вскоре, в феврале 1895 г., в связи с полученными сведениями о том, что назревает забастовка рабочих Нового порта, была выпущена и вторая листовка, озаглавленная «Чего следует добиваться портовым рабочим»[4]. По свидетельству Бабушкина, она произвела «более сильное действие, чем на Семянниковском заводе»[5].

Основная задача социал-демократии при переходе к агитации, считал В. И. Ленин, состоит в том, чтобы развивать политическое сознание рабочих, не дожидаясь его стихийного, т. е. пассивного, «созревания». «Когда перешли к агитации,— вспоминал В. А. Шелгунов,— и со стороны некоторых рабочих стали поступать требования на листки, в которых освещались бы экономические нужды, Ильич все время говорил, что экономические вопросы ставить необходимо, но ставить их надо так, чтобы рабочему видно было, что без серьезных перемен политической жизни России экономическое положение рабочих не улучшится»[6].

На протяжении всего периода своей деятельности в Петербурге

[1] См. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», ч. 1. М., 1956, стр. 116.

[2] «Воспоминания И. В. Бабушкина». М., 1952, стр. 73—74.

[3] «Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 1895—1897 гг.». М., 1934, стр. 1 (сохранился только конец листовки).

[4] См. *М. А. Сильвин.* Указ. соч., стр. 98; «Рабочее движение в России в XIX веке», т. IV, ч. 1. М., 1961, стр. 2—4.

[5] «Воспоминания И. В. Бабушкина», стр. 74.

[6] *В. А. Шелгунов.* Воспоминания о петербургском рабочем движении половины 90-х годов.— «Старая гвардия. К 30-летию «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 1895—1925 гг. Сборник воспоминаний и материалов». М.— Л., 1926, стр. 51.

(как и во время пребывания в тюрьме и ссылке) Ленин неустанно и последовательно проводил эту линию, боролся против попыток свести социал-демократическую работу к чисто экономической агитации. Особенно энергично ему пришлось выступить против уклона к «экономизму», наметившегося в связи с распространением в 1894 г. в социал-демократических кружках Петербурга и других городов брошюры «Об агитации». В ней наряду с действительно полезными, по словам В. И. Ленина, указаниями[1] содержался целый ряд принципиальных отступлений от марксистского положения, что социал-демократия должна выступать как авангард рабочего движения, как организатор и руководитель пролетарской классовой борьбы. В частности, серьезную опасность для молодого, еще не окрепшего социал-демократического движения в России представляла идея, что марксистские кружки и группы должны сосредоточить свои усилия на агитации по поводу самых насущных, наиболее ясных рабочим и особенно легко достижимых мелких требований и лишь затем, по мере накопления рабочими собственного опыта, менять характер агитации, захватывая постепенно и область политических требований. Отвергая эту оппортунистическую, хвостистскую идею, В. И. Ленин решительно протестовал против попытки ограничить роль социал-демократии лишь тем, «чтобы верно определить момент, когда борьба созреет настолько, чтобы перейти в борьбу политическую»[2].

Ленин выступал против оппортунистического уклона, проповедовавшегося в «вилснской программе» (брошюра «Об агитации» была написана в связи с опытом социал-демократической работы в Вильно и других городах Западного края), тем более решительно и энергично, что некоторые ее положения нашли сторонников среди петербургских социал-демократов. Прежде всего благодаря его непреклонности в этом коренном вопросе рабочего движения агитационная работа социал-демократов среди рабочих Петербурга с самого начала ставила во главу угла пробуждение политического сознания рабочих. Особенно активно она развернулась в последние месяцы 1895 г. Только за октябрь — декабрь было издано и распространено восемь листовок, адресованных к рабочим различных отраслей петербургской промышленности[3].

Листовки были различными как по характеру и обоснованию выставленных в них требований, так и по объему. Листовка, выпущенная в ноябре 1895 г. в связи с забастовкой на табачной фабрике «Лаферм», состояла, например, лишь из нескольких строчек: «Требуйте освобождения всех арестованных... Требуйте повышения расценок... Требуйте, чтобы не было притеснения на фабрике... Требуйте уничтожения незаконного сбора в 10 коп. в месяц (за хранение платья,

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 31.

[2] «Об агитации». Женева, 1896.

[3] См. *Э. А. Корольчук.* Агитационная деятельность ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».— «Вопросы истории КПСС», 1964, № 10, стр. 65—66.

кипяток и проч.)»[1]. Другая листовка — «К рабочим и работницам фабрики Торнтона», написанная В. И. Лениным[2],— детально разъясняла, почему и как нужно бороться рабочим за лучшие условия труда и быта.

Эта ленинская листовка была образцом агитационной литературы такого рода[3]. Она отличалась прежде всего точным знанием положения дел на фабрике, где 6 (18) ноября 1895 г. произошла стачка, вспыхнувшая в результате усилившихся притеснений со стороны администрации. В листовке были затронуты близкие каждому рабочему темы, и поэтому так убедительно звучали содержавшиеся в ней призывы к единству и солидарности всех рабочих фабрики, к упорству в отстаивании тех прав, которые они имели по куцему фабричному законодательству, к борьбе за лучшие условия труда и быта. Чтобы написать листовку, В. И. Ленин использовал большой материал о жизни рабочих этой текстильной фабрики[4].

Под влиянием таких листовок «среди рабочих скоро вспыхнула настоящая страсть к обличениям,— писал позднее В. И. Ленин.— Как только рабочие увидали, что кружки социал-демократов хотят и могут доставлять им нового рода листовки, говорящие всю правду о нищенской жизни, непомерно тяжелом труде и бесправном положении их,— они стали... засыпать корреспонденциями с фабрик и заводов. Эта «обличительная литература» производила громадную сенсацию не только на той фабрике, порядки которой бичевал данный листок, но и на всех фабриках, где что-нибудь слышали о разоблаченных фактах... Среди самых отсталых рабочих развилась настоящая страсть «печататься»...»[5].

Большую роль в пробуждении рабочих масс, в вовлечении их в классовую борьбу сыграла написанная В. И. Лениным тогда же, осенью 1895 г., брошюра «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах»[6]. Она была издана огромным для того времени и в особенности для условий подполья тиражом — около 3 тыс. экз., широко разошлась по многим городам России, стала известна в заграничных социал-демократических группах, получила поддержку на страницах центрального органа германской социал-демократии — газеты «Форвертс»[7]. «В этой брошюре,— писала

[1] «Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»», стр. 12.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 70—74.
[3] Так она была охарактеризована в докладе русских социал-демократов Лондонскому конгрессу II Интернационала 1896 г. Эта характеристика относилась и к листовке «Рабочий праздник 1 Мая».
[4] См. *Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине, стр. 19.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 54.
[6] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 15—60.
[7] «Подобные брошюры...— писала газета,— имеют огромное значение для укрепления социал-демократического сознания в широких кругах рабочих» («Vorwärts», 16. II. 1896).

Н. К. Крупская,— Владимир Ильич дал блестящий образец того, как надо было подходить к рабочему-середняку того времени и, исходя из его нужд, шаг за шагом подводить его к вопросу о необходимости политической борьбы... Рабочие зачитывались ею: она была им понятна и близка...»[1]

ОБРАЗОВАНИЕ РСДРП

Переход к новым формам социал-демократической работы, а главное — гораздо бо́льшие, чем когда-либо прежде, масштабы ее стали возможны только потому, что одновременно начался процесс создания политической партии рабочего класса России.

Старая, кружковая форма организации социал-демократов уже не соответствовала назревшим задачам рабочего движения. Еще весной 1894 г., обобщая опыт работы русских социал-демократов, В. И. Ленин писал в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», что социалисты должны помочь рабочим «выработать наиболее **ПОДХОДЯЩУЮ** *для наших условий форму организации для распространения социал-демократизма и сплочения рабочих в политическую силу*»[2].

К созданию такой организации возглавляемая В. И. Лениным группа социал-демократов приступила весной 1895 г. в связи с переходом к массовой агитации и под влиянием этого перехода. Уже первые шаги по новому пути потребовали перестройки всей работы, четкого разграничения функций. А к осени 1895 г. было осуществлено общее преобразование структуры теперь уже сравнительно большой организации, в какую превратился к тому времени «кружок технологов». Наиболее активные его члены (В. И. Ленин, В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев, П. К. Запорожец, Н. К. Крупская, С. И. Радченко и некоторые другие) составили центральную группу организации (фактически ее городской комитет). Первые трое образовали руководящую тройку. На В. И. Ленина были возложены обязанности редактора всех литературных изданий, на С. И. Радченко — поддержание связей с другими социал-демократическими группами и т. д. Кроме того, членов центральной группы раскрепили по основным районам; в каждом из них действовал также организатор из числа рабочих-активистов, поддерживавший связи с предприятиями. Низовыми ячейками организации являлись рабочие кружки на предприятиях. Так создавалась стройная организационная структура, в основе которой лежали принципы централизации, разделения функций, дисциплины, строгой конспирации. В середине декабря 1895 г. организация стала называться «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и под этим названием

[1] *Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине, стр. 15.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 333.

вошла в историю российского и международного рабочего движения.

Почти десятилетие спустя, характеризуя состав и структуру петербургского «Союза борьбы», В. И. Ленин описал их в следующей формуле: «10—16 человек (комитет). 20—30 рабочих кружков. 100—150 maximum связей»[1].

Новые масштабы и новые формы деятельности потребовали объединения усилий с другими марксистскими, социал-демократическими кружками, поскольку переход к агитации в широких массах рабочих сразу же обнаружил нехватку лиц, способных вести ее. Однако в 1895 г. произошло слияние лишь с небольшой группой Мартова, которая сумела наладить размножение агитационной литературы с помощью мимеографа (по тем временам новинки подпольного типографского дела). Вместе с тем обнаружились и отрицательные стороны такого слияния, ибо в этой группе имели хождение явно ошибочные идеи. В частности, Ленину пришлось оспаривать точку зрения Мартова о необходимости во имя разворачивания массовой агитации свернуть работу пропагандистских кружков. Подобное решение привело бы к снижению уровня марксистской подготовки рабочих-активистов, а в результате и к измельчению агитации. Поэтому предложение Мартова было отклонено.

Важнейшей чертой «Союза борьбы», превращавшей его в подлинного руководителя рабочих масс, были тесные связи с множеством предприятий (в том числе почти со всеми крупными заводами и фабриками Петербурга), которые с самого начала он стал устанавливать. В 1894—1895 гг. работа велась на 70 предприятиях, из них на 22 (из 25 заводов такого рода) с числом рабочих до 1000 человек[2]. Опорой «Союза борьбы» были рабочие-передовики И. В. Бабушкин, Б. И. Зиновьев, В. А. Шелгунов, С. И. Фунтиков, В. А. Князев и др.

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» не был местной организацией в буквальном значении этого слова; вернее, местные интересы, местные задачи не затемняли, не перекрывали его ориентации на решение задач общероссийского значения и масштаба. В деятельности петербургского «Союза борьбы» с самого начала имелось много таких черт, которые позволяют говорить о нем как о зачатке Российской социал-демократической партии[3]. К ним можно отнести, в частности, установление и поддержание связей с социал-демократами различных местностей России и с группой «Освобождение труда»; организацию общероссийских изданий; составление проекта партийной программы и брошюр, обобщающих опыт организационной и агитационной деятельности «Союза борьбы»;

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 396.

[2] См. *Э. А. Корольчук.* Агитационная деятельность ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 65.

[3] О петербургском «Союзе борьбы» как зачатке партии впервые писал В. И. Ленин в 1897 г. (см. *В. И. Ленин.* Полн собр. соч., т. 2, стр. 460).

установление прямых связей с зарубежными социал-демократическими партиями и попытки использования их опыта. Наконец, отнюдь не «местное» значение имели подготовка и проведение знаменитой стачки 30 тыс. текстильщиков Петербурга, которая стала поворотным пунктом во всем российском рабочем движении.

Влиятельным центром социал-демократического движения в 90-х годах была Москва. Здесь еще осенью 1893 г. образовалась центральная социал-демократическая группа, так называемая шестерка, взявшая на себя руководство деятельностью остальных марксистских групп и кружков. Первоначально в ее состав входили А. Н. и П. И. Винокуровы, С. И. Мицкевич, М. Н. Лядов, Е. И. Спонти и рабочий С. И. Прокофьев; позднее активное участие в работе этой группы принимали В. В. Воровский, В. Д. Бонч-Бруевич, М. Ф. Владимирский, И. Ф. Дубровинский и др. Московские социал-демократы сумели установить крепкие связи с передовыми рабочими, вели марксистские кружки на предприятиях, а в 1894 г. также начали переходить к агитации в рабочих массах (так, ими были изданы и распространены на предприятиях листки «Столкновение у фабричного инспектора» и «Разговор двух фабрикантов»). Наиболее рельефным событием в истории рабочего и социал-демократического движения в Москве в середине 90-х годов было образование «Рабочего союза».

Начало ему было положено на состоявшемся в 1894 г. собрании представителей заводских и фабричных кружков, на котором был создан Центральный рабочий кружок; в его состав вошли и передовики-рабочие, и представители социал-демократической интеллигенции. В следующем 1895 г. он был переименован в «Рабочий союз». В лучшую пору своей деятельности (лето 1896 г.) «Рабочий союз» вел агитацию на 55 крупных заводах, фабриках и в железнодорожных мастерских. Он был связан с социал-демократическими организациями 15 промышленных городов и с группой «Освобождение труда»[1]. Особенно важное значение для деятельности московских социал-демократов имели достаточно прочные и регулярные связи с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». В. И. Ленин несколько раз бывал в Москве и поддерживал постоянные контакты с московскими социал-демократами через свою сестру А. И. Ульянову-Елизарову и других товарищей[2].

Широко распространяется в середине 90-х годов социал-демократическое движение в Центральном промышленном районе. Особенно успешно действовал возникший весной 1895 г. при содействии московских социал-демократов и под влиянием ленинского «Союза борьбы» иваново-вознесенский «Рабочий союз». Члены этой органи-

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, стр. 238—239; «Очерки истории Московской организации КПСС. 1883—1965». М., 1966, стр. 20—33.

[2] Подробнее см.: *Э. А. Корольчук.* Ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»— зачаток боевой революционной рабочей партии.— «Вопросы истории», 1956, № 1.

зации, рабочие-агитаторы М. А. Багаев и Н. И. Махов возглавляли вспыхнувшую в октябре того же года забастовку 2 тыс. ткачей Иваново-Вознесенской мануфактуры. Корреспонденции об этой забастовке были посланы в подготовлявшуюся петербургским «Союзом борьбы» газету «Рабочее дело» и в первый номер заграничного сборника «Работник». Иваново-вознесенские социал-демократы не ограничивались работой в своем городе; весной 1897 г. по их инициативе возник социал-демократический кружок в селе Кохма, одном из центров текстильной промышленности Владимирской губернии[1].

Интенсивно развивалось социал-демократическое движение на Украине, особенно в Киеве, Екатеринославе, Харькове. Создание в декабре 1895 г. Киевского рабочего комитета во главе с рабочим-революционером Ю. Д. Мельниковым было первым шагом на пути сформирования в Киеве организации, ставшей одним из инициаторов сплочения всех социал-демократов России в единую партию. Важнейшими вехами эволюции киевских социал-демократических групп и кружков в том направлении, которое в середине 90-х годов наиболее ярко олицетворялось ленинским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», были образование весной 1896 г. группы «Рабочее дело», активными деятелями которой были Ю. Д. Мельников, Б. А. Эйдельман, П. Л. Тучапский, Н. А. Вигдорчик, издание этой группой на мимеографе газеты для рабочих «Вперед», объединение в марте 1897 г. всех киевских социал-демократических групп в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Районами деятельности социал-демократов в середине 90-х годов стали также Поволжье и Урал, Закавказье и Прибалтика, Белоруссия, Польша, Сибирь[2].

Одни из возникавших тогда организаций и групп пустили глубокие корни в рабочем движении, и полицейские репрессии лишь на время прерывали их деятельность; другие оказались более эфемерными, нередко полностью исчезая после первого же полицейского набега. Но в целом социал-демократическое движение набирало силу, и необходимость установления регулярных связей между организациями разных местностей, их совместных выступлений, а затем и объединения в партию становилась все более очевидной.

Первоначально в движении преобладали личные связи, основанные на знакомстве, совместном участии в тех или иных кружках, а целью сношений был преимущественно обмен информацией и литературой. Постепенно и характер связей, и их содержание менялись; все большее значение приобретало согласование деятельности различных социал-демократических организаций. В частности, именно

[1] См. «Очерки истории Ивановской организации КПСС», ч. 1, 1892—1917. Иваново, 1963, стр. 48—58.

[2] Подробнее о возникновении и деятельности местных социал-демократических организаций в России в 1894—1898 гг. см.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, стр. 234—256, 552—563.

эту цель преследовало состоявшееся в феврале 1895 г. совещание представителей социал-демократических групп Петербурга, Москвы, Киева и Вильно в Петербурге; оно обсудило вопросы о переходе от кружковой пропаганды к широкой агитации в массах, о содержании и практических целях агитационной работы.

Контакты петербургского «Союза борьбы» с социал-демократическими группами в различных городах России, постепенно становившиеся все более планомерными, приобрели особенно важное значение в связи с предпринятой В. И. Лениным летом 1895 г. поездкой за границу[1]. Он провел более месяца в Швейцарии, около месяца в Париже и примерно месяц в Берлине. Основной целью поездки было установление прямых отношений и содружества с группой «Освобождение труда». Это было необходимым элементом подготовительной работы по созданию марксистской партии рабочего класса России. Одновременно В. И. Ленин использовал поездку для непосредственного знакомства с работой социалистических партий Франции и Германии, для восполнения пробелов в изучении социалистической прессы и литературы, в частности тех трудов Маркса и Энгельса, которые нельзя было достать в России. В этом смысле ему многое дали и беседы с Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом, которые были тесно связаны с деятелями европейского рабочего движения, постоянно печатались в различных социалистических журналах, принимали участие в конгрессах II Интернационала.

В Берлине и Париже В. И. Ленин работал в библиотеках, посещал рабочие собрания, наблюдал повседневную жизнь пролетариев, интересовался организацией социалистической пропаганды. В Париже он познакомился с Полем Лафаргом, а в Берлине побывал у Вильгельма Либкнехта, к которому Плехапов дал ему рекомендательное письмо.

Встречи с Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом были плодотворными; Ленин произвел на ветеранов русской социал-демократии большое впечатление. «Приехал сюда... молодой товарищ, очень умный, образованный и даром слова одаренный,— писал Г. В. Плеханов своей жене Р. М. Плехановой.— Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие... люди»[2]. По свидетельству последней, члены группы «Освобождение труда» увидели в Ульянове «истинного представителя молодого революционного поколения, и радости у них не было конца»[3]. Но уже эта первая встреча обнаружила и некоторые расхождения во взглядах. Аксельрод вспоминал позднее, что, высказав Ленину свои соображения о его работах, он услышал следующий ответ: «Знаете, Плеханов сделал

[1] Подробнее см.: *Г. С. Жуйков.* Указ. соч.; *Г. С. Ульман.* В. И. Ленин за границей в 1895 г.— «Вопросы истории КПСС», 1973, № 6.

[2] Цит. по: «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 209.

[3] Цит. по: *Ф. М. Аржанов.* Начало ленинского этапа в развитии марксизма. Л., 1970, стр. 29.

по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: «Вы,— говорит,— поворачиваетесь к либералам спиной, а мы лицом»»[1]. Как видим, начала проявляться именно та позиция, которая в дальнейшем, в изменившихся условиях, привела и Аксельрода и Плеханова в лагерь меньшевизма.

Тем не менее разногласия еще не приобрели остроты, а обоюдная заинтересованность в сотрудничестве побудила участников встречи договориться о совместных действиях. В. И. Ленин выступил инициатором предприятия, которое создавало действительную связь между Россией и заграницей: речь шла об издании за границей непериодического сборника «Работник», в котором публиковались бы как статьи теоретического и политического характера, так и различного рода информационные материалы о российском рабочем и социал-демократическом движении. От имени действовавших в России социал-демократов В. И. Ленин предложил участие более активное, чем сбор средств и корреспондирование; привезенный им в Швейцарию сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» служил лучшей рекомендацией творческих способностей «коренного», т. е. действовавшего на русской почве, движения.

Для первого выпуска «Работника» В. И. Ленин дал свою статью «Фридрих Энгельс» и несколько корреспонденций о рабочем движении в России. Стремясь обеспечить регулярные поступления материалов для сборника, он на обратном пути в Петербург посетил Вильно, Москву и Орехово-Зуево[2].

После возвращения В. И. Ленина в «Союзе борьбы» зародилась идея выпуска собственного органа — газеты «Рабочее дело». Она должна была способствовать расширению агитации в массах, обобщить накопленный опыт и, главное, ознакомить широкий круг читателей с содержанием и направлением деятельности «Союза». В начале декабря 1895 г. первый номер газеты был подготовлен. В. И. Ленин написал для него основные статьи и, кроме того, отредактировал все остальные материалы. Газета была буквально накануне выхода в свет, когда арест почти всего состава центральной группы «Союза борьбы», в том числе А. А. Ванеева, у которого находился номер, сорвал это начинание петербургских социал-демократов. Попытка издать газету не удалась, однако само начинание и характер подготовленных материалов[3] свидетельствуют, что такая газета могла

[1] «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. 1. М., 1925, стр. 271.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 5—14; т. 46, стр. 8—11. Всего вышло три сдвоенных номера сборника.

[3] Сохранилась лишь одна статья из числа подготовленных для этого номера «Рабочего дела»— «О чем думают наши министры?», принадлежащая перу В. И. Ленина (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 75—80). О содержании остальных материалов известно из книги В. И. Ленина «Что делать?» (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 31—32), а также из доклада полицейских по «делу» В. И. Ленина и его соратников.

стать серьезным фактором объединения всех социал-демократов России в боевую пролетарскую партию.

Ни арест (в ночь с 8 на 9 декабря), ни последовавшая в 1897 г. ссылка в Сибирь не прекратили деятельности В. И. Ленина, направленной к тому, чтобы «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» стал ядром создаваемой партии. Особенно большое значение имели составленный им проект программы социал-демократической партии, а также написанные для «Союза» брошюры «Новый фабричный закон» и «Задачи русских социал-демократов».

В. И. Ленин с охотой пошел навстречу просьбе оставшихся на воле товарищей составить проект программы социал-демократической организации, ибо эта просьба отвечала его собственным намерениям, и уже вскоре проект был составлен и тайно передан на волю [1]. А через несколько месяцев, летом 1896 г., Ленин составил и передал действовавшим в Петербурге социал-демократам «Объяснение программы», в котором он подробно обосновал и разъяснил каждый пункт своего проекта [2].

Ленину были хорошо знакомы и программные документы группы «Освобождение труда», и текст программы Социал-демократической партии Германии, принятой в 1891 г. на съезде в Эрфурте, а также комментарий к ней, составленный К. Каутским и вышедший в следующем году. В те времена Эрфуртская программа, как было показано выше, рассматривалась социалистическими партиями многих стран как эталон, в соответствии с которым они строили собственные программы. Анализ проекта, составленного Лениным в конце 1895 — начале 1896 г., свидетельствует о том, что он также опирался в своей работе на текст Эрфуртской программы (об этом говорит, например, совпадение структуры этих документов и содержания отдельных их положений)[3].

В ленинском проекте — в отличие от написанного Плехановым «Второго проекта программы русских социал-демократов», получившего сравнительно широкое распространение,— самое серьезное внимание было уделено характеристике объективных условий развития рабочего движения. Программа рабочей партии, писал В. И. Ленин несколькими годами позднее, должна «выставить на первый план и подчеркнуть сильнее тот экономический процесс развития, который порождает материальные и духовные условия социал-демократического рабочего движения, и ту классовую борьбу пролетариата, организовать которую ставит себе задачей социал-демократическая партия»[4]. Именно в таком ключе был выдержан проект, составленный Лениным.

Подобно Эрфуртской программе, он содержал в преамбуле об-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 83—86.
[2] См. там же, стр. 87—110 (уцелела лишь часть этого ленинского документа).
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 219—220.
[4] Там же, стр. 217.

щую сжатую характеристику капиталистического способа производства, места рабочего класса в капиталистическом обществе, исторической роли и задач пролетариата. В проекте указывалось, что классовая борьба против капитала является политической борьбой, и при этом отмечалась особая важность для русского рабочего класса завоевания политической свободы. В. И. Ленин подчеркнул в своем проекте, что первоочередная задача социал-демократии — развивать в рабочих классовое сознание, содействовать их организации, указывать конечную цель освободительной борьбы; были сформулированы и задачи социал-демократов по отношению к другим течениям революционного и оппозиционного движения.

Важная роль отводилась требованию перехода политической власти в руки рабочего класса и обобществления всех средств производства. Это требование имелось и в Эрфуртской программе, однако там оно было выражено менее четко[1]. Вообще общетеоретическая часть составленного В. И. Лениным проекта программы четкостью формулировок выгодно отличалась от Эрфуртской программы, которую Энгельс критиковал за многословность, за стремление «соединить две несоединимые вещи: быть и программой, и *комментарием* к программе»[2]. В. И. Ленину эта критика тогда не была известна (она была опубликована только в 1901 г.), однако его проект полностью соответствовал требованиям Энгельса.

Подобно другим программам социалистических партий, ленинский проект подчеркивал: «Движение русского рабочего класса по своему характеру и цели входит как часть в международное (социал-демократическое) движение рабочего класса всех стран»[3]. Специальный пункт повторял знаменитое положение Учредительного манифеста I Интернационала: «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих»[4].

Заключительные разделы проекта были посвящены изложению практических требований социал-демократии, в том числе, чего не было в Эрфуртской программе, равно как и в документах группы «Освобождение труда», по аграрному вопросу. О степени разработанности разделов проекта программы 1895 г., содержавших практические требования, свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что почти все сформулированные в них положения вошли впоследствии в Программу РСДРП, принятую в 1903 г. на II съезде партии, и составили едва ли не половину ее программы-минимум. Конечно, большинство из них было доработано и дополнено, в том числе и самим В. И. Лениным, в ходе работы над проектами программы. И все же сделанное сопоставление достаточно убедительно говорит

[1] Подробнее см. : «Ленин в борьбе за революционный Интернационал». М., 1970, стр. 21—23.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 229.
[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 84.
[4] Там же, стр. 85.

о полноте, с которой Ленин уже тогда учитывал практические задачи, стоявшие перед российской социал-демократией.

Важно отметить, что в проекте 1895 г., в разделе, посвященном аграрному вопросу, было сформулировано требование о возвращении крестьянам «отрезков», которое должно было, по мысли В. И. Ленина, способствовать вовлечению крестьянства в революционное движение против царизма. Это требование являлось центральным положением аграрной программы российской социал-демократии вплоть до революции 1905—1907 гг., когда небывалый размах крестьянских выступлений выявил возможность и необходимость более широкого, гораздо дальше идущего программного требования национализации земли.

Таким образом, идейное и политическое развитие петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» было увенчано таким программным документом, который исходил из задач, стоявших перед всей российской социал-демократией, и был в этом смысле общепартийным документом. И действительно, по свидетельству Н. К. Крупской, разработку проекта программы В. И. Ленин связывал с предстоящим созывом первого съезда русских социал-демократов, подготовка которого фактически началась уже в 1896 г.[1] Именно в таком качестве ленинский проект и рассматривался петербургскими социал-демократами. Как общепартийный документ он воспринимался и позднее, на исходе 90-х годов.

Обобщением деятельности петербургских социал-демократов, объединившихся в 1895 г. в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», была написанная В. И. Лениным в конце 1897 г., т. е. по истечении нескольких месяцев пребывания в сибирской ссылке, брошюра «Задачи русских социал-демократов»[2]. Обосновывая политическую программу и тактику, выработанную петербургским «Союзом борьбы», Ленин подчеркивал неразрывное единство социалистических и демократических задач рабочего движения (отмечая в то же время ошибочность игнорирования различий между ними) и призывал к дальнейшему совершенствованию социал-демократической работы под знаком такого единства. Изданная в 1898 г. заграничным «Союзом русских социал-демократов», эта брошюра имела широкое распространение и высоко оценивалась представителями революционного крыла российской социал-демократии.

Если брошюра «Задачи русских социал-демократов» была обобщением деятельности петербургского «Союза борьбы» как зачатка революционной марксистской партии рабочего класса России и целью ее было непосредственное воздействие на процесс создания такой партии, то написанная несколькими месяцами ранее брошюра «Новый фабричный закон»[3] продолжала ленинскую традицию по-

[1] См. *Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине, стр. 22.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 433—470.
[3] См. там же, стр. 263—314.

литической агитации в массах на почве их непосредственных интересов и в связи с близкими им фактами реальной действительности. В ней был дан блестящий анализ изданного в июне 1897 г. закона о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах, который был, по словам Ленина, «вынужденной уступкой, отвоеванной русскими рабочими у полицейского правительства»[1].

Едва прибыв в Шушенское, В. И. Ленин налаживает связи с другими ссыльными социал-демократами, многие из которых впоследствии станут его близкими помощниками в деле создания пролетарской партии нового типа. В. И. Ленин пытается завязать переписку с группой «Освобождение труда» и с отбывавшим ссылку в Верхоянске Н. Е. Федосеевым, одним из первых русских марксистов, которого Владимир Ильич глубоко уважал. В русле борьбы за пролетарскую партию, за утверждение марксизма как идеологии и политики русского рабочего движения лежали и литературно-теоретические труды В. И. Ленина, создававшиеся в период ссылки.

Фундаментальные исследования социально-экономического развития русского общества в последние десятилетия XIX в., обобщенные Лениным в книге «Развитие капитализма в России»[2], окончательно опровергли народнические теории «самобытности» развития России, «неорганичности» для нее капитализма, утверждали марксистское положение о том, что в России народился и набирает все бóльшую силу пролетариат, которому суждено возглавить освободительное движение народных масс против самодержавия, против всех форм эксплуатации и угнетения. Одним из неизбежных «выходов» этих исследований в практику социал-демократического движения была глубокая разработка аграрной программы российской социал-демократии, теоретических основ политики союза рабочего класса и крестьянства.

Между тем в то время, когда В. И. Ленин и его соратники были вырваны из рядов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», на плечи созданной ими организации выпала нелегкая и ответственная задача — руководство знаменитой стачкой 30 тыс. петербургских текстильщиков, вспыхнувшей летом 1896 г. Выдержав с честью это испытание, «Союз борьбы» доказал правильность линии на развертывание широкой агитационной работы, на установление и упрочение связей социал-демократов с широкими массами рабочих. События лета 1896 г. со всей очевидностью засвидетельствовали, что «Союз борьбы» был подлинным предшественником революционной марксистской партии, авангарда российского рабочего движения.

Стачка 1896 г., которую В. И. Ленин впоследствии назвал «знаменитой петербургской промышленной войной»[3], отличалась прежде

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 270.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 29.

всего размахом: она охватила практически все текстильные фабрики столицы. Еще более важным отличием от всех предшествующих выступлений рабочего класса России было то, что она проходила под руководством хотя еще и малочисленной, но уже накопившей опыт работы и завоевавшей авторитет в рабочих массах социал-демократической организации. В. И. Ленин, подчеркивая это обстоятельство, писал, что «сознательное и планомерное социал-демократическое вмешательство и руководство делают то, что движение приобретает гигантский размах и значение против морозовской стачки»[1].

Главной причиной нараставшего движения было крайне тяжелое экономическое положение текстильщиков Петербурга. Их рабочий день продолжался до 15—16 часов, а заработная плата была намного меньше, чем у рабочих некоторых других специальностей. Все это усиливало недовольство, подводило к открытому протесту. Уже 5 марта 1896 г. в донесении одного из фабричных инспекторов говорилось, что на фабрике Торнтона, Новой бумагопрядильне, Петровской, Спасской и Александро-Невской мануфактурах возможна стачка «ввиду чрезвычайно низких заработков и крайне плохих условий жизни рабочих в тесных, грязных, сырых и дорогих фабричных казармах, вследствие полного пренебрежения элементарными нуждами рабочих... произвола и придирок фабричной администрации, чрезвычайно распространенной системы сыска и доносов»[2].

Толчком, который привел к событиям, приобретшим не только всероссийское, но и международное звучание, послужила неуплата рабочим денег за три коронационных дня (15—17 мая), объявленных администрацией промышленных предприятий праздничными (таким образом, рабочие потеряли трехдневный заработок). Первыми забастовали 23 мая рабочие Российской бумагопрядильни. Через несколько дней стачка достигла своего апогея: остановились 19 ткацких и прядильных фабрик. Даже такой «наблюдатель» этих событий, как прокурор Петербургской судебной палаты, не мог не заметить, что «быстрота распространения волнения в рабочей массе... единство требований, предъявленных рабочими различных фабрик, одна система развития каждой стачки... наконец, необычное внешнее спокойствие массы при этом брожении — все это указывало на то, что стачки возникли на почве, подготовленной предшествовавшей преступной пропагандой среди рабочих»[3].

И действительно, несмотря на то что «Союз борьбы» был серьезно ослаблен декабрьскими (1895 г.) и январскими (1896 г.) арестами, его агитационная работа продолжала шириться. Так, листовка «Ра-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 251.

[2] Цит. по: *Ф. М. Суслова.* Ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» во главе петербургской стачки текстильщиков 1896 года.— «Ученые записки Московской высшей школы профдвижения ВЦСПС», вып. 1. М., 1957, стр. 95.

[3] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. IV, ч. 1, стр. 314—315.

бочий праздник 1 Мая»[1], изданная тиражом 2 тыс. экз., была распространена на 40 предприятиях Петербурга. Особенно активизировался «Союз» в связи с известиями о начале волнений текстильщиков. В конце мая он провел собрание представителей забастовщиков, на котором присутствовало около 100 человек. Наряду с другими здесь было выдвинуто требование сокращения рабочего дня до 10 $^1/_2$ часов. Оно было изложено в листовке «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен?», изданной «Союзом борьбы» 30 мая и распространенной по всем текстильным фабрикам, а также в изданной 1 июня листовке «К рабочим всех петербургских бумагопрядилен»[2]. Эти требования, обращенные ко всему классу капиталистов и к царскому правительству, показывали, что стачка, которая возникла по сравнительно узкому поводу, приобрела определенную политическую окраску.

Все шире практиковавшееся распространение листовок становилось одной из важнейших форм руководства стачкой; многие из них составлялись самими рабочими. Другой формой была организация сходок рабочих или их представителей. Такие собрания — «явление совершенно необычное для Петербурга и поражающее всякого, хоть немного знакомого с полицейским режимом русского государства»[3],— говорилось в докладе русской делегации Лондонскому конгрессу (1896 г.) II Интернационала.

2 июня состоялось собрание выборных от всех бастовавших рабочих Нарвско-Московского района, проведенное по поручению «Союза борьбы» Ф. В. Ленгником и Л. К. Мартенсом. Они призывали продолжать стачку, пока не будут выполнены все требования рабочих. Ленгник рассказал об откликах на петербургскую стачку, о сочувствии германских рабочих, о сборе средств среди них для помощи забастовщикам. Он прочитал собравшимся знаменитую речь Петра Алексеева. Так петербургские социал-демократы умело вносили в движение политическую струю.

С 13 июня стачка текстильщиков стала «выдыхаться», а 17 июня все текстильные предприятия приступили к нормальной работе. Этому способствовали маневры правительства: рабочим было обещано выполнение большинства их требований, включая законодательное сокращение рабочего дня. Одновременно усилились полицейские репрессии; аресты социал-демократов и рабочих-активистов обескровили руководство стачкой.

Однако прекращение ее не было поражением ни петербургских текстильщиков, ни «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Во-первых, непосредственные, ближайшие требования рабочих

[1] См. «Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»», стр. 42—45.
[2] Там же, стр. 51—55.
[3] «Доклад, представленный делегацией русской социал-демократии Международному рабочему социалистическому конгрессу в Лондоне». Женева, 1898, стр. 11.

были частично удовлетворены, а позднее, 2 июня 1897 г., был принят закон о сокращении рабочего дня до 11 $^1/_2$ часов. Во-вторых, что еще важнее, стачка 1896 г. вывела рабочее движение России на новые рубежи, сделала его весомым политическим фактором общественной жизни. Она способствовала консолидации сил рабочего класса, осознанию пролетариями России общности интересов и необходимости солидарных действий в борьбе за эти интересы. Свидетельством упрочения в рабочем движении России традиции пролетарской солидарности могут служить стачки рабочих Москвы (на заводах бр. Бромлей, Гужона, в железнодорожных мастерских и на других предприятиях) в июне — июле 1896 г., начавшиеся по призыву московских социал-демократов поддержать петербургских текстильщиков.

Петербургской стачкой 1896 г. рабочий класс России заявил о себе во весь голос и на международной арене. Отклики на нее появились в социал-демократической и рабочей прессе многих стран[1]. В Швейцарии, во Франции, в Бельгии, в Австрии, в Германии развернулись сборы в пользу бастующих петербургских рабочих. Международный социалистический конгресс в Лондоне приветствовал «пробуждение русского рабочего класса к самостоятельной жизни» и от имени рабочих всех стран пожелал «русским братьям мужества и непоколебимой бодрости в их тяжелой борьбе против политической и экономической тирании»[2].

Оправдалось предвидение В. И. Ленина, что переход от кружковой пропаганды к агитации в массах выведет рабочее движение на новую, более высокую ступень и ускорит становление русской социал-демократии как политической партии рабочего класса. Историческое выступление многотысячного отряда петербургских рабочих-текстильщиков против капиталистов и самодержавия сделало особенно актуальным не только идейное, но и организационное сплочение социал-демократов России. Стачка 1896 г. показала, что социал-демократия уже может играть роль авангарда рабочего движения, что дальнейшие его успехи во многом обусловлены превращением многочисленных, но еще разрозненных марксистских кружков и групп[3] в единую партию, объединенную и идейно (на платформе подлинно марксистской программы), и организационно.

[1] Поместив большую корреспонденцию о стачке, газета немецких социал-демократов «Форвертс» писала в примечании к ней: «Мы желаем петербургским товарищам дальнейших успехов на их полном трудностей пути и можем их уверить, что германская социал-демократия с братскими симпатиями следит за проникновением социалистического учения в Россию. Организованные рабочие массы Германии чувствуют себя солидарными с петербургскими рабочими, которые вопреки кнуту царизма гордо и мужественно, под знаменем международного социализма подняли борьбу против угнетения» («Vorwärts», 27. VI. 1896).

[2] «Листок работника», 1896, № 2, стр. 10.

[3] В 1897—1898 гг. социал-демократические кружки и группы

Роль «собирателя» социал-демократической партии по праву принадлежала ленинскому «Союзу борьбы». Однако после многочисленных и опустошительных полицейских набегов у него не осталось сил, чтобы организовать съезд; готовившийся еще в 1896 г., он состоялся лишь двумя годами позднее. Представители петербургского «Союза борьбы» принимали участие во всех основных мероприятиях, связанных с этим событием, но его инициатором и непосредственным устроителем выступила организация киевских социал-демократов, которая в 1897—1898 гг. находилась на подъеме и своей деятельностью завоевала авторитет в социал-демократическом движении России. Особенно способствовало этому издание киевскими социал-демократами в августе и декабре 1897 г. «Рабочей газеты», в которой ближайшей задачей рабочего движения в России провозглашалась борьба с царским самодержавием и обосновывалась необходимость сплочения всех социал-демократических кружков в единую партию. Это удесятерит силы рабочего движения, говорилось в передовой статье второго номера газеты.

Одним из подготовительных шагов к съезду стала конференция петербургских и киевских социал-демократов, состоявшаяся в Киеве в марте 1897 г. Важное значение имело предложение конференции впредь именовать все социал-демократические организации России «Союзами борьбы за освобождение рабочего класса». Оно свидетельствовало о том, что движение за объединение социал-демократических организаций в партию проходило под влиянием идей, выработанных в рядах петербургского «Союза борьбы» под руководством В. И. Ленина.

Созвать съезд в условиях жесточайших полицейских преследований оказалось непросто. Это удалось сделать только в марте 1898 г. в Минске, где делегаты петербургского, московского, киевского и екатеринославского «Союзов борьбы», группы «Рабочей газеты» и образовавшегося в сентябре 1897 г. «Всеобщего еврейского рабочего союза в России и Польше» (иначе — Бунда) провозгласили образование Российской социал-демократической рабочей партии. Был избран Центральный Комитет партии, киевская «Рабочая газета» получила статус центрального органа, были утверждены основные принципы организационного строения РСДРП[1].

«Блестящее начало... завершилось образованием «Российской социал-демократической рабочей партии»»[2],— писал об этом событии В. И. Ленин. Известие о нем было с воодушевлением встречено всеми социал-демократами, как действующими на местах, среди рабочих, так и теми, кто находился в ссылке или в эмиграции.

действовали более чем в 50 городах России, тогда как в 1894 г.— примерно в 15 (см. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, стр. 234).

[1] См. «Первый съезд РСДРП. Март 1898 года. Документы и материалы». М., 1958.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 187.

Значение I съезда РСДРП определялось прежде всего тем, что в изданном от его имени Манифесте была официально закреплена тенденция к сплочению российской социал-демократии на платформе революционного марксизма, к превращению ее в политический авангард рабочего класса. Утверждая революционную направленность социал-демократического движения, Манифест провозгласил борьбу за низвержение самодержавия, за политическую свободу основным условием поступательного развития рабочего класса, его успешной борьбы «за частичные улучшения и конечное освобождение». Рассматривая завоевание политической свободы в качестве главной из ближайших задач РСДРП, Манифест характеризовал ее как первый шаг «к осуществлению великой исторической миссии пролетариата — к созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком»[1].

Существенное значение имело решение о названии партии. Слово «Российская», фигурировавшее в нем, свидетельствовало о том, что партия руководствуется принципами пролетарского интернационализма и стремится сплотить в своих рядах пролетариев всех национальностей России. В решениях съезда было также зафиксировано признание за каждой национальностью права на самоопределение, что стало впоследствии основой требований РСДРП по национальному вопросу.

Вместе с тем съезд не обеспечил подлинного единства партии. Он не принял программы, а решения по организационным вопросам носили общий характер и не отвечали настоятельной потребности в подчинении всей местной деятельности генеральным задачам социал-демократического и рабочего движения в целом. А новые репрессии, обрушившиеся вскоре на социал-демократические организации, создали серьезнейшее препятствие для дальнейшего развития партии, ее превращения в подлинный авангард российских пролетариев, способствовали усилению оппортунистического течения в рядах социал-демократии, организационному разброду, возрождению традиций кружковщины. Но как показали последующие события, эти и подобные им трудности были преходящими[2]. Неуклонный подъем массового рабочего движения, активная деятельность В. И. Ленина (сначала в сибирской ссылке, а затем в эмиграции) и его единомышленников не только обеспечили восстановление завоеванных прежде позиций, но и привели к дальнейшему быстрому развитию российской социал-демократии на последовательно революционной основе, к созданию в России марксистской рабочей партии нового типа — партии большевиков.

[1] «Первый съезд РСДРП», стр. 79—81.

[2] См. *А. Ф. Костин.* Ленин — создатель партии нового типа (1894—1904 гг.). М., 1970, стр. 119—124.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ, США И ЯПОНИИ НА РУБЕЖЕ XIX и XX вв.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

В последние годы XIX в. относительно мирный период развития капитализма подошел к концу. Капитализм вступал в стадию империализма; под влиянием этого обострились противоречия между трудом и капиталом, между группировками господствующих классов внутри отдельных государств, между империалистическими державами. Перед пролетарским движением встала задача всесторонней практической подготовки к свержению господства буржуазии. Новые условия и возможности борьбы требовали от рабочего движения перестройки, совершенствования форм и методов деятельности, сложившихся в предшествовавшие десятилетия.

Начало XX в. повсеместно ознаменовалось попытками буржуазии организовать наступление на рабочий класс. Ослепленная небывалыми барышами и стремясь к еще большей наживе, она лихорадочно пыталась избавиться от каких бы то ни было ограничений. Важнейшим препятствием на пути к безраздельному осуществлению «права хозяина» на производстве буржуазия не без оснований считала рабочие организации. Поэтому она развернула настоящий крестовый поход против профсоюзов, против права на стачку, против любых уступок пролетариату как в рамках отдельных предприятий и отраслей промышленности, так и в общегосударственном масштабе. Борьба с профсоюзами стала одним из стимулов к созданию промышленных корпораций. Не случайно именно в США, где монополии образовались раньше, были богаче и росли быстрее, где они еще в предшествующие десятилетия использовали всю свою мощь, чтобы «законными» и гангстерскими методами подавлять борьбу пролетариев за свои права, антирабочая политика приобретала особенно острые формы. В США, согласно «антитрестовскому» закону Шермана, который формально был направлен против махинаций трестов, а по существу против забастовок, последние без всяких оснований объявлялись «заговором с целью ограничения торговли», а участие в них влекло за собой тюремное заключение и штраф[1]. Буржуазное государство упорно не признавало юридической силы коллективных договоров, что помогало предпринимателям нарушать их. Губернаторы штатов и правительство, возглавлявшееся с 1897 г. откровенным ре-

[1] См. *E. Berman.* Labor and the Sherman Act. New York, 1930; *Н. В. Сивачев.* Правовое регулирование трудовых отношений в США. М., 1972.

акционером У. Маккинли, а с 1901 г. псевдопрогрессистом Теодором Рузвельтом, систематически использовали для подавления стачек войска, нарушая сами основы буржуазно-демократической законности.

«Опыт» США широко использовала буржуазия других стран. Против «тирании тред-юнионов» в Англии энергично выступили наиболее реакционные круги буржуазии, которая тем более стремилась к организационному объединению своих сил, чем явственнее обнаруживалось ее отставание в концентрации экономической мощи. Английские капиталисты создали Парламентский комитет предпринимателей, в котором были представлены почти все отрасли промышленности. Он вел борьбу против тред-юнионов в общегосударственном масштабе, включая давление на парламент и правительство, которые находились в тот период в руках Консервативной партии. Возникли и отраслевые федерации предпринимателей. Наиболее могущественная из них — Федерация предпринимателей машиностроительной промышленности сумела в 1897—1898 гг. нанести удар по старейшему и влиятельнейшему тред-юниону машиностроителей [1].

Массированная атака на давно завоеванные права тред-юнионов и право рабочего класса на стачку была предпринята в 1900—1901 гг., когда после длительного судебного разбирательства палата лордов удовлетворила иск железнодорожной компании Таффской долины к Объединенному обществу железнодорожных рабочих. Этот тред-юнион должен был возместить компании убытки, понесенные во время недавней стачки. Тем самым был создан судебный прецедент, которым не замедлили воспользоваться предприниматели: по их искам тред-юнионы вынуждены были выплачивать десятки тысяч фунтов стерлингов. «Присуждать рабочие союзы к возмещению господам капиталистам убытков, причиненных стачкой, значит на самом деле уничтожать свободу стачек» [2],— писал В. И. Ленин.

В Швеции в 1899 г. был принят закон хотя и сохранявший право на стачку, но устанавливавший наказание за пикетирование предприятий и другие формы борьбы против штрейкбрехеров. Бастующим стало гораздо труднее добиваться от капиталистов уступок. Шведские предприниматели сумели в 1902 г. образовать свое общенациональное объединение, обращенное против рабочего класса.

В Германии правительство князя Гогенлоэ (1894—1900 гг.) попыталось подавить рабочее движение и запретить стачки. В 1899 г. оно внесло в рейхстаг законопроект, по которому участие в забастовке каралось трехлетним тюремным заключением. Однако законопроект был отклонен.

В Италии последние годы XIX в. характеризовались серией кровавых расправ над рабочими Севера и крестьянами Юга. В 1899 г.

[1] *J. B. Jefferys.* The Story of the Engineers (1800—1945). London, 1945, p. 144—152.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 26.

итальянская реакция пыталась еще больше ужесточить законы, направленные против рабочего движения, но в последний момент не смогла заручиться поддержкой парламентского большинства.

В эти же годы стала складываться и противоположная линия поведения правящих кругов капиталистических стран по отношению к рабочему классу и рабочим организациям. Как отмечал В. И. Ленин, «буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства... Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ. Такова сущность консервативной политики... Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.»[1].

Первый метод большей частью не достигал цели, и тогда усиливались позиции тех политических деятелей, которые предпочитали гибкую тактику лавирования и уступок. Этот курс получал поддержку не только мелкой и средней буржуазии, страдавших от произвола монополий, но и некоторой части крупного капитала, опасавшейся неблагоприятных для господствующих классов последствий грубого насилия над трудящимися массами.

В социальной области обращение к тактике лавирования проявилось в попытках создать механизм «социального партнерства». В 1900 г. в США возникла Национальная гражданская федерация (НГФ) — орган, объединивший крупнейших монополистов, руководителей реформистских профсоюзов и «нейтральных» представителей общественности. В качестве последних фигурировали буржуазные политики (вроде бывшего президента Г. Кливленда), банкиры, «отставные» промышленники (например, удалившийся от дел миллиардер Э. Карнеги).

В политической сфере этот курс вызвал в отдельных буржуазных партиях усиление либеральных тенденций, которые в значительной степени были вынужденной реакцией на рост рабочего и демократического движения. Упрочение позиций сторонников второго метода привело к отклонению парламентами Германии и Италии крайних антирабочих законов. Еще более четко эта тенденция начала сказываться в последующие годы.

В Италии после провала репрессивной политики 90-х годов наступила «эра либерализма», связанная с именем изворотливого буржуазного политика-демагога Д. Джолитти. Социалистов выпустили из тюрем, было признано право рабочих на стачки, в 1904 г. расширены избирательные права. Во Франции в начале века у власти находились так называемые радикальные кабинеты, которые, не отказываясь от применения прямого насилия, тем не менее заигрывали с рабочим классом. В США президент Т. Рузвельт поддержал «анти-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 67.

трестовскую» кампанию. В Германии после отставки Гогенлоэ вопрос об «исключительных законах» против рабочего класса больше не поднимался. В Англии радикальное крыло Либеральной партии обещало рабочим в случае ее возвращения к власти полностью восстановить право на стачку.

Даже в самодержавной России появился, как писал в 1902 г. В. И. Ленин, «доморощенный, отечественный либерализм московских купцов и промышленников»[1], высказавшихся за признание законности стачек. «Встать на эту либеральную точку зрения заставил русских фабрикантов не кто иной, как наши рабочие»[2].

Либеральные меры и частичные уступки были определенным отступлением от тенденции к политической реакции, которая утверждалась на заре империализма. Они имели частичный характер и не оказали существенного влияния на положение основной массы пролетариев, подвергавшихся сильнейшему гнету. Это порождало глубокое недовольство и способствовало распространению революционных настроений.

В то же время политика лавирования, проводимая частью буржуазии и отражавшими ее интересы политическими силами, порождала среди отдельных отрядов рабочего класса иллюзии возможности коренного изменения положения пролетариата в условиях сохранения капиталистического строя. Подобные настроения питали различные реформистские течения в рабочем движении. Многие деятели, занимавшие марксистские позиции и сыгравшие положительную роль в утверждении марксизма в рабочем движении, продолжали мыслить категориями «мирного периода». Не видя новых возможностей освободительного движения, они абсолютизировали задачи повседневной политической борьбы, ограничивались мелкими, преходящими целями и тем самым как бы прокладывали мостки к реформизму.

Следствием явилось дальнейшее усиление размежевания революционной и оппортунистической тенденций в рабочем движении и обострение борьбы между ними.

Соотношение между этими тенденциями в различных странах во многом зависело от социально-экономического и политического уровня последних, а также от характера непосредственных задач, стоявших перед национальными отрядами рабочего класса. Как было показано выше, империализм резко усилил неравномерность развития отдельных стран; в Германии и США рабочий класс к началу XX в. ощущал гнет монополий сильнее, чем, например, в Англии, во Франции и в других странах, где монополии развивались медленнее.

В разной мере сказывался на рабочем классе и других трудящихся рост милитаризма и военных расходов: он был особенно ощутим

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 401.
[2] Там же, стр. 403.

в Германии и Англии, которые в это время начинали гонку морских вооружений, а также в России, содержавшей огромную сухопутную армию. К тому же Англия в 1899—1902 гг. вела дорогостоящую войну в Южной Африке, а Россия в 1904 г. вступила в схватку с Японией на Дальнем Востоке. Неодинаково влияло на положение рабочего класса и возрастание вывоза капитала, характерное для империализма. Если в Англии и во Франции усиленный вывоз капитала тормозил развитие национальной промышленности и умножал безработицу, то в США и Германии он не приобрел еще такого размаха и положение на рынке труда оставалось более благоприятным для рабочих. В России же, являвшейся, как указывалось выше, сферой приложения крупных иностранных капиталов, пролетарии находились под гнетом не только «своей» буржуазии, но и чужой — английской, французской, бельгийской.

Хотя все это вносило некоторые изменения в типологию рабочего движения, сложившуюся в XIX в., в основном она оставалась прежней. Главные черты англо-американского рабочего движения определялись тем, что в Англии и США социальные задачи общенационального масштаба, выдвинутые предшествующей эпохой, были в целом решены в буржуазно-демократическом духе[1]. Приблизительно такими же особенностями характеризовалась обстановка во Франции, в Бельгии, Нидерландах и некоторых других странах.

К другой группе капиталистических государств В. И. Ленин вслед за Марксом и Энгельсом относил Германию, «где буржуазно-демократическая революция осталась незаконченной»[2]. Сходное положение существовало в Австро-Венгрии, Италии, Испании и некоторых Балканских странах.

Наконец, в третьей группе стран буржуазно-демократические порядки отсутствовали полностью, и здесь назревала революция буржуазно-демократического типа. Из числа крупных государств к этой категории относилась только царская Россия.

Конечно, и в странах первых двух групп оставались нерешенными некоторые, и притом весьма важные, задачи общедемократического характера. В США все еще сохранялись докапиталистические методы эксплуатации негритянского населения, фактически лишенного политических и гражданских прав. В Англии функционировали такие антидемократические учреждения, как наследственная палата лордов. Кроме того, с переходом к империализму перед всеми народами во весь рост встала задача защиты демократических завоеваний от посягательств со стороны монополистического капитала. Но все же решающее значение для рабочего движения имело коренное, исторически возникшее различие, на которое указывал В. И. Ленин.

Своеобразие ситуации в рабочем движении той или иной страны или группы стран определялось также уровнем организованности

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 234—235.
[2] См. там же, стр. 244.

пролетариата, степенью распространения и зрелости социалистического идеала, сложившимися традициями, особенностями национального характера и — не в последнюю очередь — спецификой тактики господствующих классов.

В свете сказанного понятно, почему на рубеже XX в. революционная тенденция закономерно и бесповоротно возобладала прежде всего в рабочем движении России. Это произошло благодаря взаимодействию ряда факторов. Тяжелое экономическое положение и полное бесправие рабочих подготовили почву для их стихийного протеста против самодержавия и капитализма. Под руководством революционного, марксистского авангарда этот протест превратился в могучее движение за демократию и социализм. Как подчеркивал Ленин, общее положение в России было «враждебно процветанию «социалистического» оппортунизма в среде рабочих масс»[1].

Марксистская пролетарская партия вносила в ряды пролетариата социалистическое сознание и организованность, поднимала его на решительные выступления. В результате сложилась та поистине великая сила, которая оказалась способной до основания разрушить старый общественный и государственно-политический строй.

Иной была ситуация в рабочем движении Германии. Немецкий рабочий класс, занимавший на протяжении десятилетий передовые позиции в международном рабочем движении, вел активную борьбу за свои экономические, политические, социальные права, используя в этих целях такие средства, как стачки и демонстрации, митинги и предвыборные кампании, парламентские выступления и хорошо поставленную профсоюзную и культурно-воспитательную работу. Миллионы немецких рабочих обрели в борьбе человеческое достоинство, гордились своей принадлежностью к классу, за которым — будущее. Росла пролетарская интеллигенция, ее представители отличались широтой социальных и духовных интересов.

Однако в некоторых из этих успехов таилась серьезная опасность. Хотя ревизионизм не пустил корней в рабочей массе, а именно на это опирались марксистские вожди партии, отвергая бернштейнианство, «мирный» характер борьбы в предшествующие десятилетия в определенной степени притупил революционность германской социал-демократии. Ее победы на выборах, особенно в 1903 г., будучи свидетельством возросшей мощи рабочего класса, в то же время способствовали переоценке возможностей использования парламента и служили правому крылу партии аргументом в пользу реформистского пути.

В соседней Австро-Венгрии объективные условия борьбы пролетариата и характер стоявших перед ним очередных задач были во многом однотипны с германскими. Но положение здесь осложнялось двумя особенностями: резкой неравномерностью экономического и социального развития различных частей империи, а еще

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 331.

более — наличием острейших национальных противоречий. Поиски методов сочетания борьбы за классовые интересы пролетариата и утверждение общедемократического принципа права наций на самоопределение не принесли в рамках австро-венгерского рабочего движения ни верного теоретического решения, ни соответствующей ему тактики.

В Англии массовое рабочее движение продолжало находиться под преобладающим влиянием тред-юнионизма. Правда, массам была свойственна инстинктивная тяга к социализму, порождаемая как самими условиями жизни и борьбы рабочего класса, так и активной социалистической пропагандой. Хотя в этой пропаганде преобладал реформистский социализм фабианского типа, прочное место в ней заняло и марксистское направление. Но массовой и влиятельной социалистической партии, которая могла бы обеспечить боевое политическое руководство рабочим движением, в Англии по-прежнему не было. И в этом заключалась основная слабость английского пролетариата по сравнению со многими другими национальными отрядами рабочего класса.

Засилье тред-юнионистского реформизма оставалось характерным и для рабочего класса Соединенных Штатов. Впрочем, и на чисто профсоюзной основе он был организован гораздо слабее, чем пролетариат Англии. Марксистские и другие социалистические организации были немногочисленными.

ЗАБАСТОВОЧНАЯ БОРЬБА

Защита пролетариатом прав на профессиональную и политическую организацию, на свободу стачек и манифестаций, а также своих ближайших экономических интересов осложнялась тем, что XX век начался экономическим кризисом. Кроме того, на масштабы и динамику стачечной борьбы влиялп факторы внеэкономического характера. Так, легализация стачек в Италии способствовала их росту даже в годы кризиса; напротив, судебное решение по делу компании Таффской долины в Англии затормозило стачечную борьбу. Многое зависело также от исхода крупных стачечных схваток в предшествовавшие годы. Английские машиностроители после поражения 1898 г. некоторое время не прибегали к стачкам. В то же время успех североамериканских углекопов, которые, проведя серию стачек, вынудили в 1899 г. законодательное собрание штата Колорадо принять закон о 8-часовом рабочем дне, способствовал расширению этой формы борьбы. На масштабы, ход и результаты стачек существенно влияли степень организованности как рабочего класса, так и буржуазии и, что особенно важно, особенности тактики обоих борющихся классов.

Стачки и другие выступления против эксплуатации сдерживали натиск монополий. Марксизм, признавая ограниченность только эко-

номической борьбы и невозможность без применения других методов изменить социальную систему, в то же время придает этой форме борьбы серьезное значение. В. И. Ленин с возмущением писал о характерном для либералов пренебрежении к борьбе за повышение уровня жизни при капитализме: «Вопрос об улучшении жизни есть *тоже* принципиальный и важнейший принципиальный вопрос»[1].

Несмотря на трудности, стачечная борьба, как и рабочее движение в целом, продолжала развиваться, хотя и неравномерно (см. табл.).

Динамика стачечной борьбы в главных капиталистических странах (конец XIX — начало XX в.)

Страна	1896 г.		1899 г.		1900 г.		1902 г.		1903 г.		1904 г.	
	количество стачек	количество участников (в тыс.)	количество стачек	количество участников (в тыс.)	количество стачек	количество участников (в тыс.)	количество стачек	количество участников (в тыс.)	количество стачек	количество участников (в тыс.)	количество стачек	количество участников (в тыс.)
Англия	926	198	719	180	648	188	442	256	387	117	355	87
Германия . . .	483	128	1311	116	1468	141	1106	70	1144	135	1190	145
Франция . . .	476	50	744	177	903	222	512	212	571	124	1028	271
Бельгия	139	23	104	58	146	32	73	10	70	7	81	12
Россия	118	29	719	180	648	188	442	256	387	117	355	87
Австрия. . . .	305	69	311	60	303	113	264	44	324	51	414	73
Италия	211	96	268	45	410	93	1031	344	596	131	838	213
США	1066	249	1838	431	1839	567	3240	691	3648	788	2419	573

Разумеется, данные, содержащиеся в таблице, следует принимать с оговорками. Официальная статистика, на основе которой она составлена, не дает исчерпывающей информации о размахе забастовочного движения. Она, как правило, не учитывает политических забастовок, краткосрочных экономических стачек, забастовок на мелких предприятиях и т. д. В этой статистике не отражаются многочисленные случаи, когда предприниматели шли на уступки без боя или делали это тотчас же после объявления стачки. Подчас на основании данных таблицы может создаться впечатление, что уровень активности рабочего класса понизился, тогда как в действительности он вырос.

Тем не менее общее представление о динамике забастовочной борьбы на основании таблицы составить можно. И картина в целом получается впечатляющая.

Как следует из таблицы, до начала кризиса наибольшее число

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 322.

стачек приходилось на 1899 г. Исключение составляли лишь Италия и Англия. На первом месте по количеству стачек и участников находились США. На Европейском континенте по тем же показателям впереди были Англия, Германия, Франция. Забастовочное движение в Англии отличалось особым упорством, что выразилось во внушительных потерях рабочих дней. Каждый из участников стачек в Англии в 1897—1900 гг. в среднем бастовал 37 дней (в 1898 г.— даже 60 дней), в то время как в Австрии — 21 день, во Франции — 17, в Германии — 13, в Италии — 9.

В первый год экономического кризиса подъем забастовочного движения в Германии, во Франции и в Австрии продолжался, его уровень был даже выше, чем в предыдущие годы. Однако затем масштабы движения в трех названных странах резко падают; забастовки уже не носят упорного характера, не столь продолжительны, как в докризисные годы.

В Бельгии начало экономического кризиса принесло резкое снижение стачечной активности. Но в 1902 г. в стране разразился глубокий политический кризис, сопровождавшийся всеобщей стачкой с беспрецедентным для страны числом участников[1].

В Италии кризисные годы ознаменовались резким ростом стачечного движения, что было обусловлено неэкономическими причинами. Так, в 1901 г. количество стачек по сравнению с предыдущим годом возросло вчетверо, а число участников — почти в 5 раз.

В Соединенных Штатах количество бастующих в первый кризисный год (для США — 1898 г.) снизилось, но затем, вплоть до 1903 г., стачечное движение проявляло тенденцию к росту. В 1904 г. число участников стачек вновь резко упало.

Для стачек этих лет характерна также сравнительно высокая результативность. В Германии, например, она возросла с 19% в 1900 г. почти до 25% в 1904 г.[2] Во Франции и в Австрии рост результативности стачек был не столь устойчивым, но тем не менее заметным[3]. Высокий процент успешных стачек, как правило, был обусловлен общим подъемом рабочего движения в данной стране. В Бельгии, например, всеобщая стачка 1902 г. оказала столь глубокое впечатление на буржуазию, что она на протяжении ряда лет предпочитала не обострять отношений с рабочими.

Нередко стачки заканчивались компромиссом. Его оценка не может быть однозначной, хотя официальная статистика приравнивала его к поражению рабочих. На деле в условиях безраздельного господства буржуазии, активности ее мощного аппарата насилия компромисс во многих случаях свидетельствовал об относительном успехе забастовщиков. Существенным для оценки было то, какие

[1] Официальная статистика не отразила это в своих показателях.
[2] «Abstract of Foreign Labour Statistics». London, 1906, p. 190.
[3] Во Франции: 1900 г.— 10,8%, 1901 г.— 8,4, 1904 г.— 19,81%; в Австрии: 1900 г.— 4,65%, 1901 г.— 20,13, 1903 г.— 10, 1904 г.— 18,57%.

требования принимались либо отклонялись предпринимателями и какие из них являлись в тех условиях наиболее важными для рабочих.

Характерной чертой забастовочного движения в это время явилось заметное повышение значения политических требований. В связи с повсеместной травлей профсоюзов объектом борьбы нередко становилось право рабочих на объединение. Таково было, например, содержание растянувшейся с перерывами почти на семь лет (1896—1903 гг.) стачки 3 тыс. рабочих каменоломен Северного Уэльса (Англия). К этой же категории забастовок относилась и упомянутая выше стачка английских машиностроителей (1897—1898 гг.).

Стачки в защиту права на организацию происходили и в США. Особенно острой была борьба за существование Западной федерации рудокопов, против которой Ассоциация горнопромышленников использовала не только локауты, но и провокации, убийства из-за угла, расстрелы. После длительного противоборства к концу 1904 г. чаша весов склонилась в пользу профсоюза.

Наряду с кровавыми расправами над забастовщиками, требовавшими признания права на объединение, применялись и более изощренные методы. В 1902 г. на предприятиях «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» вспыхнула забастовка, вызванная отказом руководства компании распространить условия ранее заключенного коллективного договора на предприятия с неорганизованными рабочими. В конфликт вмешалась Национальная гражданская федерация. Президент АФТ С. Гомперс и руководитель профсоюза горняков Д. Митчелл воспрепятствовали проведению стачек солидарности, что обрекло сталелитейщиков на неудачу. Руководители забастовщиков вынуждены были подписать договор, в котором ограждались «права» штрейкбрехеров. Последствия этого поражения затруднили дальнейшую организацию рабочих в сталелитейной промышленности.

Огромное упорство проявили шахтеры Пенсильвании и других северо-восточных штатов. В мае 1902 г. 144 тыс. горняков поднялись на борьбу вопреки попыткам уладить конфликт компромиссом, предпринятым Национальной гражданской федерацией и Д. Митчеллом. Стачечники держались очень стойко, и к осени в стране стала остро ощущаться нехватка топлива. Тогда президент Т. Рузвельт распорядился создать арбитражную комиссию. Ее предложения предусматривали лишь частичное удовлетворение требований забастовщиков, в результате чего их успех оказался неполным.

В целом в ходе классовых конфликтов все очевиднее проявлялась тенденция правительственных органов вмешиваться в ход событий в интересах промышленников. О том, что такая тенденция не представляла собой чисто американского явления, свидетельствовала аналогичная позиция правительства Франции осенью 1902 г., когда

в стране вспыхнула всеобщая стачка горняков, распространившаяся на 10 департаментов и охватившая 108 тыс. человек (преобладающее большинство занятых в добыче угля). Прямое вмешательство правительственных органов в трудовые конфликты свидетельствовало о расширении сферы социальной деятельности буржуазного государства. Это выявилось с уже достаточной полнотой, хотя степень вовлечения государства в урегулирование трудовых конфликтов и его формы существенно разнились.

Весьма определенную политическую направленность приобрели забастовки в России. В 1898 г. политические стачки составляли 8,4%, в 1900 г.— 20,7, а в 1903 г.— 53,2% всех забастовочных выступлений[1]. Появились новые центры рабочего движения — Сормово, Саратов, Луганск, Златоуст, Ростов-на-Дону. Наряду с текстильщиками на первый план стачечного движения вышли металлисты. В ряды борцов встали рабочие национальных районов — Закавказья (Баку, Тифлис), Прибалтики (Рига). Таким образом, массовая борьба пролетариата приобрела ярко выраженный межнациональный характер и всероссийский размах[2].

Для широких масс пролетариата становятся характерными настроения, отмеченные царскими властями на крупных предприятиях юга России. «Есть некоторые промышленные заведения,— докладывал в Петербург в 1902 г. екатеринославский губернатор,— состав рабочих которых уже зарекомендовал себя особою склонностью к протестам, забастовкам и проявляет постоянную готовность к беспорядкам... Разные протесты, неудовольствия и волнения среди этих рабочих зачастую не основаны только на неправильностях расчета или на изменении расценок, дурном обращении с ними и тому подобном, а зиждятся на почве принципиальных вопросов: о 8-часовом рабочем дне, о праве представительства рабочих при обсуждении таких или иных мероприятий правительства, о праздновании 1 мая и т. д., или же под влиянием пропагандистов социалистического лагеря задаются еще более широкими... задачами, касающимися политического строя России, общности интересов рабочего класса с интересами учащейся молодежи, необходимости принятия участия в противоправительственных демонстрациях и проч. Указываемое течение... все больше и больше распространяется»[3].

Уже в первые годы XX в. в забастовочной борьбе пролетариата России отчетливо проступили характерные черты, в полной мере проявившиеся позднее, в период первой русской революции: мас-

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1. М., 1964, стр. 274, 357.

[2] См. «Рабочее движение в России в 1901—1904 гг.». Сборник документов. Л., 1975.

[3] Цит. по: *А. Ф. Вовчик*. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895—1904 гг.). Львов, 1964, стр. 43.

совость, тесное переплетение экономических и политических требований, тенденция к перерастанию стачки в более решительные формы классовой борьбы.

Весьма показательно с этой точки зрения острейшее классовое столкновение, вспыхнувшее в мае 1901 г. на Обуховском заводе в Петербурге в ответ на увольнение 26 участников первомайской стачки. В забастовке участвовали все 3600 рабочих завода. Они предъявили ряд требований: свободное празднование 1 Мая, восстановление на работе уволенных, введение 8-часового рабочего дня, повышение заработной платы, признание права на выборы рабочих представителей и т. д. Бастующие вышли на улицу и двинулись к соседним предприятиям. К обуховцам присоединились многие рабочие, а также жители сел Александровского, Мурзинки и Рыбацкого. Петербургский полицмейстер, получив известие о событиях, прибыл на Обуховский завод во главе отряда конной полиции. Такие же отряды были высланы и к другим бастовавшим заводам. Попыткам полиции и войск разогнать бастующих с помощью огнестрельного оружия был оказан решительный отпор, отбито несколько атак конной полиции, жандармерии и пехоты. Сопротивление рабочих было подавлено с огромным трудом. В результате кровавого столкновения семь человек были убиты, десятки ранены и около 200 арестованы [1]. «Обуховская оборона» вызвала сильнейший резонанс среди трудящихся всей России. В. И. Ленин относил это событие к тем «отчаянным вспышкам», которые «пробуждают к сознательной жизни самые широкие слои задавленных нуждою и темнотою рабочих, распространяют в них дух благородной ненависти к угнетателям и врагам свободы» [2].

Немалую стачечную активность проявил в те годы германский пролетариат. Его борьба проходила в сложных условиях. Эксплуататорская мощь монополистического капитала сказывалась здесь, как нигде в Европе. Но, несмотря на попытки ограничить даже чисто экономические выступления трудящихся, только в 1903—1904 гг. в Германии произошло 2900 конфликтов. Особое место среди них занимала стачка текстильщиков в Криммичау. Она продолжалась более пяти месяцев и отличалась активным вовлечением женщин-работниц, прямой конфронтацией с властями. Фабриканты, отвергнувшие требования об установлении 9-часового рабочего дня и 10-процентном увеличении заработной платы, не смогли сорвать забастовку с помощью штрейкбрехеров. Бастующие стойко держались, несмотря на жестокие материальные лишения. В некоторой мере их смягчала поддержка других отрядов рабочего класса: забастовщики получили таким путем миллион марок. Предприниматели обратились к властям, и тогда в районе, охваченном забастовкой, было

[1] См. *М. Д. Розанов.* Героическая «Обуховская оборона». Л., 1941.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 15.

введено осадное положение[1]. Это лишь укрепило волю забастовщиков к борьбе. Но то, что не удалось властям, совершило профсоюзное руководство, принявшее решение о прекращении стачки. К концу 1904 г. в Германии назрел новый серьезный социальный конфликт, на этот раз в угольной промышленности.

Заметное обострение стачечных боев отмечалось в Австро-Венгрии. Важное значение для развития рабочего движения имела двухмесячная забастовка горняков, начавшаяся в январе 1900 г. и охватившая все угольные районы Чехии и Моравии. Выступившие под руководством центрального забастовочного комитета горняки района Моравской Остравы требовали введения 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы на 20%, установления минимума заработной платы и ее еженедельной выплаты, реорганизации касс взаимопомощи и передачи их под контроль рабочих и т. п. Шахтеров поддержали трудящиеся других угольных бассейнов (в общей сложности бастовало свыше 85 тыс. человек). 11 марта 1900 г. рабочие Праги провели 10-тысячную демонстрацию солидарности с бастующими горняками. В результате упорной борьбы последние добились частичного удовлетворения своих требований: заработная плата повышалась на 10%, с 1 июня 1901 г. законодательным путем устанавливался 9-часовой рабочий день, на подземных работах вводился 24-часовой еженедельный отдых, ограничивалось применение женского и детского труда[2].

В мощное выступление против политического режима переросла стачка строителей во Львове в 1902 г. Бастующие требовали установления 9-часового рабочего дня, повышения заработной платы, приема на работу только через бюро труда. Тысячи рабочих 2 июня собрались на Стрелецкой площади и прилегающих к ней улицах. Против демонстрантов были посланы войска, открывшие огонь. В тот же день в Бориславе вследствие отсутствия охраны труда произошла катастрофа в шахте: 19 рабочих было убито, а четверо — ранены. Похороны погибших превратились в мощную демонстрацию протеста против режима. В траурной процессии участвовало около 15 тыс. рабочих и крестьян соседних деревень. В связи с расстрелом на Стрелецкой площади и бориславскими событиями 3 и 4 июня во Львове состоялись новые политические демонстрации. Краковские рабочие заявили о своей солидарности и организовали сбор средств в помощь пострадавшим. Стачка львовских строителей окончилась их частичной победой.

В 1902 г. рабочие горно-металлургических предприятий Австрии, бастовавшие в течение трех с половиной месяцев, добились увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня. Исключительной остротой отличалась происходившая в том же году всеобщая стачка

[1] *H. Wohlgemuth.* Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung von der Jahrhundertwende bis 1917. Berlin, 1971, S. 40.
[2] См. «История Чехословакии», т. II. М., 1959, стр. 184—186.

пролетариев Триеста. Когда попытка сломить их упорство с помощью штрейкбрехеров закончилась провалом, правительство ввело войска, пустившие в ход оружие[1].

Более частым, чем прежде, явлением стали *массовые всеобщие стачки*. За первые четыре года нового столетия они прошли в России, Испании, Италии, Швеции, во Франции, в Нидерландах, Бельгии. Отличаясь по характеру требований и масштабам охвата, все они носили политический характер.

В *России* первые всеобщие стачки вспыхнули в 1902 г. По призыву Донского комитета партии 4 ноября забастовали все рабочие Главных железнодорожных мастерских, являвшиеся наиболее сплоченным и сознательным отрядом ростовских пролетариев. Непосредственным поводом к стачке послужили обсчеты рабочих и снижение заработной платы. В воззвании Донского комитета, выпущенном в день объявления стачки, содержалось 25 требований, среди которых были: 9-часовой рабочий день, повышение заработной платы, отмена штрафов и т. д.

В первые же дни стачки Донком принял меры к вовлечению в нее рабочих всех заводов и фабрик города. Стачка охватила почти всех рабочих Ростова и Нахичевани — всего более 30 тыс. человек. Ежедневно происходили массовые митинги. 11 ноября стянутые в город войска открыли огонь по безоружным рабочим, собравшимся на очередной митинг. В результате шесть человек было убито и 26 ранено. На другой день в ответ на зверский расстрел рабочие вновь собрались на митинг, превратившийся в грандиозную политическую демонстрацию[2].

Движение отличалось высокой организованностью. Хотя в конечном итоге была удовлетворена лишь небольшая часть требований рабочих, их сплоченность и готовность к борьбе значительно возросли. Ростовские события продемонстрировали огромный рост политической сознательности и революционной активности пролетариата. Стачка вызвала отклики во всей России и открыла полосу массовых политических демонстраций.

Летом 1903 г. всеобщей стачкой оказался охваченным весь юг страны. В движении участвовало более 200 тыс. рабочих. Они поднялись, писал В. И. Ленин, «на борьбу за лучшую жизнь, за свободу от полицейского гнета»[3].

Первым начал стачку пролетариат Баку, где местное руководство РСДРП создало забастовочный комитет. Среди рабочих распространялась листовка на нескольких языках, в которой формулировались требования к хозяевам: увольнение ненавистных мастеров и управляющих, вежливое обращение, прекращение сверхурочных

[1] См. *С. В. Овнанян.* Подъем рабочего движения в Австрии (1905—1906 гг.). М., 1957, стр. 56.

[2] См. «Ростовская стачка 1902 года и деятельность Донкома РСДРП (к пятидесятилетию стачки)». Ростов н/Д., 1952.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 183.

работ, повышение заработной платы и т. д. Правительство, напуганное силой и размахом выступления, направило в Баку крупные воинские силы. Бакинцев поддержали рабочие Тифлиса, объявившие всеобщую забастовку солидарности. Город был наводнен войсками. Однако стачечники оказывали мужественное сопротивление. Из Тифлиса стачка перекинулась в Батум, где в ней приняли участие рабочие порта и заводов, железнодорожники.

Под влиянием событий в Закавказье всеобщая забастовка охватила города Украины: Одессу, Киев, Николаев, Екатеринослав и др. В Одессе не работал ни один завод, ни одна мастерская, остановились конка, трамвай, не ходили поезда и пароходы. Одесские рабочие проявили исключительный героизм и стойкость. 17 июля железнодорожники легли на рельсы, чтобы не позволить администрации пустить поезда. То же самое сделали 19 июля рабочие конки[1].

Призывая к бескомпромиссной борьбе с самодержавием, Одесский комитет РСДРП писал в одной из своих листовок: «И только в свободной стране мы вздохнем полной грудью... с новыми силами, с могучей верой пойдем дальше, вперед — к завоеванию нового строя жизни. Мы тогда направим уж все свои силы, чтобы навсегда уничтожить наемное рабство и сломить силу капитала»[2].

Массовые политические стачки на юге России продолжались вплоть до октября 1903 г. Лишь посредством зверских репрессий царскому правительству на время удалось подавить выступления рабочих.

В том же году прошла всеобщая стачка ткачей в Белостоке.

В 1904 г. волна стачек охватила Петербург, Иваново-Вознесенск, Нижний Новгород, Кавказ. В конце года бастовали рабочие нефтепромыслов Баку. Эти выступления сопровождались столкновениями рабочих с полицией и войсками.

Чрезвычайно поучительной была история всеобщей стачки 1902 г. в Бельгии, о которой уже шла речь выше. В стране возник политический кризис, вызванный стремлением правящих кругов сохранить антидемократическую систему выборов. Позиция Бельгийской рабочей партии (БРП) по этому вопросу была противоречива. Приняв на съезде решение добиваться введения всеобщего избирательного права, используя для этого все методы, вплоть до всеобщей стачки, БРП развернула широкую кампанию в пользу реформы. В то же время руководство партии, ориентировавшееся на блок с либералами, противилось применению революционных средств борьбы.

Не ожидая указания руководства партии, рабочие стали бросать работу. Лишь после этого лидеры призвали начать всеобщую стачку.

[1] См. «Очерки истории российского пролетариата (1861—1917)». М., 1963, стр. 152—154.

[2] «Всеобщая стачка на юге России. Сборник документов». М., 1939, стр. 85.

На призыв откликнулось 300—350 тыс. человек[1]. Однако, несмотря на то что движение развивалось успешно, через пять дней руководство прекратило стачку, объявив, что цель якобы достигнута.

Несмотря на неудачу, значение этой стачки для бельгийского рабочего класса было очень велико. Усилилась политическая активность пролетариата, быстрее пошло развитие его организаций.

Опыт и уроки бельгийской стачки оживленно обсуждались в социалистической печати ряда стран. Бернштейн и его единомышленники, как и следовало ожидать, одобрили действия руководства БРП. В противовес этому ленинская «Искра» остро критиковала вождей бельгийских социалистов за то, что они не проявили революционной решимости, старались сдержать активность рабочих, противились сочетанию всеобщей стачки с политической демонстрацией. «Искра» писала: «Социалистический пролетариат увидит, к каким практическим результатам ведет оппортунистская тактика, жертвующая революционными принципами в надежде на скорый успех»[2]. Р. Люксембург, указывая на необходимость умелого сочетания всех средств борьбы, подчеркивала недопустимость отказа от революционного насилия. «И если мы,— писала она,— посредством парламентской, как и всякой другой деятельности, революционизируем головы, то это для того, чтобы в конце концов в случае крайней необходимости революция из голов переместилась в кулаки»[3]. В. И. Ленин предложил в противовес писаниям ревизионистов перепечатать статью Р. Люксембург в журнале «Заря»[4] — свидетельство совпадения взглядов российских и зарубежных революционных социал-демократов по принципиальным вопросам пролетарской политики.

В Швеции всеобщая забастовка развернулась также в связи с борьбой за всеобщее избирательное право. В апреле 1902 г. на чрезвычайном съезде Социал-демократической рабочей партии было принято решение провести кампанию в пользу всеобщего избирательного права, приурочив ее к обсуждению риксдагом проекта избирательного закона. В конечном итоге уличные демонстрации переросли во всеобщую забастовку. В ней приняло участие около 85% шведского промышленного пролетариата. Продолжалась она три дня. Хотя риксдаг и отверг предложение о введении всеобщего и равного избирательного права для мужчин, он, однако, вынужден был обратиться к правительству с предложением выработать новый законопроект, который предусматривал бы расширение прав трудящихся[5].

[1] См. *Р. Я. Цирульник.* Всеобщая стачка 1902 года в Бельгии и Рабочая партия.— «Европа в новое и новейшее время». М., 1966, стр. 481.
[2] «Искра» № 21, 1 июня 1902 г.
[3] *R. Luxemburg.* Gesammelte Werke, Bd 1/2. Berlin, 1970, S. 247.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 190.
[5] *К. Бекстрём.* История рабочего движения в Швеции. М., 1961, стр. 313.

Во время бельгийской и шведской стачек впервые в истории рабочего движения была предпринята организованная попытка соединить парламентскую деятельность рабочих партий с массовыми внепарламентскими выступлениями трудящихся.

В 1903 г. две массовые стачки прошли в Нидерландах. Одна из них в ходе борьбы переросла во всеобщую. Ее основные цели имели политический характер: право железнодорожников на создание своих союзов, на забастовку. Предприниматели частично удовлетворили требования рабочих. Правительство, однако, ответило внесением в парламент законопроекта, фактически запрещавшего стачки, и стало сосредоточивать войска в рабочих районах. Среди руководителей Социал-демократической рабочей партии и в комитете сопротивления (он состоял из социал-демократов, свободных социалистов и анархистов) не было единодушия. Тем не менее в ночь с 5 на 6 апреля 1903 г. началась забастовка транспортных рабочих, а 9 апреля — всеобщая стачка с целью усилить нажим на правительство[1]. Но уже 11 апреля она прекратилась. Колебания социалистического руководства, неожиданный отказ комитета продолжить стачку — все это нанесло серьезный ущерб развертывавшемуся в стране движению[2].

Итальянское рабочее движение приобрело опыт успешной всеобщей забастовки еще в самом начале XX века. В декабре 1900 г. генуэзские рабочие в результате сплоченного выступления добились восстановления палаты труда, распущенной префектом. Эта победа дала огромный стимул развитию массового пролетарского движения.

Для другой всеобщей стачки в Италии (16—20 сентября 1904 г.) характерно своеобразное сочетание крестьянского и рабочего движения. Толчком к забастовке послужило известие о расстреле бастующих батраков Юга, вызвавшее глубокое возмущение пролетариата Севера, а целью забастовки был энергичный протест против систематических кровавых расправ над трудящимися[3]. Без всяких указаний социалистической партии и профсоюзов 15 сентября остановились предприятия Милана, на другой день — Генуи, Болоньи, Флоренции, Турина. Всеобщая забастовка охватила север и центр Италии. Только после того как стачка действительно стала всеобщей, социалистические парламентарии совместно с руководством газеты «Аванти!» приняли решение возглавить массы[4]. Однако руководство Итальянской социалистической партии не сумело, а правое его крыло не захотело стать политическим штабом движения. Всеобщая стачка, внезапно охватившая промышленные районы Италии, столь же быстро прекратилась.

[1] «Dokumente des Sozialismus», Bd III, 1903, S. 230—232.
[2] См. «История Второго Интернационала», т. II. М., 1966, стр. 58.
[3] «International Socialist Review», November 1904.
[4] См. *К. Ф. Мизиано.* Всеобщая политическая забастовка в 1904 г. в Италии.— «Проблемы итальянской истории». М., 1975.

В феврале 1904 г. состоялась всеобщая стачка в Барселоне (Испания). Стачка слилась с забастовками, бушевавшими по всей Каталонии. Борьбу рабочих поддержали и мелкобуржуазные слои населения. В течение нескольких дней жизнь в городе была полностью парализована. Однако организованность пролетариата оказалась недостаточной. Руководившие стачкой анархо-синдикалисты слишком уповали на стихийное развитие. Социалисты не поддержали выступление, поскольку его организовали анархо-синдикалисты. Все это облегчило властям подавление забастовки, задушенной силой оружия. Рабочие потеряли 40 человек убитыми и 200 — ранеными.

Несмотря на поражение, барселонские события произвели большое впечатление во всей Европе. Некоторые газеты называли эту стачку «испанской социальной революцией».

Славную страницу в историю забастовочного движения того времени вписали французские горняки, поднявшиеся в сентябре — октябре 1902 г. на всеобщую стачку. Это выступление вынудило правительство к пересмотру действовавшего в стране социального законодательства.

Массовое движение в последние годы «мирного» периода свидетельствовало о том, что во всех капиталистических странах и во всех важнейших сферах общественной жизни антинародной политике империалистов противостоят растущая мощь, сознательность, организованность пролетариата, его решимость активно бороться за свои экономические, социальные и политические интересы. Дальнейшее развитие рабочего движения во многом зависело от того, насколько смелой и дальновидной будет его политическая линия, насколько целеустремленно она будет ориентирована на свержение власти капитала. Такая линия могла быть выработана лишь на основе марксистского анализа происходивших коренных сдвигов в исторической обстановке.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ПРОЛЕТАРИАТА

Накануне XX в. и в первые его годы к социалистическим партиям, действовавшим главным образом в развитых капиталистических странах, прибавился ряд новых, возникавших по мере формирования и политического роста пролетариата, например в Сербии, Аргентине, Бразилии, на Кубе и т. д. Их деятельность охватывала самые различные слои рабочего класса. В ряды социалистических партий приходило все больше и больше сознательных, политически активных рабочих. Важным показателем, свидетельствовавшим о росте влияния социалистических партий, было увеличение численности сотрудничавших с ними массовых рабочих организаций, в первую очередь профсоюзов.

Большую роль в деятельности рабочих партий играла пресса. Социалистическая печать являлась не только средством правдивой информации, что в условиях засилья тенденциозной или попросту лживой буржуазной печати само по себе весьма существенно, но также средством идеологического воспитания масс, инструментом политического руководства ими со стороны рабочих партий. Многие редакции социалистических газет были и организационными центрами или опорными пунктами пролетарского движения. В 1904 г. социалистические партии выпускали 134 ежедневные газеты и 296 других периодических изданий.

Укрепление организационных и идейно-политических связей с пролетарскими массами и другими слоями населения позволяло социалистическим партиям все увереннее выступать на выборах в парламенты, муниципалитеты и другие органы. В 1904 г. общее число избирателей, отдавших свои голоса социалистическим партиям, составляло 6 686 тыс.; в парламентах насчитывался 261 депутат-социалист[1]. В ряде случаев благодаря гибкой и настойчивой тактике представителям рабочих партий удавалось добиваться принятия законов, выгодных для рабочего класса и его союзников, или препятствовать принятию решений, угрожавших интересам трудящихся.

Таким образом, политические организации пролетариата добились успехов на различных участках своей деятельности. Рабочие партии многих стран и их объединение на международной арене — II Интернационал превратились в весомый политический фактор, с которым не могли не считаться буржуазные организации, правительства, капиталистические монополии, буржуазия в целом.

Однако этих успехов было далеко не достаточно, чтобы повести рабочий класс на революционный штурм капитализма и добиться решительной победы. Ограничиваться простым расширением и активизацией деятельности социалистических партий на прежнем идейно-политическом и организационном уровне было нельзя. Требовался качественный скачок в их развитии. Об этом свидетельствовала деятельность политических организаций пролетариата в развитых странах.

В Германии влияние Социал-демократической партии (СДПГ) на рабочий класс постоянно росло. Численность партии составляла в 1905 г. 384 тыс. человек. Если на выборах в рейхстаг в 1898 г. она получила 2 107 тыс., то в 1903 г.— уже 3 011 тыс. голосов (81 депутат)[2]. В. И. Ленин писал впоследствии, имея в виду годы расцвета СДПГ, что «революционная немецкая социал-демократия *ближе всего* была к такой партии, которая нужна революционному пролетариату, чтобы он мог победить»[3].

Положение начало меняться именно в первые годы XX в. Пар-

[1] См. *И. М. Кривогуз.* Второй Интернационал. 1889—1914. М., 1964, стр. 170.

[2] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Chronik», Bd 1. Berlin, 1965, S. 187, 209.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 16.

тия по-прежнему находилась в прямой, подчас весьма острой конфронтации с правящими кругами; особенно это проявлялось в периоды избирательных кампаний или таких боевых выступлений, как, например, упоминавшаяся выше стачка в Криммичау. Но были и симптомы иного рода. Так, в 1899 г. главари баварской организации СДПГ в соответствии с ревизионистскими рецептами, но вопреки традициям и решениям партии вступили в избирательное соглашение с буржуазными политиканами. И хотя Майнцский съезд СДПГ, состоявшийся в 1900 г., запретил заключать такого рода соглашения, они тем не менее не прекратились.

Наметившееся расхождение слова и дела проявлялось и в отношении к ревизионизму в целом. С ним не только не было покончено после осуждения, которому он подвергся на съездах 1898 и 1899 гг.; наоборот, после 1900 г. распространение ревизионистских идей в партии усилилось, чему, в частности, способствовали возвращение Бернштейна в начале 1901 г. из Англии (где он проживал до того) и шумная пропагандистская кампания, развернутая им. Вопрос вновь обсуждался на Дрезденском съезде СДПГ в 1903 г. Бебель резко выступил против ревизионизма, а принятая по его предложению резолюция (ставшая широко известной в международном социалистическом движении) осудила попытки ревизовать марксистскую теорию, подменять политику, ориентированную на подготовку социалистической революции, узколобым и деляческим соглашательством с буржуазией [1]. Работа Дрезденского съезда и его решения получили высокую оценку со стороны революционных марксистов разных стран, в том числе на страницах ленинской «Искры» [2].

Однако лидеры СДПГ словами и ограничивались. Они не помышляли об удалении проповедников ревизионизма из партии. Теоретик партии Каутский доказывал, что ревизионизм имеет право на существование, ибо в СДПГ должна происходить «борьба мнений». Центральный орган партии «Форвертс» сохранял по отношению к Бернштейну (а также к главарю французских бернштейнианцев Мильерану) «дружественный нейтралитет», за что был подвергнут резкой критике на страницах руководимого Лениным журнала «Заря» [3]. В. И. Ленин и по другим поводам критиковал «мягкость» немецких социал-демократов по отношению к Бернштейну и его единомышленникам [4].

[1] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Dresden vom 13. bis 20. September 1903». Berlin, 1903, S. 419.

[2] См. «Искра» № 48, 15 октября 1903 г.

[3] В связи с этим возник конфликт, который (после того как редакция «Зари» перенесла дело в правление СДПГ) закончился признанием своей неправоты сотрудниками «Форвертс» (см. «Заря» № 2/3, декабрь 1901 г.; *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч,. т. 6, стр. 189, 505; «Ленин в борьбе за революционный Интернационал». М., 1970, стр. 47—48).

[4] См., например, *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 358.

Для положения, складывавшегося в германской социал-демократии в первые годы XX в., характерна по существу отрицательная позиция ее руководства по отношению к такому новому средству массовой борьбы пролетариата, как всеобщая стачка. Лишь последовательные марксисты К. Либкнехт, К. Цеткин и др. выступили за применение всеобщей стачки как орудия политической борьбы[1].

Организационной основой деятельности германской социал-демократии до конца XIX в. был устав, принятый съездом СДПГ в Галле в октябре 1890 г. Согласно этому уставу, членом партии считался всякий, кто признает принципы ее программы и поддерживает партию по мере своих сил[2]. Устав, однако, не требовал фиксированной принадлежности члена партии к одной из ее организаций и систематического участия в ее деятельности под соответствующим руководством и контролем.

СДПГ представляла собой федерацию партийных организаций, пользовавшихся широкой автономией. Они поддерживали связь с правлением партии с помощью системы доверенных лиц. Руководящую роль в СДПГ все чаще играла социал-демократическая фракция в рейхстаге, в особенности ее лидеры, хотя по уставу они этим правом не обладали.

Слабые места в организационной структуре СДПГ объяснялись не только нажимом оппортунистов. В определенной степени здесь сказывались также непрекращавшиеся полицейские преследования, в условиях которых приходилось функционировать партии; руководители СДПГ, памятуя о временах «исключительного закона» против социалистов, всячески стремились не навлекать новых репрессий[3].

В последние годы XIX в. необходимость пересмотра устава СДПГ, приспособления его к новым условиям стала очевидна. Как система доверенных лиц, так и пункт о членстве в партии вызывали серьезные нарекания. Все это обусловило дискуссию по организационным вопросам, закончившуюся принятием нового устава на съезде в Майнце.

Съезду были представлены предложения о пересмотре организационной структуры партии в сторону централизации. Многие местные организации предлагали более четкую формулировку параграфа устава о членстве. Так, саарская организация считала необходимым, чтобы устав предусматривал обязательную принадлеж-

[1] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Bremen, September 1904». Berlin, 1904, S. 322—324 u. a.

[2] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Halle vom 12. bis 18. Oktober 1890». Berlin, 1890, S. 5.

[3] Пролетариат Германии вел упорную и настойчивую борьбу против антирабочих законов, важнейшим результатом которой явилась отмена в 1899 г. реакционного прусского законодательства о союзах.

ность члена партии к одной из партийных организаций. Эльберфельдская организация настаивала на постоянной поддержке партии денежными средствами, а также (по возможности) практической деятельностью [1].

Но усилиями руководства СДПГ все предложения о централизации были отвергнуты. Первый параграф устава подвергся изменению; в новой редакции он гласил: «Членом партии считается каждый, кто признает принципы программы партии и регулярно поддерживает партию денежными средствами» [2]. Это означало, что и далее члены СДПГ не были обязаны вести постоянную партийную работу; отсутствовали положение о четко оформленных местных организациях, определение отношений между правлением партии и парламентской фракцией.

Недостатки устава, не имевшие серьезных отрицательных последствий в относительно спокойные времена, таили весьма существенную опасность для эффективной деятельности партии и ее сплоченности в периоды бурного подъема массовой борьбы, назревания революции [3]. Несовершенство организационной структуры СДПГ отражало общее теоретическое и политическое отставание партии в новых условиях.

Во Франции в конце XIX в. на политической арене выступало несколько социалистических организаций. Организационная раздробленность социалистического движения — следствие противоборства различных идеологических направлений — от бланкизма и прудонизма до жоресизма и гедизма — крайне затрудняла борьбу французского пролетариата.

Примерно равным влиянием пользовались две наиболее крупные организации — Французская рабочая партия (ФРП) и Федерация независимых социалистов, образовавшаяся в 1898 г. К ним, как к полюсам, тяготели мелкие социалистические группировки.

Социалистическое движение было разделено не только идейными разногласиями, организационными перегородками, но и различным подходом к текущим политическим проблемам. Наиболее острая из них возникла в 1899 г., когда социалист Мильеран вошел в состав буржуазного правительства Вальдека Руссо.

Характеризуя это событие и вскрывая его связь с «теорией» ревизионизма, В. И. Ленин писал в 1902 г.: «В чем состоит «новое» направление, которое «критически» относится к «старому, догматическому» марксизму, это с достаточной определенностью *сказал* Бернштейн и *показал* Мильеран» [4]. С резким осуждением поступка

[1] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Mainz vom 17. bis 21. September 1900». Berlin, 1900, S. 87.
[2] Ibid., p. 6.
[3] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd 2. Berlin, 1966, S. 41.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 7.

Мильерана выступили руководители ФРП Гед и Лафарг, а также Вайян и другие руководители Революционной социалистической партии и Коммунистического альянса. Возглавляемая же Жоресом Федерация независимых социалистов одобрила вступление Мильерана в буржуазное правительство, связывая с этим шагом различные надежды и расчеты реформистского характера.

«Казус Мильерана» породил внутри социалистического движения острую борьбу[1]. Ж. Гед, П. Лафарг, Э. Вайян и др. вышли из объединенной социалистической фракции парламента и опубликовали манифест, осуждающий мильеранизм. Очередной съезд Рабочей партии (1899 г.) поддержал линию Геда; однако при этом обнаружилось, что в самой партии уже имеются силы, склоняющиеся к реформизму[2]. На конгрессе всех французских социалистических организаций в Париже (декабрь 1899 г.) руководители ФРП при поддержке бланкистов дали решительный бой главным единомышленникам Мильерана — так называемым независимым социалистам и добились успеха. Однако реформистское крыло социалистического движения оставалось сильным в немалой степени благодаря авторитету Жореса.

Политические расхождения иного рода обнаружились между социалистами в связи с судебным делом французского офицера Дрейфуса. В защиту Дрейфуса выступили Жорес и ряд других видных социалистов, тогда как Гед и его единомышленники считали, что общественное движение вокруг этого дела представляет собой лишь борьбу между различными фракциями буржуазии, в которую рабочему классу не следует вмешиваться. От своей ошибочной, сектантской линии гедисты отступили, лишь когда армия установила в стране осадное положение, а значительные отряды рабочих (железнодорожники, строители) поднялись на забастовки в защиту республиканского строя и демократических прав. В конечном счете выступления широких демократических масс заставили реакцию отступить[3].

Политическая обстановка, которую В. И. Ленин характеризовал как преддверие гражданской войны, заставила социалистов искать путей преодоления разногласий и объединения своих сил. Это удалось лишь частично. В 1901—1902 гг. были созданы Французская социалистическая партия (ФСП), куда вошли Федерация независимых социалистов, Федерация социалистических рабочих и др., и Социалистическая партия Франции (СПФ), объединившая ФРП, Революционную социалистическую партию (во главе с Вайяном),

[1] «Histoire du Parti communiste français. Manuel». Paris, 1964, p. 37—38.

[2] *D. Ligou.* Histoire du socialisme en France (1871—1961). Paris, 1962, p. 147.

[3] «Histoire du Parti communiste français», p. 36—37; *К. Виллар.* Социалистическое движение во Франции. 1893—1905 (Гедисты). М., 1969, стр. 430—434.

Коммунистический альянс и некоторые автономные федерации. Таким образом, в начале эпохи империализма, в канун крупнейших классовых битв коренной недостаток рабочего движения Франции — его раздробленность — не был полностью преодолен, что не могло не оказать отрицательное влияние на его развитие.

Костяком СПФ являлись рабочие текстильной, горной, металлургической промышленности и железнодорожники. Наибольшим влиянием партия пользовалась в департаментах Нор, Па-де-Кале, Об, Алье, в Лионском районе. Главной базой ФСП служили центральные федерации и Париж, где наряду с фабричным было сильно развито ремесленное производство.

СПФ считала себя революционной классовой партией, стремящейся к освобождению труда и преобразованию капиталистического общества в коммунистическое. На Реймском конгрессе 1903 г. она приняла программу-минимум. В политической области СПФ требовала отмены ограничений демократических свобод, равенства всех граждан, замены постоянной армии национальной милицией, в экономической — введения прогрессивного подоходного налога, ограничения рабочего дня 8-ю часами, установления еженедельного выходного дня, распространения трудового законодательства на все категории рабочих и служащих, участия рабочих в управлении предприятиями[1].

Устав СПФ был принят в сентябре 1902 г. на съезде в Коммантри. В его основе лежали организационные принципы ФРП, стремившейся к укреплению дисциплины и к централизации[2]. В промежутках между ежегодными съездами партией руководил Центральный совет, призванный направлять пропаганду, разрабатывать тактику текущей борьбы, осуществлять контроль над деятельностью социалистических депутатов и над партийной печатью. В тоже время каждая из местных федераций партии имела собственный устав, регулировавший ее деятельность.

Таким образом, партия не сделалась сплоченной организацией в полном смысле этого слова. Центральный совет, облеченный широкими полномочиями, по ряду причин не справлялся со своими обязанностями «контролера и руководителя партии». Представительство федераций на заседаниях Совета, которое должно было обеспечивать живую связь между центральным руководством и местными организациями, на деле было недостаточным, нерегулярным[3].

В 1904 г. съезд СПФ в Лилле попытался изменить положение. Был принят устав, согласно которому член партии не только должен

[1] «Deuxième congrés national du Parti socialiste de la France (Unite socialiste révolutionnaire) tenu à Reims les 27, 28 et 29 septembre 1903. Compte rendu complet». Paris, 1903, p. 39—40.
[2] «I Congrés national du Parti socialiste de la France (USR) tenu à Commentry les 25, 27 et 28 septembre 1902. Compte rendu complet». Paris, 1902, p. 80—86.
[3] См. *К. Виллар*. Указ. соч., стр. 512.

иметь членский билет и уплачивать взносы (это было зафиксировано уже в Коммантри), но обязан также признавать программу и устав партии, подчиняться решениям федеральных и национальных съездов. Для укрепления связи центра с периферией Лилльский съезд создал новый институт «постоянных делегатов», в обязанности которых входило совершать пропагандистские турне и посещать местные секции. Это, безусловно, был шаг в сторону укрепления партии, но он не мог полностью исправить недостатки в руководстве ею. Стройная по видимости организационная структура СПФ на практике часто обнаруживала серьезные слабости, мешавшие ее эффективной деятельности.

Что касается ФСП, то в 1902 г. она приняла Турскую программу, полную социалистических фраз и либерально-реформистских требований в духе Декларации прав человека и гражданина (1789 г.). Предложенная Жоресом программа удовлетворяла всех: «революционеров тем, что в ней говорится часто о революции, а умеренных — тем, что она вся пропитана бернштейнианством»[1]. В программе утверждалось, например, что «всеобщее избирательное право — это коммунизм в области политической власти». Между социализмом и буржуазной республикой не делалось по существу никакого различия. Наряду с провозглашением интернационализма и борьбы против угрозы войны одобрялась защита буржуазного отечества[2].

Устав ФСП, принятый на съезде в Туре, зафиксировал принцип автономности департаментских федераций. Они имели собственные уставы, определявшие отношения с низовыми организациями, также пользовавшимися большой самостоятельностью. Руководство текущими общепартийными делами в период между ежегодными национальными съездами принадлежало Межфедеральному комитету. Однако парламентарии, как и партийная пресса, фактически не подчинялись ему, ибо каждый депутат должен был отчитываться лишь перед своей федерацией, а парламентская группа в целом — перед национальным съездом. Таким образом, депутаты от ФСП не были связаны единой партийной дисциплиной.

Съезд ФСП в Сент-Этьенне (1904 г.) создал новый руководящий орган — Национальный совет. В его состав входили члены Межфедерального комитета и парламентская фракция. Это в большой степени усилило влияние депутатской группы ФСП на партийные дела.

Для Итальянской социалистической партии (ИСП) ожесточенные гонения 90-х годов не прошли бесследно, усилив среди части ее лидеров тенденции к умеренности во что бы то ни стало, лишь бы не навлечь на себя новых репрессий. Выразителями этих настроений были Турати, Биссолати и др. В программных доку-

[1] «Искра» № 19, 1 апреля 1902 г.

[2] «Quatrième congrés général du Parti socialiste français tenu à Tours du 2 au 4 mars 1902. Compte rendu stenographique officiele». Paris, 1902, p. 246—252.

ментах партии отсутствовали конкретные положения о конечных целях движения, о формах пролетарской власти, о революционных средствах борьбы, положения, которые в определенной мере уже были восприняты итальянскими социалистами в прошлом (например, в программе Революционно-социалистической партии Романьи 1881 г.)[1].

Как отмечал впоследствии П. Тольятти, характерной чертой итальянского социализма было «отсутствие самой основополагающей концепции — концепции революции». «Особо оно страдало этим в первое десятилетие XX века, когда движение рабочего класса, выдержав испытания начального периода, должно было пройти через более трудные испытания, то есть организовать политическую борьбу, которая имела бы ясные революционные перспективы, соответствующие обстановке того момента»[2].

В организационном отношении Итальянская социалистическая партия не отличалась от других партий II Интернационала, не ставила перед своими членами твердых требований непосредственного участия в партийной деятельности. В первое время партия строилась на принципе коллективного членства, сохранившемся с тех пор, когда политическая организация рабочего класса еще составляла единое целое с другими формами его объединения. Устав 1895 г. ввел индивидуальное членство, но в нем было лишь установлено, что «членом партии считается каждый разделяющий ее принципы и содействующий ей»[3]. Члены ИСП обязаны были уплачивать ежемесячные или годовые взносы; больше от них практически ничего не требовалось.

На съезде 1897 г. в Болонье реформисты пытались, правда безуспешно, добиться полной децентрализации, ограничения прерогатив национальных съездов партии. То же повторилось и на первом после длительного перерыва легальном съезде ИСП, собравшемся в 1900 г. в Риме[4]. К этому времени влияние реформистов значительно возросло, что было связано с поворотом итальянской буржуазии к либеральным методам управления. Сказывались также настроения и стремления мелкобуржуазных элементов, за счет которых пополнялись ряды рабочего класса Италии, избирательные успехи партии, способствовавшие распространению иллюзии о легкости предстоящего пути к социализму. В 1900 г. партия собрала 216 тыс. голосов и в парламенте оказалось 33 социалиста[5]. Революционным формам и методам борьбы настойчиво противопоставлялась «разумная политика реформ». На съезде в 1902 г. большинство получили рефор-

[1] *E. Ragionieri.* Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani 1875—1895. Milano, 1961, p. 58—64.
[2] *П. Тольятти.* Избранные статьи и речи, т. II. М., 1965, стр. 146, 149.
[3] «Il partito socialista italiano nei soui congressi», vol. I. Milano, 1959, p. 57.
[4] См. «История Италии», т. 2. М., 1970, стр. 327.
[5] *G. Mammarella.* Riformisti e rivoluzionari nel PSI. 1900—1912. Firenze, 1968, p. 33.

мисты. Съезд признал полную автономию парламентской фракции, высказался за свободу союзов с буржуазными партиями.

Но в рядах ИСП креп протест против реформизма, усиливалось революционное течение, выступавшее против политики классового сотрудничества с буржуазией [1]. Лидером «непримиримых» был Э. Ферри, издававший с 1902 г. журнал «Сочиализмо», где он критиковал Турати и его единомышленников за министериалистские настроения. Однако «непримиримые», как и реформисты, выступали за безоговорочное сохранение единства партии. По выражению П. Тольятти, в начале XX в. «революционный дух марксистской тактики жил в массах итальянских трудящихся, а не в их вождях» [2].

Единство в партии было лишь формальным и не могло остановить нараставший кризис в социалистическом движении Италии. Со второй половины 1903 г. участились случаи раскола партийных федераций. Среди «непримиримых» стала усиливаться анархо-синдикалистская тенденция, представленная группой «Авангуардия сочиалиста» во главе с Арт. Лабриолой.

Рабочее движение Испании к концу XIX в. оказалось расколотым на два основных течения — социалистическое и анархистское. Первое представляли Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) и действовавшая в контакте с ней профессиональная организация — Всеобщий союз трудящихся (ВСТ). Второе к 1900 г. возглавляла анархо-синдикалистская Федерация рабочих обществ.

Главной базой деятельности социалистической партии были Мадрид и промышленный север Испании — Астурия, Бискайя, район Бильбао. К концу 90-х годов ИСРП на 80% состояла из индустриальных рабочих и шахтеров. Основной базой анархизма были промышленная Каталония (в особенности Барселона) и сельскохозяйственная Андалусия.

Хотя обе ветви испанского рабочего движения провозглашали своей конечной целью освобождение трудящихся от гнета капитала, между ними существовали глубокие разногласия. Борьба против анархизма наложила отпечаток и на программные установки, и на организационные принципы, и на всю политику Испанской социалистической рабочей партии.

Высшим форумом партии являлся ее съезд, созываемый сначала каждые два года (позже — раз в три года). В периоды между съездами центральным руководящим органом был Национальный комитет, бессменным председателем которого вплоть до своей кончины в 1925 г. оставался основатель ИСРП Пабло Иглесиас.

Членство в партии было коллективным. В ИСРП существовала довольно строгая дисциплина, местные организации обязаны были подчиняться решениям съездов партии и Национального комитета.

[1] См. «История Италии», т. 2, стр. 339.

[2] *P. Togliatti.* Momenti della storia d'Italia. Roma, 1963, p. 114.

Испанские социалисты проводили стачки, массовые выступления против антирабочих законов и действий предпринимателей, активно боролись против посылки в 1895 г. на Кубу и Филиппины войск для подавления там народных восстаний, против объявления войны США в 1898 г. и т. д. Но к началу XX в. в ИСРП все больше усиливались реформистские тенденции. Ее политическая платформа сводилась в основном к требованию 8-часового рабочего дня, свободы печати, собраний, неприкосновенности личности, всеобщего избирательного права, т. е. реформ буржуазно-демократического характера. Идея социальной революции как конечная цель борьбы пролетариата отошла на задний план[1].

Основными формами борьбы партия стала признавать мирные манифестации, собрания, участие в выборах. Но и в тактических вопросах все яснее обнаруживалась склонность к соглашательству. Если съезд ИСРП 1892 г., уделивший главное внимание участию в выборах, поставил вопрос об «исключении из партии любого члена или группы, которые пойдут на соглашение с буржуазными партиями», то на съезде 1899 г. отношение к буржуазным партиям было пересмотрено[2]. Но это так и не принесло партии крупных избирательных успехов. До конца 90-х годов ИСРП не провела ни одного депутата в кортесы.

Партия могла записать себе в актив рост числа местных организаций: в момент I съезда их было 16, а в 1902 г.— 72. Но общая численность ИСРП была невелика[3] Всеобщий союз трудящихся (ВСТ) насчитывал в 1902 г. 30 тыс. членов[4].

Отказ ИСРП и ВСТ от революционных методов борьбы, переход на рельсы соглашательства и реформизма отталкивали от них большую часть рабочих и приводили их в лагерь анархизма. Рабочих привлекала боевая тактика анархистов: пропаганда всеобщей стачки, призывы к «прямому действию», дававшие выход негодованию против капиталистического строя. К 1903 г. около 400 тыс. рабочих либо принадлежали к анархо-синдикалистским организациям, либо находились под их непосредственным влиянием[5].

Разумеется, мелкобуржуазная, экстремистская политика и так-

[1] См. «История Коммунистической партии Испании». М., 1961, стр. 15.

[2] *J. Mora.* Historia del socialismo obrero español, desde sus manifestationes hasta nuestros dias. Madrid, 1902, p. 193; *M. Nuñez de Arenas, M. Tuñon de Lara.* Historia del movimiento obrero español. Barcelona, 1970, p. 142.

[3] К 1908 г. она достигла только 6 тыс. человек (*M. Nuñez de Arenas, M. Tuñon de Lara.* Historia del movimiento obrero español, p. 164; *L. J. Llorente.* Approsiatión a la historia del socialismo español. Madrid, 1972, p. 181).

[4] *J. Mora.* Op. cit., p. 171. Эту цифру следует рассматривать как приблизительную и, вероятно, преувеличенную.

[5] См. *З. Нахт.* Очерки истории рабочего движения в Испании. Б. м., 1909, стр. 42.

тика анархизма не могли привести пролетариат к победе над капитализмом, но на определенный период анархизм увлек значительную часть испанских трудящихся. К Испании особенно применимо соображение, высказанное впоследствии В. И. Лениным, что «анархизм нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения»[1].

В конце XIX — начале XX в. пропаганду социалистических идей в США вели Социалистическая рабочая партия (СРП) и Социалистическая партия (СП). СРП сосредоточилась на парламентской деятельности, отказываясь от других форм борьбы за улучшение экономического и политического положения трудящихся. Устав партии носил значительный отпечаток лассальянства[2]. Численность СРП не поднималась выше 15 тыс. человек[3].

Большие заслуги в пропаганде идей социализма, защите производственного принципа построения профсоюзов, а также в организации борьбы против реформизма лидеров Американской федерации труда принадлежат Д. де Леону. Он считал, что пролетарская партия должна представлять собой дисциплинированную организацию. «Современный революционер, т. е. социалист...— говорил де Леон в 1896 г.,— должен прежде всего и непременно работать в организации, со всеми последствиями, которые из такой работы вытекают. В этом вы имеете первый характерный признак, отличающий революционера от реформиста... Подорвите дисциплину, позвольте одному члену поступать как ему вздумается, другому позвольте нанести пощечину партийному уставу, третьему — слиться с реформистами, еще кому-нибудь — забыть природу классовой борьбы и действовать согласно своей забывчивости; допустите все это, оставьте подобных «реформаторов» в своих рядах, и вы нанесете вашему движению удар в самое сердце»[4].

Де Леон отдал много сил классовому воспитанию американского пролетариата. Он неустанно доказывал непримиримость интересов рабочих интересам буржуазии, разъяснял необходимость самостоятельных политических действий рабочего класса[5]. Но во взглядах и деятельности де Леона были значительные элементы сектантства. Они привели, в частности, к отказу от работы в реформистских профсоюзах. В 1895 г. по инициативе де Леона был создан Социалистический альянс квалифицированных и неквалифицированных рабочих, ставший своего рода филиалом СРП[6]. Этот шаг способст-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 15.
[2] *H. Quint.* The Forging of American Socialism: Origins of the Modern Movement. Columbia, 1953, p. 155.
[3] *W. Z. Foster.* History of the Communist Party of the United States. New York, 1952, p. 86.
[4] *Д. де Леон.* Избранные произведения. М.—Л., 1932, стр. 15, 21.
[5] *C. Reeve.* The Life and Times of Daniel de Leon. New York, 1972.
[6] См. *Л. И. Зубок.* Очерки истории рабочего движения в США. 1865—1918. М., 1962, стр. 244.

вовал изоляции партии от основной массы организованных рабочих.

Внутри СРП усиливалось недовольство. В 1899 г. значительная ее часть во главе с М. Хилквитом выступила против сектантской политики де Леона и, собрав конференцию в Рочестере, приняла новую платформу, а также резолюцию о слиянии с Социал-демократической партией, возглавляемой В. Бергером и Ю. Дебсом.

В результате объединения в 1901 г. возникла Социалистическая партия (СП). В нее вошли отколовшаяся часть СРП и другие социалистические группы, ранее мало связанные между собой. Состав партии был разнороден: в ней помимо рабочих имелось много иных социальных элементов. «Сотни протестантских священников,— пишет биограф Дебса Джинджер,— вступали в партию, с тем чтобы создать религиозное общество. Представители интеллигенции, как мужчины, так и женщины, присоединились к партии, чтобы выразить свой протест против узости и ханжества американской жизни. Мелкие торговцы надеялись при помощи партии нанести удар более сильным конкурентам. Политиканы вступали в партию ради того, чтобы занять общественные должности. Рабочие лидеры присоединялись к партии, чтобы добиться преимуществ для своих профсоюзов»[1]. В итоге проведение единой принципиальной линии в политических и организационных вопросах стало крайне затруднительным.

С первых же дней существования СП в ней признавалась широкая автономия местных организаций. В одном из отчетов Национального комитета партии указывалось: «Вместо того чтобы быть единой партией, мы быстро становимся «федерацией социалистических партий», из которых каждая действует на определенной территории и ревниво охраняет свою сферу деятельности от всякого вмешательства»[2].

Доминировавшие в СП центристы (например, Хилквит) в вопросах идеологии мало отличались от правых (их возглавлял В. Бергер). И те и другие были сторонниками постепенного, при любых условиях мирного перехода к социализму, главным полем деятельности партии считали работу в муниципальных и парламентских органах. Что касается левых, то они не могли полностью отрешиться от сектантских взглядов и тактики де Леона.

Руководители левого крыла СП Ю. Дебс и У. Хейвуд, борцы, беззаветно преданные делу рабочего класса, пользовались огромной популярностью среди рабочих[3]. Они организовывали и возглавляли крупнейшие стачки железнодорожников, горняков и других отрядов рабочего класса в 90-х годах XIX и в начале XX в. Однако и

[1] *R. Ginger.* The Bending Cross. New Brunswick, 1949, p. 213—214.

[2] «International Socialist Review», October 1902, p. 224.

[3] См. *В. М. Быков.* Юджин Дебс — вождь американского пролетариата. М., 1971; *М. И. Лапицкий.* Уильям Хейвуд. М., 1974.

Дебс и Хейвуд были гораздо сильнее в повседневной борьбе, чем в области социалистической теории, и это не могло не сказаться на их деятельности. Они добились лишь скромных успехов, не приближавших американский пролетариат к решающим классовым битвам.

Не ставя перед партией и рабочим классом революционных целей, руководство СП оберегало ее от влияний слева и потому выступало против организационного единства социалистического движения. Более того, СП под угрозой исключения запретила своим членам и местным организациям принимать даже косвенное участие в деятельности других левых организаций. Численность партии в 1904 г. составила около 21 тыс. человек [1]. На президентских выборах 1900 г. кандидат СП Ю. Дебс получил около 98 тыс. голосов, в 1904 г. за него голосовали 402 тыс. избирателей.

На рубеже XX в. американский пролетариат, несмотря на известный рост социалистических организаций, не имел массовой революционной партии, идейно-политически и организационно подготовленной для успешной борьбы с буржуазией.

В Англии оплотом Независимой рабочей партии являлись северные, наиболее промышленно развитые районы. Программа партии требовала установления коллективной собственности на средства производства, распределения и обмена, законодательного введения 8-часового рабочего дня, запрещения детского труда, введения всеобщего избирательного права, ликвидации монархии и упразднения палаты лордов, проведения всенародных референдумов для решения важнейших вопросов, а также некоторых других экономических и социальных реформ [2].

Сам факт образования партии с социалистическими задачами отражал рост революционных тенденций в английском рабочем движении. Опыт стачечной борьбы и других выступлений подсказывал рабочим, что добиться удовлетворения их экономических и социальных требований невозможно без участия в политической борьбе, к которой как раз и призывали независимые социалисты. Значительное число рабочих покинуло ряды либералов и перешло в НРП. Но, провозгласив своей целью построение в Англии социализма, руководители независимцев отвергали идею социальной революции. Они утверждали, что к социализму можно прийти с помощью одних реформ [3].

Поставив в центр деятельности погоню за местами в парламенте, лидеры НРП быстро забыли о своих выступлениях против сотрудничества с либералами. Даже Кейр Гарди (он стал членом парламента

[1] *J. Kipnis.* The American Socialist Movement 1897—1912. New York, 1952, p. 247.
[2] См. *В. Н. Виноградов.* У истоков лейбористской партии (1889—1900). М., 1965, стр. 246.
[3] *W. Stewart.* J. Keir Hardie. London, 1925, p. 224.

от одного из рабочих округов) не раз заключал избирательные сделки с ними[1].

Во второй половине 90-х годов XIX в. было предпринято несколько (так и не увенчавшихся успехом) попыток создать в Англии массовую политическую партию пролетариата путем объединения СДФ, НРП и Фабианского общества. В 1900 г. по инициативе НРП Конгресс тред-юнионов провел конференцию, на которой был учрежден Комитет рабочего представительства (КРП) как орган для подготовки избрания в парламент возможно большего числа рабочих депутатов[2]. Устав, принятый в 1903 г. в Ньюкастле, определил КРП как федерацию тред-юнионов, локальных советов тред-юнионов, НРП и Фабианского общества с правом присоединения кооперативных обществ[3]. Членство в КРП было коллективным.

В 1904 г. КРП объединял 158 тред-юнионов, 73 совета тред-юнионов и некоторые другие организации (СДФ вышла из Комитета в 1901 г.), всего более 900 тыс. членов[4].

На ежегодных конференциях Комитета был установлен порядок голосования, принятый на конгрессах тред-юнионов, по которому число голосов соответствовало числу членов данной организации. Это означало, что лидеры крупных тред-юнионов обеспечили себе возможность навязывать конференциям КРП угодные им решения.

С первых же дней существования в КРП развернулась острая борьба по вопросу о программе; в этой борьбе решалось, станет ли будущая партия массовой социалистической организацией или будет плестись в хвосте у либералов, пойдет ли по пути социалистического переустройства общества или ограничится борьбой за реформы в рамках капитализма. Но программа не была принята вплоть до 1918 г. В уставе, относящемся к 1903 г., в пункте, посвященном целям и задачам, говорилось лишь об избрании «рабочих кандидатов» в парламент; вопрос же о том, какую политику они должны проводить, был опущен[5]. После избрания в парламент депутат подчинялся только решениям фракции, которая, таким образом, ставилась над КРП.

Хотя лидеры КРП выдвинули лозунг независимости «рабочих депутатов» от буржуазных партий, уже на учредительной конференции по предложению Кейр Гарди была принята резолюция, гласившая, что политика «рабочей группы» в парламенте «должна предусматривать возможность сотрудничества с любой партией, ко-

[1] См. *Л. Е. Кертман.* Рабочее движение в Англии и борьба двух тенденций в лейбористской партии (1900—1914). Пермь, 1957, стр. 108.

[2] «The Book of the Labour Party», vol. I. London, 1925, p. 10; *А. Л. Мортон* и *Дж. Тэйт.* История английского рабочего движения. 1770—1920. М., 1959, стр. 293.

[3] «Report of the Third Annual Conference of the Labour Representation Committee». London, 1903, p. 40.

[4] «Report of the Tenth Annual Conference of the Labour Party». London, 1910, p. 6.

[5] См. *Л. Е. Кертман.* Указ. соч., стр. 163.

торая в данное время обязывается способствовать законодательству в прямых интересах рабочих, и вступления в соглашение с любой партией для противодействия мерам, имеющим противоположную тенденцию»[1]. Склонные к соглашательству лидеры использовали это положение, чтобы вообще отказаться от самостоятельной политики во имя сотрудничества с буржуазными партиями.

СДФ, считавшая, что ей нечего делать в организации, которая не признает себя социалистической, заняла сектантскую позицию, выйдя из КРП. Тем самым она лишилась весьма эффективного средства пропаганды своих принципов, еще больше изолировалась от массовых организаций рабочего класса. Отказывая в поддержке кандидатам КРП, СДФ раскалывала силы пролетариата, препятствовала достижению единства рабочего движения.

Среди рядовых членов СДФ росло недовольство политикой ее лидеров во главе с Гайндманом. Внутри федерации образовалась группа левых социалистов, которая повела борьбу против сектантской, догматической политики руководителей. В 1903 г. часть социал-демократов (район Клайда) отделилась от федерации и создала Социалистическую рабочую партию.

Бельгийская рабочая партия, численность которой в середине 900-х годов достигла 150 тыс. членов[2], представляла собой комплекс разнородных организаций, объединенных на основе коллективного членства. Собственно политические группы составляли всего 6% численного состава[3]. Важной составной частью БРП, ее финансовой опорой были кооперативы, которые, как ни в одной другой европейской стране, сыграли огромную роль в становлении партии. По словам генерального секретаря Всеобщего кооперативного общества Бельгии В. Серви, «кооперация и рабочая партия представляли собой одно и то же не только для рабочего движения, но и в глазах всего общественного мнения»[4]. В начале XX в. члены кооперативов составляли более 39% партии[5]. Наиболее многочисленной частью БРП были профсоюзы.

Критикуя такую структуру, В. И. Ленин отмечал, что она представляет собой «союз политически организованных с политически неорганизованными рабочими, с «чистыми» кооператорами, профессионалистами и т. д. Это — крупный недостаток движения рабочих в Бельгии...»[6].

Программный документ БРП — Декларация принципов — сов-

[1] «The Book of the Labour Party», vol. 1, p. 11—12.

[2] См. *И. М. Кривогуз.* Указ. соч., стр. 267.

[3] «Une grande figure du mouvement ouvrier belge. Josephe Jacquemotte. Articles et interpellations 1912—1936». Bruxelles, 1961, p. 26.

[4] *V. Servi.* La cooperation en Belgique, vol. II. Bruxelles, 1959, p. 34.

[5] *H. de Man, L. de Brouckere.* Le mouvement ouvrier en Belgique. Bruxelles, 1965, p. 64.

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 148.

мещал марксистские положения с отдельными тезисами Прудона и Лассаля. Э. Вандервельде признавал, что программа БРП — это примирение или, скорее, «синтез доктрин, которые на конгрессах Интернационала вели друг с другом ожесточенную борьбу»[1].

Реформистский идейно-политический облик БРП отразился и на ее уставе, где довольно расплывчато говорилось, что партия «основана с целью объединить все социалистические и рабочие силы страны в видах улучшения, путем совместных усилий, участи рабочего класса»[2] и для осуществления в дальнейшем своей конечной цели — полного освобождения трудящихся.

Специфические организационные принципы БРП и непоследовательность, присущая ее программе, в которой сочетались разнородные доктрины, не могли служить сколько-нибудь надежной базой для создания боевой пролетарской партии, способной вести рабочий класс на успешную борьбу за социализм. Ее тактика в период всеобщей стачки 1902 г.— наиболее очевидный, но отнюдь не единственный пример этого.

В конце XIX — начале XX в. на территории многонациональной Австро-Венгерской империи действовали две самостоятельные социал-демократические партии: австрийская и венгерская.

Социал-демократическая партия Австрии (СДПА) приобрела довольно широкое влияние; ее численность в собственно австрийских землях превышала в начале века 100 тыс. членов[3].

Борьба австрийских социал-демократов за всеобщее избирательное право, особенно широко развернувшаяся в Чехии, привела в 1896 г. к частичной избирательной реформе. На выборах в следующем году было впервые избрано 14 социал-демократов[4]. Это была определенная победа, предоставившая рабочему классу новые средства политической борьбы. Однако в дальнейшем ее центр тяжести стал все более перемещаться в сферу парламентской деятельности и избирательных сделок с буржуазными партиями.

Созданная как революционная марксистская партия, СДПА сравнительно быстро начала испытывать влияние реформизма и национализма как в идейно-политических, так и в организационных вопросах. Пражский съезд СДПА (1896 г.) решил превратить единую дотоле партию в федеративный союз отдельных национальных социал-демократических партий[5]. Это решение было закреплено уста-

[1] *Э. Вандервельде, Ж. Дестрэ.* Социализм в Бельгии. СПб., 1906, стр. 12.

[2] Там же, стр. 272.

[3] *L. Brügel.* Geschichte der österreichischen Sozialdemokratie, Bd IV. Wien, 1921, S. 113.

[4] См. *Е. Л. Урьяс.* Рабочее движение в Австро-Венгрии в 1867—1914 годах. М., 1959, стр. 22.

[5] «Verhandlungen des 5. österreichischen sozialdemokratischen Parteitages abgehalten zu Prag vom 5. bis 11. April 1896». Wien, 1896, S. 179—180.

вом, принятым на съезде в 1897 г. Партия отныне складывалась из шести национальных групп: австрийской, чешской, польской, украинской, югославянской, итальянской. Они имели свои руководящие центры и пользовались широкой автономией. Общепартийный Исполнительный комитет комплектовался из представителей национальных групп, причем австрийской предоставлялось наибольшее число голосов — четыре, чешской — три, польской — два, остальным — по одному. В прерогативы общепартийного съезда, созываемого один раз в два года, входило лишь решение самых общих программных и организационных вопросов[1].

Новый устав привел к тому, что рабочие, жившие по соседству, а зачастую и работавшие на одном предприятии, но говорившие на разных языках, оказывались в разных партийных организациях. Это резко ослабляло организационную сплоченность и мобильность партии, расшатывало интернациональное единство рабочих, значительно облегчало проникновение в сознание трудящихся буржуазно-националистической идеологии.

Дальнейшее извращение марксистского подхода к решению национальных проблем нашло выражение в специальной программе СДПА по национальному вопросу, принятой на Брюннском съезде в 1899 г. Теоретической основой этой программы служило свойственное теоретикам СДПА идеалистическое понимание нации как «культурной и духовной общности» независимо от «места обитания» ее членов. В Брюннской программе говорилось, что партия выступает за равноправие наций и осуждает национальную дискриминацию. Но позитивные требования по национальному вопросу основывались на противоречивом стремлении совместить принципы внетерриториальной «национально-культурной автономии» и ограниченного территориального самоуправления наций в рамках габсбургской империи. Программа исходила из принципа сохранности искусственно созданной австро-венгерской монархии, подавлявшей свободное национальное развитие подвластных ей народов.

Переход СДПА на оппортунистические позиции повлек за собой отказ от Гайнфельдской программы и принятие на Венском съезде (в 1901 г.) новой партийной программы. В ней не оказалось тезиса о необходимости захвата политической власти пролетариатом. Положение прежней программы, что партия не должна абсолютизировать парламентскую форму борьбы и обязана использовать парламентскую трибуну для революционной агитации, было исключено. Новая программа вообще избегала упоминания о революции и революционной борьбе. Вместо этого рабочему классу давалась туманная рекомендация применять «все целесообразные и соответствующие правовому сознанию естественные средства».

[1] «Verhandlungen des 6. österreichischen sozialdemokratischen Parteitages abgehalten zu Wien vom 6. bis 12. Juni 1897». Wien, 1897, S. 7—10.

В Гайнфельдской программе была ясно зафиксирована обязанность партии вносить в рабочее движение социалистическое сознание. Теперь же говорилось, что «по мере капиталистического развития пролетариат приходит к сознанию возможности и необходимости социализма»[1].

Эта формулировка отражала точку зрения, что рост сознательности рабочих происходит стихийно, тогда как на деле он невозможен без влияния социалистов.

Виднейший деятель партии В. Адлер пропагандировал тезис, что социал-демократия может «вцепиться и вгнездиться» в буржуазное общество и в его недрах шаг за шагом осуществить власть рабочего класса[2].

В чешских землях Австрии развитие рабочего движения в конце XIX и в первые годы XX в. шло в целом по восходящей линии. Чешский рабочий класс проводил боевые первомайские выступления, направленные против австрийского абсолютизма. Горняки, текстильщики, рабочие стекольной и некоторых других отраслей промышленности поднимались на крупные забастовки, выдвигая не только экономические, но и политические требования (например, всеобщее избирательное право)[3]. Среди первых депутатов парламента — социалистов, избранных в 1897 г., было пять чехов.

Однако рост рабочего движения тормозился влиянием оппортунистов в руководстве чешской социал-демократии[4]. В своем журнале они высказывали согласие с ревизионистскими концепциями Э. Бернштейна, отвергали важнейшие принципиальные положения марксистской теории и упорно пропагандировали «эволюционный путь к социализму». Один из руководителей партии, А. Немец, утверждал, что новые социально-политические условия якобы делают излишним применение насильственных форм классовой борьбы, так как рабочий класс может-де добиться своих целей только мирным путем.

В организационных вопросах оппортунисты, входившие в руководство чешской социал-демократии, занимали позиции национального сепаратизма. По тому же пути, ослаблявшему рабочее движение, чешские реформисты повели и профсоюзы. В 1897 г. на съезде профессиональных союзов в Праге была принята резолюция, провозгласившая «необходимость учреждения обособленной чехославянской профсоюзной организации»[5].

[1] «Verhandlungen des Gesamtparteitages der Sozialdemokratie in Österreich abgehalten zu Wien, 1901». Wien, 1901, S. 11—12.
[2] См. *В. Адлер*. Статьи, речи и письма, вып. 1. Л.—М., 1924, стр. 184, 185.
[3] См. «История Коммунистической партии Чехословакии». М., 1962, стр. 61.
[4] См. *З. Шолле*. Рабочее движение в чешских землях в конце XIX века (1887—1897). М., 1954, стр. 212.
[5] «История Чехословакии», т. II, стр. 142.

Чешские реформисты не выступали за неотложное решение национальной проблемы в интересах трудящихся. Они односторонне, а потому и неверно сводили сущность национального вопроса в Чехии только к борьбе между чешской и немецкой буржуазией, закрывая глаза на то, что национальный гнет тяжело ощущали на себе именно трудящиеся массы, что в период перехода к империализму социальное содержание национальных проблем приобрело особенную остроту. Между тем оппортунисты отрывали национальный вопрос от классового и переносили решение национальных проблем на неопределенное будущее.

Этим воспользовалась чешская буржуазия, обвинившая социал-демократию в «измене национальным интересам». Рекламируя себя как единственного борца за национальное освобождение, буржуазия привлекла часть рабочих в организации, действовавшие под флагом националистической демагогии, под лозунгами сотрудничества классов и имевшие целью увести трудящихся от участия в социалистическом движении.

Росло расхождение между оппортунистической верхушкой чешской социал-демократии и ее рядовыми членами, стремившимися решать коренные задачи рабочего класса посредством открытой классовой борьбы. На съезде социал-демократической партии в конце 1904 г. вопреки лидерам партии было принято предложение о возможности применения всеобщей стачки в борьбе за всеобщее избирательное право.

Венгерская социал-демократическая партия (ВСДП) с 1890 г. руководствовалась программным документом — Декларацией принципов, основывавшейся главным образом на Гайнфельдской программе СДПА. Недостатки Декларации отражали тогдашний идейно-политический уровень партии; главный недостаток состоял в том, что в ней не были удовлетворительно поставлены два основных вопроса, имевшие решающее значение для завершения буржуазно-демократической революции, — аграрный и национальный [1].

Рост революционных настроений рабочего класса проявился уже в первомайских демонстрациях 1890 г. Кроме Будапешта, где на улицы вышло 60 тыс. трудящихся, массовые выступления состоялись в 14 других городах, в том числе в словацких — Братиславе, Кошице и др. В ходе выступлений пролетариата ВСДП постепенно расширяла свое влияние на городских и сельскохозяйственных рабочих, крестьянскую бедноту. Власти отвечали на это усилением репрессий против социал-демократов; в конце 90-х годов репрессии переросли в жестокий террор.

В период экономического кризиса 1900 г., сопровождавшегося обострением классового и национального гнета, Венгрия переживала подъем политической активности пролетариата и крестьянства.

[1] См. «История Венгрии», т. II. М., 1972, стр. 316—317.

В 1904 г. состоялась первая всеобщая забастовка с участием 40 тыс. железнодорожников.

В 1903 г. съезд ВСДП принял новую программу. Целью венгерского рабочего класса провозглашалось завоевание политической власти для построения социализма, что было существенным теоретическим сдвигом. Однако программа не увязывала поставленной цели с ближайшими политическими лозунгами, сформулированными в ней: всеобщее избирательное право; свобода союзов, собраний и печати; полное равноправие для всех наций, населявших Венгрию; ликвидация постоянной армии и вооружение народа и др. Программа не ставила вопроса о необходимости революции, не определяла ее характера, роли и задач пролетариата в ней. Не были учтены требования крестьянства о разделе земли. Партия вела агитацию за демократическую республику, но не внесла этого лозунга в программу, как и требования полной независимости Венгрии[1].

Рабочий класс Венгрии ослабляло размежевание по национальному признаку. Резкие разногласия существовали, в частности, между венгерскими и словацкими социал-демократами. Лидеры ВСДП отказывались помочь последним в налаживании социалистической печати. Тем не менее в октябре 1904 г. словацким социалистам удалось начать выпуск ежемесячника, вокруг которого стали возникать организации. Шла «борьба между последовательным интернационализмом и проникающими, как зараза, в рабочее движение буржуазно-националистическими взглядами»[2].

По уставу партии, принятому в 1894 г., ее членом мог быть каждый, кто «признает основные принципы партии и в меру своих возможностей поддерживает партию материально или морально»[3]. Это свидетельствовало о расплывчатости требований ВСДП к своим членам, характерной для подавляющего большинства социал-демократических партий на рубеже двух веков. В организационном отношении ВСДП целиком опиралась на местные профсоюзные и другие рабочие объединения. Первичных ячеек не существовало, их заменяла система доверенных лиц, избиравшихся преимущественно членами профсоюзов. Руководство партии поддерживало систематические контакты с будапештскими рабочими кружками, но связи с периферией были нерегулярными. Деятельность ВСДП тормозилась постоянными кризисами руководства, вызывавшимися упорным стремлением оппортунистов подчинить себе партию.

Съезд 1903 г. постановил, что членом партии может быть каждый, кто признает ее принципы и программу, пропагандирует их и оказывает партии материальную и моральную поддержку; членами пар-

[1] См. *Т. М. Исламов.* Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. М., 1959, стр. 92 и сл.

[2] *Я. Кадар.* Избранные статьи и речи (1957—1960 годы). М., 1960, стр. 298.

[3] «История венгерского революционного рабочего движения», т. I. М., 1970, стр. 39.

тии считались также все, кто входил в профсоюзы [1]. Таким образом, обязанности члена партии расширялись, но в то же время она еще не дифференцировалась от массовой беспартийной профсоюзной организации.

В Королевстве Польском к началу XX в. действовали две партии социалистической ориентации: Социал-демократия Королевства Польского (СДКП) и Польская социалистическая партия (ППС). Обе они вели свою деятельность нелегально.

СДКП была строго централизованной, немногочисленной кадровой организацией, объединявшей профессиональных революционеров, партийных работников, пропагандистов, публицистов. После сильнейших репрессий, обрушившихся на партию в середине 90-х годов, она лишь в 1899 г. восстановила сеть законспирированных организаций, в частности в Варшаве (где находился Ф. Дзержинский), Ченстохове, Лодзи, и возродила руководящий центр — Главное правление. В 1900 г. партия приняла новое название — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). Ко времени III съезда (ноябрь 1901 г.) она насчитывала свыше тысячи членов [2]. Комитеты СДКПиЛ функционировали во всех важнейших промышленных центрах Королевства Польского. В Кракове действовал Заграничный комитет партии, с 1902 г. возглавлявшийся Ф. Дзержинским.

Вся деятельность СДКПиЛ была основана на идее неразрывности польского рабочего движения с российским. Это отметил позднее В. И. Ленин, писавший, что польские социал-демократы «создали впервые чисто пролетарскую партию в Польше, провозгласили величайшей важности принцип теснейшего союза польского и русского рабочего в их классовой борьбе» [3]. С этих позиций партия решительно боролась против националистической идеологии. Но руководители СДКПиЛ недооценивали значение проблемы национальной независимости. На их позиции, нашедшей отражение и в программе партии, сказались взгляды Р. Люксембург, ошибочно полагавшей, что образование национальных государств в рассматриваемую эпоху противоречит историческим законам [4].

ППС считала своей главной и первоочередной задачей отделение Польши от России. Последующее движение к социализму ППС представляла в форме медленного эволюционного процесса. В партии существовало и усиливалось левое крыло, выступавшее за проведение революционных преобразований и стремившееся опереться на

[1] «A Magyar Munkásmozgalom Történetének, Valagatott Dokumentumai». Budapest, 1955, 3 kött., 127—128 old.
[2] См. «История Второго Интернационала», т. II, стр. 59.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 298.
[4] См. «История Второго Интернационала», т. I. М., 1965, стр. 328; см. также: *И. С. Ажборовская.* Идейное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX — первая четверть XX в.). М., 1973, стр. 77—79.

массы. Однако политику ППС определяли правые лидеры — Б. Енджеевский, В. Иодко-Наркевич, Ю. Пилсудский.

На территории Германии польские социалистические организации в 90-х годах объединились в Польскую социалистическую партию земель прусского захвата. Ее идейно-политические установки в целом совпадали с Эрфуртской программой СДПГ. Главной целью партия считала восстановление независимого польского государства на демократических основах; в ней все время были сильны национально-сепаратистские тенденции, однако в исследуемые годы партия довольно тесно сотрудничала с СДПГ и считалась ее составной частью. Ввиду репрессий и языковых ограничений партия не пользовалась существенным влиянием.

Большие успехи в распространении социалистических идей были достигнуты польскими социалистами в Галиции, входившей в состав Австрии. Однако общая тенденция СДПА к размежеванию по национальному признаку коснулась и Галиции. На съезде во Львове в 1897 г. была провозглашена самостоятельность Польской социал-демократии Галиции и Тешинской Силезии, а затем начался процесс национального размежевания и в ее собственных рядах. Вскоре в Галиции образовалась Украинская социал-демократическая партия; единство польских и украинских рабочих оказалось подорванным. В польской партии руководство захватили убежденные оппортунисты — Дашиньский и др.[1]

В Румынии Социал-демократическая партия рабочих была создана в 1893 г. Ее возникновение способствовало значительному подъему рабочего движения. Однако и программа партии, и направление практической деятельности не соответствовали стремлениям передовых пролетариев, ибо ограничивались задачами общедемократического характера и были ориентированы лишь на парламентские методы борьбы. Серьезнейшим упущением было также игнорирование вопроса о революционном решении аграрной проблемы, столь важной в условиях Румынии[2].

Пытаясь противостоять растущему недовольству революционно настроенной части партии, оппортунистические лидеры распустили ее, ссылаясь на то, что в отсталой стране якобы не существует перспектив для борьбы за социализм. Таким образом, в начале XX в. рабочий класс Румынии не имел политической организации общенационального масштаба. Однако в стране функционировали социалистические кружки. Их активными членами были Ш. Георгиу, Д. Маринеску, И. К. Фриму и др., возродившие в дальнейшем организованное рабочее движение в Румынии. В 1902 г. начала издаваться социалистическая газета «Ромыниа муничитоаре».

[1] *J. Buszko.* Ruch robotniczy w Galicji Zachodniej do rewolucji 1917 r.—«Szkice z Dziejow ruchu komunistycznego w województwie krakowskim». Kraków, 1958, s. 36.

[2] См. «История Румынии. 1848—1917». М., 1971, стр. 302 и сл.

В Сербии в середине 90-х годов возник Комитет по руководству движением, ставивший своей задачей подготовить основание социал-демократической партии. Жестокие репрессии затормозили, а затем вовсе прервали его деятельность. Однако в самом начале XX в. усиление эксплуатации трудящихся и подъем стихийного рабочего движения вызвали к жизни первые рабочие организации.

В марте 1901 г. по инициативе столяра Р. Драговича и студента Д. Туцовича было создано Белградское рабочее общество. Такие же организации возникли и в некоторых других городах. Был воссоздан Комитет по руководству движением; в мае 1902 г. организовался нелегальный Центральный комитет, принявший на себя руководство профсоюзными, просветительными и другими рабочими организациями [1].

При разработке программных, организационных и тактических принципов рабочего движения победу одержала марксистская группа (Р. Драгович, Д. Туцович, Т. Кацлерович и др.), выступавшая за создание самостоятельной пролетарской политической партии. В августе 1903 г. собравшийся в Белграде съезд создал профсоюзное объединение (Главный рабочий союз) и Сербскую социал-демократическую партию (ССДП) [2]. Съезд принял устав и программу партии, повторявшую в основном Эрфуртскую программу СДПГ. Основание ССДП знаменовало наступление нового, более высокого этапа освободительной борьбы сербского пролетариата.

В только что созданной партии обозначились три течения. Оппортунистическое крыло (Й. Скерлич, К. Йованович и др.) отрицало способность сербского рабочего класса осуществлять самостоятельную пролетарскую политику и навязывало ССДП роль придатка буржуазных оппозиционных партий. Некоторые представители этого крыла предлагали даже ликвидировать партию и сохранить лишь профсоюзную организацию [3].

В защиту политической самостоятельности рабочего класса выступали марксисты, знакомые с опытом борьбы русских революционеров. Они также противостояли попыткам ограничить деятельность профсоюзов чисто экономической борьбой. На II съезде Главного рабочего союза в 1904 г., а затем и на II съезде ССДП (1904 г.) реформисты и синдикалисты потерпели поражение. Не желая подчиниться решениям партии, они начали фракционную, раскольническую деятельность. В декабре 1904 г. ЦК исключил оппортунистическую группу Йовановича — Скерлича из ССДП.

В 1894 г. в результате слияния Болгарской социал-демократической партии и Социал-демократического союза возникла Б о л г а р-

[1] *T. Kaclerović*. Prve samostalne radničke organizacije u Srbije. Beograd, 1950, str. 55—56.
[2] См. «История Второго Интернационала», т. II, стр. 69—70.
[3] См. «История Югославии», т. I. М., 1963, стр. 504.

ская рабочая социал-демократическая партия (БРСДП). Численное преобладание в ней получили мелкобуржуазные элементы. Они сумели на некоторое время навязать партии свою политическую линию. В последующие годы деятельность партии была ориентирована в основном на мелкие реформы и завоевание парламентских мандатов. Оппортунисты пытались исключить из боевого арсенала партии специфически пролетарскую форму борьбы — стачку, рассматривая ее как «крайнее средство», допустимое лишь в исключительных случаях[1].

Против реформистских руководителей выступили революционные марксисты во главе с Д. Благоевым. По их настоянию на IV съезде БРСДП в 1897 г. было решено не допускать предвыборных соглашений с буржуазными партиями, практиковавшихся в прошлом. Марксисты добились также решения об издании партийной газеты для рабочих. Такая газета — «Работнически вестник» — стала выходить в том же году под редакцией последовательного революционера Г. Киркова.

Борьба между левыми и правыми элементами в партии становилась все более острой. На первый план выдвинулись проблемы сохранения пролетарского характера БРСДП, ограничения доступа в нее мелкобуржуазным элементам, повышения идейных и организационных требований к членам партии. Оппортунисты всячески противились этому. Их идеологическим центром стал выходивший с 1900 г. еженедельник «Общо дело», возглавляемый Я. Сакызовым[2]. Он и его единомышленники ориентировались на ревизионистские концепции Э. Бернштейна. VIII съезд БРСДП в 1901 г. абсолютным большинством голосов осудил «общедельство», подчеркнул классовый, пролетарский характер партии, обратил внимание на необходимость укрепления партийных организаций и строгого соблюдения партийной дисциплины. Но ревизионисты не были тогда изгнаны из партии, что затянуло решительное размежевание с ними.

Д. Благоев, Г. Георгиев, Г. Кирков и др. в своей полемике против «общедельцев» выступали за создание дееспособной, централизованной партийной организации, которая была бы не «обществом для самообразования», а центром борьбы за распространение и победу социалистических идей, за их воплощение в жизнь. «Тесняки» доказывали, что ревизионистское извращение марксизма роковым образом влияет на всю практическую деятельность партии. Они призывали принимать в члены партии только убежденных сторонников

[1] См. «История Болгарской коммунистической партии». М., 1971, стр. 63.

[2] Я. Сакызов обвинял Д. Благоева и его соратников в узком (поболгарски — «тесном») понимании марксизма в отличие от собственных взглядов Сакызова, якобы представлявших собой творческую, широкую интерпретацию марксизма. Наименование «тесняки» закрепилось за революционными марксистами, а «широкие социалисты», «общедельцы»— за оппортунистами.

социализма, готовых бороться за осуществление партийной программы. При этом, вполне обоснованно возражая оппортунистам, стремившимся широко открыть двери партии крестьянам и ремесленникам, что в тех условиях грозило размыванием ее пролетарского характера, «тесняки» недооценивали революционные возможности крестьянства, не видели необходимости отразить в программе БРСДП пути решения аграрных проблем в интересах трудящихся крестьян и тем самым завоевать их на сторону рабочего класса в борьбе за социализм.

Деятельность «тесняков» привлекла в БРСДП десятки и сотни передовых пролетариев, усиливших ее марксистское ядро. В ЦК БРСДП, избранный на IX съезде (1902 г.), вошли три «тесняка» и два «общедельца».

В борьбе с оппортунистами болгарские революционные социал-демократы использовали материалы ленинской «Искры», переводили и публиковали их в Болгарии. Особую роль в этой борьбе сыграла работа Д. Благоева «Оппортунизм или социализм» (1902 г.), написанная под влиянием книги В. И. Ленина «Что делать?». Отмечая значение единства партии, Благоев поставил вопрос о необходимости решительного очищения ее от мелкобуржуазного оппортунизма[1]. Назревший раскол произошел сначала в парламентской фракции, а затем в столичной партийной организации. В марте 1903 г. революционное большинство ЦК обратилось ко всем местным организациям с призывом порвать с оппортунистами.

Члены 38 организаций (из общего числа 52), действовавших в рабочих центрах, полностью или в подавляющем большинстве стали на сторону марксизма и исключили из своих рядов «общедельцев». В остальных местах марксисты обособились в отдельные организации, поддерживавшие революционное руководство партии.

X съезд БРСДП (июль 1903 г.), на котором были представлены только организации «тесняков», одобрил политическую линию большинства ЦК во главе с Д. Благоевым и поставил «широких социалистов» вне рядов партии. Был принят новый устав, построенный на основах демократического централизма[2]. Членом партии, согласно уставу, мог быть лишь тот, «кто согласен с основными принципами программы партии и работает над осуществлением программы в целом». В резолюциях съезда о тактике, о профсоюзах отчетливо подчеркивался пролетарский и революционный характер БРСДП.

Происшедший раскол знаменовал победу пролетарской революционности над мелкобуржуазным оппортунизмом, победу марксизма над ревизионизмом в болгарском рабочем движении. После раскола партия приняла официальное название БРСДП (тесных социалистов),

[1] См. *Д. Благоев.* Что такое социализм и имеет ли он почву у нас. М., 1960, стр. 117—141.

[2] См. *К. Шорова.* Расщеплението на БРСДП през 1903 г. София, 1955, стр. 127—135.

а оппортунисты, собравшиеся в том же 1903 г. на свой отдельный съезд, стали именоваться БРСДП (широких социалистов). Партия «тесняков» уточнила свою программу, устранив из нее ряд реформистских положений, внесенных в прошлом оппортунистами. Улучшился социальный состав партии; уже в конце 1903 г. среди ее членов насчитывался 51% рабочих [1]. БРСДП (т. с.) шла по пути превращения в партию нового типа, хотя полная перестройка еще предстояла.

Очищение партии имело огромное значение для ее будущего, обеспечив развитие БРСДП (т. с.) как марксистского революционного авангарда болгарского рабочего класса.

В конце 90-х годов в Я п о н и и постепенно складывались предпосылки для создания социалистической партии. За 10 лет (1894—1903 гг.) число промышленных рабочих выросло на 100 тыс. человек (почти до полумиллиона), участились забастовки. Социалистическая лига, основанная в начале 1900 г. и располагавшая прочными связями с рабочими, вела активную пропаганду марксистских идей. Весьма характерны слова одного из рабочих вожаков, руководителей крупной забастовки машинистов и кочегаров, заявившего: «Рабочее движение без социализма — словно Будда без глаз. Социализм — это идеал рабочего движения» [2]. Социалистическая лига участвовала в общедемократическом движении, целью которого было завоевание всеобщего избирательного права. Реакционный закон 1900 г. очень затруднил, но не прекратил деятельность японских социалистов.

Сен Катаяма и его последователи установили тесные контакты на международной арене. В 1900 г., не имея возможности отправиться в Париж на конгресс II Интернационала, Катаяма послал туда приветствие, в котором, в частности, писал: «Пусть конгресс по крайней мере из письма узнает, что социалистическая мысль пустила корни и на отдаленнейшем Востоке» [3]. Катаяму заочно избрали в первый состав Международного социалистического бюро, созданного на Парижском конгрессе.

Эти связи были частью большой организационной работы, которую провели активные участники японского рабочего движения, готовя создание первой в истории страны социал-демократической партии. Она была основана (под названием «Сякай минсюто») в мае 1901 г., но сразу же запрещена. Среди требований, которые партия выдвинула при своем основании, следует отметить такие, как ликвидация классового общества, обобществление земли и капиталов, путей сообщения, установление политического равноправия, бесплатное обучение, уничтожение вооружений и др.

[1] См. «История Болгарской коммунистической партии», стр. 96.
[2] *С. Катаяма.* Воспоминания. М., 1964, стр. 320.
[3] *Д. И. Гольдберг.* Катаяма Сен и японская социалистическая литература («Родо Сякай») в 1897 — 1902 гг.— «Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти академика Н. И. Конрада». М., 1974, стр. 259.

Социалистическая лига продолжала существовать и после запрета партии. Во второй половине 1901 г. Катаяма опубликовал несколько статей о положении и борьбе японского пролетариата в германских, французских, американских рабочих изданиях. Он писал, что в Японии «растет сила пролетариата и недалек тот день, когда мы, японские социалисты, так же как наши братья на Западе, отважно и с верой в победу вступим в классовую борьбу»[1]. Это предвидение подтвердилось весьма скоро в связи с русско-японской войной, вспыхнувшей в 1904 г., когда японские социалисты во главе с С. Катаямой заняли последовательно интернационалистские позиции.

* * *

Существовавшие к началу XX в. рабочие партии различных организационных типов, различных идеологических и политических оттенков и направлений решали задачи «простейшей организации» пролетариата, «распространения социализма вширь»[2], вели борьбу за улучшение положения трудящихся. Эти партии постепенно совершенствовались и крепли. Но для того чтобы в новых исторических условиях обеспечить подготовку рабочего класса к социалистической революции, сплотить вокруг него союзников, возглавить все революционные силы, обеспечить завоевание власти пролетариатом, они были непригодны. Будучи недостаточно централизованными, такие партии пренебрегали принципом идейного единства и сплоченности партийных рядов, не решались очистить их от ревизионистов, которые под флагом «свободы критики» стремились разложить социал-демократию изнутри. «...Принципиальные черты оппортунизма в организационных вопросах...— писал В. И. Ленин в 1904 г.,— наблюдаются mutatis mutandis (с соответствующими изменениями) во всех социал-демократических партиях всего мира...»[3]

В начале XX в. стали необходимы революционные рабочие партии нового типа, способные возглавить и довести до победы борьбу над монополистической буржуазией, создавшей в целях сохранения своего господства широко разветвленный репрессивный государственный аппарат, мощную милитаристскую машину, целый арсенал экономических, политических, идеологических средств для разобщения и разоружения трудящихся. Рабочая партия нового типа должна была стать не только передовой, организованной и сознательной частью рабочего класса, но также высшей формой его организации, руководящей всеми другими пролетарскими организациями, всеми формами борьбы пролетариата.

[1] *Г. И. Гольдберг.* Катаяма Сен и японская социалистическая литература («Родо Сякай») в 1897—1902 гг.— «Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти академика Н. И. Конрада, стр. 262.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 103.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 385.

Партия нового типа не могла ограничиваться признанием классических положений марксизма. Она была призвана творчески развивать марксистское учение и на этой теоретической основе вырабатывать политическую линию, стратегически нацеленную на социалистическую революцию, завоевание пролетариатом политической власти. Такая партия должна была твердо придерживаться принципов демократического централизма, добиваться неукоснительной обязательности партийных решений, укреплять сознательную дисциплину, обеспечивать прочное единство и чистоту своих рядов.

Такой партии на рубеже XIX—XX вв. в международном рабочем движении не было. Ее еще предстояло создать, что и было сделано под руководством В. И. Ленина в России.

ПРОФСОЮЗЫ И ДРУГИЕ МАССОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧЕГО КЛАССА

В организации массовых выступлений трудящихся важную роль играли профсоюзы. Расширялась также деятельность кооперативов, молодежных и женских союзов, культурно-просветительных обществ и т. п. Они были вызваны к жизни стремлением рабочих улучшить свое положение, их возросшей тягой к знаниям и культуре, которые буржуазия старалась монополизировать. Систематической пропагандой социал-демократы способствовали распространению в этих организациях социалистических идей, превращению профсоюзов, молодежных, женских и других рабочих объединений в неотъемлемую составную часть общего революционного фронта.

Развитие массовых организаций пролетариата приобрело особый размах после создания II Интернационала, который в лучшие свои годы сделал многое для придания организованности борьбе рабочих разных стран, для их сплочения во всемирную армию труда. «...У II Интернационала,— писал В. И. Ленин,— есть... завоевание... от которого сознательный рабочий никогда не отречется, именно: создание массовых рабочих организаций, кооперативных, профессиональных и политических...»[1]

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ

В конце XIX — начале XX в. роль профсоюзов в классовой борьбе еще более увеличилась; перерастание домонополистического капитализма в империализм настоятельно требовало от рабочего класса повышения уровня борьбы против новых форм эксплуатации, против общего усиления экономического и политического гнета. В работе «Что делать?» (1902 г.) В. И. Ленин сформулировал идеологические и организационные основы деятельности революционных профсоюзов,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 101.

подчеркнув, в частности, что характерной чертой этих союзов должен быть возможно больший охват пролетариата. «Профессиональные организации,— писал он,— не только могут принести громадную пользу в деле развития и упрочения экономической борьбы, но и стать весьма важным пособником политической агитации и революционной организации»[1].

Такую роль профсоюзы играли, однако, далеко не везде и не всегда. Оппортунистические лидеры профсоюзного движения Западной Европы и Северной Америки всячески противились влиянию революционных идей, пытались ограничить роль профсоюзов узкими экономическими задачами. Но сама жизнь, и прежде всего настойчивые усилия революционных социал-демократов, приводила в ряде случаев к обратным результатам.

Общий подъем классовой борьбы пролетариата, а также успехи, которых добивались профсоюзы в деле улучшения положения организованных масс, обусловили резкое увеличение темпов роста профсоюзных рядов в конце XIX в. За 10 лет (1890—1900 гг.) численность профсоюзов увеличилась в Германии в 2,5 раза, в Англии — вдвое.

Быстрый рост численности профсоюзов и в этих странах, и в других — например, в Испании, Голландии, Австро-Венгрии —продолжался и в первые годы XX в. Особенно значительный рост отмечался в США, где в 1904 г. число профессионально организованных рабочих достигло 2 073 тыс.[2]

Однако уровень профессиональной организованности пролетариата в целом оставался довольно невысоким, а в отдельных странах — даже низким. К 1904 г. в бельгийских профсоюзах состояло всего около 7% рабочих, в австрийских — 8, в шведских — 9,9, в Германии — 27% пролетариев, в Англии — 33%. Лишь в Дании процент членов профсоюзов достиг 50[3].

Практически вне профсоюзного влияния оставалась огромная масса сельскохозяйственных рабочих, служащих, учителей.

Подобная степень организованности объяснялась рядом причин. Среди них — уже охарактеризованное выше ожесточенное сопротивление предпринимателей, не останавливавшихся ни перед какими средствами, чтобы помешать рабочим ассоциациям. Существенное значение имели уровень классовой сознательности значительных прослоек пролетариата, замкнутость некоторых союзов, все еще старавшихся сохранить цеховщину и не допускать в свои ряды неквалифицированных рабочих, пассивность многих женщин-работниц, составлявших немалую часть занятых на производстве, и т. п. Наконец, более полному охвату пролетариев профсоюзами препятство-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 116.

[2] «Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957». Washington, 1960, p. 97.

[3] Подсчеты сделаны на основе переписей и данных о численности профессиональных союзов.

вали также репрессии со стороны буржуазного государства. Оно не просто продолжало делать все от него зависящее, чтобы помешать развитию профдвижения, закреплению за профсоюзами права представлять рабочих, руководить стачками. Конец XIX — начало XX в., как уже указывалось, ознаменовались значительным усилением гонений на профсоюзы. В этом деле пример подали правящие круги США и Англии («Таффское дело»).

В США в 1895 г. возникла Национальная ассоциация промышленников, которая развернула широкую кампанию за ликвидацию профсоюзов, за «открытый цех», за «свободный договор» между предпринимателем и каждым отдельным рабочим. Тем самым делалась попытка вырвать из рук пролетариата оружие, позволявшее в какой-то мере ограничить эксплуатацию,— оружие организованности и солидарности. Реакционная американская пресса включилась в кампанию травли тред-юнионов, обвиняя их в нарушении свободы, насилии над личностью, покушении на «священное право собственности».

Американские суды систематически объявляли недействительными законы отдельных штатов, запрещавшие увольнять рабочих за членство в профсоюзах. В 1902 г. Верховный суд США усмотрел нарушение закона Шермана в забастовке рабочих фирмы «Д. Е. Доуз» в Денбери, имевшей целью добиться признания профсоюза и подкрепленной бойкотом товаров фирмы по всей стране. В результате профсоюз принудили уплатить огромный штраф[1].

Не прекращая репрессий, капиталисты хотели вытравить из профсоюзов боевой дух, превратить их в инструмент «классового сотрудничества». В конце XIX в. в Западной Европе появляется ряд работ буржуазных идеологов, в которых развивалась новая система взглядов на профсоюзы. Например, по мнению В. Зомбарта, отнюдь не следует стремиться уничтожить профсоюзы, ибо вся их деятельность-де не выходит за рамки существующего строя[2]. Это были отправные пункты будущей социальной политики империалистической буржуазии, сутью которой является навязывание профсоюзам чуждого рабочему классу курса «социального партнерства» и «интеграции» в систему капитализма.

Однако классовый опыт вновь и вновь подтверждал, что ни одна пролетарская организация не может стоять вне противоречий труда и капитала, изолироваться от политики. Через буржуазное законодательство, репрессивные органы и т. п. политика постоянно вторгалась в деятельность профсоюзов, вынуждала их руководителей, даже тех из них, кто декларировал свою антипатию к политической борьбе, принимать в ней непосредственное участие. Именно террор местных властей Сан-Франциско и предпринимателей послужил толчком к тому, что осенью 1901 г. 69 профсоюзов западного побережья США

[1] См. *Л. И. Зубок.* Указ. соч., стр. 329.
[2] См. *В. Зомбарт.* Рабочий вопрос. СПб., 1905, стр. 6.

учредили на своем съезде Профсоюзную рабочую партию города и графства Сан-Франциско. Первые же выборы принесли организации победу: мэром был избран ее кандидат. Активная политическая деятельность привела к росту рядов профсоюзов в городе. Однако в США в отличие от Англии создание политической организации на основе тред-юнионов не распространилось на всю страну.

В ответ на репрессии властей по отношению к профсоюзам возникали стачки, при помощи которых рабочие отстаивали свои профсоюзы от посягательств классового врага, боролись за утверждение их прав в качестве законных объединений рабочего класса. Эти стачки носили политический характер; они способствовали распространению среди членов профсоюзов сознания того, что причина всех их материальных бедствий и лишений коренится в системе наемного рабства, в политическом господстве буржуазии. Во многих странах профсоюзы накопили богатый опыт проведения стачек, в ходе которых объединяли вокруг себя значительные массы неорганизованных рабочих. Наибольшего успеха пролетарии, как правило, добивались там, где профсоюзы тесно сотрудничали с марксистской партией, действовавшей в данной стране.

В то же время обострившаяся борьба революционного, последовательно марксистского и правооппортунистического, ревизионистского направлений нашла свое отражение и в профсоюзах. «Тенденции к «чистому тред-юнионизму» в английском, т. е. безусловно-буржуазном духе», о которых говорил В. И. Ленин[1], стали проявляться и в политике тех профессиональных союзов, которые первоначально находились под влиянием классово ориентированных, революционных сил. Существенную роль в этом сыграли «институализация» профсоюзов, приобретение ими официального статуса и связанные с этим бюрократизация и обуржуазивание их возросшего аппарата.

Особенно заметные масштабы приобрело перерождение профсоюзной верхушки в США, где массовое рабочее движение с самого начала развивалось в отрыве от деятельности социалистических организаций. Лидеры АФТ приняли наряду с представителями крупного капитала участие в деятельности Национальной гражданской федерации[2]. В рамках НГФ было достигнуто негласное соглашение, по которому в обмен за признание профсоюзов и предоставление им некоторых уступок Гомперс и его коллеги обязались содействовать борьбе с представителями революционной тенденции в рабочем движении США и отказаться от организации неквалифицированных рабочих, составлявших тогда большинство фабрично-заводского пролетариата[3].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 326.

[2] См. *С. М. Аскольдова.* Формирование идеологии американского тред-юнионизма. М., 1976.

[3] См. *Ф. С. Фонер.* История рабочего движения в США, т. III. М., 1966, стр. 72—73.

В профсоюзном движении европейских стран дело еще не приняло подобный оборот. Но и здесь в среде профсоюзных лидеров начал распространяться дух соглашательства. Законное стремление не допустить авантюризма в стачечном движении стало превращаться у иных лидеров в политику, направленную на его свертывание. Как говорилось в одном из документов правления датских профсоюзов, «забастовка является оружием рабочих в борьбе за улучшение своего положения, но в современных условиях они не нуждаются в забастовках»[1]. Широко использовался демагогический довод, что денежные средства профсоюзов лучше использовать на помощь нуждающимся, безработным.

Ужесточался контроль руководящих профсоюзных органов над принятием решений об объявлении стачек. Особенно заметным это стало в Германии. Вот что писал в 1904 г. печатный орган Генеральной комиссии свободных профсоюзов: «Ввиду сильно возросшего риска стачек всякое мирное соглашение является бóльшим успехом, чем победа после многомесячной борьбы»[2]. Такая установка вполне отвечала тактике предпринимателей, которые стремились «приручить» профсоюзы, заставить их разрешать возникающие споры «мирными» средствами.

В Англии тред-юнионистские лидеры старались передать решение спорных вопросов третейскому суду и так называемым примирительным камерам, созданным в 1896 г. В роли «беспристрастных» судей здесь выступали государственные чиновники. Примирительное разрешение конфликтов превращалось в систему, воплощающую «гражданский мир». Лишь незначительное число конфликтов, рассматривавшихся третейскими судами и примирительными камерами, окончились стачками[3]. По правилам тред-юнионов, забастовка могла быть объявлена только после того, как исчерпаны все средства примирения.

Но правая опасность «соглашательства» была не единственной, с которой приходилось сталкиваться в это время профдвижению. В Испании, во Франции, в Италии, Швейцарии, некоторых странах Латинской Америки профсоюзы продолжали испытывать более или менее сильное влияние анархо-синдикализма.

В. И. Ленин называл анархо-синдикализм «ревизионизмом слева»[4]. Анархо-синдикализм вызывался к жизни стремлением трудящихся к активным действиям. В то же время он, как и анархизм в целом, отражал «гнев, нетерпение и колебания мелкой буржуазии, лишенной перспектив»[5]. Анархо-синдикалисты, хотя им были свой-

[1] «Zweiter internationaler Bericht über die Gewerkschaftsbewegung. 1904». Berlin, 1906, S. 42.
[2] «Correspondenzblatt», 1904, N 19, S. 308.
[3] См. *Л. П. Куприянова.* Организация западноевропейских рабочих. М., 1913, стр. 35.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 25.
[5] *J. Duclos.* Anarchistes d'hier et aujourd'hui. Paris, 1968, p. 18.

ственны боевой дух и готовность к борьбе, своими левацкими, авантюристическими действиями и фразой серьезно препятствовали развитию активности профсоюзов в правильном направлении, мешали их взаимодействию с революционными партиями рабочего класса. Синдикалистские идеи об «автономии» местных профорганизаций, децентрализации профсоюзов, отказе от специальных фондов и касс взаимопомощи приносили лишь вред, ибо подрывали методы организационной работы, рассчитанные на создание сильных и массовых профорганизаций.

Нередко анархо-синдикализм был реакцией рабочих на реформистские тенденции в деятельности профсоюзных лидеров. Нагляднее всего это сказалось в профдвижении Франции, где захват анархо-синдикалистами в 1901 г. руководства самого крупного профцентра — Всеобщей конфедерации труда был непосредственно связан с глубоким возмущением рабочих деятельностью министра-«социалиста» Мильерана и поддерживавшей его реформистской верхушки ВКТ. В этих условиях тезис анархо-синдикализма об отказе от участия в политической борьбе приобрел для многих трудящихся определенный смысл: массы поняли его как оппозицию оппортунистическому социализму [1].

Анархо-синдикалисты использовали в своих интересах тягу французских пролетариев к единству и в 1902 г. осуществили под своим руководством объединение ВКТ с Федерацией бирж труда. Конечно, это было определенным шагом вперед в развитии профдвижения, но анархо-синдикалистские лидеры с их неверием в творческие силы масс не могли обеспечить ни подлинного единства французских рабочих, ни их успехов в классовой борьбе [2]. Синдикаты, как правило, не занимались подготовкой стачек, редко выступали в роли их руководителей; развертыванию стачечной борьбы мешало и слабое влияние центральных профсоюзных органов на ее ход, что вытекало из синдикалистской идеи широкой независимости местных профорганизаций.

Один из излюбленных приемов оппортунистов в профсоюзном движении конца XIX — начала XX в. (и в этом были едины и деятели реформистского толка, и анархо-синдикалисты) заключался в провозглашении так называемой нейтральности профсоюзов, т. е. их отмежевания от политической партии пролетариата. В тогдашних условиях такой подход противоречил коренным интересам рабочего класса, ибо еще не окрепшие, подвергавшиеся яростным атакам профсоюзные организации могли добиваться успехов лишь в тесном контакте с социалистическими партиями, стоявшими в своем большинстве на классовых позициях.

[1] *В. Далин.* Стачки и кризис синдикализма в предвоенной Франции. М.—Л., 1935, стр. 26.

[2] См. *Т. Милицина.* Борьба течений в профессиональном движении во Франции. М., 1937, стр. 165, 173—175 и др.

В России социал-демократические группы и «Союзы борьбы» в ходе стачек подводили рабочих к пониманию непримиримости интересов рабочих с интересами предпринимателей и государства, помогали рабочим создавать стачечные комитеты, стачечные кассы, кассы сопротивления. Эти боевые организации и были непосредственными предшественниками профессиональных союзов. Обычно они действовали в масштабе отдельных предприятий; но были и общегородские кассы, объединявшие рабочих какой-либо отрасли производства. Примером может служить Харьковское общество взаимопомощи рабочих механических заводов; в 1904 г. в нем состояло 1300 человек. Позднее из него вырос профсоюз[1]. В Москве аналогичная общегородская стачечная касса существовала с 1896 г.; кроме пособий участникам забастовок часть средств расходовалась на приобретение литературы[2]. Эти организации по своим задачам и составу были очень близки к профсоюзам, но от последних их отличала организационная неоформленность. Первые профсоюзы возникли в России на следующем этапе освободительной борьбы.

Важной позитивной стороной развития профсоюзного движения в рассматриваемые годы явилось повышение уровня его интернационализации. Этот процесс значительно ускорился после Цюрихского конгресса II Интернационала (1893 г.), принявшего решение о «национальном и международном устройстве профессиональных союзов». В нем подчеркивалась необходимость «образовать путем соглашения национальных федераций международную федерацию организованных профессий, чтобы соединить в один союз организации различных стран»[3]. Лондонский конгресс II Интернационала (1896 г.) также уделил значительное внимание международным формам деятельности профсоюзов, в том числе солидарности профсоюзов разных стран во время забастовок.

К 1900 г. возникло 17 международных производственных объединений (секретариатов). Многие из них распространяли свое влияние на значительное число стран. Однако деятельность этих секретариатов ограничивалась главным образом сбором информации о положении трудящихся, заработной плате, продолжительности рабочего времени и т. д. Материальная помощь той или иной национальной организации во время забастовки не носила систематического характера, ибо постоянных стачечных фондов ни один из секретариатов не создал[4]. Между собой производственные секретариаты не были связаны.

[1] См. *В. В. Святловский.* История профсоюзного движения в России. От возникновения рабочего класса до 1917 года. Л., 1924, стр. 73.

[2] См. *Ю. И. Милонов.* Как возникли профсоюзы в России. М., 1929, стр. 19.

[3] «Международные социалистические конгрессы». Женева, 1903, стр. 32—33.

[4] *J. Sassenbach.* Fünfundzwanzig Jahre internationale Gewerkschaftsbewegung. Amsterdam, 1926, S. 113.

С возникновением и укреплением национальных профцентров появилась возможность создать международную организацию, которая объединила бы их. Шагом к этому явилась конференция представителей профцентров Германии, Англии, Бельгии, Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии, состоявшаяся в августе 1901 г. в Копенгагене. Здесь было принято решение созывать подобные конференции периодически с целью установить более тесные связи между профсоюзами разных стран. Кроме того, был создан постоянный орган — Международный секретариат профсоюзов, призванный действовать в периоды между конференциями. Ведущую роль в нем сразу же стали играть германские профсоюзы, а с 1904 г. их руководитель К. Легин стал генеральным секретарем Международного секретариата. Это в значительной мере предопределило преобладающее влияние реформизма на деятельность новой организации, не позволило ей сделаться боевым штабом профсоюзов в период бурных классовых битв начала XX в.

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В последние десятилетия XIX в. происходило массовое вовлечение женщин в производство. Безудержная эксплуатация, ущемление политических и гражданских прав работниц превратили женский вопрос в острую социальную проблему.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал неразрывную связь между победой социализма и социальным освобождением женщин, видел в них важную силу в борьбе рабочего класса за коренное переустройство общества. Он писал: «Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины»[1].

Во второй половине XIX в. в женском движении наметились два противоположных направления: пролетарское и буржуазно-феминистское. «Классовая противоположность,— писал А. Бебель,— которая разделяет класс капиталистов и класс рабочих и которая, при обострении наших отношений, развивается все сильнее, проявляется, таким образом, и в женском движении»[2]. Феминистские организации объединяли преимущественно женщин, принадлежавших к буржуазной интеллигенции, а политическая позиция этих организаций не выходила за пределы буржуазно-либерального реформаторства. Поэтому революционные социал-демократы призывали женщин-пролетарок к созданию собственной классовой организации, к активному участию в общей революционной борьбе пролетариата.

В Англии, Германии, Австрии и других странах работницы принимали участие в стачках и демонстрациях, добиваясь улучшения условий труда. Характерна в этом отношении, например, забастовка

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 186.
[2] *А. Бебель.* Женщина и социализм. Пг., 1919, стр. XXVIII.

на спичечных фабриках Лондона в июле 1888 г., в ходе которой работницы добились некоторого повышения заработной платы, а также забастовка 3 тыс. работниц на производстве резиновых изделий в Сильвертауне (сентябрь — декабрь 1889 г.). Здесь среди других было выдвинуто требование увеличения заработной платы женщинам и детям. В результате стачки возник союз молодых работниц.

В США уже начиная с 1870 г. работницы стали объединяться в самостоятельные женские профсоюзы, поскольку характер американского профсоюзного движения затруднял их вступление в общие объединения. С 1880 г. некоторые профсоюзы начали принимать женщин в качестве равноправных членов. В 1881 г. женские профсоюзы вошли в Орден рыцарей труда[1].

В 90-х годах в некоторых странах (Германия, Англия) были предприняты первые попытки организовать союзы женщин-работниц, но они еще действовали преимущественно рука об руку с феминистскими организациями, испытывая их идейное влияние. Таким образом, к концу века ни в одной стране, даже насчитывавшей сотни тысяч женщин-работниц, женского социалистического движения не было[2].

В 1896 г., во время заседаний Лондонского конгресса II Интернационала, 30 делегаток-социалисток Англии, Германии, Америки, Голландии, Бельгии и Польши устроили первое совещание, на котором обсудили вопрос об отношениях между буржуазным феминизмом и женским пролетарским движением. Была признана необходимость разграничить эти движения и усилить деятельность социалистических партий среди работниц с целью приобщения их к общепролетарской борьбе.

Раньше других на этот путь встало пролетарское женское движение в России. Об этом свидетельствует одна из резолюций Амстердамского конгресса II Интернационала (1904 г.), где, в частности, говорилось: «Русское женское движение, пробудившееся одновременно с общим освободительным движением страны... в общем, несомненно, утрачивает тот буржуазный характер, каким оно отмечено в некоторых других европейских странах»[3].

ДВИЖЕНИЕ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

Усиление эксплуатации рабочего класса крайне болезненно сказывалось на молодом поколении. Молодежь остро ощущала также последствия милитаризации, охватившей крупные капиталистические

[1] См. *Г. Александер.* Историческое развитие женского буржуазного движения во Франции, Америке, Англии и Германии. М., 1930, стр. 88—89.

[2] См. *А. М. Коллонтай.* Избранные статьи и речи. М., 1972, стр. 102.

[3] Цит. по: *В. Бильшай.* Решение женского вопроса в СССР. М., 1959, стр. 67.

государства при переходе к империализму и вызвавшей растущую потребность в «пушечном мясе». Многие молодые рабочие осознавали необходимость объединения для борьбы за экономические и политические права. Важными факторами, способствовавшими созданию организаций молодежи, были всеобщее стремление пролетариата к объединению, создание социалистических партий и профсоюзов, распространение социалистических идей в широких слоях рабочего класса.

Рабочая молодежь — неотъемлемая часть пролетариата, и на ее развитии сказывались те же политические и идеологические тенденции, которые показывали воздействие на рабочий класс в целом. Характерной чертой молодежных организаций пролетариата был боевой дух, что имело большое значение для воспитания кадров борцов за социализм[1].

Становление и деятельность социалистических организаций молодежи проходили в упорной борьбе с буржуазным и мелкобуржуазным влиянием, распространявшимся через различные антисоциалистические молодежные союзы, в том числе клерикальной окраски. Противником социалистического молодежного движения были также анархистские организации молодежи, существовавшие в Швеции, Бельгии, во Франции, в Италии.

Первый союз рабочей молодежи (под названием «Молодая гвардия») был основан осенью 1886 г. в Генте (Бельгия); затем организации «Молодой гвардии» возникли в других городах страны. Формально они пользовались самостоятельностью, но в своей деятельности примыкали к социалистической партии. Членами союза являлись рабочие в возрасте от 15 до 21 года; становясь старше, они обычно вступали в Рабочую партию[2].

Основное внимание союз уделял антимилитаристской пропаганде. Главными ее лозунгами были отмена системы жеребьевки и заместительства при наборе в армию[3], сокращение срока военной службы. Во время призыва 1890 г. группы «Молодой гвардии» развернули пропаганду на призывных пунктах. Состоявшийся в том же году в Лувене съезд Рабочей партии поддержал движение молодежи и обязал партийные организации оказывать ему всемерную помощь в антивоенной агитации. Съезд закрепил за «Молодой гвардией» два места в Национальном совете партии[4].

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 226.

[2] См. *И. Юзефович.* Социалистическое юношеское движение за границей и в России. М., 1918, стр. 9.

[3] Не все лица, достигшие призывного возраста, привлекались к службе в армии. Это определялось жребием. Вытянувший «несчастливый» жребий имел возможность заменить себя за плату другим призывником. Сыновья зажиточных родителей широко пользовались этой возможностью.

[4] См. «Первая международная конференция социалистической молодежи. Сборник статей и материалов Штутгартской конференции 1907 года». М., 1928, стр. 57.

Правительство сурово преследовало «Молодую гвардию». Уже в 1890 г. были арестованы и присуждены к тюремному заключению многие ее руководители. Судебные процессы против активистов молодежного движения проходили и в последующие годы. Однако, несмотря на преследования, деятельность союза приносила плоды. Как показал конфиденциальный опрос, проведенный в 1899 г. военным министром, бельгийские офицеры единодушно считали, что их солдаты откажутся выступить против бастующих рабочих[1].

В. И. Ленин впоследствии высоко оценил роль бельгийского молодежного антивоенного движения[2].

В соседних Нидерландах первые молодежные организации были созданы также в 1886 г., но они подпали под влияние анархизма. Поэтому в 1901 г. съезд социал-демократической партии решил образовать новую молодежную организацию. Сформированная съездом комиссия выработала устав союза молодых рабочих и работниц, который начал действовать в декабре 1901 г. Цель союза — он назывался «Сеятель» — состояла в социалистическом воспитании молодежи, заботе о ее материальных и духовных интересах, ведении антимилитаристской пропаганды. Однако реформистское руководство партии, стремясь притупить революционный порыв молодости, изменило свою позицию в вопросе об организационных основах молодежного союза. Голландские социалистические лидеры решили установить над ним неотступную опеку, фактически лишив его всякой самостоятельности[3].

Такого рода тенденция по отношению к молодежным организациям проявлялась и в некоторых других странах, отражая усиление влияния оппортунизма в руководстве социал-демократических партий.

Во Франции первая социалистическая юношеская организация была создана в 1894 г. Развитие движения рабочей молодежи шло здесь, как и в Бельгии, под знаком активного протеста против милитаризации. К 1899 г. во Франции насчитывалось около 200 местных групп молодых социалистов[4]. Они активно вели политическое просвещение молодежи, занимались антивоенной пропагандой. В январе 1900 г. молодые социалисты Франции начали издавать газету, распространявшуюся среди молодых солдат. Широко расходились и другие антивоенные публикации.

К 1894 г. относится образование первого молодежного социалистического союза в Австрии. Конференция молодежных организаций, провозгласившая создание Союза молодых рабочих Ав-

[1] См. *В. Мюнценберг* и *Р. Шиллер*. История юношеского движения на Западе. М., 1925, стр. 38.

[2] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 192—193.

[3] См. *М. М. Мухамеджанов*. Молодежь и революция (У истоков международного революционного движения молодежи). М., 1972, стр. 26.

[4] См. *В. Мюнценберг* и *Р. Шиллер*. Указ. соч., стр. 28.

стрии, состоялась только в 1904 г. Политическая деятельность молодежи до 18 лет была в этой стране запрещена, и существовала лишь возможность выступать в защиту экономических интересов, заниматься просветительской деятельностью.

Молодежные социалистические организации Чехии возникли в 1896 г. Они ставили своей целью пробудить в рабочей молодежи классовое самосознание, воспитать ее в духе научного социализма, высвободить из-под духовного и политического влияния клерикализма и национализма. Однако съезд Чехославянской социал-демократической партии, состоявшийся в 1900 г. в Ческе-Будеёвице, принял решение о замене самостоятельных молодежных организаций юношескими просветительскими группами. Молодежная газета перешла в распоряжение партии. «...Чешская с.-д. создала обширную, прочно организованную и в своей узкой области хорошо функционировавшую сеть юношеских организаций, которым отказано было, однако, в основном, наиболее для них важном,— в самоуправлении и в непосредственном участии в реальной политической жизни»[1].

Социалистические организации молодежи, образованные в 90-х годах в Швеции, вначале, как и в Нидерландах, оказались под влиянием анархистов. Однако собравшийся в 1903 г. съезд молодых социал-демократов высказался за распространение социалистической идеологии и ведение антимилитаристской пропаганды. Съезд выступил в поддержку требования независимости Норвегии (находившейся тогда под властью Швеции) и призвал рабочую молодежь «не являться по мобилизационному приказу, если таковой будет объявлен, а в случае если все же придется пустить в ход оружие, не направлять его против норвежского народа»[2].

В Германии первый Союз рабочей молодежи был создан в Берлине в 1904 г. Эта организация действовала в трудных условиях прусского полицейского режима, но тем не менее вела активную работу по социалистическому воспитанию молодых рабочих, защите их социально-экономических прав. В том же году аналогичный союз возник в Мангейме; его деятельность распространялась на Южную Германию. Пользуясь более свободными условиями, союз развернул активную антимилитаристскую агитацию. Правда, эта деятельность не находила поддержки со стороны лидеров социал-демократической партии, которые как раз в год основания организаций рабочей молодежи добились отклонения на Бременском съезде партии (1904 г.) проекта резолюции об усилении антимилитаристской пропаганды.

Давая характеристику первым шагам молодежного социалистического движения, Г. В. Чичерин писал: «Первый период... юноше-

[1] *Г. Чичерин.* Из истории Интернационала молодежи. Очерки. М.—Л., 1925, стр. 23; см. также «Vybrané kapitoly z historie pokrokového mládežniekého hnutí», 1. č. Praha, 1974, s. 11.

[2] *В. Мюнценберг* и *Р. Шиллер.* Указ. соч., стр. 43.

ского рабочего движения, начавшийся *с середины восьмидесятых годов*, отличается тем, что это движение возникает сначала в разных странах независимо одно от другого, часто стихийно, незаметно и лишь постепенно выливается в более широкие организационные формы и обнаруживает стремление сначала к общенациональным объединениям, а затем к интернациональной организации»[1]. Такое стремление особенно выявилось в начале XX в., когда во время работы Парижского, а затем Амстердамского конгрессов Интернационала созывались специальные совещания молодых делегатов. Однако создать международное объединение социалистической молодежи тогда еще не удалось, и главной причиной этого была незавершенность процесса образования национальных организаций рабочей молодежи[2]. Интернационал социалистической молодежи был основан только в 1907 г.

Если в странах Западной Европы выход молодежи на пути активного участия в общественной жизни затруднялся противодействием реформистов, то в Р о с с и и революционная социал-демократия с самого начала правильно оценила роль молодежи в освободительном движении пролетариата, исходя из необходимости воспитания ее в духе последовательной классовой борьбы. Об этом шла речь, в частности, в одной из первых листовок на данную тему, изданных в конце 1902 — начале 1903 гг. Нижегородским комитетом РСДРП и обращенных к сормовской молодежи[3]. Молодые рабочие составляли немалую часть сформировавшихся в 90-х годах борцов против царизма и капиталистического гнета. Но создавать в тех условиях специальные организации рабочей молодежи означало бы распылять силы; находясь в подполье, такие организации не могли стать массовыми, а в этом заключалась одна из основных целей их существования.

КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Социальную базу кооперативного движения составляли рабочие и утрачивавшие свою экономическую устойчивость мелкие производители города и деревни. Различия в характере деятельности и формах кооперативов как раз и зависели от того, интересы каких социальных категорий они представляли.

Рабочие стремились с помощью производственных, потребительских, жилищных кооперативов противостоять натиску капиталистов, добиться улучшения условий жизни. Что касается сбытовых, снабженческих, кредитных, ссудо-сберегательных кооперативов, то к ним проявляла интерес в первую очередь некоторая часть мелких соб-

[1] *Г. Чичерин.* Указ. соч., стр. 12.
[2] См. «История Второго Интернационала», т. II, стр. 381.
[3] См. *А. Н. Ацаркин.* Жизнь и борьба рабочей молодежи в России (1901 г.— октябрь 1917 г.). М., 1965, стр. 91—92.

ственников, крестьян, кустарей и ремесленников, рассчитывавших отстоять с помощью кооперации свое экономическое благополучие в рамках капитализма.

Основоположники научного коммунизма дали четкую оценку значения кооперативного движения для пролетариата. Отмечая, что это «первая брешь» в старых формах хозяйствования[1], они в то же время подчеркивали, что кооперация сама по себе никогда не сможет преобразовать капиталистическое общество. «Для того, чтобы превратить общественное производство в единую, обширную и гармоническую систему свободного кооперативного труда, необходимы *общие социальные изменения*, *изменения основ общественного строя*, которые могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, то есть государственной власти, от капиталистов и землевладельцев к самим производителям»[2].

В. И. Ленин, оценивая создание кооперативов как средства, с помощью которого можно добиться некоторого улучшения материального положения трудящихся, также считал, что «достижимые кооперативами улучшения ограничены очень узкими границами до тех пор, пока средства производства и обмена остаются в руках класса, экспроприация которого есть главная цель социализма»[3].

Пролетарское кооперативное движение приобрело значительный размах с 80-х годов XIX в. По мере его развития стало очевидным, что производственная кооперация не получила большого распространения в рабочей среде, так как не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Производственные кооперативы не выдерживали конкуренции с крупной промышленностью и не имели шансов выжить. В то же время, как показала практика, объединение рабочих в потребительские кооперативы с целью устранения многочисленных торговых посредников и приобретения товаров широкого потребления на выгодных для трудящихся условиях безусловно целесообразно. К началу XX в. потребительская кооперация стала основной разновидностью пролетарского кооперативного движения.

Кооперативное движение в различных странах и его политическая ориентация во многом зависели от уровня развития и характера рабочего движения. С этой точки зрения можно выделить три направления. К первому относились кооперативы Англии и отчасти Франции, которые придерживались нейтральной позиции в отношении политических партий и провозгласили свою автономию от них. Ко второму направлению принадлежали кооперативы Германии, Австрии и Италии; они также заявляли о своей автономии, но все же на них в отличие от первой группы несомненное влияние оказывали партии рабочего класса. Наконец, в Бельгии, частично в Голландии и во Франции кооперативы были организационно и программно свя-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 483.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 199.
[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 310.

заны с социалистическими партиями и являлись их важной составной частью.

Наибольшее распространение и влияние кооперативы получили в Великобритании. К концу столетия в стране насчитывалось уже 2 тыс. потребительских кооперативов, объединявших более 1 700 тыс. человек[1]. Руководители британского кооперативного движения неоднократно подчеркивали свою аполитичность, заявляя, что занимаются лишь хозяйственными делами, практически же плелись в хвосте буржуазных партий. Но подъем рабочего движения в конце века отразился и на деятельности кооперативов. Потребительские общества начали оказывать большее содействие рабочему движению. Так, в 1893 г. они предоставили около 35 тыс. ф. ст. на просветительные цели; была оказана значительная помощь бастовавшим углекопам.

В Бельгии в начале века насчитывалось более 1800 различных кооперативов. В целях координации их деятельности в 1900 г. была основана Федерация бельгийских социалистических кооперативов. К этому времени они объединяли 86 тыс. членов[2] и являлись одной из главных составных частей Рабочей партии. Типичным представителем такого рода кооперативов стал созданный в 1881 г. в центре ткацкой промышленности Генте потребительский кооператив «Вперед».

Уставы бельгийских рабочих кооперативов гласили, что задачи организации прежде всего политические и социалистические; члены общества, с того момента, как их имена внесут в книги общества, обязываются признавать программу Рабочей партии. Социалистические кооперативы отчисляли в фонд Рабочей партии треть своей прибыли, а во времена острой борьбы — еще больше. В построенных на средства кооперативов «народных домах» размещались рабочие союзы, кассы взаимопомощи; здесь были залы для партийных и рабочих собраний, концертов и театральных представлений, помещения для различных кружков, библиотеки, типографии, редакции газет и т. д.[3]. В целом социалистическое кооперативное движение Бельгии добилось некоторых успехов в защите интересов трудящихся. Но в его деятельности сильно проявлялись реформистский дух, удовлетворенность «малыми делами», т. е. именно те черты, об опасности которых предупреждали революционные марксисты.

Во Франции рабочие кооперативы, связанные с социалистическим движением, появились в 90-х годах XIX в. в г. Сен-Клод. В Лилле и Рубе возникли социалистические кооперативные общества, созданные рабочими, прибывшими из Бельгии, по образцу гентского

[1] См. *А. Бансель.* Кооперативизм. Экономические очерки. М., 1903, стр. 53, 78.
[2] См. *Э. Вандервельде, Ж. Дестрэ.* Указ. соч., стр. 30—31.
[3] *R. B. Seebohm.* Comment diminuer la misère. Etudes sur la Belgique. Paris, [s. a.], p. 420.

кооператива «Вперед». Вслед за тем аналогичные общества были организованы в Париже и других городах.

Вначале все они присоединились к Кооперативному союзу, основанному Ш. Жидом и другими «чистыми кооператорами», стоявшими на позициях аполитичности кооперативного движения. Однако в 1895 г. кооперативы социалистической ориентации вышли из Кооперативного союза и основали Кооперативную биржу социалистических потребительских обществ. Эта организация быстро росла: в 1894 г. имелось 942 общества с 300 тыс. членов, а в 1902 г.— уже 1600 обществ, охватывавших 500 тыс. членов[1]. Часть своих доходов социалистические кооперативы тратили на общественные и политические цели. Так, кооперативное общество, основанное в 1891 г. в III округе Парижа, оказывало входившим в него рабочим бесплатную медицинскую помощь, обеспечивало их лекарствами по пониженным ценам, создало ссудную кассу; были учреждены также касса солидарности и касса пропаганды[2].

В Германии в кооперативном движении также имелось два направления. Ранее других возникли общества, центром которых был Всеобщий союз, возглавлявшийся мелкобуржуазными экономистами Шульце-Деличем и Крюгером[3]. Они стояли на позициях политического нейтралитета, утверждали, что интересы всех граждан как потребителей якобы одинаковы. С 1885 г. в различных частях Германии появились рабочие потребительские кооперативы, которые вначале присоединялись к Всеобщему союзу.

Развитие пролетарского кооперативного движения ускорилось после отмены «исключительного закона» против социалистов. В 1903 г. в процессе размежевания со Всеобщим союзом возник пролетарский Центральный союз немецких потребительских обществ. В него вошли 666 кооперативов, насчитывавших 573 тыс. членов — значительно больше, чем осталось во Всеобщем союзе[4]. В своем большинстве они являлись рабочими. Центральный союз установил контакты с профессиональными союзами и в ряде случаев выступал совместно с ними в борьбе за улучшение социально-политического положения рабочего класса. Руководство Центральным союзом в значительной мере осуществлялось социал-демократами[5].

Позиция СДПГ в отношении кооперации была отчетливо сформулирована в резолюции по этому вопросу, принятой в 1899 г. на Ганноверском съезде партии. «Партия...— говорилось в этой резо-

[1] См. *Ж. Вейль.* История социального движения во Франции (1852—1902). М., 1906, стр. 385.

[2] «Mouvement Socialiste», vol. VII, 1902, p. 488.

[3] Подробнее см.: *W. Kulemann.* Die Genossenschaftsbewegung. Berlin, 1922.

[4] *W. Hesselbach.* Die gemeinwirtschaftlichen Unternehmen. Frankfurt a/M, 1971, S. 66.

[5] См. *М. Балабанов.* История кооперативного движения на Западе. Л., 1931, стр. 90; *P. Gärtner.* Die Genossenschaftsbewegung. Berlin, 1947, S. 17.

люции,— считает, что учреждение этих обществ, поскольку для этого имеется благоприятная почва, может улучшить материальное положение ее членов; она видит в подобных обществах, как, впрочем, и во всякой организации рабочих для защиты их интересов, школу, в которой рабочие могут научиться вести самостоятельно свои предприятия. Но она отказывается признать за ними решающее значение для освобождения рабочих от цепей наемного рабства»[1].

В России рабочая потребительская кооперация как массовая организация начала создаваться позже, чем в западноевропейских странах[2]. Это было связано с более поздним формированием промышленного пролетариата и крайне неблагоприятными условиями для создания каких бы то ни было рабочих организаций. Однако уже в 70-х годах возникли потребительские общества в промышленных центрах Украины, Грузии, Прибалтики. В Петрограде на Александровском механическом заводе действовал рабочий кооператив «Общая польза». Потребительское общество «Бережливость» учредили рабочие и служащие Невской мануфактуры. Позднее кооперативы возникли в Харькове, Киеве, Ростове и других городах. В 1898 г. был создан Московский союз потребительских обществ.

Пролетарское кооперативное движение могло стать важной составной частью социалистического рабочего движения. Но терпимость к реформизму, все более сказывавшаяся в деятельности партий II Интернационала, не могла не наложить отпечатка на развитие рабочих кооперативов. Часто марксистские взгляды на кооперацию подменялись мелкобуржуазными, значение ее искажалось и преувеличивалось, она рассматривалась в духе несостоятельных концепций так называемого гильдейского социализма, как средство мирной ликвидации капитализма. В результате кооперативное движение нередко превращалось в «резервуар реформистов, опору буржуазного влияния на рабочий класс и трудящиеся массы крестьянства»[3].

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Развитие классовой борьбы в конце XIX — начале XX в. характеризовалось повышением самосознания рабочего класса, что выразилось, в частности, в усилившейся тяге к знаниям и культуре. Эта тяга соответствовала объективным потребностям развития общества. Внедрение в производство новых машин и технологических процессов требовало повышения общеобразовательной и профессиональ-

[1] Цит. по: *Э. Вандервельде.* Кооперация нейтральная и кооперация социалистическая. М., 1918, стр. 52.

[2] См. *В. Ф. Пекарский.* Нормальная экономика (Теория кооперации). Пг., [б. г.], стр. 215.

[3] *С. П. Трапезников.* На крутых поворотах истории (Из уроков борьбы за научный социализм, против ревизионистских течений). М., 1972, стр. 24.

ной подготовки рабочих, что осознавали многие капиталисты, а под их воздействием и государственные власти. Крупный буржуазный экономист того времени А. Маршалл писал: «Дать народу большую возможность получить хорошее образование... будет выгодным капиталовложением»[1].

Именно к последним десятилетиям XIX в. относится введение всеобщего начального образования в ряде стран, например в Англии и Японии (70-е годы), во Франции (80-е годы), в большинстве штатов США[2].

Передовые рабочие и их политические организации оценивали введение всеобщего начального образования как важное демократическое завоевание, но видели и ограниченность, коренные недостатки школьной системы. Во-первых, она не обеспечивала ликвидации неграмотности взрослых трудящихся и даже подростков старше 12—13 лет (обязательность обучения касалась, как правило, детей младшего возраста). Например, в Австрии в 1890 г. неграмотными оставались почти 35% населения, а в некоторых землях (Галиция, Буковина) — 80% и более[3].

Во-вторых, передовые рабочие и социал-демократы понимали, что господствующие классы будут жестко ограничивать доступ трудящихся к культуре, знаниям и вместе с тем насаждать буржуазное образование. Поэтому рабочие организации стремились противопоставить этому образование в социалистическом духе, создавая свои культурно-просветительные учреждения.

Вместе с тем в самом рабочем движении намечается, а позже — в начале века — четко проявляется двоякий подход к определению задач рабочих культурно-просветительных организаций: марксистский, революционный, с одной стороны, и социал-реформистский — с другой. Первый устанавливал тесную связь культурно-просветительской работы с формированием классового сознания рабочих, с революционной агитацией и пропагандой, с борьбой за освобождение рабочего класса. Второй отрывал эту работу от политической деятельности.

В. И. Ленин разоблачал методологическую и политическую порочность реформистских тезисов о том, что надо дождаться, пока рабочий класс поднимет свой образовательный уровень, прежде чем вести среди него революционную агитацию и пропаганду. Он решительно отвергал точку зрения, будто сначала надо совершить культурный переворот, чтобы рабочий класс оказался в состоянии взять на себя руководство обществом, приступить к глубоким социальным преобразованиям. Развивая положение Маркса о том, что люди изме-

[1] *A. Marshall.* Principles of Economics. London, 1925, p. 216.
[2] «UNESCO. L'éducation dans le monde. L'enseignement du premier degré». Paris, 1960, p. 402, 509, 741, 1017.
[3] См. *М. Н. Кузьмин.* Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII в. — 30-е годы XX в.). М., 1971, стр. 143.

няют себя в процессе активного воздействия на окружающий мир, Ленин указывал, что подлинного просвещения масс нельзя добиться без их участия в борьбе за свое освобождение.

Рабочие культурно-просветительные организации в ряде случаев сыграли важную роль не только в повышении образовательного и культурного уровня рабочих, но также в их идейном и организационном сплочении, развертывании их политической деятельности, создании классовых организаций трудящихся. Например, в Германии в период «исключительного закона» против социалистов легальные рабочие просветительные организации были опорными пунктами социал-демократической партии, особенно во время избирательных кампаний. После отмены «исключительного закона» социал-демократическая партия и примыкавшие к ней профсоюзы создали еще более широкую сеть культурно-просветительных организаций и учреждений (клубы, ферейны и т. д.).

В Англии движение за самостоятельную политическую организацию пролетариата и рабочее представительство в парламенте способствовало развитию рабочих клубов и других просветительных учреждений. Английские пролетарии стали отстранять буржуазных либералов от руководства клубами, а в середине 80-х годов — также от руководства Союзом рабочих клубов. Членами этого Союза могли стать только те клубы, которые управлялись представителями пролетариев. С 1885 по 1891 г. число клубов выросло почти втрое[1]. Разнообразнее стало содержание их работы, большее место заняли лекции по вопросам политики, экономики, положения рабочего класса. В 90-х годах началось движение за придание социалистического направления воскресным школам для рабочих и их детей. В 1899 г. было создано рабочее образовательное учреждение повышенного типа — Раскин-холл, переименованный позже в Раскин-колледж, где изучались политические, экономические, социальные, исторические проблемы[2].

Во Франции большое влияние на борьбу масс за демократизацию образования оказала просветительная деятельность Парижской Коммуны. В 1872 г. созданная Жаном Масе Французская лига просвещения собрала около 1 300 тыс. подписей под петицией, требовавшей введения обязательного бесплатного светского образования[3]. В 80-х годах, несмотря на ожесточенное сопротивление церкви и всех реакционных сил, были приняты законы о бесплатном светском начальном обучении.

Важными просветительными центрами в 80—90-х годах стали биржи труда, которые были одновременно клубами, культурными центрами. Они располагали библиотеками, организовывали профес-

[1] См. *Т. С. Пепин.* Страна рабочих клубов. М., 1901, стр. 47—49.
[2] См. *В. Майский.* Культурно-просветительная работа среди пролетариата. Пг., 1918, стр. 13—14.
[3] *M. Ozouf.* L'école, l'église et la République. Paris, 1963, p. 31.

сиональную подготовку и общеобразовательные курсы, помогали рабочим расширять умственный кругозор.

В конце XIX в. стали возникать народные университеты. Некоторые из них создавались профессиональными объединениями рабочих. Для финансирования часто использовались средства рабочих потребительских кооперативов. Учреждения типа народных университетов носили и другие названия. В Париже действовал кружок братской помощи и изучения социальных вопросов, в Нанте — Народное общество социальной экономии. В народных университетах читались лекции и проводились обсуждения по вопросам естественных наук, философии, политики, политической экономии, в которых участвовали видные представители французской культуры, например А. Франс.

При зарождении народных университетов в их руководство входили представители как либеральной буржуазии, так и рабочих. Затем вокруг характера и идейной направленности народных университетов развернулась борьба между буржуазно-либеральным и пролетарским течениями. В итоге представители буржуазии были отстранены от участия в руководстве университетами.

В США большую роль в просвещении рабочих сыграл Орден рыцарей труда. Многие его местные ассамблеи создавали в своих помещениях библиотеки и читальни, устраивали лекции, дискуссии на злободневные темы. Однако руководители Ордена придавали просветительной работе самодовлеющее значение и стремились подменить ею политические действия[1].

В России заботу о повышении культурного уровня пролетариев брали на себя нелегальные рабочие и социал-демократические организации. Так, кружки, созданные группой Д. Н. Благоева в Петербурге, распространяли естественнонаучные, исторические знания и т. п. Группа, руководимая П. В. Точисским, считала общеобразовательную подготовку необходимым элементом формирования сознательного социал-демократа. Группа имела библиотеку с легальным и нелегальным отделениями. Социал-демократическая организация М. И. Бруснева создала кружки трех уровней, в том числе — впервые — для работниц. Программа первого включала обучение чтению, письму и элементарным политическим знаниям; в кружках второго уровня изучались естествознание, политическая экономия, рабочее движение; кружки третьего уровня готовили рабочих-пропагандистов[2]. Большую работу аналогичного характера вели возникшие в 90-х годах марксистские кружки в Грузии, Латвии, Эстонии.

Просветительной деятельностью занимались революционные организации польского рабочего класса. Активное участие в этой дея-

[1] См. *Ф. С. Фонер*. История рабочего движения в США, т. II, стр. 87.

[2] См. «История культурно-просветительной работы в СССР», ч. I. Харьков, 1969, стр. 129.

тельности на польских землях, входивших в состав Российской империи, принимали Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, Ф. Дзержинский.

Начало новому этапу культурно-просветительной работы рабочих организаций положили В. И. Ленин и его единомышленники. Ряд учителей-марксистов еще в начале 90-х годов работал в воскресно-вечерних школах; среди них была Н. К. Крупская, которая с 1891 г. преподавала в Смоленских классах за Нарвской заставой, где обучалось около тысячи рабочих и работниц. Н. К. Крупская отмечала, что «знакомство с естественноисторическими фактами действовало на учеников революционизирующе»[1]. Марксисты, преподававшие в воскресно-вечерних школах, побуждали рабочих к размышлениям на политические темы, привлекали к участию в марксистских кружках. Некоторые ученики Н. К. Крупской, например И. В. Бабушкин, были членами кружков, руководимых В. И. Лениным.

В марте 1895 г. министр внутренних дел Дурново в письме обер-прокурору синода выражал тревогу по поводу состава лекторов воскресных школ и ставил вопрос о «тщательной проверке лиц, допускаемых к занятиям в школах». В. И. Ленин писал в связи с этим: «Министр смотрит на рабочих, как на порох, а на знание и образование, как на искру; министр уверен, что если искра попадет в порох, то взрыв направится прежде всего на правительство. Мы не можем отказать себе в удовольствии заметить, что в этом редком случае мы вполне и безусловно согласны со взглядами его высокопревосходительства»[2].

Ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», а под его влиянием и социал-демократические организации ряда других городов стали создавать свои нелегальные библиотеки. Деятельность социал-демократических организаций содействовала значительному усилению революционного направления в культурно-просветительной работе, придавая ей пролетарски-революционный характер.

ВЛИЯНИЕ ЦЕРКВИ НА РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

В борьбе против всевозрастающего влияния социализма в рабочем движении буржуазия стремилась как можно полнее использовать церковь, которая в рассматриваемый период постепенно переходила на службу буржуазии в качестве ее идеологического орудия.

Возможности влияния клерикальных сил на рабочее движение обусловливались приверженностью части рабочих к религии. Анали-

[1] *Н. К. Крупская.* Педагогические сочинения, т. I. М., 1957, стр. 49.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 78.

зируя причины этого, В. И. Ленин указывал прежде всего на социальную придавленность трудящихся масс, кажущуюся беспомощность их перед эксплуататорами. «Страх перед слепой силой капитала... — писал В. И. Ленин, — вот тот *корень* современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист...»[1]

Эти объективные предпосылки распространения религиозных иллюзий в рабочем движении облегчали попытки руководителей христианских церквей поставить под контроль часть пролетариата, превратить в послушных «пастырей» капитала.

Церковь разработала целую систему взглядов, которую стремилась внедрить в среду пролетариата, противопоставить идеям социализма. Из всех христианских церквей наиболее четкой социальной доктриной располагала католическая, положившая в основу своей идеологической деятельности в рабочей среде конца XIX — начала XX столетия энциклику папы Льва XIII «Рерум новарум», опубликованную в 1891 г. Значение этой энциклики заключается в том, что то был первый развернутый документ католической церкви, обосновывавший поддержку ею капиталистической системы. О месте, которое занимает в истории католицизма энциклика «Рерум новарум», можно судить по тому, что все ее главные положения продолжают оставаться в силе и для современной социальной доктрины католицизма, хотя и в несколько измененном виде, приспособленном к общему кризису капиталистической системы.

Для энциклики Льва XIII характерна крайняя антисоциалистическая направленность. Социалисты изображались как «ловкие агитаторы, которые постоянно пользуются всеми спорами, чтобы извращать человеческие суждения и побуждать народ к восстанию». Их предложения о переустройстве общества объявлялись «непригодными для осуществления»; если же они были бы выполнены, то рабочие якобы «первыми пострадали бы от них».

Заинтересованность руководителей католической церкви в укреплении основ капиталистического общества с наибольшей очевидностью проявилась в стремлении освятить принцип капиталистической частной собственности на средства производства. Нерушимость частной собственности провозглашалась первым и основным принципом, благодаря которому будто бы можно «облегчить положение народных масс».

Лев XIII видел основную задачу католической церкви в установлении сотрудничества между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Он пытался уверить в том, что деление общества на классы неизбежно, так как это вытекает из священного писания. Папа утверждал, будто «капитал не существует без труда, труд не существует без капитала»; из этого делался вывод о необходимости «гармонии»

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 419.

труда и капитала. В энциклике отрицался антагонистический характер капиталистического общества, объявлялась «великим заблуждением» точка зрения, «что богатые и бедные назначены природою жить в постоянной войне друг с другом».

Энциклика требовала от рабочих, чтобы они «никогда не прибегали к насилию для защиты своего дела и не учиняли возмущения и беспорядков». Если же возникнут «рабочие стачки и приостановка труда», а тем самым создастся угроза общественному спокойствию, то государство уполномочено предпринять соответствующие меры, чтобы предотвратить «опасность смуты».

Папское послание пронизывала мысль об исключительной роли церкви в решении социального вопроса. Оно «никоим образом не может быть найдено без содействия религии и церкви»,— говорилось в энциклике.

Наряду с официальной социальной доктриной католицизма имелись и иные конфессиональные идеологические течения. Наиболее заметным среди них являлся так называемый христианский социализм, или социальное христианство, как это направление стало называться в конце XIX— начале XX в. Его представители ориентировались на более или менее глубокие социальные реформы, решительно выступая в то же время против какой-либо революционности. Социальное христианство заручилось поддержкой руководства католической церкви. Однако высшее духовенство порой подвергало критике отдельных его идеологов, считая, что они заходят слишком далеко в стремлении привлечь на свою сторону рабочих при помощи лозунгов, которые могли обернуться против буржуазии [1].

Во многих крупных западноевропейских странах в начале XX в. существовали группы теоретиков социального христианства. Они проповедовали надклассовую «социальную справедливость», ратовали за «установление законом средств соглашения и союза между классами» [2], стремились, по их собственному признанию, «помешать рабочему классу быть полностью завоеванным воинствующим социализмом» [3], противопоставляли «истинный социализм», основанный на текстах из Ветхого завета, Евангелия и произведений отцов церкви,

[1] Современные апологеты социального христианства приписывают его теоретикам начала XX в. большую роль в выработке лозунгов и практики столь актуального в 60—70-х годах XX в. «соучастия в управлении», считают, что идея интеграции пролетариата в капиталистическое общество имеет своим истоком теории, выдвинутые еще христианскими социалистами (см., например, *R. Weiler*. Katholische Soziallehre unterwegs.— «Festschrift Franz Loidl», 2. Halbb. Wien, 1970, S. 354; *J. Messner*. Die soziale Frage. Innsbruck — Wien — München, 1964, S. 142).

[2] *Д. Канделоро*. Католическое движение в Италии. М., 1955, стр. 263.

[3] *P. Joye, R. Lewin*. L'Eglise et le mouvement ouvrier en Belgique. Bruxelles, 1967, p. 112.

социализму, построенному на «эгоистических классовых стремлениях» [1]. В. И. Ленин, отмечая, что «злоупотребление словами — самое обычное явление в политике», писал, что «друзья папы Льва XIII» тоже не раз называли себя социалистами [2].

Христианский социализм появился в 90-х годах XIX в. и в России. В условиях быстро развивающегося рабочего движения часть православного духовенства и близких к нему интеллигентов искала в христианской идеологии противовес идеям научного социализма.

Однако сколько-нибудь значительного распространения в России христианский социализм не получил. Главной причиной этого была революционность русского пролетариата; известную роль играло также то обстоятельство, что православная церковь, являясь составной частью государственного аппарата, даже в демагогических целях не могла отклоняться от курса царского самодержавия. Эта позиция русского православия привела к официальному осуждению им христианского социализма как ереси, чуждой духу христианства.

Положения энциклики «Рерум новарум» и идеи социального христианства определяли содержание и характер деятельности конфессиональных профсоюзов. Папа не скрывал, что видит в них орудие, посредством которого церковь может оказать влияние на рабочее движение. От христианских профсоюзов, незыблемой основой которых провозглашалась религия, требовалось полное подчинение церковникам.

Положения энциклики нашли отражение в уставных документах христианских профсоюзов (различие заключалось лишь в том, что в некоторых случаях уставы были копией энциклики, тогда как в других дело ограничивалось отсылкой к ней). Это обусловило строго конфессиональный характер профсоюзов. Церковь имела официальных представителей в руководящих органах большинства национальных христианских профсоюзных объединений, осуществляла неукоснительный контроль над их деятельностью. Для вступления в члены одной из тогдашних христианских профсоюзных организаций Франции — Союз служащих торговли и промышленности обязательным условием являлось католическое вероисповедание [3].

Подобные организации нередко объединяли и хозяев и рабочих. Так было в Испании, Италии, во Франции. Но в ряде стран (Германия, Бельгия, Швейцария, Нидерланды) христианские союзы — под давлением рядовых членов — создавались только из трудящихся. С течением времени движение за однородный состав христианских профсоюзов распространилось на все ведущие капиталистические державы. Определяющую роль в этом сыграл опыт массовой борьбы, участия в забастовочном движении. «Мы не отвергаем форму смешан-

[1] См. *С. Вебб.* Социализм в Англии. Пг., 1918, стр. 179.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 118.
[3] *J. Zirnheld.* Cinquante années du syndicalisme chrétien. Paris, 1937, p. 50.

ного синдиката и охотно соглашаемся, что в теории эта форма самая совершенная,— говорил в 1904 г. руководитель христианских профсоюзов в Бельгии Ж. Рютен.— Но это еще не причина для того, чтобы закрывать глаза на очевидность и упорно отказываться признать, что в настоящий момент смешанный синдикат — невыполнимая утопия...»[1]

Строгая ориентация на социальное учение церкви оказала решающее влияние на конфессиональное профсоюзное движение. Оно повсеместно отличалось умеренностью целей, имевших преимущественно религиозно-моральный характер, отвергало принцип классовой борьбы. Это хорошо видно даже при беглом анализе тогдашних уставных положений. Так, например, в программе объединения христианских профсоюзов Австрии имелось следующее красноречивое указание: «Хозяева и рабочие представляют собой необходимые факторы производственного процесса. Во многом они связаны общностью интересов. Следовательно, христианские синдикаты отклоняют классовую борьбу в теории и на практике» [2]. Подобного рода рекомендации содержались также в резолюции конгресса немецких христианских профсоюзов (1899 г.). В ней подчеркивалось, что вся деятельность союзов должна быть проникнута духом примирения. Требования должны быть умеренны. Стачка может быть применена как последнее средство и в том лишь случае, если обещает успех. Аналогичная картина наблюдалась и в других странах.

Подъем забастовочной борьбы в конце XIX— начале XX в. привел к определенным сдвигам. Это выразилось прежде всего в том, что на первый план стали все более выдвигаться программные требования социально-экономического характера. «Главной задачей христианских профессиональных союзов,— говорилось, например, в резолюции конгресса христианских профсоюзов Германии (Франкфурт, 1900 г.),— должно явиться достижение хороших условий найма и труда».

Религиозно-моральные цели, занимавшие центральное место в пропаганде клерикальных профсоюзов, несколько утратили свое значение, уступая классовым интересам и требованиям. Порой клерикальные профорганизации принимали довольно активное участие в забастовках. Так, христианский профсоюз горняков включился в стачку шахтеров, вспыхнувшую в начале 1905 г. в Руре (Германия), а один из его лидеров входил в руководящий стачечный комитет[3].

[1] Цит. по: *Л. Дешен.* Рабочие синдикаты в Бельгии. СПб., [б. г.], стр. 66.

[2] «150 ans de mouvement ouvrier chrétien en Europe de l'Ouest 1789—1939». Paris—Louvain, 1966, p. 118.

[3] *H. van der Meer.* Politischer Klerikalismus contra Gewerkschaftseinheit. Berlin, 1964, S. 18. Отмеченные изменения в позиции христианского профдвижения Германии сказались на его численности. В 1904 г. состав Всеобщего объединения христианских профсоюзов достиг 105 556 человек.

Подобным же образом действовали, например, католические профсоюзы шахтеров и железнодорожников Испании.

Впрочем, это не привело христианское профдвижение на позиции классовой борьбы. Защита социально-экономических требований трудящихся по-прежнему осуществлялась главным образом путем компромиссных сделок с хозяевами. Участие в забастовочном движении выглядело эпизодическим явлением и было скорее исключением из правила.

Корпоративная идеология клерикальных профсоюзов, умеренность их требований, сугубо соглашательская тактика вызывали недоверие со стороны значительных масс трудящихся. Конфессиональное профсоюзное движение имело социальную базу, ограниченную ремесленниками, рабочими мелкого производства и служащими, тогда как симпатии фабрично-заводского пролетариата были обычно на стороне профсоюзов, связанных с марксистскими партиями.

Другие христианские рабочие организации также появились как реакция на рост классового сознания трудящихся. Основным их типом были общества взаимопомощи, занимавшиеся устройством школ профессионального обучения, больниц, летних лагерей, дешевых столовых и общежитий, предоставлением мелких пособий, медицинской помощи. Они имели иногда сберегательные кассы, потребительские кооперативы, биржи труда, воскресные общеобразовательные школы и профессиональные курсы, организовывали музыкальные кружки, театральные представления, спортивные соревнования. По численности католических рабочих организаций на первом месте находилась Германия, затем Бельгия, Австрия и Испания.

Церковь всячески поощряла организации попечительского характера. Их членам-рабочим вменялось в обязанность «слушаться своего хозяина, как бога». Кусок хлеба, кружка молока, немного угля или старая рубашка и куча «добрых христианских советов» должны были — по замыслу церковных идеологов — облегчить подход к сердцу рабочего, примиряя его с эксплуатацией и угнетением, а главное — удержать от участия в классовой борьбе и революции.

Такие цели преследовало, в частности, международное общество католиков «Сен Винсент де Поль», имевшее многочисленные национальные отделения. Другой организацией подобного типа была религиозно-филантропическая «Армия спасения», концентрировавшая свое внимание на безработных, деклассированных бедняках и бродягах. В 1903 г. в Париже состоялся международный конгресс движения «рабочих огородов»; цель этого движения заключалась в поднятии жизненного уровня пролетариев, но не посредством классовой борьбы, а в результате индивидуальной обработки земельных участков. Различные католические деятели создавали в странах Европы и в США так называемые семейные кассы, кассы беспроцентных ссуд, являвшиеся одной из форм системы народного кредита.

Конфессиональность, морализаторское направление и патерналистские цели христианских организаций были чужды рабочему классу; отсюда их малочисленность и преимущественно локальный характер.

В некоторых странах возникли католические народные секретариаты, претендовавшие на дублирование палат труда. Эти организации регистрировали спрос и предложение рабочей силы, занимались «дружеским арбитражем» в конфликтах на предприятиях, помогали овладеть профессией, давали юридические консультации и т. д. В забастовочную борьбу народные секретариаты вмешивались с соглашательских и патерналистских позиций.

Христианские организации развернули деятельность и среди различных категорий трудящихся-женщин. В соответствии с установками церкви они старались морально воздействовать на работниц, убедить их в том, что их главные интересы заключаются в воспитании детей в религиозном духе. Поддерживая реакционный лозунг «дети — кухня — церковь», церковь стремилась отстранить женщин от участия в общественно-политической жизни, в классовой борьбе.

Деятельность протестантских церквей в этой области была аналогична по своему характеру, хотя и менее активна. Протестантские рабочие организации обычно конкурировали со своими католическими аналогами.

Протестантские организации в рабочей среде были наиболее распространены в Германии [1]. В других странах они были в этот период малочисленны и невлиятельны. Известно, что Христианский социальный союз, к 1903 г. создавший филиалы в Англии, Австралии, Новой Зеландии и США, объединял всего 4 тыс. человек [2].

Совместные, межконфессиональные организации встречались довольно редко, ибо как католические, так и протестантские церковные верхи весьма устраивало разделение, а значит, и разобщение трудящихся по религиозному признаку. Созданная в 1895 г. в Нидерландах межконфессиональная организация рабочих-текстильщиков «Единство» (с двумя секциями — католиков и протестантов) оказалась недолговечной и вскоре была распущена церковными властями.

В России существовало Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви, но его пропаганда среди промышленного пролетариата успеха не имела. В начале XX в. возникло «Петербургское собрание русских фабрично-заводских людей» во главе со священником пересыльной тюрьмы Г. Гапоном. К началу 1905 г. общество имело в Петербурге 11 отделений с 10 тыс. членов [3].

[1] *F. Prinz.* Kirche und Arbeiterschaft. München, 1974, S. 374.
[2] *A. Woodworth.* Christian socialism in England. London, 1963, p. 141.
[3] См. «Церковь в истории России» (IX в.— 1917 г.). М., 1967, стр. 247.

Большое внимание клерикалы уделяли трудящейся молодежи. К концу XIX в. по всей Центральной Европе и в США распространились так называемые семьи Кольпинга — организации взаимопомощи, названные по имени их инициатора, немецкого священника. В них молодые ремесленники и подмастерья получали религиозное воспитание и профессиональное обучение; в качестве руководителей выступали священники, запрещавшие всякие политические дискуссии. В 1904 г. только в Германии эти организации объединяли 178 тыс. человек.

Во Франции наиболее активной и массовой была Католическая ассоциация французской молодежи, насчитывавшая к 1905 г. 150 тыс. человек [1]. Однако, несмотря на усилия руководства, ей не удалось добиться сколько-нибудь значительного влияния в рабочем классе.

Христианский союз молодежи, объединявший протестантов и католиков, в начале XX в. имел отделения во многих странах Европы, Азии, Америки. В США у союза были не только городские и сельские отделения, но и клубы с читальнями, библиотеками, вечерними общеобразовательными и церковными школами, лекториями, содержавшимися на добровольные пожертвования, а также на отчисления с прибылей компаний. Эти клубы должны были охранить молодежь от «дурных сборищ и вредных влияний» [2].

Однако церковь так и не смогла организовать массовое движение, которое можно было бы противопоставить влиянию идей социализма в рабочем классе. Эти идеи бесспорно доминировали в среде пролетариев, а политические рабочие партии и профсоюзы продолжали укреплять свою популярность и авторитет. «Христианское рабочее движение не стало массовым движением» [3], — признает австрийский католик Г. Зильбербауэр. Не удалось клерикалам и превратить конфессиональные профсоюзы, другие христианские рабочие организации в полностью послушное орудие своей политики. Противоречия, обозначившиеся в этих организациях в конце XIX — начале XX в., получили дальнейшее развитие в последующие десятилетия, ознаменовавшиеся решающими революционными сдвигами.

II ИНТЕРНАЦИОНАЛ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ XX в. ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО И ОППОРТУНИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЙ

По мере завершения периода относительно мирного развития капитализма и созревания предпосылок для победоносной пролетарской

[1] *Ch. Molette.* L'association catholique de la jeunesse française. 1886—1907. Paris, 1968, p. 18.

[2] *К. Хикс.* Железнодорожное отделение Христианской ассоциации молодых людей в Америке. СПб., 1899, стр. 6.

[3] *G. Silberbauer.* Österreichs Katholiken und die Arbeiterfrage. Graz, 1966, S. 157.

революции изменялись задачи Второго Интернационала, возрастало значение этой организации для освободительной борьбы рабочего класса. «Пролетариат не может вести борьбы за социализм и отстаивать свои повседневные экономические интересы без самого тесного и полного союза рабочих всех наций...»[1] И вполне естественно, что ответственность Интернационала за исход великой битвы между буржуазией и пролетариатом неизмеримо усилилась, когда в порядок дня встала непосредственная подготовка передовых отрядов международного пролетариата к социалистической революции.

Всемерного укрепления интернациональных связей и координации действий рабочих разных стран требовали также резко возросшая численность пролетариата, превращение его во все новых странах в крупную и активную общественную силу, расширившиеся масштабы рабочего движения. Взаимная поддержка необходима была и для совместного отпора антидемократическим замыслам монополий, пытавшихся объединить реакционные силы в международном масштабе, резко увеличившейся с наступлением эпохи империализма агрессивности крупной буржуазии, которая уже на рубеже XIX и XX вв. развязала первые империалистические войны. Необходимо было противодействовать стремлению господствующих классов вытравить из сознания трудящихся идеи классовой борьбы, подменить их реформизмом, разъединить широкие массы, подчинить их себе с помощью национализма и шовинизма.

Революционные социал-демократы настойчиво стремились к укреплению интернационального единства рабочего движения на марксистской основе. Но лишь В. И. Ленин и его единомышленники полностью поняли решающее значение взаимодействия и сплоченности международного пролетариата в новых исторических условиях.

Разработанная Энгельсом концепция II Интернационала имела в виду прежде всего использовать его конгрессы, проходившие раз в несколько лет, для постепенного повышения идейно-политического уровня всех рабочих организаций. Целью деятельности В. И. Ленина, продолжившего дело Энгельса, было дальнейшее укрепление международного единства, чтобы тем самым поднять Интернационал в целом, как и отдельные его отряды, на уровень новых исторических требований. В. И. Ленин отмечал и поддерживал все шаги в этом направлении, подвергая принципиальной критике любые отступления от пролетарского интернационализма.

Благодаря настойчивым усилиям революционных социалистов II Интернационал в начале XX в. развился в систему многообразных международных организаций и связей. В мировом рабочем движении многое стало зависеть от того, как развивались все звенья этой системы.

Главной составной ее частью оставались с о ц и а л и с т и ч е с к и е к о н г р е с с ы (с начала XX в. они обычно созывались один

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 316.

раз в три года), рассматривавшие наиболее существенные, насущные проблемы международного рабочего движения. В своих решениях они опирались на богатый опыт классовой борьбы пролетариата различных стран. Эти решения вырабатывались в острой борьбе против оппортунистов, которые в начале XX в. еще не занимали господствующих позиций в Интернационале, но уже влияли на его деятельность.

Расширялось и упорядочивалось представительство рабочих организаций на конгрессах. Своих представителей могли направлять не только рабочие партии, но и профсоюзы и другие объединения, причем способ выдвижения делегатов — избрание или назначение — определялся ими самими. Постоянно возрастало число стран-участниц. Так, в Парижском конгрессе 1900 г. участвовали посланцы 22 стран, на конгресс же 1904 г. в Амстердам съехались делегаты трудящихся 25 стран, в том числе трех американских, двух азиатских и Австралии.

Руководящие деятели Интернационала стремились объединить все рабочие и социалистические организации, кроме явно анархистских (категорически отрицавших необходимость политической борьбы); поэтому в Интернационал были, например, допущены псевдосоциалистическое Фабианское общество, а позднее — российская партия эсеров, которая в действительности не носила пролетарского характера. В результате на Амстердамском конгрессе 1904 г. 25 стран были представлены 45 организациями.

Делегаты каждой страны считались, как правило, представителями единой национальной секции (каковой она во многих случаях уже не являлась) и располагали на конгрессах 1900 и 1904 гг. двумя голосами. «Там, где существуют два различных направления в социалистическом движении одной страны, каждое из этих направлений,— заявлял К. Каутский,— должно получить голос»[1]. Чаще всего такое решение было на руку оппортунистическим направлениям, которые тем самым уравнивались в правах с марксистскими.

В 90-х годах XIX в. подготовкой конгрессов занимались оргкомитеты, создававшиеся теми рабочими партиями, которые получали соответствующее поручение от предыдущих конгрессов; после 1900 г. эту работу выполняло Международное социалистическое бюро (МСБ), созданное единодушным решением Парижского конгресса.

В. И. Ленин придавал большое значение наиболее полному и адекватному представительству революционного рабочего движения России на конгрессах Интернационала. В начале XX в. это было особенно нелегкой задачей ввиду обилия немарксистских организаций (Бунд, эсеры и др.), которые посылали на конгрессы множество своих представителей, как правило, занимавших большинство мест в российской делегации. Накануне Парижского конгресса 1900 г.,

[1] «Члены Интернационального социалистического бюро против Плеханова». Женева, [б. г.], стр. 6.

где предстояло рассмотрение «казуса Мильерана», Ленин приложил большие усилия, чтобы максимально укрепить позиции русских марксистов на предстоящем конгрессе. Представлять их могли тогда лишь члены группы «Освобождение труда», и благодаря активной помощи Ленина они получили четыре мандата от различных местных организаций российской социал-демократии. В одном из этих мандатов, присланном социал-демократами Уфы, говорилось: «Мы... признаем верными выразителями наших взглядов членов «Освобождения труда», которым и вверяем свои голоса на предстоящем международном социалистическом конгрессе...»[1] Плеханов и его товарищи занимали при обсуждении важнейших вопросов последовательную позицию на левом крыле конгресса.

В эти годы никто из участников международного рабочего движения открыто не выступал против интернационального единства пролетариата. Однако на практике ему противодействовали представители различных разновидностей оппортунизма. Пытаясь подорвать влияние марксизма, превалировавшее в Интернационале, они оспаривали компетентность организации, отрицали необходимость ее укрепления, стремились помешать разработке единого политического курса социалистических партий. На Парижском конгрессе 1900 г. Вандервельде, поддержанный своими сторонниками, поставил под сомнение право Интернационала обсуждать проблемы рабочего движения отдельных стран, в частности Франции[2]. В 1904 г. Жорес и близкие к нему делегаты Амстердамского конгресса выступали против установления Интернационалом «международных правил социалистической тактики». Они требовали, чтобы Интернационал ничем не связывал и не регламентировал деятельность рабочих партий, объявляли марксистские принципы «немецкими», неприемлемыми для социалистов других стран, доказывали, что меньшинство имеет «право» не подчиняться большинству и т. д.[3]

Ревизионисты стремились навязать международному рабочему движению свою противоречившую пролетарскому интернационализму линию по колониальному вопросу, по вопросу о профсоюзах и др. Они исподволь расширяли свои позиции внутри Интернационала.

Как и в 90-х годах, ведущее место в Интернационале продолжала занимать германская социал-демократия. Но усиление влияния оппортунистов в немецком рабочем движении предвещало ослабление прежнего авторитета делегации СДПГ. То же в некоторой степени относилось также к представителям социалистов Франции, хотя

[1] «Ленин в борьбе за революционный Интернационал», стр. 38—39.
[2] «Internationaler Sozialisten-Kongress zu Paris 1900». Berlin, 1900, S. 18.
[3] «Internationaler Sozialisten-Kongress zu Amsterdam 1904». Berlin, 1904, S. 62.

пока СПФ еще играла на конгрессах Интернационала видную положительную роль. В то же время постепенно росло влияние делегатов тех организаций, которые отвергали оппортунизм и настойчиво искали марксистское решение жизненно важных проблем рабочего движения. Подлинным авангардом революционных сил на конгрессах Интернационала стали большевики — представители первой революционной партии нового типа[1].

Перед Амстердамским конгрессом (1904 г.) В. И. Ленину и его сторонникам пришлось провести нелегкую борьбу за признание своего права на участие в работе конгресса: меньшевики, захватившие центральные органы партии, упорно пытались отстранить большевиков, но это им в конечном счете не удалось. Задачей первостепенной важности была правильная информация международной социал-демократии о положении дел в РСДРП и об обстоятельствах раскола. С этой целью под руководством В. И. Ленина был написан доклад, озаглавленный «Материалы к выяснению партийного кризиса в РСДРП», и большевики М. Н. Лядов и П. А. Красиков, прибывшие в Амстердам и добившиеся включения в российскую делегацию, роздали доклад большевиков всем делегатам. Этот документ, в котором характеризовались последовательно марксистская позиция большинства РСДРП и основные принципы, на которых строится партия нового типа, был первым официальным выступлением большевиков на международной арене[2]. На конгрессе Лядов и Красиков вопреки призывам Г. В. Плеханова во всем следовать за СДПГ проводили самостоятельную идейно-политическую линию, разработанную В. И. Лениным[3].

Революционных социал-демократов на международных социалистических конгрессах начала XX в. было немного, но они резко выделялись непримиримостью к ревизионизму, стремлением творчески развивать марксизм. Помимо делегатов РСДРП так выступали, в частности, делегаты рабочих Сербии, некоторые представители социал-демократов Германии, Польши, Болгарии, Нидерландов и ряда других стран. Им недоставало сплоченности, но их отличали убежденность, верность марксизму, опора на революционную тенденцию в рабочем движении, на революционные настроения пролетарских масс. В некоторых случаях им удавалось повести за собой многих делегатов. Поэтому, будучи в меньшинстве, революционные социал-демократы все же могли срывать попытки ревизионистов провозгласить основой Интернационала социал-реформизм, добивались правильного решения некоторых важных вопросов международного рабочего движения. Революционные социал-демократы,

[1] Об образовании большевистской партии см. главу десятую.

[2] См. «Из истории создания партии нового типа. Доклад большевиков международному социалистическому конгрессу в 1904 г.». М., 1963.

[3] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, стр. 525—526; *И. М. Кривогуз.* Указ. соч., стр. 234—237.

в первую очередь большевики, упорно боролись за последовательное выполнение марксистских резолюций международных конгрессов. Это становилось все труднее из-за противодействия открытых ревизионистов и из-за примиренческого отношения к ним многих лидеров Интернационала.

Ревизионисты впервые громко заявили о себе на международной арене на Парижском конгрессе 1900 г. Их линию поддержало большинство австрийских, бельгийских, датских, шведских, швейцарских и голландских делегатов, часть представителей Франции, Германии, Англии, а также некоторые посланцы США, Италии, Польши. В Амстердаме с ревизионистских позиций уже выступало большее количество делегатов. Но они потерпели ряд неудач и вынуждены были отложить решительное столкновение с революционными социал-демократами, отказаться, за некоторыми исключениями, от попыток навязать конгрессу свои взгляды. Ревизионисты прилагали все силы к тому, чтобы укрепить свои позиции в рабочих организациях.

Анархо-синдикалистское направление на международных социалистических конгрессах не играло существенной роли. В Париже в 1900 г. анархо-синдикалистских позиций придерживалась лишь часть делегатов Франции, отдельные представители рабочих организаций Италии и Аргентины; на конгрессе 1904 г. анархо-синдикалистов оказалось еще меньше, и они не смогли привлечь на свою сторону других делегатов.

Конгрессы II Интернационала находились в центре внимания пролетариев всех стран, получали много приветствий от рабочих организаций, стремившихся к единству и поддерживавших марксистские принципы Интернационала. Во время конгрессов проводились массовые интернациональные митинги и демонстрации.

Буржуазия не могла игнорировать значение решений Интернационала и их воздействие на развитие классовой борьбы. Ее представители уповали на разногласия в Интернационале, явно симпатизировали выступлениям социал-реформистов.

Вниманне конгрессов II Интернационала в начале XX в. было сосредоточено на ряде ключевых проблем. Насущной потребностью международного рабочего движения в новой исторической обстановке была разработка общей политической линии в борьбе за власть, оставляющей, разумеется, партиям достаточную свободу действий применительно к условиям и особенностям их стран. Этот вопрос был центральным на Парижском конгрессе (1900 г.). Дискуссия была особенно острой в связи с тем, что незадолго до того произошел упоминавшийся «казус Мильерана». Его предательский шаг приковал к себе внимание делегатов, и спор разгорелся по вопросу об участии отдельных социалистов в буржуазных правительствах. Конечно, проблема завоевания власти не сводилась к этому узкому вопросу, но все же он имел принципиальное значение.

Жорес провозглашал действия Мильерана, ставшего на деле орудием реакции, образцом «новой тактики», «началом политической экспроприации буржуазии»[1]. Он призывал представителей крупных рабочих партий участвовать в буржуазных правительствах и сделать социал-демократию «новой решительной демократической либеральной партией»[2]. Жореса поддерживали единомышленники Мильерана из других стран — Ансель (Бельгия), Ауэр (Германия) и др.

Революционные социал-демократы решительно осудили Мильерана. Гед указывал, что его поступок дезорганизует пролетариат и снижает классовое сознание рабочих, требовал осуждения министериализма. Не отрицая возможности вступления социалистов в буржуазные правительства, он считал допустимым это не по милости буржуазии, а как результат успеха на выборах; но даже и в этом случае участие социалистов в правительстве еще не будет означать «завоевания власти». Гед подчеркивал необходимость диктатуры пролетариата. Он предложил проект резолюции, в котором говорилось о насильственном завоевании политической власти пролетариатом; действия Мильерана осуждались, как противоречащие принципам классовой борьбы и социализма. Ценность этого марксистского в своей основе проекта снижалась тем, что в нем по инициативе Ферри (Италия) безоговорочно, независимо от конкретной ситуации, осуждалось вступление социалиста в любые буржуазные правительства.

Многие руководители Интернационала были обеспокоены остротой дискуссии, угрожавшей единству движения, и стали добиваться примирения сторон. Ради этого они отказались от осуждения министериализма, ревизионизма в целом. Каутский предложил проект резолюции, в котором говорилось только о мирном завоевании власти пролетариатом; вступление же отдельных социалистов в буржуазные правительства провозглашалось всего лишь тактическим вопросом и обусловливалось согласием и контролем партии. Ни характер буржуазного правительства, ни цели вступления в него социалиста, ни отношение пролетариата к этому шагу, ни общая политическая обстановка в расчет не принимались. О ренегатстве Мильерана вообще не упоминалось[3].

Проект Каутского подвергся критике со стороны революционных социал-демократов, вскрывших его соглашательский характер. Гед заявил, что «своими противоречиями резолюция Каутского принесет пролетарскому движению большой ущерб»[4]. Поддерживавший Геда Вайян говорил, что «резолюция Каутского является капитуляцией» перед ревизионистами[5]. Ферри назвал эту резолюцию «кау-

[1] «Internationaler Sozialisten-Kongress zu Paris 1900», S. 21.
[2] Ibid., S. 20.
[3] Ibid., S. 17.
[4] Ibid., S. 23.
[5] Ibid., S. 24.

чуковой»[1]. Но получить большинство им не удалось. Ревизионисты Ансель, Ауэр и др., а также Жорес, Вандервельде поддержали Каутского. Большинство конгресса проголосовало за его проект. Так примиренцы по существу сорвали марксистское решение по вопросу о тактике пролетариата в борьбе за политическую власть, пошли в этом коренном вопросе на существенные уступки ревизионистам.

Влияние ревизионистов наложило свой отпечаток и на рассмотрение на конгрессе условий, необходимых для «осуществления социализма». Комиссия, разработавшая проект резолюции, отказалась подвергнуть критике взгляды Бернштейна. Некоторые ее члены вслед за ним утверждали, будто переход к социализму можно обеспечить созданием и развитием производственных кооперативов. Докладчик — Элленбоген (Австрия) — пытался соединить марксистское учение о неизбежности гибели капитализма с фактическим отрицанием необходимости пролетарской революции. Он доказывал, что крах господства буржуазии не будет результатом «внезапных событий», следствием непримиримой борьбы, а произойдет в ходе постепенного «органического развития». Задачи социал-демократии в таком процессе сводились лишь к воспитанию и организации пролетариата.

В проекте резолюции говорилось, что социал-демократия должна вырастить пролетарские силы для экспроприации буржуазии и установления общественной собственности на средства производства. Но проект был составлен в слишком общих выражениях, в нем не говорилось ни слова о созревании объективных предпосылок для социализма, о мобилизации всех сил пролетариата и его союзников, об использовании общенациональных кризисов для свержения господства буржуазии, а главное — о характере политической власти. Несмотря на протест Лафарга, критиковавшего ревизионизм и указавшего на слабость проекта, конгресс утвердил его; революционные социал-демократы не противопоставили предложению комиссии какой-либо альтернативы.

Конгресс 1900 г. не стал на уровень новых задач и в подходе к проблеме всеобщей стачки Анархо-синдикалисты предлагали держать курс на международную экономическую всеобщую стачку как главную «революционную форму действия». Марксисты отклонили такое предложение как авантюристическое, неосуществимое, но не предложили ничего взамен.

Шаг вперед в этом и других отношениях был сделан Амстердамским конгрессом (1904 г.). Наиболее острую борьбу вызвало на нем обсуждение вопроса о международных правилах социалистической тактики, необходимость и возможность которых категорически от-

[1] «Internationaler Sozialisten-Kongress zu Paris 1900», S. 19. Очень резко отзывался об этом документе В. И. Ленин, охарактеризовавший его впоследствии как «половинчатую, уклончивую, примирительную по отношению к оппортунистам резолюцию...» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 105).

рицали ревизионисты. На этот раз их ждала неудача, вызванная подъемом рабочего движения и позорным провалом «эксперимента» Мильерана, который, как и следовало ожидать, ничего не принес французскому пролетариату.

В комиссии, готовившей проект резолюции, активнейшую роль играли революционные социал-демократы. Гед от имени СПФ предложил проект резолюции, в основе которого лежало решение Дрезденского съезда СДПГ, направленное против ревизионизма. Это должно было обеспечить проекту поддержку делегации СДПГ. Проект осуждал «ревизионистские попытки, направленные на то, чтобы изменить нашу испытанную и победоносную тактику, основанную на классовой борьбе», превратить социал-демократические партии из революционных в реформистские. В нем говорилось об обострении классовых противоречий и подчеркивалась необходимость завоевания политической власти пролетариатом. Рабочие партии должны были отвергать «любые меры, направленные на поддержание власти господствующего класса». Они были призваны обратить свои силы на разъяснение массам конечных целей социал-демократии и «самым решительным образом защищать интересы рабочего класса» против милитаризма, колониализма, всякой эксплуатации. Этому обязаны были способствовать и парламентские фракции социал-демократов [1].

Проект получил поддержку большинства комиссии, но был яростно атакован открытыми оппортунистами, на помощь которым пришли примиренцы. Адлер и Вандервельде предложили «исправить» проект СПФ, исключив из него осуждение ревизионизма и даже сам этот термин, подтвердить «каучуковую» резолюцию 1900 г. [2]

Против домогательств оппортунистов, в поддержку проекта СПФ убедительно выступали Гед, Бебель, Люксембург и многие другие. Они отвергали основную идею ревизионистов — идею сотрудничества классов, осуждали министериализм, резко критиковали «каучуковую» резолюцию и стремление к единству ценой отказа от принципов марксизма. Некоторые революционные социал-демократы подчеркивали необходимость решительного размежевания с ревизионистами [3]. Поправки Адлера — Вандервельде были отклонены; конг-

[1] «Internationaler Sozialisten-Kongress zu Amsterdam 1904», S. 31—32.

[2] См. *У. З. Фостер*. История трех Интернационалов. М., 1959, стр. 185.

[3] Характерно, что Плеханов, сделавшись меньшевиком, уже не ставил вопроса о размежевании. Высказываясь на заседании комиссии конгресса за резолюцию Геда, он вместе с тем говорил: «Я спрашиваю моего друга Адлера, как, при помощи какого микроскопа, удалось ему обнаружить, что в проекте... речь шла об осуждении — страшно сказать! — о заклеймении кого бы то ни было. Ничего подобного нет в этой резолюции... Речь идет не о том, чтобы обвинять отдельных лиц, а о том, чтобы сказать международному пролетариату, что здесь есть опасность» («Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова», т. II. М., 1973, стр. 35, 36).

ресс подавляющим большинством голосов утвердил резолюцию, предложенную СПФ.

Это был несомненный успех революционных социал-демократов. Ревизионизм получил отпор, конгресс подтвердил марксистские принципы социал-демократической политики. Но и в этой резолюции не были указаны новые задачи социал-демократии, не говорилось о путях завоевания власти.

Более зрелой, чем в 1900 г., оказалась позиция революционных сил при решении вопроса о массовой стачке. СПФ предложила проект, в котором такая стачка оценивалась как важное средство политической борьбы и пробуждения классового сознания рабочих, подчеркивались связь экономической и политической борьбы, необходимость поддержки стачек рабочими партиями. Руководимая социал-демократией массовая стачка рассматривалась и как возможное начало, один из стимулов революции. Однако этот проект не был своевременно размножен и многие делегаты о нем не знали.

Другой проект по этому вопросу был внесен представительницей левого крыла голландской социал-демократии Г. Роланд-Гольст; он во многом совпадал с проектом СПФ. Массовая политическая стачка рекомендовалась как важное оружие защиты и расширения прав рабочего класса, которое в зависимости от обстоятельств может стать «самым крайним» средством революции; вместе с тем подчеркивалось ее коренное отличие от пропагандировавшейся анархо-синдикалистами всеобщей экономической стачки, способной якобы без сочетания с другими эффективными средствами борьбы покончить с капиталистическим строем. В проекте Роланд-Гольст не говорилось, однако, о необходимости социал-демократического руководства массовой стачкой.

Анархо-синдикалисты снова пытались провести резолюцию, которую они предлагали на Парижском конгрессе. Ревизионисты отрицали массовую стачку вообще. Конгресс принял проект Роланд-Гольст. Таким образом, благодаря усилиям революционных социал-демократов Амстердамский конгресс как раз в начале мощного подъема международного рабочего движения в основном по-марксистски решил вопрос о массовой политической стачке и рекомендовал рабочему классу это новое средство борьбы, испытанное в недавних классовых битвах в Бельгии, России, Испании.

Придавая важное значение ставшим традиционными интернациональным первомайским выступлениям трудящихся, международные конгрессы 1900 и 1904 гг. подтвердили резолюции о 1 Мая, принятые ранее. Парижский конгресс 1900 г. потребовал законодательного установления 8-часового рабочего дня для всех профессий во всех странах, принятия законов о минимуме заработной платы, об особой охране труда женщин. Там же, где 8-часовой рабочий день был уже введен, необходимо было бороться за его дальнейшее сокращение. При этом подчеркивалась необходимость совместных эконо-

мических и политических выступлений рабочих партий и профсоюзов; но в резолюции не говорилось прямо о связи борьбы за улучшение социально-экономического положения рабочих с подготовкой масс к революции, и это оставляло лазейки для оппортунистического толкования резолюции. Амстердамский конгресс рекомендовал проводить первомайские выступления под лозунгами борьбы как за классовые интересы пролетариата, так и за демократические цели, в частности сохранение мира. Это способствовало еще большей популярности первомайских демонстраций.

На Амстердамском конгрессе получили дальнейшее развитие требования улучшения социально-экономического положения трудящихся, в частности вопросы социального страхования. Инициативу их разработки стремились захватить ревизионисты, надеявшиеся побудить буржуазию к некоторому улучшению положения рабочих во избежание крупных социальных конфликтов. Последовательные сторонники марксизма добивались, чтобы в резолюции было подчеркнуто классовое содержание борьбы пролетариата за социальное страхование. После дискуссии конгресс большинством голосов принял проект резолюции, предложенный Молькенбуром (СДПГ) и содержавший призыв добиваться законов об охране труда и о страховании на случай инвалидности, безработицы и т. д. Выдвигалось требование, чтобы всей системой страхования руководили представители рабочих. Это имело существенное значение для развертывания движения за повышение жизненного уровня широких масс трудящихся. В то же время резолюция допускала, однако, внесение части страховых средств самими рабочими, апеллировала к буржуазной филантропии и умалчивала о связи экономической борьбы с борьбой против существующего строя в целом, чем воспользовались оппортунисты, стремившиеся направить борьбу за социальное страхование в русло реформизма.

На конгрессах начала XX в. обсуждался и вопрос о трестах. Конгресс 1900 г. без обсуждения принял резолюцию, которая верно характеризовала некоторые результаты существования трестов, но не смогла предложить эффективные формы и средства борьбы пролетариата против засилья монополий. Конгресс правильно указал, что создание трестов влечет за собой усиление эксплуатации и угнетения рабочих, повышение цен. Однако резолюция выражала необоснованную надежду, что тресты способны воспрепятствовать перепроизводству и ликвидировать конкуренцию, а образование международных трестов позволит регулировать мировое производство. Задачи рабочего класса в этой связи сводились прежде всего к требованию законов, которые заставили бы тресты публиковать свои отчеты. В дальнейшем предусматривался переход их в руки государства, что оценивалось как «преобразование капиталистического производства в общественное»[1]. Такой тезис мог быть истолкован в духе рефор-

[1] «Internationaler Sozialisten-Kongress zu Paris 1900», S. 31.

мистского «государственного социализма». В этой резолюции отразилось недостаточное знание даже революционными социал-демократами новых явлений и проблем.

По инициативе представителей США вопрос о трестах вновь был поставлен на Амстердамском конгрессе. В принятой резолюции борьба против монополий связывалась с борьбой пролетариата за политическое господство, указывалось, что добиться обобществления производства социал-демократы могут, только завоевав власть. Поэтому растущей угрозе со стороны монополий рабочие должны противопоставить свою организованную силу как единственное средство для свержения капитализма. Принятие этой резолюции было успехом революционного течения.

Парижский конгресс 1900 г. без дискуссии принял резолюцию, в которой развертывание движения за всеобщее избирательное право и прямое народное законодательство рассматривалось, как условие воспитания и путь вовлечения масс в политическую борьбу, подготовки их к завоеванию политической власти. Намеченная линия получила развитие в решении Амстердамского конгресса, обязывавшем социал-демократические партии вести агитацию за предоставление избирательных прав женщинам и добиваться принятия соответствующих законов.

Создание в 1900 г. Межпарламентской комиссии социалистов имело целью повысить эффективность представительства пролетариата в парламентах. Парижский конгресс принял также резолюцию, обязавшую социал-демократов работать в органах местного самоуправления, использовать их для борьбы за расширение демократических свобод и улучшение положения трудящихся. Рекомендовалось в каждой стране создать национальное бюро социал-демократических депутатов в местных представительных органах; между ними следовало установить постоянную связь, наладить обмен опытом, созвать интернациональную конференцию. Эти рекомендации имели практическую ценность, но ни в одной из них не были определены принципы революционного парламентаризма, исключающие оппортунистическую практику в парламентах и фетишизацию парламентских форм деятельности.

На ряде своих конгрессов Интернационал рассматривал колониальную проблему[1], разрабатывал программу борьбы против милитаризма, военных провокаций и подготовлявшейся монополиями мировой империалистической войны. При обсуждении вопроса о мире, милитаризме, постоянных вооруженных силах на Парижском конгрессе 1900 г. Р. Люксембург заявила, что необходимо сказать «нечто новое о новых явлениях мировой политики»[2]. После ее доклада единогласно была принята резолюция, в которой отмечалось, что опасность войны приняла постоянный характер, а милитаризм стал

[1] Подробнее см. главу девятую.

[2] «Internationaler Sozialisten-Kongress zu Paris 1900», S. 27.

новейшей формой мировой политики. Повторив прежние требования: отмены постоянных армий, учреждения международного суда, решения вопросов войны и мира непосредственно самими народами, резолюция призвала социалистов «от более или менее платонической демонстрации интернациональной солидарности перейти к энергичным интернациональным действиям в политической области, к совместной борьбе против милитаризма в мировой политике»[1]. Предлагалось усилить воспитательную и организаторскую антимилитаристскую работу среди молодежи, в парламентах голосовать против расходов на милитаризм и колониальные экспедиции, а в нужный момент организовать интернациональные выступления против войны. Это был шаг вперед.

Амстердамский конгресс подкрепил его внушительной демонстрацией протеста против русско-японской войны. Перед лицом всех делегатов и гостей конгресса Г. В. Плеханов и С. Катаяма демонстративно обменялись рукопожатием, а конгресс принял резолюцию, требовавшую «от социалистов и рабочих, которые являются блюстителями мира, во всех странах всеми силами препятствовать любому расширению войны»[2].

Деятельность II Интернационала в начале XX в. не ограничивалась конгрессами. Существенную роль в ней с 1900 г. играло М е ж д у н а р о д н о е с о ц и а л и с т и ч е с к о е б ю р о. В его функции входило в первую очередь налаживание информации с целью взаимного обмена опытом: публикация материалов международных конгрессов, отчетов рабочих организаций, обзоров развития рабочего движения, обмен мнениями по важным вопросам, доведение до общего сведения предложений отдельных рабочих партий и т. п. МСБ получило организационные полномочия; кроме подготовки конгрессов оно с 1904 г. выполняло и функции их президиума.

Социал-демократы, стремившиеся к укреплению Интернационала, приветствовали создание Международного социалистического бюро и возлагали на него большие надежды. «Интернационал снова восстановлен!» — писала бельгийская «Пепль», сравнивая МСБ с Генеральным Советом I Интернационала.

Согласно решению конгресса 1900 г., МСБ состояло из представителей всех национальных секций Интернационала. Каждая из них имела в нем два голоса. От секций поступали и средства, необходимые для деятельности МСБ.

В первые годы многие секции из-за недооценки нового международного органа или различных трудностей не посылали своих делегатов на его заседания. Так, летом 1903 г. в работе пленума МСБ участвовали посланцы лишь 14 секций[3]. Как правило, в чи-

[1] «Internationaler Sozialisten-Kongress zu Paris 1900», S. 28.
[2] «Internationaler Sozialisten-Kongress zu Amsterdam 1904», S. 10.
[3] См. «История Второго Интернационала», т. II. М., 1966, стр. 99.

сло представителей партий входили крупнейшие деятели рабочего движения, например Бебель, Зингер, Каутский, Квелч, Гайндман, Вайян, Жорес, Иглесиас, В. Адлер, Люксембург и др. Русских социал-демократов вначале представлял Г. В. Плеханов; с 1905 г. делегатом РСДРП в МСБ являлся В. И. Ленин.

Определенную часть МСБ составляли сторонники ревизионизма. Их влияние сказывалось на формировании повесток дня международных социалистических конгрессов, которые готовило Международное социалистическое бюро. Ревизионисты стремились ограничить задачи конгрессов, исключить из их программы подлинно важные вопросы. Так, было отклонено предложение включить в повестку дня Амстердамского конгресса обсуждение программы по национальному вопросу. Естественно, что с самого начала на заседаниях МСБ происходила борьба между марксистами и оппортунистами.

Решением Парижского конгресса 1900 г. были созданы в качестве постоянных органов МСБ Исполком и секретариат. Они размещались в Брюсселе и состояли из виднейших деятелей Бельгийской рабочей партии. Председателем Исполкома МСБ являлся Э. Вандервельде, симпатизировавший ревизионистам, но умевший лавировать и учитывать настроение большинства. Он стремился не оттолкнуть революционных социал-демократов, а подчинить их оппортунистам.

По согласованию с крупнейшими партиями Исполком, начавший свою деятельность в 1901 г., выступал с заявлениями и воззваниями по многим международным вопросам: в поддержку революционного движения отдельных стран, против преступлений реакционеров и колонизаторов, по поводу первомайских демонстраций, против милитаризма и т. п.

Первым выступлением такого рода было заявление Исполкома МСБ, приветствовавшее весной 1901 г. подъем революционного движения в России и призывавшее социалистов всех стран к солидарности с российскими революционными рабочими, к усилению помощи им[1]. Поддержка революционного движения России стала одной из важных линий деятельности МСБ и Интернационала в целом. Амстердамский конгресс по предложению Роланд-Гольст направил приветствие рабочему классу России, в котором заявил: «Рабочие всего мира сознают себя солидарными с его борьбой против абсолютизма... пролетариат России,борясь за свое собственное освобождение, одновременно борется за освобождение мирового пролетариата»[2].

Много внимания МСБ уделяло организации протестов против гонки вооружений, колониальных захватов, грабительских войн, выступлениям за мир между народами. В 1901—1902 гг. МСБ осу-

[1] «Bureau Socialiste Internationale», vol. 1. Paris — La Haye, 1969, p. 27—28.

[2] «Internationaler Sozialisten-Kongress zu Amsterdam 1904», S. 50.

дило агрессию империалистов Англии в Южной Африке, США — на Филиппинах, Японии — в Китае, рекомендовало рабочим заняться «более точным и более постоянным изучением вопросов международной политики». Этого, конечно, было недостаточно. Революционные социал-демократы призывали к развертыванию активной массовой борьбы против империалистических агрессоров; оппортунисты стремились ограничиться протестами.

Массовый характер антивоенная борьба приобрела в России в связи с русско-японской войной. В. И. Ленин пришел к выводу, что она объективно способствует созреванию революционного кризиса, ослабляет «верхи» и толкает «низы» на решительную борьбу. В. И. Ленин и его соратники отстаивали линию на поражение царского правительства, способствовавшую развертыванию революции. В противовес буржуазным пацифистам и меньшевикам с их стремлением к миру «во что бы то ни стало» большевики проводили курс, рассчитанный и на развертывание антивоенного движения, и на борьбу за свержение царизма. Только в 1904 г. большевики выпустили до 2 млн. листовок. Несмотря на полицейский террор, организовывались митинги и демонстрации; большая работа проводилась в армии, хотя это грозило суровыми наказаниями. Антивоенные выступления рабочих под руководством РСДРП способствовали усилению революционных настроений, воспитывали классовое сознание, готовили почву для революции, которая оказалась самым могущественным фактором, вынудившим царя прекратить войну.

Рабочее движение в Японии к началу войны было значительно слабее, чем в России; социалистические организации еще не успели широко распространить свое влияние. К тому же шовинистическая пропаганда и свирепый полицейский режим мешали развертыванию антивоенного движения. Несмотря на это, японским социалистам все же удалось организовать ряд митингов в Токио и других городах.

Во время войны российские большевики и японские социалисты дали замечательный пример пролетарского интернационализма. В мае 1904 г. В. Бонч-Бруевич от имени ЦК РСДРП просил редакцию социалистической газеты «Хейми шимбун» помочь распространению большевистской литературы среди русских военнопленных в Японии. Уже через месяц редактор этой газеты сообщал В. И. Ленину, что большое количество журналов и листовок розданы в лагере военнопленных [1].

Во время русско-японской войны МСБ действовало несколько активнее, чем в аналогичных ситуациях прежде. Оно осудило эту войну как «преступление правительств и капитализма», призвало пролетариат «со всей энергией» бороться за ее прекращение [2].

[1] «Ленин в борьбе за революционный Интернационал», стр. 67—68.

[2] «Bureau Socialiste Internationale», vol. 1, p. 104.

Таким образом, в первые годы XX в. II Интернационал благодаря усилиям революционных социал-демократов внес определенный вклад в марксистское решение некоторых сложных задач, вставших перед рабочим классом. Несмотря на противодействие ревизионистов, международные конгрессы и постоянные органы Интернационала продолжали в основном исходить из идей пролетарского интернационализма, из марксистских принципов политики рабочих партий, хотя на ряде принятых решений сказывалось примиренчество к оппортунизму. Добиваясь единства своих секций, Интернационал заботился лишь об одной стороне дела и упускал из виду еще более важную — идейную основу сплочения рабочих организаций. В этом вопросе он не смог подняться на уровень новых исторических задач и был чужд единственно правильной в сложившихся условиях ленинской линии на создание революционной рабочей партии нового типа. И все же в первые годы XX в. деятельность Интернационала еще способствовала в целом росту и укреплению международного рабочего движения. Именно поэтому основным оружием ревизионистов в то время становится саботаж решений, выдержанных в марксистском духе, открытый или замаскированный отказ от их выполнения.

Глава девятая

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В КОЛОНИАЛЬНЫХ И ЗАВИСИМЫХ СТРАНАХ. НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗОВАННОГО ПРОЛЕТАРСКОГО ДВИЖЕНИЯ

На протяжении всего периода 1871—1904 гг. уровень и масштабы рабочего движения в колониальных и зависимых странах были очень разными. Однако при всех существенных отличиях общим было значительное отставание от рабочего движения наиболее развитых для того времени капиталистических стран по степени организованности, вовлеченности в классовые бои, уровню классового сознания, освоению форм и методов сопротивления эксплуатации и угнетению в экономической, социальной и политических сферах.

Отставание было обусловлено совокупностью факторов, и прежде всего низким уровнем экономического и социального развития. В последней четверти века страны Латинской Америки, Азии и Африки оказались втянутыми в орбиту мирового капиталистического хозяйства, что было связано с перерастанием домонополистического капитализма в империализм и переходом развитых стран к усиленному вывозу капиталов в колонии и полуколонии. Во всех этих странах ускорилось капиталистическое развитие. Однако происходило это в весьма своеобразных, отличных от европейских условиях. В качестве тормоза выступали, с одной стороны, колониальная эксплуатация, а с другой — сковывающая сила традиционных форм хозяйства.

Иностранное господство в сочетании с устойчивостью феодальных институтов в экономике и общественной жизни обусловило большие трудности, возникшие перед формировавшимся пролетариатом на пути к его классовому самоопределению, созданию собственных организаций и развитию успешной борьбы за свои экономические и политические права. Сплочению пролетарских рядов мешали национальные и религиозные (а в Азии и кастовые) распри, раздуваемые к тому же колонизаторами; невероятно высокая степень эксплуатации и нищенская заработная плата на немногих капиталистических фабриках, прочная связь местных рабочих с деревней обусловили устойчивость их мелкобуржуазной психологии, а также традиционного образа жизни и мышления. Тому же способствовало значительное преобладание рабочих, занятых в ремесленно-мануфактурном производстве, над фабрично-заводским пролетариатом, наличие многочисленной армии полупролетариев — люмпенов и пауперов. Веками воспитанная в народе покорность властям и чувство приниженности

перед колонизаторами также сильно затрудняли пробуждение масс к активной политической борьбе.

Существовали, однако, факторы, которые способствовали постепенному преодолению названных препятствий.

Процесс созревания пролетарского движения в колониальных и зависимых странах убыстрялся под влиянием классовой борьбы рабочих Запада, прошедшей к тому времени большой путь развития. Непосредственными проводниками революционизирующего влияния Запада становились тысячи и тысячи так называемых избыточных рабочих, которые переселялись из метрополий в страны Латинской Америки, Азии и Африки. Это способствовало развитию современных форм организованного пролетарского движения в зависимых странах, особенно на Латиноамериканском континенте.

Другим важным фактором являлось национально-освободительное движение, в обстановке которого зарождалась борьба формирующегося и еще не осознавшего себя как класс пролетариата Латинской Америки, Азии и Африки.

Национально-освободительное движение втягивало пролетариат в политическую борьбу, было для него школой приобщения к организованности, воспитания решимости и боевой целеустремленности. Участие в движении, кроме того, помогало осознать силу своего класса, сплачивало с другими социальными и политическими группами, боровшимися за национальное освобождение. В то же время, поскольку руководящая роль в национально-освободительной борьбе принадлежала обычно буржуазным (а иногда даже добуржуазным) социальным слоям, участие в ней скрадывало специфичность классовых интересов пролетариата, его особые задачи.

Такова была обстановка — сложная и противоречивая, в которой по мере развития капитализма складывался и рос рабочий класс, появились первичные формы рабочего движения.

Характерно, что уже в зачаточном состоянии борьба наемных рабочих колоний и зависимых стран стала обнаруживать многие черты, свойственные движению пролетариата развитых капиталистических государств. Прежде всего начались стачки, стихийные, неорганизованные, но тем не менее уже обнаруживавшие тенденцию рабочих к сплочению своих сил. Именно в процессе стачечных и иных выступлений пролетариат колоний и полуколоний делал первые шаги к объединению и созданию своих организаций, сначала участвуя в различных корпорациях средневекового типа, а затем создавая более современные союзы, ассоциации (и даже партии — в Латинской Америке), в большинстве случаев возглавлявшиеся еще представителями национальной буржуазии. Перед новым периодом истории, начало которому положит русская народная революция 1905—1907 гг., рабочий класс многих из этих стран выступал уже как заметная сила.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
ПОЛОЖЕНИЕ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА

В Латинской Америке эпоха национальных и демократических движений, открытая войной Гаити и испанских колоний за независимость, растянулась более чем на полтора столетия. После распада колониальной системы Испании, сложившейся в эпоху первоначального накопления, и провозглашения независимости Бразилии на месте бывших колоний образовалась целая группа политически самостоятельных государств. В конце XIX — начале XX в. только Гвиана в Южной Америке и ряд стран Карибского бассейна оставались в колониальной зависимости от Англии, Франции, Испании и Голландии.

Завоевание политической независимости, создание самостоятельных государств явились важнейшей предпосылкой развития стран Латинской Америки по капиталистическому пути и формирования пролетариата. Латиноамериканские государства стали на этот путь почти на 200 лет позднее Англии и на полвека позднее США и Франции; они испытывали тяжкий гнет колониального, в том числе рабовладельческого, наследия и в результате значительно отставали в экономическом отношении от Западной Европы и Северной Америки. Социально-политическая слабость позволила Соединенным Штатам, Англии, Франции, а в конце XIX — начале XX в. и Германии поставить латиноамериканские страны в экономическую, внешнеполитическую, военную зависимость. Страны Латинской Америки превратились в должников европейских держав и США, которые под предлогом взыскания долгов направляли сюда вооруженные экспедиции, жестоко грабившие эти страны и пытавшиеся снова превратить их в колонии.

Большинство государств Латинской Америки — таких, как Аргентина, Бразилия, Мексика и другие, где были сосредоточены основная масса населения и главный экономический потенциал континента, боролись за сохранение и укрепление своего политического суверенитета от посягательств европейских держав или США, против разграбления природных ресурсов иностранными монополиями, за преодоление экономической отсталости. Народы же Кубы, после испано-американской войны 1898 г. попавшей под контроль США, и захваченного ими же Пуэрто-Рико, а также других колониальных владений в Карибском бассейне вели национально-освободительную борьбу за создание собственной государственности.

В. И. Ленин рассматривал латиноамериканские государства как политически самостоятельные страны, зависимые от империализма в финансовом отношении и близкие по своему месту в системе капиталистических государств к странам Восточной и Южной Европы[1]. Близки они были во второй половине XIX — начале XX в. и по

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 28, стр. 697.

уровню экономического развития. В рассматриваемый период в Латинской Америке происходил промышленный переворот. Крупное машинное производство рождалось в Латинской Америке на основе мануфактурной стадии развития капитализма в городе и тропического плантационного хозяйства в сельской местности. Сохранение рабства до второй половины 80-х годов в таких странах, как Бразилия и Куба, серьезно тормозило превращение капиталистического уклада в господствующий способ производства. Вместе с тем следует отметить, что капитализм в Латинской Америке располагал национальными рынками, хотя они и были сравнительно узки из-за сохранения докапиталистических пережитков и проникновения иностранного капитала. В результате, даже выступая преимущественно как поставщики минерального и растительного сырья, продовольствия, латиноамериканские страны все же не являлись аграрно-сырьевыми придатками империалистических государств. Они старались ограждать себя протекционистскими барьерами, что существенно облегчало развитие национальной промышленности и вело к появлению собственного фабрично-заводского и сельскохозяйственного пролетариата. Проникавший в Латинскую Америку иностранный капитал вынужден был считаться с этим.

В конце XIX в. капиталовложения иностранных держав в экономику латиноамериканских стран резко увеличились. Если в 1880 г. общая сумма иностранных инвестиций составляла 1,5 млрд. долл., то к 1900 г. она выросла более чем в 2 раза, достигнув 3,5 млрд. долл., и продолжала расти. При этом на долю Англии приходилось 2,1 млрд. долл., или почти 70%, Франции — 0,6 млрд., Германии — 0,5 млрд.

Начало усиливаться проникновение североамериканского капитала. Уже в начале XX в. на Латинскую Америку приходилось свыше половины всех иностранных капиталовложений США (285 из 445 млн. долл.). Львиная доля этих инвестиций — 185 млн. долл.— направлялась в Мексику[1]. Из них 66,6% были вложены в железные дороги, 20,3% — в горное дело и только 2,93% —в текстильную промышленность. Эти и многие другие данные опровергают домыслы апологетов империализма, что именно проникновение иностранных, особенно североамериканских, монополий привело к созданию промышленности в Латинской Америке, что империализм положил начало развитию капитализма в этом регионе. На самом деле иностранные монополии ни в какой степени не были заинтересованы в подобном развитии; они сосредоточили свое внимание только на горном деле и нефти.

Иностранный капитал захватил важные позиции в экономике многих латиноамериканских стран. В 1895 г., например, уже 92% промышленных предприятий Буэнос-Айреса принадлежало иностран-

[1] См. «Экономика стран Латинской Америки», ч. 1. М., 1973, стр. 25—26.

ному капиталу[1]. К началу нынешнего века $^2/_3$ продукции селитряного производства Чили, составляющего основную отрасль горнодобывающей промышленности страны, вырабатывалось на предприятиях, принадлежавших английскому и отчасти североамериканскому капиталу[2]. В эти же годы монополии США овладели более чем 85% выявленных нефтеносных земель и 58% всей нефтедобычи Мексики[3].

Вторжение иностранного капитала в Латинскую Америку не было чисто экономическим процессом; оно сопровождалось войнами, которые империалистические державы провоцировали между латиноамериканскими государствами, блокадой и бомбардировкой латиноамериканских портов, высадкой морской пехоты, заговорами, свержением неугодных империализму правительств.

В результате Тихоокеанской войны (1879—1883 гг.) Чили отторгла у Перу и Боливии богатые селитрой провинции. Боливия лишилась также выхода к морю. За спиной правителей Чили стояли английские капиталисты, недовольные попытками правительств Перу и Боливии установить контроль над своими природными богатствами. Обе страны, потерпевшие поражение в войне, попали в зависимость от английских, французских и североамериканских кредиторов, которые диктовали им таможенную, финансово-кредитную, налоговую политику, разоряли местных промышленников и ремесленников, скупали за бесценок предприятия, поместья и земли.

Закрепив за собой концессии на селитряные копи в Чили, английские капиталисты затем спровоцировали гражданскую войну 1891 г. против правительства президента Бальмаседы, отстаивавшего национальную независимость страны, право распоряжаться ее людскими и природными ресурсами. Правительство Бальмаседы было свергнуто в результате вмешательства Англии. К власти в Чили пришла помещичье-банкирская олигархия, отдавшая страну на разграбление иностранному капиталу.

В 1902—1903 гг. Англия, Германия и Италия блокировали венесуэльские порты. В. И. Ленин дал следующую оценку этой операции: «1903: Германия + Англия + Италия блокируют Венецуэлу. (Германия бомбардирует.) Долги выколачивают!!»[4] Эта интервенция была поддержана Соединенными Штатами, которые навязали правительству Венесуэлы неравноправное соглашение с североамериканскими кредиторами. В 1903 г. США отторгли у Панамы часть ее территории, которую превратили в свой колониальный анклав. «Соединенные Штаты берут Панаму (903)»[5]— так охарактеризовал это событие В. И. Ленин.

[1] См. *Р. Искаро.* Возникновение и развитие профсоюзного движения в Аргентине. М., 1962, стр. 29.
[2] См. «Чили». М., 1965, стр. 208.
[3] См. «Очерки новой и новейшей истории Мексики». М., 1960, стр. 231.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 28, стр. 492.
[5] Там же.

В 1895 г. кубинский народ, руководимый великим революционным демократом Хосе Марти, поднялся на вооруженную борьбу против испанского колониального ига, провозгласил независимость Кубинской республики и освободил большую часть ее территории. Объявив войну Испании, США оккупировали своими войсками Кубу и навязали ей режим протектората, добившись благоприятных условий для экспансии американского капитала в эту страну.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. империализм, прежде всего английский, стремился лишить латиноамериканские государства их политической и экономической независимости. «Крупный финансовый капитал одной страны всегда может скупить конкурентов и чужой, политически независимой, страны и всегда делает это ... Экономическая «аннексия» *вполне* «осуществима» без политической и постоянно встречается. В литературе об империализме вы встретите на каждом шагу такие, например, указания, что Аргентина есть на деле «торговая колония» Англии, что Португалия есть на деле «вассал» Англии и т. п. Это верно: экономическая зависимость от английских банков, задолженность Англии, скупка Англией местных железных дорог, рудников, земель и пр.— все это делает названные страны «аннексией» Англии в экономическом смысле, без нарушения политической независимости этих стран»[1].

Превращение латиноамериканских государств в зависимые страны сказывалось на особенностях развития капитализма в них, на их социальной структуре и классовой борьбе. Приспособляя производство латиноамериканских стран к своим потребностям, иностранный капитал широко использовал в своих интересах их социальную и экономическую отсталость, низкую стоимость рабочей силы.

Империализм сотрудничал с местной олигархией: крупными помещиками, скотоводами, плантаторами, торговцами-экспортерами. Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Уругвая Р. Арисменди обратил внимание на связь между подчинением Латинской Америки иностранному капиталу и господством латифундизма: «Латифундия наложила явственный отпечаток на развитие капитализма, деформировав его, вызвав неустойчивость, узость внутреннего рынка и подчиненность внешнему рынку, иными словами, обусловив зависимость от империализма. С социальной точки зрения латифундия полонила душу широких слоев местной буржуазии, лишила ее стремления бороться за демократические и национальные цели, лишила ее решимости провести буржуазно-демократические преобразования и покончить с этим представителем ее исторического врага — феодализма»[2].

Вторжение иностранных монополий глубоко деформировало местную экономику, замедляя темпы промышленного развития,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 95.
[2] *Р. Арисменди.* Проблемы латиноамериканской революции. М., 1964, стр. 455.

усугубляя отставание. Патриотически настроенные круги местной крупной и мелкой буржуазии, стоявшие у власти в ряде стран, добивались повышения ввозных пошлин, установления государственного контроля над природными ресурсами. Такие попытки имели место в конце XIX — начале XX в. в Чили, Перу, Венесуэле, Гватемале, Никарагуа; в ряде случаев, однако, вмешательство Англии, США и других империалистических держав приводило к устранению правительств, оказывавших сопротивление империализму, к замене их проимпериалистическими режимами.

Тем не менее ни вторжение иностранного капитала, ни сохранение и укрепление латифундизма не могли прервать естественный процесс развития капитализма в промышленности, сельском хозяйстве и других отраслях экономики. Конечно, ограбление латиноамериканских стран иностранным капиталом, засилье латифундизма, политическая неустойчивость, неграмотность массы населения серьезно тормозили их экономический рост. Промышленный переворот растянулся в Латинской Америке чуть ли не на целое столетие и в разных странах протекал очень неравномерно. Например, переход от мануфактурной к машинной стадии в текстильной промышленности Мексики и Бразилии происходил еще в первой половине XIX в., в то время как в Перу — на рубеже XIX и XX вв., а в Колумбии, Венесуэле и Центральной Америке — еще позже.

Очень медленными были темпы железнодорожного строительства. Об этом свидетельствуют данные 1890 г. В Мексике и Аргентине к этому времени имелось по 9800 км железных дорог, в Бразилии — 9500, на Кубе — лишь 1731, в Уругвае и Парагвае — 1367 км.

Иностранные компании, прибравшие к своим рукам железнодорожное строительство, стремились к тому, чтобы обеспечить вывоз минерального сырья и сельскохозяйственных продуктов, удовлетворить интересы крупных экспортеров и не заботились о нуждах местной промышленности.

Машинное производство в наиболее развитых странах Латинской Америки распространилось на текстильную и ряд других отраслей легкой промышленности. Машиностроение практически отсутствовало. Тем не менее в Мексике, Бразилии, Перу, Аргентине, Чили действовали небольшие металлургические предприятия и была относительно развита металлообработка. Преимущественное значение имели мелкое производство и ремесла.

Городской пролетариат Латинской Америки насчитывал к концу XIX в. примерно 600 тыс. человек. Вместе с плантационными рабочими и частью низкооплачиваемых служащих на транспорте, в торговле и в сфере обслуживания пролетарская армия составляла 1,5—2 млн. человек [1].

В Аргентине в 1869 г. насчитывалось 860 тыс. человек экономически активного населения. Из них 280 тыс. приходилось на

[1] См. «Пролетариат Латинской Америки». М., 1968, стр. 16—17.

мануфактуры и ремесло, 188 тыс. на сельское хозяйство, 24 тыс. на транспорт, 40 тыс. на торговлю. Среди ремесленников и рабочих наиболее многочисленными были швейники (98 тыс. чел.), затем ткачи (93 тыс.), обувщики (15 тыс.), столяры (14 тыс.), плотники (9 тыс.)[1]. После экономического кризиса 1872—1876 гг. переход к машинному производству ускорился. Усилился приток иммигрантов из Европы; до 1880 г. иммиграция составляла всего 10 тыс. человек в год, в 1881—1890 гг. в Аргентину уже прибывало ежегодно по 64 тыс., а в первые годы XX в.— по 112 тыс. человек. В Буэнос-Айресе 60% населения являлись иммигрантами, значительную часть которых составляли рабочие, в том числе квалифицированные. Если в 1887 г. в Аргентине насчитывалось всего 42 321 наемный рабочий, то к 1895 г. их число почти удвоилось и достигло 72 761 человек[2]. К 1895 г. пролетарские и полупролетарские элементы города и деревни уже составляли более половины населения (54,5%), мелкая буржуазия — более четверти (28,3%), крупные и средние торговцы — 14,5%, помещики и крупная буржуазия — 2,7%[3].

Более или менее аналогичные процессы, осложненные наследием рабства (отменено в 1888 г.), наблюдались в Бразилии. Освобождение без земли 800 тыс. рабов (при 14-миллионном населении страны) явилось важной предпосылкой развития страны по капиталистическому пути и формирования современного пролетариата. Ф. Энгельс еще в 1872 г. в следующих словах предвосхитил это: «Нелепо воображать, что рабов Кубы или Бразилии, или население Китая и Индии, можно было бы сразу превратить в организованных рабочих. Прежде чем они будут освобождены, они должны предварительно стать свободными рабочими»[4].

Если до отмены рабства в Бразилию ежегодно прибывало 30—50 тыс. иммигрантов, то в дальнейшем — более 100 тыс. в год. В течение 1887—1897 гг. в страну въехало 1,3 млн. иммигрантов. Начались большие внутренние миграции населения с засушливого Северо-Востока в быстро растущую индустриальную зону Сан-Паулу и Амазонию, где развернулась «каучуковая лихорадка». Если в 1872 г. в Амазонии проживало не более 340 тыс. человек, то к 1890 г. ее население превысило 480 тыс., а к 1906 г. составило уже 1,1 млн. человек. За последнее десятилетие XIX в. число иммигрантов в г. Сан-Паулу выросло в 6 раз; в 1900 г. на 770 тыс. бразильцев здесь приходилось 230 тыс. иммигрантов[5].

[1] *R. Iscaro.* História del movimiento sindical, vol. III. Buenos Aires, 1973, p. 15—16.
[2] Ibid., p. 19.
[3] *R. M. Ortiz.* História econômica de la Argentina, t. 1. Buenos Aires, 1955, p. 64.
[4] «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1871—1872. Протоколы». М., 1965, стр. 189.
[5] *N. Werneck Sodré.* Formação histórica do Brasil. São Paulo, 1967, p. 308.

В промышленности Бразилии наибольший удельный вес имели текстильная и пищевая отрасли. Концентрация производства была еще слабой, преобладали мелкие и мельчайшие предприятия ремесленного типа. Но в зоне Сан-Паулу уже развивалось строительство электростанций (в 1901 г. введена в строй станция мощностью 8 тыс. л. с.), действовали отдельные промышленные предприятия, основанные на машинной технике. В 80—90-х годах XIX в. в Бразилии имелось примерно 300—400 тыс. лиц наемного труда, из которых треть составляли рабочие, занятые в промышленности и на транспорте[1]. К 1907 г. число промышленных рабочих увеличилось до 151 тыс. человек.

В Чили к 1875 г. численность пролетариата достигла примерно 100 тыс., а к началу XX в.— 200—250 тыс. человек[2]. В Мексике в 1873 г. на 3,7 млн. населения приходилось всего 43 тыс. человек, занятых в промышленности (32 тыс. из них были текстильщиками). К концу XIX в. рабочий класс Мексики был представлен уже 200 тыс. человек. В 1880 г. на текстильных фабриках Мексики работало 13 тыс. человек, в 1901 г.— 51 тыс. При этом половину продукции давали четыре предприятия, на которых было занято 12 тыс. рабочих. Эти предприятия принадлежали преимущественно французскому капиталу[3].

На Кубе, по переписи 1899 г., насчитывалось 359 тыс. поденных рабочих (при населении в 1 573 тыс. человек), но число занятых на фабриках сравнительно невелико — 93 тыс.[4] В обрабатывающей промышленности Перу в начале XX в. насчитывалось примерно 10 тыс. рабочих[5]. По переписи 1889 г., в Уругвае на предприятиях фабричного типа работало около 25 тыс. человек[6].

Таким образом, основная масса рабочих была сосредоточена в Аргентине, Бразилии, Уругвае, Чили, Мексике и на Кубе (а также в Пуэрто-Рико и во французских колониях Мартинике и Гваделупе). В Колумбии, Боливии, Эквадоре, Венесуэле, а тем более в странах Центральной Америки формирование современного рабочего класса находилось на самой начальной стадии.

Основная масса пролетариев была сосредоточена в легкой, пищевой, табачной и строительной промышленности. Появились также отряды печатников, транспортников и энергетиков. Немаловаж-

[1] См. *Б. И. Коваль.* История бразильского пролетариата. М., 1970, стр. 52.

[2] См. *Э. Рамирес Некочеа.* История рабочего движения в Чили. М., 1961, стр. 66, 174.

[3] См. *Ю. И. Визгунова.* Рабочий класс современной Мексики. М., 1973, стр. 17.

[4] См. *А. М. Зорина.* Рабочее движение на Кубе. М., 1975, стр. 85; *J. Rivero Mañiz.* El movimiento laboral durante el periodo 1906—1911. Las Villas, 1962, p. 189.

[5] *J. Del Prado.* 40 años de lucha. Lima, 1968, p. 5.

[6] См. *Ф. Р. Пинтос.* Профсоюзное движение в Уругвае. М., 1964, стр. 34.

ную роль играл торгово-конторский пролетариат. В то же время быстрыми темпами стали расти ряды занятых в горнодобывающей и нефтяной промышленности, а также сельскохозяйственных рабочих. Это обусловливалось направлением основного потока капиталовложений иностранных монополий и фирм в указанные отрасли хозяйства, а также на транспорт.

В странах Центральной Америки и Карибского бассейна с их традиционно плантационной, монокультурной ориентацией экономики, обслуживавшей преимущественно потребности мирового рынка, формирование отрядов пролетариата было связано прежде всего с расширением сахарных и банановых плантаций, со строительством современных портов.

Большое влияние на характер развития пролетариата, его социально-экономическое и политическое конституирование оказывал конкретный источник формирования того или иного слоя наемных рабочих. Ряды пролетариата пополнялись за счет местного населения лишь в тех отраслях, где капиталу выгодно было сохранять патриархальные отношения и использовать систему принудительного труда. Приспособление местного вольнонаемного рабочего, не порвавшего связи с землей и традиционным образом жизни, к режиму крупного производства оказалось нелегким делом. Отсюда проистекали текучесть рабочей силы, недостаток свободных рабочих рук.

В связи с этим во многих странах была установлена такая система трудовых отношений, при которой рабочий удерживался на предприятии с помощью долгов. Эта система охватывала многие районы и отрасли. Особенное распространение она получила в плантационном хозяйстве и в добывающей промышленности, где она упрочилась, в частности, благодаря большим расстояниям, отделявшим места производства от городских и торговых центров. В начавшем развиваться фабричном производстве не существовало никакой охраны труда, широко эксплуатировался труд подростков и женщин.

В числе основных отрядов пролетариата были горняки (формировавшиеся преимущественно из местного населения) и сельскохозяйственные пролетарии (в том числе плантационные). В Чили, например, уже в 1875 г. насчитывалось около 33 тыс. рудокопов и шахтеров[1]. Классовому самоопределению этих групп препятствовали такие факторы, как неграмотность, страшная забитость, нищета.

Условия труда и жизни горняков и плантационных рабочих были поистине каторжными. Рабочий день длился 10—16 часов. Оплата труда осуществлялась бонами. Широко применялась система штрафов. Сохранялись и сознательно поддерживались архаичные формы трудовой зависимости, ограничивалась свобода передвижения наемных работников и право выбора хозяина. На многих иностранных предприятиях территория обносилась колючей проволокой, запрещался самовольный уход с работы и т. п. Создание профсоюзов

[1] См. *Э. Рамирес Некочеа.* Указ. соч., стр. 67.

и организация забастовок приравнивались к уголовному преступлению. Пробуждение классового и политического сознания этих отрядов рабочих надолго задерживалось также жизнью вдали от крупных городов, в изоляции от других слоев трудящихся.

Другим важнейшим источником формирования армии наемного труда стала европейская иммиграция. Применять к иммигрантам «обычные» методы эксплуатации было труднее, чем к местным рабочим: они лучше защищали свои интересы, не были прикованы к земле, опутаны традиционными связями. На худой конец они могли переехать в другую страну в поисках более благоприятных условий. Но поскольку они обладали сравнительно высокой производственной квалификацией, предприниматели охотно использовали их в тех случаях, когда нужно было работать на машинах или же выполнять трудовые функции, требовавшие высокого мастерства. Значительна была прослойка иммигрантов и среди городского ремесленного пролетариата.

Их положение было также тяжелым. Однако более высокий уровень развития этой прослойки пролетариата, относительно более благоприятные условия их труда и существования обусловливали иную степень классового самосознания. Не случайно рабочие этой категории, а именно железнодорожники, портовики, трамвайщики, одними из первых создали крупные отраслевые профессиональные организации[1].

Для латиноамериканского пролетариата были характерны такие черты, как национальная пестрота, особая сложность структуры и резкие различия в социально-экономическом положении отдельных прослоек. Все это обусловило раздробленность рабочего класса стран Латинской Америки, которая в свою очередь определила разновременность вступления различных его отрядов на путь сознательной классовой борьбы, образования профессиональных и политических организаций.

РАБОЧИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

Большая неравномерность развития капитализма в разных странах континента обусловливала и неравномерность становления в них рабочего движения, его высвобождения из плена буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. К началу 70-х годов XIX в. самостоятельных политических организаций пролетариата не было ни в одной стране, хотя рабочий класс накопил известный опыт классовых боев и уже располагал кое-где немногочисленными профессиональными союзами. Однако в большинстве случаев пролетариат еще не осознал свои классовые интересы. Зачастую рабочие поддерживали буржуазно-либеральные движения, революционный заряд которых, проявив-

[1] См. *Р. Искаро.* Указ. соч., стр. 38.

шийся в 50—60-е гг. в борьбе за отстаивание политической независимости своих стран и в проведении антиклерикальных аграрных преобразований, в борьбе против рабства, сходит на нет (он сохраняется лишь в ряде стран Центральной Америки и Карибского бассейна, а также в отсталых странах Южной Америки).

На смену помещичьей революционности периода войны Гаити и испанских колоний за независимость и буржуазной революционности второго прилива революционной волны (аналогичного Гражданской войне и периоду реконструкции Юга в США) в Латинской Америке начинает выдвигаться на передний план революционность мелкой буржуазии, городских низов и пролетариата. Этот процесс сопровождается распространением домарксовых форм социалистической идеологии, отражавших чаяния и предрассудки этого нового блока прогрессивных классов и социальных слоев.

Наиболее богатый опыт накопило на рубеже XIX—XX вв. рабочее движение Аргентины.

Здесь к началу 70-х гг. сложились профсоюзные и мютюалистские (созданные с целью взаимопомощи) организации печатников, столяров, плотников, строительных рабочих.

Выступая в начале 1871 г. на заседании Генерального Совета I Интернационала, Ф. Энгельс сообщил, что через Мадридскую секцию установлена связь с аргентинскими рабочими-печатниками. «Есть возможность начать переписку с целью образования секций»[1]. В Буэнос-Айресе такая секция была основана в начале 1872 г. на собрании французских иммигрантов; секция обратилась к Генеральному Совету с просьбой о приеме, которая была удовлетворена. За полгода число ее членов выросло до 273 человек[2].

В середине 1872 г. в Буэнос-Айресе появилась итальянская, а затем испанская секции Интернационала. Их деятельность координировал Федеральный совет, имевший контакты с Генеральным Советом Интернационала в Нью-Йорке. Было налажено издание социалистической газеты «Эль трабахадор». В 1874 г. секции действовали также в Кордове и Росарио[3].

В сентябре 1872 г. в Аргентину приехал Раймон Вильмар (Вильмо) — участник Парижской Коммуны, делегат Гаагского конгресса I Интернационала, поддерживавший переписку с К. Марксом. Он развернул энергичную пропаганду идей научного социализма среди аргентинских рабочих, в том числе в союзах столяров и портных.

Экономический кризис 1872—1876 гг. резко отрицательно ска-

[1] «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871. Протоколы». М., 1965, стр. 64.

[2] См. «Первый Интернационал», ч. 2 (1870—1876). М., 1965, стр. 565; «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1871—1872. Протоколы», стр. 395.

[3] См. *В. И. Ермолаев.* Возникновение первых рабочих организаций и марксистских кружков в странах Латинской Америки (1870—1900 гг.).— «Вопросы истории», 1959, № 1.

зался на рабочем движении Аргентины. В условиях спада движения секции Интернационала стали хиреть и распадаться. Во многом это было связано с дезорганизующей деятельностью испанских бакунистов, которые в середине 70-х годов проявляли особый интерес к Южной Америке, направляя туда своих эмиссаров[1].

Во второй половине 70-х годов начался подъем рабочего движения. В 1878 г. произошла забастовка печатников, в 1887 г. вспыхнула успешная всеобщая стачка обувщиков, в 1888 г.— забастовка железнодорожников (против них была брошена полиция, многие рабочие ранены, более 100 человек арестовано).

После длительной борьбы была отменена прежняя система найма, предусматривавшая выдачу специальных книжек, в которых делались пометки о «поведении» рабочих. Типографские рабочие добились запрещения применять труд подростков, увеличения заработной платы, установления начала и конца рабочего дня, сокращения его до 10-ти часов зимой и до 12 — летом[2].

В конце 70-х годов стали возникать первые рабочие организации. После создания союза типографских рабочих (1878 г.) их примеру последовали плотники и столяры (1885 г.), пекари (1886 г.), машинисты и кочегары (1887 г.) и др. К 1895 г. в Аргентине насчитывалось уже более 50 профессиональных союзов рабочих и ремесленников[3].

После введения в Германии «исключительного закона» против социалистов в Аргентине обосновалась группа немецких социал-демократов: среди них выделялся бывший председатель Брауншвейгского комитета партии, портной по профессии Кун. В 1882 г. они основали социал-демократический клуб «Форвертс», сыгравший большую роль в пропаганде идей научного социализма в стране и создании социалистической партии. В 1888 г. в Буэнос-Айресе образовался «Интернациональный социалистический кружок», в который кроме аргентинцев входили французские, итальянские, испанские, голландские и бельгийские иммигранты.

В эти годы внутри аргентинского рабочего движения резко обострилась борьба между социалистами и анархистами. В 1885—1890 гг. в Аргентине действовал известный лидер анархизма Э. Малатеста, стали выходить газеты анархистов. Они всячески старались воспрепятствовать созданию независимой рабочей партии, добивались установления своего контроля над профессиональными союзами, вытесняя из них социалистов.

Однако в это время аргентинское рабочее движение уже испытывало сильное влияние II Интернационала, в Учредительном конгрессе которого приняли участие аргентинские социалисты. Они были

[1] *J. Guillaume.* L'Internationale. Documents et souvenirs, t. IV. Paris, 1910, p. 193.

[2] *Б. Марианетти.* Аргентина. Современное положение и перспективы. М., 1966, стр. 148.

[3] *R. Iscaro.* História del movimiento sindical, vol. II. Buenos Aires, 1973, p. 268.

представлены на конгрессе В. Либкнехтом и одним из пионеров рабочего движения страны А. Пейретом[1].

В соответствии с решениями II Интернационала в Буэнос-Айресе возник оргкомитет по подготовке к празднованию 1 Мая 1890 г. В марте 1890 г. он созвал совещание представителей от 18 профсоюзов, кружков и обществ взаимопомощи. Созданный Интернациональный комитет, в который вошли по три делегата от каждого общества, постановил: 1) отмечать 1 Мая митингами; 2) создать федерацию рабочих Аргентины; 3) издавать газету в защиту рабочих; 4) обратиться с петицией в палату депутатов с требованием принять законы в пользу рабочих. Была выработана петиция. В ней содержались требования ввести 8-часовой рабочий день, облегчить условия труда для женщин, запретить наем детей моложе 14 лет, ввести 6-часовой день для подростков 14—16 лет и запретить работу в ночную смену, ввести обязательный воскресный отдых, учредить инспекцию для предотвращения несчастных случаев на производстве, ввести страхование от несчастных случаев, принять законы против подделки продуктов питания и т. д. Под петицией было собрано 20 тыс. подписей. 1 Мая 1890 г. состоялись демонстрации и митинги, в которых приняли участие 3 тыс. человек[2].

Первомайская демонстрация укрепила боевой дух рабочих.

В 1890 г. бастовало 6 тыс. плотников, объединенных в союз рабочих-плотников, 3 тыс. столяров, создавших еще в 1886 г. Интернациональное общество рабочих столяров, краснодеревщиков и подсобных рабочих и др.[3]

В конце 1890 г. появилась первая в Аргентине газета марксистского направления — «Эль обреро», выходившая под девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В передовой статье под названием «Наша программа» говорилось: «Мы выходим на арену борьбы политических партий этой республики как передовые борцы пролетариата, который только еще выделяется из массы неимущих... Новый класс вдохновляется благородным учением современного научного социализма, основные теоретические положения которого — материалистическое понимание истории и выяснение секрета капиталистического производства через прибавочную стоимость — великие открытия нашего бессмертного учителя Карла Маркса»[4]. Историю Аргентины и ее современное политическое положение, указывалось в статье, надо рассматривать в свете законов диалектического материализма как историю борьбы классов. Газета оценивала установление собственно буржуазного режима как прогрессивное явление,

[1] «Protokoll des Internationalen Arbeiter-Kongresses zu Paris». Nürnberg, 1890, S. 9.
[2] *L. Paso.* História del origen de los partidos politicos en la Argentina. Buenos Aires, 1972, p. 463—464.
[3] *D. Cúneo.* Juan B. Justo y las luchas sociales en la Argentina. Buenos Aires, 1956, p. 54.
[4] *L. Paso.* Op. cit., p. 468.

но разоблачала его как строй более интенсивной эксплуатации рабочих и призывала не забывать в повседневной борьбе о конечной цели — построении коммунистического общества.

Пропагандистская работа «Эль обреро» содействовала созыву в августе 1891 г. рабочего съезда, провозгласившего создание Федерации трудящихся аргентинского региона. Федерация направила свой отчет Брюссельскому конгрессу II Интернационала. Однако экономический кризис и враждебное отношение анархистов к федерации привели к ее распаду.

В декабре 1892 г. было образовано Социалистическое объединение Буэнос-Айреса как ядро будущей партии. Наряду с ним действовали социалистические группировки, образованные по национальному признаку: немецкий клуб «Форвертс», французский — «Лез эго», итальянский — «Фашо дель лаворатори». На совещании представителей этих организаций в 1893 г. было решено начать издание еженедельной газеты «Ла вангуардиа» как «пропагандиста научного социализма, защитника дела рабочего класса»[1]. Редактором ее стал Х. Б. Хусто, первый переводчик «Капитала» К. Маркса на испанский язык. Стали издаваться также и другие газеты социалистической ориентации («Авенир сосиаль», «Ла монтанья» и др.). Все это подготовило созыв учредительного съезда социалистической партии, совпавшего с подъемом рабочего движения, новыми стачечными боями. Только в 1896 г. в Аргентине было зарегистрировано 26 забастовок (стекольщиков, часовщиков, типографских рабочих, железнодорожников, металлистов, рабочих пищевой и табачной промышленности и т. д.)[2].

На учредительном съезде Социалистической рабочей партии Аргентины (июнь 1896 г.) были представлены 833 члена партии (из них 387 — аргентинские граждане) от 35 политических и профсоюзных объединений. Съезд принял Декларацию принципов, программу-минимум и устав партии. В Декларации отмечалось, что «революция, вызывающая сопротивление привилегированного класса, может осуществиться силой организованного пролетариата»; в то же время в документе делался чрезмерный упор на возможность прихода пролетариата к власти при условии, что буржуазия будет уважать существующие политические права и расширит их, введя всеобщее избирательное право[3].

В речи на съезде Х. Б. Хусто сказал: «Социалистическая партия — это прежде всего партия трудящихся, пролетариев, тех, кто не владеет ничем, кроме своей рабочей силы. Тем не менее двери партии широко открыты для лиц из других классов, которые пожелают вступить в партию, подчиняя свои интересы интересам пролетарского класса. Важно подчеркнуть нашу независимость от любых инте-

[1] *L. Paso.* Op. cit., p. 482.
[2] *V. García Costa.* Alfredo Palacios. Buenos Aires, 1971, p. 23—24.
[3] Ibid., p. 23.

ресов капиталистов и мелкой буржуазии, хотя не следует думать, что во всех случаях и по всем вопросам они противоположны нашим... Мы начинаем на 30 лет позже, чем социалистические партии Европы. И так как мы начинаем наше дело позднее, мы должны начать лучше, используя весь опыт, уже накопленный всемирным рабочим движением». Хусто отметил, что подготовленный исполкомом проект устава выдержан в духе демократизма и равноправия всех членов партии[1].

В 1900 г. партия получила наименование Аргентинская социалистическая партия. В числе основателей были представители передовой интеллигенции Латинской Америки — Х. Инхеньерос, Л. Лугонес и Р. Дарио. На IV съезде партии (1901 г.) обсуждалась аграрная программа, в которую включили ближайшие требования сельских трудящихся (отмена специальных налогов на сельскохозяйственные продукты, введение прогрессивного прямого налога на земельную ренту, освобождение мелкой собственности от налогов, улучшение условий труда и жизненных условий сельскохозяйственных рабочих и т. д.). На V съезде (1903 г.) были представлены уже 1736 членов партии[2].

Аргентинские социалисты принимали активное участие в избирательных кампаниях 90-х годов. Лишь на выборах 1904 г. им удалось добиться успеха и провести в парламент социалиста — Альфредо Паласиоса. Когда вскоре полиция расстреляла первомайскую демонстрацию в столице (в ней участвовало 40 тыс. человек), Паласиос в палате депутатов разоблачил виновников этого преступления. Аргентинская социалистическая партия, сказал А. Паласиос,— «это классовая партия, поддерживающая требования рабочих, и, где бы рабочие ни протестовали против существования капиталистического строя, социалистическая партия поддержит этот протест»[3]. Благодаря инициативе Паласиоса был принят закон об обязательном воскресном отдыхе[4].

Социалистическая партия разоблачала антинародную политику правящей олигархии. «Наш высший класс,— заявляла она,— предал страну английскому капиталу и вкупе с ним беспощадно эксплуатирует ее, обильно орошая кровью»[5]. Отстаивая политическую независимость Аргентины, социалисты в то же время стремились воспитывать рабочих в духе интернационализма, выступали против попыток буржуазии заразить рабочее движение ядом национализма. Когда в 1898—1902 гг. была развязана шовинистическая кампания против Чили, на митингах, созванных Социалистической партией, разоблачалась гонка вооружений и провозглашалась братская солидарность с чилийскими трудящимися. Во время борьбы кубинского

[1] *D. Cúneo.* Op. cit., p. 148—149.
[2] *V. García Costa.* Op. cit., p. 45.
[3] Ibid., p. 47.
[4] Ibid., p. 76.
[5] *L. Paso.* Op. cit., p. 484.

народа против колониального гнета Испании партия выдвинула лозунг: «Да здравствует Куба!»

Аргентинские социалисты принимали деятельное участие почти во всех конгрессах II Интернационала. На Амстердамском конгрессе 1904 г. они представили доклад об эмиграции и иммиграции с протестами против преследований иммигрантов и призывом к интернациональной солидарности (в частности, они призывали рабочих Европы бойкотировать аргентинские суда в знак протеста против репрессий аргентинских властей, развязанных олигархическим правительством страны)[1]. Со времени учреждения Международного социалистического бюро в 1900 г. аргентинские социалисты имели в нем постоянного представителя[2].

Социалисты внесли большой вклад в развитие профсоюзного движения в Аргентине, борясь с раскольнической тактикой анархо-синдикалистов. Попытки создать профсоюзное объединение имели место в 1896 и 1900 гг., но не увенчались успехом. В 1901 г. была создана Аргентинская рабочая федерация как организация сопротивления. Это объединение, руководимое анархистами, признавало в качестве методов борьбы только бойкот и саботаж. В 1902 г. возник другой профсоюзный центр — Всеобщий союз трудящихся. Социалисты осудили раскол в профсоюзном движении.

Аргентинская социалистическая партия, воспринявшая лучшие традиции революционно-демократического движения страны и старавшаяся усвоить опыт европейского рабочего движения, внесла большой вклад в пробуждение классового самосознания рабочих Аргентины и их организацию, укрепление их интернациональных связей. Она многое сделала для распространения марксизма в Южной Америке и предприняла первые попытки подойти к действительности с позиций рабочего класса, научного социализма. Однако эклектизм ее теоретиков (Х. Б. Хусто безуспешно пытался соединить марксизм с позитивизмом) и усиление реформистских тенденций в руководстве партии помешали ей добиться серьезных результатов. В связи с этим анархисты и анархо-синдикалисты сумели увлечь значительную часть рабочих на путь «прямого действия». Сектантство анархистов не позволило пролетариату Аргентины стать во главе общедемократического движения. В организованных аргентинскими радикалами восстаниях 1890 и 1893 гг. рабочие не играли самостоятельной роли. Используя разобщенность общедемократического и рабочего движения, местная олигархия при содействии иностранного империализма наносила удары революционному движению в стране.

В Бразилии развитие рабочего движения тормозилось сохранением института рабства и соответствовавшей ему надстройки — империи. Но и в этих условиях рабочим и ремесленникам уда-

[1] «Bureau Socialiste International», vol. 1. Paris — La Haye, 1969, p. 147.
[2] Ibid., p. 25.

валось организоваться в союзы и общества взаимопомощи. В 1872—1900 гг. было официально зарегистрировано 19 таких обществ[1].

В 80-е годы происходят первые стачечные выступления рабочих. В 1890 г. железнодорожники после упорной забастовки завоевали право на пенсию за выслугу лет. В 1891 г. появились первые официальные декреты, регулирующие труд подростков на предприятиях Рио-де-Жанейро[2].

После поражения Парижской Коммуны в Бразилию эмигрировали некоторые ее участники, выдачи которых безуспешно добивалось правительство Тьера. Примерно в это же время сюда приехали немецкие рабочие — члены I Интернационала А. Вегман и П. Куллер, поддерживавшие переписку с Ф. Энгельсом. Присланные Энгельсом документы Международного Товарищества использовались как пропагандистские материалы для создания рабочих обществ[3]. При содействии Энгельса Вегман и Куллер установили контакты с Р. Вильмаром и аргентинской секцией I Интернационала.

Имя К. Маркса стало известно в Бразилии с начала 70-х годов, когда в связи с Парижской Коммуной бразильская пресса заговорила об Интернационале. Газета бразильской либеральной партии «А реформа» и издававшаяся на северо-востоке страны газета «О сейс де марсо» в конце 1871 г. поместили статьи, в которых отмечалась деятельность К. Маркса как руководителя Интернационала и ученого. Журнал «О эко американо» в номере от 29 февраля 1872 г. писал о К. Марксе — революционере, философе и мыслителе[4]. В 80-х годах в Бразилии уже были известны философские труды К. Маркса и «Капитал». Об этом свидетельствуют сочинения Т. Баррето, И. Кунья и особенно бразильского писателя Э. да Кунья.

Основная политическая борьба в стране велась вокруг вопросов об отмене рабства и свержении монархии, в борьбе участвовали рабочие. Длившаяся долгое время, она завершилась в 1889 г. свержением монархии и провозглашением республики. В. И. Ленин отметил это как одно из важнейших событий всемирной истории конца XIX в.[5]

Республиканское правительство специальным декретом вынуждено было внести в уголовный кодекс поправку о признании за рабочими права на забастовку[6].

В 1892 г. в Рио-де-Жанейро состоялся социалистический съезд при участии 400 делегатов от разных штатов[7]. Созданная на съезде

[1] *L. Rodrigues.* Conflito industrial e sindicalismo no Brasil. São Paulo, 1966, p. 149.

[2] См. *Б. И. Коваль.* История бразильского пролетариата, стр. 67.

[3] См. «Первый Интернационал», ч. 2, стр. 567—568.

[4] «Etudes brasiliennes», Septembre 1974, p. 26.

[5] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 28, стр. 491.

[6] «Estudos Sociais» (Rio de Janeiro), 1962, N 12, p. 405.

[7] *A. Pereira.* Formação do Partido Comunista Brasileiro. Rio de Janeiro, 1962, p. 14; *R. Iscaro.* História del movimiento sindical, t. II. Buenos Aires, 1974, p. 40; «La Première Internationale», p. 426.

организация, назвавшая себя Социалистической рабочей партией, в 1893 г. направила Цюрихскому конгрессу II Интернационала отчет о работе, подписанный Ж. Винигером, А. Люксом, О. Бенедиксом и Н. Шнайдером[1]. На самом конгрессе эту партию представляли В. Либкнехт и рабочий Р. Зайдель, приехавший в Цюрих из Сан-Паулу[2].

Одним из первых бразильских марксистов был врач С. Фонтес, основавший в г. Сантос социалистический центр, газету «А кестон сосиал» и журнал пропагандистского характера[3]. С первого же номера газета «А кестон сосиал» объявила, что она будет придерживаться марксистского направления. С. Фонтес начал распространение среди бразильских рабочих португальского издания «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса[4].

Второй социалистический съезд (28 мая — 1 июня 1902 г.) состоялся в Сан-Паулу с участием 44 делегатов от рабочих организаций разных районов страны (Сан-Паулу, Пернамбуко, Баия, Минас-Жераис, Рио-де-Жанейро, Пара, Параиба и др.)[5]. Съезд принял программу действия, содержавшую ряд требований общедемократического и специфически пролетарского характера (в том числе признание законности забастовок, законодательное ограничение продолжительности рабочего дня и принятие других законов в защиту трудящихся, рабочих и крестьян, особенно в области здравоохранения, и прежде всего охраны здоровья женщин и детей, создание палат труда, профессиональных объединений и союзов сопротивления в целях улучшения положения рабочих). Съезд рекомендовал добиваться более активного участия рабочих в общественной жизни, в контроле над уплатой подоходных налогов, с тем чтобы облегчить налоговое бремя на малоимущих, бороться за завоевание власти на уровне муниципалитетов, штатов, всей федерации с целью превратить органы власти из орудия капиталистической эксплуатации в орудие ликвидации экономической и политической монополии господствующего класса.

Как указывалось в манифесте съезда, отредактированном комиссией под руководством С. Фонтеса и опубликованном в августе 1902 г. от имени Генерального совета Бразильской социалистической партии (таково было ее новое название), эти требования представляли собой программу-минимум[6].

Партия призывала рабочих широко использовать оружие стачечной борьбы. Общим требованием было увеличение зарплаты и

[1] *G. Haupt.* La Deuxième Internationale. Paris — La Haye, 1964, p. 148.

[2] «Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiter-Kongresses in der Tonhalle Zürich». Zürich, 1894, S. 55.

[3] *V. Chacon.* História dos idéias socialistas no Brasil. Rio de Janeiro, 1965, p. 226—227.

[4] *A. Pereira.* Op. cit., p. 15.

[5] *E. Dias.* História das lutas sociais no Brasil. São Paulo, 1962, p. 244—245.

[6] «Estudos Sociais», 1962, N 12, p. 415.

выплата ее в срок. В 1903 г. развернулись массовые стачки экономического характера, организованные рабочими лигами, профсоюзами и обществами сопротивления[1]. Одним из крупных выступлений бразильского пролетариата была всеобщая забастовка текстильщиков Рио-де-Жанейро в августе 1903 г., проходившая под лозунгом повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Стачка, руководимая столичной федерацией текстильщиков, продолжалась 20 дней, охватив до 40 тыс. рабочих. Однако жестокие репрессии властей и нерешительность лидеров федерации не позволили рабочим добиться успеха[2].

В 1903 г. произошли также забастовки печатников, обувщиков, кучеров (в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу). Некоторые из них оказались успешными (кое-где рабочий день был сокращен до 9,5 часа). В 1904 г. стачечное движение продолжало нарастать. Оно охватывало столицу и штаты Сан-Паулу, Баия и Рио-Гранде-до-сул[3].

В обстановке подъема стачечной волны в 1903—1904 гг. во многих городах Бразилии стали создаваться социалистические кружки и интернациональные клубы трудящихся (в Сан-Жозе-до-Рио-Пардо среди основателей такого кружка был Э. да Кунья). Эти организации и органы рабочей печати развернули кампанию солидарности с русскими революционерами, жертвами царского режима. Так, 7 августа 1904 г. в Сан-Паулу состоялся 5-тысячный митинг протеста против репрессий царизма. В митинге приняли участие делегации от рабочих организаций других городов, а также итальянские, аргентинские и уругвайские иммигранты[4].

Подъем рабочего движения и распространение социалистических идей встревожили правящую олигархию. Как и в Аргентине, она пыталась расколоть рабочее движение, играя на националистических чувствах. В сентябре 1903 г. палата депутатов Бразилии приняла первый закон о высылке «нежелательных иностранцев», чтобы обеспечить «национальную безопасность и общественное спокойствие». В 1904 г. был принят еще один закон подобного рода. Одновременно правительство развернуло волну репрессий против рабочих организаций. Против стачечников бросали войска, расстреливали участников рабочих митингов, руководителей забастовок ссылали на территорию Акре, где их превращали в рабов на каучуковых плантациях.

В Мексике победа движения за реформу в 60-х годах, в котором активное участие принимали ремесленники и рабочие, позволила им сделать первые шаги в деле организации. Однако гражданская война и интервенция Англии, Франции и Испании затормозили процесс выделения рабочего движения из общедемократического. Хотя

[1] «Estudos Sociais», 1958, N 2, p. 215.
[2] *E. Dias.* Op. cit., p. 219.
[3] «Estudos Sociais», 1963, N 18, p. 195—196.
[4] *E. Dias.* Op. cit., p. 247—248.

ремесленники и рабочие отважно сражались за торжество дела республики, буржуазное правительство постаралось сдержать нарождающееся рабочее движение и поставить его под свой контроль, сочетая репрессии с некоторыми патерналистскими мероприятиями. Участие в забастовках каралось продолжительным тюремным заключением и крупным штрафом, как и создание ассоциаций в целях повышения зарплаты. Разрешалось только основывать общества взаимопомощи и страховые кассы. Правительства Хуареса и Лердо де Техады даже поддерживали подобные организации материально.

16 сентября 1872 г. был основан «Круг рабочих Мехико», который в 1874 г. принял наименование «Великий». В 1876 г. эта организация уже насчитывала более 8 тыс. членов и выступила с инициативой созыва рабочего съезда. Первый рабочий конгресс открылся в Мехико 6 марта 1876 г. при участии делегаций из разных районов страны (35 отделений)[1]. На этом конгрессе (а также на втором конгрессе в 1880 г.) преобладали сторонники мютюализма, но участвовали также социалисты и анархисты. В принятом манифесте содержались ближайшие требования трудящихся (введение минимума заработной платы по штатам и отраслям хозяйства, признание права на забастовку, обеспечение доступа к образованию, улучшение положения работниц и т. д.).

В конце 1871 г. члены I Интернационала, находившиеся в Сан-Франциско, сообщили К. Марксу о своих планах содействовать организации секции Товарищества в Мексике[2]. Аналогичную попытку предприняли испанские секции Интернационала. Спустя год рабочие организации Мексики установили связь с Генеральным Советом, находившимся в Нью-Йорке. Именно эта группа мексиканских социалистов подготовила в дальнейшем условия для создания социалистической партии Мексики.

В 70-х годах в Мексике распространялись «Капитал» К. Маркса, статьи и брошюры П. Лафарга, Ж. Геда. Газета «Эль сосиалиста» писала в 1877 г. «Тщетно прислужники богачей стараются доказать, что в Мексике социализм является экзотическим растением, которое невозможно акклиматизировать... Социализм в Мексике — не экзотическое растение, он живет в этом климате, климате чудовищной нищеты, в которую слепая жадность богатых ввергла рабочие классы»[3]. 3 июня 1884 г. газета полностью опубликовала «Манифест Коммунистической партии».

Несмотря на запреты и репрессии, рабочие в первой половине 70-х годов успешно провели и выиграли несколько стачечных боев.

[1] *G. Garcia Cantú.* El socialismo en México. Siglo XIX. México, 1969, p. 199.
[2] См. «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1871—1872. Протоколы», стр. 380.
[3] Цит. по: *G. Garcia Cantú.* Op. cit., p. 103.

После прихода к власти в 1876 г. диктатора П. Диаса рабочее движение вначале идет на убыль. Руководство «Великим кругом» захватили правительственные агенты, и он раскололся. Профессиональные организации подвергались жестоким репрессиям: активистов арестовывали и высылали из страны. С 80-х годов выступления мексиканских рабочих все более отчетливо направлены против диктатуры Диаса, которую поддерживал иностранный капитал.

В этих условиях рабочее движение Мексики оказалось весьма подверженным влиянию анархизма и анархо-синдикализма (этому, в частности, способствовало присутствие в стране многих испанских анархистов). Социалистическое течение, довольно сильное в 70-х годах, переживало длительный кризис, и гегемония в рабочем движении перешла к анархистам.

В Чили с 70-х годов количество обществ взаимопомощи быстро росло: в 1870 г. их насчитывалось 13, в 1880 г.— 39, в 1890 г.— 76, в 1900 г.— 150 (учитывались только официально признанные и зарегистрированные)[1].

Между 1884 и 1888 гг. в Чили произошло около 70 забастовок. В 1890 г. вспыхнула первая общенациональная забастовка, сопровождавшаяся демонстрациями с требованием повысить заработную плату. Местные власти бросили против демонстрантов войска: в Вальпараисо 50 человек были убиты, 500 ранены, в Сантьяго — ранено более 100 человек. В 1891—1900 гг. в стране было зарегистрировано более 300 трудовых конфликтов, многие из них также подавлялись вооруженной силой. В мае 1903 г. против бастующих портовых рабочих Вальпараисо были брошены войска и вновь были убитые и раненые[2]. Чилийская армия, натренированная на варварском истреблении индейского населения, отличалась невероятной жестокостью в подавлении выступлений трудящихся, которых рассматривала как «низшую расу».

Острота классовых битв настоятельно толкала трудящихся на создание своей политической организации. На основе союзов ремесленников и рабочих в 1887 г. возникла Демократическая партия, мелкобуржуазная по идеологии и политической ориентации, но в значительной степени пролетарская по своей социальной базе. В программе партии, принятой в 1889 г., говорилось, что социальное и экономическое освобождение неотделимо от политического[3]. Демократическая партия организовала митинги и стачки в защиту требований трудящихся. Когда в 1891 г. английские капиталисты и чилийская олигархия свергли Бальмаседу, эта партия выступила против олигархии и заняла патриотические позиции. Левое крыло во главе с рабочим Луисом Эмилио Рекабарреном постепенно переходило на

[1] *M. Poblete Troncoso, B. G. Burnett.* The Rise of Latin-American Labor Movement. New York, 1960, p. 58.
[2] *R. Iscaro.* História del movimiento sindical, t. II, p. 82.
[3] *L. E. Recabarren.* Obras escogidas, t. I. Santiago, 1965, p. 6.

позиции социализма[1]. Рекабаррен основал ряд периодических изданий, отстаивавших интересы пролетариата.

В 90-х годах было предпринято несколько попыток создать самостоятельную социалистическую партию. Активным пропагандистом этого, убежденным сторонником марксизма являлся Л. Олеа. В 1902 г. в Вальпараисо состоялся социальный рабочий конгресс с участием Л. Э. Рекабаррена (192 делегата представляли здесь более 20 тыс. организованных трудящихся)[2], а в мае 1904 г.— конвент профсоюзов Чили в Сантьяго. Но основанию политической партии пролетариата мешало преобладание анархизма и анархо-синдикализма в рабочем движении Чили.

Во время кампании, развязанной чилийской олигархией против аргентинского народа в 1902 г., чилийские социалисты дали достойный отпор шовинистам, организовали митинги солидарности с аргентинским рабочим классом, разоблачили милитаристскую политику правителей Чили[3].

В Уругвае в 1870 г. было создано общество печатников. Возникли аналогичные организации и в ряде других профессий. Но только в 1885 г. оказалось возможным объединить эти союзы в местную федерацию трудящихся Уругвая. В 1896 г. состоялся первый общенациональный конгресс рабочих, тогда же в Монтевидео был создан Рабочий социалистический центр, который вел активную пропаганду марксизма[4].

В Перу положение трудящихся после поражения в Тихоокеанской войне и в связи с закабалением страны иностранным капиталом резко ухудшилось. В конце 70-х годов имели место выступления на плантациях хлопка и сахарного тростника, в 1883 г. вспыхнула забастовка печатников, в 1887 г.— булочников. Бастовавшие требовали повышения заработной платы и сокращения продолжительности рабочего дня до 9 часов. В 1892 г. бастовали табачники, в 1894 г.— портовые рабочие, в 1896 г.— текстильщики[5].

В 1904 г. снова бастовали портовые рабочие. Их стачка длилась 15 дней, а затем в ответ на нападение жандармов развернулась всеобщая забастовка, охватившая всю столичную зону Лима-Кальдо. Жандармы убили одного стачечника и многих арестовали, тем не менее рабочие добились явной победы: зарплата им была повышена на 20%. Стачечные выступления содействовали созданию пролетар-

[1] См. *Э. Рамирес Некочеа.* История рабочего движения в Чили. М., 1961; *H. Ramirez Necochea.* Origen y formación del Partido Comunista de Chile. Santiago, 1965; *В. И. Ермолаев, Ю. Н. Королев.* Луис Рекабаррен — великий гражданин Чили. М., 1970.
[2] *R. Iscaro.* História del movimiento sindical, t. II, p. 83.
[3] «Bureau Socialiste International», vol. I, 1969, p. 69.
[4] См. «История Второго Интернационала», т. 1. М., 1965, стр. 356.
[5] *R. Mac Lean y Estenos.* Sociologia del Perú. México, 1959, p. 110—111.

ских организаций. Одной из них была Конфедерация ремесленников, руководство в которой захватили анархисты. Сложилось и социалистическое течение во главе с С. Хиральдо. В 1901 г. в Лиме состоялся первый рабочий конгресс. В его работе принял участие С. Хиральдо, но среди делегатов преобладали сторонники мютюализма. Была создана Ассамблея объединенных профсоюзов.

В Колумбии правительства либералов и консерваторов преследовали даже общества взаимопомощи (например, в 1890 г. такое общество рабочих, возникшее в Букараманге, по приказу губернатора было распущено [1]). Общества взаимопомощи, а также профсоюзы (портных и сапожников), возникавшие в 90-х годах и в начале XX в., могли существовать только в том случае, если пользовались поддержкой католической церкви.

В Венесуэле в конце XIX в. городские трудящиеся, работавшие по найму, составляли 19% самодеятельного населения. Они были заняты преимущественно в мануфактурной промышленности. В 1894—1895 гг. рабочие и ремесленники столицы провели демонстрации и митинги протеста против безработицы. В 1896 г. состоялся первый рабочий съезд, который выступил за улучшение материального положения рабочих, поощрение кооперативного движения и образование Народной партии. Вскоре под этим названием («Эль партидо популар») стала выходить газета, но сама партия тогда так и не была создана [2].

На Кубе выделение рабочего движения из общедемократического, национально-освободительного шло очень медленно, так как в отличие от остальных латиноамериканских стран Куба до конца XIX в. оставалась колонией, а затем фактически стала протекторатом США. Положение осложнялось еще и тем, что до конца 80-х годов на Кубе сохранялся институт рабства. На рабочее движение Кубы больше, чем какой-либо другой латиноамериканской страны, оказывало влияние испанское, а позднее — североамериканское рабочее движение. Многие рабочие, являясь уроженцами метрополии, участвовали там в классовых боях.

Подъем национально-освободительной борьбы, война 1868—1878 гг. и провозглашение первой республики на Кубе не могли не увлечь молодой кубинский пролетариат; он принял живейшее участие в этой борьбе, руководство которой взяли на себя обуржуазившиеся помещики (главным образом восточных районов). Среди патриотов начало выделяться революционно-демократическое направление, представители которого связывали идею национального освобождения с социальным освобождением народа.

Известное влияние на пробуждение рабочего движения на Кубе

[1] *M. Urrutia Montoya.* História del sindicalismo en Colombia. Bogota, 1969, p. 81.

[2] *E. S. Merkado.* Antecendes del movimiento obrero venizolano.— «Semestre historico» (Caracas), 1975, N 1, p. 133.

оказала Парижская Коммуна, о чем говорят распространявшиеся в стране нелегальные прокламации[1].

В 1887 г. в Гаване был созван первый рабочий конгресс, что свидетельствовало о росте политической зрелости кубинских пролетариев. Но его решения были выдержаны в анархистском духе[2]. В следующем году возник Рабочий альянс, находившийся под влиянием анархистов. В том же году был создан Рабочий союз, который придерживался соглашательского курса и шел на поводу буржуазной партии автономистов.

Признанным лидером кубинского рабочего класса того времени был Э. Роиг Сан-Мартин, проповедовавший идеи пролетарского интернационализма. В 1890 г. на Кубе впервые отмечалось 1 Мая как день международной пролетарской солидарности.

В январе 1892 г. собрался второй рабочий конгресс, в котором приняли участие более тысячи делегатов. Конгресс выработал программу требований, в числе которых были введение 8-часового рабочего дня, меры против расовой дискриминации, охрана труда женщин и подростков, уважение права рабочих на организацию. Левое крыло внесло резолюцию с требованием бороться за социализм — она была принята. В резолюции, в частности, говорилось: «Конгресс считает, что рабочий класс не достигнет освобождения до тех пор, пока не усвоит идеи революционного социализма»[3]. Выдвигалась и идея создания политической партии пролетариата. Так, видный деятель кубинского рабочего движения Д. В. Техера считал, что среди будущих политических партий Кубинской республики «должна фигурировать и независимая политическая партия рабочего класса»[4]. Он указывал, что усиление эксплуатации пролетариата связано с проникновением иностранного капитала, с захватом им природных богатств и подчинением экономики Латинской Америки, призывал к защите национальной независимости[5].

Рабочий конгресс 1892 г. заявил, что пролетариат должен участвовать в освободительной борьбе за независимость. «Было бы абсурдным,— говорилось в резолюции,— если бы человек, стремящийся к личной свободе, возражал против коллективной свободы целого народа, хотя бы свобода, к которой стремится этот народ, и была бы относительной свободой, поскольку она заключается в освобождении из-под опеки чужого народа»[6]. Принятие этой резолюции стало поводом для разгона конгресса колониальными властями.

[1] *C. del Toro.* El movimiento obrero cubano en 1914. La Habana, 1969, p. 46.
[2] См. *А. М. Зорина.* Рабочее движение на Кубе, стр. 74.
[3] *C. Baliño.* Verdades del socialismo. La Habana, 1971, p. 4.
[4] *D. V. Tejera.* Rasón de Cuba. La Habana, 1948, p. 37—38.
[5] *J. Rivero Muniz.* El primero partido socialista cubana. La Habana, 1962, p. 116.
[6] *А. М. Зорина.* Из героического прошлого кубинского народа. М., 1961, стр. 91—92.

В 1892 г. Хосе Марти создал Кубинскую революционную партию революционной демократии. В числе ее основателей находился и социалист К. Балиньо. Рабочие оказывали непосредственную помощь в издании центрального органа этой партии газеты «Патриа».

Лидеры кубинских рабочих К. Балиньо, Техера и другие приняли деятельное участие в подготовке национального вооруженного восстания 1895 г. против испанских колонизаторов. Рабочая печать призывала к усилению борьбы против господства Испании.

Война 1895—1898 гг., сокрушившая испанское господство на Кубе, явилась по существу национально-освободительной революцией, массовую базу которой составляли крестьяне, рабочие, ремесленники, а также городская мелкая буржуазия. Участие в этой революции рабочих и других трудящихся наложило глубоко демократический отпечаток на ее характер. Вместе с тем обнаружилась идейная и организационная слабость малочисленного и еще не сформировавшегося как класс пролетариата.

После оккупации Кубы в 1898 г. войсками США пролетарии развернули стачечные бои против оккупационных властей. В сентябре 1899 г. кубинские рабочие провели всеобщую забастовку, требуя введения 8-часового рабочего дня. В 1900 г. бастовали табачники, в 1902 г.— ученики и подмастерья провинции Гавана. Североамериканские власти бросали против стачечников войска, производили многочисленные аресты, но все же были вынуждены пойти на сокращение рабочего дня на коммунальных предприятиях до 9—10 часов. В 1899 г. Всеобщая лига трудящихся Кубы призвала рабочих бороться против аннексии страны Соединенными Штатами.

Классовое сознание рабочих росло. В начале 1899 г. группа социалистов приступила к созданию независимой политической рабочей партии[1]. Д. Техера предложил назвать ее Кубинской социалистической партией; однако просуществовала она короткое время. В 1900 г. под руководством Техеры возникла Народная партия (с 1901 г. стала называться Рабочей народной партией); но ее идейно-теоретические принципы нельзя назвать ни социалистическими, ни тем более марксистскими.

Только после вывода американских оккупационных войск Балиньо удалось в ноябре 1903 г. создать на Кубе первую марксистскую группу — Клуб социалистической пропаганды. В 1904 г. благодаря усилиям Балиньо была, наконец, основана Социалистическая рабочая партия острова Куба, установившая связь со II Интернационалом. Органом этой партии стала газета «Ла вос обрера».

На примере Кубы особенно наглядно видно, как колониальное положение тормозило превращение рабочего движения в самостоятельную политическую силу. Этим пользовалась кубинская буржуазия, чтобы подчинить рабочих своему идейно-политическому

[1] *J. Rivero Muniz.* El primero partido socialista cubana, p. 45.

воздействию. Влияние анархизма и анархо-синдикализма с их отрицанием политической борьбы объективно играло на руку как колониальной администрации, так и кубинской буржуазии.

* * *

На рубеже XIX и XX вв., с некоторым запозданием по сравнению с более развитыми регионами, рабочее движение континента выделяется из общедемократического. Распространение марксизма в рабочем движении приводит к созданию первых самостоятельных организаций и политических партий пролетариата, хотя во многих странах они носят еще характер кружков. Эти организации усваивают идеи научного социализма, разрабатывают свои программы, политическую линию и тактику с учетом опыта международного рабочего движения. В пробуждении сознательности латиноамериканских рабочих важную роль сыграл I Интернационал.

В более отсталых странах Средней и Южной Америки рабочее движение еще только делало первые шаги. Здесь оно носило мютюалистский характер, хотя кое-где уже начали появляться первые марксистские кружки. Рабочие ограничивались преимущественно экономическими выступлениями, в политической сфере шли за буржуазными или радикальными мелкобуржуазными партиями.

Преобладание мелкого производства, многочисленность ремесленного пролетариата, относительная молодость рабочего движения, большой удельный вес в нем иммигрантов из романских стран Южной Европы, с одной стороны, отсутствие в большинстве латиноамериканских стран буржуазно-демократических гражданских свобод, наличие тиранических режимов, открыто прибегавших к грубой силе для подавления выступлений рабочих — с другой, обусловили широкое распространение анархизма и анархо-синдикализма в Латинской Америке особенно в начале XX в. Это превращало латиноамериканский пролетариат в политический резерв мелкобуржуазных радикалов или даже буржуазных либералов, отвлекало его от политической борьбы.

Почти во всех латиноамериканских странах большой интерес к рабочему движению в конце XIX — начале XX в. проявила католическая церковь. Она формировала собственные рабочие кружки и профессиональные союзы с реформистской платформой, прямо противопоставляемой программам социалистов и анархистов.

Отсутствие в Латинской Америке слоя рабочей аристократии (следствие зависимого положения в мировой капиталистической системе и вытекавшего отсюда слабого развития экономики) ослабляло силы, стремившиеся к превращению социалистических партий в реформистские организации. Благодаря этому латиноамериканские социалисты и в своей идеологии и на практике, делая отдельные уступки оппортунистам, по основным вопросам стояли в целом на позициях классовой и антиимпериалистической борьбы.

Несмотря на раздробленность и слабую организованность, пролетариат Латинской Америки упорной борьбой вырвал у господствующих классов значительные уступки, заставил считаться со своими требованиями [1]. Большим достижением молодого рабочего класса и прогрессивных сил было, в частности, принятие законов о праве на организацию в Аргентине, Бразилии, Чили, Мексике, Колумбии и на Кубе [2] и некоторых других законов, облегчавших условия труда наемных рабочих.

Пролетариат Латинской Америки участвовал в борьбе с империалистической экспансией, ведя упорные классовые бои против иностранных компаний. Но ни социалистические организации, ни профсоюзные не выдвигали антиимпериалистических программ. Распространенные в среде пролетариата идеи анархизма мешали ему осознать свою роль в антиимпериалистическом движении.

В начале XX в. рабочий класс континента делал только первые шаги по пути организации, творческого усвоения международного революционного опыта и еще не был в состоянии возглавить борьбу народов за укрепление политического суверенитета, демократию, социальный прогресс, против иностранного империализма и местной олигархии.

АЗИЯ

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

В преддверии последней четверти XIX в. в Азии все еще безраздельно господствовали феодальные, а в ряде случаев даже дофеодальные отношения. Капиталистические державы, установив здесь свое колониальное и полуколониальное владычество, хотя и включили континент в систему мировых капиталистических связей, в то же время всячески старались законсервировать его экономическую, социальную и политическую отсталость. Формы и методы эксплуатации колоний и зависимых стран, сложившиеся в предшествовавшую эпоху, стали еще более изощренными.

Тем не менее капиталистические отношения, пусть в деформированном виде, прокладывали себе дорогу. Разрушалась натуральная структура земледелия и традиционное ремесленное производство, расширялась сфера товарно-денежных отношений, создавались условия для первоначального накопления и возникновения национального предпринимательства. Иначе говоря, разлагались социально-классовые структуры, характерные для феодализма. Эти процессы особенно обострились в связи с резко выросшими в последней

[1] *J. Cademaratori.* La Economica Chilena. Santiago de Chile, 1968, p. 68.
[2] *M. S. Poblete Troncoso.* El movimiento obrero latinoamericano. Mexico, 1946, p. 25—29.

трети XIX в. капиталовложениями метрополий в экономику азиатских стран. Вывоз капиталов становился главной формой их колониальной эксплуатации. Средства вкладывались главным образом в строительство железных дорог, а также шли на сооружение предприятий добывающей промышленности и фабрик по первичной обработке сельскохозяйственного сырья. То, что ранее было лишь подчиненным элементом господствовавшей торговой формы ограбления колоний, теперь становилось главным методом их экономической эксплуатации.

Характеризуя этот новый метод, В. И. Ленин подчеркивал существенные последствия его использования для угнетенных стран. Он писал, что прежде «колонии втягивались в обмен *товаров*, но еще не в капиталистическое *производство*. Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз *капитала*», в результате чего «капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии»[1].

Но, пересаживая на почву угнетенных стран капиталистическое производство, колонизаторы вместе с тем лишали его возможностей нормального развития. Прежде всего они всемерно поддерживали своих союзников и свою опору — местные феодальные классы и монархические режимы, оказывали им прямую военную и экономическую помощь в подавлении крестьянских и иных антифеодальных движений. Местное фабрично-заводское производство находилось в полной зависимости от поставок машин и другого оборудования из метрополий, причем национальная буржуазия, как правило, платила за иностранное оборудование такие цены, которые в несколько раз превышали его действительную стоимость. Это была своеобразная дань, которую местная буржуазия вынуждена была вносить колонизаторам за право заниматься предпринимательством. Иностранный капитал держал, таким образом, в своих руках могучие рычаги ограничения роста национальной промышленности.

Иностранные фабричные товары, легко преодолевая принудительно сниженные пошлинные барьеры, заполняли внутренний рынок угнетенных стран. Мало того, его частично также обслуживали построенные иностранцами предприятия. В результате национальная промышленность с первых дней своего существования сталкивалась с сильнейшей конкуренцией, которую при отсутствии государственной поддержки нередко не могла выдержать.

Тем не менее национальная промышленность развивалась, возникала местная буржуазия, не говоря уже о наемных рабочих, появившихся еще раньше на предприятиях иностранного капитала.

Национальная буржуазия, сложившаяся в колониальных условиях и потому весьма слабая, не могла осуществить буржуазных преобразований. Она в определенной степени приспосабливалась к обстановке колониального режима, но одновременно вела против

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 35.

него борьбу. Так возникал буржуазный национализм взамен постепенно уходящего, но еще не ушедшего феодального национализма.

Последняя треть XIX в. как раз и была периодом возникновения буржуазного по существу национально-освободительного движения, хотя иногда оно возглавлялось не местной буржуазией, а представителями феодальной интеллигенции и даже в иных местах — феодальными правителями. Национальная буржуазия стала создавать свои политические организации. Она выступала против колониализма и феодального абсолютизма, за ликвидацию всего, что мешало экономическому и политическому развитию по капиталистическому пути. Такие цели ставили перед собой, например, тайное Общество новых османов, возглавлявшее в 60—70-х годах турецкое конституционное движение, а позднее организация младотурок.

Сильное буржуазно-демократическое движение возникло в 70-х годах в Индии. Национальная буржуазия, добиваясь участия в управлении страной, вначале объединялась по провинциям, а в 1885 г. организовала всеиндийскую партию — Индийский национальный конгресс, который с этого времени возглавил освободительное движение в стране. Важным элементом наступившего после 1885 г. нового этапа борьбы против колониального господства было широко развернувшееся движение «свадеши», направленное против потребления иностранных товаров и в поддержку индийского промышленного производства [1].

Ярким примером освободительной борьбы под знаменем буржуазного национализма была Филиппинская революция против испанских колонизаторов (1896—1898 гг.). Вооруженное восстание было поднято тайной буржуазно-демократической организацией — Катипунан, ставшей потом массовым революционным объединением крестьян, городской бедноты, мелкой буржуазии и разночинной интеллигенции. Революция ознаменовалась провозглашением независимой республики (правда, она была недолговечной) с весьма демократической по тогдашним временам конституцией и реальными попытками решить земельный вопрос в пользу крестьян. Продолжением этой героической национально-освободительной эпопеи была революционная война филиппинцев в 1898—1901 гг. против новых колонизаторов — американских империалистов [2].

В странах Юго-Восточной Азии в последней трети века вооруженное сопротивление колониальной агрессии оказывали феодальные

[1] См. «Века неравной борьбы». М., 1967, стр. 197—203; «Новая история Индии». М., 1961, стр. 437, 456—476; *А. И. Левковский.* Начало массового общеиндийского национально-освободительного движения (движение свадеши).— «Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б. Г. Тилака». М., 1958, стр. 321, и др.

[2] См. *Г. И. Левинсон.* Филиппины на пути к независимости (1901—1946). М., 1972, стр. 49—52.

государства, защищавшие свою независимость. Если их правители шли на сделку с колонизаторами, сопротивление продолжалось под руководством народных вождей. Несколько десятилетий продолжалась активная партизанская война против английских захватчиков в Бирме, французских — во Вьетнаме, голландских — в Индонезии.

В эти же десятилетия неуклонно нарастала борьба крестьян и плебейских слоев города против иностранных поработителей в Китае. После поражения в войне с Японией в 1895 г. активизировалась молодая национальная буржуазия. Ее реформаторское крыло стремилось с помощью системы буржуазных реформ укрепить страну, спасти ее от нависшей угрозы окончательного порабощения и раздела между державами. Революционно-демократическое крыло национальной буржуазии, возглавляемое Сунь Ят-сеном, еще в 1894 г. объединилось в тайный Союз возрождения Китая (Синчжунхуэй). Входившие в него деятели считали главной задачей свержение маньчжурской династии Цинов и провозглашение республики. Они, как и реформаторы, вначале не ставили целью борьбу против империалистического проникновения, стремясь нейтрализовать крупные державы или даже привлечь их на свою сторону. Национальная буржуазия боялась народа; даже наиболее левые ее элементы надеялись обойтись без массового восстания, рассчитывая лишь на узкий круг заговорщиков.

Попытки реформаторов осуществить в 1898 г. через поддерживавшего их молодого императора Гуансюя ряд важных преобразований закончились безуспешно. Монархическая реакция во главе с вдовствующей императрицей Цы Си отменила важнейшие указы о реформах; некоторые реформаторы были казнены, а император арестован.

По-своему взялись за избавление страны от колониального гнета народные массы — крестьяне, ремесленники, лодочники, грузчики, мелкие торговцы, т. е. те, кто больше всего страдал от хозяйничанья иностранных держав в Китае. Антимиссионерские бунты, происходившие на протяжении многих лет в Шаньдуне, Чжили и других провинциях, вылились в мощное народное антиимпериалистическое восстание 1899—1900 гг.[1], охватившее северные районы страны. Восставшие, возглавляемые тайным религиозно-мистическим обществом «Ихэцюань», требовали уничтожения и изгнания из страны «заморских дьяволов», разрушали здания, принадлежавшие иностранцам, уничтожали чужеземные новшества — паровозы и вагоны, железнодорожные пути и телеграфные столбы, ломали машины. Феодально-монархическое правительство, напуганное развитием событий, сперва поддерживало повстанцев и даже пыталось руководить ими, но, когда в августе 1900 г. сорокатысячная армия восьми дер-

[1] См. «История Китая с древнейших времен до наших дней». М., 1974, стр. 228—231.

жав, преодолев сопротивление повстанцев, вторглась в столицу, правительство Цы Си вступило в переговоры с империалистами и начало войну против своих вчерашних союзников. Оно подавило также выступление буржуазных революционеров, пытавшихся использовать обстановку, созданную народным восстанием, для свержения маньчжурской династии. Таким образом, правящие феодальные круги помогли империалистам завершить процесс превращения Китая в полуколонию.

Итак, важной чертой общественной жизни угнетенных стран Азии в последней трети XIX — начале XX в. являлась национально-освободительная борьба. Эта борьба происходила то в форме вооруженного сопротивления народов, отстаивавших еще не утраченную ими тогда независимость, то в форме антифеодальных и антиимпериалистических восстаний крестьян, ремесленников и городской бедноты или реформаторских, конституционных, антимонархических движений молодой национальной буржуазии в странах, уже превратившихся в колонии или полуколонии империализма. Составной частью национально-освободительной борьбы становилось движение наемных рабочих за свои права.

По экономическому уровню, достигнутому к началу XX в., страны Азии можно условно разделить на три группы. Первую составляли относительно более развитые государства — Индия, Китай, Турция и Филиппины. Здесь утверждение капитализма, формирование пролетариата продвинулись сравнительно далеко. Ко второй, наиболее многочисленной группе, занимавшей промежуточное положение, относились Иран, Индонезия, Цейлон, Таиланд, Индокитай, Корея, Сирия, Бирма и др. В остальных — Непале, Саудовской Аравии и др.— безраздельно господствовали феодальные и даже дофеодальные отношения.

Степень и форма зависимости этих стран от империализма были различны. Крупнейшей колонией британского империализма являлась Индия; к колониям относились также Индонезия, Вьетнам, Бирма, Цейлон и др. Полуколониями, но формально суверенными государствами являлись Китай, Турция, Иран, Афганистан, Корея и др. Фактически, однако, все они находились в большей или меньшей зависимости от империализма.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА

Появление первых отрядов пролетариата в колониальных и зависимых странах Азии связано с эксплуатацией колонизаторами природных ресурсов: добычей полезных ископаемых и созданием плантаций — чайных, каучуковых и др. В Индии, на Цейлоне, в Индокитае, Малайе, Индонезии, Ираке под плантации были заняты огромные

площади. В 1901 г. на чайных плантациях Индии работало 697 тыс. рабочих[1]. Большие массы их были сосредоточены на плантациях Цейлона. Для переработки сельскохозяйственного сырья колонизаторы строили во многих азиатских странах машинные предприятия, использовавшие наемный труд; создавались также предприятия коммунальной и легкой промышленности. Их продукция почти целиком шла на экспорт. Машинное капиталистическое производство, но отнюдь не производство самих машин было, таким образом, перенесено на почву угнетенных стран Азии извне, причем это происходило в условиях, когда их собственное промышленное развитие еще не достигло фабричной стадии и в лучшем случае находилось на стадии мануфактуры.

В Китае в 1894 г. действовало 101 иностранное предприятие — верфи, доки, шелкопрядильни, маслобойни, газовые заводы, мельницы, фабрики по переработке чая, щетины и пр. На них было занято примерно 40 тыс. рабочих[2]. Собственно китайская фабричная промышленность стала возникать с начала 60-х годов и была представлена лишь казенными военными заводами, которые создавались высокопоставленными сановниками императорского двора. В 1872 г. насчитывалось 11 казенных предприятий, к 1894 г. число их выросло до 19. Имелись также судоремонтные и судостроительные доки и верфи, крупная суконная фабрика и некоторые другие.

Частные предприятия начали появляться в Китае с конца 70-х годов. Но развитию частного предпринимательства мешали всевозможные ограничения, устанавливавшиеся феодально-помещичьим государством и вызванные также господствующим положением казенного, так называемого бюрократического капитала. В 1872—1893 гг. из общей суммы национальных капиталовложений в промышленность и транспорт, составившей 18,5 млн. юаней, на долю казенного, или бюрократического, капитала приходилось 15 млн. юаней[3]. Значительные препятствия частному капиталу создавало хозяйничанье колонизаторов. Тем не менее с 1872 по 1894 г. было основано 75 частных предприятий в обрабатывающей промышленности, на которых в 1894 г. работало 27 тыс. наемных рабочих[4]. В 1900 г. в стране уже действовало свыше 200 преимущественно мелких национальных предприятий капиталистического типа. В 1901—1904 гг. возникло еще 64 китайских предприятия[5]. Соответственно росла численность пролетариата. В 1904 г. в Китае насчитывалось при-

[1] См. *И. Хашимов, Л. Шапошникова.* К истории рабочего движения в Индии. Ташкент, 1961, стр. 24.
[2] См. *О. Е. Непомнин.* Экономическая история Китая (1864—1894 гг.). М., 1974, стр. 192; «История Китая с древнейших времен до наших дней», стр. 214.
[3] См. «Проблемы и противоречия индустриального развития КНР». М., 1974, стр. 16.
[4] См. *О. Е. Непомнин.* Указ. соч., стр. 196.
[5] См. «Новая история Китая», М., 1972, стр. 288, 465, 466.

мерно 200 тыс. фабрично-заводских рабочих, а с учетом транспортных и некоторых других категорий работников — около 250 тыс.[1]

Крупные отряды фабрично-заводского пролетариата Индии складывались прежде всего в текстильном производстве, а затем и в других отраслях легкой промышленности, преимущественный рост которой составлял характерную черту экономического развития всех колониальных и зависимых стран Азии. В основных центрах текстильного производства Индии — Бомбее, Калькутте, Мадрасе, Каппуре, Нагпуре — в 1874 г. существовало 27 хлопчатобумажных фабрик, а в 1895 г.—144. Примечательно, что это были довольно крупные предприятия — уже в 90-х годах на каждом работало по нескольку сот рабочих. Еще более крупные и лучше технически оснащенные фабрики создавались в джутовой промышленности. Даже на средних по размерам джутовых предприятиях было занято приблизительно по 3 тыс. рабочих.

Английский капитал контролировал в 1898 г. все джутовые фабрики Индии, но бóльшая часть хлопчатобумажных принадлежала национальной буржуазии. В остальных отраслях (мукомольной, маслобойной, рисо- и хлопкоочистительной, шерстоткацкой, сахарной) англичане владели $^3/_4$ всех капиталовложений. Такой же была их доля и в плантационном хозяйстве[2]. В 1904 г. в стране насчитывалось в общей сложности 1449 фабрик, на которых работали 632 636 рабочих[3].

В середине века английский капитал стал интенсивно развивать добывающую промышленность. К началу XX в. в стране уже существовал ряд отраслей этой промышленности (добыча угля, нефти, железа, марганца и т. п.), в которых было занято 492 тыс. рабочих[4].

Первые отряды наемных рабочих появились и в других странах. В Малайе после установления английского господства возникла оловодобывающая и оловоплавильная промышленность. В 1885 г. Англия вывезла из страны 18 тыс. т олова, а в 1904 г.— уже почти 52 тыс. т[5]. В начале века Малайя начала производить каучук (в 1905 г.—145 т) и вскоре стала главным его поставщиком на мировом рынке[6].

В Турции уже в 60—70-х годах существовали крупные текстильные мануфактуры, а также единичные предприятия заводского

[1] Расчет произведен О. Е. Непомниным на основании китайских источников.

[2] См. «Новая история Индии», стр. 336.

[3] См. *И. Хашимов, Л. Шапошникова.* Указ. соч., стр. 10—13.

[4] См. *А. А. Бенедиктов.* Развитие добывающей капиталистической промышленности Индии в новое время (1870—1920). Душанбе, 1963, стр. 477, 481.

[5] См. «Английский империализм в Малайе». М.—Л., 1927, стр. 38.

[6] См. *В. С. Руднев.* Очерки новейшей истории Малайи. 1918—1957. М., 1959, стр. 13.

типа, главным образом по производству оружия и обмундирования для армии, иногда с числом рабочих до 3 тыс. человек[1]. Кроме того, к 1870 г. существовали суконная и бумажная фабрики в Измире, фабрика головных уборов и завод по производству оливкового масла в Стамбуле, фарфоровый завод в Бейкозе, войлочная фабрика в Балыкесире, фабрики по изготовлению шелковой пряжи в Бурсе, ткацкая фабрика в Исмаиле[2]. В 80-х годах иностранный капитал захватил всю добывающую промышленность страны, производство ковров, основал крупные пищевые предприятия, отдельные судостроительные и судоремонтные заводы, коммунальные предприятия (газовые заводы, электростанции, трамвай). Увеличилось число наемных рабочих, стали появляться небольшие отряды промышленного пролетариата[3].

Первые механизированные предприятия в Б и р м е были созданы в середине XIX в.— рисоочистительные фабрики, лесопилки и небольшие судостроительные мастерские. К 90-м годам колонизаторы расширили эксплуатацию природных ресурсов страны, приступив к разработке рудных запасов, добыче нефти, строительству нефтеочистительных, несколько позднее и хлопкоочистительных заводов. Появились каналы, новые пристани, доки[4].

В конце XIX в. французский империализм приступил к инвестированию промышленного капитала во В ь е т н а м. Средства вкладывались в разработку каменного угля и олова, строительство текстильных и бумажных фабрик, рисоочистительных фабрик, лесопильных и цементных заводов, сооружение железных дорог. Общая численность вьетнамских промышленных рабочих достигла в 1905 г. 17 тыс. человек, занятых по преимуществу на предприятиях иностранного капитала. Численность рабочих на национальных предприятиях была еще очень незначительной.

Расширение производства потребовало создания средств транспорта и коммуникаций не только для обеспечения постоянной и надежной связи между портами и районами производства сырья, но и для освоения новых территорий и отраслей хозяйства. В последней трети XIX в. в Китае, Индонезии, Корее, Бирме, на Филиппинах, в Турции и Таиланде, в некоторых арабских странах началось интенсивное строительство железных дорог и портов, что привело к росту пролетариата: в него влилось значительное количество железнодорожников, портовиков, грузчиков. В Индии, где железнодорожное строительство началось раньше, к 1871 г. было построено

[1] См. *Ю. А. Петросян.* Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1971, стр. 35, 143 и др.
[2] См. *А. А. Гусейнов.* Профсоюзы в Турции. М., 1975, стр. 7.
[3] См. *А. Д. Новичев.* Зарождение рабочего и социалистического движения в Турции.— «Ученые записки Ленинградского государственного университета», 1962, № 304, стр. 6.
[4] *V. Thompson.* Labour Problems in South-East Asia. London, 1947, p. 26—27.

5 тыс. миль железных дорог, а к 1901 г.— уже более 25 тыс. миль[1]. В 1895 г. на железных дорогах было занято 281 тыс. рабочих[2]. В Бирме за 1877—1900 гг. появилось около 2500 км железных дорог[3].

В конце века империалистические державы начали вырывать концессии на сооружение железных дорог у Китая. С 1877 по 1894 г. в стране было построено около 365 км железных дорог, а с 1895 по 1904 г.— уже свыше 3 тыс. км[4]. В дальнейшем сооружение железнодорожных магистралей велось еще более быстрыми темпами. Рос и железнодорожный пролетариат.

Приведенные данные, хотя они и неполны, позволяют констатировать, что в последней трети XIX — начале XX в. в угнетенных странах, втянутых в мировое капиталистическое хозяйство, прежде всего в Индии и Китае, продолжалось формирование фабрично-заводского пролетариата (на строительстве и эксплуатации железных дорог, преимущественно же в легкой, особенно текстильной промышленности). Но в то же время в этих странах имелись несравненно более многочисленные отряды наемных рабочих, занятых в ремесленных мастерских и мануфактурах.

В связи с тем что иностранный капитал всячески препятствовал развитию в колониальных и зависимых странах тяжелой промышленности, здесь почти отсутствовали или были крайне малочисленны такие категории рабочих, как металлурги, энергетики и т. п. В Китае они в небольшом числе появились только в конце XIX в. на казенном сталелитейном заводе в Ханьяне, где было занято 3 тыс. человек, в Индии — в начале XX в. на еще более крупном металлургическом комбинате, построенном семейством Тата. Таким образом, начало развитию тяжелой промышленности в странах Азии вопреки противодействию колонизаторов положил не иностранный, а национальный капитал — государственный (Китай) или частный (Индия).

Для стран промежуточной группы были в основном характерны мелкие предприятия мануфактурного типа. Типичным для этих стран было положение в Сирии и Ливане. В результате большого притока иностранных промышленных товаров традиционные ремесла переживали здесь упадок. Известную устойчивость сохранили лишь те отрасли, которые были связаны с изготовлением предметов домашнего обихода; наиболее распространена была прос-

[1] *R. K. Datt.* The Economic History of India in the Victorian Age. London, 1906, p. 548; «Asiatic Review», 1916, vol. IX, N 26, p. 183.

[2] «Statistical Abstract for British India» N 39. London, 1913, p. 138.

[3] См. *А. С. Кауфман.* Рабочий класс и национально-освободительное движение в Бирме. М., 1961, стр. 21.

[4] Расчеты сделаны на основании материалов, приведенных в книге «История экономического развития Китая 1840—1948». М., 1958, стр. 170, 171, 175, 176.

тая кооперация и зачаточная мануфактура. Для снабжения французской текстильной промышленности шелком-сырцом в Сирии и Ливане были созданы мелкие сезонные шелкомотальные и шелкопрядильные предприятия мануфактурного типа. Например, в Ливане с 1861 по 1880 г. число подобных шелкопрядилен увеличилось с 4 до 60; на них было занято 5200 рабочих.

В конце XIX — начале XX в. французские капиталисты начали финансировать строительство коммунальных и транспортных объектов. И тем не менее крупных предприятий фабрично-заводского типа в Сирии и Ливане почти не было[1].

Мелкие предприятия были характерны и для Таиланда. Рисоочистительные фабрики с числом рабочих свыше 400 были большой редкостью[2].

Таким образом, бо́льшая часть армии наемного труда в наиболее развитых странах Азии и почти вся — в промежуточной группе стран состояла в рассматриваемое время из рабочих мелких мануфактурно-ремесленных предприятий. По уровню сознания, образу жизни и интересам они стояли гораздо ближе к ремесленникам, чем к пролетариату.

В колониальных и зависимых странах Азии существовала огромная резервная армия труда, которая пополнялась за счет разорявшихся крестьян и ремесленников, чье обнищание значительно ускорилось в результате вторжения иностранного капитала. Выброшенные из сельскохозяйственного и ремесленного производства, люди концентрировались в городах, составляя так называемое избыточное население. Лишь небольшой части этих обездоленных удавалось получить работу на фабриках и заводах или на мелких и мельчайших предприятиях мануфактурного и ремесленного типа, другие изнемогали от нечеловеческого труда на плантациях, третьи опускались до уровня пауперов и люмпенов, пополняя ряды кули-рикш, носильщиков, лодочников, бурлаков.

Одна из важнейших особенностей формирования промышленного пролетариата наиболее развитых стран Азии заключалась в его относительно высокой географической, а также производственной концентрации. Это было вызвано проникновением иностранного капитала сперва в ограниченное число прибрежных городов (морских и речных) и строительством в них наряду с массой мелких производств известного числа крупных предприятий. В частности, в Индии основная масса промышленных рабочих была сконцентрирована в нескольких крупнейших городах, расположенных преимущественно на морском побережье,— Бомбее, Калькутте и Мадрасе, а также Ахмадабаде, Каннуре и Нагпуре. В Бомбейском президентстве,

[1] См. *В. И. Киселев.* К истории формирования пролетариата в некоторых странах Арабского Востока.— «Арабские страны: история». М., 1963, стр. 10—11.

[2] См. *Н. В. Ребрикова.* Очерки новой истории Таиланда (1768—1917). М., 1966, стр. 188.

например, к 1903—1904 гг. было расположено 69% всех хлопчатобумажных фабрик страны и там соответственно находилась бóльшая часть рабочих этой отрасли. В Китае крупнейшими центрами сосредоточения пролетариата были Шанхай и район Уханя, Сянган (Гонконг) и Гуаньчжоу (Кантон), а также центральные города провинций Хунань, Шаньдун и Чжили. В Турции большинство предприятий было расположено в Стамбуле и его окрестностях[1]. Центрами концентрации пролетариата на Филиппинах была Манила, в Индонезии — резидентства Батавия, Семаранг и Сурабайя. В столице Таиланда Бангкоке уже в конце XIX в. сосредоточилась бóльшая часть всей промышленности и рабочих.

Доля рабочего класса в населении подавляющего большинства колониальных и зависимых стран была мала, менее 1% (в Китае, например, всего лишь 0,5%), лишь в Малайе и на Цейлоне процент был выше. Но удельный вес пролетариата в местах его сосредоточения был относительно велик. Так, в Шанхае было занято на производстве 300 тыс. рабочих, составлявших 20% населения города. Большая производственная концентрация промышленного пролетариата наблюдалась также в Индии, Индонезии и некоторых других странах. На текстильных фабриках Бомбея в 1890 г. было занято 100 тыс. человек (более 700 на одном предприятии)[2]. В Индонезии на двух фабриках по обработке соли работало 2800 человек, а на некоторых сахарных заводах Явы — по 2 тыс.[3]

Относительно высокая степень концентрации пролетариата облегчала становление коллективных форм его борьбы, повышала ее эффективность и в некоторой мере компенсировала общую малочисленность наемных рабочих.

Характерной чертой формировавшегося пролетариата было значительное преобладание в нем неквалифицированных или малоквалифицированных работников. Это обусловливалось низким техническим и культурным уровнем крестьянства и ремесленников, являвшихся главным и все растущим источником формирования рабочего класса. Квалифицированную работу на предприятиях иностранного капитала выполняли рабочие, приезжавшие из метрополий или других капиталистических стран. Многие из европейских рабочих привносили в новую среду опыт и навыки развитых форм рабочего движения, чем способствовали повышению классового и организационного уровня борьбы местного пролетариата. Но в то же время привилегированное положение приезжих, по существу являвшихся рабочей аристократией, неизмеримо бóльшая, чем у местных рабочих, заработная плата, более высокая трудовая квалификация делали их в глазах азиатских

[1] См. *А. Д. Новичев.* Очерки экономики Турции до мировой войны. М.— Л., 1937, стр. 110.

[2] См. *И. Хашимов, Л. Шапошникова.* Указ. соч., стр. 10.

[3] См. *А. Б. Беленький.* Национальное пробуждение Индонезии. М., 1965, стр. 31.

тружеников составной частью чужеземных угнетателей, затрудняя таким образом установление единства пролетариев.

Особенностью рабочего класса зависимых и колониальных стран Азии была его большая разноплеменность, разноязыкость и многонациональность. Причина этого явления в особой неравномерности развития этих стран и даже разных частей одной и той же страны.

Промышленные центры, вызванные к жизни вторжением иностранного капитала, обычно не совпадали со старинными очагами ремесленного производства. Поэтому в большинстве новых районов вначале не только было мало рабочих рук, но и полностью отсутствовали рабочие, обладавшие хотя бы минимальной технической квалификацией. Естественно, что их также приходилось везти издалека, даже из других стран, из районов, где мануфактурное производство было развито ранее и где его разорение создавало резервы рабочих рук требующихся специальностей. Так, для чайных плантаций Индии, располагавшихся в Ассаме и Майсуре, контрактация рабочих производилась в Орриссе, Бихаре, Соединенных провинциях и др. В Бенгалии на джутовых фабриках бенгальцы были в меньшинстве. На Цейлоне и в Бирме большинство рабочих составляли индийцы, в Малайе и Индонезии — китайцы. Рабочий класс Таиланда формировался почти исключительно из китайцев, гонимых нищетой и голодом на чужбину. В 90-х годах в Сиам ежегодно прибывало 17,6 тыс. китайцев [1].

Разноплеменность пролетариата и отчужденность от местного населения замедляли процесс его классовой консолидации и препятствовали активному участию в общественной жизни страны.

Существовали, конечно, и такие районы, где процесс разложения натурального хозяйства зашел далеко и где поэтому рабочий класс формировался в основном за счет местного населения. В таких городах, как Мадрас, Бомбей, Ахмадабад или Шанхай и Кантон, большинство рабочих составляли разорившиеся крестьяне близлежащих сельскохозяйственных районов. Аналогичное положение сложилось на Филиппинах и в некоторых других странах.

условия жизни и труда

Положение рабочих в азиатских странах определялось господством чужеземного капитала, широким распространением наиболее грубых форм гнета, значительно превосходившим все европейские «нормы» эксплуатации эпохи первоначального накопления. Невиданной степени эксплуатации способствовали также извечная и страшная нищета народных масс, крайне низкий уровень жизненных потребностей, огромное превышение предложений рабочих рук над спросом на них. Колониальные и полуколониальные режимы пре-

[1] См. *Н. В. Ребрикова*. Указ. соч., стр. 186.

пятствовали зарождению политических и профессиональных организаций пролетариата, его классовому пробуждению. Колонизаторы подвергали жестоким репрессиям наиболее сознательных рабочих. Долгое время пролетариат был неспособен преодолеть преграды, которые ставились рабочему движению, а также социально-психологические барьеры, сложившиеся в рамках местного общества.

Как иностранная, так и местная буржуазия максимально увеличивали продолжительность рабочего дня. Для последней это было одним из средств, с помощью которых она надеялась выдержать конкурентную борьбу с промышленностью развитых стран капитализма. Как правило, пределы рабочего дня, особенно на мелких предприятиях и сезонных работах, определялись дневным временем. С появлением электрического освещения предприниматели еще более удлинили рабочий день и нередко доводили его до 14—16 часов в сутки[1]. Так было, например, в Индии. В Бирме рабочая неделя составляла 80 часов[2]. Повсюду рабочие были почти полностью лишены дней отдыха. Лишь два-три раза в год, во время больших традиционных праздников, предоставлялось несколько свободных дней.

В колониальных странах продажа рабочей силы осуществлялась по цене значительно меньшей, чем стоимость ее воспроизводства, крайне низкая здесь. Реальная заработная плата рабочих, даже в крупных городах наиболее развитых стран Азии (скажем, в Бомбее), была гораздо ниже половины прожиточного минимума. Следствием была высокая смертность и короткая продолжительность жизни. 30—40% всего рабочего класса в Китае составляли женщины[3]. Еще более широко использовался женский труд в Индонезии, где его доля в промышленности достигла $^2/_3$[4]. Но массовое вовлечение в армию наемного труда женщин и детей отнюдь не улучшало положение рабочих. Семья могла питаться только один-два раза в день, и, как правило, продуктами самого низкого качества. Средств на приобретение одежды не хватало.

На производстве отсутствовала самая элементарная техника безопасности, что вызывало обилие несчастных случаев, кончавшихся гибелью или инвалидностью рабочего. Свирепствовали профессиональные болезни, против которых не принималось никаких мер профилактики и лечения.

Пролетариат испытывал тяжелейшую жилищную нужду. Постоянный избыток рабочих рук снимал с предпринимателей заботу об обеспечении «своих» подопечных жильем. Лишь в редких случаях,

[1] «Report of the Indian Factory Labour Commission», vol. I. London, 1908, p. 6—7.

[2] *U Ba Swe.* Workers Struggles in Burma. Rangoon, 1951, p. 2.

[3] См. «Первый китайский ежегодник труда». Пекин, 1928, стр. 548—549 (на кит. яз.).

[4] См. *Е. П. Заказникова.* Рабочий класс и национально-освободительное движение в Индонезии. М., 1971, стр. 14.

когда надо было сохранить на предприятиях квалифицированных рабочих, капиталисты занимались жилищным строительством. Как правило, в одной комнате проживало несколько семей или большая группа одиноких рабочих. Широкое распространение получили общежития казарменного типа, где перенаселенность дополнялась полным отсутствием элементарных санитарно-бытовых удобств. В Бомбее около 30% рабочих проживало в жалких лачугах, скорее напоминавших собачьи конуры, чем человеческое жилье. Скопление таких лачуг являлось характерной чертой пригородов и рабочих районов в промышленных центрах азиатских стран[1].

Положение пролетариата значительно ухудшалось из-за существования контрактной системы найма через подрядчика, выступавшего в качестве посредника между рабочим и предпринимателем. Эти посредники вербовали рабочих в основном среди земляков, нередко предоставляли им дом и стол, производили за них все расчеты с фабрикантом, в частности получали их зарплату и вычитали из нее в свою пользу огромный процент (иногда свыше 50) за «услуги». Те же посредники выступали обычно и в роли ростовщиков, предоставляя рабочим ссуду при переезде к месту работы и в других случаях. Многие оказывались, таким образом, в безысходной кабале у своих «благодетелей».

Основная масса рабочих продолжала сохранять устойчивую хозяйственную связь с деревней (нередки были случаи, когда в сезон сельскохозяйственных работ фабрики закрывались). Крестьянин или ремесленник, нанимаясь на фабрику, рассматривал работу там как временное занятие и по истечении определенного срока возвращался к сельскому труду. В результате персонал многих предприятий за несколько лет обновлялся почти полностью. Это крайне замедляло классовое самоопределение пролетариата, способствовало устойчивости мелкобуржуазной психологии, вековых обычаев и предрассудков.

РАЗВИТИЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Свои первые шаги рабочее движение в странах Азии делало в специфических условиях колониального режима. Иностранное господство наложило глубокий отпечаток на социальную психологию угнетенных народов, развило в них чувство приниженности, ощущение незыблемости колониального гнета и тщетности попыток изменить существующее положение. Преодоление этого «психологического барьера» требовало длительного времени. Общественное сознание рабочих в значительной степени ограничивалось пониманием не социальных, а лишь традиционных общностей, таких, как национальная, рели-

[1] «Report of the Textile Factory Labour Committee». London, 1907, p. 7; *V. K. Gauwardena.* The Rise of the Labour Movement in Ceylon. Durban, 1972, p. 11.

гиозная, кастовая, племенная или земляческая. Обстановка чужеземного господства усиливала чувство национальной общности, что затрудняло классовое прозрение пролетариата и развитие его самостоятельного движения.

Рабочее движение зарождалось одновременно с подъемом национально-освободительной борьбы, являлось ее составной частью и особенно активизировалось в периоды подъема антиимпериалистических выступлений. То обстоятельство, что рабочие бастовали не только на предприятиях иностранного капитала, но и на фабриках и промыслах местной буржуазии, не лишало их борьбу антиимпериалистического содержания. Даже стихийные, чисто экономические стачки рабочих на предприятиях местных предпринимателей объективно вынуждали национальную буржуазию усиливать давление на колонизаторов, активнее развертывать национально-освободительное движение.

Первые социальные конфликты между трудом и капиталом выражались в протестах против штрафов и наказаний, против произвола и самоуправства управляющих или хозяина. Нередки были случаи, когда рабочие в отчаянии убивали надсмотрщиков, а иногда и самого владельца предприятия.

Одной из начальных форм борьбы с предпринимателями были составление и подача петиций. Эта форма протеста получила распространение в Индии, Турции и в некоторых других странах[1]. Подавая петицию, рабочие «ощупью» подходили к пониманию того, что им нужно сплотиться для защиты своих интересов, но все же надеялись на то, что хозяин способен понять и признать справедливость их требований. Постепенно, однако, они убеждались в тщетности этих надежд и от петиционных методов стали переходить к чисто пролетарской форме борьбы — стачкам.

В Турции первая крупная забастовка произошла в конце января 1872 г., когда 500—600 рабочих Стамбульского морского арсенала оставили работу, протестуя против длительной задержки выплаты заработной платы и добиваясь широкого оповещения общественности столицы об их бедственном положении. Всего в 1872 г. в Турции произошло пять стачек, в том числе рабочих телеграфа Бейоглу, железнодорожников Измира и линии Омерли — Ярымбургаз. Есть данные, что турецкие пролетарии были участниками массовой демонстрации 1876 г. с требованием провозглашения конституции. С 1872 по 1880 г. (включительно) в Турции состоялась 21 забастовка, а за период с 1881 по 1906 г.— только четыре забастовки. Такой резкий спад забастовочного движения объяснялся установлением деспотического режима Абдул-Хамида II, жестоко

[1] *L. P. Sinha.* The Left Wing in India (1919—1947). Muzaffar Pur, 1965, p. 14; *А. Д. Новичев.* Зарождение рабочего и социалистического движения в Турции.— «Ученые записки ЛГУ» 1962, № 304, стр. 4.

подавлявшего любое проявление революционной борьбы и прогрессивной мысли[1].

В конце 70-х годов забастовки начались в Индии. Первым поднялся на борьбу фабрично-заводской пролетариат — текстильщики Бомбея и Бомбейского промышленного района. В 1877 г. из-за сокращения заработной платы оставили работу текстильщики фабрики «Экспресс миллз» в Нагпуре. Неоднократно бастовали также железнодорожники, портовики, работники городского хозяйства, главным образом подметальщики улиц, принадлежавшие к касте неприкасаемых. Но это были одиночные акты чисто экономической, стихийной борьбы небольших пролетарских отрядов, обычно выступавших разрозненно и неорганизованно.

В 80-х годах борьба между трудом и капиталом продолжала развертываться в Индии. Один из рабочих лидеров Бомбея писал: «На каждой фабрике часто проводятся стачки. Основная причина — уменьшение зарплаты. Эти стачки иногда длятся до четырех дней». По сообщению главного фабричного инспектора Бомбея, в год на каждую фабрику приходилось по две забастовки[2]. Забастовки происходили не только в Бомбее, но и в других промышленных центрах страны — Мадрасе, Калькутте, Канпуре, Ахмадабаде.

В Китае с 1880 по 1895 г. произошло девять забастовок на крупнейших казенных предприятиях, таких, как Цзяннаньский арсенал, Ханьянский металлургический завод, Кайпинские угольные копи, а также на двух принадлежавших англичанам судостроительных и судоремонтных заводах («Е сун» и «Сян шэн»)[3].

В 90-х годах XIX в. число экономических забастовок постоянно растет. Только за 1898—1899 гг. в стране произошло 10 стачек[4]. В это время в Китае нарастало народное антиимпериалистическое восстание.

В большинстве случаев рабочие выступали против снижения заработной платы или требовали ее повышения. Из 72 забастовок, происшедших в Китае между 1895 и 1913 гг., в 22 рабочие добивались увеличения заработной платы, в 16 протестовали против различных способов ее снижения, а в остальных выступали против удлинения рабочего дня и ухудшения условий труда. Нередки были стачки, направленные против произвола хозяев, администрации, против их плохого обращения с рабочими. Хотя эти мотивы и перестали быть основными в стачечной борьбе конца XIX — начала XX в., однако еще сохранили немалое значение. Главным очагом стачечной борьбы в Китае были Шанхай и другие портовые города, но забастовки происходили и в таких отдаленных районах, как Сычуань или северо-

[1] См. *А. А. Гусейнов.* Указ. соч., стр. 8—9.

[2] *D. H. Buchanan.* The Development of Capitalistic Entreprise in India. New York, 1934, p. 419.

[3] См. «Материалы по истории современной промышленности в Китае», т. I, ч. 2. Пекин, 1957, стр. 1248—1254 (на кит. яз.).

[4] См. там же.

восточные провинции. Первое место по числу стачек занимало текстильное производство, но борьбу вели также шахтеры, металлурги и рабочие городского хозяйства.

Хотя большинство первых забастовок ограничивалось пределами одной фабрики или даже цеха, уже в 90-х годах имели место и более широкие выступления, когда одновременно и согласованно бастовали рабочие нескольких предприятий. В 1895 г. произошла забастовка, охватившая сразу 8 тыс. рабочих восьми бомбейских фабрик, выступивших против очередного сокращения заработной платы. В июне 1901 г. на борьбу поднялись рабочие 20 бомбейских фабрик, потребовавшие сохранения прежней заработной платы. В первый день бастовало 2 тыс. рабочих (видимо, на одной фабрике), на одиннадцатый день число забастовщиков достигло 20 тыс. человек[1]. Это была первая стачка такого большого масштаба не только в Индии, но и во всей Азии. Рабочие, добившись частичного удовлетворения своих требований, активно выступили в защиту вожаков, подвергавшихся преследованию со стороны администрации.

Наибольшее число забастовок происходило на фабриках и железных дорогах, принадлежавших иностранному капиталу. Некоторые выступления были направлены непосредственно против колониального режима. Примечательна в этом отношении забастовка 15 тыс. докеров и железнодорожников, а также других групп рабочего населения Бомбея в 1898 г. против разработанных колониальной администрацией жестоких античумных мер, на практике лишь содействовавших распространению болезни. Колонизаторы были вынуждены пойти на уступки[2].

Антиимпериалистическая окраска борьбы китайского пролетариата и в то же время ее низкий уровень отчетливо проявились в конце XIX — начале XX в. в серии луддитских по характеру выступлений, так называемых «Да шан», развернувшихся главным образом на иностранных предприятиях. Движение довольно определенно демонстрировало свою близость к своеобразным формам борьбы повстанцев 1899—1900 гг. Рабочие уничтожали машины, оборудование и сами фабрики. Такие стачки произошли в 1898 г. на копях в провинции Аньхуэй, в 1905 г.— на Пинсянских копях, где рабочие разрушили не только оборудование, но и жилища иностранных инженеров, на японской текстильной фабрике в Яншупу и других местах.

Случаи, когда забастовки перерастали в стихийные волнения, завершавшиеся ломкой фабричного оборудования и избиением особенно ненавистных представителей администрации, наблюдались в начале XX в. и во Вьетнаме[3]. Выступления типа «Да шан» выражали одновременно и протест недавних ремесленников против при-

[1] «The Times of India», 15. VI. 1901.
[2] «The Times of India», 12. III.1898.
[3] См. *С. А. Мхитарян.* Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме (1885—1930). М., 1967, стр. 114.

шедших с Запада технических нововведений, лишивших их былой хозяйственной самостоятельности.

Стремясь сломить упорство забастовщиков, хозяева и власти прибегали к вооруженной расправе. Так, в 1896 г. во время стачки в мастерских Негапатама Южно-Индийской железной дороги полиция открыла огонь по рабочим.

Нарастание стачечной борьбы в Индии проявилось в неоднократных забастовочных выступлениях женщин и даже детей. Так, в 1894 г. работницы одной хлопчатобумажной фабрики Бомбея объявили забастовку, требуя восстановить прежний размер заработной платы. Забастовщицы долго не сдавались, хотя мужчины, пытавшиеся было их поддержать, вернулись на работу, а 29 женщин были арестованы. В 1889 г. несколько дней бастовали мальчики прядильного цеха фабрики «Карнатик» в Мадрасе, требуя повышения оплаты труда, регулярного дня отдыха и увеличения обеденного перерыва.

Первые более или менее крупные стачечные выступления рабочих на Филиппинах начались в 1898 г., а значительный их рост приходится на начало XX в. Своеобразие борьбы филиппинского пролетариата состояло в том, что стачечному движению предшествовало создание рабочих организаций. Организованное рабочее движение возникло здесь раньше, чем в некоторых странах Азии с более развитым пролетариатом, что можно объяснить влиянием Испании.

Выступления рабочих происходили и в некоторых странах промежуточной группы. В 1889 г. на трех рисоочистительных фабриках Бангкока (Таиланд) началась крупная забастовка китайских рабочих. Она завершилась баррикадными боями, продолжавшимися 36 часов. Несмотря на суровую расправу с забастовщиками (900 человек были отданы под суд особого трибунала), в следующем году там же вспыхнула новая забастовка [1].

Первая забастовка на Цейлоне произошла в январе 1893 г. в английской типографии «Х.В. Кэйв энд К° лтд». Длилась она шесть дней и окончилась поражением. В 1898 г. в знак протеста против снижения заработной платы бастовали возчики в порту Коломбо, в следующем году — печатники типографии газеты «Таймс оф Цейлон» [2].

В конце XIX — начале XX в. начались волнения рабочих в Корее. В ряде случаев они приобретали массовый характер. В 1900 г. на приисках в уезде Чуксан против японских шахтовладельцев поднялось 2 тыс. рабочих. В 1898 и 1902 гг. возникли волнения землекопов, занятых на строительстве железных дорог. В марте 1900, в январе 1901 и в 1903 г. бастовали грузчики и докеры порта Мокпхо. В последнем случае для расправы с забастовщиками были брошены

[1] См. *П. В. Ребрикова.* Указ. соч., стр. 192—193; *Э. О. Берзин.* История Таиланда (краткий очерк). М., 1973, стр. 206.

[2] См. *Э. Д. Талмуд.* История Цейлона. 1795—1965. М., 1973, стр. 113.

японские солдаты[1]. Выступления имели стихийный характер и были направлены против иностранных, в основном японских, предпринимателей.

В отдельных странах рабочие стали организовывать митинги и демонстрации. Известны три многотысячных митинга бомбейских рабочих — в 1884, 1889 и 1890 гг. Одна из первых забастовок во Вьетнаме, вспыхнувшая в 1900 г. на каменоломнях Он-лау, сопровождалась массовым митингом вьетнамских и китайских рабочих. Французские колониальные власти разогнали митинг и арестовали 23 человека. Семь человек было казнено[2].

Начальная фаза стачечной борьбы пролетариата отличалась чертами, которые были обусловлены спецификой формирования и структуры пролетариата. Разноплеменность рабочего класса и разжигаемая буржуазией национальная рознь нередко приводили к срыву совместных стачечных выступлений. Во время забастовки 1893 г. на джутовой фабрике в Хоуре индусы приступили к работе, хотя мусульмане продолжали бастовать[3]. В Китае было немало случаев, когда уроженцы одной провинции начинали забастовку, а выходцы из другой отказывались их поддержать. Так случилось, например, в 1896 г. на Ханьянском арсенале, где прекратили работу только плотники из Гуаньчжоу. В Таиланде, как сообщал в 1889 г. английский консул в Бангкоке, стычки между сиамскими и китайскими кули представляли собой «постоянное явление на лесопилках и рисорушках»[4].

Забастовки заранее не готовились, протекали неорганизованно. Многие из них начинались общим выступлением пролетариев, а затем превращались в частичные. Забастовочные выступления имели по преимуществу оборонительный характер и уже поэтому в большинстве случаев заканчивались поражением рабочих. Начало систематического забастовочного движения можно отнести для Индии к последнему десятилетию, а для Китая — даже к последнему пятилетию XIX в.

И все же стихийные и локальные вспышки отчаяния, каковыми являлись большинство тогдашних стачек, были началом классовой борьбы пролетариата. Совместная работа на предприятиях и особенно участие в массовых выступлениях постепенно преображали рабочих, вырабатывали у них элементы пролетарской психологии, приближали к пониманию того, что для защиты своих требований необходимы единство и организованность. Индийский исследователь Л. К. Шарма отмечает, что уже в конце XIX в. «рабочие узнали

[1] См. «История Кореи (с древнейших времен до наших дней)», т. I. М., 1974, стр. 378—379.
[2] См. *С. А. Мхитарян.* Указ. соч., стр. 114; *его же.* Рабочее и профсоюзное движение во Вьетнаме. М., 1961, стр. 20.
[3] См. *И. Хашимов, Л. Шапошникова.* Указ. соч., стр. 74.
[4] *Н. В. Ребрикова.* Указ. соч., стр. 193.

эффективность совместных действий, хотя еще и не было профсоюзов...»[1].

В процессе формирования пролетариата стали возникать и начальные формы его организации. На первых порах рабочие объединения возникали на религиозной, национальной, кастовой, земляческой или ремесленно-цеховой основе. Они помогали устраиваться на работу, оказывали материальную помощь в особо трудных ситуациях, занимались просветительной деятельностью.

В Индии того времени ни один человек не мог существовать вне касты, ибо разрыв кастовых, а следовательно, и родственных связей ставил его вне общества. Тем более не мог идти на это материально не обеспеченный рабочий, поскольку одной из функций касты была взаимопомощь. Поэтому если рабочие, терявшие связи с деревней, в конце концов были вынуждены идти на разрыв со своей изначальной кастой, то они делали это «при условии одновременного вхождения в другую касту, стоявшую на социальной лестнице не ниже прежней»[2]. Оказавшись на одном предприятии, пролетарии нередко создавали новую касту.

В Китае первыми объединениями, куда входили и рабочие, были ремесленно-цеховые корпорации, городские землячества, братства и тайные общества, унаследованные от времен двухсотлетней давности. Ремесленно-цеховые корпорации представляли собой созданные с благотворительными целями объединения, основанные на узкопрофессиональной, религиозной и территориальной общности не только рабочих, но и подмастерьев, учеников, а также самих хозяев-мастеров. Все члены корпорации поклонялись одному святому — покровителю и родоначальнику данного ремесла. Формально все здесь были равноправны, но выборные должности занимали только хозяева. При таком составе внутри корпораций нередко возникали конфликты.

Почти аналогичные организации — гильдии — существовали в 70-х годах на Филиппинах, где они были созданы под влиянием и при участии испанских синдикалистов. Эти гильдии объединяли по профессиям ремесленников (хозяев), мануфактурных рабочих и другой мастеровой люд. Их главная задача состояла в организации материальной взаимопомощи своих членов.

Землячества, или «союзы выходцев из одного района», были широко распространены в больших городах Китая и в отличие от корпораций объединяли по чисто территориальному признаку представителей различных социальных слоев — богатых торговцев, квалифицированных ремесленников, рабочих, многочисленных полупролетариев-кули и люмпенов. Располагая значительными материальными средствами, землячества оказывали своим членам финансо-

[1] *L. K. Sharma.* Labour Movement in India. New Delhi, 1971, p. 62.
[2] *А. А. Бенедиктов.* Указ. соч., стр. 523.

вую помощь в случае острой нужды, обеспечивали охрану товаров, содействовали в устройстве на работу, улаживали конфликты, в том числе забастовки, и т. д. То были по существу буржуазные организации, но, представляя собой значительную социальную силу, они пользовались большим влиянием среди рабочих, которые часто обращались к ним за помощью.

В больших городах Китая было немало так называемых братств, или братских организаций, объединявших на основе землячества исключительно полупролетарские городские слои — кули, носильщиков, безработных, а также частично безработных, пробавлявшихся случайными заработками. Свою главную цель такие братства, состоявшие обычно из нескольких десятков или сотен человек, видели в том, чтобы помочь своим членам выжить в обстановке большого и враждебного города. Но и эти братства не являлись классовыми организациями пролетариата.

Существовали также традиционные тайные общества, игравшие заметную роль в китайской истории. Они пользовались большой популярностью среди части квалифицированных ремесленников и тех рабочих, которые были прочно связаны с ними по совместному труду в мастерских, а главным образом среди городских люмпенов[1]. Эмигрируя в другие страны, в частности в Таиланд и Малайю, китайские рабочие переносили и туда подобные формы организации.

Разумеется, все эти корпорации, гильдии, землячества, братства были призваны закреплять в сознании тех, кто в них состоял, традиционный образ мышления и помогать идейному закабалению рабочих крепнувшей буржуазией. Но в то же время пребывание в таких организациях отражало стихийное стремление пролетариев к объединению. И в этом смысле участие в них рабочих являлось необходимой ступенью на пути от низших объединений к высшим.

Вместе с тем стали появляться и более современные формы организации рабочих, свидетельствовавшие о том, что идея сплочения пролетариата на классовой основе хотя и медленно, но пробивала себе дорогу. Создавались эти организации передовыми представителями национально-либеральной интеллигенции. Первой организацией, куда входили преимущественно рабочие, была Бомбейская ассоциация фабричных рабочих. Ассоциацию основал в 1884 г. служащий бомбейской фабрики «Грейт истерн милл» Нараян Мегхаджи Локханде. Это был человек весьма умеренных либеральных взглядов, издававший газету филантропического направления «Динбандху» («Друг бедняка»). Целью Ассоциации, по заявлению ее руководителя, была «защита благосостояния и интересов тех, кто связан с фабричной промышленностью в городе»[2], следовательно, не только

[1] См. *А. С. Костяева.* Тайные союзы накануне Синьхайской революции.— «Тайные общества в старом Китае». М., 1970, стр. 123—139.

[2] «The Times of India», 26. IX. 1883; *V. B. Karnik.* Strikes in India. Bombay, 1967, p. 21.

рабочих. Крайне аморфная, она не имела ни списка членов, ни казны, не являлась профсоюзом и не участвовала в организации забастовок[1]. Возможно даже, что Ассоциация была создана, чтобы побудить рабочих отказаться от стачек и использовать более умеренные формы борьбы. Однако ее практическая деятельность помогала объединению рабочих независимо от национальной и кастовой принадлежности вокруг определенных требований и тем самым облегчала их совместные действия.

Ассоциация время от времени созывала многотысячные митинги, на которых рабочие обсуждали свои экономические требования. В первом таком митинге, созванном 16 сентября 1884 г., участвовало 4 тыс. человек. Была выработана резолюция, которую затем направили в адрес фабричной комиссии, назначенной колониальной администрацией для расследования положения рабочих. Деятельность Ассоциации и взгляды ее основателя отражали настроения передовой общественности, ее интерес к рабочему вопросу.

В октябре 1889 г. в условиях роста забастовочной борьбы Ассоциация созвала митинг бомбейских рабочих, на котором была принята петиция к вице-королю Британской Индии. Рабочие просили: ввести еженедельный выходной день; установить получасовой обеденный перерыв; начинать работу в 6 часов 30 минут утра и кончать с заходом солнца; выдавать зарплату не позднее 15-го числа каждого месяца; оказывать помощь рабочим, получившим серьезное увечье на фабрике, а в случае потери трудоспособности обеспечивать их средствами к жизни[2]. Это уже был не «призыв к добрым чувствам предпринимателей», а конкретные, хотя и минимальные требования, свидетельствовавшие о стремлении рабочих отстаивать свои интересы перед администрацией. В дальнейшем руководители Бомбейской ассоциации поставили вопрос о создании профсоюзов по английскому образцу, что было уже новым явлением в рабочем движении Индии.

В 1895 г. в столице Турции рабочие государственного военного завода Топхане создали первую нелегальную рабочую организацию турок — Османское рабочее общество. Добиваясь улучшения материального положения своих членов, Общество одновременно стремилось и к политическим целям — освобождению родины от иноземного засилья и свержению султанского режима. Через год Общество было разгромлено, а его руководителей приговорили к каторге сроком от семи до девяти лет[3].

В 1897 г. в Таиланде возник первый профсоюз, объединивший трамвайщиков Бангкока[4]. Еще более современные формы рабочих

[1] «Factory Inspection». London, 1894, p. 68.

[2] См. *И. Хашимов, Л. Шапошникова.* Указ. соч., стр. 66—69.

[3] См. *А. Д. Новичев.* Зарождение рабочего и социалистического движения в Турции.— «Ученые записки ЛГУ», 1962, № 304, стр. 5; *А. А. Гусейнов.* Указ. соч., стр. 9.

[4] См. *Э. О. Берзин.* Указ. соч., стр. 207.

объединений появились на Филиппинах. В конце 1901 г. был образован Союз печатников Филиппин. Его возглавил Эрменегильдо Крус — выходец из городской бедноты, наборщик, потом корректор. Своим девизом Союз провозгласил марксистский лозунг: «Освобождение рабочих — дело рук самих рабочих»[1].

Создателем филиппинских профсоюзов считается публицист Исавело де лос Рейес, который был выслан из страны еще испанскими колонизаторами. В 1901 г. он вернулся на родину и в феврале 1902 г. основал Демократический рабочий союз Филиппин, объединивший 14 рабочих гильдий и Союз печатников. В программных документах организации шла речь о необходимости добиваться увеличения заработной платы и улучшения условий труда мирными средствами, содержался даже призыв к гармонии труда и капитала. Но в то же время программа весьма определенно отразила влияние американского пролетарского движения, выдвинув требование 8-часового рабочего дня и вовлечения всех трудящихся в единый профсоюз. Главное же место отводилось требованиям общенациональным (независимость Филиппин) и общедемократическим (против помещиков).

В 1902 г. Союз направил ряду предпринимателей табачной и полиграфической промышленности петиции с требованием повышения зарплаты. Предприниматели отказались вести переговоры. Тогда рабочие прибегли к стачкам и добились повышения заработной платы. 15 августа 1902 г. под руководством Союза началась новая забастовка: рабочие сигарной фабрики потребовали пересмотра расценок. Борьба продолжалась шесть недель, но не принесла рабочим победы. Во время этой забастовки председатель Союза Рейес был арестован, осужден и выслан из страны. Председателем Союза стал последовательный защитник рабочих Доминадор Гомес. В 1903 г. Союз возглавил еще более крупную забастовку на американской электростанции Манилы. Рабочие потерпели поражение, так как не смогли добиться единства действий, что позволило администрации использовать штрейкбрехеров, работавших под охраной полиции. В 1903 г. Союз организовал первомайскую демонстрацию, в которой участвовало до 100 тыс. человек. Демонстрация проходила под лозунгами: «Долой американских захватчиков!», «Требуем свободы!», «Требуем 8-часового рабочего дня!» Попытка демонстрантов проникнуть во дворец генерал-губернатора была отражена американскими войсками. Гомес был осужден на четыре года каторги, и вскоре первое профсоюзное объединение Филиппин распалось. Но репрессии не остановили развития организованного рабочего движения. Последователи Рейеса и Гомеса создавали новые рабочие союзы.

Национально-религиозные распри, существовавшие среди рабочих стран Азии, приводили к тому, что стремление к объединению нередко осуществлялось в рамках национальной или религиозной

[1] См. *Г. И. Левинсон.* Указ. соч., стр. 73—74.

общности. Так, в начале 900-х годов в Бомбее был создан Рабочий союз, объединявший только пролетариев-маратов, составлявших три четверти фабрично-заводских рабочих города[1]. В Калькутте, где на производстве были заняты индусы и мусульмане, в 1895 г. была создана Мусульманская ассоциация рабочих, индусы же заявили о создании Индусского рабочего союза. Мусульманская ассоциация объединяла тысячи рабочих, созывала митинги, на которых обсуждались их нужды и требования, оказывала материальную помощь в случаях болезни, помогала в устройстве на работу[2].

В целом в конце XIX — начале XX в. формирующийся пролетариат наиболее развитых и среднеразвитых стран угнетенной Азии стал демонстрировать свою растущую силу и настоятельное стремление к объединению и созданию своих рабочих организаций. Он начал участвовать и в национально-освободительной борьбе, хотя еще не выступал в ней как самостоятельная сила.

АФРИКА

В последней четверти XIX в. большинство африканских стран находилось на различных стадиях докапиталистических отношений. Включение Африки в орбиту мирового капиталистического хозяйства дало толчок развитию новых социальных сил. Начался процесс формирования рабочего класса, опережавший формирование национальной буржуазии, ибо в условиях колониального режима зарождавшаяся промышленность практически полностью оказалась в руках иностранных капиталистов. Лишь в Египте сравнительно интенсивно складывался собственный, национальный пролетариат. В порабощенных же странах Магриба и на Юге Африки кадровые рабочие были представлены в основном европейскими иммигрантами. Местный пролетариат лишь начинал зарождаться и еще не отделился от мелких товаропроизводителей — крестьян и ремесленников. Несмотря на значительное влияние, которое оказывали организации европейских пролетариев на африканских трудящихся, на развитие их сознания и активности, первые выступления рабочих-африканцев только эпизодически и стихийно принимали пролетарские формы. В основном же они растворялись в зарождавшемся народном антиколониальном движении, которое возглавлялось преимущественно представителями традиционной знати. В Тропической Африке рабочий класс еще вовсе отсутствовал. Там колонизаторы методами внеэкономического принуждения лишь создавали условия для появления армии наемного труда.

Становление африканского пролетариата и развитие рабочего движения на континенте целесообразно рассматривать с учетом исторически сложившейся специфики трех его основных регионов.

[1] «The Times of India», 30. IX. 1905.
[2] *L. K. Sharma.* Op. cit., p. 65—66.

ЕГИПЕТ И СТРАНЫ МАГРИБА

В конце XIX в. в результате вовлечения стран Северной Африки в русло капиталистического развития началось их превращение в аграрно-сырьевые придатки метрополий. Проникновение капитализма на африканскую почву создавало предпосылки для формирования местного пролетариата.

Хотя принудительный труд или трудовые повинности в пользу колонизаторов в Северной Африке не имели повсеместного распространения, тем не менее даже в Египте, находившемся на сравнительно более высоком уровне социально-экономического развития, десятки тысяч крестьян были заняты на принудительных работах. Это отвлекало крестьян от ведения своего хозяйства и способствовало их разорению. По весьма заниженным официальным данным, только в течение 1888—1898 гг. от 11 до 84 тыс. крестьян ежегодно привлекались к принудительному труду[1]. Стремясь ускорить создание армии наемного труда, иностранный капитал стал шире применять косвенное принуждение; это достигалось экспроприацией крестьянских земель, которые передавались европейским переселенцам и иностранным компаниям. Особенно активно такую политику проводили Франция в Алжире и Тунисе, Англия — в Египте.

В странах Магриба французский капитал захватывал земли, сгоняя с них крестьян при помощи системы так называемой имматрикуляции. Согласно этой системе, право собственности на землю признавалось лишь по предъявлении официального письменного свидетельства. В случае его отсутствия земля признавалась ничейной и экспроприировалась. Крестьяне большей частью не имели нужных бумаг и лишались земли. Французские колонизаторы ввели в Алжире такую систему еще декретами 1844 и 1846 гг. В 1873 и 1887 гг. они издали новые законы, разрушавшие общину и ускорявшие обезземеливание крестьянства. Теперь все родовые и общинные земли подлежали принудительному разделу и становились частной собственностью общинников. Последние вскоре оказывались во власти ростовщиков и богатых европейских колонистов, скупавших за бесценок земельные участки.

В Тунисе система имматрикуляции была введена в 1885 г., а затем ее дополнили по алжирскому образцу серией изощренных правил, подрывавших общественное землепользование и облегчавших изгнание крестьян-землепашцев с земли[2]. Существовали и другие приемы захвата крестьянских земель. Так, например, декретами о размежевании лесных угодий все леса объявлялись государственной собственностью. При этом в категорию лесов часто зачислялись

[1] *Ch. Roux.* La production du coton en Egypte. Paris, 1908, p. 239.
[2] См. *Р. М. Аваков.* Французский монополистический капитал в Северной Африке. М., 1958, стр. 24—26; *В. Б. Луцкий.* Новая история арабских стран. М., 1956, стр. 238, 248.

и такие территории, на которых росло всего лишь по нескольку деревьев.

Аналогичная участь постигла и кочевников-скотоводов, составлявших значительную долю сельского населения стран Магриба. Специальными циркулярами (в Алжире — 1893 г., в Тунисе — 1892 и 1896 гг.) европейские завоеватели присвоили земли на степных плоскогорьях и необрабатываемые выпасные площади, объявив их «бесхозными»[1]. Разрушая традиционные условия развития экстенсивного скотоводства, французские колонизаторы стимулировали процесс социального расслоения в среде кочевников. В результате росло число обедневших, которых нужда заставляла вербоваться в армию или наниматься на работу к европейским колонистам. Все шире осуществлялся переход кочевников к оседлому образу жизни.

Важным средством раскрестьянивания сельских тружеников в странах Магриба и способом обогащения колонизаторов была налоговая система. В Египте, например, земельный налог достигал 30—40% чистого дохода крестьянина. В ряде случаев налог с малоимущих крестьян был более высок, чем с крупных землевладельцев. Так, с одного феддана малоплодородной, плохо орошаемой земли, которая, как правило, была собственностью крестьянина, феллах платил 16 шилл. В то же время один феддан плодородной земли, где урожай был в 5 раз выше, чем в первом случае, и которая обычно принадлежала помещику, облагался только 4 шилл.[2] Налоговый гнет заставлял крестьян идти в кабалу к ростовщикам, что также нередко заканчивалось потерей земельного участка.

Все это вело к массовому разорению крестьян и к образованию рынка свободных рабочих рук. Но далеко не все обезземеленные крестьяне могли найти себе работу на предприятиях иностранного или местного капитала. Большая их часть становилась люмпенами, вливаясь в армию «избыточного» населения.

В последней четверти XIX в. в странах Магриба происходил также процесс разорения ремесленников, не выдерживавших конкуренции с иностранной фабричной промышленностью. Так, за первые 25 лет существования протектората в Тунисе (1881—1905 гг.) численность ремесленников в столице уменьшилась в 3,5 раза[3], хотя население продолжало расти. Из 35 кожевенных мастерских, действовавших здесь в конце 70 — начале 80-х годов, к 1900 г. осталось лишь 10. За те же годы численность кустарей-рабочих в цехе сдельщиков уменьшилась с 500 до 150[4]. Трагична была судьба египетских прядильщиков, славившихся на весь мир своим мастерством. В угоду английским текстильным магнатам к концу XIX в. прядильное производство в Египте было почти полностью ликвидировано.

[1] «Afrique française. Renseignements coloniaux», février 1931, p. 104.

[2] *W. Willicocks*. Sixty Years in East. London, 1935, p. 157.

[3] См. *В. Б. Луцкий*. Указ. соч., стр. 250.

[4] См. *П. Себа*. Тунис. Опыт монографии. М., 1953, стр. 147.

По мере проникновения иностранного капитала в экономику североафриканских стран развивалась прежде всего добывающая промышленность, возникали железнодорожные, ремонтные и другие мастерские, коммунальные предприятия и т. д. В связи с этим рос местный пролетариат, но численность его была еще невелика, и состоял он по преимуществу из неквалифицированных рабочих. Лишь бывшие ремесленники, обладавшие определенными производственными навыками, использовались для выполнения более или менее квалифицированных работ. В основном же для такого труда предприниматели ввозили рабочих из метрополий.

В Тунисе пролетариат стал формироваться в первые годы XX столетия[1]. В Алжире этот процесс начался еще в середине XIX в., а к 1904 г. насчитывалось около 100 тыс. рабочих, среди которых подавляющее большинство составляли европейцы.

Египетский пролетариат к началу XX в. как в количественном отношении, так и по уровню своего сознания превосходил рабочий класс стран Магриба. Еще в 1873 г. в стране было 20 тыс. промышленных рабочих, а в 900-х годах их стало в несколько раз больше. Это было связано с тем, что английские капиталисты импортировали в Египет сырье, чтобы обрабатывать его с помощью дешевого труда местных рабочих. В отдельных ремонтных мастерских Танги, Булака и Шубры число работающих достигало 500 человек. Довольно значительные отряды местного пролетариата сложились в пищевой (особенно в сахарной) промышленности. Даже в металлообработке насчитывалось до 30 тыс. рабочих; в железнодорожных мастерских трудилось до 5 тыс. человек. Но и в Египте, не говоря уже о странах Магриба, местный пролетариат еще долгое время оставался в тисках традиционных предрассудков, фанатичной религиозности и невежества.

Для пролетариата стран Магриба с самого начала характерно разделение на иммигрантов и местных рабочих. Первые отряды кадровых пролетариев состояли из европейцев, обладавших навыками промышленного труда и выполнявших наиболее сложную работу. Между европейской и местной группами пролетариев существовала отчужденность. Колонизаторы всемерно углубляли ее, предоставляя европейским рабочим некоторые незначительные привилегии и льготы. Подобная политика затрудняла сплочение пролетариата, задерживала развитие его классового сознания. Тем не менее формировавшийся пролетариат Магриба не мог не испытывать благотворного влияния европейских рабочих, многие из которых были активными участниками революционных битв 1848—1849 гг. и последующих лет, за что и подверглись высылке в Африку.

Основная масса рабочих-иммигрантов, за исключением сравнительно небольшой части работавших на промышленных предпри-

[1] «Tunisie. Commission d'études économiques et financières. Rapport de la sous-commission d'études économiques», vol. I. Tunis, 1932, p. 227.

ятиях, была занята на строительстве дорог, портов, общественных сооружений. Условия труда были тяжелыми; недостаточное и малокалорийное питание приводили к заболеваниям; многие становились жертвами эпидемий. Еще хуже была судьба ссыльных. Им приходилось работать на самых трудоемких работах, они были лишены каких бы то ни было пособий. Особенно жестокой эксплуатации подвергались ссыльные итальянцы, испанцы, мальтийцы[1].

В условиях колониальных и полуколониальных режимов даже иммигранты вынуждены были продавать свою рабочую силу намного ниже ее реальной стоимости[2]. Труд местных рабочих оплачивался еще хуже, причем заработная плата в большей мере, чем у иммигрантов, зависела от общего положения на рынке труда. В Египте, в провинции Шаркиз, районе наиболее высокого аграрного перенаселения, в 1903 г. зарплата землекопа-араба составляла 2,5 пиастра в день, тогда как по стране в среднем она достигала 4,5 пиастра, а в Каире — 6 пиастров[3]. Положение местных рабочих ухудшали многочисленные вычеты, достигавшие 13% заработка[4]. Нередко часть своей зарплаты арабский рабочий вынужден был отдавать раису-посреднику за помощь в устройстве на работу. Нищенская оплата труда при 15-часовом рабочем дне вынуждала пролетариев посылать на производство своих жен и детей.

Первые шаги в пролетарском движении стран Магриба исходили от находившихся там французских и других рабочих европейского происхождения. Правда, обычно они выступали обособленно. Но в ряде случаев уже на самом раннем этапе движения (70-е годы) к ним примыкали отдельные группы местного пролетариата. Это обнаружилось во время алжирских событий 1870—1871 гг.

Весть о низвержении империи и провозглашении республики во Франции вызвала немедленную реакцию французских мелкобуржуазных демократов-республиканцев, большей частью сосланных в Алжир бонапартистским режимом. В сентябре 1870 г. возникла Республиканская ассоциация Алжира — политический блок революционных рабочих и мелкобуржуазных демократов. В нее входили не только французы, но и рабочие других европейских национальностей и представители арабов. Ассоциация имела секции во всех городах и создала выборные муниципалитеты — коммуны. Она считала, что Алжир должен стать федерацией коммун.

Вслед за этим возникли республиканские комитеты обороны, сформировалась национальная гвардия с выборным командным со-

[1] *R. Tinthoin.* Colonisation et évolution des genres de vie dans la région ouest d'Oran de 1830 à 1885. Oran, 1945, p. 295.

[2] «Comité du travaux historiques scientifiques. Section d'histoire moderne et contemporaine. Actes du soixantedixneuvième congrès national des sociétés savantes». Paris, 1954, p 350.

[3] См. *Л. А. Фридман.* Капиталистическое развитие Египта (1882—1939). М., 1963, стр. 315.

[4] «Annuaire statistique d'Égypte 1914», p. 380.

ставом. В октябре 1870 г. рабочие-иммигранты вместе с арабской беднотой города Алжира подняли восстание. Они изгнали представителей Второй империи, арестовали многих чиновников и офицеров. Республиканская ассоциация выдвинула своих представителей в органы новой власти — городские комитеты обороны. По ее настоянию председатель комитета обороны Алжира Вюйермоз был провозглашен временным чрезвычайным комиссаром страны. Однако власть оказалась в руках не рабочих, а мелкобуржуазных демократов, занимавших в Ассоциации руководящие посты.

Мелкобуржуазные демократы боялись активности народных масс, особенно возможного подъема освободительной борьбы арабского населения. Поэтому они искали путей к соглашению с местной реакцией и правительством национальной обороны в Париже. Вскоре Вюйермоз передал власть Дю Бузе — представителю контрреволюционной буржуазии, которого французское правительство назначило чрезвычайным комиссаром Алжира. Республиканская ассоциация продолжала существовать, оказывая поддержку сопротивлению французского народа прусским захватчикам.

Под влиянием провозглашения Парижской Коммуны в Алжире вновь активизировалось революционное движение среди рабочих-иммигрантов. В городах под руководством Республиканской ассоциации происходили многочисленные демонстрации в поддержку мероприятий Коммуны и против версальцев, развертывалась борьба за создание революционной власти типа Парижской Коммуны в самом Алжире. По словам алжирского префекта Эло, свержения которого требовали алжирские рабочие, «существовало полное преступное единомыслие между коммуналистским движением Алжира и тем же движением в Марселе, Лионе и Париже. Все эти центры находились в сношениях между собой»[1].

Реакция опасалась всеобщего восстания, т. е. совместного выступления иностранных рабочих и местного населения[2]. Но рабочие-иммигранты так и не выступили. Помешала главным образом позиция Республиканской ассоциации, которая отказалась поддержать начавшееся в середине марта 1871 г. национально-освободительное восстание арабов и кабилов под руководством Мухаммеда Мокрани. Объективно это было на руку версальцам. Новый генерал-губернатор Гейдон разогнал национальную гвардию, распустил муниципалитеты Алжира и других городов, ввел осадное положение в столице. Затем, получив подкрепление из Франции, он подавил восстание арабов и кабилов.

Поражение рабочего коммуналистского и национально-освободительного движений в Алжире было результатом трагической разобщенности и даже враждебности этих двух революционных пото-

[1] Цит. по: «Парижская Коммуна 1871 г.», т. 2. М., 1961, стр. 171.
[2] См. *М. Машкин.* К истории борьбы за Коммуну в Алжире в 1870—1871 годах.— «Вопросы истории», 1949, № 6, стр. 95.

ков, выступавших против одного и того же врага. Характерно, что и алжирских повстанцев, и парижских коммунаров ждала одинаковая судьба. «Парижские коммунары, сосланные на каторгу, встретились в Пумеа с инсургентами Кабилии Те и другие могли, таким образом, на собственном опыте убедиться, что у них общие враги и что они должны, следовательно, сражаться против них плечом к плечу, как братья»[1].

Разгул реакции в стране сильно ускорил распад Республиканской ассоциации, вызванный ее классовой неоднородностью, засильем мелкобуржуазных демократов и отказом ее руководства от поддержки алжирского национально-освободительного движения.

В Египте английские завоеватели жестоко подавили выступление патриотически настроенных офицеров под руководством полковника Араби (1881 г.). Опираясь на поддержку солдат и крестьян, повстанцы выдвинули лозунг «Египет — для египтян», но, несмотря на ряд внушительных побед, в конечном счете потерпели поражение. Французские каратели в 1881 г. учинили расправу над тунисцами, восставшими против установления над страной французского протектората. Все это позволило колонизаторам приступить к дальнейшему закабалению стран Северной Африки.

К 90-м годам относятся попытки создания профсоюзов в странах Северной Африки. Но эти объединения были малочисленны. Так, в Константине (Алжир) в Союзе трудящихся и Обществе свободной мысли состояло всего 5% французских рабочих, мусульман же не было вовсе[2]. В Тунисе профсоюзы возникли в 1894 г., первые же забастовки произошли лишь в 1900 г., в них участвовали только европейские рабочие.

В самом конце XIX — начале XX в. стала проявляться тенденция к преодолению отчужденности между рабочими-иммигрантами и местными пролетариями. В Египте в 1899 г. была проведена совместная забастовка европейских и арабских рабочих. Они требовали увеличения заработной платы, а также сокращения рабочего дня и добились этого. В ходе забастовки был создан Объединенный профсоюз табачников, куда входили и европейские, и арабские рабочие. Последующие годы отмечены дальнейшим усилением активности египетских пролетариев разных национальностей. Знаменательным был 1903 год, когда в стране одновременно бастовали трудящиеся многих предприятий. В Тунисе рабочие-мусульмане в 1904 г. впервые участвовали в маевке французских рабочих.

ЮЖНАЯ АФРИКА

К началу 70-х годов XIX в. в Южной Африке наряду с бурскими республиками — Трансваалем и Оранжевым свободным государством —

[1] *Ж. Дюкло.* На штурм неба. М., 1963, стр. 283.
[2] «Comité de travaux historiques...», p. 350.

существовали английские колонии — Капская и Наталь; над Басутолендом был провозглашен английский протекторат. Процесс утверждения английского господства в Южной Африке завершила англо-бурская война. Английские завоеватели стремились приспособить существовавшие при бурах докапиталистические формы эксплуатации африканцев — рабство и крепостничество — к нуждам насаждаемого в стране капиталистического производства. Наемный труд, хотя и в ограниченных масштабах, в 70-х годах уже применялся на европейских фермах, в портах, на железнодорожном строительстве. Но особенно мощным толчком развитию капитализма послужило открытие в Южной Африке в 70—80-х годах крупнейших в мире месторождений алмазов и золота, вызвавшее наплыв иммигрантов из Европы, в основном рабочих и ремесленников англосаксонского происхождения.

На юге Африки стали быстро расти города (Иоганнесбург, Кимберли и др.), прокладывались железные дороги, расширялись разработки минерального сырья, прежде всего добыча каменного угля, интенсифицировалось сельское хозяйство. Все это еще более увеличило потребность в рабочей силе, которую нельзя было удовлетворить за счет иммиграции. Колониальные власти стремились обеспечить нарождающуюся капиталистическую экономику местными людскими ресурсами. Была создана широкая сеть вербовочных пунктов. За каждого законтрактованного на три месяца африканца вербовщику платили 1 ф. ст.

Однако эти методы найма рабочей силы оказались недостаточными. В докладе правительственной комиссии, созданной для изучения проблемы рабочей силы в Южной Африке, рекомендовалось «атаковать всю туземную социальную систему в целях ее изменения или разрушения»[1]. Одним из действенных средств являлось введение непосильных налогов; особенно тяжелым был налог 1894 г. В результате десятки тысяч крестьян потянулись на шахты и рудники страны, чтобы заработать деньги для уплаты налогов. В алмазных рудниках Кимберли в течение ряда лет нанимали на работу до 30 тыс. африканцев ежегодно. Пролетаризация среди коренных жителей в Южной Африке развивалась быстрее, чем в других африканских странах[2]. К началу англо-бурской войны число африканских рабочих, занятых на золотодобыче, достигло 98 тыс. человек (в 1890 г.—14 тыс.)[3]. В Южной Африке складывался многонациональный, многорасовый рабочий класс.

[1] Цит. по: *М. И. Брагинский.* Формирование африканского пролетариата. М., 1974, стр. 48.

[2] См. *А. Б. Давидсон.* Южная Африка. Становление сил протеста. 1870—1924. М., 1972, стр. 265.

[3] *D. Hobart Houghton, J. Dagut.* Source Material on the South African Economy, vol. II. Johannesburg, 1972, p. 29, 31; *F. Wilson.* Labour in the South African Gold Mines. 1911—1969. Cambridge, 1972, p. 4.

Зарождавшийся пролетариат подвергался жестокой эксплуатации. В 1880 г. в Трансваале вступил в действие закон о хозяевах и слугах (в Натале — еще в 1850 г., в Оранжевой республике — в 1904 г.), согласно которому за нарушение срока контракта, небрежное выполнение работы, неуважительное отношение к предпринимателю или его представителям небелых рабочих жестоко наказывали, подвергая даже физическим истязаниям. В целях усиления контроля над африканцами в 1899 г. был введен закон о пропусках; за отсутствие пропуска африканец подвергался штрафу в 10 ф. ст. или 20 ударам плетью. Продолжал существовать принудительный труд. Только в Капской колонии во время англо-бурской войны на строительстве укреплений, складов и ремонте железнодорожного полотна были заняты около 7 тыс. африканцев, труд которых не подлежал оплате[1].

Особенно широко колонизаторы практиковали контрактацию африканцев, вербуя их для работы на своих предприятиях за мизерную плату. Законтрактованные рабочие-африканцы находились в крайне тяжелых бытовых условиях. На период контракта, который официально охватывал 4—6 месяцев, но нередко затягивался на более продолжительное время, местных рабочих размещали в лагерях-компаундах, покидать которые запрещалось. Обычно лагеря ограждались проволокой или железными решетками. Рабочие жили по 20 и более человек в одной комнате. Скученность, антисанитария вели к эпидемиям. Особенно широко была распространена дизентерия. Другим бичом были профессиональные болезни, первое место среди которых занимал туберкулез. Согласно официальным данным, как правило весьма заниженным, в 1882 г. из каждых 10 тыс. африканцев, подверженных этим болезням, 639 умирали[2]. По свидетельству одного из влиятельных членов английского парламента, Д. Бернса, смертность среди находившихся в компаундах африканцев в начале XX в. составляла от 40 до 70%[3]. Оплата наемных рабочих-туземцев, занятых обычно на опасной и тяжелой работе (главным образом под землей), была намного ниже оплаты труда белых рабочих. Например, в колонии Наталь в 1891 г. месячная заработная плата африканца составляла в среднем 2 ф. 2 шилл., тогда как белый рабочий получал 5 ф. 13 шилл.[4] Вследствие нехватки рабочей силы оплата труда африканцев в последующие годы несколько увеличилась (до 4 ф. ст. в месяц). Однако обеспокоенные владельцы шахт добились в 1897 г. введения закона о максимальной заработной плате, что привело к новому ее снижению.

Нехватка местных рабочих покрывалась за счет «азиатов»

[1] См. *И. А. Никитина.* Захват бурских республик Англией (1899—1902 гг.). М., 1970, стр. 82.
[2] *E. S. Sachs.* The Anatomy of Apartheid. London, 1965, p. 120—121.
[3] Ibidem.
[4] *D. Hobart Houghton, J. Dagut.* Op. cit., vol. I, p. 318.

(в основном индийцев), которых завозили большими партиями и обычно использовали на плантациях. В 1904 г. английское правительство под нажимом колониальных властей санкционировало ввоз в Южную Африку 60 тыс. китайских кули, условия труда которых были еще более тяжелыми, а заработная плата ниже, чем у африканцев. Они работали под охраной солдат по 10 часов в день и получали всего 2 шилл. В 1905 г. их средняя заработная плата составляла в месяц 41 шилл. 6 пенсов, а для местных и белых рабочих она соответственно равнялась 52 шилл. 3 пенсам и 26 ф. ст.[1] После окончания срока контракта китайцы не имели права оставаться на поселение в Южной Африке, не могли приобретать личную собственность и пр. Эксплуатация китайских рабочих не только приносила шахтовладельцам прямые экономические выгоды, но и позволяла сохранять на крайне низком уровне оплату труда туземцев и снижать заработную плату белым пролетариям.

Каторжный труд, нищенская оплата и тюремные условия быта все чаще вызывали протесты небелых рабочих. Их первая стихийная двухдневная забастовка, в которой участвовало около 100 человек, произошла в 1882 г. на алмазных копях Кимберли в знак протеста против попытки администрации снизить заработную плату. В Натале в 1895 г. 200 африканских докеров порта Дурбан потребовали от хозяев увеличения заработной платы. В июле 1896 г. их примеру последовали африканские шахтеры компании «Зулуленд Голдфилдс» в Нонгвени[2]. Хотя сведения о результативности этих забастовок отсутствуют, значение их как первых коллективных выступлений африканского пролетариата в защиту своих прав весьма велико.

Выступления белых рабочих также имели экономический характер. Рабочие механических мастерских Иоганнесбурга, например, в 1889 г. бастовали в течение двух недель. Они требовали увеличения заработной платы, а также сокращения продолжительности рабочей недели и добились успеха. Иногда забастовки проводились с целью предотвратить намечаемое наступление предпринимателей на права трудящихся. Таковы были выступления каменщиков и штукатуров Витватерсранда в 1897 г., горняков Клинфонтейна в 1903 г. и т. д. Особо активно выступали типографские рабочие; их забастовки отмечены в 1897 (Кейптаун), 1898 (Претория), 1902 (Иоганнесбург), 1903 гг. (Претория, Маррисбург)[3].

Протестовали против невыносимых условий труда и китайские рабочие. Известна их забастовка на шахте Рандфронтейн, относящаяся к первым годам XX в. (предположительно 1904 г.), а также массовые побеги с рудников. Когда колониальные власти начали расправу с «мятежниками», радикальные круги в Англии разверн-

[1] *L. M. Thompson.* The Unification of South Africa, 1902—1910. Oxford, 1960, p. 14.

[2] *H. G. Ringrose.* Trade Unions in Natal. Cape Town, 1951, p. 7.

[3] *E. Gitshamaand, J. F. Trembath.* A First Account of Labour Organization in South Africa. Durban, 1926, p. 16—17.

нули движение протеста. В результате английское правительство оказалось вынужденным заявить, что впредь наказывать китайских рабочих будут только по приговору суда.

В начале 80-х годов среди белых рабочих, прежде всего иммигрантов, стали создаваться профессиональные организации. Они формировались главным образом в Капской колонии и Натале. В 1881 г. в Кейптауне, а в 1882 г. в Дурбане было создано Объединенное общество плотников и столяров; в 1888 г. в Дурбане было сформировано Общество типографских рабочих. Аналогичное общество возникло в Марицбурге. В 1892 г. в Трансваале был создан Союз рабочих и механиков рудников Витватерсранда, в 1896 г.— Объединенный союз штукатуров в Иоганнесбурге и Дурбане [1]. В 1897 г. в Натале уже действовало семь отделений Объединенного общества плотников и столяров, а в 1902 г. появилась Ассоциация почт и телеграфа. Однако в движении белых рабочих Южной Африки отчетливо проявлялось настороженное отношение к пролетариям неевропейского происхождения. Был и другой очаг противоречий. Не имевшие квалификации буры, вынужденные наниматься на английские предприятия, «по праву» белых претендовали на более высокую оплату, чем та, которая выплачивалась небелым рабочим. Они выражали недовольство хозяевами, стремившимися нанимать местных рабочих, но особенно плохо относились к последним. Таким образом, среди различных национальных и расовых групп южноафриканского пролетариата существовали значительное отчуждение и даже вражда, которые разжигались и использовались колонизаторами в целях предотвращения консолидации рабочего класса в борьбе против власть имущих.

В этом отношении характерна одна из первых забастовок белых рабочих, вспыхнувшая на алмазных копях Кимберли в 1884 г. в знак протеста против обысков. В ходе стачки произошло столкновение с полицией — семь рабочих было убито и 40 ранено. В результате забастовки регулярные обыски белых рабочих были отменены. Забастовщики этим удовлетворились, хотя для африканцев унизительная процедура сохранилась [2].

Показательна также позиция, занятая руководством ряда первых профсоюзов. Отстаивая права белых рабочих перед предпринимателями, они одновременно «защищали» их и от конкуренции неевропейцев. Так, лидеры Обществ типографских рабочих в Дурбане и Марицбурге постоянно «разоблачали» деятельность Иммиграционного совета в Натале, так как он поставлял предпринимателям более дешевый труд местных рабочих, которых вербовал за пределами Южной Африки. Такой же тактики придерживалась и организация «Рыцари труда», созданная в 1891 г. Открыто и резко разобла-

[1] См. *А. Б. Давидсон.* Указ. соч., стр. 267.
[2] *H. J.* and *R. E. Simons.* Class and Colour in South Africa. 1850—1950. Harmondsworth, 1969, p. 41—42.

чая действия предпринимателей, она в то же время ратовала за «охрану» белого пролетариата от конкуренции неевропейских рабочих[1]. Тем не менее движение белых рабочих сыграло несомненную положительную роль в постепенном становлении африканского пролетариата и развитии его классовой борьбы.

Некоторые из европейских иммигрантов, впоследствии ставшие видными деятелями южноафриканского рабочего движения, в те годы возглавляли профсоюзные объединения. Так, создателем и руководителем Союза рабочих и механиков Витватерсранда был выходец из Шотландии механик Дж. Бэйн. В Объединенном обществе плотников и столяров активно участвовал шотландец — плотник Э. Уотсон. Особенно большой вклад в развитие южноафриканского рабочего движения внес выходец из Англии — механик У. Эндрюс (товарищ Билл), с 1904 г. возглавивший профсоюз механиков[2].

Европейские иммигранты принесли в пролетарское движение Южной Африки передовые идеи интернационализма и социализма, но распространяли их преимущественно среди белых рабочих. В 1895 г. Совет профсоюзов Иоганнесбурга постановил ежегодно отмечать 1 Мая как День солидарности трудящихся. Первая социалистическая организация — Социал-демократическая федерация была создана в Кейптауне в 1902 г. как ответвление известной английской организации того же наименования. Федерация провозгласила своей целью «уничтожение капитализма и лендлордизма, обобществление всех средств производства... и установление над ними контроля в интересах народа»[3].

Федерация стремилась наладить связь с профсоюзами, а позже начала активную работу среди неевропейских рабочих. И хотя до 1905 г. по характеру своей деятельности она скорее напоминала кружок, ее роль в становлении пролетарского движения в Южной Африке была довольно заметной. В значительной мере под воздействием Социал-демократической федерации число членов профсоюзов в Южной Африке за 1900—1905 гг. выросло с 3836 до 6343 человек[4].

ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА

По мере захвата государств, расположенных на территории Тропической Африки, европейский капитализм форсированно осваивал их природные и людские ресурсы. Превращая этот регион в доходный

[1] *H.J.* and *R.E.Simons*. Class and Colour in South Africa. 1850—1950, p. 44.
[2] *R. K. Cope*. Comrade Bill: The Life and Times of W. H. Andrews, Worker's Leader. Cape Town, 1943, p. 46.
[3] *W. H. Harrison*. Memories of a Socialist in South Africa. 1903—1947. Cape Town, 1948, p. 5.
[4] «Official Yearbook of the Union and of Basutoland, Beechuanaland Protectorate and Swaziland 1925» (Pretoria) 1927, N 8, p. 218.

источник сырья и рынок сбыта, завоеватели кардинально изменили направление социально-экономического развития африканских народов. Они стремились заставить африканского крестьянина отказаться от ведения натурального хозяйства, составлявшего основу экономики Тропической Африки. Коренные жители насильственно рекрутировались для выполнения трудовых повинностей (прокладка дорог, строительство торговых и военных портов, перенос грузов, рубка леса и др.). Набор даровой рабочей силы осуществляли вооруженные отряды вербовщиков, а африканских вождей и старейшин принуждали оказывать им содействие. В Уганде каждый африканец (кроме землевладельцев и занятых по найму) обязан был месяц в году трудиться на европейцев; в Германской Восточной Африке — один месяц из каждых четырех[1]. В Португальской Анголе трудовая повинность африканцев в возрасте от 14 до 60 лет была узаконена декретами 1878 и 1899 гг.[2] В Мозамбике, согласно декрету 1899 г., африканец обязан был работать на португальских колонизаторов до шести месяцев в году. Неоплачиваемые трудовые повинности сохранялись в Тропической Африке вплоть до свержения колониальных режимов, но значение их с течением времени уменьшалось, они все больше вытеснялись наймом.

Чтобы обеспечить себя продуктами местного хозяйства и даровой рабочей силой, колонизаторы использовали традиционный институт натуральных повинностей и отработок, которыми крестьяне были обязаны родо-племенной знати, считавшейся владельцем всех земельных участков. Объявив земли своей собственностью, колониальные власти стали как бы «законными» преемниками тех прав, которые принадлежали вождям племен и их окружению. Начало этому было положено предоставлением концессий европейским компаниям. Германские общества «Южный Камерун» и «Северный Камерун» в 1898—1899 гг. получили в свое распоряжение 40% всей территории колонии. В Юго-Западной Африке германские компании владели 30% земель. Территория иностранных концессий во Французском Конго в 1899 г. насчитывала 780 тыс. кв. км, что намного превышало площадь всей Франции. Обычно иностранцы получали концессии на необрабатываемые в данное время земельные участки, которые объявлялись ничейными. В Бельгийском Конго было таким образом передано в концессии колонизаторам $^{9}/_{10}$ плодородных угодий; в Танганьике, Камеруне и некоторых других колониях все земли были провозглашены коронными.

Между тем существовавшие тогда в Тропической Африке формы ведения хозяйства (подсечно-переложное земледелие, кочевое скотоводство, собирательские промыслы) базировались на резерве земельных площадей. Нововведения вконец подрывали хозяйство африканских крестьян: продуктовые и отработочные повинности осуще-

[1] *P. Rohrbach.* Deutsche Kolonialwirtschaft. Berlin, 1907, S. 45.
[2] *F. Duffy.* Portuguese Africa. Cambridge, 1959, p. 155.

ствлялись в гораздо бóльших размерах, чем прежде; родо-племенная знать продолжала существовать и добивалась дополнительных повинностей в свою пользу и, наконец, нехватка резервных земель, частично использовавшихся иностранным капиталом для производственных целей, вела к резкому снижению урожайности крестьянских участков.

Концессии явились предпосылкой земельной экспроприации крестьянства, последовавшей в Тропической Африке в начале XX в. Первый африканский резерват, как результат начавшегося прямого и массового сгона крестьян с земли, был создан в 1904 г. в Кении, а затем распространился на другие страны.

Для все более интенсивной эксплуатации африканских колоний европейский капитал нуждался в постоянном притоке рабочей силы. Этого не могли обеспечить периодические принудительные мобилизации населения и даже узурпация прав на владение землей. Поэтому возникла необходимость в дальнейших мерах косвенного принуждения. Вместо натуральных повинностей стали вводить денежные налоги, среди которых главное место заняли подушный (в Танганьике его установили в 1897 г., на Береге Слоновой Кости — в 1901 г., в Южной Родезии — в 1904 г.) и налог на хижины.

Смысл этого нововведения состоял в том, что оно вынуждало крестьянина поступать на предприятия европейского капитала, ибо только так он мог добыть деньги для уплаты налогов.

Положение крестьян, уходивших из деревни на заработки, было очень тяжелым. Работа по найму в тот период фактически представляла собой разновидность рабского труда. Принудительный характер имела уже сама вербовка рабочих. Во многих колониях действовали представители вербовочных компаний, которые лживыми посулами и прямым насилием заставляли африканцев подписывать контракты о найме на работу. Одна из таких организаций, португальская «Компани ди Мозамбик», ежегодно (по договору 1897 г.) поставляла в Трансвааль до 100 тыс. африканцев, по существу возродив запрещенную работорговлю. При этом она устраивала ночные облавы на тех, кому удавалось избежать подписания контракта, и отправляла их затем под стражей на плантации европейцев. О характере вербовки красноречиво свидетельствовали многочисленные побеги африканцев во время следования к месту назначения.

Жестоко эксплуатируя законтрактованных, колонизаторы выплачивали им гроши. Например, в Того вместо положенных официально 20 пфен. в день рабочие получали 50 пфен. в неделю[1]. Германские предприниматели в Восточной Африке платили рабочим меньше стоимости дневного рациона риса[2]. Смертность среди афри-

[1] *M. Nussbaum.* Togo — eine Musterkolonie? Berlin, 1962, S. 80—82.

[2] См. *И. С. Чарный.* Начало колониальной экспансии Германии в Африке (1879—1885). М., 1970, стр. 171—172.

канцев была настолько высока, что до окончания контракта доживала половина, а то и треть рабочих[1].

Средний заработок африканца в Южной Родезии в середине 80-х годов был несколько выше и составлял в месяц 10 шилл. Однако и этого хватало только на скудное питание в течение 12 дней[2]. Предприниматели сводили к минимуму затраты на содержание своих рабочих. Ни пособий, ни выплат по болезни не полагалось. Степень эксплуатации на предприятиях колонизаторов была столь высока, что эксплуатируемый мог существовать лишь за счет связи с деревней.

Неразвитость армии наемного труда: она комплектовалась по существу из крестьян, отрабатывавших налоговые повинности на предприятиях колонизаторов, чрезвычайно низкий уровень их сознания обусловили и характер первых выступлений протеста против колониальной эксплуатации. Как правило, это были стихийные бунты, а также различные формы пассивного сопротивления (уклонение от военной службы в войсках карателей, отказы выращивать товарные культуры, массовое переселение во избежание уплаты налогов, дезертирство с предприятий колонизаторов и т. д.). Только с октября 1900 по март 1901 г. с рудников Южной Родезии дезертировали 25% законтрактованных[3]. На отдельных шахтах этой колонии доля дезертиров была еще выше (на шахте Серпрайз в 1902 г. она составила 29,4%, причем 40% остальных африканцев уклонились от работы, сославшись на болезни)[4]. Существовала и такая форма сопротивления, как преднамеренная непроизводительная трата времени, которая на некоторых шахтах Южной Родезии столь широко распространилась, что вызвала со стороны предпринимателей жесткие меры контроля.

В 1904—1905 гг. на Верхнем Шари и в бассейне Лобае (Бельгийское Конго) прошла волна стихийных бунтов, направленных против рабского режима и принудительного труда в колонии. Аналогичные выступления произошли в 1902 г. в Анголе. Характерные черты таких стихийных актов возмущения — разгром вербовочных пунктов, поломка машин, убийство надсмотрщиков и хозяев.

Выступления народных масс иногда вынуждали завоевателей идти на уступки. Так, массовое бегство африканцев из Анголы вынудило португальские власти отменить в 1873 г. намечавшееся увеличение налога на хижины. А пятитысячная демонстрация нигерийцев в 1895 г., проведенная в знак протеста против введения налогов

[1] *M. Friedländer.* Die deutsche Kolonialpolitik in Kamerun von ihren Anfängen bis 1914.— «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin». Gesellschafts-und sprachwissentschaftliche Reihe, 1955/56, H. 4, S. 314—315.
[2] «African Affairs», 1974, vol. 73, N 291, p. 221.
[3] «Journal of African History», 1973, vol. XIV, N 2, p. 253.
[4] Ibid., p. 245.

на землю и жилье, заставила английских колонизаторов временно отказаться от этих поборов.

Все эти выступления происходили в рамках национально-освободительной борьбы африканских народов и в основном были направлены на реставрацию доколониальных норм.

В начале XX в. в Тропической Африке стали происходить стихийные забастовки африканских рабочих в защиту своих экономических интересов. Такова была в 1901 г. стачка горняков против снижения заработной платы на шахте Кампердаун в Южной Родезии. Благодаря упорству и сплоченности бастующие добились победы. В Либерии в 1903 г. моряки племени кру провели забастовку, потребовав увеличения заработной платы и улучшения условий труда. Однако до 1905 г. стачки в Тропической Африке были явлением редким. Сказывались социальная неоднородность африканцев, занятых на европейских предприятиях, преобладание среди них принудительно завербованных крестьян, которым были свойственны культивировавшиеся завоевателями слепое повиновение хозяину, религиозные и кастовые предрассудки. Вольнонаемные африканцы также сохраняли тесную связь с деревней, находились в тисках племенной общности и привитой колонизаторами расовой приниженности. Все это тормозило созревание классового сознания африканцев, становившихся рабочими.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ

Отношение международной социал-демократии к национальной и национально-колониальной проблеме было тесно связано с ее взглядами на государство и революцию, на вопрос о войне и на милитаризм, на новые явления в социально-экономическом и политическом развитии буржуазного общества, на пути перехода к социализму. Эти взгляды за время существования II Интернационала претерпели существенные изменения, обусловленные ростом влияния оппортунизма в международном социалистическом движении.

На первых двух конгрессах национальный и национально-колониальный вопросы специально не рассматривались; не стояли они и в повестке дня Лондонского конгресса (1896 г.). Тем не менее этот конгресс, рассмотрев доклад о политической деятельности рабочего класса, принял решение, в котором шла речь о праве наций на самоопределение: «Конгресс высказывается за полное право самоопределения всех наций. Он выражает свое сочувствие рабочим всякой страны, поныне страдающей под ярмом военного, национального и всякого другого деспотизма. Конгресс призывает рабочих всех этих стран вступать в ряды сознательных рабочих всего мира, чтобы вместе с ними

бороться за преодоление международного капитализма и осуществление целей международной социал-демократии». Отдельный пункт решения был посвящен колониальной политике держав: «Конгресс объявляет, что, каков бы ни был повод для колониальной политики — будь он религиозный или лжецивилизаторский,—она по существу своему есть лишь расширение сферы капиталистической эксплуатации в исключительных интересах класса капиталистов»[1]. Эти решения Лондонского конгресса по своей сути соответствовали выводам Маркса и Энгельса о необходимости и возможности для пролетариата получить поддержку угнетенных народов, борющихся за национальное освобождение.

Как известно, Маркс и Энгельс не выдвигали лозунга самоопределения наций в качестве стержня политики революционного пролетариата по национальному вопросу. Такой шаг, будь он сделан в доимпериалистический период, мог означать одобрение и тех национальных движений, которые были направлены против дела международного пролетариата и революции.

В конце XIX в. национальный вопрос в крупных странах на Западе Европы был решен в той мере, в какой он вообще мог быть решен в рамках буржуазно-демократических преобразований. К 70-м годам Италия уже стала единым государством, в котором происходило ускоренное формирование пролетариата. Германской демократии не удалось объединить страну «снизу», она была объединена «железом и кровью» «сверху». И все же это был шаг вперед: пролетариат получил широкое поле для грядущих битв с буржуазией. Приблизительно в то же время в жизни крупнейших капиталистических государств Европы начали происходить существеннейшие изменения: на место свободной конкуренции приходила монополия, образовывались могущественные финансовые группы, возникшие в результате слияния банковского капитала с промышленным, возрастал вывоз капитала, ускоренным темпом завершался раздел мира между монополистическими группами и развертывалась борьба за его передел. Центр тяжести национальной проблемы перемещался на Восток. Покоренные народы поднимались на борьбу за независимость, за создание своих собственных национальных государств; таково было в конечном счете политическое содержание тех освободительных движений, которые нарастали в колониях и полуколониях.

Царская Россия окончательно утратила свое специфическое положение оплота европейской реакции. Причина этого заключалась не только в том, что царизм значительно ослабел. Не менее важно, что к концу рассматриваемого периода буржуазия капиталистических стран Европы утратила прогрессивные потенции. Отныне оплотом европейской реакции была группа держав, ставших империалистическими; в новую эпоху буржуазия этих держав в принципе не могла

[1] «Материалы к истории I и II Интернационалов». М., 1926, стр. 209.

проводить прогрессивной политики, соответствовавшей интересам народов.

В этих условиях движение за освобождение в угнетенных странах, естественно, приобрело антиимпериалистический характер: освободительный шквал, поднимавшийся на Востоке, оказался направленным против тех держав, которые в совокупности и составляли ядро возникавшей империалистической системы. Против империализма было обращено и острие назревавшей пролетарской социалистической революции. Освободительные движения народов колоний, даже если ими руководила буржуазия, включались в возникавший общемировой революционный процесс, основной движущей силой которого был пролетариат.

Не удивительно, что В. И. Ленин рассматривал лозунг права наций на самоопределение и образование самостоятельных государств в качестве центрального политического требования по национальному и национально-колониальному вопросам. Выступая с лозунгом самоопределения наций, В. И. Ленин от имени революционной социал-демократии звал большинство угнетенного населения земли к союзу с пролетариатом.

Решение Лондонского конгресса явилось важным шагом в этом направлении. Принятое, однако, до начала империалистической эпохи, оно еще не сделало лозунг права наций на самоопределение основой политики революционного пролетариата по национальному и национально-колониальному вопросам; оно не содержало специального пункта о предоставлении угнетенным народам права на государственное отделение; оно не было в прямой форме обращено к колониальным и полуколониальным народам, которые тогда еще не рассматривались, как одна из могущественных сил мирового революционного процесса, в авангарде которого шел рабочий класс.

Серьезное внимание уделил национально-колониальным проблемам Парижский конгресс II Интернационала (1900 г.), образовавший специальную колониальную комиссию. Докладчиком от нее выступил голландский социалист Г. Ван Кол, живший долгое время на Яве. Ван Кол говорил на конгрессе о бедствиях колониальных народов: «Разве вы не слышите криков страданий, которые раздаются на всех заморских континентах против злоупотреблений и преступлений милитаризма, империализма и капитализма? На эти крики боли наша социалистическая совесть должна и может ответить. Социалисты не знают рас: у всех людей есть сердце и мозг»[1]. От имени комиссии конгресса Ван Кол предложил резолюцию, осуждавшую колониальную политику буржуазии.

Г. Гайндман, представлявший английских социалистов, отме-

[1] «Cinquième congrès socialiste internationale tenu à Paris du 23 au 27 septembre 1900. Compte rendu analitique officiel». Paris, 1901, p. 91.

тил роль Англии как «самой большой колониальной державы в мире»; он напомнил, что английская буржуазия распоряжается судьбой 350 млн. человек в Индии. Гайндман привел цифры, свидетельствовавшие о крайне низком уровне жизни индийцев. Из этих «нищих людей» английский капитализм выколачивает ежегодно 30 млн. ф. ст. прибыли. «В настоящее время 75 млн. человек страдают от голода потому, что мы забираем их богатства. Такова колониальная политика: высасывать всю кровь из колоний». Эти слова, полные горечи и осуждения, конгресс встретил с сочувствием. Гайндман указал также, что аналогичную политику англичане проводят вместе со своими сообщниками в Китае. Он заключил свою речь словами: «Я надеюсь, что вы поддержите резолюцию, осуждающую английское правительство за то, что оно разрушило цивилизацию, которая была, быть может, лучше нашей» [1].

В резолюции, принятой конгрессом единогласно, отмечалось, что развитие капитализма ведет к росту колониальной экспансии, а эта последняя в свою очередь служит причиной столкновений между государствами. Цель колониальной политики буржуазии состоит «исключительно в увеличении прибылей капиталистического класса и сохранении капиталистической системы посредством высасывания крови и денег из пролетария-производителя посредством преступлений и бесчисленных жестокостей по отношению к народам колоний, завоеванных силой оружия». Организованный пролетариат, заявил конгресс, должен употребить все находящиеся в его распоряжении средства, чтобы бороться с колониальной экспансией буржуазии и разоблачать ее жестокости. Было принято решение подвергнуть исследованию колониальный вопрос, «особо способствовать образованию колониальных социалистических партий, примыкающих к организациям метрополий», и «установить связи между социалистическими партиями различных колоний» [2].

Парижский конгресс коснулся вопроса о колониальной политике и в резолюции по вопросу о международном мире, милитаризме и отмене постоянного войска, предложенной Р. Люксембург. В этой резолюции милитаризм был охарактеризован как инструмент политики колониальной экспансии, которая препятствует нормальному развитию общества, обостряет международное соперничество и напряженность и «угрожает превратить войну в перманентное состояние». Связь между колониализмом и войной здесь подчеркивалась с большой силой. Резолюция призвала рабочие партии всех стран энергично выступить против милитаризма и колониальной политики, ответив на создание союза капиталистических классов и прави-

[1] «Cinquième congrès...», p. 92.

[2] Ibid., p. 106—107. Социалистических партий в колониях тогда еще не было. Пройдут годы, и из западноевропейских социал-демократов только голландские трибунисты (левые социал-демократы) примут активное участие в создании марксистской партии в колонии «своей» буржуазии.

тельств во имя увековечения войны созданием союза пролетариев всех стран во имя увековечения мира [1].

Важное место этот вопрос занимал и в работе Амстердамского конгресса (1904 г.). С докладом «Колониальная политика и социал-демократия» снова выступил Ван Кол. Основные мысли доклада сводились к следующему: так как колонии будут существовать еще в течение многих веков, надо подумать «об ингересах туземцев», выполнить «священный моральный долг». «Цивилизованные страны» проводят и будут проводить колониальную экспансию. Она исторически обусловлена и абсолютно непреодолима; перепроизводство при капитализме, ограниченность рынка цивилизованных стран, потребность в колониях как в «предохранительном клапане от давления пролетариата» — все это толкает капитализм на путь колониальной экспансии. На словах докладчик осудил «насильнические захваты». Вместе с тем он отрицательно ответил на поставленный им же вопрос: «Приходится ли осуждать всякое колониальное владение?» Мало того, Ван Кол утверждал, что после социалистического переворота «современные страны» не смогут обойтись без колоний. Он говорил, что недопустимо-де «покинуть половину земного шара на произвол народов, находящихся еще в периоде детства, оставляющих нетронутыми громадные богатства земных недр и самые плодородные части нашей планеты».

Уже К. Маркс и Ф. Энгельс высказали мысль о возможности миновать или прервать капиталистическое развитие. Условия, необходимые для реализации этой идеи, могли бы возникнуть, с их точки зрения, в результате социалистического переворота, совершенного пролетариатом капиталистических стран, и демократической освободительной революции, осуществленной народом отставшей страны.

Эта идея, исходя из которой Ленин создал позднее учение о некапиталистическом пути развития отставших стран, пришлась Ван Колу не по душе. «Гипотеза К. Маркса,— говорил он,— имея в виду вывод Маркса, что некоторые страны смогут хотя бы отчасти миновать капиталистический период в своей экономической эволюции,—не осуществилась; первобытные народы придут к цивилизации, лишь пройдя эту Голгофу». Поэтому, утверждал докладчик, «необходимо сделать возможным и в колониях рост промышленного капитализма, даже если бы для этого было необходимо пожертвовать старыми формами собственности. В то же время социал-демократия должна всеми силами бороться против дегенерирующего влияния этого капиталистического развития, тем более что население, как это можно предвидеть, не будет вести борьбу собственными силами».

Ван Кол призывал социал-демократию к тому, чтобы она, содействуя капиталистическому развитию колоний, заботилась вмес-

[1] *R. Luxemburg.* Gesammelte Werke, Bd I. 1893 bis 1905. Erster Hlbd. Berlin, 1970, S. 808.

те с тем об улучшении условий жизни «туземцев». Но колониальная экспансия разрушала «старые формы собственности», о которых говорил Ван Кол и которые тормозили развитие капитализма в колониях; стало быть, социал-демократия должна поддержать и экспансию, сделав ее гуманной. Констатировав, что колониальная экспансия капитализма закономерна, Ван Кол отнюдь не поставил вопроса о том, как социал-демократия может использовать сложившуюся в результате этой экспансии ситуацию в революционных целях. Реформизм и отход от интернационализма здесь находились в тесной связи друг с другом; они, однако, скрывались за словами о великодушном стремлении помочь угнетенным. Выходило, что проблемы Востока не имели никакого значения для противоборства с капитализмом, которое было главной задачей организованного международного рабочего движения.

В практической части доклада Ван Кол, впадая в противоречие с собственным тезисом о неизбежности развития капитализма в колониях «до конца», предлагал бороться за то, чтобы задержать обезземеливание «туземцев». Пытаясь аргументировать предлагавшуюся политику, он выражал сомнение в том, что «туземцы» вообще образуют когда-либо «сознательный пролетариат»:«Раса, влияние истории будут давать чувствовать себя»[1]. Эти слова произносил человек, который совсем незадолго до того декларировал, что «социалисты не знают рас».

Резолюция, принятая конгрессом, обязывала социалистические партии и их парламентские представительства не санкционировать законопроекты империалистического или протекционистского характера, выступать против завоевательных походов и военных кредитов на колониальные цели. Она требовала также вести борьбу против монополий и крупных земельных концессий в колониях, предлагала социалистическим партиям разоблачать насильственные действия против колониальных народов, добиваться от правительств мер защиты последних, вносить в парламенты законопроекты, направленные на обеспечение их благосостояния, и особенно следить за тем, чтобы коренное население колоний хитростью или силой не лишалось своей собственности. Резолюция указывала, что центр тяжести всякой колониальной проблемы состоит в установлении самоуправления народов колоний, и настаивала на обеспечении «туземцам» той ступени свободы и независимости, которая соответствует их развитию, имея в виду, что желаемой целью является полное освобождение колоний[2].

И все же, хотя резолюция резко осуждала колониальную поли-

[1] «Sixième congrès socialiste internationale tenu à Amsterdam du 14 au 20 août 1904. Compte rendu analitique». Bruxelles, 1904, p. 41—43; «Материалы к истории I и II Интернационалов», стр. 256—264.

[2] «Sixième congrès socialiste internationale tenu à Amsterdam du 14 au 20 aout 1903. Compte rendu analitique», p. 43.

тику капитализма, она могла быть истолкована как отступление от решения конгресса 1896 г.; последнее не исключало толкования права на самоопределение как права на государственное отделение, на независимость, амстердамская же резолюция фактически говорила о независимости лишь как об отдаленной цели; далее по смыслу и букве этой резолюции Интернационал связывал право угнетенных народов на самоопределение с уровнем их развития. Иными словами, амстердамская резолюция исходила из того, что населению колоний придется пройти курс «колониального воспитания».

Подход II Интернационала к национальной и национально-колониальной проблеме был тесно связан с ее решением в отдельных социалистических партиях. В Социал-демократической партии Германии — наиболее массовой и наиболее влиятельной партии II Интернационала — эти проблемы с конца XIX в. стали предметом острых дискуссий. В партии наличествовали самые различные точки зрения по национально-колониальному вопросу.

Э. Бернштейн уже в 1896 г. взял под защиту колониальную политику. Он утверждал, правда, что социал-демократия выступает за освобождение народов, но тут же объявлял романтизмом поддержку «дикарей и варваров, которые противятся проникновению капиталистической цивилизации». «Высшие» цивилизации, по Бернштейну, вообще должны обладать определенными правами по отношению к «низшим». Лидер ревизионистов защищал политику англичан в Индии, пытаясь доказать, что если индийские крестьяне находятся в бедственном положении, то это происходит по их собственной вине: они-де слишком быстро размножаются.

Аналогичных взглядов придерживались Э. Давид, М. Шиппель, Г. Носке, Г. Гильдебранд. Представители этого направления твердили, что колониализм может оказывать цивилизующее воздействие, если колониальную политику будут проводить социалисты.

В 1899 г. Бернштейн подверг критике отношение немецкой социал-демократии к колониальному вопросу. Поводом послужило обсуждение в рейхстаге и в прессе вопроса об «аренде» германским правительством бухты Цзяочжоу (что означало фактическую аннексию части территории Китая). В связи с этой акцией германского империализма социал-демократическая партия заявила протест в рейхстаге; она осудила «всякую колониальную политику», ссылаясь на «общие принципы» социализма. Против этого и выступил Бернштейн. Он объявил аренду Цзяочжоу оправданной, ибо она позволяла принять участие в разделе Китая. Бернштейн позже писал: «Колониальный вопрос является чем-то бо́льшим, чем простым вопросом гуманности... Речь идет о распространении цивилизации, и до тех пор, пока будут существовать различные уровни цивилизации, речь идет о поддержке и преобладании высшей культуры». С точки зрения Бернштейна оппозиция колониальной политике ведет к политической «слепоте»: «Рабочий класс по своему экономическому положению

тесно связан с обществом и заинтересован в его развитии; неправильно утверждать, что обладание колониями вредно для пролетариата...»[1]

Виднейший теоретик Интернационала К. Каутский на первых порах оспаривал ревизионистские взгляды Бернштейна по колониальному вопросу. В 80—90-х годах XIX в. он выступал как противник колониализма. Для него колониализм означал прежде всего эксплуатацию и подавление, грубое попрание демократии. Каутский протестовал против завоевательной политики германского империализма в Африке, обращая внимание также на ее отрицательные последствия для германского рабочего класса. Однако покоренные империализмом народы оставались в глазах Каутского лишь объектами истории; он не представлял, что в будущем они смогут стать могучими союзниками пролетариата в борьбе за революционное преобразование мира; популяризуя выводы Маркса и Энгельса об экономической обоснованности стремления народов к созданию национальных государств, он не касался вопроса о том, в какой мере эти выводы относятся к порабощенным странам Востока. Принятие им принципа самоопределения наций было не более чем признанием одного из «рядовых» демократических лозунгов. Каутский не увязывал этот лозунг с перспективами мировой социалистической революции.

В 1903 г. на съезде СДПГ в Дрездене Каутский выступил с речью, в которой говорил о необходимости борьбы против милитаризма и маринизма; его речь была в значительной мере направлена также против ревизионистской колониальной политики. Тем не менее в рассуждениях Каутского присутствовала недооценка новых явлений, возникших в международном развитии[2]. Каутский не допускал, что колониальные народы могут активно выступить против насилия и грабежа, заключив союз с международным пролетариатом, и таким образом нанести удар по колониализму. Его рассуждения сводились к тому, что, с одной стороны, колонии не в состоянии вести борьбу за свое освобождение, а с другой — пролетариату безнадежно давать бой капитализму по колониальному вопросу. Из всего этого вытекала практическая политика «невмешательства», которую Каутский предлагал социал-демократии. В глазах Каутского появление «колониального мира» и завершение раздела земли между капиталистическими державами не внесло коренных изменений в расстановку политических и социальных сил в мире. Социал-демократия должна была только накапливать силы, с тем чтобы прийти к власти, а колониальным народам предстояло «сидеть» и ждать этого момента.

Столь непоследовательной была точка зрения Каутского по на-

[1] Цит. по: «La Deuxième Internationale el l'Orient». Paris, 1967, p. 96.

[2] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands abgehalten in Dresden vom 13. bis 20. September 1903». Berlin, 1903, S. 388—389.

ционально-колониальному вопросу даже в то время, когда он выступал как ведущий теоретик СДПГ в борьбе против ревизионистского отрицания революции и концепции мирного «врастания» капитализма в социализм.

Большой интерес представляют выступления А. Бебеля по национально-колониальному вопросу. Еще во время борьбы против «исключительного закона» он опубликовал статью «Магометанско-арабский культурный период». Подчеркивая огромный вклад арабов, ислама в мировую культуру, Бебель выступил против европоцентристских взглядов буржуазных идеологов, которые отрицали роль неевропейских народов в истории. Бебель был твердо убежден, что революционные социал-демократы не могут санкционировать угнетение других народов и насилие над ними, что они обязаны оказывать противодействие агрессивным и насильническим акциям, направленным на покорение других стран. В этом смысле он проявил себя, как умудренный опытом пролетарский политик. Правда, и Бебель был далек от того, чтобы увидеть в угнетенных народах крупную антиимпериалистическую силу.

Характернейшим примером отношения Бебеля к колониальной проблеме служит его речь в рейхстаге 19 ноября 1900 г. по поводу участия германских войск в подавлении восстания ихэтуаней в Китае. Восстание, отмечал Бебель, вызвано действиями капиталистических держав. Он разоблачал утверждение кайзера, будто причиной восстания были «фанатичная ненависть и темные предрассудки» китайского населения. Бебель говорил о насилиях, преступлениях и несправедливостях, совершавшихся чужеземцами в течение десятилетий по отношению к китайскому народу, который все это время проявлял терпение. Коллективная нота империалистических держав, предъявленная китайскому правительству, заявил оратор, была беспримерным в истории международных отношений актом вмешательства в дела другого государства. В заключение Бебель отметил: ненависть китайского населения к европейцам — следствие политики чужеземных поработителей. Социал-демократия будет вести борьбу против этой политики, ибо она не может совместить ее со своей совестью; социал-демократия не желает ассигновать на эту политику даже пфеннига [1].

К колониальному вопросу А. Бебель возвратился в речи, произнесенной в рейхстаге 30 января 1905 г. по поводу репрессий германских властей и военщины в связи с восстанием герреро в Юго-Западной Африке. «Если бы можно было себе представить,—сказал он,— что население какого-либо европейского культурного государства подверглось хотя бы приблизительно такому же обращению, как население Юго-Западной Африки, в этой стране уже давно вспыхну-

[1] «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags». X. Legislaturperiode, II. Session. 1900/1902, Bd 1. Berlin. 1901, S. 20—36.

ло бы восстание или революция». Он обращал внимание на то, что герреро подвергались «безмерному угнетению»[1].

Много внимания уделяла национальному и национально-колониальному вопросам Роза Люксембург. Еще в 1896 г. она со всей резкостью выступила с осуждением колониальной агрессии капиталистических держав. В 1899 г. в работе «Социальная реформа или революция» Люксембург критиковала колониализм с пролетарских позиций, указывая, что он отвечает классовым интересам буржуазии. В отличие от большинства лидеров германской социал-демократии Люксембург не только порицала политику правительства в Китае, но и призывала к организации массовых кампаний против нее. С ее точки зрения, особенно были важны потенциальные последствия колониальной политики для дела пролетариата. На Парижском конгрессе II Интернационала она выявила связь между колониалистской политикой и войной. Р. Люксембург пришла к выводу, что капитализм может пасть в результате политического кризиса, вызванного столкновением империалистических интересов великих держав.

В 1900 г. на съезде СДПГ в Майнце Р. Люксембург выступила с протестом против интервенции в Китае. Критикуя партийное руководство, она вменяла ему в вину, что СДПГ не опубликовала по этому поводу манифеста, который разъяснил бы широким кругам населения всю чудовищность шага, сделанного немецкими империалистами. Необходимо было, по ее словам, развернуть также устную агитацию. «Китайская война,—говорила Р. Люксембург,—это первое событие всемирно-политической эры, в которое вовлечены все культурные государства, и на этот первый натиск международной реакции, Священного союза объединившиеся рабочие партии Европы должны были бы немедленно ответить протестом»[2]. Инициативу обязана взять на себя партия, действующая именно в той стране, которой принадлежит ведущая роль в войне против Китая,—Социал-демократическая партия Германии.

Решительно осуждая взгляды Бернштейна по колониальному вопросу, Р. Люксембург вместе с тем отвергала лозунг права наций на самоопределение. В основе такой позиции лежало превратно истолковывавшееся ею представление о примате классового фактора над национальным. Применительно к колониальным народам ее аргументация была такова: если лозунг права наций на самоопределение выдвинут для того, чтобы таким путем выразить свое отношение к насилию над нациями, осудить его, то этот лозунг не нужен, ибо социал-демократия всегда осуждала такое насилие; если же понимать под правом наций на самоопределение право буржуазии свободно ре-

[1] «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags». X. Legislaturperiode, I. Session. 1903/1905. Bd 6. Berlin, 1905, S. 4097.

[2] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Mainz vom 17. bis 21. September 1900». Berlin, 1900, S. 165.

шать свои проблемы за счет пролетариата — а именно так Р. Люксембург воспринимала объективное содержание данного лозунга,—то он попросту вреден.

Эта ошибочная точка зрения исходила из предположения, что проблема формирования наций и создания национальных государств отошла в прошлое. Как известно, В. И. Ленин выделял две тенденции мирового капитализма в национальном вопросе: с одной стороны, к пробуждению и развитию национальной жизни и национальных движений, к формированию национальных государств, с другой — к ломке национальных перегородок. Р. Люксембург признавала прогрессивной лишь вторую из этих тенденций, первую же считала реакционной. Она полагала поэтому, что национально-освободительные движения имеют утопический или даже реакционный характер.

Общее направление в политике СДПГ по колониальному вопросу (в той мере, в какой это было возможно в партии, где уже сосуществовали и противоборствовали различные течения) было разработано на съезде в Майнце. В связи с англо-бурской войной съезд принял особую резолюцию, где заявил о своем согласии с теми «организованными английскими рабочими», которые выступили против грабительского похода английского колониализма, приведшего к насильственному уничтожению Трансваальской республики. Съезд охарактеризовал действия британского правительства как «жестокую акцию», вызванную к жизни «капитализмом, который уничтожает народы, грабит классы и нации ради выгоды маленькой кучки бесстыдных капиталистических грабителей и подчиняет им эти классы и нации».

Одновременно была принята резолюция, осуждающая карательный поход империалистических держав против Китая. В ней отмечалось, что колониальная политика проводится с целью капиталистической эксплуатации, что эта политика в первую очередь соответствует корыстным намерениям буржуазии, ее стремлению к новым приращениям капитала и приобретению новых рынков.

В резолюции говорилось, что грабительская колониальная политика ведет к обострению соперничества держав, к росту вооружений, таит в себе зародыш опасных международных конфликтов, которые ставят под вопрос культурные отношения и отношения обмена, достигнутые «мирным путем». Колониальная политика препятствует социальным реформам в метрополиях и может привести к «общей катастрофе». «Социал-демократия, как враг всякого угнетения и всякой эксплуатации человека человеком,— гласил документ,—решительнейшим образом протестует против этой грабительской и завоевательной политики». Социал-демократия требует использования культурных и экономических связей между народами земли, с тем чтобы уважались их права, свободы и независимость. Съезд призвал руководящие органы партии развернуть энергичное движение протеста

против политики правительства в отношении Китая[1]. Это решение, мобилизовывавшее немецких рабочих и всех трудящихся на борьбу против хищнической политики империализма, получило поддержку социал-демократических масс. Германская социал-демократия в целом еще проявляла себя как реальная политическая сила, препятствовавшая империализму в осуществлении его планов.

Однако оппортунистические колебания в руководстве СДПГ уже давали себя знать. Центральный печатный орган партии все больше склонялся к осуждению лишь методов германского колониализма, а не самих его экспансионистских планов. Решение, принятое в Майнце и отразившее взгляды революционной социал-демократии, не закрыло дорогу оппортунизму в колониальном вопросе. Борьба течений в СДПГ обострялась, и это нашло выражение, в частности, в дискуссии по колониальному вопросу на съезде СДПГ в Бремене (1904 г.). Здесь социал-демократы из Эссена предложили резолюцию: «Партийный съезд поручает фракции рейхстага в будущем отклонять все колониальные требования». Эссенцы внесли ее, ибо социал-демократическая фракция рейхстага воздержалась при вотировании кредитов на подавление восстания герреро. Выступая на съезде, один из депутатов, Ледебур, объяснял эту позицию «заботой» о немецких поселениях. «В общем негативном отношении к колониальным предприятиям в капиталистическую эпоху,—утверждал Ледебур,—мы все едины... Тем не менее могут возникнуть ситуации, когда мы будем вынуждены вмешаться в колониальную политику позитивным и улучшающим образом»[2].

В этом частном эпизоде отразились нарастающее размежевание сил в СДПГ и признаки появления центристского течения. Левые в СДПГ во главе с Р. Люксембург, К. Либкнехтом, К. Цеткин, Ф. Мерингом, занимая антиколониалистские позиции, стремились претворить соответствующие решения партии в жизнь при опоре на массовые действия и увязать их с общими задачами революционной классовой борьбы; ревизионисты открыто выступали в поддержку колониальной экспансии; возникавшее центристское течение все реже выходило за рамки декларативного осуждения колониализма.

Определенное место колониальный вопрос занимал в политике Французской рабочей партии (ФРП), представлявшей наиболее близкое к марксизму течение во французском социализме. Еще в 1895 г. на съезде ФРП в Ромийи была принята антиколониалистская резолюция. Через год П. Лафарг заявил на Лилльском съезде партии, что видит в колониализме три «основы» капиталистического строя: средство от перепроизводства, средство для подкупа части пролетариата метрополий и «кровопускание», с помощью которого буржуа-

[1] «Handbuch der sozialistischen Parteitage von 1863 bis 1909». München, 1910, S. 111—112.

[2] «Arbeiterklasse und nationaler Befreiungskampf», Sonderband II. Leipzig, 1963, S. 237.

зия утверждает свое господство [1]. Тем не менее в печати, а в еще большей степени на публичных и партийных собраниях вопросы колониализма отодвигались на задний план; фактически критике подвергались только методы колонизации, да и осуждались они главным образом в той мере, в какой налагали на рабочих метрополии новое финансовое бремя и требования «налога кровью».

«Осторожная» пропаганда ФРП против колониализма не подкреплялась практической активностью. Так, выступления против колониального разбоя сводились к декларациям, что депутаты от ФРП не предоставят для колониальных экспедиций ни одного человека и ни одного су. Тем не менее некоторые из депутатов от ФРП голосовали за колониальные аннексии; в 90-х годах шовинистически настроенные деятели партии даже выражали сожаление, что колониальные приобретения Франции «оказались скудными». Иногда отдельные члены Рабочей партии участвовали в колониальных экспедициях [2].

Известное равнодушие лидеров ФРП к колониальным проблемам было тесно связано с их позицией в национальном вопросе. Эта позиция была практически продемонстрирована во время дела Дрейфуса. Рабочая партия одно время даже стала жертвой националистической демагогии, провозглашавшей Дрейфуса изменником. Позже гедисты несколько изменили свою линию поведения; они уже не говорили о виновности Дрейфуса, но и не выступали в защиту его, хотя осуждение ни в чем не повинного офицера — выходца из еврейской семьи — явилось актом вопиющего произвола. Гед, приветствовавший выступление Э. Золя в защиту Дрейфуса как «самый крупный революционный акт», подписал тем не менее документ, в котором выражалась ошибочная точка зрения: пролетарии не должны занимать чью-либо сторону в деле Дрейфуса — им следует выступать лишь за свои «собственные» интересы.

ФРП неоднократно утверждала, что социалистическое движение не должно отвлекаться от своих главных целей, добиваясь устранения тех или иных «незначительных несправедливостей». В результате партия оказалась перед опасностью изоляции.

Сектантская, «нигилистическая» позиция ФРП была частью общего круга представлений лидеров партии, недооценивавших значения национального вопроса как во Франции, так и за ее пределами. Не удивительно, что лидеры партии не уделяли серьезного внимания колониальным проблемам.

Зато большой интерес к ним проявлял Жорес. Накануне Лондонского конгресса Интернационала он опубликовал статью, в которой утверждалось: борьба за колонии может в любую минуту вызвать большую войну, а это будет убийственно для человечества и для социализма. Не следует, рассуждал Жорес далее, довольствоваться

[1] См. *К. Виллар*. Социалистическое движение во Франции. 1893—1905 (Гедисты). М., 1969, стр. 264.
[2] См. там же, стр. 265—266.

декларативным осуждением колониальной политики: «Сколько бы мы ни разоблачали все мерзости, коррупцию, жестокости, сопутствующие колониальной экспансии, нам ее не остановить». Более того, если какое-нибудь европейское государство станет воздерживаться от колониальной экспансии, то оно ни на йоту не уменьшит беззаконий и грабежей, совершаемых в Азии и Африке, ибо их все равно будут совершать другие. Поэтому здесь важна практическая позиция социалистов.

Исходя из этого, Жорес сформулировал «практические правила», которые надлежит соблюдать в отношении к колониальной политике: следить за тем, чтобы колониальное соперничество не привело к войне, добиваться наиболее гуманного обращения с порабощенными народами Азии, Америки и Африки. «Идет ли речь об индийцах, покоренных Англией, арабах, покоренных Францией, или африканских народах, из-за которых дерутся и ссорятся все государства Европы, долг социалистов проявить инициативу в парламентах своих стран и добиться для этих народов человеческих условий существования или же, в случае неудачи, возвысить свой голос протеста»[1]. И наконец, надо стремиться к тому, чтобы важнейшим колониальным экономическим районам был придан «международный характер». Иными словами, Жорес предлагал «интернационализацию» наиболее важных колониальных владений.

Это была демократическая программа, не выходившая тем не менее за рамки распространенного среди европейских социалистов того времени отношения к колониальной политике как явлению, которое следует реформировать, но сокрушить которое невозможно. Мысль Жореса еще вращалась в кругу «цивилизаторских» и «гуманных» идей, реализация которых, даже самая последовательная, не могла дать свободы колониальным народам. Эта система взглядов по сути дела предполагала неготовность колониальных народов не только к самоопределению, но и к борьбе за него.

Вместе с тем, разоблачая жестокости колониализма, его тесную связь с милитаризмом, требуя сплочения пролетариев и всех трудящихся в борьбе против войны, Жорес стал врагом империализма, внушавшим ему страх. В своей практической деятельности против колониализма и милитаризма Жорес встал вровень с революционными социал-демократами — учениками Маркса и Энгельса.

Острые разногласия по вопросу о колониальной политике существовали в социалистическом движении Англии. Первым серьезным толчком к их вспышке послужила англо-бурская война (1899—1902 гг.). Подавляющее большинство социалистов во всем мире считали ее колониальной войной в интересах господствующих классов. Незави-

[1] *Ж. Жорес.* Против войны и колониальной политики. М., 1961, стр. 113—116.

симая рабочая партия и Социал-демократическая федерация на массовых собраниях и в прессе протестовали против этой войны, высказываясь в духе резолюции Лондонского конгресса II Интернационала. Фабианцы, однако, одобрили войну и выступили с манифестом, в котором требовали аннексии бурских республик. Его автором был Б. Шоу. Он считал, что колониализм может быть оправдан благодаря своим цивилизаторским функциям: «Государство, которое препятствует расширению международной цивилизации, независимо от того, большое оно или маленькое, должно исчезнуть. Земля — это общая собственность всего человечества — и общие интересы стоят выше, чем интересы того народа, который населяет ту или иную область». Отсюда Шоу делал вывод, что южноафриканские золотые прииски надлежит интернационализировать и эксплуатировать в интересах всех народов. Идеальным-де было бы вступление бурских республик в федеративное мировое государство. Но поскольку такое мировое государство еще не существует, то, с точки зрения социалистов, аннексия бурских республик Британской империей была бы оправдана, ибо великая держава обязана управлять «в общих интересах цивилизации»[1].

Выступление Шоу вызвало возмущение в английском рабочем классе. НРП и СДФ квалифицировали его теорию как предательство принципов социализма, но большинство фабианцев поддержали Шоу.

В целом, однако, деятели рабочих партий Англии в то время уделяли проблеме колоний мало внимания. Исключение составляли некоторые лейбористы и социалисты, известное время проживавшие в странах Азии и Африки. К ним относился, например, Г. Гайндман. Он советовал Индийскому национальному конгрессу прибегать к решительным действиям и выражал позитивное отношение к перспективе восстания в Индии. Этим он, впрочем, и ограничился.

Так называемые австромарксисты — К. Реннер, О. Бауэр и др.— разработали целую систему взглядов на национально-колониальный вопрос. Они признавали необходимость сохранения и укрепления национальных различий; производным от этого служило требование культурно-национальной (а не территориальной) автономии для меньшинств. Воззрения Реннера и Бауэра нашли сравнительно широкое распространение среди австрийских социалистов.

Серьезная опасность идеи культурно-национальной автономии состояла в том, что при этом придавалось самодовлеющее значение национальному вопросу в программе пролетарской партии; фактически он рассматривался вне связи с задачами классовой борьбы пролетариата. К. Реннер и О. Бауэр ратовали за укрепление национально-буржуазных, а не пролетарски-интернационалистических общностей и в своих представлениях о путях решения национальной проблемы

[1] См. *J. Braunthal.* Geschichte der Internationale, Bd I. Hannover, 1964, S. 311—312.

исходили из эволюционистской, а не из революционной точки зрения.

Примирить национальные противоречия при капитализме посредством мирной «деполитизации» национального вопроса — такова была утопическая цель авторов этой теории, вступивших в резкое противоречие как с учением Маркса о классовой борьбе пролетариата и ее интернациональном характере, так и с диалектико-материалистическим пониманием истории в целом. «Закрепить национализм в известной, «по справедливости» отграниченной сфере, «конституировать» национализм, разгородить крепко и прочно все нации между собой посредством особого государственного учреждения — вот идейная основа и содержание культурно-национальной автономии. Эта мысль насквозь буржуазная и насквозь ложная»[1],—писал В. И. Ленин.

В политическом отношении теория «национально-культурной автономии» наносила серьезный ущерб делу пролетариата, революции и демократии. Она проповедовала национальное разъединение, а не интернациональное соединение пролетариата австрийских земель и была альтернативой требованию самоопределения наций, т. е. признания их права на государственное отделение.

В целом II Интернационал в своем подходе к национально-колониальному вопросу оставался на уровне Лондонского конгресса 1896 г., а в некоторых отношениях даже отступил от его решений. По этому вопросу II Интернационал сошел с марксистских позиций раньше, чем по многим другим направлениям. Никто из официальных деятелей II Интернационала и лидеров крупнейших партий, входивших в него, не связывал (и в рассматриваемый период еще не мог связать) обострение колониального и национального вопросов с началом нового этапа в развитии капитализма, не считал освободительные движения угнетенных народов составной частью мирового революционного процесса. Решение Лондонского конгресса II Интернационала о праве наций на самоопределение не повлекло за собой массовых и целенаправленных практических действий входящих в него партий. Лидеры II Интернационала далеко не в полной мере оценивали перспективы национально-освободительного движения на Востоке. В его решениях отсутствовал вывод о том, что центр тяжести программы социал-демократии по национальному вопросу после завершения (в основном) периода буржуазно-демократических, национально-буржуазных преобразований в Западной Европе следует перенести на Восток (включая восток Европейского континента). Как в резолюциях II Интернационала, так и в деятельности его партий с полной очевидностью прослеживается постулат: народы колониальных и зависимых стран еще не поднялись на такую ступень развития, когда они могут стать союзниками международного пролетариата, а задача последнего якобы состоит лишь в том, чтобы «очис-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 133.

тить» цивилизаторскую миссию капитализма на Востоке от насилий и жестокостей.

II Интернационалу не удалось выработать такую политику в национальном и национально-колониальном вопросах, которая явилась бы дальнейшим развитием установок Маркса и Энгельса и соответствовала изменившимся условиям. Для создания научной концепции по национальному и национально-колониальному вопросам необходим был всесторонний анализ эпохи империализма — экономический, социальный, политический. Только в результате такого анализа можно было прийти к обоснованным выводам о расстановке главных социально-политических сил в мире; в свою очередь только таким путем можно было выработать теорию и политику в национальном и национально-колониальном вопросах, которые в полной мере соответствовали бы реальным потребностям развертывавшейся борьбы пролетариата, его конечным целям. Решение этой задачи выпало на долю В. И. Ленина.

Уже в начале XX в. лозунги и политика большевизма по национальному вопросу стали новым словом в развитии научной социалистической мысли, хотя в то время в западных социал-демократических партиях о них знали далеко не все. В первых же работах, посвященных этим проблемам, Ленин указывал на капиталистическую сущность империалистической политики территориальных захватов. Он подчеркивал, что быстро развивающаяся капиталистическая промышленность требует рынков сбыта и что колониальные войны ведутся в интересах кучки капиталистов[1]. На рубеже двух веков В. И. Ленин, констатируя, что мир уже поделен крупнейшими капиталистическими державами, указал на колоссальное значение этого факта, таившего в себе угрозу мировой войны. Он отмечал и то обстоятельство, что колониальные войны используются, чтобы отвлечь недовольство широких народных масс от политики буржуазных правительств.

По мере назревания буржуазно-демократической революции в России В. И. Ленин уделял все больше внимания национальному вопросу. В январе—апреле 1902 г. в «Проекте программы Российской социал-демократической рабочей партии» В. И. Ленин выдвинул требование признания «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства»[2]. В феврале 1903 г. он указал на особенно важное значение интернационалистического воспитания рабочего класса; во главу угла политики социал-демократии по национальному вопросу В. И. Ленин ставил сплочение рабочих всех наций. Накануне II съезда РСДРП он написал статью «Национальный вопрос в нашей программе», где раскрыл значение лозунга права наций на самоопределение, подчеркнул, что признание этого права не означает поддержки всякого требования национального самоопреде-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 379—380.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 206.

ления [1]. В. И. Ленин подверг острой критике Польскую социалистическую партию (ППС), руководство которой считало, что социал-демократии надлежит всегда и при всех обстоятельствах выступать с требованием национальной независимости. В. И. Ленин же полагал, что требование национального самоопределения должно быть подчинено интересам классовой борьбы пролетариата [2].

В. И. Ленин самым внимательным образом анализировал революционные возможности колониальных и полуколониальных народов. Это исследование он проводил, работая над созданием теории империализма и пролетарских революций. Позднее в статье «Горючий материал в мировой политике» (1908 г.) В. И. Ленин расценит движения угнетенных народов как пробуждение «борьбы масс против капитала, против капиталистической колониальной системы, т.е. системы порабощения, грабежа и насилия» [3]. Здесь он впервые выдвинет мысль о том, что выступления народов против капиталистической колониальной системы могут стать в конечном счете борьбой против господства капитала.

Ленин был первым, кто увидел в сотнях миллионов населения колониальных стран, подымавшихся на борьбу, союзников пролетариата. Именно в трудах В. И. Ленина постепенно кристаллизуется современное понятие «антиимпериалистическая борьба». Если империализм есть не просто политика капитализма, а этап его развития, как доказал Ленин позднее, то борьба против колониального угнетения — это вместе с тем, пусть в опосредованной форме, и выступление против капиталистической системы. Иными словами, пробудившийся Восток может стать союзником пролетариата в его натиске на капитализм.

Подход В. И. Ленина к национально-колониальной проблеме позволил четко обозначить три основные социально-политические силы эпохи: империалистические страны, разделенные на враждовавшие и готовившиеся к войне блоки; пролетариат этих стран, уже обладавший своими партиями, массовыми профсоюзными организациями, имевший опыт политической и экономической борьбы; угнетенные страны, народы которых поднимались на борьбу за национальное освобождение. Нужно было обладать колоссальным теоретическим кругозором и знаниями, чтобы установить это в то время, когда империализм выглядел властителем мира.

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 233.
[2] См. там же, стр. 241.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 177.

СОЗДАНИЕ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ — ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ НОВОГО ТИПА

Изменившиеся исторические условия, как уже отмечалось, выдвигали новые требования к пролетарским партиям. Между тем в период сравнительно мирного развития капитализма рабочее движение, в том числе и его отряды, стоявшие в основном на марксистских позициях, ориентировались главным образом на сохранение и расширение буржуазно-демократических завоеваний, в частности на борьбу за всеобщее и равное избирательное право, за социальные реформы в интересах трудящихся. Широко используя легальные, и прежде всего парламентские, формы деятельности, рабочее движение добилось на этом пути существенных успехов. Усилилось влияние ряда социал-демократических партий, возросла степень организованности рабочего класса в капиталистических странах.

Однако чрезмерно оптимистическая оценка успехов, достигнутых благодаря такого рода деятельности, недостаточное понимание того, что меняющиеся объективные условия выводят рабочий класс на новые плацдармы борьбы, породили тенденцию, которая в дальнейшем привела к утрате западноевропейской социал-демократией ее боевых, революционных качеств. Да и некоторые положения, которые первоначально лежали в основе деятельности социал-демократических партий, перестали отвечать объективным условиям.

Русские марксисты, в первую очередь В. И. Ленин, внимательно изучавшие социалистическое движение за рубежом, видели его сильные и слабые стороны. Добиваясь усвоения всего ценного, что дала международная социал-демократия, В. И. Ленин одновременно ставил вопрос о поиске новых путей пролетарского движения, которые бы отвечали как изменявшейся ситуации в мире, так и специфике положения в России. Он исходил при этом из того, что рабочему классу необходима такая партия, которая могла, решая общедемократические задачи, стать во главе масс и, объединив вокруг себя самые широкие слои трудящихся, поднять их на решительный штурм капитализма.

Задача создания пролетарской партии нового типа, способной реализовать объективно зревшие предпосылки революционного преобразования капиталистического общества, стояла практически перед всем международным рабочим движением и его марксистским авангардом. Но только в России благодаря усилиям В. И. Ленина и его соратников она была успешно решена. Неразрывно связанная с этим борьба за реализацию практической программы политических действий составила основной стержень развития российского социал-демократического движения в первые годы XX в.

ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН ОБРАЗОВАНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МАРКСИСТСКОЙ ПАРТИИ РОССИЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

I съезд РСДРП, состоявшийся в 1898 г., официально закрепил тенденцию к сплочению российской социал-демократии на платформе революционного марксизма, к превращению ее в политический авангард рабочего класса. Однако уже вскоре после съезда начался распад, РСДРП превратилась в «бесформенный конгломерат местных партийных организаций»[1]. Основные причины этого коренились в наплыве в социал-демократические организации революционной молодежи, не «выстрадавшей» подлинно социалистических убеждений, а почерпнувшей их из нередко вульгаризировавших суть революционной теории комментариев к работам основоположников марксизма. Большинство этой молодежи преклонялось перед стихийностью рабочего движения, интересовалось лишь экономическим положением рабочего класса, принижало его способность быть активной политической силой, отрицало роль партии как проводника социалистических идей и организатора борьбы рабочих масс за ближайшие интересы и конечные цели. ««Экономическое» направление свирепствовало среди «молодых» как зараза»[2],—отмечал Г. В. Плеханов.

Полицейские акции по «очищению» крупных городов и промышленных центров от активных участников рабочего движения привели к тому, что многие испытанные пролетарские революционеры оказались в тюрьмах и ссылке, а руководство социал-демократическими организациями перешло к оппортунистически настроенному пополнению[3]. В РСДРП временное преобладание получило оппортунистическое направление — «экономизм».

Это направление не стремилось к объединению пролетарских революционеров в общероссийском масштабе, не было заинтересовано в выработке программных и политических основ пролетарской борьбы за социализм, в упрочении партийной организации. И хотя в социал-демократическом движении и после I съезда были достаточно сильны тенденции дальнейшего роста (социал-демократические организации возникали по-прежнему повсеместно и по-прежнему их ряды пополнялись все новыми приверженцами, которые приходили на смену жертвам полицейских репрессий), все же эти годы его истории В. И. Ленин с полным основанием охарактеризовал как «период разброда, распадения, шатания»[4]. Создав партию, «сделав этот громадный шаг вперед,—писал В. И. Ленин,—русская социал-демократия как бы исчерпала на время все свои силы и вернулась

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 51.
[2] *Г. В. Плеханов.* Сочинения, т. XII, стр. 38.
[3] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. I. М., 1964.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 181.

назад к прежней раздробленной работе отдельных местных организаций»[1].

«Экономизм» как оппортунистическое направление в российском социал-демократическом движении, вызревая постепенно, окончательно сформировался во второй половине 90-х годов. Главным рупором его идей первоначально служила газета «Рабочая мысль». Уже в передовой статье первого номера (изданного в октябре 1897 г.) рельефно отразился «*весь дух*... «экономизма» вообще»[2]: неприязнь, если не сказать ненависть, к политическим задачам, раболепство перед стихийностью рабочего движения, коренившееся в вульгарном понимании известных положений научного социализма о примате экономики над политикой, о том, что освобождение рабочего класса может быть только результатом его собственных усилий. В статье провозглашалось, что «экономическая основа движения затемняется стремлением постоянно не забывать политический идеал»; выдвигался лозунг «рабочие для рабочих»; объявлялось, что стачечные кассы «дороже для движения, чем сотня других организаций», что «политика всегда послушно следует за экономикой». Демагогическое, в устах авторов статьи, утверждение, будто своей «живучестью» рабочее движение «обязано тому, что рабочий сам берется наконец за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей», соседствовало в статье с призывом к рабочим вести «борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей»[3]. Подобные заявления, рассчитанные на непробудившееся еще сознание большинства пролетариев, в сущности ничем не отличались от идей буржуазных реформистов, пытавшихся совлечь рабочее движение с пути революционной борьбы.

Наиболее полно и откровенно основные идеи «экономизма» были изложены в печально известном документе, озаглавленном «Credo» и составленном в 1899 г. последовательной представительницей бернштейнианства в русской публицистике тех лет Е. Д. Кусковой. Воззрения международного ревизионизма были сформулированы в нем настолько выпукло, что это делало «Credo» знаменательным документом «нового направления». Не случайно В. И. Ленин, перефразируя известное изречение Вольтера, писал: «... если бы не было «Credo» — его стоило бы выдумать»[4].

Извращая историю международного рабочего движения и историю появления и распространения идей научного социализма, Кускова утверждала, будто «основной закон» этой истории — «линия наименьшего сопротивления», твердила о «кризисе марксизма», осуждала стремление марксистских партий пролетариата к завоеванию власти. По мнению Кусковой, надо стремиться лишь к изменению,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 187.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 35.
[3] Цит. по: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 35—36.
[4] Там же, стр. 18.

к реформированию современного общества в демократическом направлении».

В соответствии с попыткой навязать партиям пролетариата отказ от борьбы за коренное преобразование общественных отношений «Credo» провозглашало, что «практические требования минуты получат больше веса» (прямая перекличка с бернштейновским тезисом «движение — все, конечная цель — ничто»). Переходя к столь же ложно понимаемой российской действительности, Кускова формулировала призыв к отказу от самостоятельной политики рабочего класса: «Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву...»—писала она. «Для русского марксиста исход один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности»[1].

Следует отметить, что и в воззрениях «экономистов», и в их практической деятельности имелись различные оттенки. Например, в журнале «Рабочее дело», который издавался с 1899 г. заграничным «Союзом русских социал-демократов», высказывались взгляды, которые невнимательному читателю могли показаться отличными от взглядов откровенных «экономистов», выступавших в «Рабочей мысли», и автора «Credo». В действительности же «Рабочее дело» предпочитало проводить идеи «экономизма», маскируя их подлинную природу. В этом отношении его редакция следовала рекомендации германского оппортуниста Ауэра, который счел возможным упрекнуть Бернштейна только в одном — в чрезмерно откровенном высказывании своих взглядов.

Но именно в силу готовности к сделке с каким угодно оппортунизмом и ревизионизмом публикации «Рабочего дела» полно отразили дух разброда и шатаний, специфичный для российской социал-демократии в последние годы XIX в. Пренебрежение «Рабочего дела» необходимостью постоянной и углубленной теоретической работы, сопровождавшееся попытками беспринципного соединения ортодоксального марксизма с «новейшими» ревизионистскими изысканиями, быстро усваивалось теми социал-демократами, которые были слабо подготовлены к ведению длительной и трудной борьбы против царизма и буржуазии.

«Экономизм», с одной стороны, обрекал рабочих России на разрозненные выступления, на лишние жертвы, на блуждание в потемках, с другой — низводил социал-демократию до роли простого регистратора событий. То была теория и тактика разъединения рабочего движения и социализма. Широкое распространение «экономизма» во второй половине 90-х годов наносило огромный вред революционному рабочему движению в России, предопределяло ограничен-

[1] Цитаты из «Credo» даны по ленинскому «Протесту российских социал-демократов» (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 165—169).

ность результатов борьбы рабочего класса, задерживало его развитие. Поэтому прямой обязанностью всех революционных социал-демократов было объявление непримиримой войны любым проявлениям «экономизма». «Нам надо выйти из этого хаотического и позорного положения во что бы то ни стало»[1],—писал в то время Г. В. Плеханов.

Идейная и политическая борьба со всякого рода разновидностями оппортунизма была на рубеже XIX и XX вв. тем более настоятельной, что партии российских социал-демократов еще предстояло выработать и проверить на практике, в ходе революционных битв свою программу, основы тактики, принципы организации. «При таких условиях «неважная» на первый взгляд ошибка может вызвать самые печальные последствия...— писал В. И. Ленин.—От упрочения того или другого «оттенка» может зависеть будущее русской социал-демократии на много и много лет» [2].

В. И. Ленин первым поднял голос в защиту революционного направления в российской социал-демократии, против искажений и опошления марксизма в духе «экономизма». Как только в июле 1899 г. в его руки попало «Credo», он пришел к выводу о необходимости немедленно и самым решительным образом выступить против распространения и пропаганды в РСДРП антимарксистских взглядов, изложенных в этом документе с циничной откровенностью. Написанный В. И. Лениным «Протест российских социал-демократов», одобренный в августе 1899 г. на совещании 17 ссыльных социал-демократов, проживавших в Минусинском округе, стал открытым объявлением войны «экономизму». Ленин и его сторонники резко возражали против извращения истории и революционной теории международного рабочего движения, против попыток низведения российской социал-демократии до роли прислужницы и подручного либеральной буржуазии, против ее совлечения «с намеченного уже ею пути, именно: образования самостоятельной политической рабочей партии, неотделимой от классовой борьбы пролетариата и ставящей своей ближайшей задачей завоевание политической свободы»[3]. «Протест» призывал российских социал-демократов «приложить все усилия к окончательному укреплению партии, к выработке программы партии, к возобновлению ее официального органа»[4].

Ленинский документ стал широко известен в революционной среде, способствуя прояснению положения дел в российской социал-демократии, раскрытию причин разногласий, убедительно разоблачая сторонников «экономизма», определяя пути активизации и консолидации приверженцев создания партии, стоящей на последовательно марксистской платформе. Сам В. И. Ленин рассматривал «Протест российских социал-демократов» как своего рода рубеж в

[1] *Г. В. Плеханов.* Сочинения, т. XII, стр. 42.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 24.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 169.
[4] Там же, стр. 175.

развитии российской социал-демократии, как начало борьбы за победу в ней революционного марксизма и сплочения его сторонников в революционную пролетарскую партию [1].

О том, что призыв ссыльных социал-демократов во главе с В. И. Лениным дать отпор оппортунизму и активно включиться в борьбу против его влияния в РСДРП имел в виду реальные силы, свидетельствовало оживление на рубеже XIX и XX вв. деятельности тех организаций и групп, которые выступали за создание действительно боевой и революционной политической партии российского пролетариата. В Екатеринославе, например, начала выходить газета «Южный рабочий», редакция которой уже в первом номере, датированном январем 1900 г., заявляла, что борьба с правительством, «стремление к его ниспровержению и завоеванию себе политических прав является жизненной задачей рабочего класса в России, задачей не менее насущной и жизненной, как и вопрос о сокращении рабочего дня, увеличении заработной платы». Поворот Екатеринославского комитета РСДРП от чисто экономической агитации к агитации политической газета связывала с недовольством рабочих прежним направлением работы, с усилением политического характера рабочего движения в России.

В марте 1900 г. уцелевшие от арестов члены группы петербургских социал-демократов «Рабочее знамя», возникшей еще в 1897 г., выпустили второй номер газеты того же названия, в котором в противовес «Рабочей мысли» утверждалась необходимость политической борьбы против самодержавного правительства в качестве главной задачи рабочего движения в России.

Летом того же года в Петербурге была образована группа «Социал-демократическая рабочая библиотека», которая ставила целью выпуск для рабочих популярных брошюр, освещавших политическую проблематику. Изданные этой группой брошюры были позднее отмечены «Искрой» как свидетельство недовольства в рядах социал-демократии господством «экономического» направления — откровенного, проводимого «Рабочей мыслью», и замаскированного, олицетворявшегося «Рабочим делом».

Однако усиление революционных тенденций в российском социал-демократическом движении вовсе не означало, что происходил переход на революционные позиции. Во-первых, силы были еще неравными: ««Экономисты» задавали тон в большинстве местных организаций» [2]. Во-вторых же, преклонение перед стихийностью рабочего движения в любых его формах не могло быть преодолено стихийно, без активной деятельности сторонников превращения социал-демократии в авангард рабочего движения. Поэтому В. И. Ленин решительно разоблачал попытки сделать «экономизм» и бернштейниан-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 391.

[2] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, стр. 290.

ство господствующей идеологией российского рабочего движения, настойчиво искал пути к усилению влияния революционных марксистов на деятельность социал-демократии.

В конце 1899 г., все еще находясь в ссылке, В. И. Ленин сформулировал программу активизации борьбы за превращение РСДРП в боевую пролетарскую партию, базирующую свою деятельность на принципах научного социализма [1].

В статьях «Наша программа», «Наша ближайшая задача» и «Насущный вопрос» Ленин очень резко поставил перед российскими социал-демократами задачу отстоять учение Маркса от любых попыток искажения и вульгаризации, постоянно, углубленно, *самостоятельно* развивать это учение применительно к условиям рабочего движения в России. «Крепкой социалистической партии,—писал он,—не может быть, если нет революционной теории...» [2] Пристальное внимание в этих статьях уделяется главным вопросам революционной теории и практики: о соотношении экономической и политической борьбы рабочего класса, о предпосылках осуществления его гегемонии в освободительном движении народных масс России, о соотношении стихийного и сознательного элементов рабочего движения, о необходимости соединения научного социализма с рабочим движением.

Решению этих вопросов в духе революционного марксизма, подчеркивал В. И. Ленин, должны соответствовать основы тактики и принципы организации революционной партии. Этому В. И. Ленин придавал особое значение. «Без улучшения организации невозможен никакой прогресс нашего рабочего движения вообще» [3],— подчеркивал он. По мнению Ленина, центральным звеном работы по налаживанию партийной организации следовало в тех условиях считать создание «*правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии*» [4]. Постановка общепартийной газеты, ее издание и распространение были важны прежде всего потому, что без такого органа социал-демократия не сможет избавиться от «кустарничества», от ведения всех дел только на основе личных связей, характерных для кружковщины, от неоправданного растрачивания революционных сил. Только регулярно издаваемая революционными марксистами газета, охватывающая своим влиянием и связями все стороны деятельности партии, способна сплотить российское социал-демократическое движение. Это была принципиально новая постановка вопроса о путях и методах партийного объединения.

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 177—321. Анализ ленинского плана см.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1; *М. Волин.* Ленинская «Искра» (1900—1903 годы). М., 1964; *А. Ф. Костин.* Ленин — создатель партии нового типа. М. 1970; «Ленинская «Искра» (К семидесятилетию со дня выхода первого номера)». М., 1970, и др.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 183.

[3] Там же, стр. 194.

[4] Там же, стр. 191.

Но даже хорошо налаженная марксистами общепартийная газета сама по себе не могла обеспечить достижение идейного единства российской социал-демократии на платформе революционной теории. Для этого нужно было подготовить последовательно марксистскую партийную программу. Обоснованию этого положения и была посвящена статья В. И. Ленина «Проект программы нашей партии». Программа необходима для восстановления подлинного единства партии, писал Ленин; она «должна формулировать наши основные воззрения, точно установить наши ближайшие политические задачи, указать те ближайшие требования, которые должны наметить круг агитационной деятельности, придать ей единство, расширить и углубить ее...» [1]. До тех пор фактически единственным программным документом российской социал-демократии, имевшим сравнительно широкое хождение в ее организациях, был составленный Г. В. Плехановым «Второй проект программы русских социал-демократов», впервые опубликованный в 1888 г. В 1898 г. он был переиздан. В. И. Ленин использовал из этого документа все, что не устарело за 15 лет, прошедших со времени его написания. Но разработанный им проект программы был совершенно новым документом не только по характеру построения, но и по формулировке большинства принципиальных положений и практических требований.

Работая над «Проектом программы нашей партии», В. И. Ленин опирался также и на опыт социалистических партий других стран, «поскольку,—считал он,—и в России мы видим те же *основные* процессы развития капитализма, те же *основные* задачи социалистов и рабочего класса...» [2]. Вместе с тем использование западноевропейского опыта не должно «вести к забвению *особенностей* России, которые должны найти *полное выражение* в особенностях нашей программы» [3], в детальном обосновании практических требований российской социал-демократии.

Почти четыре года усиленной научно-теоретической работы (в том числе над книгой «Развитие капитализма в России»), прошедшие со времени составления первого проекта партийной программы (1899 г.), помогли В. И. Ленину уточнить и дополнить формулировку многих теоретических положений и практических требований. В особенности большой труд он вложил в последний раздел проекта, посвященный требованиям по крестьянскому вопросу. Они были сформулированы в развернутом виде [4], тогда как остальные разделы изложены в форме пожеланий того, какими они должны быть в программе.

В последние месяцы 1899 и начале 1900 г. В. И. Ленин написал и ряд других работ; большая часть их была посвящена разоблачению существа «экономизма». Так, в статье «Попятное направление в рус-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 214.
[2] Там же, стр. 220.
[3] Там же.
[4] См. там же, стр. 230.

ской социал-демократии» подвергалось резкой критике «Отдельное приложение к «Рабочей Мысли»», изданное в сентябре 1899 г. и, по словам В. И. Ленина, «всего последовательнее» выразившее идеи «экономизма»[1]. Те же цели преследовало резкое заявление «По поводу «Profession de foi»»[2], где речь шла о документе, составленном Киевским комитетом РСДРП и отразившем распространение «экономического» направления в социал-демократии. Чрезвычайной остротой отличалась и рецензия В. И. Ленина на работу одного из главарей российского ревизионизма, С. Н. Прокоповича,— «Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования. Том I. Германия. Бельгия»[3]. Свое возмущение деятельностью ревизионистов В. И. Ленин выразил также в рецензии на книгу К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика»[4]. В статье «О стачках» был дан глубокий анализ места экономических стачек в освободительной борьбе рабочего класса, вскрыто их значение и вместе с тем — ограниченность[5]. Статья «О промышленных судах» представляла собой по существу обстоятельный комментарий к одному из пунктов выработанного Лениным проекта партийной программы[6].

Уже этот перечень показывает, какую кипучую литературно-теоретическую деятельность развернул В. И. Ленин во имя сплочения революционных социал-демократов, образования в России подлинно марксистской боевой партии. Правда, непосредственного воздействия на этот процесс написанные тогда В. И. Лениным работы не могли оказать, поскольку опубликовать их в то время не удалось. Но осмысление и формулирование программы действий, необходимых для восстановления идейно-политического и организационного единства РСДРП и дальнейшего ее развития, разработка многих вопросов теории рабочего движения, обоснование плана собирания сил партии с помощью общепартийной газеты — все это было своеобразным прологом к созданию «Искры» как центра объединения революционных социал-демократов и сплочения их в пролетарскую партию нового типа, партию большевиков.

На осуществление своего плана достижения идейного и организационного единства РСДРП при помощи общерусской политической рабочей газеты В. И. Ленин направляет все свои силы и способности, связи в социал-демократических организациях и в кругах сочувствовавшей марксистам интеллигенции. Первые шаги были сделаны еще в период его пребывания в ссылке. А как только в конце января 1900 г. окончился срок ссылки, Ленин тотчас же выехал в Европейскую Россию, а затем, в июле, за границу, чтобы еще энергичнее взяться за

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 240—273.
[2] См. там же, стр. 310—321.
[3] См. там же, стр. 299—309.
[4] См. там же, стр. 199—210.
[5] См. там же, стр. 288—298.
[6] См. там же, стр. 274—287.

организацию газеты, которую было решено назвать весьма символично — «Искра»[1].

Трудности были огромными, начиная с репрессий, нехватки средств для издания газеты за границей и кончая отсутствием хороших опорных баз в основных центрах социал-демократического движения в России. Дополнительным препятствием явился конфликт с Плехановым, вызванный бестактностью последнего и едва не приведший к разрыву инициаторов создания «Искры» с группой «Освобождение труда», без сотрудничества с которой план издания задуманной газеты был трудно осуществим. Но неиссякаемая энергия Ленина, превыше всего ставившего интересы революционного рабочего движения, борьбу за социализм, позволила преодолеть трудности. Необходимый минимум средств был собран, связи с местными организациями и отдельными социал-демократами налажены, типография с помощью германских социал-демократов организована в Мюнхене (а временная — в Лейпциге). В конечном итоге удалось договориться и о сотрудничестве с группой «Освобождение труда».

Программа деятельности новой газеты была изложена в опубликованном в октябре 1900 г. «Заявлении редакции «Искры»»[2]. Формулируя стоящие перед ней задачи, редакция «Искры» исходила из анализа сложного, во многом противоречивого положения, сложившегося к тому времени в российском социал-демократическом движении. Как подчеркивалось в «Заявлении», оно характеризовалось ростом движения, осознанием растущей потребности «упрочиться, выработать определенную физиономию и организацию», с одной стороны, раздробленностью, шатанием мысли, распространением «экономизма», стремлением «задержать движение на его низшей стадии... отодвинуть на второй план задачу образования революционной партии» — с другой. Практическим выводом из этого анализа было выдвижение на первый план главной цели: сплочения социал-демократов для образования «крепкой партии, борющейся под единым знаменем революционной социал-демократии».

С этим выводом были согласны многие, но большинство социал-демократов предпочитало идти более «простым» путем: созвать II съезд РСДРП и попытаться решить на нем все назревшие вопросы. Указанным планам редакция «Искры» противопоставила программу деятельности, которая единственно могла создать «прочное идейное объединение», немыслимое без предварительного размежевания со всеми противниками марксизма внутри социал-демократического движения. «Искра» вступила на арену российского и международного рабочего движения со знаменитым ленинским лозунгом: «Преж-

[1] Деятельность В. И. Ленина как организатора «Искры» обстоятельно освещена в научной литературе (см. «В. И. Ленин. Биография». М., 1972, стр. 79—92; «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, гл. 5; *М. С. Волин.* «Ленинская «Искра»», стр. 9—30; «Ленинская «Искра»», стр. 21—34, и др.).

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 354—360.

де, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться»[1].

В этом лозунге со всей отчетливостью выражено главное направление деятельности ленинской «Искры». Основы его были заложены еще в «Протесте российских социал-демократов», в статьях, написанных В. И. Лениным в конце 1899 г. Этот лозунг проходит красной нитью через «Проект заявления редакции «Искры» и «Зари»», составленный Лениным еще до отъезда за границу, в конце марта или начале апреля 1900 г.[2] В. И. Ленин считал, что без размежевания «объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд и мешающей его радикальному устранению»[3].

Последовательная приверженность марксизму, развитие ряда сторон этого революционного учения в соответствии с потребностями рабочего движения и изменением условий, защита марксистской теории от попыток ее ревизии в духе «новейших» школ буржуазной философии, политэкономии, социологии — таким было направление теоретической деятельности редакции «Искры» как в самой газете, так и в издаваемом ею журнале «Заря» (который фактически был научно-политическим приложением к газете).

На этом фундаменте через несколько лет было воздвигнуто здание большевизма как политической партии и как направления общественной мысли.

Одним из важнейших факторов, имевших значение для защиты принципов революционной социал-демократии, была та разработанность программы ее деятельности, с которой редакция «Искры» приступила к изданию газеты. Менялись условия и формы борьбы рабочего класса, непосредственные практические задачи, вставшие перед социал-демократами России, приходилось менять направление критических «стрел» в адрес врагов марксизма, но общее направление ленинской «Искры», принципы борьбы за партию оставались теми же, как они были осознаны и сформулированы в 1900 г.

«ИСКРА» — ЦЕНТР СПЛОЧЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ В РОССИЙСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

Как и предвидел В. И. Ленин, всероссийская политическая рабочая газета внесла совершенно новую струю в социал-демократическое движение, существенно изменила в нем расстановку и соотношение борющихся сил, придала иной, чем прежде, характер противостоянию революционного и оппортунистического направлений. Вокруг «Искры» сплачиваются подлинно марксистские элементы РСДРП,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 358.
[2] См. там же, стр. 322—333.
[3] Там же, стр. 358.

формируется их организация; редакция «Искры» берет на себя ответственный труд выработки партийной программы и тактики работы в массах. В результате всего этого тенденция к превращению РСДРП в боевой политический авангард рабочего класса России приобретает все бóльшую основательность, все сильнее определяет общее направление развития российской социал-демократии.

Уже содержание первого номера «Искры», вышедшего в декабре 1900 г., давало отчетливое представление о том, что газета будет вестись ее издателями как орган политической партии рабочего класса. Подбор материалов свидетельствовал о широком подходе редакции «Искры» к проблематике рабочего движения.

Роль передовицы в первом номере играла статья В. И. Ленина «Насущные задачи нашего движения». В ней определялось огромное значение политической деятельности как центрального направления борьбы пролетариата за полное освобождение всех трудящихся и эксплуатируемых. Руководить этой борьбой могла только революционная социал-демократия, организованная в политическую партию рабочего класса. Предельно четко в статье была сформулирована и главная задача самой «Искры» — разработка вопросов программы, идейных и организационных принципов, стратегии и тактики РСДРП [1].

Другие материалы номера были посвящены актуальным проблемам международного рабочего и социал-демократического движения, обличению самодержавно-полицейского «правосудия», разоблачению антинародного характера внешней политики царизма (статья В. И. Ленина «Китайская война»).

Широко была представлена в первом номере «Искры» информация о состоянии российского рабочего движения и положении рабочих (корреспонденции из Петербурга, Московской губернии, Харькова, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Одессы, Николаева, опубликованные под рубрикой «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов»), о нарастании элементов недовольства во всех слоях населения России (шесть корреспонденций, объединенных в подборку «Из нашей общественной жизни»), о важнейших событиях в жизни российской социал-демократии (заметка В. И. Ленина «Раскол в заграничном Союзе русских социал-демократов» и информация о доставленном в «Искру» листке с «Программой С.-Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»» и «Уставом союзной рабочей организации»).

И в каждом последующем номере наряду со статьями, в которых разъяснялись основные положения Программы и тактики РСДРП, публиковались письма читателей, информационные заметки, перепечатывались выпущенные местными комитетами прокламации и воззвания. Такой характер газеты привлекал к ней все новые контингенты читателей, способствовал проникновению революционных идей

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 371—377.

во все слои рабочего класса, усилению авторитета РСДРП в оппозиционных царизму непролетарских слоях населения России.

Среди материалов, публиковавшихся в «Искре», выделялись прежде всего статьи, документы, информация, раскрывавшие роль рабочего класса и его партии в борьбе против царского самодержавия, против всех форм угнетения и эксплуатации вообще, т. е. вопросы, связанные с превращением рабочего класса в гегемона общедемократического движения и назревавшей демократической революции. Огромное значение имели и материалы, посвященные проблемам развития самой социал-демократии — организации ее сил, ее превращению в политического руководителя рабочего класса, разработке революционной стратегии и тактики.

Так, одной из самых острых проблем тактики пролетариата в условиях, когда социалистическая революция становилась практической перспективой международного рабочего движения, были новые формы классовой борьбы. Опыт российского рабочего движения позволил «Искре» широко поставить задачу превращения политических стачек (вроде знаменитой «Обуховской обороны» 1901 г.) и открытых уличных демонстраций (подобных той, которая состоялась в Харькове в майские дни 1900 г.) в действенное оружие рабочего класса, в форму его политического союза с другими слоями трудящихся. «Благодаря «Искре» российская социал-демократия стала первой партией в международном рабочем движении, которая свое внимание и силы сосредоточила на развитии массовых средств революционной борьбы — политических стачек и демонстраций»[1].

На страницах «Искры» впервые в истории международного рабочего движения разрабатывались также многие вопросы, касающиеся союзников пролетариата в борьбе за демократию и за социализм, прежде всего проблема революционности крестьянства — самой многочисленной из социальных групп, составлявших непролетарские слои трудящихся. Может ли крестьянство и при каких условиях активно включиться в революционный процесс на стороне пролетариата? Этот вопрос не мог не волновать передовых представителей рабочего класса России, где на долю деревни приходилась бóльшая часть населения страны и где крестьянство было самым задавленным классом общества. Глубоко обоснованный ответ на этот вопрос «Искра» дала уже в своем третьем номере — в статье В. И. Ленина «Рабочая партия и крестьянство»[2].

Анализ состояния русской деревни на рубеже XIX—XX вв., который содержался в фундаментальном труде В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» и в других его работах 90-х годов, показал, что в ней все более усиливались элементы капиталистического развития, но положение крестьянства определялось прежде всего остатками крепостничества, гнетом помещиков. Поэтому для социал-

[1] *М. С. Волин.* Ленинская «Искра», стр.77.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 429—437.

демократии «наиболее существенное и наиболее практически важное значение» имела классовая противоположность «между всем крестьянством и всем помещичьим классом»[1]. Социал-демократы обязаны были всячески содействовать борьбе крестьян против сильнейших пережитков крепостнического строя, против помещиков, ибо партия, «претендующая на роль передового борца за свободу», не может быть нейтральной в вопросе, который приобрел общенациональное значение. Решая эту задачу, писал Ленин, социал-демократия должна выдвигать такие требования в своей программе и так вести свою агитацию в деревне, чтобы «неустанно расширять кругозор крестьян, неустанно развивать их политическое сознание»[2]. Необходимо добиваться, чтобы крестьянство стало в конце концов активной силой в борьбе за низвержение самодержавия, чтобы оно осознало, что именно рабочий класс наиболее последовательно выражает интересы крестьян в борьбе против остатков крепостничества и капиталистической эксплуатации.

«Искра» много раз ставила на своих страницах эту проблему — и в форме корреспонденций о положении крестьянства и начавшемся пробуждении деревни, и в форме обсуждения принципов аграрной программы русской социал-демократии,—все публиковавшиеся материалы в той или иной степени развивали идеи, изложенные в ленинской статье.

Короче говоря, газета ставила и давала ответы на самые животрепещущие вопросы общественно-политической жизни, оперативно откликалась на события, затрагивавшие коренные интересы рабочего класса, всех трудящихся.

Значительное внимание «Искра» закономерно уделяла вопросу о роли социал-демократии как революционного авангарда рабочего движения. Исходя из марксистского понимания соотношения стихийного и сознательного элементов в рабочем движении, она постоянно подчеркивала: российская социал-демократия призвана «внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата...»[3]. Эта проблема была, в частности, всесторонне освещена и основательно решена в статье В. И. Ленина «Беседа с защитниками экономизма» («Искра» № 12 от 6 декабря 1901 г.)[4], написанной по поводу «Письма в русские социал-демократические органы» группы социал-демократов «экономического» толка.

Активная сознательная деятельность авангарда рабочего класса — одно из важнейших условий, обеспечивающих его сплочение, осознание им своей исторической миссии и успех его борьбы за свои классовые интересы. Непонимание того, что без подобной деятельности партии рабочее движение может потерпеть значительный урон,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 432.
[2] Там же, стр. 434.
[3] Там же, стр. 374.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 360—367.

является либо результатом отставания руководителей рабочего движения от самого движения (что «было бы еще полбеды», замечает Ленин), либо итогом «обобщения» такого отставания, результатом преклонения и раболепства перед стихийностью, объявления их особой добродетелью. Именно в силу указанных обстоятельств это обвинение В. И. Ленин прямо адресовал всему направлению «экономизма». Поэтому, отмечал он, одной из актуальных задач российской социал-демократии должно стать уяснение истинной роли партии и воспитание руководителей массового рабочего движения, «настолько подготовленных теоретически, чтобы быть застрахованным от всякого шатания», «обладающих таким широким политическим кругозором, такой революционной энергией, таким организаторским талантом, чтобы создать на базисе нового движения боевую политическую партию». Рабочее движение только тогда сумеет преодолеть неисчислимые трудности, лежащие на его пути, когда им будут руководить люди, способные «раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы», с которыми оно сталкивается.

Уяснение роли социал-демократии в рабочем движении — одна из основных предпосылок ее превращения в боевую политическую партию. Другая, имевшая в условиях начала XX в. особое значение для российской социал-демократии,—это определение путей к достижению фактического единства, способов объединения разрозненных кружков и групп социал-демократов, действующих под эгидой РСДРП. в действительную партию, скрепленную и идейно и организационно. План организационного сплочения разрозненно действовавших комитетов и групп русских социал-демократов с помощью общерусской газеты был продуман В. И. Лениным во всех деталях еще во время его пребывания в ссылке. По мере издания «Искры», ее распространения в России, расширения сети ее агентов и корреспондентов, налаживания связей с комитетами партии и отдельными социал-демократическими группами этот план стал воплощаться в реальные действия. Нужно было сделать его достоянием всех партийных комитетов и организаций. Изложенный в статье Ленина «С чего начать?» («Искра» № 4. май 1901 г.) [1], он вызвал большой резонанс во всей российской социал-демократии.

Выступления «Искры» по проблемам международной социал-демократии служили решению той же задачи — воспитанию русских социал-демократов в духе пролетарской революционности, борьбе за единство РСДРП на платформе революционного марксизма. В газете в той или иной форме освещались практически все важнейшие события в западноевропейском рабочем и социал-демократическом движении, все имевшие принципиальное значение споры между представителями революционного марксизма и разных оппортунистических течений. Публикуемые в «Искре» и «Заре» статьи и корреспон-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 5—13.

денции были строго выдержаны в духе норм взаимоотношений между рабочими партиями, принятых при Марксе и Энгельсе. Искровцы не скрывали при этом своих симпатий, которые были целиком на стороне революционного крыла II Интернационала[1]. Эти взгляды «Искра» открыто провозгласила уже в передовой статье второго номера (февраль 1901 г.), озаглавленной «На пороге двадцатого века». Ее автор, Г. В. Плеханов, анализируя состояние рабочего движения на рубеже двух веков, сравнил революционное и оппортунистическое течения в международной социал-демократии с двумя течениями Французской буржуазной революции конца XVIII в. — якобинцами (Горой) и жирондистами. Репутация оппортунистической Жиронды была слишком хорошо известна, чтобы могли возникнуть малейшие сомнения относительно позиции «Искры» в этом вопросе. Образ был удачным, в нем хорошо схвачена суть разногласий, и им широко пользовался впоследствии В. И. Ленин, в том числе и в борьбе против Плеханова, когда тот, покинув революционное крыло российской социал-демократии, большевиков, примкнул к социал-демократической Жиронде — меньшевикам.

С каждым номером усиливалось влияние «Искры» в социал-демократических организациях России. Правда, вначале многие из них под влиянием «экономистов» не поддерживали «Искру», подчас демонстрируя враждебное к ней отношение[2]. Однако постепенно пропагандируемые ею идеи проникали в сознание большинства социал-демократов, отражались в прокламациях, воззваниях, листовках, в других документах местных комитетов РСДРП. Происходило фактическое их «завоевание» на сторону «Искры», и еще задолго до ее формального признания многие комитеты начинали на практике действовать по-искровски[3].

Другим важным показателем упрочения позиций «Искры» в социал-демократическом движении было создание целой сети агентов, осуществлявших самые разнообразные функции — от выявления адресов для рассылки газеты по городам страны до налаживания связей с местными комитетами и организациями. Несмотря на преследования со стороны полиции, многочисленные провалы транспортов

[1] См., например: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 378—379; «Искра» №18, 10 марта 1902 г.; «Заря» № 2-3 (декабрь 1901 г.), № 4 (август 1902 г.), и др.

[2] «Из всех комитетов партии,— говорилось в докладе II съезду РСДРП Организации «Искры»,— лишь один *Северный союз* сразу встал к «Искре» в дружественные отношения». А первой— и в 1901 г. единственной — организацией, признавшей «Искру» своим руководящим органом, была Орехово-Богородская организация РСДРП,— «организация чисто рабочая» («Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 года. Протоколы» (далее— «Второй съезд РСДРП... Протоколы»). М., 1959, стр. 569).

[3] См. *М. С. Волин.* Ленинская «Искра», стр. 74; см. также: «Ленинская «Искра» и местные партийные организации России (1900—1903)». Пермь, 1971.

с литературой и аресты транспортеров, роль искровцев в движении, их авторитет непрерывно возрастали. Этот процесс приобрел еще большую силу и основательность, когда в январе 1902 г. действовавшие в России искровцы объединились в Русскую организацию «Искры»[1].

По мере проникновения «Искры» в местные социал-демократические организации и усиления ее влияния, по мере освоения программных, тактических и организационных принципов «Искры» передовыми деятелями российского рабочего движения все с большей силой выявлялась настоятельная необходимость их развернутого теоретического обобщения и идеологического обоснования. В. И. Ленин раньше других осознал необходимость выработать обстоятельный план создания организации революционных социал-демократов России. Уже весной 1901 г. он писал, что такой план будет развит им «в подготовляемой к печати брошюре»[2]. Речь шла о книге «Что делать?», к работе над которой В. И. Ленин приступил вплотную в ноябре 1901 г.

Это было время активизации российских и особенно заграничных «экономистов», стремившихся приостановить рост авторитета «Искры». Со страниц «Рабочего дела» и аналогичных изданий хлынул поток обвинений «Искры» в «узурпаторстве», стремлении к «диктатуре» в рядах партии и т. д. Эти обвинения лицемерно прикрывались фарисейскими заявлениями о том, что «экономизм» уже изжил себя, что «все» участники социал-демократических организаций стоят за усиление политической борьбы против самодержавия, что «Рабочее дело» и его сторонники более всего пекутся о единстве партии. Особенно опасными были практические шаги «экономистов» — деятелей заграничного «Союза русских социал-демократов» — по созыву II съезда партии.

«А теперь пару слов о союзниках,—писала секретарь редакции «Искры» Н. К. Крупская 14 (1) декабря 1901 г. в Одессу агенту «Искры» А. И. Захаровой.— Оказывается, эти господа затеяли в самом ближайшем будущем устроить съезд из представителей главных комитетов и заграничных организаций. Нам, очевидно, хотят сообщить в последнюю минуту. Мы предлагаем нашим держаться такой тактики: требовать, чтобы съезд был отложен, по крайней мере, до весны. К новому году выйдет брошюра «Искры», в которой в связи с организационными вопросами будут рассмотрены причины разногласий. Созывать съезд до появления этой брошюры — значит желать решать дело, не выслушав обе стороны»[3].

В. И. Ленин считал весьма важным позаботиться о предварительь-

[1] Подробнее см.: *В. Н. Степанов.* Ленин и Русская организация «Искры». М., 1968.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 9.

[3] «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг.». Сб. документов в трех томах (далее — «Переписка»), т. 1. М., 1969, стр. 339—340.

ном извещении действовавших в России искровцев относительно основных вопросов, рассматривавшихся в «Что делать?». В ноябре 1901 г. в предисловии к сборнику документов о так называемом «объединительном» съезде заграничных социал-демократических организаций [1] В. И. Ленин отмечал, что вскоре «выйдет в свет брошюра, специально посвященная наболевшим вопросам нашего движения» [2].

Одновременно сведения о поднимаемых в книге «Что делать?» вопросах поступали в Россию в многочисленных посланиях агентам «Искры». Так, Н. К. Крупская писала корреспондентам «Искры» в Киеве В. В. Вакару и Подолянину: «Наш взгляд на роль общерусского органа мы подробно разовьем в брошюре, которая скоро появится в печати и в которой будет всесторонне развита точка зрения «Искры» на организационные вопросы и попутно разъяснено в достаточной мере, почему «Искра» н е м о г л а соединиться с «Рабочим делом»» [3]. В январе 1902 г. в другом письме в Россию сообщалось: «... будет подробно развит организационный план «Искры». У всех искренних людей теперь на устах слово «организация», и надо обсудить как следует этот вопрос» [4].

Таким образом, искровцы в России, широкие круги социал-демократов вообще были заранее подготовлены к тому, что вскоре получат в свои руки книгу, которая станет помощником и путеводителем в их борьбе за быстрейшее сплочение РСДРП на платформе революционного марксизма. Они ждали ее и не обманулись в своих ожиданиях. Работа над книгой двигалась не так быстро, как предполагалось, но в феврале 1902 г. она была закончена.

10 марта в «Искре» появилось извещение о выходе «Что делать?». В своем труде Ленин глубоко проанализировал практически все «наболевшие вопросы» российского революционного рабочего движения, дал опровержение установок «экономистов» по «*всем* коренным пунктам наших разногласий» [5]. Вполне естественно, что это обеспечило книге множество читателей и сторонников, прежде всего среди социал-демократов России. Вместе с тем В. И. Ленин поднял и осветил такие проблемы, которые имели принципиальное значение для всего международного пролетариата. Это привлекло к работе внимание и за пределами России.

В. И. Ленин уже тогда, в самом начале нового этапа международного рабочего движения, с предельной четкостью поставил вопрос

[1] Имеется в виду попытка объединения всех действовавших за границей русских социал-демократических организаций на съезде их представителей в Цюрихе в октябре 1901 г. Попытка эта окончилась неудачей, в частности, из-за отказа руководителей «Союза русских социал-демократов» осудить оппортунизм во всех его проявлениях («экономизм», бернштейнианство, мильеранизм и т. п.).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 351.

[3] «Переписка», т. 1, стр. 354—355.

[4] Там же, стр. 389—390.

[5] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 4.

о необходимости преодоления оппортунизма любых направлений и оттенков, будь то германское бернштейнианство, французский мильеранизм, английский тред-юнионизм или российский «экономизм». Насквозь оппортунистической платформе бернштейнианцев, российских и зарубежных, низводивших функции партии рабочего класса до роли пассивного придатка рабочего движения, он противопоставил учение о партии как революционизирующей, руководящей и организующей силе пролетарской борьбы против эксплуатации и угнетения, за построение нового, социалистического общества.

Непременное условие существования пролетарской партии, согласно учению марксизма-ленинизма, получившему дальнейшее развитие в книге «Чго делать?»,— постоянная творческая разработка теории революционного рабочего движения. Развертывание теоретической работы, научного анализа явлений общественной жизни — чрезвычайно важная форма пролетарской борьбы за преобразование общественных отношений. «Без революционной теории не может быть и революционного движения»; «*роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*»[1],— эти положения ленинской работы, выведенные как из глубокого анализа проблем российской социал-демократии, так и из изучения опыта других стран, с тех пор прочно вошли в теоретический арсенал революционных сил международного рабочего движения.

Только овладев теорией научного социализма, революционная пролетарская партия может обоснованно сформулировать свои программные положения и практические лозунги борьбы. В противном случае она обречена на пассивное следование за стихийно развивающимся рабочим движением. А ведь «*всякое* преклонение пред стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии *означает* тем самым, *—совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет,—усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих*»[2].

Постановка этой проблемы была ответом на обвинения «Искры» со стороны «Рабочего дела» в том, что она якобы преуменьшает значение «*объективного или стихийного элемента развития*». Такого рода обвинения, писал В. И. Ленин, отразили «всю суть современных теоретических и политических разногласий между русскими социал-демократами»[3]. Поэтому естественно, что изложение марксистского понимания проблемы соотношения стихийного и сознательного начал рабочего движения стало одним из центральных пунктов ленинского анализа.

Положение о том, что рабочий класс стихийно придет к социализму, было одним из проявлений тех вульгарно-социологических представлений о ходе общественного развития, которые имели ши-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 24—25.
[2] Там же, стр. 38.
[3] Там же, стр. 29.

рокое хождение в рабочем движении. Между тем выработка социалистической идеологии пролетариата при капиталистическом строе происходит в обстановке прямого противоборства различных тенденций в рабочем движении, воздействия на него буржуазной идеологии, всякого рода мелкобуржуазных влияний.

С одной стороны, указывал В. И. Ленин, «социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса», и в этом смысле рабочий «стихийно влечется к социализму», но, с другой стороны, «наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему» [1].

В рамках буржуазного общества под влиянием буржуазной идеологии рабочий класс стихийно вырабатывает прежде всего и главным образом тред-юнионистские (т. е. не выходящие за рамки этого общества и этой идеологии) формы сознания и борьбы. Они фактически предусматривают только самозащиту; вопрос о свержении господства буржуазии, революционном переходе к новому общественному строю при этом по существу не ставится. Поэтому задача революционной марксистской партии состоит в том, чтобы привносить в стихийное рабочее движение элементы социалистического сознания, увлекать его на путь, ведущий к свержению господства буржуазии и установлению власти пролетариата. Всякая иная постановка вопроса равносильна «*отказу от социализма*» [2].

Социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания. Соединение рабочего движения и покоящегося на научных основах социалистического сознания — вот фундамент успешной борьбы против капиталистического строя. Органический синтез рабочего движения и социалистической идеологии — задача революционной марксистской партии рабочего класса, ставящей своей целью повести его на штурм устоев капиталистического общества. Осознание этой задачи В. И. Ленин считал необычайно важным [3].

Возрастание размаха стихийного протеста рабочих против условий их существования в капиталистическом обществе — протеста, зародившегося и воспроизводящегося на почве непосредственных экономических нужд рабочего класса,—само по себе не ведет к возникновению социалистического по своему характеру движения. Стихийное проявление недовольства, каких бы широких масштабов оно ни достигало, никогда не может привести к осознанию непримиримой противоположности коренных интересов рабочего класса и класса капиталистов (всех эксплуататорских классов вообще), т. е. к социалистическому сознанию. Поэтому, чем более массовым становится

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 41 (примечание).
[2] Там же, стр. 40.
[3] См. там же, стр. 38—39.

стихийный протест рабочего класса против его положения в буржуазном обществе, тем бо́льшая ответственность ложится на его авангард за выработку и внесение в рабочее движение элементов сознательности, понимания глубоких корней, главных причин эксплуатации и угнетения трудящихся масс.

В книге «Что делать?» были глубоко разработаны идеологические и политические принципы рабочей партии нового типа. Центром тяжести классовой борьбы пролетариата, разъяснял В. И. Ленин, является сфера политики, «область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами»[1]. Только участие в политической жизни позволяет получить необходимое представление о направлении и конечной цели борьбы. Активность рабочего движения в этой сфере — непременное условие приобретения им революционного, обращенного против основ буржуазного строя, характера. Именно поэтому «теоретическая работа социал-демократов должна направляться на изучение всех особенностей социального и политического положения отдельных классов» [2], а результаты этого изучения — становиться достоянием рабочего движения, руководством к ведению тех или иных форм политической борьбы. Не подделываться под неразвитое политическое сознание масс рабочих, а развивать это сознание, поднимать его до понимания классовых задач и роли пролетариата в освободительной борьбе масс — такова важнейшая функция революционной марксистской партии рабочего класса.

Партия может и обязана выполнить эту задачу, потому что она «представляет рабочий класс не в его отношении к данной только группе предпринимателей, а в его отношении ко всем классам современного общества, к государству, как организованной политической силе» [3]. Она обязана ее выполнять на всех этапах рабочего движения, поскольку достижение той или иной степени политической свободы в буржуазном обществе «нисколько не устраняет, а только несколько передвигает сферу» политической работы марксистской партии рабочего класса [4], сферу политического воспитания рабочих и всех слоев трудящихся. Социал-демократия должна вести свою работу «на почве всех вообще проявлений общественно-политической жизни» [5]. Она может и должна уделять этому направлению своей деятельности первостепенное значение также и потому, что борьба за социализм органически включает в себя борьбу за демократию.

В конкретной обстановке царской России непосредственные политические задачи рабочего движения, всех прогрессивных общественных течений вообще концентрировались вокруг борьбы против самодержавия. Поэтому, писал В. И. Ленин, «*мы не исполним своей за-*

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 79.
[2] Там же, стр. 82.
[3] Там же, стр. 56.
[4] См. там же, стр. 69.
[5] См. там же, стр. 62.

дачи развивать политическое сознание рабочих, если мы *не возьмем на себя* организацию *всестороннего политического обличения* самодержавия...»[1]. Возглавить борьбу против царского самодержавия, о которой Ленин писал как о самой революционной из задач, стоявших тогда перед международным рабочим движением, российская социал-демократия могла, только став боевой марксистской партией рабочего класса, подлинным революционным пролетарским авангардом.

Огромное значение книги «Что делать?» состояло в разработке и обосновании учения об организационном строении пролетарской партии нового типа. Одним из ведущих принципов такой партии В. И. Ленин считал демократический централизм. Деятельность ее нельзя себе представить без крепкого, боеспособного руководства, без строгой согласованности действий всех ее составных частей. А это могла дать только централизация, только твердая дисциплина, обязательная для всех членов партии.

Кустарничество мешало российской социал-демократии выйти за рамки тред-юнионизма, на широкую дорогу пролетарской борьбы за конечную цель рабочего движения — социализм. Между тем нарастание массовой борьбы пролетариата в начале века, предвещавшее еще больший ее размах, настоятельно требовало создания партии, ядро которой составит централизованная организация профессиональных революционеров, объединенная общей идеей, общей тактикой, общими практическими задачами. «Стихийная борьба пролетариата,—подчеркивал В. И. Ленин,—и не сделается настоящей «классовой борьбой» его до тех пор, пока эта борьба не будет руководима крепкой организацией революционеров»[2].

В связи с разработкой принципов строительства партии нового типа в «Что делать?» получила освещение проблема формирования слоя руководящих работников, авторитетных, опытных, теоретически образованных, и взаимоотношений этого слоя со всей массой членов партии. Обращаясь к опыту германской социал-демократии, В. И. Ленин подчеркивал, что «без «десятка» талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса»[3]. И он решительно протестовал против демагогического противопоставления масс руководителям: это «верх политической бестактности», писал он, апеллировать «от руководителей вообще к «толпе»», тогда как следует «апеллировать от плохих руководителей к хорошим руководителям»[4].

В. И. Ленин отмечал, что реализация организационных принципов партии рабочего класса во многом зависит от того, насколько

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 57.
[2] Там же, стр. 135.
[3] Там же, стр. 121—122.
[4] Там же, стр. 121.

успешно проходит формирование слоя рабочих-революционеров, «стоящих на таком же уровне *в отношении партийной деятельности*, как и интеллигенты-революционеры...» [1]. При этом «*главное* внимание должно быть обращено на то, чтобы *поднимать* рабочих до революционеров, отнюдь не на то, чтобы *опускаться* самим непременно до «рабочей массы», как хотят «экономисты», непременно до «рабочих-середняков», как хочет «Свобода»...» [2].

Одним из важнейших аспектов ленинского учения о рабочей партии нового типа был и остается вопрос об ее соотношении с массовым рабочим движением в целом, о месте партии в системе других организаций пролетариата. Принципиальное решение этого вопроса содержится уже в том разделе книги «Что делать?», где идет речь об особенностях организации профессиональных революционеров, об ее отличии от вовлеченных в движение масс [3]. Чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, указывал В. И. Ленин, тем более необходима такого рода организация. Ее задача — хранить устойчивость и преемственность движения, выражать общие интересы рабочего класса, вырабатывать направление и методы борьбы пролетариата за его ближайшие и конечные цели.

Такая организация не может и не должна замыкаться в рамках «чисто рабочих» интересов, потому что правильно понятые интересы пролетариата отражают и общие, коренные интересы всех трудящихся и эксплуатируемых, которые в силу этого могут и должны быть втянуты в совместную с пролетариатом борьбу. Это — важная обязанность революционной пролетарской партии.

Практический план построения боевой, марксистской партии нового типа был выражением задач пролетарской борьбы не только в конкретных российских условиях. Сама методология подхода к решению этих задач и важнейшие выводы, сделанные в книге, имели принципиальное значение. Международное звучание книги В. И. Ленина было тем большим, что ее выводы покоятся не только на обобщении успехов и неудач освободительной борьбы трудящихся России, но и на опыте рабочего и социал-демократического движения в других странах, в первую очередь в Германии. Российские социал-демократы, считал В. И. Ленин, должны уметь «критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его» [4]. Именно этот принцип положен в основу книги «Что делать?». Так, всемерно одобряя тактику германских социал-демократов в период «исключительного

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 131.

[2] Там же. Речь идет о «революционно-социалистической» группе «Свобода», которую В. И. Ленин относил к числу тех «беспочвенных группок» в социал-демократическом движении России, которые не имели «ни прочных, серьезных идей, программы, тактики, организации, ни корней в массах...» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 221).

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 124—125.

[4] Там же, стр. 24.

закона» против социалистов, их умение соединять легальные и нелегальные формы борьбы, противостоять как левацким, так и правооппортунистическим уклонам в проведении этой тактики, В. И. Ленин вместе с тем осудил «дипломатичность», проявленную по отношению к попыткам Бернштейна подвергнуть ревизии основы теории революционного рабочего движения. Подобной «тактике» он противопоставлял бескомпромиссную борьбу Ф. Энгельса против вульгаризаторских воззрений Дюринга, наносивших основательный вред германскому рабочему движению[1]. Такой подход к обоснованию задач российских социал-демократов определил убедительность доводов для тех, кому тогда непосредственно адресовалась книга, и облегчил освоение ее идей сторонниками ленинской линии в международном рабочем движении. Вся книга «Что делать?» — с первых ее разделов и до заключительных строк — была проникнута уверенностью, что в истории российского рабочего движения наступает новый период, который приведет «к упрочению воинствующего марксизма», к выдвижению на первый план «действительно передового отряда самого революционного класса»[2].

Напечатанная, как большинство нелегальных заграничных изданий, на тонкой бумаге, в форме, удобной для транспортировки, ленинская книга постепенно проникала во все уголки России, в местные комитеты и социал-демократические группы и организации, в рабочие кружки и слои сочувствовавшей революционному движению интеллигенции[3]. Ее находили при обысках и арестах социал-демократов в Киеве и Москве, в Петербурге и Нижнем Новгороде, в Казани, Одессе и других городах. Агент «Искры» М. А. Сильвин уже 21 марта (3 апреля) 1902 г., т. е. примерно через две недели после выхода книги в свет, сообщал в редакцию из Полтавы: ««Что делать?» оставили мы: 2а3б и Коле — 4, Семену Семеновичу — 3, Орлу — 1, здесь — 1, остальные с Виктором послал на Волгу и Урал, Старухе»[4].

Уже первое знакомство многих российских социал-демократов с ленинской книгой утвердило ее читателей в том, что перед ними — выдающееся произведение творческого марксизма. Тот же Сильвин к фактической справке о распределении экземпляров книги добавляет восторженно: «Успех она имеет огромный»[5]. Вскоре он же пишет из Киева: ««Что делать?» на юге нет, на севере ее успех колоссальный»[6].

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 12—13, 48.
[2] См. там же, стр. 183.
[3] См. «Книга Ленина «Что делать?» и местные партийные организации России (1900—1903)». Пермь, 1970.
[4] «Переписка», т. 1, стр. 460. 2а3б в конспиративной переписке — П. Н. Лепешинский, агент «Искры» в Пскове; Коля — Петербургский комитет РСДРП; Семен Семенович — Северный рабочий союз; Виктор — Ф. И. Дан; Старуха — Московский комитет РСДРП.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 488.

Другой агент «Искры», И. И. Радченко, проделавший большую работу по сплочению действовавших в России искровцев и подготовке II съезда РСДРП, в письме из Петербурга от 8 (21) мая 1902 г. обращается в редакцию «Искры» с просьбой непременно прислать ему больше экземпляров книги, так как «нужда в ней велика». «Замечательную громадную эволюцию производит эта брошюра. Мне лично приходилось наблюдать, как во многих утихло землетрясение в умах, исчезла институтская обидчивость и провозглашалось пол[нейшее] признание своих заблуждений и брожения впотьмах»[1].

Книга захватила «особенно тех, кто ближе стоял к русской работе»[2],—вспоминала Н. К. Крупская. З. П. Кржижановская, секретарь Бюро Русской организации «Искры», находившегося в Самаре, 25 мая (7 июня) 1902 г. писала в редакцию: «О «Что делать?» же пока слышим только хвалебные отзывы»[3]. В начале июля в редакцию «Искры» поступило сообщение, что Московский комитет РСДРП выразил «товарищу Ленину горячую благодарность за «Что делать?»»[4]. Сторонником искровских организационных принципов, «поскольку эти принципы изложены в брошюре Ленина», является Северный рабочий союз, писал в августе 1902 г. Ф. И. Щеколдин[5]. Подобное же сообщение поступило от Орловского комитета РСДРП. Книга «Что делать?» существенно способствовала эволюции взглядов социал-демократов, работавших в Сибирском союзе, на принципы организации партии. Они стали принимать идею централизма[6].

Исключительно большое значение имел переход на искровские позиции — в значительной мере именно под влиянием «Что делать?» — Петербургского комитета, традиционно пользовавшегося большим авторитетом в российском социал-демократическом движении. Уже в середине июня 1902 г. И. И. Радченко сообщал в редакцию «Искры», что у Петербургского комитета нет принципиальных разногласий с искровцами и что он готов проводить в жизнь ленинский план создания партии[7].

В июле Петербургский комитет принял обращение ко всем российским социал-демократическим организациям, в котором говорилось о необходимости «закончить, выражаясь словами автора брошюры «Что делать?», ликвидацию периода кустарничества, периода местной раздробленности, организационного хаоса и программной разноголосицы». Петербургский комитет официально выражал солидарность с «теоретическими воззрениями, тактическими взглядами

[1] «Переписка», т. 1, стр. 531.
[2] *Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 52.
[3] «Переписка», т. 2. М., 1969, стр. 16.
[4] См. там же, стр. 81.
[5] См. там же, стр. 115.
[6] См. «Второй съезд РСДРП... Протоколы», стр. 677.
[7] См. «Переписка», т. 2, стр. 47.

и организационными идеями «Искры» и «Зари»», которые он признает руководящими органами русской социал-демократии»[1].

««Что делать?»,— писал много лет спустя В. В. Воровский,— было настольной книгой всякого искровца»[2]. В свою очередь П. Н. Лепешинский отмечал, что, если искровское направление повсеместно брало верх, «так это потому, что в руках искровских агентов было «Что делать?», делавшее для них ясными все софизмы, всю путаную фразеологию, всю подоплеку идеологических хитросплетений и рабочемысленцев, и последователей «Свободы», и «борьбистов», и учеников таких новых пророков, как Мартынов, Кричевский и К°. Благодаря ленинской книжке, у нас на все возражения... был уже готов ясный ответ, и это сильно действовало на рабочих, внушало им к искровству большое уважение»[3].

Первоначально «экономисты» плохо понимали, с каким мощным оружием выступила против них «Искра»: еще летом 1902 г. Н. К. Крупская сообщила агенту «Искры» Л. М. Книпович в Самару, что члены заграничного «Союза русских социал-демократов» «ведут себя глупее глупого: твердят, что все комитеты за них, что они напишут «свою» программу и разнесут «Что делать?»»[4]. А уже через несколько месяцев, делясь с агентом «Искры» в Нижнем Новгороде А. И. Пискуновым впечатлениями о положении дел в заграничных социал-демократических организациях, она писала: ««Рабочее дело» совсем завяло»[5].

Большую ценность в этом плане представляет признание одного из редакторов «Рабочего дела», В. П. Иваншина, сделанное им 8 февраля 1903 г. в заявлении в «Союз русских социал-демократов» о выходе из этой организации. Он писал: «Книга Ленина выдвинула крупнейшие программно-тактические вопросы нашего движения и известным образом решает их, она говорит о ликвидации целого периода в нашем движении, и именно того, который представлял собой «молодой» союз... она широко читалась и читается в России, по ней учатся действующие в России социал-демократы, и она произвела решительный перелом у многих из них...»[6]. В. П. Иваншин писал: «Я считаю эту книгу в общем глубоко верным изображением нашего движения, его недостатков и его очередных задач»[7]. Он подчеркивал, что «Союз» и редакция «Рабочего дела» лишь заявили о своем несогласии со взглядами «Искры», изложенными в «Что делать?», и затем в течение по крайней мере полугода не проронили «ни одного звука

[1] «Искра» № 26, 15 октября 1902 г.
[2] *В. В. Воровский.* Сочинения, т. 1. М., 1932, стр. 155.
[3] *П. Н. Лепешинский* На повороте. М., 1955, стр. 140. «Борьбисты» — члены группы «Борьба», сложившейся летом 1900 г. в Париже. В. И. Ленин ее относил к той же категории «беспочвенных группировок», что и группу «Свобода» (см. выше).
[4] «Переписка», т. 2, стр. 63.
[5] Там же, стр. 315.
[6] ЦПА ИМЛ, ф. 283, оп. 1 н., д. 27140, л. 17—18.
[7] Там же, л. 17.

о сути своих разногласий»[1]. Сам Иваншин расценивал такое положение как признак недееспособности этих оппортунистических организаций: им просто нечего противопоставить идеям, изложенным в «Что делать?».

Колоссальный, редко выпадающий на долю какого-либо произведения успех книги «Что делать?» был обусловлен не только ее достоинствами — глубиной охвата проблем революционного движения, убедительностью анализа, отточенностью формулировок, но и подготовленностью той почвы, на которую пали ее идеи, т. е. российского революционного движения. «Брошюра Ленина попала в настроение, и люди колебавшиеся все переходят к нам»[2],— сообщала Н. К. Крупская в письме, датированном 21 июля 1902 г. Особенно «в настроение» она попала рабочим-передовикам, среди которых все более усиливалась тяга к широкой политической деятельности, к строгой организации партийных сил, к преодолению кружковщины и разброда. Нарастание настроений такого рода очень точно подметил И. И. Радченко, подробно описавший свою беседу с группой петербургских рабочих. «В этом разговоре,— писал он,— мне пришлось слышать если не буквально, то в духе цитаты из «Что делать?»... Я был счастлив за Ленина, который за тридевять земель... видит, кто у нас в мастерских работает, чего им нужно и что с них будет. Верьте, дорогие, вот-вот мы увидим своих Бебелей»[3].

Разумеется, не все комитеты и группы социал-демократов сразу восприняли изложенные в «Что делать?» идеи и выводы. В некоторых организациях традиции местничества по-прежнему преобладали. И если ленинская работа «Что делать?» в сильнейшей степени способствовала перелому в сознании многих деятелей российской социал-демократии, их повороту к принципам революционного марксизма, то это вовсе не означало, что дело сделано, что идейно-теоретическое и организационное единство партии будет достигнуто само собой. Впереди была еще длительная и нелегкая борьба за претворение в жизнь великих идей ленинского труда.

Прежде всего «Искре» предстояло разработать и представить на обсуждение местных социал-демократических организаций проект программы партии в духе революционного марксизма. О необходимости «закрепить... идейное объединение партийной программой»[4] говорилось уже в заявлении «От редакции», опубликованном в октябре 1900 г. Однако Плеханов, взявший тогда на себя составление проекта, не торопился. Между тем в редакцию «Искры» стали приходить письма от ее сторонников, недоумевавших по поводу задержки. Так, в октябре 1901 г. В. П. Ногин настойчиво спрашивал: «Когда же вы,

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 283, оп, 1 н., д. 27140, л. 18.
[2] «Социал-демократическое движение в России», т. I. М., 1928, стр. 97.
[3] «Переписка», т. 2, стр. 28.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 357.

наконец, напечатаете программу? Очень часто приходится выслушивать желание видеть программу «Искры»»[1].

К концу 1901 г. от Плеханова стали поступать более благоприятные вести. В январе 1902 г. в Мюнхен съехалась вся редакция «Искры» для обсуждения проекта теоретической (или, как тогда говорили, принципиальной) части программы. Однако проект, которого так долго ждали от Плеханова, оказался неудовлетворительным. В. И. Ленин написал на него более тридцати замечаний[2]. Кроме того, он предложил много поправок непосредственно в ходе обсуждения[3], которое вылилось в острейшую дискуссию. Особенно значительные разногласия возникли в связи с предложением Ленина существенно переработать сам тип предлагаемого проекта, начав его с характеристики экономического развития России как объективной основы деятельности РСДРП и развертывания рабочего движения вообще.

Бурную дискуссию вызвала также предложенная В. И. Лениным поправка, касавшаяся социально-экономических последствий для мелких производителей технического прогресса в условиях капитализма. Плеханов оценивал основное содержание этого процесса как сужение роли в экономической жизни общества, тогда как Ленин использовал понятие «вытеснение» («мелкое производство все более вытесняется крупным»)[4].

В конечном итоге Плеханов снял свой проект с обсуждения, и члены редакции, жившие вне Мюнхена, разъехались, не придя к окончательному решению. И все же совещание принесло некоторые положительные результаты. Была достигнута договоренность относительно содержания практических требований, которые должны были составить так называемую программу-минимум. Кроме того, был обсужден — и весьма основательно — ряд принципиальных вопросов теоретической части (программы-максимум), и прежде всего о диктатуре пролетариата как политической форме переходного периода от капитализма к социализму.

Потребность в проекте становилась все более настоятельной; это диктовалось, в частности, настойчивыми попытками «рабочедельцев» и бундовцев собрать съезд партии помимо «Искры». За выработку принципиальной части программы берется сам В. И. Ленин. Свой проект, известный в переписке членов редакции «Искры» как «проект Фрея», он создал на основе плехановского, исправив или заменив его ошибочные и слабые места.

В. И. Ленин многократно перерабатывал те или иные положения проекта, стремясь наиболее полно и четко изложить воззрения революционной социал-демократии на процессы развития капиталистического общества, его тенденции и перспективы[5]. Он устранил имев-

[1] «Красная летопись», 1925, № 4 (15), стр. 229.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 195—202.
[3] См. там же, стр. 413—416.
[4] См. там же, стр. 196; Ленинский сборник II, стр. 15.
[5] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч. т. 6, стр. 418—423, 427—430.

шее место в плехановском проекте смешение объективного (стихийного) и сознательного процессов рабочего движения; включил классическое положение марксизма: «Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса»; ярко и выразительно нарисовал цель того общественного переворота, который произведет рабочий класс: обеспечение «полного благосостояния и свободного всестороннего развития *всех* его (общества.— *Авт.*) членов».

Первоначальный проект принципиальной части Программы В. И. Ленин завершил к 7 февраля 1902 г. и послал его на просмотр Г. В. Плеханову[1]. Окончательный текст был составлен к 3 марта. К этому времени закончилась и работа над проектом программы-минимум, составленным при самом активном и непосредственном участии Ленина, который написал его аграрный раздел и заключение, а также некоторые предложения к разделу, содержавшему специфически рабочие требования[2].

Г. В. Плеханов сразу же проявил неприязненное, если не враждебное, отношение к ленинскому проекту теоретической части программы[3] и в первой половине марта 1902 г. составил свой второй проект. Однако он отличался абстрактностью, растянутостью и еще больше, чем первый, страдал неточностью формулировок, изобиловал принципиально ошибочными положениями. Эти недостатки, писал В. И. Ленин в своих замечаниях, делали данный проект совершенно неприемлемым[4]. Особенно много замечаний — и самых острых — вызвали у него те места, где Плеханов «*в совершенно односторонней и неправильной форме*» изобразил отношение пролетариата к мелким производителям. Соответствующие положения плехановского проекта не выделяли пролетариат из всей массы трудящихся и эксплуатируемых, фактически уравнивали классовые интересы рабочего класса и мелких производителей, тем самым смазывая вопрос об исторической миссии пролетариата, объективно порожденной условиями и тенденциями развития капитализма. Социал-демократия характеризовалась в проекте Плеханова не как партия определенного класса, пролетариата, а только как руководитель «освободительного движения трудящейся и эксплуатируемой массы»[5].

Подобная расплывчатость формулировок была тем более недопустима, что в рассматриваемый период самым важным делом передовых представителей социал-демократии было содействие процессу становления рабочего класса и его партии в качестве самостоятельной политической силы.

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 169.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 203—210.
[3] См. «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. 2. М., 1925, стр. 166, 167; Ленинский сборник III, стр. 284—285.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 212—235, 236—238.
[5] См. Ленинский сборник II, стр. 59.

Коренным недостатком проекта, составленного Плехановым, В. И. Ленин считал отсутствие в нем указания на диктатуру пролетариата, имевшегося прежде [1]. Ленин объяснял такое изменение тем, что «в *о б щ е м* и *целом* отношение пролетариата к «трудящейся и эксплуатируемой массе» изображено *неправильно*». Признание необходимости диктатуры пролетариата, по мнению Ленина, «*самым тесным* и *неразрывным образом* связано с положением «Коммунистического Манифеста», что пролетариат *один только* есть действительно революционный класс» [2].

Таким образом, редакция «Искры» к середине марта 1902 г. имела два проекта программы-максимум. Поскольку авторы проектов — В. И. Ленин и Г. В. Плеханов — не могли найти точек соприкосновения для выработки единого варианта, удовлетворяющего всю коллегию, среди остальных членов редакции возникла идея создать общередакционный проект на основе представленных Лениным и Плехановым, с тем чтобы в нем были учтены позиции того и другого по спорным вопросам. Образованная с этой целью «арбитражная комиссия» приняла решение (которое В. И. Ленин назвал «примирительным договором»[3]) о достижении определенного компромисса между формулировками Ленина и Плеханова. При этом учитывалось требование Ленина, чтобы характеристика капиталистического развития охватывала Россию, и перечислялись социальные последствия капитализма: бедность, гнет эксплуатации, нищета, унижение и т. п. Главным, однако, было то, что по его настоянию пункт о классовой борьбе и социальной революции формулировался строго в духе последовательного марксизма и восстанавливалась формулировка о необходимости диктатуры пролетариата [4].

Окончательный текст проекта, принятый 14 апреля 1902 г. на совещании в Цюрихе, свидетельствовал о том, что основные замечания и предложения В. И. Ленина были приняты. Поскольку проект Программы в общем и целом теперь удовлетворял его требованиям, Ленин ограничился лишь несколькими соображениями. Важнейшее из них заключалось в том, что по мере роста и развития противоречий, свойственных буржуазному обществу, *растет число и сплоченность пролетариев* (в дополнение к констатации того, что растет «недовольство *трудящейся и эксплуатируемой массы* сущес-

[1] В своем первоначальном проекте Г. В. Плеханов, касаясь взятия пролетариатом политической власти, отмечал, что эта власть «сделает его господином положения... В этом смысле диктатура пролетарпата составляет необходимое политическое условие социальной революции». Такая формулировка, указывал Плеханов, необходима в особенности потому, что она направлена против ревизионистских концепций Бернштейна.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 237, 229.

[3] См. там же, стр. 246.

[4] См. Ленинский сборник II, стр. 91—92; см. также *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 246—247, 255—256.

твующим порядком вещей ... обостряется борьба *их с их эксплуататорами*»[1].

Цюрихское совещание утвердило также текст проекта программы-минимум, обсуждение которого не выявило других разногласий, кроме тех, которые были порождены различиями в оценке Лениным и Плехановым революционных возможностей крестьянства и соответственно в подходе к формулировке требований РСДРП в аграрном вопросе.

В. И. Ленину принадлежал знаменитый план возвращения крестьянам «отрезков» — земель, отнятых у них помещиками в ходе реформы 1861 г., причем революционным путем, через крестьянские комитеты. Его предложения предусматривали также отмену выкупных и оброчных платежей, возвращение крестьянам денежных сумм, взысканных с них в виде таких платежей, и т. д.

Свой проект аграрной программы Ленину приходилось отстаивать в борьбе против Плеханова, предложившего заменить конфискацию «отрезков» их выкупом. В. И. Ленин писал: «Допущение... выкупа противоречит социально-революционному характеру всего требования»[2].

Но особенно резкая полемика развернулась вокруг статьи В. И. Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии»[3], написанной им в качестве комментария к аграрному разделу проекта Программы РСДРП. В ней Ленин показал, что социал-демократия в своих требованиях по аграрному вопросу не может ограничиться возвращением «отрезков», что ее лозунгом в «эпоху революционного восстания» будет национализация земли. Это положение вызвало резкие возражения со стороны других членов редакции. Плеханов, например, доказывал, будто национализация земли абсолютно непригодна как лозунг буржуазно-демократической революции. Он и его единомышленники настояли на том, чтобы из статьи-комментария положение о национализации земли было снято. Сам же проект аграрного раздела программы, базировавшийся на требовании возвращения «отрезков», остался в том виде, как он был разработан Лениным.

Проект Программы РСДРП, выработанный редакцией «Искры» и «Зари», был наконец опубликован в № 21 «Искры», датированном 1 июня 1902 г. Большой труд, продолжавшийся около полугода и сопровождавшийся ожесточенными спорами, был в основном завершен. Партия, еще разобщенная, но все более сплачивавшаяся вокруг «Искры», получила важный документ, опору в борьбе за идейное единство — проект марксистской Программы, год спустя утвержден-

[1] Ленинский сборник II, стр. 154 (о том, насколько важным было это, казалось бы, частное дополнение, показали дебаты по вопросу о Программе партии, развернувшиеся на II съезде РСДРП).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 239.

[3] См. там же, стр. 303—348, 432—448.

ный II съездом РСДРП. Эта Программа прошла испытание временем. Более чем полтора десятилетия спустя В. И. Ленин писал, что она правильно характеризовала «природу капитализма и буржуазного общества, которое господствует еще в большинстве цивилизованных стран и развитие которого неизбежно приводит к всемирной коммунистической революции пролетариата...»[1].

Проект Программы давал четкое представление о направлении и социальных последствиях развития капитализма, о поляризации классовых сил в современном буржуазном обществе, о повышении уровня эксплуатации рабочего класса, всех трудящихся, о том, что одновременно растут силы, способные и призванные внести радикальные перемены в общественный строй, создаются материальные предпосылки замены капиталистических производственных отношений социалистическими[2]. Характеристика основных направлений и особенностей развития буржуазного общества, положения об объективной стороне общественного прогресса были сформулированы здесь в соответствии с учением К. Маркса и Ф. Энгельса и новыми историческими условиями, представляя собой творческое развитие марксизма. Вместе с тем они раскрывали несостоятельность идей российских «экономистов», бернштейнианцев и других «критиков» марксизма.

Искровский проект партийной Программы указывал на главную задачу пролетарской революции («социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит угнетенное человечество»), в предельно сжатой форме излагал основную цель социалистического обобществления производства и планомерной организации производственного процесса (обеспечение «благосостояния и всестороннего развития всех членов общества»). Эти разделы проекта завершала идея установления диктатуры пролетариата — «такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров»[3].

Далее проект формулировал задачи социал-демократии как передового, сознательного отряда рабочего класса: его организацию в самостоятельную политическую партию, руководство всеми проявлениями пролетарской классовой борьбы, выяснение непримиримой противоположности интересов эксплуатируемых интересам эксплуататоров, а также исторического значения и необходимых условий предстоящей социальной революции. Важной задачей социал-демократии, отмечалось в искровском проекте, является работа в непролетарских слоях трудящихся и эксплуатируемых масс, разъяснение им безнадежности их положения в капиталистическом обществе и необходимости социалистической революции пролетариата для их освобождения от гнета капитала, призыв к тем из них, кто переходит

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 103.
[2] «Второй съезд РСДРП... Протоколы», стр. 720.
[3] Там же.

«на точку зрения пролетариата», активно участвовать в деятельности его партии[1].

Отметив общность основных целей международного рабочего движения, «Искра» в своем проекте Программы в то же время подчеркнула, что каждый национальный отряд пролетариата имеет и свои особые ближайшие задачи, так как капитализм «не везде развит в одинаковой степени» и «его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке»[2]. В России эти ближайшие задачи определялись тем, что хотя капитализм «уже стал господствующим способом производства», тем не менее во всех сферах общественной жизни страны еще сохранились остатки старого, докапиталистического порядка, которые «в сильнейшей степени» препятствовали экономическому прогрессу и всестороннему развитию классовой борьбы пролетариата, держали весь народ в темноте и бесправии. Поэтому ближайшей задачей российская социал-демократия должна ставить «низвержение царского самодержавия и замену его республикой на основе демократической конституции»[3].

Эта задача рабочего движения России была детализирована и конкретизирована в последующих разделах проекта Программы, содержавших практические требования социал-демократии как политического вождя рабочего класса.

Первый раздел этих требований формулировал основные положения будущей демократической конституции России: «... сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа»; провозглашение всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании за всеми гражданами страны, достигшими 20-летнего возраста; обеспечение основных прав граждан — неприкосновенность личности и жилища, свобода слова, печати, собраний, стачек и союзов, полное равноправие «независимо от пола, религии и расы»; признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав России; отделение церкви от государства и школы от церкви; введение для всех детей до 16 лет бесплатного и обязательного общего и профессионального образования[4].

Специальный раздел практических требований проекта предусматривал меры, которых социал-демократия России намерена была добиваться «в интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также в интересах развития его способности к освободительной борьбе». Здесь прежде всего фигурировало установление 8-часового рабочего дня при полном запрещении сверхурочных работ и ограничении ночного труда только теми отраслями народного хозяйства, «где он безусловно необходим по техничес-

[1] См. «Второй съезд РСДРП... Протоколы», стр. 720.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 721.
[4] См. там же.

ким соображениям, одобренным рабочими организациями». Были сформулированы и другие меры защиты прав и интересов рабочих[1].

«В целях же устранения остатков крепостного порядка, тяжелым гнетом лежащих на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне» искровский проект программы выдвигал требования отмены выкупных и оброчных платежей и всех повинностей, лежащих на крестьянах как на податном сословии, круговой поруки и всех вообще законов, «стесняющих крестьянина в распоряжении его землей»; учреждения крестьянских комитетов для возвращения сельским обществам «тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права», и для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших в ряде областей России; предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и «объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер»[2].

В заключении проекта были сформулированы принципы отношений РСДРП с другими оппозиционными и революционными течениями, провозглашалась поддержка тех из них, которые направлены «против существующего в России общественного и политического порядка», и решительно отвергались всякого рода реформаторские проекты, имеющие целью упрочение или расширение «полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами»[3].

Таким образом, социал-демократическим организациям России был представлен проект партийной Программы, составленный в лучших марксистских традициях и развивавший эти традиции применительно к обстановке нового этапа международного рабочего движения с учетом конкретных условий царской России. В проект был внесен ряд теоретических положений и практических требований, отсутствовавших в программах других социал-демократических партий. Не говоря уже о сформулированном в проекте тезисе о диктатуре пролетариата, он отличался в лучшую сторону, например развернутой формулировкой задач социал-демократии в отношении рабочего класса и непролетарских слоев трудящихся и эксплуатируемых, четко сформулированными требованиями относительно политического устройства своей страны (чего не было, например, в Эрфуртской программе СДПГ), наличием специального раздела по аграрному вопросу.

Искровский проект, гармонично сочетавший изложение основных выводов марксистской теории с формулировкой конкретных политических задач, стал водоразделом между революционным и оппортунистическим направлениями в российской социал-демократии, отправным пунктом для выработки стратегических и тактических установок, организационных основ рабочей партии нового типа.

[1] «Второй съезд РСДРП... Протоколы», стр. 721—722.
[2] Там же, стр. 722.
[3] Там же, стр. 722—723.

Этот проект давал социал-демократам действенное средство борьбы против хвостизма «экономистов» и против «революционного» авантюризма народничества, возрождавшегося в облике партии социалистов-революционеров[1]. С опубликованием искровского проекта деятели революционного рабочего движения в России получили богатейший источник идей для пропаганды среди передовых рабочих и агитационной работы в массах.

Проект Программы РСДРП, выработанный редакцией «Искры» и «Зари», встретил в большинстве местных организаций партии самое благоприятное отношение. От агентов «Искры» в России и от местных комитетов стали поступать письма с выражением солидарности, с замечаниями и пожеланиями к составителям проекта.

В письме, которое по поручению Г. М. Кржижановского прислала из Самары З. П. Кржижановская, говорилось, что «программа приветствуется очень дружелюбно и появление ее, конечно, крайне своевременно»[2]. Харьковский комитет РСДРП сообщал в редакцию «Искры»: «Программа в общем, конечно, нами принята, будут только кое-какие добавления»[3]. В заявлении Тверского комитета, опубликованном в «Искре», также говорилось, что он «примыкает к программе «Искры» и считает ее освещение современных нам событий наиболее правильным»[4]. В. И. Ленин писал 19 декабря 1902 г. Г. В. Плеханову: «Томичи переиздали наш проект программы с предисловием-дифирамбом «Искре» — «Заре» и всей ее работе»[5].

Разумеется, искровский проект Программы встретил и возражения — от прямого отрицания ряда ее положений со стороны «экономистов» из «Рабочей организации» петербургского «Союза борьбы» до сомнений в правильности некоторых ее принципиальных выводов, сомнений, высказывавшихся порой под флагом марксистской ортодоксии (группа «Борьба»). Однако эти «критические» голоса тонули — и чем дальше, тем больше — в хоре положительных оценок. Опубликование проекта послужило дальнейшему закреплению роли ленинской «Искры» как фактического идейного руководителя российских революционных марксистов.

[1] Партия социалистов-революционеров (эсеров) возникла в конце 1901 — начале 1902 г. в результате объединения немногочисленных к тому времени народнических групп и кружков. Основой своей тактики эта мелкобуржуазная партия провозгласила индивидуальный террор, заимствованный из арсенала народовольчества. Авантюристическая по своей сути тактика индивидуального террора наносила большой вред развертыванию революционного рабочего движения, отвлекая часть передовых пролетариев от организационной и воспитательной работы в массах; эсеровский террор, не нанося сколько-нибудь заметного урона самодержавию, ставил под удар активистов освободительного движения.

[2] «Переписка», т. 2, стр. 183.

[3] Там же, стр. 105.

[4] «Искра» № 23, 1 сентября 1902 г.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 242.

СОЗЫВ II СЪЕЗДА РСДРП. ВОЗНИКНОВЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА

С распространением в партийных организациях книги «Что делать?» и опубликованием проекта Программы РСДРП фактически наступил новый этап в развитии российской социал-демократии. Его содержание определялось быстро растущим влиянием искровского направления в рядах марксистского авангарда российского рабочего движения: с весны — лета 1902 г. переход основных социал-демократических организаций России под знамена «Искры» стал господствующей тенденцией в рабочем движении. Чтобы завершить процесс превращения РСДРП в партию революционного марксизма, следовало закрепить отмеченную тенденцию организационно. Именно поэтому В. И. Ленин, его соратники, все подлинные искровцы в России и за границей развернули напряженную деятельность, направленную к созыву партийного съезда. Подготовка съезда, писал В. И. Ленин 6 мая 1902 г. Г. М. Кржижановскому в Самару, теперь — «*главная* задача»[1].

Курс на созыв II съезда партии сделал еще более актуальным окончательное привлечение на сторону «Искры» местных комитетов РСДРП, в первую очередь Петербургского комитета. Борьба за него стала центральным звеном в собирании сил партии, в объединении ее местных организаций на идейной и организационной платформе «Искры». «Питер,— писал В. И. Ленин И. И. Радченко в середине июля 1902 г.,— такая «местность», которая имеет и *непосредственно* общерусское значение». Фактическое слияние Петербургского комитета с Русской организацией «Искры», считал он, «сразу выведет всю партию из состояния полупризрачного на степень не только реальности, но и первостепенной силы»[2].

Завоевание на сторону «Искры» Петербургского комитета РСДРП было подготовлено всем развитием революционного движения в России. Оно было в значительной степени обусловлено литературно-теоретической и организационно-практической деятельностью «Искры», происшедшими под ее влиянием сдвигами в ориентации работающих в Петербурге социал-демократов, переходом части их (не исключая и некоторых из тех, кто был в свое время привержен «экономизму» и кустарничеству) на позиции, близкие искровским. Ускорению и более решительному осуществлению этого перехода вплоть до признания «Искры» руководящим органом РСДРП во многом способствовала работа в Петербурге И. И. Радченко, одного из активнейших искровских агентов в России, последовательного сторонника ленинского организационного плана.

Важнейшим следствием положительных сдвигов в идейно-политической ориентации социал-демократов Петербурга было упоминав-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 185.
[2] Там же, стр. 197.

шееся выше июльское заявление Петербургского комитета, которое произвело огромное впечатление на всю российскую социал-демократию и послужило примером для многих других комитетов. Следующим шагом явилась реорганизация Петербургского комитета с целью создания строго конспиративной организации профессиональных революционеров с четким распределением партийных функций между всеми членами или группами членов комитета — в духе ленинских идей, изложенных в «Что делать?».

За советом, как провести эту реорганизацию, один из работников Петербургского комитета РСДРП, А. А. Шнеерсон (Ерема), обратился к В. И. Ленину. Изложив свою точку зрения, он просил Ленина «уделить свое внимание его письму, причем с особенным удовольствием желал бы иметь его критику»[1]. Получив 14 сентября 1902 г. этот запрос, В. И. Ленин тотчас же начал писать ответ на него. Придавая очень большое значение поставленным перед ним вопросам, видя в них проблему, с которой так или иначе столкнутся все комитеты РСДРП, Ленин решил дать развернутое обоснование ее. Так появилось знаменитое «Письмо к товарищу о наших организационных задачах»[2]. 24 сентября оно было готово: «Ереме Ленин написал письмо,— сообщала Н. К. Крупская в Петербург В. Н. Шапошниковой,— но оно так разрослось, что придется послать с оказией»[3].

В. И. Ленин рекомендовал петербургским социал-демократам положить в основу партийной организации принципы строгой конспирации, централизации идейного и практического руководства, распределения работы между членами партии и ответственности каждого за порученное ему дело. Построенная на таких началах, организация сумеет «использовать *все и вся*, «дать работу всем и каждому», сохраняя в то же время *руководство* всем движением, сохраняя, разумеется, не силой власти, а силой авторитета, силой энергии, большей опытности, большей разносторонности, большей талантливости»[4].

Во главе всей местной социал-демократической работы, подчеркивал Ленин, находится комитет, который «должен состоять и из рабочих, и из интеллигентов»; разделение их на два комитета, как практиковали «экономисты» в Петербурге (да и в некоторых других городах), следует обязательно ликвидировать — в этом Ленин был полностью согласен с автором полученного им письма. «Надо особенно стараться,— писал Ленин,— о том, чтобы как можно более рабочих становились вполне сознательными и профессиональными революционерами и попадали в комитет», чтобы там были по возможности «все главные *вожаки* рабочего движения из самих рабочих...»[5]

Комитет должен руководить всеми сторонами местного движения и заведовать всеми местными учреждениями, силами и средствами

[1] «Переписка», т. 2, стр. 223—230.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 7—25.
[3] «Переписка», т. 2, стр. 274.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 14.
[5] Там же, стр. 9.

партии. Чтобы успешно выполнять эти функции, он должен быть центром соподчиненных учреждений и филиальных отделений партии, прежде всего в виде районных групп и заводских (фабричных) подкомитетов, а также целой сети групп и кружков функционального типа (по транспортировке нелегальной литературы, пропаганде, борьбе с провокацией и шпионажем в рядах рабочего движения и т. п.). Особенно большую роль в своем плане В. И. Ленин отводил заводским организациям (кружкам, подкомитетам). «Каждый завод,— писал он,— должен быть нашей крепостью»[1].

В «Письме к товарищу» уделено самое пристальное внимание получению партийными центрами всесторонней информации о практической деятельности местных организаций. Это был один из наболевших вопросов социал-демократического движения: «В настоящее время,— надо говорить прямо,— мы либо ничего не знаем о *действительной внутренней* работе комитета, кроме его прокламаций и общих корреспонденций, либо знаем от друзей и хороших знакомых личных. Но ведь смешно же думать, чтобы этим могла ограничиться громадная партия, способная руководить русским рабочим движением и готовящая общий натиск на самодержавие»[2].

Отставание местных комитетов от перехода к новым формам информации было во многом обусловлено недостаточной осведомленностью партии о положении в отдельных ее организациях, отсутствием должной партийной гласности.

«Письмо к товарищу» попало в Петербург, по-видимому, в декабре 1902 г. Отклики были самые благоприятные: «Письмо Ленина... читала с восторгом и во всем с ним согласна»[3],— писала в редакцию «Искры» Е. Д. Стасова, которая принадлежала к работникам Петербургского комитета, перешедшим на сторону «Искры». «Меня очень порадовал ответ Ленина по организационным вопросам, он, я надеюсь, рассеет ту путаницу понятий, которая царила в прежнем ЦК»[4] (здесь имеется в виду комитет «Союза борьбы».— *Авт.*),— делился своими заботами и надеждами один из организаторов нового состава комитета — А. Э. Рерих. «Письмо Ленина очень понравилось»[5],— сообщал в декабре 1902 г. обосновавшийся в Петербурге И. В. Бабушкин.

«Письмо к товарищу», как за несколько месяцев до этого «Что делать?», попало в точку. Оно отвечало насущным потребностям участников движения, хорошо понимавшим, что без перестройки всей партийной работы невозможно закрепить сдвиги в отношении к программе и к направлению «Искры» в целом. «Что касается плана деятельности в местных комитетах,— писала Н. К. Крупская одному из искровцев в России,— то это действительно теперь один из злобо-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 15.
[2] Там же, стр. 22—23.
[3] «Переписка», т. 2, стр. 515.
[4] Там же, стр. 535.
[5] «Переписка», т. 3. М., 1970, стр. 18.

дневных вопросов. Питер прислал свой проект по этому поводу. Москва тоже прислала подобный же проект, о реорганизации местной работы писал Харьков и т. д. Ленин написал питерцу письмо о том, как, по его мнению, должна вестись местная работа...»[1].

Редакция «Искры» принимала меры, чтобы «Письмо к товарищу» стало широко известно не только в Петербурге, но и в других социал-демократических организациях. Так, 31 октября 1902 г. Н. К. Крупская писала в Харьков: «Если дадите адрес *для склеенной корреспонденции*, пришлем письмо Ленина по поводу письма питерцев о местной работе»[2]. В начале декабря она сообщала в Нижний Новгород: «Посылаем в склеенном виде письмо одного питерца о местной организации и ответ на него Ленина. Так как эта переписка имеет общий интерес, то пересылаю ее Вам. Напишите свое мнение по этому вопросу»[3]. «Письмо» широко распространилось по России — в машинописных копиях, в виде брошюры, отпечатанной на гектографе; Сибирский социал-демократический союз в июне 1903 г., т. е. буквально накануне II съезда РСДРП, отпечатал его типографским способом.

Ленинское письмо явилось важнейшим источником информации об искровских организационных идеях именно тогда, когда нужда в такой информации была особенно большой (в период непосредственной подготовки партии к ее II съезду).

Провозглашение комитетом РСДРП — вслед за Петербургским комитетом и по его примеру — «Искры» руководящим органом российской социал-демократии, солидаризация в той или иной форме с подготовленным ею проектом Программы, с ее тактическими взглядами и ленинскими принципами партийной организации происходили, как правило, в нелегкой борьбе со старыми, оппортунистическими по своей сути представлениями о содержании и формах деятельности социал-демократии. Однако процесс сближения, фактически объединения местных комитетов вокруг «Искры» становился все более заметным и ощутимым.

В августе 1902 г. Н. К. Крупская сообщала в Орловский комитет, что «за последнее время» связи редакции «Искры» «стали расти и укрепляться, теперь есть надежда, что русские организации более активно примут участие в нашей работе и при их помощи удастся создать действительно прочную русскую организацию»[4]. Эта надежда укреплялась с каждым месяцем. Уже в середине декабря 1902 г. Н. К. Крупская имела все основания заявить, что можно «считать несомненной победу искровского направления, по крайней мере мы насчитали более 15 искровских комитетов, остальные искровские наполовину, относительно некоторых у нас просто нет сведений.

[1] «Переписка», т. 2, стр. 389—390.
[2] Там же, стр. 397.
[3] Там же, стр. 482.
[4] Там же, стр. 129.

Итак, идейное объединение русской социал-демократии уже не за горами. Конечно, пока это объединение еще чересчур примитивное, грубое. Но начало положено — остальное доделает съезд»[1].

Официальное признание местными комитетами «Искры» в качестве центрального руководящего органа приобретало особое значение, ибо под ее влиянием усиливалась их работа в массах, рос их авторитет как важного фактора политической жизни России.

Свидетельством активизации местных комитетов РСДРП в 1902—1903 гг. было, в частности, возрастание масштабов их агитационной работы. Так, Киевский комитет с сентября 1900 по май 1903 г. издал 42 листовки общим тиражом свыше 50 тыс. экземпляров; Екатеринославский комитет издавал ежемесячно 3—4 листовки тиражом до 10—15 тыс. экземпляров каждая[2]. Особенно ярким событием в истории РСДРП этого периода было руководство Донским комитетом, большинство в котором составляли последовательные искровцы, всеобщей Ростовской стачкой. Ростовские социал-демократы не только издавали листовки и прокламации, но и открыто выступали на многотысячных митингах рабочих, всех трудящихся города и прилегающих районов[3].

Завоевание «Искрой» подавляющего большинства наиболее авторитетных местных комитетов партии позволило ей взять на себя инициативу восстановления Организационного комитета (который был образован еще весной 1902 г., но почти в полном составе тогда же арестован) и всей вообще работы по подготовке II съезда РСДРП. Широкие возможности для восстановления Организационного комитета и обеспечения в нем искровского большинства открыл полный переход Петербургского комитета РСДРП на сторону «Искры». И в начале августа 1902 г. в Лондоне, где находилась в то время редакция «Искры», состоялось совещание, в котором приняли участие представители Русской организации «Искры» (П. А. Красиков), Петербургского комитета (В. П. Краснуха) и Северного союза (В. А. Носков). Как писала Н. К. Крупская 16 августа 1902 г. И. И. Радченко (письмо просмотрено и исправлено В. И. Лениным), было решено, что эти организации «устраивают Организационный Комитет для подготовки общепартийного съезда. Потом в этот Комитет должны будут войти представители от Бори[4] и от юга... Организационный Комитет берет на себя функции ЦК и старается подготовить фактическое объединение»[5].

Заявление группы «Южный рабочий», влиятельной организации социал-демократического движения юга России, о солидарности

[1] «Переписка», т. 2, стр. 516.

[2] См. «Очерки истории Коммунистической партии Украины». Киев, 1972, стр. 50.

[3] См. «Очерки истории партийных организаций Дона», ч. I. 1898—1920. Ростов-на-Дону, 1973, стр. 77—83.

[4] *Боря* в конспиративной переписке — Бунд.

[5] «Переписка», т. 2, стр. 148; см. также стр. 150 и 190.

с «Искрой» и ее предложение совместно вести практическую работу еще более облегчили формальное восстановление Организационного комитета и установление искровского большинства в нем.

Новый состав Организационного комитета был избран на совещании 2 ноября 1902 г. в Пскове. В него вошли В. П. Краснуха от Петербургского комитета, Е. Я. Левин от группы «Южный рабочий», И. И. Радченко от Русской организации «Искры». На первом же своем заседании ОК кооптировал в свой состав также других представителей Русской организации «Искры» — П. А. Красикова, Г. М. Кржижановского, Ф. В. Ленгника, П. Н. Лепешинского, а также А. М. Стопани от Северного союза. Все перечисленные деятели, кроме Левина, являлись последовательными искровцами.

Совещание приняло «Извещение», где излагались общие причины образования Организационного комитета (необходимость возможно более быстрого восстановления единства РСДРП в обстановке нарастания подъема революционного рабочего движения; важность отмежевания РСДРП от других оппозиционных сил русского общества, выражавших интересы буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения) и давалась характеристика задач и функций ОК. «Первой и главной задачей», подчеркивалось в «Извещении», Организационный комитет считает «*подготовку условий для созыва партийного съезда*». Осознавая всю важность задач, взятых на себя, ОК «дерзает сделать это... лишь потому, что необходимость объединения слишком настоятельна, разброд слишком дает себя чувствовать, дальнейшая дезорганизованность слишком угрожает общему делу»[1].

Важное значение имело признание связи деятельности ОК с направлением «Искры»: «Решено также,— говорилось в конспекте постановлений совещания,— что Ольга[2] не только будет фактически исходить от тех начал, которые положены «Искрой», но и открыто признавать свое родство с ней»[3].

Полицейские преследования вскоре сильно ослабили состав Организационного комитета: были арестованы И. И. Радченко и П. Н. Лепешинский, а затем и В. П. Краснуха. В руки полиции даже попал конспект постановлений совещания, который Лепешинский составил для отправки в редакцию «Искры». Но провалы на этот раз не привели к прекращению деятельности ОК, потому что за ним теперь стояла такая влиятельная сила, какой стала к осени 1902 г. «Искра».

«Искра» сразу же поддержала Организационный комитет всей силой своего авторитета. Перепечатывая «Извещение об образовании «Организационного Комитета»», изданное первоначально отдельной листовкой, редакция «Искры» снабдила его редакционным послесловием, в котором призывала комитеты и группы, кружки и отдельных

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 89—91.
[2] *Ольга* в конспиративной переписке — Организационный комитет.
[3] «Переписка», т. 2, стр. 433—434.

социал-демократов завязать «непосредственные и живые сношения с ОК», энергично приняться «за активную поддержку всей гр мадной объединительной работы»[1].

Этому же курсу поддержки Организационного комитета следовала, согласно директивам В. И. Ленина, и Русская организация «Искры». «Главная задача теперь — укрепить ОК,— писал В. И. Ленин Бюро Русской организации «Искры» в Самару в конце декабря 1902 г.,— дать сражение всем несогласным на почве признания этого ОК и затем готовить съезд возможно скорее»[2]. В. И. Ленин и лично принимал активнейшее участие в деятельности Организационного комитета, помогал разрабатывать его основные документы, советовал, как распределить функции между его членами.

Одним из важных вопросов работы ОК была выработка программы съезда, составление списка подлежавших обсуждению вопросов и докладчиков по этим вопросам. На Псковском совещании был намечен лишь самый общий проект такой программы, а конкретизация ее отложена до следующего заседания ОК, когда от редакции «Искры», как писал П. Н. Лепешинский, «придет подкрепление в виде обстоятельного проекта»[3]. Избежавший ареста Е. Я. Левин просил редакцию «Искры» прислать «проект вопросов съезда», чтобы Ольга могла руководствоваться им при выработке своего проекта»[4]. Получив этот запрос, В. И. Ленин тотчас же составил и послал в Харьков, где в то время находилось Бюро ОК, проект порядка дня предстоявшего съезда. В нем он предложил начать работу съезда с обсуждения вопроса об отношении к Бунду в связи с его претензией на особое место в партии («Если только федерация,— писал Ленин, — то разойтись сразу и заседать врозь»). Далее он считал целесообразным выдвинуть следующие вопросы: Программа партии и ее центральный орган; принципы организационного построения партии; проблемы тактики и отношения к другим партиям; отчеты делегатов («*очень важно*, чтобы отчеты были от каждого комитета и возможно более полные»); объединение заграничных групп и организаций и т. д.[5]

Из переписки редакции «Искры» с Организационным комитетом известно, что это письмо Ленина не было получено, и в начале февраля 1903 г. Бюро ОК вновь обратилось в редакцию «Искры» с просьбой: «Прислать проект «порядка дня» — этого требуют комитеты»[6]. Вопрос был действительно важный, и В. И. Ленин составляет «Программу II очередного съезда РСДРП»[7], которой съезд и руководствовался в своей работе.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 92.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 247.
[3] «Переписка», т. 2, стр. 434.
[4] Там же, стр. 498.
[5] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 235—236.
[6] «Переписка», т. 3, стр. 71—97.
[7] См. Ленинский сборник IV, стр. 50—52; *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 393—400.

Подготовка II съезда РСДРП проходила в обстановке, принципиально отличной от той, в какой начинала свою деятельность «Искра»: задача размежевания с оппортунистами была в основном решена; «экономисты» потеряли влияние в большинстве организаций; на первый план выдвинулась задача объединения здоровых революционных сил партии. Разумеется, размежевание с оппортунистами, разоблачение их несостоятельности как направления в социал-демократическом движении вовсе не означало, что с оппортунизмом в России покончено навсегда. Напротив, оставались и пытались действовать остатки потерявших былое влияние организаций «экономистов»; оставались и представления о программе, тактике, организации рабочего движения, почерпнутые в сочинениях русских и зарубежных бернштейнианцев. Понимая это, некоторые искровцы предлагали оттянуть общепартийный съезд, устроив лишь съезд комитетов, твердо стоящих на позициях «Искры». В. И. Ленин же настаивал на созыве съезда всей партии, добиваясь переубеждения, привлечения на сторону «Искры» и части колеблющихся. Он исходил из того, что победу «Искры» следовало закрепить на съезде всех социал-демократов России.

Одним из проявлений этой линии было, например, деловое сотрудничество в Организационном комитете с представителями «Южного рабочего», в руках которых после арестов Радченко и Краснухи на некоторое время оказалось Бюро ОК. Одновременно редакция «Искры» принимала меры для укрепления Организационного комитета: после нескольких месяцев пребывания за границей в Россию вернулся самый энергичный член ОК — П. А. Красиков; к работе в ОК были привлечены и другие искровцы.

Важной особенностью периода подготовки II съезда было усиление в социал-демократических организациях России тенденции к совместным действиям. Это выразилось, в частности, в издании или распространении почти 30 комитетами и группами, связанными с «Искрой», листовок и прокламаций по поводу Ростовской стачки в ноябре 1902 г. В феврале 1903 г. прокламации в связи с годовщиной крестьянской реформы 1861 г. издали 23 местных комитета и группы. На события в Златоусте, где в марте 1903 г. полиция расстреляла рабочих — участников мирной экономической забастовки (было убито 69 и ранено свыше 250 человек), откликнулись листовками 14 комитетов партии[1].

Растущее стремление к совместным действиям существовавших в России социал-демократических организаций способствовало росту влияния Организационного комитета, олицетворявшего тенденцию к единству движения. Уже к февралю 1903 г. право ОК на созыв съезда признали 12 социал-демократических организаций, в том числе Петербургский, Московский, Киевский, Екатеринославский, Дон-

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. I, стр. 395—401.

ской комитеты, Северный союз, Русская организация «Искры», группа «Южный рабочий». Опираясь на их признание и поддержку, ОК завершал подготовку съезда. На февральском совещании ОК 1903 г. был одобрен устав съезда, на основе которого после рассмотрения заявлений ряда комитетов был окончательно утвержден список 21 местного комитета и шести не местных (т. е. не ограниченных рамками определенной местности) организаций, имевших право представительства на II съезде РСДРП.

Подавляющее большинство этих наиболее авторитетных организаций российской социал-демократии, получивших полномочия сформировать центральные учреждения партии, принять марксистскую Программу, определить основные направления деятельности и принципы строения, примыкало к тому времени к «Искре» или же было искровским с самого начала.

Когда в июле 1903 г. в Брюсселе начал работу II съезд РСДРП, на нем оказались представленными социал-демократические организации всех крупных городов и промышленных районов страны. Состав съезда отражал практически весь спектр политических направлений, характерных для российской социал-демократии начала XX в.,— от набравшей большую силу «Искры» (ее направление защищали 27 делегатов, располагавших 33 решающими голосами) до хиреющего «экономизма» (три делегата, к которым примыкали пять бундовцев). Промежуточные позиции занимали восемь делегатов, представлявших направление «Южного рабочего» или примыкавших к нему (они располагали 10 голосами). В силу широкого представительства основных организаций и направлений российской социал-демократии съезд мог компетентно решать важнейшие проблемы партийного строительства, выработки Программы и политического курса партии.

Среди делегатов были и закаленные, опытные пролетарские революционеры, такие, как В. И. Ленин и его сподвижники, и люди, пришедшие к марксизму и рабочему движению через участие в народнических кружках и организациях (Г. В. Плеханов, Л. М. Книпович, Л. Г. Дейч), и совсем еще молодые революционные деятели, вступившие в движение уже после образования РСДРП (такие, как А. В. Шотман, Л. С. Виленский). Большинство делегатов были хорошо знакомы с перипетиями становления и развития российской социал-демократии и активно участвовали в идейной борьбе, разгоревшейся после I съезда партии.

На II съезде были поставлены фактически все важнейшие вопросы жизни партии и развития революционного рабочего движения: программа, принципы организации, основы тактики. Съезд должен был выбрать также центральные учреждения РСДРП.

При обсуждении Программы открытые и скрытые оппортунисты из числа делегатов предприняли попытку внести в проект, представленный редакцией «Искры», такие изменения, которые исказили бы самую его суть. «Сторонники «Рабочего Дела», — писал В. И. Ле-

нин,— бундисты и разные отдельные делегаты, которым во время съезда дана была кличка «болото», делали неимоверную обструкцию. Прения о программе невероятно растянулись»[1].

Атака на искровский проект началась многочасовым выступлением рабочедельца Мартынова. Сравнивая предложенный съезду проект с программами западноевропейских социал-демократических партий, Мартынов устанавливал отсутствие сходства с ними отдельных положений проекта и пытался использовать это обстоятельство, чтобы опорочить обсуждавшийся документ. О том же говорил другой рабочеделец, Акимов, обратившийся не столько к таким, в основном марксистским, документам, как Эрфуртская или Гайнфельдская программы, сколько к бесспорно оппортунистическому программному документу австрийской социал-демократии, принятому в 1901 г.[2] Акимов откровенно призывал к тому, чтобы «изменить самый дух программы»[3].

Объектами нападок оппортунистов служили центральные положения искровского проекта. Пытаясь выхолостить его революционную сущность, они ополчились на пункт, касавшийся диктатуры пролетариата. Нападки такого рода преследовали цель повернуть РСДРП на путь ревизионизма, поскольку вопрос о диктатуре пролетариата был поставлен в Программе, как писал позднее В. И. Ленин, «именно в связи с борьбой против Бернштейна, против оппортунизма»[4].

Стремление откровенных оппортунистов исключить из Программы упоминание диктатуры пролетариата нашло поддержку у Л. Троцкого, одного из тех неустойчивых искровцев, которые вскоре образовали ядро нового оппортунистического направления в российской социал-демократии — меньшевиков. Изображая из себя сторонника диктатуры пролетариата, он в то же время утверждал, будто она станет возможной лишь тогда, когда пролетариат составит «большинство» нации[5]. В этой позиции проявилось непонимание сути диктатуры пролетариата, а также игнорирование роли многомиллионных масс крестьянства как союзника рабочего класса в революционной борьбе.

Съезд отверг поползновения оппортунистов выхолостить революционный дух Программы.

Мартынов, поддержанный Акимовым и бундовцем Либером, обрушился также на другую формулировку проекта, в которой говорилось о «росте числа и сплоченности пролетариев» по мере развития противоречий капитализма. Пытаясь задним числом реабилитировать позиции «экономизма», он потребовал видоизменить эту формулировку таким образом, чтобы в ней говорилось о росте численности, сплоченности и сознательности пролетариев как объективном про-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 46.
[2] См. «Второй съезд РСДРП... Протоколы», стр. 175.
[3] Там же, стр. 127.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 369.
[5] См. «Второй съезд РСДРП... Протоколы», стр. 136.

цессе. В этом случае повышение классового сознания пролетариев (обусловленное в значительной степени внесением в рабочий класс научного знания, пролетарской идеологии) выглядело как результат исключительно стихийного развития.

Эту позицию косвенно поддержал Мартов, заявивший, что слово «сознательность» было просто «пропущено» и его следует восстановить. Поправка Мартова получила поддержку и в программной комиссии. Однако на пленарном заседании В. И. Ленин решительно высказался против подобного «исправления»: оно создает представление, говорил он, будто сознательность растет стихийно. В действительности же «нет сознательной деятельности рабочих вне влияния социал-демократии»[1]. В итоге была принята ленинская редакция этого раздела проекта.

Много споров вызвали положения Программы по национальному вопросу, а также конкретные вопросы представительства пролетариата отдельных национальностей — евреев и поляков. Бунд, отстаивая оппортунистическую доктрину «национально-культурной автономии», претендовал на признание его единственным представителем еврейского пролетариата. Съезд решительно высказался против удовлетворения этих претензий, что привело бы к расколу российского пролетариата по национальному признаку. В конечном итоге представители Бунда покинули съезд.

Ушли также представители польской социал-демократии, присутствовавшие на съезде как гости; выступая против каких-либо националистических тенденций, они трактовали содержавшееся в проекте Программы РСДРП требование самоопределения наций как якобы ведущее к обязательному отделению польских земель от России, против чего они возражали.

Дебаты по национальному вопросу обострились в связи с предложением бундовцев включить в программу требование равноправия языков, к чему они фактически сводили все свои требования. Последовательные марксисты высказались против, считая, что Программа должна делать упор на кардинальном решении — признании полного равенства наций и их права на самоопределение. Но сторонники ограничения вопроса равноправием языков неожиданно нашли поддержку у неустойчивых искровцев. В. И. Ленин отмечал, что по данному вопросу впервые проявился раскол между искровцами [2].

В результате острой и упорной борьбы, которой сопровождалось рассмотрение этой части проекта Программы, удалось зафиксировать в ней последовательно марксистские взгляды на национальный вопрос. Для многонациональной России это имело особое значение. «Прочно устанавливалось положение,— писала Н. К. Крупская, характеризуя рассмотрение данного вопроса на II съезде,— что национальные особенности не должны мешать единству

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 274.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 47.

партийной работы, монолитности социал-демократического движения»[1].

Важное место в дискуссии по проекту Программы занял вопрос об отношении пролетариата к другим слоям трудящихся и эксплуатируемых. Искровский проект исходил из объективной заинтересованности непролетарских слоев трудящихся в социалистической революции, из возможности и вероятности совместной борьбы против капитала. Оппортунисты выступили и против этого важнейшего положения, утверждая, что у пролетариата и непролетарских слоев трудящихся нет и не может быть ничего общего. Наиболее открыто высказал такую точку зрения Махов (Калафати), принадлежавший на съезде к центристской группировке (в дальнейшем — меньшевик): «У нас единственный революционный класс — пролетариат, остальные — так себе: с боку припека... и хотят только попользоваться»[2]. Позиция выглядела весьма «революционно», но на деле могла привести лишь к полному поражению освободительного движения, если учесть, что подавляющее большинство населения тогдашней России составляло крестьянство.

Возражая оппортунистам, В. И. Ленин напомнил точку зрения Маркса на этот вопрос, в частности тот факт, что Маркс считал «совершенно правильным утверждение коммунаров, что дело Коммуны есть также дело крестьянства». «...Нельзя сомневаться в том,— подчеркивал Ленин,— что при известных условиях переход того или иного слоя трудящихся на сторону пролетариата отнюдь не невозможен. Все дело в том, чтобы точно определить эти условия»[3].

Особенно напряженно проходило обсуждение аграрного раздела проекта Программы партии. Спор шел не о формулировках, а о том, оставлять ли данный раздел в Программе или изъять его вообще. Против него выступили не только явные оппортунисты, но и представители «центра» — южнорабоченцы и примыкавшие к ним делегаты. Упомянутый выше Махов заявил, что «вся программа аграрная — лишняя»; он открыто признавал, что боится выступления огромной массы крестьянства. Акимов утверждал, что «съезд не может принять аграрной программы ввиду неразработанности вопроса», а Егоров (Левин), ссылаясь на пример Западной Европы, выступил против увлечения «крестьянским движением», уверяя, что крестьянство может играть в движении лишь «роль чисто стихийную»[4].

В. И. Ленин, выступая в прениях по вопросу об аграрной программе, выражал глубокую уверенность в революционных потенциях крестьянства, которые приведут их к совместной с рабочим классом борьбе под руководством его авангарда — социал-демократической

[1] *Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине, стр. 75.
[2] «Второй съезд РСДРП... Протоколы», стр. 248.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 270.
[4] «Второй съезд РСДРП... Протоколы», стр. 230, 222, 224.

партии — против самодержавия и всех форм угнетения и эксплуатации. «Мы верим,— заявлял он,— что ввиду того, что социал-демократия выступила теперь на борьбу за крестьянские интересы, мы в будущем будем считаться с фактом, что крестьянская масса привыкнет смотреть на социал-демократию, как на защитницу ее интересов»[1].

В. И. Ленина поддержали многие делегаты. Так, С. И. Гусев говорил: «Наш лозунг вовсе не исчерпывается аграрной программой. Общую часть нашей программы — все наши демократические требования — мы также понесем в деревню. Можно смело сказать, что наш лозунг очень широк,— и ни одна политическая партия в Европе еще не предлагала крестьянству сразу такой обширной программы»[2].

В дискуссии по этим и другим положениям программы-минимум приняло участие большинство делегатов. Многие из них вносили конструктивные предложения, которые в той или иной форме вошли в окончательный текст. Общий дух требований программы-минимум, их соотношение с главной целью рабочего движения сформулировал на съезде Г. В. Плеханов. Он говорил в одном из своих выступлений, что для марксистской партии любое демократическое требование должно рассматриваться с точки зрения его ценности для целей пролетарской революции[3].

В результате длительных обсуждений II съезд РСДРП принял подлинно марксистскую, последовательно революционную Программу пролетарской партии нового типа, партии, готовой вести рабочий класс и примыкающие к нему непролетарские слои трудящихся на революционный штурм старого общества. Она соответствовала всему духу этой партии, отражала ее непримиримость к любым проявлениям ревизионизма и оппортунизма, ее готовность идти до конца, не пугаясь трудностей борьбы.

Сразу же после принятия Программы съезд обратился к вопросу о центральном органе партии. На этом настаивал В. И. Ленин еще до съезда. Он считал, что вопрос о центральном органе важно решить прежде многих других, «чтобы сразу дать баталию всем противникам по основному и широкому вопросу и выяснить себе всю картину съезда (respective: разойтись по серьезному поводу)»[4].

На самом съезде В. И. Ленину пришлось отстаивать этот порядок против Акимова и Левина. Он говорил, что, «прежде чем решать вопрос об организационных деталях, об уставе партии и проч., необходимо вырешить окончательно вопрос о направлении русской социал-демократии»[5].

В том, что «Искра» уже фактически стала центральным органом партии, никто из делегатов съезда не сомневался. Только искровцы и примыкавшие к ним предлагали закрепить данный факт официаль-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 283.
[2] «Второй съезд РСДРП ...Протоколы», стр. 221—222.
[3] См. там же, стр. 182.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 236.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 263.

но, тогда как другие пытались не допустить этого. Предложение откровенных противников «Искры», Акимова и Махновец, восстановить в качестве партийного органа «Рабочую газету» собрало голоса только своих авторов. Принятая подавляющим большинством голосов, резолюция отмечала «заслуги «Искры» в деле идейного объединения, в деле развития и защиты принципов революционной социал-демократии и борьбы на почве этих принципов со всевозможными оппортунистическими течениями», «в деле руководства практической партийной работой» и «руководящую роль «Искры» в объединительной... работе»[1]. Тем самым искровское направление было признано направлением РСДРП. «...«Искра»,— писал В. И. Ленин,— стала партией и партия стала «Искрой»...»[2]

Особенно глубокие разногласия выявились при обсуждении на съезде принципов партийной организации. Принципиальные расхождения по этому вопросу стали обнаруживаться с первых же заседаний.

Разработанный Лениным проект Устава предусматривал организацию всей деятельности РСДРП как боевой, централизованной, дисциплинированной партии рабочего класса, готовой к решительным действиям. Утверждению съездом этих искровских организационных принципов В. И. Ленин придавал исключительно большое значение; он видел в них непременное условие создания партии нового типа. «Единство в вопросах программы и... тактики,— писал он вскоре после съезда,— есть необходимое, но еще недостаточное условие партийного объединения, централизации партийной работы...

Для этого последнего необходимо еще единство организации, немыслимое... без оформленного устава, без подчинения меньшинства большинству, без подчинения части целому»[3].

Эту точку зрения разделяли далеко не все делегаты съезда, и не только откровенные оппортунисты и представители так называемого болота, но и часть искровцев. Уже обсуждение § 1 Устава размежевало их на «твердых» (сторонников Ленина) и «мягких» (сторонников Мартова); мартовцы выступили против последовательного проведения принципов «Искры». В соответствии со своим пониманием существа партии они были сторонниками организационной расплывчатости.

Формулировка этого параграфа, предложенная В. И. Лениным, предусматривала, что членами РСДРП могут быть только лица, признающие ее программу, поддерживающие партию материально и участвующие в деятельности одной из партийных организаций. Формула Мартова предполагала не личное участие в работе той или иной организации РСДРП, а лишь содействие партии. Ленинская формулировка закладывала «организационные основы для обеспечения чистоты рядов партии, ее сплочения, централизации, дисциплины, по-

[1] «Второй съезд РСДРП... Протоколы», стр. 153.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 46, стр. 293.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 374—375.

вышения роли члена партии»; мартовская же — широко открывала двери в партию «для мелкобуржуазных попутчиков, неустойчивых в идейном и организационном отношении»[1]. Формулировку Мартова поддержали южнорабоченцы, откровенные «экономисты» и бундовцы. Она получила на съезде большинство голосов. Но это был и последний успех противников ленинской концепции пролетарской революционной партии. Уход со съезда бундовцев, а также и «экономистов» изменил соотношение сил: теперь «твердые» искровцы располагали бóльшим числом мандатов, чем оппортунистические и колеблющиеся элементы. Это позволило В. И. Ленину и его сторонникам при обсуждении других пунктов Устава, равно как при решении остальных организационных вопросов, одержать убедительную победу, провести в жизнь искровские организационные принципы, отстоять партийность против кружковщины и расплывчатости.

В целом Устав партии, принятый II съездом, был выдержан в духе искровских организационных идей, развивавшихся В. И. Лениным еще в «Что делать?», а затем в «Письме к товарищу о наших организационных задачах»[2]. «Лишь в частностях,— писал В. И. Ленин,— его ухудшили антиискровцы, при участии меньшинства искровцев»[3]. Впоследствии III съезд РСДРП изменил § 1 Устава, приняв его в ленинской формулировке. Проведенный в жизнь искровский организационный план стал основой строения боевой марксистской партии российского пролетариата, ее деятельности и развития. Его характерной особенностью было сочетание демократических и централистских начал, впоследствии получившее название демократического централизма.

Утверждение ленинских организационных принципов было закреплено на II съезде проведением выборов ЦК и редакции ЦО. Большинство избранных в эти центральные учреждения РСДРП принадлежало к «твердым» искровцам, сторонникам В. И. Ленина, что должно было обеспечить осуществление решений II съезда.

Своеобразным подведением итогов борьбы двух направлений по организационным вопросам явилась речь В. И. Ленина по поводу заявления Мартова об отказе работать в редакции «Искры» из-за, как он заявил, «осадного положения в партии» и «исключительных законов». В ответ В. И. Ленин говорил: «Да, тов. Мартов совершенно прав: сделанный шаг есть, несомненно, *крупный политический шаг*, свидетельствующий о выборе одного из наметившихся теперь направлений в дальнейшей работе нашей партии. И меня ни капельки не пугают страшные слова об «осадном положении в партии», об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» и т. п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем,

[1] *М. А. Суслов.* Второй съезд РСДРП и его всемирно-историческое значение. М., 1973, стр. 13.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 6.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 233.

мы обязаны создавать «осадное положение», и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как «осадное положение» для столь многочисленных источников *политической расплывчатости*. Против расплывчатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные, законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для *таких* законов и *таких* мер»[1].

Созданием руководящих органов, способных последовательно проводить в жизнь все решения II съезда РСДРП, была закреплена победа ленинских принципов партийности над оппортунистическим стремлением к кружковщине, децентрализации, безответственности. Выборы Центрального Комитета и редакции «Искры» окончательно разделили делегатов съезда на большинство («твердых» искровцев, ленинцев) и меньшинство (мартовцы в совокупности с «центром» и остатками антиискровцев). Так был предопределен раскол в российской социал-демократии, который привел в итоге к образованию подлинно пролетарской, революционной партии большевиков и оппортунистической, соглашательской, мелкобуржуазной по своей сути партии меньшевиков[2].

«Всемирно-историческое значение съезда состоит в том, что на этом съезде завершился процесс объединения революционной марксистской организации и была образована партия рабочего класса России на идейно-политических и организационных принципах, которые были разработаны В. И. Лениным»[3]. II съезд РСДРП фактически стал учредительным съездом большевистской партии — пролетарской партии нового типа, способной не только вести борьбу за повседневные нужды рабочих, но и возглавить решительный штурм позиций капитала.

Первому серьезному испытанию партия подверглась сразу же после завершения работы II съезда. Открыв огонь по его основным решениям, меньшевики сначала объявили бойкот центральным учреждениям партии, а затем захватили их с помощью неустойчивых элементов, не сумевших удержаться на принципиальных позициях II съезда. Против В. И. Ленина и его последователей была развернута кампания клеветы и дезинформации. Обстановка усугублялась изменой Плеханова, который на II съезде защищал линию революционного марксизма, но уже вскоре перешел в лагерь меньшевизма. В результате в руки меньшевиков попал центральный орган партии. Эта потеря была тем более тяжелой, что прежняя деятельность «Искры» под руководством Ленина обеспечила ей огромный авторитет; понадобилось время, чтобы передовые рабочие, поддерживавшие решения II съезда, поняли, что им приходится иметь дело с новой,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 307—308.

[2] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, стр. 479.

[3] О 70-летии II съезда РСДРП. Постановление Центрального Комитета КПСС от 4 апреля 1973 г.». М., 1973, стр. 6.

меньшевистской «Искрой», в которой от старой, ленинской остался только заголовок.

Однако благодаря почти трехлетним усилиям ленинской «Искры» идеи большевизма глубоко проникли в партию. Поэтому неустанная, решительная борьба В. И. Ленина, его сторонников против ревизии решений II съезда РСДРП, возвращения к кружковщине и местничеству, «реабилитации» «экономизма» привела к преодолению партийного кризиса. Выдающуюся роль в борьбе против меньшевизма, за утверждение принципов партийной жизни, выработанных II съездом РСДРП, сыграла книга В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад»[1], появившаяся в мае 1904 г. Построенная на обстоятельном рассмотрении работы съезда, книга раскрывала глубокие, принципиальные разногласия между большевиками и меньшевиками.

Опасность меньшевистских «шагов назад» — от партийности к кружковщине, от принципов централизма и пролетарской дисциплины к анархическому автономизму и безответственности — была чрезвычайно велика. Она могла привести к дезорганизации пролетариата, причем в критический момент назревания первой русской революции. Именно поэтому В. И. Ленин обрушился на организационный оппортунизм меньшевиков со всей силой своего таланта, со страстью человека, посвятившего жизнь делу раскрепощения трудящихся. «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации»[2],— писал он, убедительно показывая, что деятельность меньшевиков лишает рабочий класс этого оружия. Книга В. И. Ленина быстро разошлась по России. Ее приветствовало большинство местных комитетов РСДРП. Она помогла членам партии осознать и меру опасности, нависшей над ней, и необходимость сплочения на позициях II съезда РСДРП.

К концу 1904 г. было образовано Бюро комитетов большинства, фактически выполнявшее функции ЦК большевиков вплоть до III съезда партии. Начала выходить газета «Вперед», возродившая лучшие традиции ленинской «Искры». Образование большевистских центров знаменовало закрепление в рабочем и социал-демократическом движении России теоретических, программных, тактических и организационных принципов, выработанных «Искрой» и зафиксированных в решениях II съезда РСДРП.

Рожденный в России, большевизм в то же время имел глубокие и прочные международные корни. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что пролетариат России, выражая основные тенденции развития освободительного движения трудящихся масс в новую эпоху, «*опирался* сразу на *опыт* рабочих всего мира и на их теоретический опыт, на завоевания их сознательности, их науки, опыт, подытоженный *марксизмом*,— и на практический опыт пролетариев соседних стран с их великолепной рабочей печатью и массовой организованно-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 185—414.
[2] Там же, стр. 403.

стью»[1]. Последовательный учет этого опыта, глубокий, подлинно научный анализ новых, определяющих тенденций исторического развития в целом и состояния международного рабочего движения на новом этапе в частности обусловили всемирно-историческое значение создания большевистской партии. Она была призвана дать ответ на такие вопросы, решить такие задачи, какие не стояли «еще ни перед одной социалистической партией в мире»[2]. Впервые в истории «пролетариат получил организацию, способную в новых исторических условиях успешно руководить его борьбой за свое социальное освобождение»[3]. Впервые возникла такая пролетарская партия, вся деятельность которой определялась принципами научного социализма, которая способна была привести рабочий класс не только к успехам в борьбе за частичные требования, за интересы дня, но и к полному экономическому, социальному и политическому освобождению.

Возникновение большевизма как направления общественной мысли и как политической организации пролетариата внесло коренные изменения в расстановку сил в российском, а впоследствии и в международном рабочем движении. На арену исторического действия впервые вступила такая партия, которая в своей Программе не только определяла конечную цель рабочего класса — социализм, но и разработала практическую программу достижения этой цели на путях последовательной революционной борьбы. Это объективно делало партию большевиков авангардом международного социалистического движения.

Образованию такой партии в России способствовали объективные условия социально-экономического, политического и идеологического характера. Вместе с тем создание первой пролетарской партии нового типа именно в России в огромной степени было обусловлено наличием благоприятных субъективных факторов. Важнейшим из них была теоретическая и практически-политическая деятельность В. И. Ленина в рабочем движении конца XIX — начала XX в.: она существенно ускорила процесс складывания такой партии, которая органически сочетала следование Марксову учению о всемирно-исторической миссии рабочего класса с опорой на лучшие традиции героической борьбы русских революционеров против царского самодержавия. «Ленин сумел поставить теоретически и разрешить практически задачу создания в России такой партии: действительно революционной, непримиримой к оппортунизму, хорошо организованной и сплоченной, вооруженной революционной теорией, способной руководить всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата за его социальное освобождение»[4].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 103.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 25.
[3] «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина». Сборник документов и материалов. М., 1970, стр. 39.
[4] *М. А. Суслов.* Второй съезд РСДРП и его всемирно-историческое значение, стр. 7.

ЛЕНИНИЗМ И ВАЖНЕЙШИЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

Теоретическая и политическая деятельность В. И. Ленина на рубеже XIX—XX вв. выразила в форме, соответствующей новым историческим условиям, коренные потребности международного рабочего движения, обеспечила продолжение и дальнейшую разработку революционного марксизма, подготовила важные предпосылки для развертывания решающих классовых битв пролетариата. В ходе борьбы В. И. Ленина против буржуазной идеологии и оппортунизма происходили формирование и развитие ленинских идей и принципов в стройную систему, охватившую все составные части марксизма и обогатившую его. Ленинские идеи, основанные на глубоком и разностороннем обобщении исторического опыта наступившей эпохи, ознаменовали начало нового этапа в развитии марксизма.

ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ

Творчески осваивая теоретическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса в тесной связи с анализом конкретно-исторической действительности, В. И. Ленин уже в начале своей деятельности обращается к исследованию чрезвычайно широкого круга вопросов развития капитализма вообще и рабочего движения в особенности. Он рассматривает их в диалектическом взаимодействии, касаясь как общих закономерностей исторического процесса, так и проблем практической политики революционного пролетариата, и давая на них научно обоснованные ответы, служащие эффективным руководством к революционному действию.

Противники ленинизма неизменно стремились и стремятся доказать, будто значение теоретической деятельности В. И. Ленина в период до 1905 г. не выходит за пределы своего времени и за национальные границы, пытаясь тем самым принизить ее историческую роль, представить как чисто «русское явление» и как «второстепенный» элемент в идейно-политической борьбе в России конца XIX — начала XX в.[1]

С этими попытками непосредственно связано стремление идеологов антикоммунизма и оппортунизма извратить самую суть ленинизма, противопоставить его учению К. Маркса. Грубо искажая мето-

[1] См., например: *D. Geyer.* Lenin in der russischen Sozialdemokratie. Köln, 1962; *R. Pipes.* Social Democracy and the St. Petersburg Labor Movement, 1885—1897. Cambridge (Mass.), 1967.

дологические позиции и политические взгляды великих теоретиков и вождей пролетариата, фальсификаторы изображают Маркса как теоретика-детерминиста, объективиста, всецело полагающегося на естественный ход вещей, а Ленина — как практика-«волюнтариста», нетерпеливого субъективиста, возлагающего все надежды на революционное насилие; марксизм рассматривается как наука, ленинизму отказывают в этом; теория Маркса выдается за доктрину, применимую лишь в условиях развитого капитализма, а ленинское учение — за специфическую интерпретацию марксизма, пригодную только для отсталых стран; Маркс обрисовывается как сторонник, а Ленин как противник демократии и гуманизма и т. д.

Американский философ Джордан, уверяя, что Ленин «заменил» исторический детерминизм Маркса «революционным активизмом», стремится доказать, будто «ленинская доктрина несовместима с учением Маркса»[1]. Другой «критик» ленинизма, А. Мейер, утверждает, что «Ленин понимал пролетарскую революцию как продукт великих умов», противостоя в этом решении Марксу, по теории которого революция якобы «должна была развиваться стихийно, в ходе неизбежного крушения капитализма»[2].

Все эти и им подобные фальсификаторские интерпретации сущности и роли ленинизма обусловлены классовой позицией их авторов, противников научного социализма. Классовые интересы буржуазных и мелкобуржуазных идеологов побуждают их рассматривать и историческую действительность, и марксизм-ленинизм в извращенном, превратном виде. Ложность их трактовки происхождения и развития ленинизма явственно обнаруживается при анализе начального периода деятельности В. И. Ленина, когда утверждались преемственные связи ленинской мысли с марксизмом, формировались новые революционные идеи и взгляды, когда гений Ленина превращался в действенный фактор развития идеологии и политики пролетариата, когда складывалось ленинское учение, представляющее собой марксизм новой исторической эпохи.

Необходимость постоянного развития марксизма обусловливалась объективными потребностями рабочего движения и революционным, творческим характером учения Маркса. В ленинских трудах, созданных на рубеже XIX — XX вв., отражены все общие положения, на которых базируется революционная теория Маркса: историческая неизбежность гибели капитализма под действием присущих ему антагонизмов; всемирно-историческая роль рабочего класса как могильщика капитализма и созидателя социалистического общества; пролетарский интернационализм как мировоззренческий и политический принцип рабочего класса; необходимость для революцион-

[1] *Z. A. Jordan.* The Evolution of Dialectical Materialism: a Philosophical and Sociological Analisis. London, 1967, p. 354—356.

[2] *A. Meyer.* Leninism. Cambridge (Mass.), 1957, p. 51, 83.

ного пролетариата организоваться в самостоятельную партию; установление союза рабочего класса с крестьянством, со всеми трудящимися; утверждение диктатуры пролетариата в процессе социалистической революции.

Но Ленин не просто отстаивал эти положения. Он воспроизвел их на новом уровне анализа конкретной действительности, соотнес с условиями эпохи нарастания социальной революции пролетариата и тем самым обогатил их содержание, усилил их теоретическое и практическое значение.

Труды молодого Ленина являют собой образцы глубокого проникновения в сущность марксизма, творческого подхода к использованию марксистских положений в исследовании социальных явлений. Как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, такой подход — непременное условие верности принципам марксизма[1].

В зависимости от конкретных задач идеологической и политической борьбы революционного пролетариата В. И. Ленин обращал внимание на ту или иную из сторон марксизма, но при этом неизменно исходил из их органической взаимосвязи, давая решительный отпор попыткам оппортунистов расчленить марксистское учение на отдельные части, подменить его механическим набором тех или иных положений. Живую душу марксизма В. И. Ленин видел в материалистической диалектике, которая получила в его творчестве новое развитие.

Вопросы диалектики выдвигаются в центр философской проблематики ленинских работ в середине 90-х годов в полемике с идеологами либерального народничества, извращавшими и опошлявшими диалектическую методологию Маркса. Показав полную несостоятельность их попыток вульгаризировать марксистскую диалектику путем сведения ее к схеме «тезис — антитезис — синтез», В. И. Ленин раскрыл подлинную сущность диалектического метода в социологии. «Диалектическим методом — в противоположность метафизическому,— писал он,— Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»[2].

Марксистскую методологию В. И. Ленин рассматривает как постоянно развивающуюся систему принципов научной оценки объективной действительности, которые являются философски-историческим обобщением опыта освоения этой действительности представителями самого передового общественного класса — пролетариата.

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 341.
[2] Там же, стр. 165.

В совершенстве овладев мастерством диалектики, В. И. Ленин успешно применил ее уже в первых своих теоретических трудах для обоснования задач революционного преобразования общества. Он показал, что общественное развитие совершается через возникновение и преодоление противоречий, из анализа которых должна прежде всего исходить диалектика.

В. И. Ленин подверг глубокой научной критике метафизические взгляды на общество как на «внеисторическую» категорию и доказал истинность для новой эпохи положений Маркса о том, что капиталистический способ производства, его общественные отношения, как и законы движения капиталистического общества в целом, имеют исторически преходящий характер. Ленинский анализ диалектики общественного развития показал сложность, противоречивость, скачкообразность исторического прогресса, который в условиях зрелого капитализма осуществляется в процессе классовой борьбы, в ходе социальной революции, сокрушающей капитализм.

Выступая против абстрактно-теоретического подхода к проблемам революционного движения, В. И. Ленин писал, что «стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом»[1]. «Абстрактные истины теории», указывал он, лишь играют роль руководящих положений, орудий для анализа конкретных данных[2].

В. И. Ленин углубил и конкретизировал в соответствии с изменениями обстановки в мире материалистическое понимание истории. Его социально-исторические исследования в рассматриваемый период явились значительным вкладом в исторический материализм.

Сопоставляя субъективистский и объективистский методы в социологии, В. И. Ленин показал их гносеологическое родство, проявляющееся в общности «морально-этического» подхода к познанию социальных процессов, обусловленного идеализмом в объяснении общественного развития, эклектизмом в понимании взаимоотношений природы и общества, неприятием идеи объективной закономерности исторического прогресса.

Такому подходу В. И. Ленин противопоставлял марксистскую методологию, не допускающую ни механического сведения субъективного к объективному, при котором первый фактор предстает как зеркальная копия второго, ни волюнтаристского отрыва сознательной деятельности людей от объективных условий. Общественное развитие он рассматривал как двуединый процесс, определяемый, с одной стороны, объективными условиями — уровнем производительных сил, характером производственных отношений, общими закономерностями эпохи, а с другой стороны, людьми, массами, зависящими

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 14.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 83.

от их воли, сознания, от характера деятельности классов, партий, правительств, так или иначе влияющих на этот процесс.

«Идея детерминизма,— писал он,— устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий»[1]. Только при детерминистском подходе возможна строгая и правильная оценка субъективного фактора, поскольку историческая необходимость не подрывает роли личности в истории, которая сама слагается из действий личностей.

Абстрактному тезису о фатальности «исторической необходимости», оторванному от реальной социальной жизни, В. И. Ленин противопоставлял марксистскую теорию классовой борьбы. Он показал, что сама «историческая необходимость» реализуется через классовую борьбу, через столкновение интересов классов. «Объективист,— пишет В. И. Ленин,— говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист... последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость»[2].

Диалектика объективного и субъективного в ленинизме предполагает активное отношение к действительности, целеустремленность, интенсивность действий субъективного фактора, который в ленинской теории революции выступает как инициатор и проводник революционных преобразований.

Научный анализ объективных условий общественного развития, по мнению В. И. Ленина, не может не включать развернутое и притом вполне объективное исследование субъектов истории — основных сил, действующих в обществе и преобразующих как условия своей жизни, так и самих себя. Вопрос о детерминизме и свободе воли он рассматривает в приложении к революционной практике, как вопрос о подготовке рабочего класса к революции.

В. И. Ленин тщательно исследовал позиции основных классов России по отношению к сдвигам, происходившим в капиталистическом способе производства, к объективным противоречиям российско-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 159.
[2] Там же, стр. 418.

го общества. В этой связи он сформулировал важное положение революционной теории, согласно которому сила рабочего класса «в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения»[1].

Благодаря диалектическому подходу к изучению общественного развития В. И. Ленин задолго до первой русской революции сумел верно определить расстановку классовых сил в стране и указать пролетариату конкретные задачи борьбы. Еще в середине 90-х годов, когда рабочие России только вступали на арену политической борьбы, он предвидел, что идеи научного социализма, соединившись с массовым рабочим движением, неизбежно получат в России широкое распространение.

В. И. Ленин обогатил новыми положениями политическую экономию марксизма. Продолжив марксистское исследование эволюции капитализма, В. И. Ленин выявил некоторые новые черты в его развитии, связанные с процессами интернационализации и концентрации капитала: капитализму становится тесно в рамках национальных государств, и он переносит свое господство на другие страны; торговые связи между различными государствами становятся все теснее и обширнее; наблюдается постоянное переливание капитала из одной страны в другую; банки превращаются из национальных в международные; возникают громадные акционерные компании, владеющие предприятиями не в одной, а в нескольких странах; появляются международные объединения капиталистов. Из ленинского анализа этих явлений вытекал вывод о том, что интернационально объединенному капиталу необходимо противопоставить сплочение рабочих всех стран в единую революционную армию[2].

В «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин разработал положения политэкономии марксизма о прибавочной стоимости, о производстве и обращении капитала, о роли капитализма в сельском хозяйстве. Большое значение для последующего анализа капитализма имела характеристика В. И. Лениным тенденции к монополизации капитала, которая проявлялась в усиливавшейся с «громадной быстротой» концентрации производства на все более крупных предприятиях, в возрастании «власти денег», сосредоточивавшейся «в небольшом числе гигантских учреждений (банков)»[3] и все теснее связывавшейся непосредственно с крупным общественным производством. В. И. Ленин подверг уничтожающей критике бернштейнианскую ревизию положений Маркса об основных тенденциях развития капитализма. Он опроверг реформистский тезис о «демократизации» капитала в акционерных обществах, подчеркнув, что эти общества «на самом деле служат к тому, чтобы экспроприировать доверчивую и малоимущую публику в пользу крупных капиталистов и спекулян-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 13.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 98.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 515, 585—586

тов»[1]. В. И. Ленин указывал, что монополизация капитала превращает протекционизм из средства защиты национальной промышленности в орудие горстки «олигархов-тузов», использующих его для экспансии на мировом рынке, доказывал беспочвенность утверждений о предотвращении кризисов монополистическим капиталом.

В. И. Ленин решительно выступил против попыток вульгаризировать марксистское положение об обнищании пролетариата. Капитализм, пишет он, продолжает увеличивать нищету «в социальном смысле, т. е. в смысле несоответствия между повышающимся уровнем потребностей буржуазии и потребностей всего общества и уровнем жизни трудящихся масс». И далее он выделяет такие формы обнищания, как углубление социальных бедствий в «пограничных областях» капитализма — в колониальных странах, где капиталистическая экспансия порождает «нередко не только физическую нищету, но и прямое голодание масс населения» и нищету «в политико-экономическом смысле (кустарная промышленность и вообще отрасли народного хозяйства, в которых держатся еще отсталые способы производства)»[2].

Анализ новых явлений в развитии капитализма на грани XIX — XX вв. явился основой последующей разработки В. И. Лениным учения об империализме и сыграл чрезвычайно важную роль в борьбе против социал-реформизма. В новых условиях был обоснован революционный вывод «об обострении противоречия между все более обобществляющимся характером предприятий и сохранением частной собственности на средства производства»[3].

Выдающаяся заслуга В. И. Ленина состояла во всестороннем раскрытии значения революционной теории для освободительной борьбы пролетариата в условиях империализма. Рабочее движение, не освещенное передовой наукой своего времени, отмечал он, неизбежно будет оставаться слабым и раздробленным. В этой связи он указывал на значение теоретической формы борьбы, подчеркивая, что марксизм признает ее важность наравне с политической и экономической формами[4].

Отвечая на упреки в преувеличении роли сознательного элемента по сравнению со стихийным, В. И. Ленин показал, что всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Причину этого явления он видел в том, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она глубже разработана, обладает неизмеримо бо́льшими средствами распространения. «Рабочий класс стихийно влечется к социализму,— отмечал он,— но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 206.
[2] Там же, стр. 208.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 29)
[4] См. там же, стр. 25.

в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему»[1]. Он учил рабочих умению разоблачать враждебную пролетариату идеологию, «в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась»[2].

С борьбой против буржуазной идеологии и оппортунизма органически связано развитие принципа партийности. Этот принцип отражает объективную реальность классового общества. В. И. Ленин доказал, что в мире, разделенном на антагонистические классы, невозможна единая, общая для всех идеология[3]. Выступая против абстрактного подхода к революционной теории, В. И. Ленин подчеркивал, что она должна последовательно выражать интересы трудящихся, основываться на всестороннем изучении объективных закономерностей социального процесса и указывать пролетариату верный путь освободительной борьбы.

ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ О ПАРТИИ НОВОГО ТИПА И ЕГО МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Закономерным результатом общественного развития, роста российского и всего международного рабочего движения явилось ленинское учение о пролетарской партии нового типа. Потребность в такой партии остро ощущалась революционными деятелями международной социал-демократии. Опыт мирового рабочего движения на рубеже XIX и XX вв. все более и более убеждал в том, что старые формы политической организации рабочего класса вступают в противоречие с меняющимися социальными отношениями, с потребностями революционного и демократического движения.

Историческая заслуга в решении этой величайшей задачи принадлежит В. И. Ленину. Он создал цельное учение о партии, всесторонне разработал ее теоретические и организационные основы, стратегию и тактику, нормы партийной жизни и принципы партийного руководства. При этом В. И. Ленин последовательно исходил из идей Маркса и Энгельса об основах политической организации пролетариата, которую они рассматривали как революционный авангард, вооруженный теорией научного коммунизма, научно обоснованной программой и тактикой, прочно стоящий на классовых позициях.

Обоснование учения о партии нового типа, его успешное внедрение в практику относятся к тем важнейшим событиям в истории мирового революционного движения, значение и влияние которых с течением времени не только не ослабевают, а, напротив, усиливаются. Именно поэтому противники марксизма-ленинизма стремятся

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 41.
[2] Там же, стр. 269.
[3] См. там же, стр. 39—40.

фальсифицировать, извратить идеологические, теоретические, политические и организационные основы этого учения[1].

Весьма распространенным приемом, используемым буржуазными теоретиками, является изображение ленинского учения о партии в виде сектантской доктрины, которая-де «ближе к концепции ницшеанского коллективного героя-сверхчеловека или некоего средневекового рыцарского ордена, чем к концепции единообразной политической ассоциации, какой должна была быть социал-демократическая партия»[2]. К аналогичному приему нередко прибегают правые оппортунисты, утверждающие, будто ленинское учение о партии «неизбежно» ведет к противопоставлению партии массам, к принижению значения активности трудящихся[3].

Ленинскую концепцию революционной пролетарской партии атакуют и левацкие идеологи, утверждающие, будто «любая организация, программа ведут к неизбежному параличу движения», и призывающие отбросить теорию руководящей партии и принять концепцию «активного меньшинства, выполняющего роль постоянного фермента и стимулирующего действия, не претендуя на руководство»[4].

Утверждения такого рода свидетельствуют о сознательном извращении сути ленинского учения[5].

В. И. Ленин определил предназначение и сформулировал научные принципы организации революционной партии рабочего класса, ее цель и задачи, пути и способы их осуществления. Партия призвана обеспечить мобилизацию самых широких пролетарских масс и всех трудящихся на освободительную борьбу.

Главное место в ленинском учении о революционной партии занимает положение о соединении рабочего движения с революционным марксизмом. Свою роль, указывал В. И. Ленин, партия сможет выполнить лишь при условии, если будет вооружена передовой теорией — марксистским учением и в соответствии с запросами жизни, революционной практики сможет творчески развивать это учение. На данной идейной основе происходит сплочение всех членов партии, создается единство мнений и действий, устанавливаются и развиваются связи с массами, развертывается практическая деятельность передовых рабочих.

[1] См., например: *L. Haimson.* The Russian Marxists and Origins of Bolshevism. Harvard, 1966; *L. Schapiro.* The Communist Party of the Soviet Union. New York, 1960; *O. K. Flechtheim.* Bolschewismus. Wien—Frankfurf — Zürich, 1967.

[2] *A. B. Ulam.* Lenin and the Bolsheviks. London, 1966, p. 179.

[3] *R. Garaudy.* L'Alternative. Paris, 1972, p. 215.

[4] *J. Sauvaget, A. Geimar, O. Cohn-Bendit.* Le révolte étudiante. Paris, 1968, p. 91.

[5] Критический анализ антимарксистских концепций генезиса большевизма см., например, *А. Ф. Костин.* Ленинская концепция истории создания РСДРП и ее буржуазные критики. М., 1973; «Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС». Л., 1974, и др.

Как центр теоретической мысли и политического руководства революционным рабочим движением партия выступает прежде всего в качестве решающего фактора осмысления и реализации открывающихся перед рабочим классом возможностей борьбы за социальные и демократические преобразования. В. И. Ленин показал иллюзорность надежд на то, что рабочее движение может стихийно выработать самостоятельную научную идеологию. Исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь тред-юнионистское сознание. Социалистическое сознание привносится извне и это — задача революционной марксистской партии рабочего класса.

Чрезвычайно важное значение имеет в этой связи конкретизация общих принципов, способность правильно применять истину марксизма к специфике каждой страны в данный исторический период. Российские социал-демократы, подчеркивал В. И. Ленин, пропагандируя теорию марксизма, должны «помочь рабочему усвоить ее и выработать наиболее **ПОДХОДЯЩУЮ** *для наших условий форму организации для распространения социал-демократизма и сплочения рабочих в политическую силу*»[1].

Общие революционные положения и практическая политика, программные установки и способы их реализации выступают в ленинском учении в тесной взаимосвязи, воплощаясь в виде идейно-политического единства, закрепляемого организационно. В. И. Ленин считал, что партия — это передовой, сознательный отряд, у которого идейное единство базируется на материальном единстве организации. Стройная организация — залог единой воли ее членов, выражающей устремления рабочего класса и обеспечивающей сплочение всех трудящихся, их целенаправленные действия. Поэтому В. И. Ленин требовал, чтобы «партия, как передовой отряд класса, представляла собою нечто возможно более *организованное*...»[2].

Важнейшим организационным принципом построения партии нового типа стал демократический централизм. Основы этого принципа были сформулированы еще К. Марксом и Ф. Энгельсом. В. И. Ленин всесторонне развил его с учетом накопленного опыта рабочего движения и изменившихся исторических условий. Он раскрыл сущность демократического централизма, состоящую в органическом взаимодействии централизма с последовательным демократизмом, присущими социально-политической природе пролетарской партии.

Без централизма, постоянно подчеркивал В. И. Ленин, не может быть единой боевой партии; без него она неизбежно распалась бы на множество отдельных, разрозненных организаций. Отрицание централизма, партийной дисциплины он расценивал как оппортунизм в организационных вопросах, неразрывно связанный с оппортунизмом в области программы и тактики партии, ибо отрицать необ-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 333.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 242.

ходимость прочной организации, централизма и дисциплины значило бы на деле превращать революционную партию из боевого, руководящего авангарда рабочих, всех трудящихся в некий «дискуссионный клуб», не способный выработать единую программу действий и провести ее в жизнь.

Вместе с тем В. И. Ленин указывал на органическую связь централизма с внутрипартийной демократией, предполагающей выборность руководящих органов партии, отчетность их перед рядовыми членами и сменяемость, право всех без исключения членов партии участвовать непосредственно или через своих представителей во всех ее делах. Без этого партия неизбежно превратится в замкнутую иерархическую организацию.

В. И. Ленин разработал нормы партийной жизни, четкие правила, регулирующие внутреннюю жизнь партии, определяющие формы ее организации и методы работы. Он подчеркивал, что эти правила должны быть сообща приняты и закреплены в соответствующих документах, в первую очередь в Уставе партии. Выработка норм партийной жизни и неукоснительное соблюдение их всеми без исключения коммунистами и партийными органами — обязательное условие успешного осуществления партией ее руководящей роли. «Наша задача, — подчеркивал В. И. Ленин, — оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше...»[1] Только при таком подходе можно создать пролетарски выдержанную, идейно сплоченную единую организацию, способную руководить революционной борьбой рабочего класса, трудящихся масс против капитализма, за построение нового общества.

Главные задачи партии, учил В. И. Ленин, заключаются в том, чтобы в соответствии с реальными условиями и особенностями каждого исторического периода точно учесть расстановку классовых сил, интересы рабочего движения в целом, наметить научно обоснованную программу действий, путей и методов достижения ближайших задач и конечной цели, обеспечить его политическую и идейную самостоятельность, действенное руководство трудящимися в целях революционного преобразования капиталистического общества. Для успешного решения этих задач прежде всего необходима тесная связь партии с массами.

В соответствии с ленинским учением пролетарская партия нового типа представляет собой сознательный и организованный авангард рабочих, объединяющий также наиболее передовых представителей других социальных групп, вставших на позиции рабочего класса. Установка на расширение социальной базы партии диктовалась необходимостью выполнения революционным авангардом руководящей миссии в освободительном движении. В. И. Ленин исходил из того, что в своей революционной борьбе рабочий класс не будет одинок.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 290—291.

«Русский рабочий класс сумеет,— писал он,— и один вести свою экономическую и политическую борьбу, даже если бы он не получал помощи ни от какого другого класса. Но в политической борьбе рабочие не стоят одиноко». Вместе с рабочим классом поднимутся на борьбу крестьяне, все эксплуатируемые слои населения, ибо в антагонистическом обществе они бесправны. «Все эти группы населения, взятые отдельно, неспособны к упорной политической борьбе», они могут пойти на борьбу лишь «*с пролетариатом*, который стоит во главе всех неимущих» [1].

Вождь революционного пролетариата заявлял: тот не социал-демократ, кто забывает, что «коммунисты поддерживают всякое революционное движение». Не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений, революционные марксисты должны «*пред всем народом* излагать и подчеркивать *общедемократические задачи*...» [2].

Неутомимо борясь за влияние на массы, добиваясь их поддержки, В. И. Ленин вместе с тем требовал от социалистов никогда не упускать из виду, что они прежде всего представляют рабочий класс. «Чтобы быть социал-демократической *партией*,— писал Ленин,— надо добиться *поддержки* именно *класса*» [3].

В. И. Ленин не только настаивал на необходимости для партии прочно стоять на классовых позициях, но и считал недопустимым смешивать партию как передовой отряд рабочего класса со всем классом. Такое смешение было характерно для оппортунистов. Мы — партия класса, указывал В. И. Ленин, и потому почти весь класс (а в определенных условиях и весь класс) должен действовать под руководством партии, примыкать к ней. Но было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, что в условиях капитализма почти весь класс или весь класс в состоянии подняться до сознательности и активности своего передового отряда. Поэтому было бы серьезной ошибкой, самообманом, подчеркивал В. И. Ленин, «забывать о различии между передовым отрядом и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда *поднимать* все более и более обширные слои до этого передового уровня» [4].

Следует при этом постоянно иметь в виду, что революционная партия рабочего класса автоматически не наделяется авангардной ролью, что ее необходимо завоевывать. «Мало ведь назвать себя «авангардом», передовым отрядом,— надо и действовать так, чтобы *все* остальные отряды видели и вынуждены были признать, что мы идем впереди» [5].

Выдающейся заслугой В. И. Ленина явилось научное обоснование принципов партийного руководства: единства политической и организаторской работы, теории и практики, слова и дела; сочетания

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 183, 186.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 83.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 248.
[4] Там же, стр. 245.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 83—84.

преемственности общего курса партии с постановкой и творческим решением назревших вопросов, выдвигаемых самой жизнью, практикой; укрепления связи с массами, всестороннего учета их интересов и настроений; коллективности руководства; персональной ответственности каждого за порученный участок работы. Реализация этих принципов предполагает высокий уровень революционной инициативы и активности в проведении политической линии партии.

В. И. Ленин неоднократно говорил о важной роли революционной марксистской интеллигенции в выполнении руководящих функций в партии. Показывая теоретическую несостоятельность и политический вред попыток столкнуть с ней рабочий класс, В. И. Ленин подчеркивал, что учение социализма «выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией»[1]. С другой стороны, указывая на особую роль и ответственность революционной интеллигенции перед массовым рабочим движением, он писал: «...«идеолог» только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет *впереди* стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые «материальные элементы» движения стихийно наталкиваются»[2]. В. И. Ленин настоятельно требовал содействовать «выработке рабочих-революционеров, стоящих на таком же уровне *в отношении партийной деятельности*, как и интеллигенты-революционеры...»[3].

В. И. Ленин всесторонне обосновал положение о том, что создание революционной партии пролетариата, возрастание ее общественно-политической роли и влияния на массы являются непременной предпосылкой развития борьбы трудящихся за социальные и демократические преобразования, необходимым условием революционного перехода общества от капитализма к социализму. Он подчеркивал, что рабочему классу, подымающемуся на штурм твердыни капитализма, нужна политическая организация, принципиально отличная от социал-реформистских партий. Революционный марксизм видит главную задачу революционной партии рабочего класса не в сочинении утопических планов преобразования общества, не в устранении мелких социальных прорех, не в устройстве заговоров, а в организации классовой борьбы пролетариата и в руководстве этой борьбой, «*конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества*»[4].

Ленинское учение о партии, его успешная реализация на прак-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 30.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 363.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 131.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 183.

тике стали достоянием всего мирового революционного движения. Они явились важнейшей предпосылкой успешного выполнения рабочим классом его всемирно-исторической миссии.

ОБОСНОВАНИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПРОЛЕТАРИАТА

Много сил и энергии отдал В. И. Ленин разработке стратегии и тактики пролетариата в социалистической революции. Творчески применяя принципы научного коммунизма и используя опыт международного рабочего движения, он определил общую линию политического поведения революционного авангарда, конкретизировал формы и способы ее реализации в освободительной борьбе пролетариата. Разработанные Лениным основы революционной стратегии и тактики — одна из главных составных частей ленинизма.

Как и другие стороны ленинского учения, эта сторона является до сих пор объектом ожесточенных нападок буржуазных и оппортунистических идеологов. Они пытаются представить ленинскую стратегию и тактику как выражение субъективистского революционаризма и волюнтаризма, якобы присущих ленинизму. Так, западногерманский историк П. Леше уверяет, будто стратегия и тактика В. И. Ленина и большевиков были предвосхищены Бланки в инструкции «Как браться за оружие»[1]. Подобным же образом извращает ленинскую стратегию и тактику американский социолог А. Мейер, утверждающий, будто В. И. Ленин стремился превратить объективные условия осуществления революции в некий «механизм, который мог быть эффективно использован, как только генералы революции сочтут это возможным»[2].

Действительный подход В. И. Ленина к проблемам революционной стратегии и тактики не имел ничего общего с тем, который приписывают ему противники. Поскольку революционный процесс, отмечал он, зависит не только от наличия объективных предпосылок, но и от степени зрелости субъективного фактора, постольку деятельность пролетарской партии является исторически обусловленной необходимостью. Отмечая, что революционность присуща марксизму «всецело и безусловно», Ленин подчеркивал органическую связь ее со строгой научностью[3].

Революционная инициатива, воплощенная в стратегии и тактике пролетариата, чужда всякому субъективизму, волюнтаризму, прожектерству. Она базируется на анализе социальной действительности, исходит из реалистической оценки сил и возможностей рабо-

[1] *P. Lösche.* Der Bolschewismus im Urteil der deutschen Sozialdemokratie. 1903—1920. (West) Berlin, 1967, S. 7, 8.
[2] *A. Meyer.* Leninism, p. 51.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 340, 341.

чего класса. В конце XIX в. В. И. Ленин писал в работе «Задачи русских социал-демократов»: «...когда армия пролетариата будет неуклонно и под руководством крепкой социал-демократической организации бороться за свое экономическое и политическое освобождение,— тогда эта армия сама укажет генералам приемы и средства действия. Тогда и только тогда можно будет решить вопрос о нанесении окончательного удара абсолютизму, ибо решение вопроса зависит именно от состояния рабочего движения, от широты его, от выработанных движением приемов борьбы... от отношения к пролетариату и к абсолютизму других общественных элементов, от условий внешней и внутренней политики,— одним словом, от тысячи условий, предугадывать которые наперед и невозможно и бесполезно»[1].

Подобный подход к выработке стратегии и тактики рабочего класса предполагает строгий учет объективных и субъективных факторов, их соотношения и взаимодействия в каждый конкретный момент, требует научной оценки данного уровня общественного развития, ставит осуществление руководящей миссии революционной партии в зависимость от степени зрелости рабочего движения, его политической и организационной подготовленности к борьбе, связей с массами.

Ленинская стратегия и тактика представляют собой науку, которая исходит из объективного анализа конкретно-исторической действительности, из обобщения революционного опыта мирового освободительного движения и на этой основе определяет перспективные и текущие задачи рабочего класса, формы и методы их решения, направление и способы руководства борьбой трудящихся за социальное и национальное освобождение, за демократию и социализм.

Анализируя сплетение социальных противоречий в России, В. И. Ленин определил особенности нарастания революции, ее движущие силы и стоящие перед ней исторические задачи. Тем самым были заложены необходимые теоретические предпосылки политического курса революционного пролетариата. Этот анализ позволил выработать правильный подход к одному из важнейших вопросов стратегии — о направлении главного удара, которое намечалось в соответствии с необходимостью ликвидации абсолютизма и увязывалось не только с классовыми целями пролетариата, но и с интересами всех трудящихся России.

Ленинский анализ внес существенные коррективы в марксистскую оценку политической роли различных классов в буржуазно-демократической революции в России. В противоположность теоретикам II Интернационала, считавшим, что буржуазия станет главной движущей силой этой революции, Ленин доказывал — и доказал,— что российская буржуазия непоследовательна в своей борьбе против феодализма и самодержавия, проявляет склонность к сделке с ними и, следовательно, не может быть гегемоном революции.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 461—462.

Важное место в ленинском анализе расстановки классовых сил занимают революционные потенции крестьянства. Высоко оценивая их, В. И. Ленин в то же время отмечал, что в силу социальной природы крестьянство неспособно на организованную политическую борьбу, его социальные устремления, обусловленные положением в обществе, противоречивы.

Из всех классов российского общества лишь пролетариат до конца последователен в своей революционности и демократизме, только он является безусловным противником абсолютизма. «Во всех других классах, группах, слоях населения вражда к абсолютизму *не безусловна*, демократизм их всегда оглядывается назад»[1].

Если в прошлом буржуазно-демократические революции осуществлялись под руководством буржуазии и являлись ступенью на пути восхождения класса капиталистов к власти, то в новую эпоху, согласно ленинскому учению, возникли реальные возможности совершения такой революции под руководством пролетариата, способного в обстановке острого социального конфликта между трудом и капиталом не только возглавить борьбу за демократическое обновление общества, но и обратить ее в борьбу за коренные социальные преобразования.

В. И. Ленин доказал, что пролетариат в наибольшей степени выражает интересы всех трудящихся и в силу своего объективного положения призван стать гегемоном освободительной борьбы. Обосновывая это положение, он подчеркивал: «Только один пролетариат может быть *передовым борцом* за политическую свободу и за демократические учреждения, ибо во-1-х, на пролетариате политический гнет отражается всего сильнее... А во-2-х, только пролетариат способен *до конца* довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих»[2].

Ленинские положения о гегемонии пролетариата имели огромное значение для выработки революционной тактико-стратегической линии, проведение которой обеспечивало привлечение под знамена рабочего класса широких трудящихся масс, создавало условия для успешного решения задач демократического этапа революции и открывало перспективу перерастания борьбы за демократию в борьбу за диктатуру пролетариата, за преобразование общества на социалистических началах[3].

Уже в 1894 г. Ленин составляет план практической деятельности российских марксистов, который ориентировал на сочетание борьбы за демократию с борьбой за социализм[4]. В последующие годы

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 454.
[2] Там же, стр. 454—455.
[3] См. *А. В. Ушаков.* Борьба партии за гегемонию пролетариата в революционно-демократическом движении России (1895—1904). М., 1974.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 300, 303.

он конкретизирует эту ориентацию. «Практическая деятельность социал-демократов ставит себе... задачей руководить классовой борьбой пролетариата и организовать эту борьбу в ее обоих проявлениях: социалистическом (борьба против класса капиталистов, стремящаяся к разрушению классового строя и организации социалистического общества) и демократическом (борьба против абсолютизма, стремящаяся к завоеванию в России политической свободы и демократизации политического и общественного строя России)»[1].

В. И. Ленин доказал, что социальная революция — это процесс, который неизбежно проходит через ряд последовательных стадий развития, каждая из которых обладает своей качественной определенностью и требует модификации применительно к особенностям стратегии и тактики революционного пролетариата. Общая установка на соединение борьбы за демократию с борьбой за социализм, оставаясь актуальной на всем протяжении этого процесса, реализуется на различных этапах его развития по-разному в зависимости от характера и масштабов революционных достижений, от уровня массовости освободительного движения, от степени революционной активности трудящихся; по мере выполнения демократических задач на первый план в деятельности рабочего класса и его партии все более выдвигаются задачи борьбы за социализм; подобное развитие политического курса отражает непрерывность революционного процесса и одновременно служит необходимой предпосылкой этой борьбы.

Ленинская стратегия и тактика выражают общность и существенное различие между общедемократическими и социалистическими задачами, исходят из постижения их диалектической взаимосвязи. «Для марксиста,— писал В. И. Ленин,— задача состоит лишь в том, чтобы избежать двух крайностей: с одной стороны, не впасть в ошибку тех людей, которые говорят, что с точки зрения пролетариата нам дела нет ни до каких ближайших и временных непролетарских задач, а с другой стороны, не допустить, чтобы участие пролетариата в решении ближайших демократических задач могло вести к затемнению его классового сознания и его классовой особности»[2].

Установка на последовательное сочетание и взаимодействие социалистического и общедемократического движений при ведущей, определяющей роли первого обусловливает формирование общего политического курса пролетарской партии и выработку конкретных форм, способов и методов его практической реализации в ходе развертывания социальной революции. Эта установка противостояла как правому оппортунизму, так и «левому» сектантству в вопросах стратегии и тактики. В. И. Ленин писал, что «марксизм указал верную позицию, одинаково далекую и от преувеличения значения политики и от заговорщичества (бланкизм и проч.), и от пренебрежения

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 446.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 225.

политикой или сужения ее до оппортунистского, реформаторского социального штопанья (анархизм, утопический и мелкобуржуазный социализм, государственный социализм, профессорский социализм и проч.)»[1].

Необходимое условие успешной реализации руководящей миссии пролетариата в социальной революции — сохранение его классовой самостоятельности. Лишь при этом условии рабочий класс и его партия могут привлечь к активному участию в революционно-демократическом движении широкие народные массы, не утрачивая ориентиры, указывающие путь к социализму.

Раскрывая роль пролетариата как передового борца за социальный прогресс, Ленин никогда не трактовал ее как барьер, ограждающий от участия в борьбе за демократию и социализм другие социальные силы и политические партии. Напротив, ленинская стратегия и тактика нацеливали рабочий класс и его партию на борьбу за единство всех революционных и демократических слоев общества: «...социал-демократы должны *идти во все классы населения*, должны рассылать *во все стороны* отряды своей армии»[2].

В. И. Ленин разработал основы политического курса революционных сил на союз пролетариата с крестьянством. Этот курс, рассчитанный не только на буржуазно-демократическую, но и на социалистическую революцию, логически вытекал из ленинского учения о гегемонии пролетариата в революционной борьбе.

В. И. Ленин выявил важнейшую особенность аграрной проблемы в России, где крестьянству еще предстояло сыграть важную роль в борьбе против феодализма и абсолютизма. Вместе с тем он учитывал, что и в России быстро и с огромной силой происходит социальное расслоение крестьян.

Тщательный анализ соотношения социальных сил в деревне, строгий учет интересов и умонастроений крестьянства позволили В. И. Ленину установить теоретически обоснованную и практически действенную последовательность выдвижения аграрных требований, увязанную с общими целями пролетариата. Его политику В. И. Ленин предлагал строить таким образом, «чтобы облегчить впоследствии нашим батракам и полубатракам переход к социализму». Он подчеркивал крайнюю важность того, чтобы «социалистическая партия *сейчас же* начала «вступаться» за мелкое крестьянство, делая для него «все возможное» с ее стороны, не отказываясь от участия в решении наболевших и запутанных «чужих» (непролетарских) вопросов, приучая всю трудящуюся и эксплуатируемую массу видеть в себе своего вождя и представителя»[3].

Последовательно классовый подход характерен и для выработки В. И. Лениным тактико-стратегической линии в национальном во-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 171—172.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 79.
[3] Там же, стр. 333.

просе. Расценивая этот вопрос, как один из важных факторов, связывающих борьбу за демократию и борьбу за социализм, он еще в 1894 г. показал, что главным источником сохранения национальной вражды является господство эксплуататорских классов. Отсюда следовал вывод, что нет более действенного средства борьбы с этой враждой, чем организация и сплочение угнетенных против угнетателей в каждой отдельной стране и в международном масштабе [1].

В. И. Ленин решительно настаивал на необходимости объединения всех демократических и национальных движений, которые революционный пролетариат призван организовать, дать им правильное направление и сплотить на платформе революционной социал-демократии. Он призывал «собирать, если можно так выразиться, и концентрировать все те капли и струйки народного возбуждения, которые высачиваются русской жизнью в количестве неизмеримо большем, чем все мы себе представляем и думаем, но которые надо именно соединить в *один* гигантский поток» [2].

Чрезвычайно большое значение Ленин придавал участию демократической интеллигенции в освободительной борьбе.

Определяя тактику революционного пролетариата, В. И. Ленин писал в 1902 г.: «Как и всякий другой класс современного общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей» [3]. В. И. Ленин призывал рабочих к решительной поддержке передовой учащейся молодежи, с тем чтобы придать ее антиправительственным выступлениям революционный характер и тем самым расширить ряды освободительного движения. «И тот рабочий недостоин названия социалиста,— писал он,— который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему,— рабочий должен прийти на помощь студенту» [4].

В. И. Ленин рекомендовал социал-демократическим организациям использовать оппозиционные устремления всех общественных слоев и групп, включая полицию и духовенство [5]. В книге «Что делать?» он указывал социалистам на необходимость обратить самое серьезное внимание на армию, а в проекте резолюции о работе в войсках, написанной для II съезда РСДРП, ставил конкретные задачи, подчеркивая «важность социал-демократической пропаганды и агитации среди войска» и рекомендуя «направить все усилия к скорейшему закреплению и оформлению всех имеющихся связей среди офицеров и нижних чинов» [6].

Ленинская тактика воплощалась не только в установлении не-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 155.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 77.
[3] Там же, стр. 389.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 395.
[5] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 14, 80—81.
[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 129; т. 7, стр. 303.

посредственных контактов революционного пролетариата с различными социальными группами, но и в проведении гибкой политики блоков и компромиссов с представляющими эти слои общественными организациями и течениями. «Бояться временных союзов,— писал В. И. Ленин,— хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать»[1].

Критикуя реформистскую тактику либеральных народников, В. И. Ленин вместе с тем видел практическую необходимость совместных выступлений с демократической частью народничества в борьбе против самодержавия, помещиков и капиталистов. Заключение тактических соглашений с непролетарскими силами он обусловливал необходимостью сохранения самостоятельности и независимости марксистской партии в принципиальных вопросах идеологии, политики, организации рабочего класса. «Наш прямой долг,— писал он,— вмешиваться во всякий либеральный вопрос, определять свое, социал-демократическое, отношение к нему, принимать меры к тому, чтобы пролетариат активно участвовал в решении этого вопроса и заставлял решать его по-своему»[2].

Согласно ленинской теории, политическая армия революции формируется из представителей всех социальных слоев, заинтересованных в демократических и социалистических преобразованиях. Ее состав определяется характером революции, основными задачами, стоящими перед ней, уровнем общественного развития страны. Первой и непременной предпосылкой правильного выбора тактики этой армией В. И. Ленин всегда считал строгий учет условий, в которых происходит освободительная борьба, научно обоснованное знание социальных механизмов, лежащих в основе развития самосознания и политического поведения масс и вызывающих ту или иную ситуацию в революционном движении, тот или иной сдвиг в соотношении классовых сил. Он неоднократно подчеркивал недопустимость абсолютизации какой-либо формы борьбы, указывая, что подлинный революционер должен умело владеть всеми формами, легальными и нелегальными, мирными и вооруженными, должен быть готов к быстрой смене одной формы другой, более соответствующей изменившимся условиям.

В. И. Ленин никогда не абсолютизировал роль насилия в политической борьбе пролетариата. Подобно Марксу и Энгельсу, он указывал, что «рабочий класс предпочел бы, конечно, *мирно* взять в свои руки власть» и лишь в том случае, если «буржуазия не сделает мирной уступки пролетариату, а прибегнет в решительный момент к защите своих привилегий насилием... рабочему классу не останется другого пути для осуществления своей цели, кроме революции»[3].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 16.
[2] Там же, стр. 268—269.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 264.

Коренные экономические интересы пролетариата, отмечал В. И. Ленин, можно удовлетворить только глубоким политическим преобразованием, путем решительной борьбы за власть. Он отмечал в 1899 г., что «русский рабочий в массе не только созрел для политической борьбы, но уже много раз проявлял свою зрелость и много раз совершал акты политической борьбы и притом нередко совершал их стихийно»[1]. Это, однако, не означало умаления роли экономической борьбы, которую, как подчеркивал он, следовало всемерно развивать, добиваясь объединения рабочих по профессиям, которое становится «тем более настоятельно необходимым, чем быстрее идет вперед объединение наших предпринимателей во всякого рода общества и синдикаты»[2].

Указывая, что для социальной революции требуются не только необходимые материальные условия, но и убежденность народных масс в ее необходимости, В. И. Ленин придавал особое значение тем формам борьбы, которые содействовали повышению уровня политического сознания трудящихся. В качестве одной из таких форм он выделял забастовку.

Эффективным фактором подготовки революции В. И. Ленин считал также политические демонстрации. Такие демонстрации он рассматривал не только как важное средство политического воспитания масс и расширения влияния партии, но и как школу обучения борьбе с полицией и войсками.

Выбор и применение способов революционной борьбы В. И. Ленин ставил в зависимость от особенностей обстановки в стране в тот или иной момент, от уровня политической активности масс и состояния дел в лагере контрреволюции. В связи с этим он установил основные, характерные признаки революционной ситуации, называя ее в то время «политическим кризисом». «Мы думаем,— писал он,— что настоящей дезорганизацией правительства являются такие и только такие случаи, когда действительно организуемые самой борьбой широкие массы заставляют правительство растеряться, когда законность требований передовых людей рабочего класса выясняется уличной толпе и начинает даже выясняться части войска, призываемого для «усмирения», когда военным действиям против десятков тысяч народа предшествует колебание властей, не имеющих никакой реальной возможности определить, до чего доведут эти военные действия...»[3] Выделенные в этой формулировке два признака революционной ситуации — высокая активность народных масс и колебания правящих кругов — В. И. Ленин тщательно анализирует, внимательно следя за их изменениями в ходе обострения положения в стране.

Огромное значение для развития стратегии и тактики революционного пролетариата имела выработка позиции пролетарских ре-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 313.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 151—152.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 61.

волюционеров в вопросе о русско-японской войне. В. И. Ленин указывал, что революционные рабочие должны выступать за поражение «своего отечества» в этой войне, добиваясь превращения национального конфликта в войну классов, которая, писал он в феврале 1904 г. в антивоенной листовке «К русскому пролетариату», приведет «прежде всего к падению всей правительственной системы, основанной на темноте и бесправии народа, на угнетении и насилии» [1].

Не случайно в это время В. И. Ленин вновь обращается к изучению опыта Парижской Коммуны — первого в истории «правительства рабочего класса» [2]. Он анализирует роль парижских рабочих в национальном кризисе во Франции, подчеркивая, что именно благодаря их усилиям произошло «падение продажного режима», показывает значение борьбы коммунаров за демократические преобразования, извлекает полезные уроки для российских социалистов не только из достижений Коммуны, но и из ее недостатков [3].

Эти уроки помогали В. И. Ленину совершенствовать тактику пролетариата в условиях нараставшего в России кризиса, намечать верные ориентиры политического поведения рабочих в надвигавшихся революционных событиях. Он указывал, что успешное развитие освободительного движения при широком участии «представителей пролетарских и полупролетарских слоев, требующих полной демократизации политического и общественного строя», может создать предпосылки коренных социальных перемен, «грозит подорвать весьма важные опоры всякого буржуазного господства вообще (монархию, постоянное войско, бюрократию)» [4].

Ленинская стратегия и тактика, отразив объективную диалектику революционного процесса, стали эффективным руководством к массовым действиям, дали верное направление политике большевиков в подготовке пролетариата к предстоящим классовым битвам, вооружили их научно обоснованным знанием форм и методов революционной борьбы.

ЛЕНИНИЗМ И ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

Особое внимание, которое уделял В. И. Ленин проблемам пролетарского интернационализма, было обусловлено как внутренней обстановкой в многонациональной стране, где объединение революционных сил всех народов являлось непременной предпосылкой развертывания борьбы трудящихся масс за социальное и национальное освобождение, так и международным положением российского проле-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 174.
[2] См. там же, стр. 487.
[3] См. там же, стр. 483—493.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 80.

тариата, выдвинутого историей в центр мирового революционного процесса. Ленин творчески применил марксистский принцип пролетарского интернационализма к выработке идеологии и политики российской социал-демократии, наметил магистральные пути решения проблемы соотношения интернационального и национального в революционной борьбе пролетариата, дал социально-экономическое объяснение возникновению и развитию наций, разработал программные и практические принципы политики рабочего класса в национальном вопросе, подверг уничтожающей критике проявления национал-оппортунизма в социал-демократическом движении[1].

В. И. Ленин рассматривал пролетарский интернационализм не просто как один из элементов научного коммунизма. Вслед за Марксом и Энгельсом он исходил из того, что общность положения и интересов рабочих разных стран накладывает неизгладимую печать на все стороны революционной деятельности пролетариата и его организаций, придает интернационалистический характер его идеологии, политике, практической борьбе.

Само ленинское учение, являясь естественным продолжением и развитием марксизма, возникло и формировалось как обобщение интернационального опыта рабочего движения, выражение интернациональных интересов рабочего класса и в этом смысле представляло собой развитие пролетарского интернационализма.

Пролетарский интернационализм выступает в качестве одного из главных принципов ленинизма: как форма научного мировоззрения, выражающая общность интересов и единство целей рабочих разных национальностей; как идеология революционных рабочих партий, направленная на объединение трудящихся всех стран в борьбе за демократию и социализм; как претворение этой идеологии в практической деятельности социалистов, в их усилиях по интернациональному сплочению рабочих; как определяющий принцип строительства революционных организаций рабочего класса и их взаимоотношений.

Враги ленинизма, пытаясь подорвать его международное влияние, отрицают интернациональный характер ленинского учения, которое предстает в их трактовке в виде сугубо «русского» явления, как доктрина, пригодная лишь для отсталых стран. Австрийский ревизионист Фишер уверял, будто В. И. Ленин, «исходя из взглядов Маркса», лишь «приспособил теорию революции к проблемам царской

[1] Значение ленинского вклада в теоретическую разработку и практическое применение принципов пролетарского интернационализма в этот период раскрывается в монографии Н. Ф. Шитова «Развитие В. И. Лениным идеологии и политики пролетарского интернационализма (1894—1907 гг.)». М., 1966; см. также: *Т. Ю. Бурмистрова.* Ленинская политика пролетарского интернационализма в период образования РСДРП (1894—1903 гг.). Л., 1962; *В. И. Клепикова.* Роль ленинской «Искры» в развитии идей и принципов пролетарского интернационализма. М., 1963.

России»[1]. Сотрудник Русского института при Колумбийском университете в США Дж. Э. Коннор утверждает: «Ленин изменил марксизм коренным образом. Он превратил его из доктрины, намечающей путь неизбежного развития в наиболее развитых странах, в стратегию и обоснование революционной активности в отсталых странах»[2].

Подобные домыслы не имеют ничего общего с истиной. Хотя ленинизм возник на социальной почве России, он имел интернационально разветвленные идейно-политические истоки и по мере своего развития синтезировал опыт не только российского, но и всемирного рабочего, а также демократического и национально-освободительного движений. Интернациональный характер ленинизму придавало и то, что он выражал коренные потребности рабочего движения страны, оказавшейся в силу ряда причин узловым пунктом основных противоречий мировой капиталистической системы. Поэтому осмысление российской действительности приобретало принципиальное значение.

Общие закономерности новой эпохи проявлялись в России в условиях необычайно сложного взаимодействия национально-этнических, культурных, религиозных отношений, возникших в процессе общения между собой десятков наций, народностей, этнических групп, которые находились на самых различных стадиях общественного развития — от первобытнообщинной и феодальной в национальных окраинах страны до развитой капиталистической в промышленных районах. Синтезировав особенное в развитии российского освободительного движения, ленинизм дал тем самым жизнь идеям, которые, выразив в обобщенной форме основные черты российской революции, приобрели качества интернационального.

С самого начала своей революционной деятельности В. И. Ленин неуклонно подчеркивал, что «движение русского рабочего класса по своему характеру и цели входит как часть в международное (социал-демократическое) движение рабочего класса всех стран»[3]. Он рассматривал сочетание интернационального и национального как единство, возникающее не от случая к случаю, в зависимости от стихийного стечения обстоятельств, а как диалектическую взаимосвязь, присущую движению рабочего класса и выражающую соотношение общего и особенного в развитии пролетарской революции.

Диалектика интернационального и национального в революционной деятельности пролетариата вытекает, по мысли В. И. Ленина, из тех объективных зависимостей, которые образуются самой практикой революционной борьбы рабочих. Выступая против своих, «отечественных» угнетателей и эксплуататоров, рабочий класс подрывает международную систему эксплуатации и угнетения, с которой

[1] *E. Fischer.* Was Marx wirklich sagte. Wien, 1958, S. 157.
[2] *J. E. Connor.* Introduction.— «Lenin on Politics and Revolution». Selected Writings. New York, 1968, p. XXVII.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр соч., т. 2, стр. 84.

они тесно связаны, и тем самым помогает трудящимся других стран бороться за освобождение. Осуществление ближайшей задачи рабочего движения России — свержение царского самодержавия, самой мощной опоры европейской и азиатской реакции, по словам Ленина, «сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»[1].

Таким образом, революционная борьба рабочих каждой страны объективно имеет интернациональное значение, служит исходным пунктом развития международной солидарности пролетариата, которая, однако, на стихийном уровне проявляется в неустойчивых и слабо эффективных формах. Пролетарский интернационализм раскрывает свой огромный революционный потенциал, становится надежной и действенной системой международных связей пролетариата лишь на уровне организованной — социальной, политической, идеологической — деятельности рабочего класса, возглавляемого революционными марксистскими партиями. Поэтому В. И. Ленин подчеркивал необходимость для каждого национального отряда пролетариата обобщать и использовать революционный опыт рабочего класса других стран, постоянно выдвигал перед российскими социал-демократами задачу развивать в рабочих сознание общности их интересов, как единого класса, составляющего часть всемирной армии пролетариата.

Огромное значение для теории и практики пролетарского интернационализма имели исследование В. И. Лениным национального вопроса и разработка им пролетарской программы его решения. В. И. Ленин показал, что в новых исторических условиях социальное содержание этого вопроса существенно изменилось. Если в прошлом он фигурировал как часть проблемы буржуазно-демократической революции, а его решение сводилось для буржуазии к образованию национальных государств, то в новую эпоху он выступает как фактор революционного процесса, направленного против всемирной системы социального и экономического гнета, порожденной международным капиталом. В этих условиях борьба рабочего класса капиталистических стран за социализм и движение порабощенных народов за национальное освобождение обретают общий социально-экономический базис, который создает объективные предпосылки для соединения национально-колониального вопроса с задачами пролетарской революции.

В работах «О Манифесте «Союза армянских социал-демократов»» и «Национальный вопрос в нашей программе» В. И. Ленин, творчески развивая марксистские положения по национальному вопросу, сформулировал следующие задачи пролетариата в период буржуазно-демократической революции: осуществление права наций на самоопределение, введение гарантий полного национального равноправия, последовательное проведение в жизнь принципов пролетарского ин-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 28.

тернационализма. Одновременно он обосновал принципы борьбы за осуществление этой программы, на основе которых складывалась политика пролетариата по национальному вопросу.

Эти задачи диктовались стремлением объединить трудящихся всех наций, рас, языков под руководством социалистической партии в борьбе за демократию и социализм: «Дело пролетариата — *теснее* сплачивать как можно более широкие *массы* рабочих всех и всяких национальностей, сплачивать для борьбы *на возможно более широкой арене* за демократическую республику и за социализм»[1].

Противопоставляя политике национальной вражды, проводимой царизмом, интернационалистическую политику единства трудящихся, В. И. Ленин писал, что социал-демократы поддерживают всякое революционное движение против царского строя, «всякую угнетенную народность, преследуемую религию, приниженное сословие и т. п. в их борьбе за равноправность»[2].

К реализации требования о праве наций на самоопределение В. И. Ленин подходил с последовательно классовых, социалистических позиций. Отвергая абстрактный, антиисторический лозунг безусловного признания самоопределения, он указывал, что, решительно противодействуя любой попытке насилием или несправедливостью извне повлиять на национальное самоопределение, социал-демократия в то же время отнюдь не обязана непременно во всех случаях поддерживать это требование. Рабочая партия, подчеркивал Ленин, должна подчинить требования национального самоопределения интересам классовой борьбы пролетариата[3]. Колониальная политика «цивилизованных» правительств, указывал он, является вдвойне преступной, потому что она развращает трудящихся колониальным грабежом. Он призывал рабочих и крестьян России «всеми силами восстать против тех, кто разжигает национальную ненависть и отвращает внимание рабочего народа от его истинных врагов»[4].

Развертывая борьбу против колониализма, за освобождение угнетенных народов, ленинцы закладывали тем самым предпосылки объединения национально-освободительного и рабочего движений, стимулировали взаимодействие основных потоков мирового революционного процесса.

В революционной борьбе рабочего класса, отмечал В. И. Ленин, интернационализм сочетается с патриотизмом, выражающим пролетарское отношение к Родине. В нем сливаются любовь к своей стране, национальная гордость за вклад своей нации в исторический прогресс человечества и ненависть к отечественным угнетателям, стремление к освобождению народа и преобразованию общества на основе социальной справедливости.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 105.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 453.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 235.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 383.

В. И. Ленин был выдающимся борцом за интернациональное единство рабочего класса. Он последовательно добивался сплочения рабочих всех стран на основе революционного марксизма и пролетарского интернационализма, доказывая, что е д и н с т в о — решающая предпосылка победы пролетариата над классовым врагом. Анализируя применительно к интересам классовой борьбы пролетариата развитие буржуазного общества, он прежде всего выделял в этом развитии общее, обусловленное интернационализацией способа производства и обмена, составляющее объективную основу для преодоления национальной разобщенности рабочего движения. Поскольку классовое господство буржуазии не ограничивается национальными границами, подчеркивал он, интернациональное единство пролетариата становится исторической необходимостью. «Господство капитала международно. Вот почему и борьба рабочих всех стран за освобождение имеет успех лишь при совместной борьбе рабочих против международного капитала»[1].

Идеи пролетарского интернационализма, сыгравшие огромную роль в создании ленинского учения, сами также развивались, обогащаясь и воплощаясь в новых формах политики. По мере подъема революционного движения, в ходе глубоких исторических перемен содержание и формы пролетарского интернационализма постоянно обогащались, влияние его росло[2].

Ленинский этап в развитии революционной теории означал торжество марксизма новой исторической эпохи, подлинно интернационального учения рабочего класса, явившегося продуктом творческого развития теоретического наследия Маркса и Энгельса, результатом обобщения опыта международного освободительного движения и синтеза знаний, накопленных передовой наукой. Оно составило целую эпоху в истории общественной мысли и революционных движений, выступив как фактор мирового значения, содействовавший последующему развитию социальной революции XX в. и осветивший ярким светом грядущие триумфы международного рабочего класса.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 98.

[2] Подробнее об этом см.: *Б. Н. Пономарев.* Международное значение Берлинской конференции. — «Коммунист», 1976, № 11, стр. 21.

РАБОЧИЙ КЛАСС В АВАНГАРДЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

В развитии классовой борьбы пролетариата, мирового революционного движения в период, который открылся Парижской Коммуной 1871 г. и охватил три последующих десятилетия, произошли важные сдвиги. Они определялись рядом факторов, и прежде всего изменениями в капиталистическом производстве, растущей интернационализацией как самого пролетариата, так и условий его борьбы, дальнейшим распространением влияния научного социализма вширь, обострением противоборства различных тенденций в рядах мирового рабочего движения.

С точки зрения тенденций социально-экономического развития капиталистического общества это был период, когда в результате роста монополий происходил переход от домонополистического капитализма к его монополистической стадии — империализму. Отмечая основные вехи и этапы этого перехода, В. И. Ленин писал: «1) 1860 и 1870 годы — высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение. Они еще не прочны. Они еще преходящее явление. 3) Подъем конца XIX века и кризис 1900—1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм»[1].

Вызревание империализма вело не к затуханию (как утверждали реформисты и ревизионисты), а, напротив, к обострению коренных антагонизмов эксплуататорского строя. Жизнь подтвердила правильность выводов научного социализма о том, что любой прогресс в капиталистической системе хозяйства «сопровождается... также и «прогрессом» противоречий, т. е. обострением и расширением их»[2].

По мере вызревания империализма росли влияние и возможности наиболее реакционных фракций монополистической буржуазии. Политическая надстройка, и прежде всего государство, превращаясь в прямой инструмент господства буржуазии, во всевозрастающих масштабах использовалась для навязывания ее воли пролетариату, подавления деятельности его организаций, поддержки постоянного стремления капитала снизить цену рабочей силы.

Одновременно рабочему классу пришлось в более широких масштабах, чем прежде, столкнуться с такими формами реализации господства крупной буржуазии и ее монополистической верхушки, как

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 317.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 180.

социальное и социально-политическое маневрирование. Стремясь подорвать растущую мощь пролетариата, правящие круги в главных капиталистических странах нередко стали прибегать к мероприятиям, рассчитанным на раскол массы трудового народа (противопоставление пролетариату остальной части трудящихся, раздувание противоречий внутри рабочего класса, политическая и идеологическая дезориентация его отдельных отрядов). Той же цели служили и определенные уступки рабочим в области социального законодательства, и сознательный курс на усиление различий в условиях существования разных профессиональных групп, и попытки создать массовые организации трудящихся, следующие в фарватере буржуазных партий, и тактика проникновения в уже существующие организации рабочего класса.

Несмотря на это, пролетариат креп, росла его численность, его влияние на общественную жизнь неуклонно увеличивалось. В результате образования системы мирового капиталистического хозяйства ряды международного рабочего класса стали пополняться не только за счет роста пролетариата в Европе и Америке, но и в результате увеличения армии наемного труда в ряде стран Азии и на других континентах. В данной связи Энгельс еще в 1894 г. констатировал: «Формируется армия международного пролетариата,— и наступающий новый век приведет ее к победе!»[1] В 1895 г. он с законной гордостью отмечал рост сил *«интернациональной пролетарской армии»*[2].

Наряду с количественными изменениями происходили серьезные качественные сдвиги в составе пролетариата, усложнялась структура армии наемного труда. Важное значение имели процессы, связанные с повышением степени организованности рабочих масс, ростом их боевитости и уровня их сознательности.

Изменившиеся условия не могли не отразиться на развитии рабочего движения, не сказаться на его политике и идеологии, на стратегии и тактике классовой борьбы. Ее важнейшей отличительной чертой в рассматриваемый период было то, что, усиливая накал классовой конфронтации в экономической сфере, рабочий класс и его организации стали все активнее вторгаться в политическую сферу, осваивая новые для себя (в частности, парламентские) формы деятельности. Общая политизация классовой борьбы ознаменовала собой новую важную ступень в подготовке пролетариата к взятию власти.

Антагонизм между рабочим классом и буржуазией стал основным стержнем экономической, социально-политической и идеологической борьбы, которая развертывалась внутри капиталистических стран и в целом на мировой арене. Убедительным подтверждением тому явилась Парижская Коммуна, возвестившая, что рабочий класс уже в состоянии выступить в роли ведущей силы общественного развития.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 496.
[2] См. там же, стр. 545 (курсив наш. — *Авт.*).

Эта роль все более выпукло подчеркивалась тем, что в системе требований рабочего класса и его организаций все большее место стали занимать общедемократические лозунги и требования, отражающие интересы не только пролетариата, но и всех других слоев трудящегося населения. Организации рабочего класса, находящиеся под влиянием марксизма, выступают в авангарде борьбы против усилившейся в условиях перехода к империализму тенденции к реакции по всей линии, и прежде всего против нарушений правящим классом основных демократических прав трудящихся, милитаризма и т. п.

Противоречие между пролетариатом и буржуазией в последние десятилетия XIX в. выдвинулось повсюду в Европе на *«передний план общественного развития»* в качестве основного классового противоречия. К 90-м годам *«борьба между этими двумя великими классами... достигла такой силы, какая в 1848 г. была еще немыслимой»* [1].

Все более росло влияние социалистических идей. Сравнивая положение, складывавшееся в мировом рабочем движении в 40-х и 90-х годах XIX столетия, Ф. Энгельс писал: «Тогда — множество туманных евангелий различных сект с их панацеями, теперь — *одна* общепризнанная, до предела ясная теория Маркса, четко формулирующая конечные цели борьбы; тогда — разделенные и разобщенные местными и национальными особенностями массы, связанные лишь чувством общих страданий, неразвитые, беспомощно переходившие от воодушевления к отчаянию; теперь — *единая* великая интернациональная армия социалистов, неудержимо шествующая вперед, с каждым днем усиливающаяся по своей численности, организованности, дисциплинированности, сознательности и уверенности в победе» [2].

По мере роста рабочего движения, дальнейшего распространения влияния марксистских идей вширь и вглубь все нагляднее подтверждались выявленные научным социализмом общеисторические закономерности классовой борьбы. Выработка правильного понимания диалектики общего и особенного, соотношения интернациональных и национальных задач революционного движения стала одной из важных задач сознательного пролетарского авангарда.

В рассматриваемый период был достигнут важный сдвиг в деле соединения марксизма с массовым рабочим движением, ставший надежным залогом дальнейших успехов борьбы пролетариата за осуществление своей всемирно-исторической миссии. Важнейшую роль в этом сыграла как теоретическая, так и практическая политическая деятельность великих пролетарских вождей К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Символом преемственности марксизма явилось то, что В. И. Лениным была непосредственно принята эстафета от основоположников научного социализма.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 535—536 (курсив наш.— *Авт.*).
[2] Там же, стр. 536.

Естественно, что, как и в предыдущий период, мировое рабочее движение развивалось в эти годы не прямолинейно, а диалектически противоречиво. С одной стороны, были различными темпы и уровни развития пролетарского движения в тех или иных государствах. Эта неравномерность объяснялась рядом обстоятельств, в том числе разнообразием условий, традиций и форм рабочего движения в странах, находящихся на разных социально-экономических уровнях, различающихся по своим историческим и национальным особенностям, по степени зрелости объективных и субъективных факторов, которые определяют эффективность борьбы рабочего класса. С другой стороны, классовая борьба пролетариата отличалась неравномерностью и во «временно́м» отношении, переживая спады и новые подъемы в отдельные годы. Общие задачи рабочего движения должны были по необходимости видоизменяться по мере сдвигов в конкретной экономической и политической обстановке, с учетом «каждой особой *полосы* исторического процесса»[1].

Революционный авангард рабочего движения, закаляясь в ходе классовых битв, стремился строить свою тактику на базе конкретно-исторического подхода к объективным условиям классовой борьбы. Марксизм, подчеркивал в этой связи В. И. Ленин, отличается от всех примитивных социалистических концепций тем, что не связывает движение с какой-либо одной определенной формой. Он признает самые различные средства борьбы революционных классов, причем не «выдумывает» их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам, которые возникают сами собой в ходе движения. На разных этапах революционного движения, в разной конкретно-исторической обстановке, в зависимости от политических, национально-культурных условий и т. д. одни формы борьбы выдвигаются на первый план, другие подчас видоизменяются. В этом одно из важных, принципиальных отличий марксизма-ленинизма от правого и левацкого оппортунизма, представители которого стремятся абсолютизировать какую-либо одну форму борьбы. Пытаться ответить на вопрос о средстве борьбы, не рассматривая конкретной обстановки,— значит покидать почву марксизма[2].

Богатый интернациональный опыт, который накопил рабочий класс в рассматриваемый исторический период, поставил ряд вопросов теории и практики классовой борьбы, имевших большое значение для революционного пролетарского авангарда и тогда, и на последующих этапах истории рабочего движения. Очень важно было правильно определить сущность начинавшейся новой эпохи, характер различных ее социальных противоречий, движущих классовых сил, главные задачи, стоявшие перед международным рабочим движением. Развитие различных форм классовой борьбы пролетариата потребовало реального представления о соотношении элемен-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 132.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 1—2.

тов стихийности и сознательности в рабочем движении (и в данной связи — отпора как реформистским, так и анархистским и анархо-синдикалистским концепциям).

Изучение конкретно-исторического материала помогает установить классовые, экономические, идеологические, гносеологические и другие корни оппортунизма в главных капиталистических странах в период перехода к империализму. Это исключительно важно для уяснения характера борьбы между революционной и оппортунистической тенденциями в международном рабочем движении, обострившейся на рубеже XIX и XX вв., правильной оценки позиций авангарда революционного пролетариата, степени их исторической обусловленности, с одной стороны, и всеобщности — с другой.

Значение исследуемого периода особо подчеркивается тем, что на него приходится начало ленинского этапа в развитии марксизма. Научный социализм вел и ведет по этому вопросу ожесточенную идейно-теоретическую борьбу с разного рода противниками ленинизма. Современные ревизионистские идеологи (типа Р. Гароди, Э. Фишера и др.), извращая историческую правду и стремясь принизить значение ленинского этапа в развитии марксистской теории, изображают дело так, будто в конце XIX и начале XX в. В. И. Ленин находился на позициях так называемого вульгарного марксизма и лишь много лет спустя стал разрабатывать проблемы диалектики[1]. Такого рода измышления убедительно опровергаются трудами великого Ленина и исследованиями ученых-марксистов, в том числе материалами данного тома[2].

В. И. Ленин и ленинцы показали образцы умелой борьбы как против национал-оппортунистического игнорирования общих закономерностей рабочего движения (что ранее отличало, например, идеологов «австромарксизма» или — на более позднем этапе — проповедников «модернизации» марксизма), так и против доктринерско-догматического неумения учитывать специфические условия. Ленинизм учит всесторонней и трезвой оценке реальных процессов, способствующих распространению идей научного социализма в различных странах (или же тормозящих рост его влияния), нацеливает пролетарских революционеров на научный анализ и верное понимание таких категорий, как «центр тяжести» интернационального революционного рабочего движения, трактуемый как особая ответственность за его судьбы, как вопрос о перемещении такого центра в ту или иную страну в различные исторические периоды международной классовой борьбы[3].

Изучение и обобщение истории борьбы международного проле-

[1] *R. Garaudy.* Lenine. Paris, 1968, p. 11.

[2] См. «Теоретическое наследие В. И. Ленина и современная философская наука». Под ред. М. Т. Иовчука (руковод.) и др. М., 1974.

[3] См., например: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 273; т. 21, стр. 218.

тариата на рубеже XIX и XX столетий учат революционеров последующих поколений следовать традициям К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина в том, чтобы своевременно делать нужные выводы из многообразного опыта мирового рабочего движения, из уроков всех революционных выступлений рабочего класса (не только победивших, но и потерпевших поражения). В данной связи уместно напомнить о ленинском анализе уроков Парижской Коммуны 1871 г., а позднее опыта трех революций в России в XX в. Особую важность и злободневность имеет проблематика, касающаяся международного значения создания пролетарской партии нового типа и научной критики различных концепций, фальсифицирующих ленинское учение о партии.

Всестороннее исследование содержания и итогов указанного этапа в истории международного рабочего движения показывает, что наряду с общеисторическими закономерностями, обусловливающими развитие антагонизма между трудом и капиталом на протяжении всей всемирной истории нового времени, нужно принимать во внимание и те отчетливо выявлявшиеся своеобразные черты и формы борьбы, в которых эти закономерности выступали в данную эпоху, в каждый конкретно-исторический период. Революционное пролетарское движение призвано учитывать и особенности проявления универсальных тенденций классовой борьбы в определенной группе стран, место и роль трудящихся этой страны на том или ином этапе мирового революционного движения.

Своеобразие каждой эпохи в глазах марксистов-ленинцев не снижает, а, напротив, с еще большей силой подчеркивает значение преемственности опыта, тех уроков и традиций, которые усваиваются мировым пролетариатом по мере его продвижения вперед. Именно такую преемственность имел в виду В. И. Ленин, когда, говоря, например, о международном значении Парижской Коммуны, подчеркивал, что она научила пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции и что большевики стоят «на плечах Коммуны...»[1].

Естественно, что вокруг оценки интернационального опыта рабочего движения, накопленного в рассматриваемый период, развертывается острая политическая и идеологическая борьба.

Большую активность в этом отношении проявляет социал-реформистская историография, основы которой были заложены на рубеже XIX—XX вв. Веббами, Э. Бернштейном, Э. Вандервельде, Т. Киркупом и др.[2], а позже получили развитие в книгах и статьях К. Каутского, П. Луи, Д. Коула, Ю. Брауншталя и других социал-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 330.

[2] *С. Вебб.* Истинный и ложный социализм.— «Социализм в Англии». Пг., 1918; *Б. Вебб.* Кооперативное движение в Великобритании. М., 1918; *T. Kirkup.* A History of Socialism. London, 1906; *E. Vandervelde.* Neutrale und sozialistische Genossenschaften. Suttgart, 1914.

реформистов[1]. В ее развитии можно выделить несколько этапов. Литература, появившаяся в конце XIX — начале XX в., отражала взгляды различных течений в социал-реформизме — центра, претендовавшего на собственную интерпретацию марксизма, стремившегося объединить марксизм с различными буржуазными учениями, правых, отрекавшихся от марксизма и непосредственно воспринимавших буржуазную идеологию. При этом некоторые книги социал-реформистов о международном рабочем движении начала XX в., например Веббов, Коула, П. Луи и др., содержат большой фактический материал по многим, главным образом частным, вопросам. Впоследствии, более всего же после первой мировой войны, праворефомистская струя стала превалирующей, а враждебность к революционному крылу рабочего движения, особенно к большевикам, ленинизму, приобрела крайние, зачастую патологические формы. Соответственно научная ценность этих работ существенно снизилась.

В целом социал-реформистской историографии присущи принципиальные пороки, делающие ее неспособной создать действительную картину международного рабочего движения в это время. Прежде всего непоследователен в классовом отношении подход социал-реформистов к изучению и освещению событий того периода. Позитивное отношение к стремлению трудящихся улучшить свое положение обычно сочетается с осуждением их решительных действий против угнетателей, что особенно заметно при оценке массовых выступлений революционного типа. Отсутствие четких классовых позиций в результате этого превращается в ряде случаев в политическую тенденциозность, враждебную коренным интересам пролетариата[2].

Общей чертой социал-реформистской историографии международного рабочего движения является ее эклектичность. Почти все историки этого направления обычно используют марксистские понятия и термины. Вместе с тем их основные методологические подходы заимствованы у буржуазных исследователей. Эклектицизм, исключающий единство методологии, ведет к отрицанию объективных закономерностей рабочего движения и научной периодизации его истории, к извращению причинно-следственных связей, соотношения объективных и субъективных факторов и т. п. Такой подход открывает простор субъективизму, исключает последовательность изложения, порождает односторонность и схематизм. Характерно также

[1] *G. D. H. Cole.* A History of Socialist Thought. Vol. III. The Second International 1889—1914, p. 1, 2. London, 1956; *J. Braunthal.* Geschichte der Internationale, Bd I. Hannover, 1961; *K. Kautsky.* Die Internationale. Wien, 1920; *P. Louis.* Cent cinquante ans de pensée socialiste. Paris, 1953.

[2] См., например: «The Encyclopedia of the Labour Movement», vol. 1—3, Detroit, 1971; *C. A. Landauer.* European Socialism. A History of Ideas and Movements, vol. I. Berkley and Los Angeles, 1959; «Die Sozialdemokratie. Geschichtsabriss und Standortbestimmung». Hamburg, 1972, и др.

свойственное социал-реформистской историографии стремление ретроспективно отрывать развитие массового рабочего движения от развития социалистической мысли, рассматривать их порознь, без учета объективно существующей связи, искажая тем самым историю и массового движения трудящихся и социалистической мысли [1].

При всем разнообразии взглядов на отдельные аспекты международного рабочего движения социал-реформистские историки обычно отстаивают несколько общих положений.

Прежде всего империализм оценивается ими не как стадия развития капитализма, а в духе каутскианской традиции — как политика, предпочитаемая финансовым капиталом, как «политический феномен». Новые явления в экономике и политике тех лет если и связываются с рабочим движением, то рассматриваются прежде всего с позиций расширения поля сотрудничества пролетариата с буржуазией [2], чтобы обосновать историческую «правомерность» так называемого вызова марксизму со стороны Э. Бернштейна, которого правые лидеры социал-демократии обычно провозглашают «отцом-основателем демократического социализма» [3]. Соответственно появление ревизионизма объясняется «противоречием между марксистскими доктринами», с одной стороны, и «определенным улучшением экономического положения пролетариата» — с другой [4].

На игнорировании обострения коренных социальных антагонизмов буржуазного общества в эпоху империализма зиждется и «доказательство» фальшивого тезиса об «отсутствии» объективных предпосылок для социалистической революции как в мировом масштабе, так и в отдельных странах (в том числе в России).

Далее. Относительно «мирный период» в истории международного рабочего движения трактуется современной социал-реформистской историографией как время «затухания» классовой борьбы, а начало XX в., несмотря на коренные изменения в объективных условиях развития рабочего движения, прежде всего обострение социальной и политической обстановки в главных капиталистических

[1] Типичны в этом отношении: *G. D. H. Cole.* Op. cit.; *A. Gran.* The Socialist Tradition from Moses to Lenin. New York — London — Toronto, 1946; *H. Pelling.* A Short History of the Labour Party. London, 1961; *S. Miller.* Das Problem der Freiheit im Sozialismus. Freiheit, Staat und Revolution in der Programmatik der Sozialdemokratie von Lassalle bis zum Revisionismusstreit. Frankfurt a/M., 1964.

[2] *G. Arfe.* Storia del socialismo italiano (1892—1926). Torino, 1965.

[3] *P. Gay.* The Dilemma of Democratic Socialism. Eduard Bernstein' s Challenge to Marx. New York, 1952; «Vorwärts», 17. I. 1974; *H. Wachenheim.* Die deutsche Arbeiterbewegung 1844—1914. Köln—Opladen, 1967; «Histoires des doctrines sociales du Parti Ouvrier Belge au Parti Socialiste Belge». Bruxelles, 1974, p. 30—31.

[4] *N. Leser.* Zwischen Reformismus und Bolschewismus. Der Austromarxismus als Theorie und Praxis. Wien, 1968, S. 221.

странах, лишь как продолжение «мирного периода». Рост монополистического капитализма в отдельных случаях выдается за непосредственное осуществление принципов социализма, а национально-освободительное движение подчас расценивается чуть ли не как препятствие на пути прогресса.

Одновременно преувеличиваются значение и успехи социал-реформистского направления, которое изображается «магистральным путем» международного рабочего движения. При этом либо восхваляется ревизионизм, а также примыкавшие к нему другие разновидности социал-реформизма[1], о чем уже шла речь выше, либо преуменьшаются опасности ревизионизма и превозносится центризм. Оба эти течения необоснованно уподобляются марксизму[2]. Социал-реформистские тенденции в рабочих партиях конца XIX — начала XX в., а также во II Интернационале объявляются линией, которая якобы соответствовала объективным условиям того времени, интересам пролетариата. Вопреки исторической правде все достижения рабочих организаций тех лет приписываются оппортунистам, а не классовой борьбе трудящихся[3].

Вместе с тем социал-реформистские историки преуменьшают влияние революционного направления в международном рабочем движении конца XIX — начала XX в., стремясь тем самым принизить его. Они обычно отрицают наличие у революционных социал-демократов социальных корней и опоры в массах[4].

Социал-реформистские историки с пренебрежением относятся к марксистам-революционерам в рабочем движении многих стран мира. Но главные их усилия направлены при этом против ленинизма и большевиков. Большевизм объявляется аномалией, боковой ветвью международного рабочего движения, результатом специфи-

[1] См., например: *H. W. Laidler.* History of Socialist Thought. New York, 1927; *D. Ligou.* Histoire du socialisme en France (1871—1961). Paris, 1962; *F. Manzotti.* Il socialismo riformista in Italia. Firenze, 1965; *J. Price.* The International Labour Movement. London — New York — Toronto, 1945; *H. Schmidt.* Kritischer Rationalismus und Sozialdemokratie (Vorwort). Berlin — Bonn — Bad-Godesberg, 1975; *L. Valiani.* Il Partito socialista italiano dal 1900 al 1918. Milano, 1965.

[2] См., например: *J. Braunthal.* Op. cit.; *A. C. A. Compere-Morel.* Grand dictionnaire socialiste. Paris, 1924; *P. Louis.* Op. cit., etc.

[3] См., например: *J. Deutschvorn, F. Heine.* The International. Hannover, 1966; *H. Laidler.* History of Socialism. New York, 1968; *N. Mackenzie.* Socialism. A Short History. London, 1966; *O. Pollan.* Das A — B — C der Internationale. Wien, 1928; *W. Theimer.* Von Bebel zu Ollenhauer. München, 1957, etc.

[4] См., например: *J. Conlin.* Bread and Roses too. Westport, 1970; *P. van der Esch.* La deuxième Internationale 1889—1923. Paris, 1957; *H. Pelling.* Op. cit.; *J. Weinstein.* The Decline of Socialism in America. 1902—1925. New York — London, 1967; *H.-J. Steinberg.* Sozialismus und deutsche Sozialdemokratie. Zur Ideologie der Partei vor dem I. Weltkrieg. Hannover, 1967, и др.

ческих условий России, типичным лишь для отдельных, «отсталых» стран[1]. Стремлению преуменьшить влияние ленинизма на международное рабочее движение[2], историческое значение возникновения и развития революционной рабочей партии нового типа служит также тенденция затушевать остроту и глубину разногласий во II Интернационале начала XX в., скрыть их классовую сущность[3].

Еще одной характерной чертой социал-реформистской историографии является принижение значимости общих закономерностей классовой борьбы и преувеличение специфики рабочего движения отдельных стран[4]. Обычно такое преувеличение используется для оправдания оппортунизма, особенно националистических тенденций, ведет к принижению, а иногда и к отрицанию общности целей и задач рабочего класса, интернационального единства. При этом Интернационал подчас рассматривается как простая сумма национальных рабочих организаций, а роль международных связей и взаимодействия рабочих недооценивается.

Многие из перечисленных выше черт характерны и для откровенно буржуазных трактовок и оценок истории рабочего движения в конце XIX — начале XX в. Буржуазная историография международного рабочего движения — как реакционная, так и либеральная — далека от объективности, и ее научная ценность в целом невелика. Ее усилия в этой области в конечном счете подчинены задаче найти слабые стороны пролетарских организаций и всего рабочего движения, с тем чтобы наметить наиболее эффективные пути борьбы против них.

Это, естественно, не исключает того, что в отдельных работах буржуазных историков в ряде случаев содержатся полезные фактические данные, отдельные выводы критического характера. Так, В. Зомбарт указывал на националистические тенденции в социал-демократическом движении Германии и Австрии[5], а Р. Брунхубер — на противоречия между программами партий и настроениями их избирателей[6]. В некоторых работах приводится интересный материал об интернациональных связях пролетариата[7].

Несмотря на разнообразие течений, для буржуазной историо-

[1] См., например: *G. D. H. Cole.* Op. cit.; *J. Braunthal.* Op. cit.; *C. Landauer.* Op. cit.

[2] См., например: *J. Braunthal.* Geschichte der Internationale, Bd II. Hannover, 1971; *A. Schlesinger.* Lenin as a Member of the International Socialist Bureau.— «Soviet Studies», vol. XVI, 1965, N 4.

[3] См., например: *G. D. H. Cole.* Op. cit.; *P. van der Esch.* Op. cit.

[4] См., например: «International. A Documentary History». New York, 1970; *H. W. Laidler.* History of Socialism; *B. G. de Montgomery.* British and Continental Labour Policy. London, 1923, etc

[5] *В. Зомбарт.* Рабочий Интернационал. СПб., 1906.

[6] *R. Brunhuber.* Die heutige Sozialdemokratie. Jena, 1906.

[7] См., например: *L. Lorwin.* The International Labour Movement. History, Policies, Outlook. New York, 1953.

графии характерен ряд общих признаков. Буржуазные историки, как правило, рассматривают рабочее движение и деятельность пролетарских организаций конца XIX — начала XX в. вне связи с социально-экономическими условиями и борьбой трудящихся масс этого периода. От понимания объективных условий и исторических задач рабочего класса они отстоят еще дальше, чем социал-реформисты. Никто из них, как это видно на примере даже самых обстоятельных работ, не смог до конца разобраться в сложной борьбе течений.

Большинство буржуазных историков рассматривает рабочее движение или как «аполитичное», требовавшее лишь улучшения положения трудящихся [1], или как «бессознательное орудие триумфа либерализма» [2], т. е. буржуазии, или как демократическое, но чуждое социалистическим идеям [3]. При этом противоречия между пролетариатом и буржуазией преуменьшаются, а массовые выступления трудящихся оцениваются негативно. Симпатии авторов обычно находятся на стороне буржуазно-реформистских или социал-реформистских организаций. Идейно-политическая борьба в рабочем движении подчас предельно упрощается путем уподобления центристов революционным социал-демократам, а революционных социал-демократов — анархо-синдикалистам [4].

Многие выводы буржуазной историографии рабочего движения конца XIX — начала XX в. широко используются в современной массовой антикоммунистической литературе.

Ложное истолкование опыта истории международного рабочего движения содержится и в работах, отражающих мировоззренческие позиции мелкобуржуазных «ультрареволюционных» течений — от «новых левых» до троцкистов, неоанархистов и других. Обычно для этих работ характерны отождествление классовых интересов пролетариата с интересами собственной секты или близких ей непролетарских социальных групп, откровенное пренебрежение научной объективностью и историзмом во имя ложнопонимаемой «политической целесообразности».

Исследуемый период в истории международного рабочего движения рисуется авторами этого толка исключительно черной краской. Возникновение массовых пролетарских партий рассматривается как процесс их «разводнения» и снижения до уровня «экономических» организаций пролетариата. Успехи в экономической и социальной

[1] Например: *P. Taft.* The American Federation of Labor in the Time of Gompers. New York, 1970; *H. Grob.* Workers and Utopia. A Study of Ideological Conflict in the Americal Labor Movement. Evanston, 1961.

[2] См., например: *B. Croce.* Storia d' Italia dal 1871 al 1915. Bari, 1943; *G. Spandolini.* Il mondo di Giolitti. Firenze, 1969.

[3] Например: *E. Tompson.* The Making of the Britisch Working Class. London, 1963,

[4] Например: *H. Rothfels.* Marxismus und auswärtige Politik. München und Berlin, 1922.

борьбе, достигнутые отдельными национальными отрядами рабочего класса, оцениваются как фактор, ослабляющий революционный потенциал пролетарских масс. В соответствии с этим дается негативная оценка деятельности профессиональных союзов и кооперативов. Опыт работы социалистических депутатов в парламентах начисто отрицается. Деятельность II Интернационала уже с первых лет его существования объявляется оппортунистической и реформистской, а сама организация уподобляется той, которая сменила ее после первой мировой войны.

К числу кардинальных проблем рабочего движения рассматриваемого периода относились и вопросы, связанные с противоборством различных течений, и прежде всего революционной и оппортунистической тенденций, в массовых пролетарских, в том числе и международных, организациях. Идеологов «левого» оппортунизма при всем их внешнем отличии от правых ревизионистов сближает с последними неверная, антинаучная трактовка проблем, касающихся социально-экономических причин, идейного содержания, политических результатов и последствий борьбы между разными направлениями в рабочем движении. Работам, вышедшим из-под пера авторов анархо-синдикалистского или троцкистского толка, присуще стремление исказить принципиальный характер разногласий в международном пролетарском движении, преуменьшить значение объективных закономерностей классовой борьбы. Они особенно настойчиво преувеличивают роль личных симпатий и антипатий, безуспешно пытаясь поставить при этом под сомнение правильность марксистско-ленинского методологического положения, что необходимо «брать за основу не лица и не группы, а именно анализ *классового* содержания общественных *течений* и идейно-политическое исследование их главных, существенных принципов»[1].

С точки зрения такого, классового подхода особенно несостоятельны все усилия идеологов анархизма и троцкизма, направленные на то, чтобы любым путем (в том числе приклеивая ярлыки) дискредитировать своих противников — сторонников творческого марксизма, ленинизма. Наиболее характерны для этой линии попытки некоторых «теоретиков» внеисторически, в отрыве от реальностей классовой борьбы интерпретировать как важнейшие вопросы истории международного рабочего движения, так и сами понятия «ревизионизм», «социал-империализм» и т. п., используя свои ложные истолкования для борьбы против подлинных марксистов-ленинцев.

Представители «левого» оппортунизма (начиная от идеологов анархо-синдикализма конца XIX — начала XX в. вроде Ж. Сореля[2] и до некоторых «неомарксистов» из Франкфуртской философской школы[3], а также глашатаев мелкобуржуазного радикализма типа

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 151.

[2] *G. Sorel.* Réflexions sur la violence. Paris, 1906.

[3] Подробнее см: «Социальная философия Франкфуртской школы (критические очерки)». М., 1975.

Ж.-П. Сартра, П. Суизи, А. Горца и др.[1]) искажают тенденции и перспективы развития мирового пролетариата. При этом они помимо всего прочего фальсифицируют марксистско-ленинские положения о социальных корнях реформизма в международном рабочем движении в условиях империализма, вульгарно-механистически трактуя проблему рабочей аристократии. Их «ультрареволюционная» интерпретация сдвигов в структуре рабочего класса с начала XX в. и социально-экономического положения его различных слоев при более внимательном рассмотрении оказывается во многом перепевом мифов об «обуржуазивании» всего пролетариата и о росте так называемого нового среднего класса, с которыми еще в конце XIX — начале XX в. выступали катедер-социалисты типа В. Зомбарта, П. Струве и т. д.

Последовательно добиваясь единства пролетарских рядов на принципиальной, классовой основе, К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин вели борьбу на два фронта: с оппортунизмом справа и «слева». Односторонне, метафизически подходя к вопросу, «левые» оппортунисты игнорировали диалектическую взаимосвязь обеих сторон этой борьбы. Искусственно противопоставляя ее позитивным усилиям революционного пролетарского авангарда, направленным на укрепление позиций рабочего класса, они тем самым выхолащивали живую душу марксистско-ленинского учения.

Не случайно именно левооппортунистические, троцкистские и им подобные интерпретации многих проблем рабочего движения рассматриваемого периода широко используются и ярыми буржуазными антикоммунистами[2].

Искаженным трактовкам истории международного рабочего движения марксистско-ленинская историография противопоставляет подлинно научные, всесторонние исследования. Постоянно опираясь на теоретическое наследие основоположников научного коммунизма, ученые-марксисты добились серьезных успехов в исследовании закономерностей развития рабочего класса и его классовой борьбы.

Значительный прогресс в области изучения истории мирового рабочего движения, в частности данного периода, достигнут в 60—70-х гг. Глубокой разработке подвергнуты такие темы, как международный резонанс возникновения ленинизма и интернациональная деятельность В. И. Ленина в конце XIX— в XX в., всемирно-исто-

[1] *J. P. Sartre.* Critique de la raison dialectique. Paris, 1960; *P. M. Sweezy.* Marx and the Proletariat.— «Monthly Review», December 1967, p. 25—42; *A. Gorz.* Strategie ouvrière et neocapitalisme. Paris, 1964; *idem.* Le socialisme difficile. Paris, 1967; см. также: «Современный экзистенциализм. Критические очерки». М., 1966, стр. 198—203.

[2] *G. Nollau.* Die Internationale. Wurzeln und Erscheinungsformen des proletarischen Internationalismus. Köln, 1959.

рическое значение создания и развития большевистской партии[1]. Были исследованы и объективно охарактеризованы заслуги революционных социал-демократов зарубежных стран. Получила должную оценку деятельность II Интернационала и многих рабочих партий, а также массовых пролетарских организаций конца XIX — начала XX в. Обстоятельно изучены этапы возникновения и эволюции оппортунистических течений, соотношение и борьба между революционным и оппортунистическим направлениями в международном рабочем движении тех лет[2].

На основе исследования конкретного исторического материала марксистско-ленинская историография пришла к выводам, имеющим серьезное идейно-политическое значение и для рабочего движения

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1. М., 1964; «В. И. Ленин. Биография». М., 1970; *Г. М. Зобнина.* Борьба Владимира Ильича Ленина против международного оппортунизма в конце XIX столетия.—«Ученые записки АОН при ЦК КПСС», вып. 45. М., 1958; «Ленин и международное рабочее движение». М., 1969; «Ленин в борьбе за революционный Интернационал». М., 1970; *Г. М. Михалев.* Возникновение пролетарской партии нового типа в России и ее влияние на развитие мирового рабочего движения.— «Ученые записки Орловского пединститута», т. 25. Орел, 1964, стр. 7—306; *М. С. Волин.* Международное значение первой программы партии большевиков.— «Вопросы истории», 1961, № 11; *С. Л. Агаев.* II съезд РСДРП и важность опыта ленинской партии для мирового революционного движения.— «Рабочий класс и современный мир», 1973, № 4; *А. Райсберг.* Ленин и немецкое рабочее движение. М., 1974; *Э. Ротштейн.* Ленин и социалистическое движение в Великобритании. М., 1970; *Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич.* Ленин и польское рабочее движение. М., 1971; *Л. Рети.* Ленин и венгерское рабочее движение. М., 1972, и многие другие.

[2] См., например: *И. А. Белявская.* Буржуазный реформизм в США 1900—1914. М., 1968; *К. Виллар.* Социалистическое движение во Франции 1893—1905. М., 1969; *У. З. Фостер.* История трех Интернационалов. М., 1959; *Л. И. Зубок.* Очерки истории рабочего движения в США 1865—1918. М., 1962; *Н. Е. Овчаренко.* Германская социал-демократия на рубеже двух веков. М., 1975; «История Болгарской коммунистической партии». М., 1971; «История Коммунистической партии Чехословакии». М., 1962; «История венгерского революционного рабочего движения», т. 1. М., 1970; «История Коммунистической партии Испании». М., 1961; «История Второго Интернационала», т. I—II. М., 1965—1966; *Л. Е. Кертман.* Рабочее движение в Англии и борьба двух тенденций в лейбористской партии. Пермь, 1957; *И. С. Яжборовская.* Идейное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX — первая четверть XX в.). М., 1973; *Ф. С. Фонер.* История рабочего движения в США, т. II—III. М., 1958—1966; «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd I—II. Berlin, 1966; *E. Hobsbawm.* Labouring Men. London, 1967; *G. Procacci.* La lotta di classe in Italia inizio del secolo XX. Roma, 1970; *C. Reeve.* The Life and Times of Daniel de Leon. New York, 1972; *E. Santarelli.* La revisione del marxismo in Italia. Milano, 1964, etc.

наших дней. Получив новые, убедительные подтверждения правильности выводов марксистско-ленинского учения о ведущей, решающей роли рабочего класса в революционном преобразовании мира, она неопровержимо доказала, что ответственность за раскол международного рабочего движения полностью ложится на оппортунистов, мешавших осуществлению рабочим классом его всемирно-исторической миссии, а затем изменивших революционному марксизму, коренным интересам рабочего класса и открыто перешедших на сторону империализма. Своими основными достижениями рабочие партии и другие пролетарские организации обязаны именно революционному направлению, которое давало марксистское истолкование социальных процессов, указывало правильные пути решения новых задач, вставших перед рабочим классом, разрабатывало средства и формы классовой борьбы, соответствовавшие изменившимся условиям.

Марксистско-ленинская историография доказала также несостоятельность попыток идеологов социал-реформизма присвоить наследие интернациональных пролетарских организаций прошлого. Правые социалисты вправе претендовать лишь на роль правопреемников оппортунистического направления в рабочем движении конца XIX — начала XX в.

Подлинным наследником основного — революционного — направления являются марксистско-ленинские партии, международное коммунистическое движение. Первый Интернационал, как указывалось в свое время в Программе Коминтерна, заложил идейные основы международной пролетарской борьбы за социализм. Второй Интернационал в свою лучшую пору подготовил почву для широкого и массового распространения рабочего движения. Третий, Коммунистический Интернационал продолжал дело I Интернационала и, восприняв плоды работ II Интернационала, решительно отсек оппортунизм, социал-шовинизм, буржуазное извращение социализма и решительно взял курс на реализацию политической власти пролетариата.

* * *

На рубеже XIX — XX вв. стали очевидны качественно новые явления в мировом общественном развитии. Капитализм вступил в свою высшую, последнюю стадию развития —империализм. Опираясь на глубокий анализ капиталистического способа производства, содержащийся в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин вскрыл новые тенденции в развитии капитализма, показал резкое обострение всех противоречий капиталистического общества с переходом к империализму и неспособность буржуазии разрешить их.

Сложившаяся обстановка требовала от рабочего класса и его партий новой политической ориентации, ответа на выдвигаемые жизнью, практикой революционного рабочего движения вопросы, которые ранее не возникали и не могли возникнуть. Необходимость дальнейшего творческого развития марксистской теории сделалась осо-

бенно насущной. Эту задачу и решил В. И. Ленин. Он высоко поднял знамя К. Маркса и Ф. Энгельса, до конца разоблачил теоретическую несостоятельность и политический вред установок Бернштейна и его сторонников — российских «экономистов», показал образец развития великого революционного учения применительно к новым историческим условиям.

Руководствуясь диалектическим методом и опираясь на труды К. Маркса и Ф. Энгельса, на опыт российского и мирового рабочего движения, В. И. Ленин приумножил все составные части марксизма, создал цельное учение о партии, всесторонне разработал ее теоретические и организационные основы, стратегию и тактику, нормы партийной жизни и принципы партийного руководства.

Что же должна представлять собою, по мнению Ленина, пролетарская партия нового типа? По своей классовой природе, идеологии, целям и задачам она должна быть партией пролетариата, который в силу своего объективного положения является наиболее революционным и организованным классом, призванным стать могильщиком капитализма, строителем нового, коммунистического общества. Поэтому она должна быть партией *социальной революции*, без чего невозможны ликвидация капиталистического строя и переход к социализму, *руководящей и направляющей силой* рабочего класса, всех трудящихся в революционном преобразовании мира.

Свою роль партия сможет выполнить только при условии, что она будет вооружена передовой теорией — марксистским учением. В. И. Ленин подчеркивал: «Мы стоим всецело на почве теории К. Маркса: она впервые превратила социализм из утопии в науку» и наметила пути ее дальнейшего развития. Она определила действительную задачу революционной пролетарской партии: не сочинение утопических планов переустройства общества, не устройство заговоров, *а «организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества»* [1].

В борьбе рабочего класса каждой страны, его сознательного авангарда, помимо национальной специфики, непременно присутствуют и общие черты, имеющие значение для всего мирового революционного пролетариата, антиимпериалистического движения. Неслучайно в документах XXV съезда КПСС подчеркнута важность работы «по научному обобщению всемирно-исторического опыта КПСС, международного коммунистического и рабочего движения...» [2].

Революционная теория, как указывал В. И. Ленин, вырастает «из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света» [3]. Напомнив об этих ленинских словах в своем вы-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 182, 183.
[2] «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 214.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 11.

ступлении на Берлинской (1976 г.)конференции коммунистических и рабочих партий Европы,Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И.Брежнев указал на важность соединения усилий коммунистов в деле обобщения революционного опыта, опыта «защиты жизненных интересов масс, собирания революционных сил, борьбы за социализм в странах с различными уровнями развития»[1].

Возникновение в России рабочей партии нового типа явилось высшим достижением исследуемого в данном томе периода международного рабочего движения. На рубеже двух веков, в переломный момент мирового общественно-исторического развития В. И. Ленин нашел в партии то звено, которое сыграло решающую роль во всех последующих событиях XX столетия.

Создание, укрепление и развитие партии нового типа положили начало той перестройке международного рабочего движения, которая отвечала потребностям приближавшейся новой эры — эпохи социалистических революций.

[1] «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 года». М., 1976, стр. 19.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдул-Хамид II 505
Аваков Р. М. 515
Авриаль О. 116, 143
Агаев С. Л. 640
Адлер В. 239, 314, 411, 456, 461
Айзин Б. А. 309
Акимов В. П. 591, 593—595
Аксельрод П. Б. 266, 280, 340, 342, 365, 366
Александер Г. 429
Александр II 336
Александр III 339, 346
Алексеев П. А. 206, 335, 372
Аллеман Ж. 237
Алтгелд Д. 210
Амуру Ш. 141
Ансель Э. 238, 312, 454, 455
Антонов 93
Араби-паша М. 520
Араньоши М. 256
Аргунов П. 277
Аржанов Ф. М. 365
Арисменди Р. 469
Арно А. 147
Арну А. 141
Арфе Дж. 634
Аскольдова С. М. 209, 424
Асси А.-А. 148
Ауэр И. 311, 454, 455, 550
Афанасьев Ф. А. 270
Ацаркин А. Н. 433

Бабушкин И. В. 94, 357, 358, 362, 441, 584
Багаев М. А. 364
Багатурия Г. А. 163
Базен Ф.-А. 120
Бакс Б. 242, 279, 280
Бакунин М. А. 96, 117, 123, 124, 137, 168, 170, 177—179, 182, 183, 191, 195, 333
Балабанов М. С. 436
Бали Э. 213
Балиньо К. 488, 489
Бальмаседа Х. М. 468, 485
Баннер Р. 242
Бансель А. 435
Барнет Б. Дж. 485
Баррето Т. 481
Бартель Х. 235
Бастелика А. 124, 125
Баули А. Л. 66
Бауман Г. Г. 238
Бауэр О. 543
Бах И. А. 145
Бахрух Г. 117
Бебель А. 100, 107, 154, 171, 174, 202, 222, 234, 250, 253—255, 266, 278, 280, 281, 297—299, 304—307, 313—315, 317—320, 395, 428, 456, 461, 537
Беккер И. Ф. 107, 118, 155, 189
Бекстрем К. 256, 391
Беленький А. Б. 501
Белкин И. Д. 237
Белявская И. А. 640
Бенедикс О. 481
Бенедиктов А. А. 497, 510
Берадзе Э. К. 332
Бергер В. 405
Бергхофф-Изинг Ф. 204
Беренд Д. Т. 32
Бержере А.-Ж.-М. 147
Берзин Э. О. 508, 512
Берман Э. 376
Бернс Дж. 522
Бернстайн С. 174
Бернштейн Э. 11, 234, 279, 309—321, 355, 391, 395, 397, 411, 417, 455, 535, 536, 538, 550, 570, 576, 591, 632, 634, 641
Берти Д. 241
Бертран Л. 238
Бессемер Г. 29
Бильшай В. Л. 429
Бимба А. 83, 209
Бисмарк О. 50, 97, 119, 128, 129, 148, 153, 154, 174, 203, 223, 233, 298, 303, 304
Биссолати Л. 400
Благоев Д. 245, 246, 279, 315, 343, 417, 418, 440
Блан Л. 275
Бланки Л. О. 108, 109, 116, 120, 191, 612
Блос В. 303
Бовыкин В. И. 326
Богданов Н. Д. 270
Бойер Р. 209, 210
Бономи И. 312
Бонч-Бруевич В. Д. 363, 462
Брагинский М. И. 521
Брай Г. 66, 78
Бракке В. 107, 202, 234, 253—255, 280, 281
Брантинг Я. 238, 312
Брауналь Ю. 544, 632, 635, 636
Брежнев Л. И. 23, 643
Бриссак А. 141
Бромме М. В. Т. 101
Брунхубер Р. 636
Бруснев М. И. 245, 270, 344, 348, 440
Брусс П. 236
Брюа Ж. 113, 127, 228, 229
Брюгель Л. 256, 258, 409
Буайе А. 213
Бузе Ш. дю 519
Буланже Ж. 48, 308
Буржен Ж. 120
Бурмистрова Т. Ю. 622
Бут Ч. 72
Бушко Я. 245, 415
Буянов В. В. 343
Бьюкенен Д. Г. 506
Быков В. М. 405
Бэйн Дж. 525
Бюнгер С. 306

Вайлер Р. 443
Вайнстайн Дж. 635

Вайян Э. 118, 127, 133, 146, 180, 181, 189, 204, 266, 398, 454, 461
Вакар В. В. 564
Валлес Ж. 113
Вальяни Л. 635
Вандервельде Э. 312, 409, 435, 437, 451, 455, 456, 461, 632
Ванеев А. А. 351, 361, 366
Ван Кол Г. Х. 531, 533, 534
Варлен Э. 109, 110, 113, 115, 117, 120, 126, 128, 133, 138, 149, 150
Варский А. 245
Васильев Н. 343
Вахенхайм Г. 634
Вебб Б. 67, 70, 304, 316, 632, 633
Вебб С. 67, 70, 304, 316, 444, 632, 633
Вегман А. 481
Вейль Ж. 204, 436
Вермелин А. 277
Верморель О.-Ж.-М. 109, 111, 113, 135
Вернек Содре Н. 471
Веселовский Б. 246
Вестерстоль Й. 227
Вёрисхофер Ф. 85
Вигдорчик Н. А. 364
Визгунова Ю. И. 472
Виленский Л. С. 590
Виллар К. 237, 282, 398, 399, 541, 640
Вильгельм II 50, 304
Вильмар Р. 475, 481
Винигер Ж. 481
Виноградов В. Н. 246, 406
Винокуров А. Н. 363
Винокуров П. И. 363
Винуа Ж. 129
Владимирский М. Ф. 363
Вовчик А. Ф. 386
Войтинская Э. С. 64
Войтинский В. С. 64
Волин М. С. 553, 556, 559, 562, 640
Волк С. С. 156, 338
Волкова В. В. 299
Вольгемут Г. 388
Вольнов 93
Вольтер Г. 235, 306
Вольтер Ф. М. 549
Воровский В. В. 363, 572
Воронцов В. П. 346, 350
Врублевский В. 149, 156, 189
Вудворт А. 447
Вудхалл В. 187
Выгодский В. С. 284
Вюйермоз Р. 519

Газенклевер В. 303
Гайндман Г. М. 242, 306, 408, 461, 531, 532, 543
Галифе Г. 312
Гамбетта Л. М. 109, 121, 122
Ганшин А. А. 351
Гапон Г. А. 447
Гарди Дж. К. 242, 406, 407
Гарибальди Дж. 128
Гарни Дж. Дж. 208
Гароди Р. 608, 631
Гарсиа Канту Г. 484
Гарсиа Коста В. 478, 479
Гассельман В. 305
Гегель Г. В. Ф. 289
Гед Ж. 48, 204, 236, 237, 256, 279, 282, 315, 398, 454, 456, 484, 541
Гейдон Л.-А. 519
Гейер Д. 600
Гейзер Б. 303
Геймар А. 608
Гейне В. 311
Гейне Ф. 635
Георгиев Г. 417
Георгиу Ш. 415
Гепнер А. 190
Гертман Н. Б. 354
Гертнер П. 436
Гибеш И. 239
Гильдебранд Г. 535
Гильом Дж. 190, 191, 476
Гильфердинг Р. 34
Гирш М. 225
Гитшамаанд Э. 523
Гладстон У. Ю. 155, 185
Гобсон Дж. 84
Говардена В. К. 504
Гогенлоэ Х. 377, 379
Гольдберг Д. И. 216, 419, 420
Гольдштейн И. И. 40
Гомес Д. 513
Гомперс С. 221, 385, 424
Гонсалес А. 177
Гончаров Н. П. 155
Горц А. 639
Граф Г. 63
Григорьева И. В. 178
Гроб Г. 637
Груссе П. 152
Грэн А. 634
Гуансюй 494
Гусев С. И. 594
Гусейнов А. А. 498, 506, 512
Гэй П. 634

Давид Э. 311, 535
Давидсон А. Б. 521, 524
Дагу Ж. 521, 522
Далин В. М. 426
Дан Ф. И. 570
Даниельсон А. 238
Даниельсон Н. Ф. 338, 346
Дарбуа Ж. 149
Дарвин Ч. Р. 93, 98
Дарио Р. 479
Датт Р. К. 499
Даффи Ф. 526
Дашиньский И. 415
Де Брукер Л. 408
Дебс Ю. 243, 405, 406
Девиль Г. 277, 280, 282
Дейч Л. Г. 340, 590
Дейч Ю. 211, 225, 232
Дейчфорн Й. 635
Делаэ П.-Л. 115, 181
Делеклюз Ш. 109, 116, 135, 148, 149
Де Леон Д. 242, 404, 405
Дельсин Л. 204, 213, 214, 259
Де Ман А. 408
Дени П. 111
Де Пап С. 196, 238, 266
Де Поттер Л. 171
Дессаль М. 149
Дестрэ Ж. 409, 435
Дешен Л. 445
Джефрис Дж. Б. 60, 377
Джинджер Р. 405
Джолитти Дж. 50, 378
Джонс Э. Ч. 188
Джордан З. А. 601
Джордж Г. 98
Дзержинский Ф. Э. 415, 441
Диас П. 485

Диас Э. 482, 483
Дикштейн Ш. 277
Дицген И. 189, 255, 278, 280, 299
Дмитриев С. С. 326
Добролюбов Н. А. 345
Домбровский Я. 148, 149, 156
Домманже М. 269
Дотри Ж. 127
Драгович Р. 416
Дрейфус А. 48, 51, 398, 541
Дубровинский И. Ф. 363
Дуисберг К. 40
Дункер Ф. 225
Дурново И. Н. 441
Дюваль Э. 116, 133, 146
Дюкло Ж. 158, 199, 425, 520
Дюпон Э. 107, 109, 188, 189
Дюринг Е. К. 275, 287, 570

Евзеров Р. Я. 246, 301
Енджеевский Б. 415
Ермолаев В. И. 475, 486
Ермолаева Р. А. 640

Жаклар Ш.-В. 133, 156, 266
Желицки Б. И. 203, 240, 256
Желубовская Э. А. 108, 113
Жид Ш. 436
Жоаннар Ж.-П. 117
Жорес Ж. 307, 398, 400, 451, 454, 455, 461, 541, 542
Жуа П. 443
Жуйков Г. С. 342, 365

Зайдель Р. 482
Зайлер Г. 63
Заказникова Е. П. 503
Заломов П. А. 94
Запорожец П. К. 361
Заславский Е. О. 243
Зассенбах Й. 427
Засулич В. И. 96, 245, 266, 340, 342, 343
Захарова А. И. 563
Зеебер Г. 235
Зильбербауэр Г. 448
Зингер П. 307, 461
Зиновьев Б. И. 362
Зирнель Ж. 444
Зобнина Г. М. 640
Золя Э. 541
Зомбарт В. 423, 636, 639
Зорге Ф. А. 189, 190, 280
Зорина А. М. 472, 488
Зубатов С. В. 321
Зубок Л. И. 206, 221, 222, 404, 423, 640

Иванов И. П. 216
Иваншин В. П. 572, 573
Иглесиас П. 183, 240, 266, 280, 402, 461
Игнатов В. Н. 340
Инхеньерос Х. 479
Иовчук М. Т. 631
Иодко-Наркевич В. 415
Искаро Р. 468, 471, 474, 476, 481, 485, 486
Исламов Т. М. 413
Итенберг Б. С. 155, 156, 244

Йеловиц А. 77
Йованович К. 416
Йорк Т. 222

Кадар Я. 413
Кадемаратори Х. 491
Калинин М. И. 351
Кальвиньяк 213
Камелина З. 117, 213
Канделоро Дж. 88, 230, 241, 443
Карнеги Э. 378
Карник В. Б. 511
Карпенко 93
Карышев Н. А. 346
Кастио А. 171
Катаяма С. 96, 230, 231, 247, 419, 420, 460
Каутский К. 84, 158, 159, 277, 278, 280, 300, 312—314, 316, 367, 395, 435, 450, 454, 455, 461, 536, 555, 632
Кауфман А. С. 499
Кафьеро К. 277
Кацлерович Т. 416
Квелч Г. 242, 461
Квинт Г. 404
Келлер Ш. 117
Кертман Л. Е. 407, 640
Кипнис Дж. 406
Кирков Г. 417
Киркуп Т. 632
Киселев В. И. 500
Клафлин Т. 187
Клепикова В. И. 622
Кливленд Г. 378
Клима А. 238
Климанов Е. А. 270, 343
Клюзере Г.-П. 117, 123, 146, 148
Книжник-Ветров И. С. 156
Книпович Л. М. 572, 590
Кнудсен П. 281
Князев В. А. 362
Коваль Б. И. 472, 481
Ковальченко И. Д. 325, 326
Козик А. К. 32
Козьмин Б. П. 333
Коллонтай А. М. 429
Колпинский Н. Ю. 183, 184
Комбо А. 115, 117
Компер-Морель А. К. А. 635
Кон-Бендит О. 608
Конлин Дж. 635
Коннор Дж. Е. 623
Коньо Ж. 159
Конюшая Р. П. 338
Корвин-Круковская А. В. 156
Королев Ю. Н. 486
Корольчук Э. А. 244, 359, 362, 363
Коротеева А. Е. 189
Коста А. 241
Костин А. Ф. 375, 553, 608
Костяева А. С. 511
Коул Дж. Д. Х. 219, 632, 633, 634, 636
Коуп Р. К. 525
Красиков П. А. 452, 586, 587, 589
Красин Г. Б. 349
Краснуха В. П. 586, 587, 589
Кремье А. 119
Кремье Г. 124, 128
Кржижановская З. П. 570, 581
Кржижановский Г. М. 344, 348, 361, 581, 582, 587
Кривенко С. Н. 350

Кривогуз И. М. 269, 394, 408, 452
Кричевский Б. Н. 572
Кропоткин П. А. 96
Кроче Б. 637
Крупская Н. К. 344, 350, 360, 361, 369, 441, 563, 564, 571—573, 583—586, 592
Крус Э. 513
Крюгер 436
Кузьмин М. Н. 438
Кукушкин Ю. М. 240
Кулеман В. 436
Куллер П. 481
Кун И. А. Г. 476
Кундель Э. 253
Кунина В. Э. 186
Кунья И. 481
Кунья Э. да 481, 483
Кунэо Д. 477, 479
Куприянова Л. П. 425
Кускова Е. Д. 549, 550
Кучинский Р. 66
Кучинский Ю. 30, 60, 64, 66
Кэрнкрос А. К. 41

Лабриола Ант. 241, 279, 299, 301, 315
Лабриола Арт. 402
Лабрусс Э. 113
Лаверычев В. Я. 327, 330
Лавров П. Л. 156, 157, 338, 342
Ланге А. 71
Ландауэр К. А. 633, 636
Лапицкий М. И. 405
Лассаль Ф. 222, 253, 254, 281, 409
Лафарг Л. 269
Лафарг П. 100, 107, 117, 189, 194, 204, 214, 237, 266, 269, 279—282, 299, 301, 315, 365, 398, 455, 484, 540
Лашица А. 301
Лев XIII 442, 444
Леверде Э. 127
Левин Е. Я. 587, 588, 594
Левина Р. С. 40
Левинсон Г. И. 493, 513
Левковский А. И. 493
Левэн Р. 443
Легин К. 224, 225, 428
Ледебур Г. 540
Лезер Н. 634
Лейдлер Г. У. 635, 636
Лекрафт Б. 179, 185
Ленгник Ф. В. 372, 587
Ленин В. И. 7—10, 12—26, 33, 36—39, 41—47, 56, 58, 70, 76, 84, 91, 92, 99, 100, 102—104, 106, 107, 130, 136, 138, 145, 150, 151, 153, 157—159, 162, 170, 175, 193, 194, 199, 200, 205, 215, 217, 219, 235, 242, 243, 245, 261, 268, 274, 285, 286, 289, 297, 298, 300—302, 311, 312, 315—317, 320, 321, 324, 325, 328—334, 336—341, 343—363, 365—371, 373—375, 377—381, 383, 387, 389, 391, 394, 395, 397, 398, 404, 408, 414, 418, 420—422, 424, 425, 428, 430, 431, 434, 438, 439, 441, 442, 444, 449—452, 455, 461, 462, 466, 468, 469, 481, 492, 531, 533, 539, 544—578, 581—627, 629—632, 638, 639, 641—643
Леонтьев Л. А. 297
Лепешинский П. Н. 570, 572, 587, 588
Леру П. А. 275
Лесснер Ф. 107, 188, 189
Лефран Ж. 87
Леше П. 612
Либер М. И. 591
Либкнехт В. 107, 118, 171, 174, 202, 234, 250, 266, 278, 280, 281, 282, 306, 307, 312—314, 365, 477, 482
Либкнехт К. 396, 540
Лившин Я. И. 327
Лигу Д. 398, 635
Линг Л. 210
Лиссагаре П.-О. 128, 152
Локханде Н. М. 511
Лонг К. Д. 64, 74, 78
Лонге Ш. 113, 117, 189, 266
Лопатин Г. А. 93, 94, 338
Лорвин Л. 636
Лоренцо В. 180
Лугонес Л. 479
Луи П. 632, 633, 635
Луцкий В. Б. 515, 516
Льоренте Л. Х. 403
Люкс А. 481
Люксембург Р. 32, 246, 301, 312, 313, 315—319, 391, 414, 441, 456, 459, 461, 532, 538—540
Лядов М. Н. 363, 452
Лященко П. Н. 327

Магон Д. 242
Майский И. М. 230, 240, 439
Макдональд Дж. Р. 304
Мак-Доннел Дж. П. 186, 188, 189
Маккензи Г. 76, 77
Маккензи Н. 635
Маккинли У. 377
Маклин-и-Эстенос Р. 486
Малатеста Э. 476
Малон Б. 113, 115, 128, 236, 275
Малченко А. Л. 344
Малыш А. И. 297
Маммарелла Дж. 401
Манакорда Г. 241, 259, 262
Манн Т. 76, 219, 242
Манусевич А. Я. 640
Манцотти Ф. 635
Марианетти Б. 476
Маринеску Д. 415
Маркс К. 9—14, 16, 19, 22, 28, 35, 46, 51, 52, 57, 58, 63, 64, 69, 84, 86, 89, 91, 94, 96, 100, 102, 104, 107, 112, 116—118, 121, 123, 130, 133, 137, 138, 142—145, 148, 150—153, 156, 157, 160—173, 176, 179—181, 183—191, 193—195, 197—199, 202, 205, 222, 233, 234, 236, 240, 243, 251, 253—257, 259, 266, 275—280, 282—289, 291, 293, 295, 297—302, 309—313, 316—318, 337, 338, 340—342, 345, 346,

349, 350, 351, 354, 365, 380, 434, 438, 475, 477, 478, 481, 482, 484, 542, 544, 545, 553, 562, 578, 593, 599—603, 605, 607, 609, 619, 622, 626, 629, 632, 639, 641, 642
Маркс-Эвелинг Э. 242, 279, 280, 282
Мартен К. 113
Мартен П. 29
Мартенс Л. К. 372
Марти Х. 469, 489
Мартов Ю. О. 356, 362, 592, 595, 596
Мартынов А. С. 572, 591
Мархлевский Ю. 245, 441
Маршалл А. 438
Масе Ж. 439
Махновец Л. П. 595
Махов Н. И. 364
Махов (Калафати) Д. П. 593
Машкин М. Н. 519
Меер Г. ван дер 445
Мейер А. 601, 612
Мельников Ю. Д. 364
Мендельсон Л. А. 40, 69, 326
Меринг Ф. 100, 224, 280, 299, 300, 312, 316, 317, 540
Меркадо Э. С. 487
Мерлино С. 312
Меса Х. 183, 266
Месснер Й. 443
Мизиано К. Ф. 392
Милицина Т. 229, 426
Милонов Ю. И. 427
Миллер С. 634
Мильер Ж.-Б. 109, 111, 113, 120, 149
Мильеран А. 11, 304, 312, 395, 397, 398, 426, 451, 453, 454, 456
Миронов Б. Н. 91
Митчелл Д. 385
Мительман М. И. 270
Михайловский Н. К. 350, 351
Михалев Г. М. 640
Михалевский Б. Н. 79
Мицкевич С. И. 363
Мишель Л. 132, 156
Миядзаки М. 96
Моисеенко П. А. 215
Мокрани М. 519
Молет Ш. 448
Молинари Ж. 127
Молькенбур Г. 458
Момджян Х. Н. 299
Монтгомери Б. Дж. де 636
Мора Ф. 183, 403
Морган Дж. П. 39, 43
Морейс Г. 209, 210
Моро Э. 133
Морозов Н. А. 338
Моррис У. 242
Мортон А. Л. 208, 219, 269, 407
Мост И. 118, 234, 277, 287, 305
Моттелер Ю. 235
Муассонье М. 113, 124
Мухамеджанов М. М. 431
Мхитарян С. А. 507, 509
Мэтрон Ж. 113
Мюнхов У. 101
Мюнценберг В. 431, 432
Мюра Ш. 116

Наполеон III 106, 110, 148
Нахт З. 403
Небе О. 210
Нейхаус Г. 58
Некочеа Э. Р. 472, 473, 486
Немец А. 411
Непомнин О. Е. 456, 457
Нёрлунд И. 226
Никитина И. А. 522
Ницше Ф. 52
Новичев А. Д. 498, 501, 505, 512
Ногин В. П. 573
Ноллау Г. 639
Норинский К. 348
Носке Г. 535
Носков В. А. 586
Ноэль Б. 149
Нуньес де Аренас М. 403
Нусбаум М. 527
Ньювенгейс Д. 238, 271, 277

Обнорский В. П. 244
Оболенская С. В. 300
Обри Э. 109
Ованян С. В. 389
Овчаренко Н. Е. 298, 305, 309, 640
Оджер Дж. 179, 185
Озуф М. 439
Олеа Л. 486
Оливези А. 124, 125, 128
Ортис Р. М. 471

Пайпс Р. 600
Паласиос А. 479
Пальм А. 238
Панкратов В. П. 93
Пантин И. К. 337
Пароди М. 78
Парсонс А. 209, 210
Пасо Л. 477—479
Паудерли Т. В. 220, 221
Пейрет А. 476
Пекарский В. Ф. 437
Пеллинг Г. 634, 635
Пелутье Ф. 228
Пепин Т. С. 439
Перейра А. 481, 482
Пересветов Р. Т. 351
Перре А. 155
Персиц М. А. 93
Песчанский В. В. 59
Петерсон Н. 238
Петров А. Н. 96
Петросян Ю. А. 498
Пиа Ф. 109, 117, 147
Пилсудский Ю. 415
Пинтос Ф. Р. 472
Пиоло М. 228, 229
Писарев Д. И. 345
Пискунов А. И. 572
Плетнев Э. П. 102
Плеханов Г. В. 93, 100, 244, 245, 258, 266, 279—281, 299, 300, 315—317, 319, 320, 339—343, 349, 350, 352, 353, 356, 365—367, 451, 452, 456, 460, 461, 548, 551, 554, 556, 562, 573—577, 581, 590, 594, 597
Плеханова Р. М. 365
Победоносцев К. П. 97
Поблете Тронкосо М. С. 485, 491
Подолянин 564
Полевой Ю. З. 334
Пономарев Б. Н. 626
Поллан О. 635
Попп А. 101
Постников В. Е. 346
Потапенко В. А. 156

Прадо Х. дель 472
Прайс Дж. 635
Принц Ф. 447
Прокаччи Дж. 640
Прокопович С. Н. 555
Прокофьев С. И. 363
Прошин В. И. 270
Прудон П.-Ж. 111, 116, 117, 409
Пузакова Р. К. 328
Пухлов Н. Н. 216, 246

Раджоньери Э. 401
Радченко И. И. 571, 573, 582, 586, 587, 589
Радченко С. И. 348, 361
Радчун Г. 301
Райсберг А. 640
Раньье Г. 147
Ранки Дж. 32
Раунтри Б. С. 72
Рашин А. Г. 55
Ребайн Ф. 101
Ребрикова Н. В. 500, 502, 508, 509
Рейес И. де лос 513
Рекабаррен Л. Э. 485, 486
Реннер К. 543
Рерих А. Э. 584
Рети Л. 640
Рив К. 404, 640
Риверо Муньис Х. 472, 488, 489
Риго Р. 149
Ригола Р. 229
Рингроуз Г. Дж. 523
Риттингаузен М. 111
Родригес Л. 481
Родс С. 84
Розанов М. Д. 387
Роиг Сан-Мартин Э. 488
Рокфеллер Дж. Д. 39
Роланд-Гольст Г. 457, 461
Рорбах П. 526
Россель Л.-Н. 146
Ротфельс Г. 637
Ротштейн Ф. А. 79
Ротштейн Э. 640
Рошфор А. 109
Ру Ш. 515
Рубинштейн М. 85
Руднев В. С. 497
Ружери Ж. 113
Рузвельт Т. 377, 378, 385
Руссо В. 397
Рютен Ж. 445

Сажин М. П. 156
Сакызов Я. 417
Самойлов Ф. Н. 90
Сантарелли Э. 640
Сапиа Т.-Э. 127
Саралиева З. Х. 283
Сартр Ж.-П. 639
Святловский В. В. 325, 427
Себа П. 516
Серви В. 408
Серебряный А. Я. 220
Серрайе О. 120, 145
Серф А. 133
Сибом Р. Б. 435
Сивачев Н. В. 376
Сидоров А. Л. 328, 332
Сильвин М. А. 348, 349, 358, 570
Симон Д. 62
Симон Ж. 119
Симонс Г. Дж. 524, 525
Симонс Р. Э. 524, 525
Синха Л. П. 505
Скерлич Й. 416
Соваже Ж. 608
Сорель Ж. 638
Спандолини Дж. 637
Спонти Е. И. 363
Старков В. В. 344, 348, 361
Стасова Е. Д. 584
Степанов В. Н. 563
Степняк-Кравчинский С. М. 96, 338, 342
Стопани А. М. 587
Струве П. Б. 354—356, 639
Стюарт У. 406
Суворов К. И. 332
Суизи П. М. 639
Сунь Ят-сен 494
Суслов М. А. 596, 599
Суслова Ф. М. 371
Суэхиро Н. 231
Сэчс Э. С. 522
Сюллеро Э. 56

Таймер В. 635
Талмуд Э. Д. 508
Тальми В. 232
Тарновский К. Н. 326
Тартаковский Б. Г. 265, 342
Тафт П. 637
Тейс А.-Ф.-Ж. 116
Терсен Э. 127
Техада Л. де 484
Техера Д. В. 488, 489
Тимофеев И. И. 343
Тинтуэн Р. 518
Ткаченко В. П. 317
Толен А.-Л. 116, 128
Тольятти П. 401, 402
Тома Ж.-Л.-К. 132
Тома Э. 156
Томановская (Дмитриева) Е. Л. 142, 156
Томас С. 29
Томпсон В. 498
Томпсон Л. М. 523
Томпсон Э. П. 637
Торо К. дель 488
Точисский П. В. 245, 343, 440
Трапезников С. П. 437
Трембат Дж. Ф. 523
Трепов Д. Ф. 96
Тридон Э.-М.-Г. 109, 127, 133, 146
Трир Г. 238
Тросс А. 35
Трошю Л.-Ж. 118, 119
Туньон де Лара М. 403
Туполева Л. Ф. 242, 306
Турати Ф. 312, 400
Туцович Д. 416
Тучапский П. Л. 364
Тьер Л.-А. 119, 120, 128, 129, 131, 132, 147, 149, 152—154, 481
Тышка К. 66, 68
Тэйт Дж. 208, 219, 269, 407

У Ба Све 503
Уилликокс У. 516
Уилсон Ф. 521
Улам А. Б. 608
Ульман Г. С. 365
Ульянов А. И. 340, 346
Ульянова-Елизарова А. И. 363
Унгвицкая А. Я. 65
Уотсон Э. 525
Уроева А. В. 276
Уррутиа Монтойа М. 487
Урьяс Е. Л. 409
Утин Н. И. 155
Ушаков А. В. 615

Фавр Ж. 119, 149, 174
Фаркаш К. 189
Федосеев Н. Е. 245, 343, 344, 346, 370
Фейербах Л. 289
Фейс Г. 42
Фелпс Браун Э. Г. 60
Ферре Т.-Ш.-Ж. 127, 149
Ферри Ж. 119
Ферри Э. 402, 454
Фёрстер А. 223
Филден С. 209, 210
Фирек Л. 287, 303
Фишер А. 210
Фишер К. 101
Фишер Э. 622, 631
Флеровский Н. 94
Флехтгейм О. К. 608
Флуранс Г. 109, 116, 120
Фольмар Г. 295, 304, 307, 311
Фомин В. 348
Фонер Ф. С. 72, 82, 210, 211, 222, 282, 424, 440, 640
Фонтес С. 482
Фостер У. З. 221, 404, 456, 640
Франкель Л. 117, 134, 142, 143, 153, 154, 156, 189, 240, 266
Франс А. 440
Фридлендер М. 528
Фридман Л. А. 518
Фрикке Д. 222, 224, 233, 261, 262
Фриму И. К. 415
Фрицше Ф. 287
Фунтиков С. И. 362

Халтурин С. Н. 244, 245
Хальбвакс М. 66
Хантер Р. 72
Харди Дж. 84
Харрисон У. Г. 525
Хатт А. 219
Хаупт Г. 482
Хаутон Д. Х. 521, 522
Хачатуров Т. С. 326
Хашимов И. 456, 457, 501, 509, 512
Хейвуд У. Д. 77, 405, 406
Хейлз Дж. 185, 188, 193, 196
Хейс 188
Хельмс Э. 256
Хемала Ф. 226
Хессельбарт Г. 307
Хессельбах В. 436
Хехберг К. 234
Хикс К. 448
Хилквит М. 405
Хиральдо С. 487
Хобсбом Э. Дж. 66, 74, 75, 79, 640
Хромов П. А. 326, 327
Хуарес Б. 484
Хусто Х. Б. 478—480
Хэймсон Л. 608

Цеткин К. 100, 266, 280, 312, 315, 396, 540
Цирульник Р. Я. 391
Цукерник А. Л. 327
Цы Си 395, 494

Чакон В. 482
Чарный И. С. 527
Чернышевский Н. Г. 337, 345
Чичерин Г. В. 432
Чубинский В. В. 314

Шапиро Л. 608
Шаповалов А. С. 79, 87, 92, 94
Шапошникова В. Н. 583
Шапошникова Л. В. 456, 457, 501, 509, 512
Шарма Л. К. 509, 514
Шастене Ж. 119
Шваб Ю. 210
Шей А. 118
Шелгунов В. А. 343, 348, 358, 362
Шелгунов Н. В. 344
Шенланк Б. 307
Шепелев Л. Е. 327
Шерман Дж. 39, 62, 376, 423
Шиллер Р. 431, 432
Шиппель М. 311, 535
Шитов Н. Ф. 622
Шлайфштайн Й. 300, 317
Шлезинджер А. 636
Шлепаков А. Н. 81, 82
Шмидт Г. 635
Шмидт К. 313, 315, 316
Шнайдер Н. 481
Шнеерсон А. А. 583
Шоде Г. 116
Шолле З. 238, 411
Шорова К. 418
Шотман А. В. 590
Шоу Дж. Б. 304, 543
Шпис А. 209, 210
Шрамм К. А. 234
Шрёдер В. 224, 235
Штайнер Г. 71, 239
Штейнберг Г.-Й. 635
Шульце-Делич Г. 436
Шури М. 111

Щеколдин Ф. И. 571

Эвелинг Э. 242, 279, 280, 282
Эд Э.-Ф.-Д. 116, 133, 146
Эйдельман Б. А. 364
Эккариус И.-Г. 107, 185, 187, 196
Эло 519
Элленбоген В. 455
Энгель Дж. 210
Энгельс Ф. 9—13, 16, 19, 22, 28, 45, 46, 51, 52, 58, 59, 67, 69, 71—74, 76, 82—86, 88, 95, 100, 102, 107, 118, 121, 130, 136, 137, 140, 145, 152, 157, 160—163, 165, 166, 168, 170, 171, 173, 176, 179, 181, 183—186, 188—191, 193—195, 197—199, 202, 203, 205, 207, 213, 218, 223, 226, 233, 234, 239, 240, 243, 248, 250, 251, 253—257, 259, 260, 266, 268—271, 273, 275—282, 284, 286—301, 303—306, 308—310, 332, 337, 338, 340—343, 346, 349—351, 365, 368, 380, 449, 471, 475, 481, 482, 530, 533, 536, 542, 545, 562, 570, 578, 600, 602, 607, 609, 619, 622, 626, 628, 629, 632, 639, 641, 642
Энгельберг Э. 235, 306
Эндрюс У. Г. 525
Эрве Г. 47
Эскирос А. 124, 125
Эш П. ван дер 635, 636

Южаков С. Н. 346
Юзефович И. С. 430

Яжборовская И. С. 246, 301, 414, 640

Книга подготовлена к изданию
группой научных сотрудников
Института международного рабочего движения АН СССР

В редакционно-технической
и вспомогательной работе участвовали:
Л. В. ГОЛОСКОВА
И. А. ГУРЬЯНОВА
И. Я. ДАБАГЯН
Л. А. ЗЕЛЕНЦОВА
Н. С. КОВАЛЕВА
Т. П. КУРОЧКИНА
Л. С. КРЕМНЕВА
Л. В. МАКУШИНА
Т. А. ТИМОФЕЕВСКАЯ

Составитель именного указателя
Н. В. МЫЛАРЩИКОВА

Бригадиры тома
Н. Н. ТАРАСОВА
Л. В. НЕВЕРОВА

Координация научно-организационной работы
проводилась под руководством
Л. Т. КАРАБАНОВОЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 7

Часть первая

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ УСЛОВИЙ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ 27

Глава первая

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СДВИГИ 28

УСКОРЕНИЕ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И УСИЛЕНИЕ НЕРАВНОМЕРНОСТИ ИХ РАЗВИТИЯ . . . . . —
ПЕРЕХОД К ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТАДИИ 34
ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ БОРЬБЫ РАБОЧЕГО КЛАССА 45

Глава вторая

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО КЛАССА 53

РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ ПРОЛЕТАРИАТА И ИЗМЕНЕНИЯ В ЕГО СОСТАВЕ . . . . . —
УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И ТРУДА 59
РАБОЧАЯ АРИСТОКРАТИЯ 72
РАБОЧИЙ КЛАСС В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ 80
В ФОКУСЕ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ 96
ВСЕМИРНЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ 101

Часть вторая

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ МИРОВОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ 105

Глава третья

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА 106

КРУШЕНИЕ ВТОРОЙ ИМПЕРИИ. ФРАНЦУЗСКИЙ РАБОЧИЙ КЛАСС И ИДЕЯ КОММУНЫ 108
ПАРИЖСКИЕ РАБОЧИЕ У ВЛАСТИ 129
МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ СОЛИДАРНОСТИ С ПАРИЖСКОЙ КОММУНОЙ 151

Глава четвертая

ОПЫТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ И РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ. I ИНТЕРНАЦИОНАЛ В 70-х годах 161

НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА МАСС . . . . . —
НОВЫЕ УСЛОВИЯ БОРЬБЫ 173
ТОРЖЕСТВО МАРКСИСТСКИХ ПРОГРАММНЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ 179

ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ С АНАРХИЗМОМ 192
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА 197

Часть третья

РАБОЧЕЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОСЛЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 201

Глава пятая

НАКОПЛЕНИЕ СИЛ ПРОЛЕТАРИАТА 202
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА ПОРОГЕ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. . . . . —
ПОДЪЕМ МАССОВОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ 207
РАЗВИТИЕ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ 217
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ. 232
ПРОГРАММНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ 251
НОВЫЕ ФОРМЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ. СОЗДАНИЕ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА 263

Глава шестая

МАРКСИЗМ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ОППОРТУНИЗМА. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ 275
РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА ВШИРЬ . . . . . —
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОБЩЕНИЕ НОВОГО ОПЫТА 283
НОВАЯ СТАДИЯ БОРЬБЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ И ОППОРТУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИЙ 301
МАРКСИЗМ ПРОТИВ РЕВИЗИОНИЗМА 309

Часть четвертая

НОВАЯ ФАЗА МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ. НАЧАЛО ЛЕНИНСКОГО ЭТАПА В РАЗВИТИИ МАРКСИЗМА 323

Глава седьмая

ВСТУПЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В ПРОЛЕТАРСКИЙ ЭТАП 324
ПРЕДПОСЫЛКИ ПРЕВРАЩЕНИЯ РОССИИ В СЛАБОЕ ЗВЕНО ИМПЕРИАЛИЗМА . . . . . —
ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В РОССИЙСКОМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ В 70-х — НАЧАЛЕ 90-х годов 332
ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ЛЕНИНА. ПЕТЕРБУРГСКИЙ «СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА» 345
ОБРАЗОВАНИЕ РСДРП 361

Глава восьмая

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ, США И ЯПОНИИ НА РУБЕЖЕ XIX и XX вв. 376

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ 376
ЗАБАСТОВОЧНАЯ БОРЬБА 382
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ПРОЛЕТАРИАТА 393
ПРОФСОЮЗЫ И ДРУГИЕ МАССОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧЕГО КЛАССА 421
Профсоюзное движение . . . . . —
Женское движение 428
Движение рабочей молодежи 429
Кооперативное движение 433
Культурно-просветительные организации 437
ВЛИЯНИЕ ЦЕРКВИ НА РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 441
II ИНТЕРНАЦИОНАЛ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ XX в. ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО И ОППОРТУНИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЙ. 448

Глава девятая

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В КОЛОНИАЛЬНЫХ И ЗАВИСИМЫХ СТРАНАХ. НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС 464
ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗОВАННОГО ПРОЛЕТАРСКОГО ДВИЖЕНИЯ . . . . . —
Латинская Америка 466
Азия 491
Африка 514
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ 529

Глава десятая

СОЗДАНИЕ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ — ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ НОВОГО ТИПА 547
ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН ОБРАЗОВАНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МАРКСИСТСКОЙ ПАРТИИ РОССИЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА 548
«ИСКРА» — ЦЕНТР СПЛОЧЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ В РОССИЙСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ 557
СОЗЫВ II СЪЕЗДА РСДРП. ВОЗНИКНОВЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА. 582

Глава одиннадцатая

ЛЕНИНИЗМ И ВАЖНЕЙШИЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв. 600
ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ . . . . . —
ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ О ПАРТИИ НОВОГО ТИПА И ЕГО МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ 607
ОБОСНОВАНИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПРОЛЕТАРИАТА 613
ЛЕНИНИЗМ И ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ . . 621

Глава двенадцатая (заключительная)

РАБОЧИЙ КЛАСС В АВАНГАРДЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА 627

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 644

Международное рабочее движение. Вопросы истории
М 43 и теории. В семи томах. Глав. ред. комиссия: Б. Н. Пономарев (пред.) и др. Т. 2. Рабочее движение в период перехода к империализму (1871—1904). М., «Мысль», 1976.
654 с. (АН СССР. Ин-т междунар. рабочего движения)

В томе, охватывающем период от Парижской Коммуны до первой русской революции, всесторонне исследуются важные процессы, характеризующие превращение пролетариата в авангард общественного развития, дан сравнительный анализ рабочего движения разных регионов. Прослежены рост влияния марксизма, становление и развитие социалистических партий, профсоюзов и других рабочих организаций. Особое внимание уделено борьбе российского пролетариата, творческому развитию марксизма В. И. Лениным и созданию партии большевиков, открывшим новый этап в мировом революционном процессе.

М $\frac{\text{10303-210}}{\text{004(01)-76}}$ **подписное** **9(М)+9(М)32**

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории
В семи томах

Том второй

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ
В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА
К ИМПЕРИАЛИЗМУ

Заведующий редакцией А. В. ВАРШАВСКИЙ
Редактор Г. П. НОВИКОВА
Младший редактор А. П. ОСИПОВА
Оформление художника В. М. ДОБЕРА
Художественный редактор Н. В. ИЛЛАРИОНОВА
Технические редакторы А. В. ЛАРИНА, Ж. М. КОНОБЕЕВА
Корректоры Т. М. ШПИЛЕНКО, Н. С. ПРИСТАВКО

Сдано в набор 12 мая 1976 г. Подписано в печать 16 сентября 1976 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типогр. № 1. Усл. печатных листов 41. Учетно-издательских листов 47,06. Тираж 30 000 экз. А 08142. Заказ № 253. Цена 3 р. 60 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.